Russ. 282 g

василія Слезнева.

№ 705.

<36606665610014

<36606665610014

Bayer. Staatsbibliothek S

1080 Бур. т. V 1300.

65

ОПЫТЪ
ПОВѢСТВОВАНІЯ
О
РОССІИ.

КНИГА I. — 3.

Сочиненїе Ивана Елагина, начатое на 65 мъ году отъ его рожденїя, лѣта отъ Р. Х. 1790,

ДВОРА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Оберъ-Гофмейстера.

Je déclare, que mon desſein est de m'attacher fidelement à la vérité et d' éviter avec le même ſoin les partialités de la faveur et celles de la haine.

De Thou . . . Hist. Univers. T. 1. *p.* 1.

МОСКВА, 1803.
Въ Университетской Типографіи.
Издано иждивенїемъ Содержателей ея,
Любїемъ, Гарїемъ и Поповымъ.

N/51/559

По возложенной отъ Господъ Кураторовъ на меня должности, я разсматривалъ книгу, подъ заглавіемъ: *Опытъ Повѣствованія о Россіи, Книгу I. II и III*, и не нашелъ въ ней противнаго наставленію, данному мнѣ о печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгахъ. Коллежскій Совѣтникъ, Профессоръ и Цензоръ,

Антонъ Прокоповичь-Антонской.

Bayerische Staatsbibliothek MÜNCHEN

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

Приношеніе Премудрости. - - III

Предувѣдомленіе Читателю. - - V

Всеобщее въ повѣствованіе вступленіе.

ОТДѢЛЕНІЕ I. О причинѣ разсѣянія народовъ по потопѣ. - - 3

— — — II. Начало и постановленіе многобожія. - - - 9

— — — III. О непорочномъ источникѣ многобожія. - - - 15

— — — IV. О разсѣявшихся народахъ по землѣ и о пришествіи въ Сѣверъ жителей. - 20

— — — V. О сомнительномъ рода человѣческаго изчисленіи. - 27

— — — VI. О населеніи Сѣвера. - - 33

Баснословное повѣствованіе о древности народа Рускаго.

КНИГА I.

ГЛАВА I. Откуда произошелъ народъ Руской, и гдѣ первое его было жилище? - - - - 45

——— II. Начало постановленія политическаго Славяно-Рускаго тѣла. - 61

——— III. О народахъ, обитавшихъ до пришествія Славяно-Руссовъ въ Сѣверъ, и о покореніи оныхъ. - 85

——— IV. О первомъ и второмъ запустѣніи Славянска и Старыя Руссы. 93

——— V. О правленіи, какое по созданіи Новаграда предполагать надлежитъ. - - - 101

)(

Оглавленіе.

Стран.

КНИГА II.

ГЛАВА І. Предварительное разсужденіе, до начала вѣроятнаго и потомъ несомнѣнно истиннаго повѣствованія нашего касающееся. - - 127

—— II. Начало повѣствованія до Гостомысла, Князя Новоградскаго. - 134

—— III. Княженіе Гостомысла до Рюрика. 143

—— IV. О созданіи Кіева и началѣ Рускаго повѣствованія. - - 151

—— V. Правленіе Рюрика, первымъ Великимъ Княземъ нареченнаго. - 165

—— VI. Великій Князь Игорь I, подъ опекою дяди своего, Князя Олега. 178

—— VII. Продолженіе Княженія Игорева. 213

—— VIII. Святославъ I й сего имени, пріявъ по отцѣ престолъ, отмщаетъ съ матерью смерть его Древлянамъ. - - - 245

—— IX. Ольгино путешествіе къ Изборску. Созданіе Пскова, и въ Царьградъ, для воспріятія вѣры, шествіе. - - - - 261

—— X. Походы Великаго Князя Святослава. - - - - - 273

—— XI. Печенѣги осаждаютъ Кіевъ, и Ольга съ дѣтьми Святославли въ опасности. Претичь, Воевода Черниговскій, ихъ освобождаетъ. - - - - - 282

—— XII. Святославъ по смерти матери распоряжаетъ Государствомъ, идетъ въ Переяславецъ, и на возвратномъ оттуда пути лишается жизни. - - - 292

КНИГА III.

ГЛАВА I. Содержащая пріуготовленіе ко всеобщему Владиміромъ Россіи крещенію. - - - - 321

Оглавленіе.

Стран.

ГЛАВА II. Княженіе Ярополка Святославича. 328

——— III. Начало Княженія Владиміра I., Великимъ нареченнаго. - - 346

——— IV. Суевѣріе въ идолопоклонствѣ Владиміра перваго. - - - 368

——— V. Воинскіе подвиги Владиміровы до начала разсмотрѣнія вѣръ. - 371

——— VI. Разсмотрѣніе вѣръ до крещенія Владимірова. - - - - 375

——— VII. Разсужденіе о выше предложенномъ. - - - - - 390

——— VIII. Приступъ ко крещенію Владимірову. - - - - - 399

——— IX. Бракъ и крещеніе Владимірово. 414

——— X. Крещеніе Кіева и сыновъ Владиміровыхъ съ заведеніемъ училищь. - - - - - 420

——— XI. По крещеніи Кіева предпріятое всей Россіи крещеніе и другія политическія Владиміромъ учрежденія. - - - - 427

——— XII. Воинскіе подвиги Владиміровы и прочія до окончанія его жизни произшествія. - - - 439

ПРИНОШЕНІЕ ПРЕМУДРОСТИ.

Твоему, божественная Софія, предвѣчная Всемогущему неба и земли Зиждителю присущность, внушенію повинуясь, воспріялъ я трудъ Повѣствованія о Отечествѣ нашемъ; да подъ руководствомъ Твоимъ изображу дѣянія Государей и Героевъ нашихъ, представя потомству въ истинномъ ихъ житии и видѣ, лестію не украшенномъ и злобою не обезображенномъ, и Тебѣ трудъ мой посвящаю. Ты будь ему покровительница; Ты поборствуй по немъ; Ты пріосѣни его страшнымъ щитомъ своимъ, когда ѣдкая ненависть, злобная зависть и неправосудія жестокость отрыгнутъ противъ трудившагося зловредныя, правду гонящія козни. Не попусти злости ихъ невинныя терзать его памяти; не попусти яду ихъ умерщвлять его совѣсть, и злобно исторгать его изъ числа Писателей безстрастныхъ и безкорыстныхъ. Ты святымъ своимъ ученіемъ награди знанія моего недостатки; украси слогъ мой священною

своею важностію, и увѣнчай цвѣтами краснорѣчія Твоего жертву, Тебѣ приносимую. Ты влей въ читающихъ вѣщаніе мое кроткаго снизхожденія благопріятность, да при строгомъ опыта моего разборѣ простятъ могущія быть въ мысляхъ и сказаніяхъ моихъ погрѣшности, да припишутъ хладъ слога моего зимѣ лѣтъ согбеннаго старца; а усердіе его, занять пользою праздное ихъ время, да воспріимутъ вмѣсто дара совершеннаго, и подносящему да воздадутъ благосклонностію!

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ ЧИТАТЕЛЮ.

Не тщеславіе, но непривычка къ праздности и времени избытокъ суть виною сего сочиненія. Они возобновили во мнѣ бывшую въ молодости моей ко чтенію всемірнаго повѣствованія охоту, которая отправленіемъ разныхъ въ отечествѣ нашемъ должностей прервана была. Хотя сопряженныя со многими болѣзнями лѣта въ хладной старости и освобождаютъ невольно человѣка отъ всяческаго служенія, но пріобыкшаго къ трудолюбію отъ возможнаго не освобождаютъ труда. Сію, благосклонный Читатель, истинну испыталъ я надъ собою. Не взирая на то, что я всю тягость лѣтъ и болѣзней, яко природныхъ человѣчеству враговъ, непрестанно ощущаю; однако не могу еще ни на минуту быть безъ работы. Принужденный часто находиться въ уединеніи, провождаю съ великимъ души услажденіемъ въ чтеніи оставшіеся жизни моея часы. Книги суть неизмѣнные человѣку собесѣдники и друзья, никогда его не оставляющіе. Читая повѣствованія міра сего, въ размышленіяхъ забываю естественныя скорби разслабленнаго моего тѣла, и имъ единственно услаждаю горесть души, въ бренной сей темницѣ заключенной. Чтеніе сіе, спокойство духа моего питая, умерщвляетъ мало по малу сердечныя честолюбія тревоги и мірскихъ

Состояніе творца.

суетностей вождѣлѣнія. Но какое чтеніе можетъ быть къ сему полезнѣйшее, и какое пріятнѣйшее упражненіе можетъ замѣнить веселія мірскія, какъ токмо созерцаніе прошедшихъ вѣковъ живописи, дѣянія человѣческія и суету міра сего намъ изобразующія? А притомъ какое можетъ быть и созерцаніе очамъ нашимъ прелестнѣйшее, какъ картина дѣяний собственнаго своего Отечества? Правда, вкусы человѣческие во всѣхъ вещахъ своенравны суть; но вкусъ чтенія любителей, въ нѣкоторое житія ихъ время, едва ли не общественно къ роду повѣствованія обращается; ибо въ немъ находятся и добродѣтели и пороки въ высочайшихъ степеняхъ; и Читатель, чудясь первымъ и о гнусности послѣднихъ жалѣя, принуждается изслѣдовать самого себя, и мысленно дѣлами своими или веселится, или гнушается, снося ихъ со изображенными въ повѣствованіи. Такъ по крайней мѣрѣ разсуждая по своимъ чувствамъ, вникъ я въ сіе изящное для меня ученіе; прочелъ со вниманіемъ многихъ и древнихъ и новыхъ, и внѣшнихъ и своихъ о Россіи Писателей, ища въ нихъ

Каковы Писатели о Россіи?

того, что можетъ удовлетворить и желанію и любопытству Читателей; но не нашелъ въ чужестранныхъ, кромѣ незнанія, или завистливыя ненависти, и рѣдко правду, на презрѣніи однакожь всегда основанную, а въ нашихъ ничего дѣяніямъ достойнаго; нѣтъ въ нихъ ни слога приличнаго, ни описаній важности,

ни верви, повѣствованію свойственной, ниже внимательнаго къ разбору дѣлъ и къ услажденію Читателя старанія. Слабое въ лѣтописяхъ изображеніе лицъ дѣйствующихъ весьма недостаточно къ возбужденію страстей правилами витійства, отъ Писателей требуемаго; и самыя предлагаемыя безъ причинъ и порядка дѣйствія не довольны къ удовлетворенію любопытства. Что въ томъ пользы, хотя нѣкоторые изъ новыхъ Дѣеписателей и являютъ великое въ сочиненіяхъ своихъ желаніе предать потомству славныя Государей дѣянія, народа съ небреженіемъ? Какая въ томъ нужда, что они, хотя и похвальнымъ ревніемъ распаленные, стараются внесть дѣла и житія Героевъ нашихъ во храмъ незабвенныя памяти, какъ ежели они безъ разбора и Владиміра Перваго и Грознаго Іоанна одинакими вѣнчаютъ лаврами; какъ ежели они и мятежнаго Хованскаго и поборствовавшаго по Новоградской вольности Борецкаго, едиными изобразуютъ красками; и наконецъ, какъ ежели они ни дѣяніямъ народнымъ, ни дѣйствіямъ Государскимъ достаточныхъ причинъ не предлагаютъ, ниже къ изслѣдованію и открытію оныхъ касаются? Списки единаго Писателя съ другаго, безъ отверстія души дѣйствующія особы, не могутъ ни трудамъ Писателя принесть славы, ни Читателю удовольствія. Безполезно тратится время, когда читаемъ мы во многихъ разнолѣтныхъ спи-

скахъ повторенія изъ тогожъ Нестора, изъ тогожъ Никона, и въ одномъ порядкѣ, и въ маломъ слога разнствіи. Дворскія прошедшихъ временъ вѣдомости, обыкновенно повседневными записками издаванныя, услаждаютъ ли сердца наши? и приклоняютъ ли наше вниманіе обнародованные по тогдашнимъ обстоятельствамъ Указы, учрежденія и постановленія, древностію поглощенныя? Корыстны ли любопытству нашему грамоты Посольскія и союзы, въ вѣкахъ отдаленныхъ заключавшіеся, естьли все сіе не сопряжено съ побудительными причинами, со нравами, обычаями и другими многими вещьми, или къ разширенію, или къ обогащенію, или къ просвѣщенію государства служащими? Все сіе ничто иное есть, какъ безполезное суесловіе. Такое нерастворенное убѣдительными дѣяній причинами, любомудрыми и политическими разсужденіями, законовъ и правъ естественныхъ и гражданскихъ приводами, и не утвержденное притомъ неоспоримыми умозаключеніями, и солью пріятнаго краснорѣчія не уваженное повѣствованіе есть скука читателю и самому Повѣствователю посрамленіе. Еще и при наблюденіи вышереченнаго, великія требуется осторожности въ отношеніи къ верви повѣствованія; ибо не терпитъ оно запутанности приключеній, желая, чтобъ единое изъ другаго по лѣтамъ и порядку изтекало, и чтобъ *стороннія вмѣщенія*, подобно малымъ ручьямъ, великую

рѣку наполняющимъ, втекая въ главное, отъ памяти самую рѣку не удалили; а притомъ несносно ему о предлагаемыхъ вещахъ разсужденій хладныхъ излишество; оно желаетъ огня и важности, соразмѣрныхъ бытію предлагаемому; требуетъ пылкаго, но краткаго къ объясненію разсужденія и острыхъ умозаключеній; ибо Повѣствователь занимаетъ краткостію наше соображеніе и остротою разсудокъ. Онъ учитъ насъ любомудрію и политикѣ, но не вводитъ въ скучное училищь преподаяніе. Се есть существенная его должность! ибо подобаетъ ему, изслѣдуя бытію причины, извлекать вредныя или полезныя слѣдствія, и отверзая душу и сердце дѣйствующихъ лицъ, открывать добродѣтель къ подражанію и порокъ къ отвращенію; его легкой и пріятной слогъ замѣняетъ тягостные долговременнаго ученія труды, и услаждая Читателя, впечатлѣваетъ въ чувствованія его нравственныхъ строгость правилъ. Онъ не беретъ ничего изъ древнихъ лѣтописей, какъ токмо лѣтоизчисленія, дѣянія и состояніе государства въ томъ времени, о которомъ онъ предлагаетъ, и изъ сего выбираетъ тогдашніе законы, нравы и характеры дѣйствующихъ лицъ и достойныя къ предложенію приключенія. Все сіе вноситъ онъ въ свое совоображеніе, разбираетъ, вѣситъ, и оправдавъ или обвинивъ доказательствъ приводами, потомству предлагаетъ. Таковы суть древніе Повѣство-

Каково должно быть Повѣствователю?

ватели, коихъ новые въ образецъ себѣ принимать долженствуютъ. Плутархъ насильно любить добродѣтель принуждаетъ. Титъ Ливій восхищаетъ объятіемъ и приведеніемъ въ единство разсѣянныхъ предметовъ. Саллустій краткостію выборныхъ изреченій и остротою удивляетъ; а Тацитъ, испытуя глубину политики, отверзаетъ тайныя тиранства козни, и гнусность ихъ потомству обнажая, жалѣетъ о человѣчествѣ, кровопролитныя брани властолюбивыхъ Римлянъ повѣствуя. Иродотъ, хладность землеописанія распаляя жаромъ сказаній о разнонародныхъ нравахъ и обычаяхъ, нудитъ забыть его путешествіе и басни, и прилѣпиться къ истиннѣ вѣщаній. Таковымъ совокупно образцамъ слѣдуя, надлежало бы и нашему повѣствованію быть сочиненну; но трудность предлежитъ едва ли преодолимая. Великіе люди рѣдко подражаемы бываютъ. А сверхъ того въ нашемъ единомъ о единой Монархіи повѣствованіи долженствуетъ Сочинитель заниматься сказаніемъ многочисленныхъ дробныхъ Монархіи дѣяній; ибо всѣ удѣльныя Княжества собственною политикою и властолюбіемъ отъ средоточія, или великаго Княженія отдаленныя, въ томъ же и единомъ кругѣ вмѣщенныя суть, и въ отношеніи къ средоточію единое политическое Россіи составляютъ тѣло; подобно Германіи, когда она на феодальныя правленія была раздроблена. Притомъ нашему Писателю

подобаетъ начать трудъ свой побѣдою суевѣрія и страха, сихъ двухъ издревле въ насъ впечатлѣнныхъ страшилищъ. Не легкая однакожъ побѣда толь сильныхъ исполиновъ, которые многіе вѣки всѣхъ Дѣеписателей нашихъ въ узахъ рабства содержали! За симъ обязуется принимающійся за сочиненіе прямаго повѣствованія нашего дать источникамъ, изъ коихъ почерпать будетъ, на мѣсто излишней ихъ протяжности, краткость нужную, и баснословіе замѣнить истинною; усладить суровость ихъ слога краснорѣчіемъ, и безпорядокъ наградить единствомъ и простотою сказанія. Подобаетъ ему спомоществовать невѣжеству и предубѣжденіямъ любомудрія разсужденіемъ, которое, обемля всѣ части начертаемыя картины, свойственныя разтворить ей краски и неискуство древнія кисти исправить лѣпотою новѣйшихъ живописцевъ. Къ подражанію великимъ Писателямъ не довлѣетъ однакожъ единаго природнаго разсудка; но потребно и ученія и опытности. Я прейду молчаніемъ даръ убѣдительнаго краснорѣчія, даръ, въ училищахъ не пріобрѣтаемый, но щедротою естества въ человѣка внѣдряющійся. Витійства правилъ и цвѣтовъ словесныхъ удобь возможно научиться; но природнаго сладкоглаголанія, пріятнаго для слуха, ударенія и сложенія речений и прелестнаго воображенія никакое училище преподать не можетъ, равно какъ и мыслей и из-

Какія потребны къ тому знанія?

обилія. По тому видимъ мы многихъ Писателей, учеными красотами сіяющихъ; но принужденно ученый ихъ слогъ есть мука читателю и поношеніе учености: а украшеніе не къ мѣсту Славянчизною есть зараза творцовъ несмысленныхъ. Мы вкратцѣ разсмотримъ здѣсь, какихъ наукъ и знанія требуется отъ Повѣствователя, и какія особенно предписуетъ искусный Мабли въ своемъ наставленіи. Онъ предполагаетъ вопервыхъ *любомудріе*, яко основаніе всѣмъ разсужденіямъ нашимъ, а къ предложенію разсужденій доказательства необходимы суть; слѣдовательно порядокъ предлагаемыхъ вещей, вѣрность доказательствъ и точность мыслей не меньше нужны, какъ и самое любомудріе, чего безъ знанія умозаключительныхъ правилъ, которыя при самомъ началѣ всѣхъ любомудрія частей учащимся подъ именемъ *Логики* преподаются, и безъ Грамматики, яко перваго въ Словесности каждаго языка основанія, никакъ достигнуть не можно; а потому Логика и Грамматика суть столь необходимыя всяческому Писателю знанія, сколь и самая языка азбука. Чрезъ нихъ бо непосредственно увидитъ самъ Повѣствователь, сколь нужно ему ученіе правъ естественныхъ и народныхъ; ибо незнающій первоначальныхъ законодательныя власти уставовъ не знаетъ долга человѣка и судіи, повелителя и исполнителей; а незнающій правъ народныхъ, относительно одного народа къ другому,

Философія.

Логика.

не можетъ никоимъ образомъ разсуждать о справедливости и несправедливости предпріятій и дѣяній, имъ повѣствуемыхъ. Ктожъ не вѣдаетъ предѣловъ, какъ далеко законодательная и исполнительная простирается власть, тотъ отнюдь неудобенъ при внутреннемъ между владѣтеля и подданныхъ несогласіи рѣшить ихъ раздора, а тѣмъ меньше можетъ опредѣлить достойное достойному осужденіе. Мнимые въ наукѣ сей знатоки часто по самомыслію въ крайнее впадаютъ заблужденіе. Примѣръ нынѣшнихъ новыхъ во Франціи любомудрцевъ доказалъ незнаніе ихъ полезныя сея науки потрясеніемъ законныхъ Монархіи основаній. Примѣръ гибельный Франціи и зловредный человѣчеству! Для того истинный и прямо просвѣщенный Писатель яда сего убѣгать долженъ, и уйдетъ, когда, ради совершеннаго и безпристрастнаго въ таковыхъ нѣжныхъ разбирательствахъ опредѣленія, станетъ утверждаться болѣе на основаніяхъ введенной уже политики, нежели на своенравіи и своемысліи, и покоритъ умъ свой не блестящему, но существенному ученію. Великій Лейбницъ, Гроціусъ и Пуффендорфъ покажутъ ему путь, по которому разсужденія его простираться долженствуютъ. Сіи учители, не столь блестящіе, какъ Вольтеръ, Жанъ Жакъ Руссо, Даламбертъ и прочіе, но въ ученіи и въ знаніи правъ и законовъ государственныхъ столько превосходны,

сколько тѣ дерзки, безбожны, своевольны; ибо первые столько глубиною премудрости нравы и сердца общежительствующихъ людей къ благоденствію пріуготовляютъ, сколько послѣдніе природнаго сладкорѣчія ядомъ общества подъ личиною самохвальныхъ добродѣтелей развращаютъ. Естественныхъ и гражданскихъ правъ къ знанію присовокупляется ученіе благочинія государственнаго, или политика: наука весьма глубокая, размыслительная; ибо она сугуба по дѣйствію и одинака по существу. Заключая въ себѣ и Божество и человѣчество, она имѣетъ основаніе на непремѣнныхъ естества законахъ, ради блаженства рода человѣческаго на сердцахъ человѣческихъ начертанныхъ. Сіи законы во всѣ времена отрадою человѣка были, и до конца вековъ пребудутъ. Они просты, кратки, понятны; слѣдовательно никому въ обществахъ къ выполненію не трудны суть. Въ нихъ видимъ врожденный въ перворoднаго человѣка и равенству сыновъ его преданный завѣтъ Божій, велящій каждому человѣку „любить Бога паче всего, „почитать Его яко сотворившаго насъ „Отца, и для того не забывать, что мы „равно, а не изключительно Его чада „есьмы; а потому обязаны любить ближняго, яко брата, или паче, яко самого „себя.„ Въ сихъ двухъ заповѣдяхъ содержится Божественная и непреложная политика, неразрывный въ общежитіи союзъ составляющая и утверждающая. Она

есть тотъ естественный во всѣхъ обществахъ законъ, которой неколебимое блаженство ихъ устроеваетъ. Естьлибъ люди по разности ихъ состояній не нарушали никогда сего святаго закона, то всякое бы зло удалено было отъ человѣка. Другая политика, не меньше для Государствъ необходимая, есть твореніе ума человѣческаго. Она извлечена изъ опытовъ и искуства по долговременному сожитію. Первое ея правило есть обязательство всѣхъ и каждаго повиноваться властямъ предержащимъ. Она помрачаетъ иногда разсудокъ человѣческій, и тѣмъ самимъ обуздываетъ своевольство человѣка. Она хотя отступаетъ иногда отъ Божественныя воли, но всегда ею ограждается; ибо установленіе и содержаніе вѣры ублажаетъ она, собственнымъ своимъ основаніемъ почитая. Иногда старается она угождать прихотямъ нашимъ, снизходя на изобрѣтеніе мечтательныхъ намъ выгодъ для твердости обузданія нашего, къ блаженству общества нужнаго. Но разсудительные Политики никогда до крайности мечты сея не простираютъ; ибо излишнее народа ослѣпленіе, при открытіи глазъ его, часто непріятный самой политики производитъ оборотъ. Подверженное ею въ управленіе человѣку подобное человѣчество, при неумѣренности коварствѣ ея, можетъ отъ дремоты своей возбудиться и явить силу естественныхъ стремленій къ разторженію всяческихъ связей, Природою въ душѣ

нашей не утвержденныхЪ; отЪ чего неминуемыя вЪ политическомЪ тѣлѣ происходятЪ волненія, бурею мятежей угрожаемыя, и возраждаются своевольства и бѣшенства народа: двѣ такія гибели, которыя надолго нещастные по себѣ оставляютЪ знаки. Чего ради при разборѣ такихЪ пагубныхЪ обществамЪ приключеній, надлежитЪ Повѣствователю тонкимЪ ограждаться искуствомЪ, чтобЪ, защищая иногда прошедшихЪ вѣковЪ истинну, не дать развратному своевольству оружія противЪ истинны господствующія. ВЪ сохраненіе сего правила надлежитЪ ему политическія ошибки и народное буйство исправлять больше Божественною политикою, нежели обнажать пружины политики ухищренныя. Нагота сихЪ пружинЪ, устроенныхЪ отЪ начала обществЪ кЪ приведенію вЪ движеніе и обузданіе политическаго тѣла, удобна иногда и самый кроткій народЪ вЪ плотоядную обратить гидру, ему самому смертоносную. НародЪ повсюду несмысленЪ, а потому не любомудріемЪ приводится онЪ кЪ желаннымЪ устройства его понятіямЪ, ниже глубокимЪ ученіемЪ изцѣляются его язвы; но святостію вѣры и твердостію законовЪ гражданскихЪ неистовство его связуется. И такЪ при познаніи, для чего законодатели правила ухищренной политики кЪ сохраненію блаженства народнаго поставляютЪ необходимостію, надлежитЪ Повѣствователю знать совершенно душу и

сердце человѣческое, которыя отъ врожденныхъ въ человѣка чувствованій свободы никогда не заблуждаются. Нѣжноежъ сердца человѣческаго познаніе не инако пріобрѣтается, какъ чрезъ долговременное дѣйствій человѣческихъ примѣчаніе и чрезъ непрерывное чтеніе славныхъ любомудрцовъ, предъ нами бывшихъ и великія во нравственной наукѣ успѣхи показавшихъ. Продолжительное съ людьми обхожденіе научаетъ насъ познавать наклоненія сердецъ ко благимъ и злымъ покушеніямъ; а изъ писаній мудрецовъ поучаемся тѣмъ ихъ стремленіямъ, которыя они къ блаженству общему употребляли. Въ нихъ находимъ, какими уставами великіе Политики и Законодавцы и самые проповѣдники старались исправлять нравы и утверждать оное блаженство, приводя людей къ тихому и спокойному житію, какъ въ свобододержавныхъ обществахъ или Республикахъ, такъ и въ Монархіяхъ, и какъ они учили повиноваться властямъ предержащимъ. По таковымъ познаніямъ удобь возможно учиниться ему судіею предлагаемыхъ имъ дѣяній; ибо ясно будетъ онъ видѣть, для чего такъ, а не инако дѣлалось, и кто изъ дѣйствующихъ погрѣшилъ лицъ. Паче всего подобаетъ Повѣствователю быть чужду и слѣпаго суевѣрія и дерзкаго невѣрія. Суевѣріе бо творитъ изъ него слабаго о мятежныхъ народа предпріятіяхъ судію; ибо опытность доказываетъ, что

народныя возмущенія, часто пустосвятствомъ, чудесами и мечтательнымъ вѣры оскорбленіемъ возраждаются; слѣдовательно его суевѣріе и праведное мятежникамъ наказаніе почитать и проповѣдывать будетъ тиранствомъ и церкви уничиженіемъ; напротивъ того невѣріе, и самую святую истинну отвергая, заразитъ ядомъ своимъ его благонравіе, и позволитъ ему, ругаясь вѣрою, связуемому повиновенію противупоставлять распутство и приводить въ своевольство народъ. Наконецъ и самая справедливѣйшая власть въ мозгу такого безбожнаго писателя можетъ обратиться въ неправосудіе и мучительство. Разсмотрѣвъ достоинство Дѣеписателя совершеннаго, разсмотримъ тѣ кладези, изъ которыхъ Руское повѣствованіе почерпать надлежитъ, и кто сіи, которые почерпать уже старались. Я о усопшихъ говорить токмо стану, да твореніе живущихъ само о творцахъ своихъ повѣдаетъ, и начну съ источниковъ. Въ Новѣградѣ, какъ и во всѣхъ полунощныхъ странахъ, по свидѣтельству Маллета, Сочинителя Датскаго повѣствованія, да и въ самомъ еще Славянскѣ, естьли не лѣтописи, то преданія конечно были задолго до Рождества Христова; но какими буквами писаны, того узнать не можно, по тому, что и сами они временъ ѣдкостію изтребленны. Однако бытіе ихъ свидѣтельствуетъ въ началѣ баснословіемъ, и въ продолженіи непо-

Изъ какихъ источниковъ повѣствованіе наше почерпается?

рядкомЪ преисполненная ветхая Новоград- ская лѣтопись и перечень изЪ повѣствованія Іоакимова, перваго Епископа Новоградскаго, трудолюбивымЪ ГосподиномЪ ТайнымЪ СовѣтникомЪ Татищевымъ оставленный. Новоградская лѣтопись.

ІоакимЪ жилЪ во время Владиміра I, и ЕпископомЪ вЪ НовградѢ вЪ самое его и Россіи крещеніе поставленЪ. ОнЪ Славноруское, и паче Новоградское повѣствованіе начинаетЪ гораздо кажется прежде Рождества Христова, и кратко проходитЪ, лѣтЪ не означая, до раздѣленія ВладиміромЪ на удѣльныя Княженія Россіи. Іоакимъ, первый Повѣствователь.

Многія и вЪ сей сохраненной выпискѢ утрачены листы; но что осталось, то хотя, подобно Новоградской лѣтописи, и баснословно, однакожь показуетЪ его мужемЪ разумнымЪ, и вЪ словесныхЪ наукахЪ, со знаніемЪ природнаго ему Греческаго языка, довольно свѣдущимЪ. Потому напрасно почитается преподобный НесторЪ, и у насЪ и у внѣшнихЪ Писателей, первымЪ нашимЪ ПовѣствователемЪ. ІоакимЪ умерЪ прежде, нежели НесторЪ пришелЪ вЪ КіевЪ и свое повѣствованіе началЪ. Сей Кіевопечерскаго монастыря чернорizецЪ жилЪ вЪ послѣдней половинѢ XI вѣка, и вЪ началѢ XII кончилось сЪ жизнію его писаніе. Преподобный Несторъ. Ежем. сочин. 1775 года, мѣс. Апрѣль.

ДревнѢйшимЪ почитается онЪ не по тому, чтобЪ никто до него дѣяній РускихЪ не описывалЪ, но единственно ради одной его лѣтописи вЪ цѣлости остатка. ВсѢ прочія до него бывшія, изЪ которыхЪ и самЪ онЪ, какЪ

видно, по свидѣтельству Симона Суздальскаго Епископа, почерпалъ, время поглотивъ, въ неизвѣстность обратило. Несторъ, обьявивъ кратко о созданіи Кіева, начинаетъ вѣщаніе свое съ половины IX вѣка, и продолжаетъ съ точнымъ и непрерывнымъ лѣтъ показаніемъ. Каждый годъ являетъ, что достопамятнаго въ немъ приключилось; и его не только всѣ послѣдующіе наши лѣтописцы, переписывая, въ свои сочиненія вносили, но и самые Польскіе творцы изъ негожъ, яко изъ изобильнаго кладезя, основанія своихъ повѣствованій брали, какъ то изъ хроники славнаго ихъ дѣеписателя Стриковскаго видно. И такъ Нестору подобаетъ слава, яко первому изъ оставшихся о дѣяніяхъ народа Рускаго Писателей, а неяко отцу повѣствованія Рускаго. Слогъ его теменъ по древности языка, и неисправенъ по небреженію переписчиковъ. Красоты витійства и учености повѣствователя въ немъ не видно. Природа безъ помощи ученія и искуства перомъ его руководствовала и память сказанія располагала. Однакожъ, не взирая на то, лѣтопись его есть и будетъ основаніемъ повѣствованія нашего, и сочиняющимъ оное всегдашнимъ руководствомъ. Продолжитель Несторовой лѣтописи былъ Сильвестръ, Игуменъ монастыря Святаго Михаила, подобный во всемъ предтечу своему. По немъ, при великомъ отъ времени до времени раздробленіи Россіи, ум-

Игуменъ Сильвестръ.

пожились и продолжители Нестору по всѣмъ Княженіямъ. Имена ихъ не извѣстны; но то неоспоримо, что всѣ они разныхъ монастырей черноризцы были. Отъ сего произошли толь многіе и толь неисправные, однихъ обстоятельствъ съ пропущеніемъ, а другихъ съ прибавленіемъ, списки Несторовой лѣтописи. По Сильвестрѣ видѣнъ однакожь единый ему пополнитель; имя его хотя не извѣстно, но пребываніе его, кажется, было на Волынѣ; ибо самъ онъ о себѣ въ 1149 мъ году сказуетъ, что тамо съ Игоремъ II часто пѣвалъ онъ на крылосѣ. Сей пространнѣе прочихъ писалъ о западной странѣ Днѣпра, и приключенія, до Волыни касающіяся, подробнѣе объявляетъ. Симонъ, Суздальскій Епископъ, жившій въ XII и въ началѣ XIII вѣка, продолжалъ Несторову лѣтопись, и отличается отъ прочихъ вящшимъ въ писаніи искуствомъ. Онъ оставилъ намъ и нравственные характеры и тѣлесные виды многихъ Князей Россійскихъ; но трудно имѣть списокъ съ его лѣтописи, каковой имѣлъ у себя Татищевъ. Я, сколько ни старался, отыскать его не могъ; и невѣроятно нахожу сказаніе Гна. Львова, издателя при Горномъ училищѣ Рускаго лѣтописца, котораго онъ Симоновою лѣтописью называетъ сколько безъ доказательствъ, столько и по тому, что не вижу въ немъ ни характера, ни видовъ Князей, ниже описанія кончины Константина мудраго, чѣмъ Епископъ

Разные черноризцы.

Симонъ, Суздальскій Епископъ.

Симонѣ отъ прочихъ дѣеписателей отличается, и потому догадку Гна. Львова ошибкою пріемлю. Симонъ былъ современникъ Новоградскому лѣтописцу; также Несторову продолжителю, который подъ лѣтомъ 1230мъ самъ о себѣ говоритъ: „что онъ былъ очевидный „свидѣтель многихъ тогда случившихся „событій.„ Оба сіи довольно подробны, особливо первый, какъ сказываютъ, касательно Княженія во Владимірѣ на Клязьмѣ, яко въ его Епископствѣ; а послѣдній относительно къ Новуграду, его отечеству. Но Іоаннъ паче знаменитъ бы былъ преданіемъ потомству грамоты Князя Ярослава Владиміровича, 1019го года писанной и содержащей гражданскія права, и судъ и расправу Новградскую, естьлибъ иной безъимянной лѣтописецъ полнѣйшія Рускія правды намъ не оставилъ, съ присовокупленіемъ закона Владиміра II, Мономахомъ прозваннаго. Несторъ упомянулъ вкратцѣ о семъ Ярославовомъ законѣ; а сей Іоаннъ, Священникъ Новградскій, и паче безъимянная весьма древнѣйшая по почерку и языку лѣтопись доставили намъ точной списокъ съ сего неоцѣненнаго древности Руской остатка, которой въ 1792 году изданъ тисненіемъ отъ Гна. Болтина съ надлежащимъ невразумительнаго слога обьясненіемъ. За сими, какъ выше речено, не имѣемъ мы извѣстныхъ Нестору продолжителей; но вмѣсто ихъ находимъ Кипріяна и Мака-

Іоаннъ, Священникъ Новоградскій.

рія, двухЪ МитрополитовЪ МосковскихЪ. Повѣствованіе ихЪ, подЪ названіемЪ книгЪ Степенныхъ, кончатся при царствованіи Іоанна Грознаго. Писали они отдѣленіями, каждое Княженіе Степенью именуя. ВЪ ихЪ писаніяхЪ видимЪ собраніе дѣяній свѣтскихЪ и духовныхЪ вкупѣ; больше придерживаются они чудесЪ и суевѣрія, а паче всего изъявляютЪ власть Митрополита, то есть свою, и во всѣ совѣты Царскіе его вводятЪ. Не льзя порядка ради умолчать и о КеларѢ Троицы Сергіевой Лавры АврамѢ ПалицынѢ. ОнЪ жилЪ во время сущаго Россіи страданія, при внутреннихЪ отЪ ложныхЪ ДимитріевЪ замѣшательствахЪ; писалЪ сЪ начала царствованія Ѳеодора Іоанновича, сына Іоанна Грознаго, до кончины Царя Михаила Ѳеодоровича изЪ рода РомановыхЪ. Сочиненіе его пристрастно, плодовито, витіевато, и кажется, что писано тогдашняго Двора по повелѣнію, дабы омерзить память Царя Бориса Ѳеодоровича Годунова вЪ потомствѣ. Подобное его повѣствованію есть того же времени сказаніе о мятежахЪ, которое также картину лютѣйшихЪ вЪ Россіи кровопролитій представляетЪ. ВЪ заключеніе всѣхЪ слѣдуютЪ такЪ называемыя Царственныя книги: онѣ суть выписка изЪ древностей, и кажется, что предлагаемыя вЪ нихЪ приключенія вЪ живописныхЪ картинахЪ представлены были, подобно какЪ нѣкоторыя Библейскія повѣствованія, вЪ лицахЪ изображенныя, ти-

Кипріянъ и Макарій, сочинители степ. книгъ.

Палицынъ, монахъ сер. монаст.

сненіемъ изданныя на многихъ языкахъ продаются. Наконецъ Времянникъ Руской, недавно тисненіемъ при Сунодѣ напечатанный, и вышеобъявленная при Горномъ училищѣ Гм. Львовымъ изданная лѣтопись. За сими слѣдуетъ Никоновская лѣтопись, и съ нее, кажется, сочиненный списокъ, который подъ названіемъ Новогородской лѣтописи Царевичу Алексѣю Петровичу поднесенъ, и въ подлинникѣ, рукою сего Царевича подписанномъ, въ книгохранилищѣ моемъ находится. Никоновская лѣтопись есть ничто иное, какъ списокъ съ Несторовой и съ книгъ Степенныхъ. Сей Патріархъ, не меньше честолюбивый, сколько и суевѣрный, не меньше разумный, сколько непросвѣщенный, началъ трудъ свой, списывая въ точности все, что преподобный Несторъ о первобытіи народовъ и о дѣяніяхъ Россійскихъ преподалъ, и что послѣдователи его продолжали. Его лѣтопись по подлиннику, правленному его рукою и находящемуся у меня изъ книгохранилища Господина Сунодскаго Оберъ-Прокурора Мусина Пушкина, простирается до кончины Царя Іоанна Васильевича Грознаго, или до 1584 года, и по изданному при Императорской Академіи печатному гораздо дальше. Она вмѣщаетъ нѣсколько и политическихъ дѣлъ, а болѣе преисполнена гордостію власти Патріаршей, чудесами, суевѣріемъ и сущимъ въ наукахъ незнаніемъ; съ коими погрѣшностьми и тисненіемъ

Никонъ Патріархъ.

при Императорской Академіи Наукъ издана. Сіи суть источники, наполняющіе пространное море Россійскаго повѣствованія; ихъ въ разныхъ спискахъ собралъ рачительный Господинъ Тайный Совѣтникъ Татищевъ, и учеными примѣчаніями объяснилъ и украсилъ до половины XV столѣтія. И такъ обращаясь къ современникамъ нашимъ, удобь возможно полагать, что изъ объявленныхъ лѣтописей, Господинъ Татищевъ есть первый, который сочинилъ свою, въ III или IV книгахъ тисненіемъ въ свѣтъ при Московскомъ Университетѣ изданную. IV я книга видно, или не его, или не исправленная отъ него осталась; ибо нѣтъ въ ней ни разсужденій, ни примѣчаній, ниже объясненій, какъ въ трехъ первыхъ книгахъ. Хотя Г. Татищевъ и держался какъ порядка, такъ и слога тѣхъ древнихъ, съ которыхъ списывалъ; однакожъ его писаніе есть безцѣнное сокровище, для всѣхъ намѣряющихся сочинять отечества нашего повѣствованіе. Неутомимымъ трудомъ въ первыхъ трехъ книгахъ старался онъ изслѣдовать всѣ древности, и древнихъ лѣтописей объяснять невразумительность. Признаться должно, что его трудолюбію, знанію и охотѣ обязаны мы возможнымъ познаніемъ древнихъ законовъ, нравовъ и обычаевъ нашихъ. Онъ глубоко испытующимъ разборомъ выполнилъ недостатки, снесъ прекословія и привелъ въ единомысліе разногласія лѣтописцевъ

Г. Тайн. Совѣт. Татищевъ.

пособіемЪ свидѣтельствЪ творцовЪ внѣшнихЪ. ОнЪ ветхихЪ Славяно-РускихЪ рѣченій и цѣлыхЪ рѣчей непонятность обьяснилЪ совершенно: трудЪ, безЪ котораго многіе изЪ новыхЪ Писателей моглибЪ, по забвенію и неупотребленію языка, вЪ великое впасть заблужденіе. ОнЪ, пользуясь большимЪ чертежемЪ, сочиненнымЪ вЪ 1627 году, предалЪ намЪ ясныя понятія относительно кЪ древнему землеописанію, особливо вЪ названіи городовЪ, урочищь и рѣкЪ, старыми лѣтописцами упоминаемыхЪ и нынѣ изЪ памяти изтребленныхЪ или переименованныхЪ. ОнЪ по разности временЪ разность предѣловЪ государственныхЪ, хотя и не всегда точно, опредѣляетЪ и начало удѣловЪ КняжескихЪ дѣлитЪ по совоображенію; однакожь точныя даетЪ свѣдѣнія о правахЪ КняжескихЪ, БоярскихЪ, и начало дѣтей БоярскихЪ и ДворянЪ основательно предлагаетЪ; словомЪ, многое кЪ просвѣщенію нашему и кЪ своей незабвенной памяти оставилЪ намЪ сей трудолюбивый мужЪ. Сожалѣнія достойно, что трудЪ его во всѣхЪ IV книгахЪ не далѣе половины XV вѣка простирается, естьли продолженіе гдѣ нибудь вЪ завистныхЪ рукахЪ не хранится; ибо сей современникЪ нашЪ, котораго я лично вЪ молодости моей знать щастіе имѣлЪ, и отЪ него самого слышалЪ, весьма далѣе простерся, нежели вЪ печати видимЪ. Подобнаго ему, хотя меньше исправнаго, но довольно по-

Гнъ. Историографъ Миллеръ.

лезнаго, имѣемъ мы трудолюбца въ Господинѣ Профессорѣ Миллерѣ. Онъ собралъ великое число запасовъ къ сочиненію повѣствованія Рускаго, и можетъ во многомъ достаточно руководствовать, тѣмъ паче, что прилѣжнымъ его древнихъ книгохранилищь разборомъ доставилъ намъ неоспоримыя свидѣтельства такихъ дѣяній и учрежденій, которыхъ, не зная существованія, могъ бы Повѣствователь въ молчаніи оставить, не взирая на то, что они и достойны и довольно важны къ знанію въ потомствѣ. Изъ всѣхъ вышеобъявленныхъ Писателей никто еще ни подражаніемъ Повѣствователю, ниже образцемъ повѣствованію служить не можетъ. Но былъ у насъ наконецъ мужъ, всѣми дарованіями природы и ученія одаренный. Господинъ Статскій Совѣтникъ Ломоносовъ былъ безпрекословно тотъ мужъ, который обладалъ всѣми способностьми прямаго Повѣствователя. Въ немъ находилась обширнаго Тита Ливія соображенія природа, великое тонкаго Тацита политики проницаніе, и краткаго Салюстіева краснорѣчія острота; словомъ, въ немъ видно и глубокое наукъ знаніе, и мыслей изобиліе, и витійства богатство. Его несравненнымъ перомъ оставленная намъ первая Часть Рускаго повѣствованія свидѣтельствуетъ, коль отмѣннымъ и въ предложеніи приключеній обладалъ онъ искуствомъ; и хотя въ изслѣдованіи временъ и народовъ прехожденіи малую

Г. Ломоносовъ.

показалЪ онЪ прилѣжность, и индѣ погрѣшилЪ небреженіемЪ, но то безЪ сомнѣнія могЪ бы, осмотрѣвшись, во второмЪ изданіи исправить. И такЪ не взирая на сіе примѣчаніе, достойно слезЪ и печали, что завистная смерть, безвременно его похитившая, лишила насЪ сего любимца и наперсника МузЪ, и зловредно отняла у отечества нашего продолженіе прекраснаго его творенія; я не говорю, повѣствованія безстрастнаго и совершеннаго; ибо первою частію не достигЪ еще онЪ до тѣхЪ временЪ, когда лесть и лицепріимство, яко изчадія страха и награды, сердце и характерЪ ПисателевЪ обнажаютЪ; не могЪ онЪ одною первоначальною частью доказать и совершенство Повѣствователя, весьма продолжительнаго повѣствованія отЪ него требующаго, вЪ которомЪ единообразность приключеній тмочисленныя кЪ предложенію ихЪ разности взыскуетЪ. ВЪ первомЪ случаѣ не безЪ причины удобь возможно и вЪ его чистосердечіи сомнѣваться, когда представимЪ себѣ, сколь безстыдно Стихотворцы и витіи закрываютЪ баснословіемЪ пороки Государей. КЪ стыду и укоризнѣ ФранцузовЪ, знаемЪ мы многіе примѣры, находя вЪ ихЪ СтихотворцахЪ, которые вмѣсто истинныхЪ житія и дѣяній Людовика XIV, Короля ихЪ, сочинили ему прекрасныя похвальныя слова, которыхЪ по смерти его никто не читаетЪ. И нашего великаго Проповѣд-

ника, Ѳеофана Прокоповича, сочиненіе, подъ именемъ жизни Императора ПЕТРА I, содержитъ не жизнь Героя, но похвалу сему Герою, которую съ важнѣйшимъ краснорѣчіемъ сказалъ онъ въ словѣ на годичное по смерти сего Государя поминовеніе. Ѳеофанъ великъ былъ въ краснорѣчіи, превосходенъ въ ученіи, но малъ въ повѣствованіи явился. Обращаясь къ Ломоносову, признаться однакожъ подобаетъ, что трудно какъ въ красотѣ и пріятности слога, такъ и въ важности мыслей, съ нимъ сравняться, и заступить по немъ Повѣствователя мѣсто. Великіе люди рѣдко раждаются. Демосѳенъ былъ отмѣннаго ученія мужъ и превеликій витія, но не Повѣствователь; сіе дарованіе уступаетъ онъ изящному Фукидиту; а Ломоносовъ нашъ былъ вкупѣ и Демосѳенъ и Фукидитъ. Вступая отважно на путь, съ толикою удачею имъ проложенный, кому возможно безъ робости подобнымъ ласкаться успѣхомъ? Развѣ найдется между нами съ такимъ же къ повѣствованію дарованіемъ, съ какою къ стихотворству способностію произвела Природа Господина Хераскова? Сей равно любимецъ Аполлона и Музъ наперсникъ вступилъ по немъ въ претрудное Эпическихъ Поэмъ твореніе; воспѣлъ Россійскихъ Героевъ дѣла, и благоуспѣшнымъ пѣніемъ учинился Гомеру и Виргилію подражателемъ, Вольтеру, Тассу и самому Ломоносову соперникомъ въ сочиненіяхъ, въ славѣ и

Гнъ. Херасковъ, дѣйс. Тайный Сов., Творецъ двухъ Эпическихъ Поэмъ,

Россіяды и крещ. Владимі-ра I.

въ почтеніи. Соперничество сихъ двухъ нашихъ Стихотворцевъ затруднитъ потомство въ отданіи справедливаго преимущества, когда разберетъ оно, что Ломоносовъ какъ повѣствованіе, такъ и Поэму его о ПЕТРѢ началъ, но не окончилъ; а Херасковъ двѣ цѣлыя Героическія Поэмы труднымъ шествіемъ привелъ къ развязкѣ и окончанію; ибо кто не вѣдаетъ, что начало всяческаго великаго сочиненія не столь трудно, какъ приведеніе къ концу совершенному? Да не почтется мнѣ ни въ незнаніе, ниже въ предосудительное писцовъ презрѣніе, что я, въ порядкѣ времени, миновалъ сочиненіе Князя Хилкова, подъ названіемъ Ядра Руской Исторіи извѣстное. Я для того прежде не упомянулъ о немъ, что не нахожу въ немъ ничего собственнаго. Краткая и во многомъ не исправная, изъ вышеписанныхъ лѣтописей выписка не удобна болѣе ни къ чему, какъ ко введенію въ заблужденіе того, кто бы ей послѣдовать восхотѣлъ. Полезнѣйшими для желающаго сочинять повѣствованіе Руское нахожу я изданныя въ 1787 году неизвѣстнымъ творцомъ IV книги, подъ названіемъ Записокъ касательно Руской Исторіи. Онѣ кратки, точны, вѣрны въ лѣтоизчисленіи, исправны въ показаніи Государей современныхъ, достаточны объявленіемъ дѣяній важныхъ, и могутъ совершенно служить указательною нитью Писателю, какъ то во многомъ въ моемъ Опытѣ мнѣ и послужи-

Ядро руск. истор. Кна. Хилкова.

Записки неизвѣстнаго творца.

ли руководствомъ. Не упомянулъ бы я при семъ о покойномъ Князѣ Щербатовѣ; ибо переписка его съ Господиномъ Болтинымъ, и Господина Болтина противъ нелѣпыя Леклерковой Исторіи сочиненіе довольно доказали неудачу предлиннаго повѣствованія, симъ Княземъ написаннаго и напечатаннаго; но понеже многіе, приведены будучи въ заблужденіе, не взирая на суровость слога его, мнятъ находить повѣствованія исправность, и примѣтивъ несходство моего съ нимъ Опыта, возмогутъ усомниться въ отданіи вѣроятія: то сего ради принужденнымъ нахожусь сказать мое мнѣніе и объ немъ, какъ и о вышеобъявленныхъ. Князь Щербатовъ обладалъ искуствомъ много говорить и мало вразумлять Читателя; мало зналъ не токмо древнихъ лѣтописцевъ нашихъ, но и настоящій языкъ Руской. Незнаніе перваго исполнило его повѣствованіе небылицами, а послѣднее ввергнуло въ Галлицизму или францословіе, не свойственное Рускому нарѣчію. Притомъ по небреженію землеописанія, о которомъ онъ и самъ признается, яко бы землеописаніе для Повѣствователя и вовсе не потребно; и доказалъ оное во измѣненіи рѣкъ въ урочища и урочищей въ града и рѣки, чему паче всѣхъ свидѣтель созданный Владиміромъ I на рѣкѣ Бугѣ въ Волынѣ градъ Владиміръ, которой воспріявъ онъ единожды за существующій Владиміръ на Клязьмѣ,

Критика на Леклерка въ двухъ книгахъ, напечатанная при Императорской Академіи Наукъ.

сколько вѣ дѣяніяхѣ погрѣшилѣ, того не удобь возможно бы изчислить и тогда, когда бы прочія погрѣшности его моглибѣ изчислены быть. Но погрѣшности вѣ повѣствованіи его не изчислимы суть. Нѣкоторые однакожь приписуютѣ ему вѣ похвалу то, что онѣ по силѣ своей написалѣ Рускую Исторію, каковой до него не было; и я согласенѣ, что до него не было, и лучше бы, естьлибѣ и никогда кѣ заблужденію Читателей ее не существовало. Разборѣ о Писателяхѣ нашихѣ окончавѣ и предложивѣ, каковаго повѣствованія и какихѣ Повѣствователей желаетѣ потомство кѣ удовлетворенію любопытства и наставленію Читателей, обращаюсь кѣ моему намѣренію, и признаваюсь, что, при воображеніи всего вышереченнаго, предпріять сочиненіе повѣствованія нашего, есть дѣло не токмо трудное, но дерзкое и отважное; однакожь не есть невозможное. Трудно оно по великости содержанія и единообразности дѣянія; дерско, ежели возмнитѣ о себѣ Писатель, что всѣ подлежащія Повѣствователь дарованія имѣетѣ; отважно, когда ослѣпленный самолюбіемѣ, способностей своихѣ мечтою вознесется и обнадежится, преодолѣвѣ всѣ трудности, удовольствовать совершенно потомство; но возможно оно при кроткомѣ и благосклонномѣ отѣ Читателей снизхожденіи. Когда бы всѣ Писатели страхомѣ своихѣ слабостей и читающихѣ негодованіемѣ

отъ писанія воздержались, то бы общество лишилось и пользы и удовольствія; ибо новизна и добрыхъ и худыхъ книгъ занимаетъ праздные его часы; и паче лишился бы свѣтъ творцовъ великихъ, кои обыкновенно страхомъ симъ болѣе обузданы бываютъ, нежели дурные. Виргилій при кончинѣ своей просилъ пріятелей, чтобъ его Энеиду, яко несовершенное твореніе, предали огню. Естьлибъ они исполнили его прошеніе, каковаго бы сокровища лишилось потомство? Но о сожженіи Телемахиды преложитель прекраснаго Фенелонова сочиненія въ Рускіе стихи отнюдь не просилъ наслѣдниковъ, а поспѣшилъ при себѣ предать тисненію, какъ и Щ. . . . свою Исторію. И такъ боязнь сія, кажется, плохихъ не унимаетъ Писателей, но лишаетъ общество трудовъ великихъ токмо людей. Сверхъ того не всѣ Писатели суть равныхъ способностей и равныхъ дарованій: одни неподражаемы, другіе превосходны; иные посредственны, или токмо сносны, а нѣкоторые, каковыхъ и большая часть, суть чтенія недостойны; однакожъ всѣ, по разности ихъ, разность вкусовъ читателей обрѣтаютъ. Находитъ и Ломоносовъ и Щ. . . . своихъ читателей, и оба даютъ въ обществѣ книгопродавцамъ пропитаніе. Ежелибъ не было у всѣхъ народовъ дурныхъ лѣтописей, не былобъ у нихъ и великихъ Повѣствователей. Слабо всякое начало и въ совершенство приводится вѣками.

Что до меня при предпріятіи Опыта моего касается, я могу удостовѣрить Читателей, что высокомѣрное о себѣ предубѣжденіе не присоединено кь намѣренію моему. Самолюбіе не ослѣпляетЪ меня до такой степени, чтобЪ возмнить, яко бы достоинства сущаго Повѣствователя во мнѣ находились; ниже мечтаю прославить имя свое твореніемЪ повѣствованія: все сіе оставляю я другимЪ искуснѣйшимЪ. Сего ради прошу Читателей, да не стужательно разсмотрятЪ побужденія, кЪ сему писанію меня склонившія, и уповаю пріобрѣсть ту справедливость, что ни самолюбія мечты, ни горделиваго творцовЪ ослѣпленія, ниже презрительнаго самохвальства покушеніе мое не причастно. Я вЪ самомЪ началѣ сего предисловія объявилЪ уже состояніе, вЪ которомЪ принужденно нахожуся; изЪ того удобь возможно извлечь истинную вину труда предлагаемаго. Все мое намѣреніе состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ занять полезнымЪ упражненіемЪ праздное время и удовлетворить желанію друзей, кои Опыта сего хотѣли. Се два истинныя побужденія, которыя и труда моего виною и честному человѣку свойственны. Удалять праздность никому невредными дѣлами и повиноваться друзьямЪ, есть единое изЪ главнѣйшихЪ вЪ общежительствѣ обязательствЪ. Я не имѣю честолюбія ни вЪ печати, ни у книгопродавцевЪ видѣть свое имя и сочиненіе, ибо не уповаю, чтобЪ дней моихЪ кЪ окончанію до-

стало; а по частямъ издаваемыя творенія часто непріятныя наносятъ Сочинителю чувствованія, когда, не зная послѣдствія, осуждаютъ его примѣченными недостатками. Я не ласкаюсь пріобрѣтеніемъ славы творцовъ первостепенныхъ, и не ищу тщеславія посредственныхъ; а всего меньше хощу уподобиться нянямъ, вздорными сказками дѣтей усыпляющимъ: единыя мзды мнѣ довлѣетъ, естьли пріятели мои съ такимъ удовольствіемъ читать Опытъ повѣствованія моего станутъ, съ какою охотою я желанію ихъ повинуюсь. Сего ради предварительно признаюсь, что и родъ таковаго повѣствованія себѣ предположилъ, каковаго въ другихъ не обрѣтаю. Можетъ быть, по той причинѣ, покажется порожденіе мое уродомъ, недостаткомъ или излишествомъ членовъ обезображеннымъ, и токмо единому отцу его нравящимся; но сія родительская слѣпота стороннаго не отягощитъ зрѣнія, какъ естьли тажъ любовь, слѣдуя разсудку и безпристрастію, потщится природное уродство дитяти закрывать занятыми изъ настоящихъ временъ одеждами, и ветхость суровыхъ его нравовъ награждать новаго благонравія примѣрами. Вмѣсто тѣлеснаго состава преимуществъ потщуся я украшать чадо мое подражаніемъ Тациту, Титу Ливію, Саллюстію, Плутарху, Ксенофонту, Робертсону и Гуму; вмѣсто своего ученія любомудріемъ Пиѳа-

гора, Платона, Эпиктета, Лейбница; вмѣсто собственнаго въ Политикѣ и законахъ знанія, Солонъ, Ликургъ, Гроціусъ и Пуфендорфъ сообщать ему свои наставленія станутъ, и паче всего нравственная проповѣдь Евангельская и непорочнаго Богословія важность сердцу и нравамъ моего урода дадутъ, можетъ быть, притягательную нравиться силу.

Тацитова лѣтопись и сочиненныя имъ нѣкоторыхъ Римскихъ тирановъ частныя житія будутъ мнѣ предначертаніемъ, котораго я въ Опытѣ моемъ предпочтительно держаться намѣренъ. Тацитъ плѣняетъ меня своимъ сказаніемъ, когда въ лѣтописи бытіе и воинскіе народа Римскаго предлагаетъ подвиги, и прельщаетъ сердце мое своимъ безпристрастіемъ, когда повѣствуетъ о Кесаряхъ и ихъ царствованіи: самое то же и мнѣ предлежитъ. Непрерывная Римлянъ война, яко въ зерцалѣ, наши кровопролитныя представляетъ мнѣ брани; а неистовство Кесарей, яко бы нарочно, многихъ нашихъ изображаетъ владѣтелей. Равныхъ съ Тацитомъ красокъ, къ разноличнымъ токмо картинамъ, мнѣ потребно. И такъ, занимая у него, могу я съ успѣхомъ пользоваться, подобно слабому ученику, списующу съ подлинника великаго живописца, или подобно робкому Рафаеловой кисти подражателю. Имѣя сего великаго Повѣствователя въ образецъ, стараться я стану, сколько

силы мои дозволять, недостатокъ искуства и способностей моихъ награждать правдолюбія и искренности духомъ. Сіе сугубое души моей свойство, не обинуясь, открываю я въ объявленіи пособій, кои удобными къ поспѣшествованію труда моего почитаю.

Искушенный лѣтами и долговременнымъ отечеству, при трехъ разныхъ царствованіяхъ и наконецъ въ важнѣйшихъ внутреннихъ должностяхъ, служеніемъ наставленный, ласкаюсь я быть удобнымъ къ изслѣдованію прошедшаго времени дѣяній, уподобляя оныя приключеніямъ, въ глазахъ моихъ произходившимъ. Тогдашнія учрежденія и положенія Государства сноса съ настоящими, кажется, не заблуждуся въ опредѣленіи причинъ дѣйствіямъ, и въ цѣнѣ полагаемымъ причинамъ великой ошибки сдѣлать не уповаю. Извѣстно мнѣ, что сердце человѣческое всегда одинако, и то же нынѣ, каково было отъ самаго вѣковъ начала. Я вѣдаю, что тѣжъ добродѣтели и тѣжъ пороки и страсти присущны и нынѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, какія въ Аѳинахъ и Римѣ существовали. Не измѣненіе сердецъ, но больше и меньше просвѣщенія и невѣжества творятъ нравовъ разновидность, а Природа тажъ всегда пребываетъ. Іоаннъ въ Москвѣ таковъ же тираннъ, каковъ и Неронъ былъ въ Римѣ. Каковъ тамо возмутитель Катилина и мятежны Трибуны; таковъ и у насъ Хованской и головы

Стрѣлецкія. Какъ безразсудна и буйственна необузданная чернь въ ветхой Италіи, такъ равно и въ Руси возмущенный народъ слѣпъ и кровожаждущъ. Каковы чувствованія властолюбія находимъ въ Англіи въ Герцогѣ Глочестерскомъ, или Ришардѣ III, лицемѣрно отъ престола отрицавшемся: такія точно видимъ въ притворномъ Бориса Ѳеодоровича Годунова сердцѣ; и сколько тамо при Генрихѣ VII обрѣтаемъ безстыдныхъ самозванцевъ: гораздо еще болѣе таковыхъ изчислимъ при Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ. Сего естественнаго въ человѣкѣ сходства познаніе много, кажется, можетъ вспомоществовать къ справедливымъ умозаключеніямъ и въ самыхъ запутанныхъ между человѣки дѣлахъ. При томъ истинну любящему, съ примѣчаніемъ въ общежитіи долго обращавшемуся, въ обхожденіи разнаго состоянія людей многолѣтно бывшему, прилѣжнымъ чтеніемъ Законодавцевъ, Политиковъ, любомудрцевъ и разнонародныхъ нравовъ описателей запасшемуся, конечно удобь возможно проникать и въ самую глубину сердечныхъ сгибовъ лицъ дѣйствующихъ. Естества *позорище* тожъ, и тѣжъ добродѣтели и пороки на немъ представляются; слѣдовательно разность токмо въ премѣнѣ одеждъ и явленій, кои иногда смѣхъ, иногда слезы въ зрителяхъ производятъ.

Симъ единымъ токмо познаніемъ ласкаясь и симъ единымъ предубѣжденіемъ

завлеченный, предпріялЪ я писать ОпытЪ моего повѣствованія, снося всѣхЪ вышеобЪявленныхЪ мною лѣтописцевЪ нашихЪ во едину точку, и на нихЪ вЪ вѣрности вѣщанія моего ссылаясь. ВпрочемЪ последуя сколько душевному моему характеру, столько объявленному малому познанію человѣка, потщуся, отринувЪ отЪ себя всяческое ласкательство и страхЪ, многихЪ сего рода Писателей иногда связующій, обнажать истинну дѣяній и дѣлЪ изображеніемЪ, бытію ихЪ соотвѣтственнымЪ и точнымЪ. Кто не вѣдаетЪ, что истинна драгоцѣнна, и хотя немногими любима, но всѣми почитаема? Драгоцѣнна; ибо, ради рѣдкости ея, мало ею торгующихЪ; любима немногими, ибо добродѣтель великому числу людей не совмѣстна; почитаема всѣми, ибо и погрязшимЪ вЪ порокахЪ она страшна, и понуждающа всѣхЪ подЪ личиною ея скрываться. Я, наблюдая строго все Дѣеписателями нашими оставленное, стараться стану, поелику возможно, представлять во всеобщей картинѣ разность частныхЪ дѣяній, до цѣлаго Государства нашего тѣла касающихся, и краткости ради, хотя подробностію удѣльныхЪ Княженій, не обременю Читателя; однакожЪ не оставлю его не свѣдуща политическія связи, чтобЪ смѣшенныя на общей картинѣ изображенія, вниманія его, яко зрителя, не разсѣяли. Все вышереченное вЪ едину собирая точку, стану я разбирать, и достойное изЪ цѣлаго и

частнаго повѣствуя, не дозволю себѣ, ни боязни, ни любви ради, утверждать Писателей нашихъ ласкательство, или невѣжество; ниже злобѣ ихъ или суевѣрію слѣдовать, и произходящую изъ ихъ предубѣжденій ложь не восприиму за истинну. Мысль моя не будетъ лицепріимствомъ управляема, ни рука страхомъ водима, ниже перо въ желчи омоченно. Изысканіе правды и безпристрастное оныя представленіе суть правила, которыхъ я во всемъ моемъ Опытѣ держаться стану. Всѣ силы мои устремлю на омерзеніе пороковъ; всю возможность приложу ко приведенію въ любовь добродѣтели. Ободренный человѣколюбивымъ Великія ЕКАТЕРИНЫ II гласомъ, потщуся низложить жестокость, и Ея Божественными огражденный законами, постараюсь человѣчеству доставить торжество. Небреженіе и недостатки Дѣеписателей нашихъ намѣренію моему не попрепятствуютъ; я стараться стану наполнять находящуюся въ нихъ пустоту внѣшнихъ творцовъ достовѣрными свидѣтельствами, и разборчивымъ оныхъ съ нашими сношеніемъ не оставлю проникать до побудившія послѣднихъ къ молчанію вины. Иногда довольствуяся единою вѣроятностію, стану полагать мои заключенія, подобно Химику, металлы добрые отъ негодныя нечистоты пособіемъ стороннихъ примѣсовъ отдѣляющему. При томъ и собранное трудами новыхъ Писателей нашихъ великое

преданій количество послужитъ мнѣ ко многому моего труда облегченію, когда изъ ветхія неутомленнымъ трудомъ исторгнусь древности, и вниду въ новое политическое отечества нашего устройство. Я, похвальными собраніями ихъ возпользуясь, не премину прилагать къ нимъ всего моего вниманія, и, въ насажденной ими рощѣ прогуливаясь, потщуся съ размышленіемъ пожинать и терніе и зеліе къ отвращенію, а цвѣты и плоды ко услажденію Читателя. Пожатые съ ихъ тучныхъ нивъ плоды стану возлагать на вѣсы справедливости и разсудка здраваго, да несомнѣнное равновѣсіе откроетъ мнѣ пороки Правительства и страсти Владѣтелей, и вскроетъ завѣсу заблужденій подданныхъ и своевольства мятежниковъ. Тогда извлеченная изъ мрака истинна сама о себѣ повѣдывать и вѣрное предлагать будетъ заключеніе. Тогда очищенная сомнительствѣ вѣроятность, вспомоществуемая непреложными естественнаго и гражданскаго закона доказательствами, ежели не явитъ справедливости, то по крайней мѣрѣ заступитъ ея мѣсто. Тогда покоящаяся на общественныхъ политическихъ основаніяхъ взаимность членовъ государственныхъ отверзетъ мнѣ источники и дерзкаго непостоянной черни возмущенія, и вредныя самовластія оплошности; да всѣхъ состояній люди, съ полезнымъ должностей своихъ напоминаніемъ, читаютъ Опытъ повѣствованія

моего; да научится народъ, что безъ законовъ и строгаго оныхъ наблюденія, блаженство его въ безначальствѣ существовать не можетъ; да узнаютъ и власти земныя, что въ безпредѣльномъ насиліи и неправосудіи кроются собственныя ихъ безпокойства, опасность и бѣдствія, иногда неизцѣльныя, чему въ обоихъ случаяхъ несчастная Франція кровавые примѣры нынѣ показала. Я вѣдаю, что зловредное ласкательство безстыдно творитъ Государей богами, уставы естества побѣждающими, слѣдовательно и разумнѣйшими и ученнѣйшими паче всѣхъ смертныхъ. Я вѣдаю, что, по таковому ихъ предубѣжденію, и дерзко и тщетно предлагать имъ правила о правленіи писавшихъ творцовъ; дерзко, понеже рѣдкіе изъ нихъ хладнокровно взираютъ на осужденіе предковъ ихъ пороковъ; тщетно, понеже рѣдко достаетъ имъ времени на чтеніе нравственныхъ писаній. Но сіе однакожъ не должно ни любомудрца отъ нравоучительныя удерживать проповѣди, ниже Дѣеписателя принудить къ промолчанію пороковъ ихъ прародителей. Ежели къ просвѣщенію Государей и не служатъ такія писанія, по крайней мѣрѣ гнусность ласкательства въ читающихъ омерзить онѣ удобны. Иногда новость книги и Государево побудитъ любопытство, естьли не къ прочтенію, то къ просмотрѣнію нѣкоторыхъ листовъ; а сего и довлѣетъ благоразумному Государю; довлѣетъ ему,

когда и нечаянно узрит он мерзость живаго ласкательству изображенія. Тогда, яко в волшебном Ренальдовом зерцалѣ, откроется ему, что ласкательство есть смертная отрава самым добродѣтельнѣйшим и самым разумнѣйшим Государям, добродѣтель и разум их умерщвляющая. Ласкательство бо пріемлет разныя, по разности характеров Государских, личины, и под ними тайные свои виды скрывая, обращает их в виды Государевы. Оно твердит повсечасно, что нѣт ему иныя укоризны, кромѣ суда Божія; а иногда, в безстыдном стремленіи, и непреложность его отрицать дерзает. Оно гонит от Государя и погубляет истинны вѣщателей. Оно занимает часы его забавами, и время, иногда на правосудіе опредѣленное, тщеславіем; как нѣкогда юнаго Нерона в дурнаго стихотворца и мерзкаго гаера неумѣренная похвала и рукоплесканіе — его из Кесаря обратили. Оно отвращает его от полезнаго обозрѣнія пружин правленія, которых он есть двигатель и исправник, и которыми он всю политическую махину в движеніи содержит. Оно разнообразным кощунством пресѣкает его размышленія, и почерпаемую из книжнаго источника цѣлительных врачевств воду шутственно в питіе безплодное обращает, и самыя душеспасительныя источника сего струи, ядоносным глумленіем, в отраву пре-

См. избавленный Іерусалим, Поэму Тассову.

творяетъ. Симъ лишаетъ Государя единственнаго къ уврачеванію иногда скорбящія его души пособія. А понеже въ родѣ человѣческомъ никто не изъятъ отъ большихъ или малыхъ нравственныхъ слабостей и пороковъ, подобно какъ и отъ тѣлесныхъ болѣзней; то по тому никто и отъ врачевства въ обоихъ случаяхъ не изключается. Подданные имѣютъ надъ собою власть, законы, уставы, и силою оныхъ врачуются; а Государь имѣетъ совѣсть, и, оную обновляя чтеніемъ, самъ себя врачуетъ. И къ сему точно нужно есть Государямъ познаніе предковъ ихъ пороковъ, да оное подаетъ врожденной совѣсти ихъ душеспасительное врачеваніе; но казни достойное ласкательство и сея цѣльбы часто ихъ лишаетъ, погружая въ дремоту праздности и недѣятельности. Можно ли и справедливо ли, послѣ сего описанія, обвинять Государей? Они ли причиною могущему въ государствѣ обращаться злу? Отнюдь нѣтъ! Сами, сами подданные всему, на что иногда жалуются, всегда бываютъ виною. Сего ради ласкатели ничего такъ не страшатся, какъ пробужденія Государева, и въ сей опасности изливая ядъ свой на глаголющихъ истинну, отъ престола ихъ удаляютъ; писанія правдолюбцевъ именуютъ преступленіемъ, и Писателя, злодѣемъ порицая, то въ глумленіи, то въ важности вида на казнь осуждаютъ; а потому часто не оскорбленіе величества, но осуж-

денїе ласкателей прїемлется за оскорбленїе величества и наказуется. Тацитъ свидѣтельствуетъ, что Государи едва не больше ли отмщаютъ оскорбленїе къ нимъ приближенныхъ, нежели свое собственное. „Рѣдко, говоритъ онъ, терпятся правдолюбцы, когда они отнюдь не „верховную осуждаютъ власть, но токмо „льстецовъ и временщиковъ съ благородною обличаютъ смѣлостїю. Обличенїе временщиковъ и любимцевъ, продолжаетъ онъ, всегда оскорбленїемъ величества прїемлется.„

На объявленномъ безпристрастїя основанїи пощусь я созидать пространное сочиненїя моего зданїе. Опытъ повѣствованїя моего начинается отъ самыя баснословныя прехожденїя сѣверныхъ народовъ древности, и будетъ о Россїи продолжаться до временъ настоящихъ, или, лучше сказать, доколѣ продлятся дни живота моего, и сколько тѣлесныя и душевныя дозволятъ силы. Первымъ корнемъ времени повѣствованїя Россїйскаго поставляю я баснословное Славянъ и Руссовъ на Днѣпръ и Волховъ пришествїе, и на брегахъ сихъ рѣкъ политическое ихъ обществъ сооруженїе. Баснословное мое сказанїе продолжается до Князя Рюрика, Сѣверныхъ Руссославянъ единодержавца, и Игоря, сына его. Единодержавное въ Кїевѣ и въ Новѣградѣ владычество окончаетъ баснословїе, и откроетъ политическое тѣло Монархїи Руской. Къ сему времени присовокупляю

я завоеванія и разширенія Россіи слѣдующими Игорю потомками, и представивъ при Равноапостольномъ Владимірѣ I ея могущество, окончаю смертію сего Великаго Князя, и раздѣленіемъ на удѣлы государства первое дѣяній Руских время. Второе времени теченіе помѣщаю отъ раздѣленія Монархіи на удѣлы, и продолжаю до крайняго ихъ размноженія, предлагая непрерывныя Князей междоусобія, и окончаю раздѣленіемъ на два великихъ Княженій Россіи. Третій корень времени начинаю отъ пренесенія изъ Кіева сильнѣйшаго велико - Княжескаго престола во Владимірѣ, Клязьмою орошаемый; и сіе время оставя въ Кіевѣ, единая токмо тѣнь прежнія власти продолжится до нашествія Татаръ и возложенія на ослабѣвшіе Россіи члены ига потомковъ Чингисовыхъ. Нашествіе сихъ варваровъ, четвертою точкою времени признавая, возвѣщу горестное Россіи подъ сими пришельцами стенаніе, продолжавшееся до Іоанна III по имени, Великаго Князя Московскаго. Во всѣ сіи времена, поелику возможно, держаться я стану въ точности обьявленныхъ Дѣеписателей нашихъ, и не разрывая общія государственныя связи, одну излишность токмо частныхъ дѣяній иногда сокращать стану. Но съ начала государствованія Іоаннова, иначе сказать, отъ соединенія симъ Государемъ Монархіи Руской въ первобытное ея единодержавное тѣло, начнется пятое времени отдѣле-

ніе, и продолжится до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича, отъ рода Романовыхъ. Сего великаго Іоанна на Московскій престолъ вступленіе по многимъ причинамъ корнемъ новаго времени въ Рускомъ повѣствованіи почитать подобаетъ; ибо отсюду начинается видъ того состоянія, въ которомъ нынѣ превознесенная Россія, въ политику Европейскую при немъ вшедшая, могущество свое повсюду простираетъ. Хотя Іоаннъ III во все государствованіе свое не хотѣлъ Царемъ называться; но какъ внѣшніе, такъ и нѣкоторые наши Писатели нарицаютъ его Царемъ и первымъ Самодержцемъ Всероссійскимъ: то отъ него намѣренъ я продолжать повѣствованіе мое подражаніемъ Тациту, который, оставя свою лѣтопись, писалъ частныхъ Кесарей царствованія и жизни. Я начну отъ сего нашего перваго Самодержца каждаго Государя царствованіе, дѣла и дѣянія, въ особенномъ житіи его, описывать подробнѣе; ибо Іоаннъ, премѣнивъ древній образъ правленія, сталъ его приводить въ разнообразное съ прочими современники своими Самодержцы Европейскими, и славою своею поглощать славу прочихъ Князей и Бояръ Россійскихъ. Онъ принялъ въ печать Государственную гербъ Императорскаго двуглавнаго Орла. Онъ первымъ завоеваніемъ Казани положилъ основаніе къ низверженію ига Татарскаго и къ послѣдующему царства Казанскаго при внукѣ его покоренію.

Одержанными надъ Татары побѣдами открылъ онъ спящія великаго Россійскаго тѣла очи, и возбужденному сему исполину показалъ, что онъ непобѣдимъ, повинуяся главѣ единой. Онъ призваніемъ отъ Запада художниковъ воскресилъ у насъ умерщвленныя Татарами художества, и дверь къ ученію отверзъ. Отъ сего въ Рускомъ повѣствованіи новаго корня времени увидимъ мы возобновленіе сношенія нашего съ Европою, которое игомъ Татарскимъ пресѣчено было, и невозбранное подданнымъ Россійскимъ въ чуждые краи путешествіе, которое суевѣріемъ и властію духовенства возпрещалося. Іоаннъ III, начавъ посланія своихъ и содержаніе при Дворѣ своемъ чужестранныхъ Пословъ, отворилъ намъ дверь во храмъ Европейскаго просвѣщенія, и древнее суевѣріе, тому возбраняющее, отвергнулъ. Въ слабостяхъ сына его Василія, и въ тиранскомъ владѣніи внука его, Іоанна IV, откроются намъ причины къ разоренію Государства и къ послѣдующимъ волненіямъ, чрезъ нашествіе Поляковъ и коварство Шведовъ нанесеннымъ; ибо въ сіе нещастное время родъ Рюриковъ уступилъ Руской престолъ избранію побочныхъ сопритязателей, и преданъ сталъ Михаилу Ѳеодоровичу Романову, отъ котораго начинающаяся паки обновляться Россія покажетъ шестое свое время, продолжавшееся до ПЕТРА I. Императора, а отъ Него до Дщери Его Елисаветы Первой,

и при половинѢ Ея царствованія долженствуетЪ по намѢренію моему кончиться все пространное мое повѢствованіе. Блаженная бо Россія покажетЪ тогда небывалое вЪ мірѢ событіе, и откроетЪ новѣйшее время, которое любомудрцы златымЪ вѢкомЪ, не видавЪ его никогда, нарицаютЪ, и которое ничто иное есть, какЪ царствованіе Великія ЕКАТЕРИНЫ II; ибо, по ихЪ понятію, златый вѢкЪ явится при возшествіи на престолЪ добродѢтели и человѢколюбія. Когда же то случится, какЪ естьли не при благословенной Ея ДержавѢ? ВЪ Ея токмо время, омокаемое вЪ крови человѢческой повѢствованія перо перемѢнится на кисть, красками милосердія преисполненную, да нѢжнымЪ живописи искуствомЪ изобразитЪ благоденствіе Россія, и да покажетЪ вселенной несравненную ни сЪ кѢмЪ славу и превосходныя отечеству нашему благодѢянія сея превеличайшія вЪ женахЪ и вЪ числѢ самыхЪ великихЪ мужей знаменитѢйшія Монархини.

Но не мнѢ сіе щастіе Судьбою предопредѢлено. Занявшійся пространнымЪ еще продолженіемЪ, не могу я ласкаться, чтобЪ лѣта жизни моея дозволили мнѢ достигнуть до сего златаго вѢка; а притомЪ не меньше и то признаю препятствіемЪ, что Природа не ущедрила надо мною достаточныхЪ силЪ кЪ достойному преподанію потомству дѢлЪ Ея великихЪ, и кЪ живому изображенію благо-

денствія нашего подъ кроткою толь человѣколюбивѣйшія Государыни державою. Хотя честолюбіе и великое раждаетъ къ тому желаніе, но слабость дарованій моихъ твердитъ, что потребно къ тому ума Плутархова и краснорѣчія Цицеронова, двухъ такихъ способностей, которыхъ въ себѣ не ощущаю. Убѣжденный сими естественными причинами, хотя вижу невозможность исполнить толь недозволенное предѣломъ лѣтъ и превосходящее способность мою дѣло; однакожъ не лишу себя удовольствія быть участникомъ въ отданіи Величеству Ея должныя справедливости. Естьли безпристрастіе и истинна могутъ вмѣсто Плутарховыхъ и Цицероновыхъ дарованій воспріяться, то потщуся я въ Опытѣ моемъ часто съ Читателемъ о ней бесѣдовать. Хощу бо и посильно напрягаюсь, да между прочими искуснѣйшими о ней Писателями увѣдаетъ по крайней мѣрѣ и чрезъ меня потомство истинный гласъ Ею обладаемаго и намъ современнаго народа; гласъ, которой естьли мы живущіе нынѣ предадимъ молчанію, то каменія въ великолѣпныхъ Ея зданіяхъ возопіютъ, и славу дѣлъ Ея и небреженіе наше домчатъ до вѣковъ позднѣйшихъ. Ты, отечество наше, доколѣ существовать на шарѣ земномъ будешь, и сыны твои доколѣ станутъ еще читать писаніе вѣковъ прошедшихъ и настоящаго нашего блаженства, дотолѣ не должна истребиться въ тебѣ память Великія

ЕКАТЕРИНЫ! Ты собою свидѣтельствовать обязана, что имя Ея столько тебѣ любезно, сколько жизнь Ея намъ, сожи-вущимъ Ей, драгоцѣнна! Я увѣренъ, что сіе предсказаніе мое сбудется; а естьлибъ вообразилось мнѣ, что память Ея въ безднѣ вѣковъ потребится; то не меньше сожалѣлъ бы я объ уронѣ потомства, сколько сѣтую, воображая, что Она, вѣчно жить достойная, не безсмертна. Потомки! не отриньте гласа вѣщающаго истинну. Не щедротъ Ея предубѣжденіе перомъ моимъ руководствуетъ; не словомъ токмо, но дѣломъ докажу вамъ справедливость сего восклицанія. Вы узрите изъ писанія моего, что мы свободно мыслимъ и свободно изъясняемся; а сіе есть первый человѣколюбія Ея даръ. До милосердыя Ея державы въ сущемъ воздыхая рабствѣ, не дерзнулъ бы никто изъ предковъ нашихъ не токмо писать, ниже во уединеніи, подобно мнѣ, мыслить. Она первая изъ всѣхъ Рускихъ Государей восхотѣла царствовать надъ свободными подданныхъ Своихъ сердцами, и даже до имени раба, рабство закономъ истребила. Она, священною грамотою утвердивъ права и преимущества Дворянъ, благородную тѣла сего душу тѣмъ паче ко отечеству и къ Своему престолу присоединила. Сими дѣяніями, симъ человѣколюбивымъ души расположеніемъ заслужила Она первая изъ всѣхъ до Нее бывшихъ Царей нашихъ по достоинству любезное имя Матери Отечества.

Я вижу при семъ любопытство Читателей, вопрошающее меня, коимъ образомъ и къ чему въ повѣствованіи бытія задолго бывшаго и вѣковъ прошедшихъ удобь возможно прилагать дѣянія нынѣ царствующей Государыни? Отвѣтствую, что ради природныхъ Ея качествъ и дѣлъ, великаго Государя достойныхъ, дозволилъ я себѣ поставлять Ее въ образецъ всѣмъ Владѣтелямъ, да мысленно на Нее взирая, уподоблятися Ей стараются; дозволилъ себѣ достохвальныя Ея дѣла и превосходящее всяческое воображеніе Ея человѣколюбіе предлагать, въ сношеніи съ бывшими, къ подражанію будущимъ; дозволилъ нарицать Ее къ основанію моихъ понятій, къ точности разсужденій и къ доказательствамъ моихъ умозаключеній. Гдѣ будетъ, на примѣръ, гремѣть слово мое противъ тиранства, предполагая злу сему сострадание, щадящее человѣчество, тамо довлѣетъ сказать въ доказательство: „такова есть ЕКАТЕРИНА II.„ - и сіе утвержденіе безпрекословно будетъ. Гдѣ случится осуждать мнѣ законодавца корыстолюбнаго, кровожаждущаго, безчеловѣчнаго, довольно утвердить осужденіе приводомъ кроткихъ, щедрыхъ и милосердыхъ законовъ ЕКАТЕРИНЫ II. Гдѣ мерзость вымышляемыхъ злодѣями доносовъ строго законами повелѣвается, и подлости дается поползновеніе взводить затѣянныя на честность преступленія, тамо сильно возразитъ отвращеніе отъ богоненави-

стнаго вопіяния *слова* и *дѣла* — великодушіе ЕКАТЕРИНЫ II. Гдѣ съ содроганіемъ сердца принужденнымъ найдуся упоминать тѣлесныя изтязанія, разпросныя мученія и пытки жестокія, и уличать тиранновъ, что тиранство сіе не есть средство къ открытію истины; тамо силу доказательства моего уважитъ и оправдитъ Божеству подобное сострадание ЕКАТЕРИНЫ II., спасшее человѣчество отъ изтязанія толь безполезнаго. Гдѣ обогащается тираннъ имѣніемъ мнимыхъ иногда преступниковъ, лишая неправедно онаго невинныхъ дѣтей и родъ несчастныхъ, подъ названіемъ: *взять на Государя*; тамо отринувшая таковое вопіющее неправосудіе возразитъ злодѣю сему ЕКАТЕРИНА II. Гдѣ наконецъ о бывшіи казни, кровь многочисленнаго количества подданныхъ вдругъ, единовременно, единочасно проліявшей, повѣствовать и возражать противу мучителя рода человѣческаго изъясненіемъ милосердія принужусь; тамо въ помощь мою приспѣетъ Премудрая ЕКАТЕРИНА II, и божественнымъ рѣчетъ гласомъ: „Неповинна Я во все царствованіе Мое въ смерти единаго подданнаго Моего, и горячими слезами обливала казнь, строгостію законовъ и „Суда соборнаго осужденныхъ, истинныхъ враговъ отечества, звѣрообразныхъ „лютаго мятежа начинщиковъ; но заблужденное человѣчество и при томъ щадила; а преступившихъ лично противъ

„Меня злодѣевъ всегда прощала, и ненавидѣвшимъ Меня воздала благодѣяніемъ." Такова Великой ЕКАТЕРИНЫ II. великая душа! Свидѣтельство мое не ложное, самовидѣцъ бо дѣлъ Ея; и по тому во всемъ повѣствованіи моемъ добродѣтелями и законами Ея ограждаться стану.

За симъ обращаюсь паки къ предначертанію моему. Я назвалъ сочиненіе мое *Опытомъ повѣствованія о Россіи*. Не могу предварительно увѣрить, исполню ли обѣщанное заглавіе; судить оное Читателямъ остается. Церковное повѣствованіе, особливо дѣянія чудотворныя, яко къ намѣренію моему не принадлежащія, рѣдко будутъ занимать Читателя; вопервыхъ для того, что оно во всемъ пространствѣ черноризными лѣтописцами нашими предложено; вовторыхъ по тому, что трудно и едва ли возможно естественное любомудріе согласить съ чудесами, всегда уставы естества побѣждающими. Разсудокъ человѣческій долженъ молчать и удивляться, когда Божіе дѣйствуетъ всемогущество. Я раздѣляю сочиненіе мое на книги, по мѣрѣ цѣпи приключеній, дабы взаимная одного времени связь дѣяній безъ окончанія не прерывалась; и для отдыхновенія Читателю и себѣ, каждую книгу начинать я стану вступленіемъ, содержащимъ приличное предыдущимъ дѣяніямъ разсужденіе, въ которомъ мое собственное иногда любомудріе мыслями моими руковод-

ствовать будетЪ. Сіе почелЪ я нужнымЪ сердцу моему услажденіемЪ и единою труда моего мздою. ВпрочемЪ лѣтоизчисленіе полагаю непремѣнное, и самое то, какое нахожу вЪ ДѣеписателяхЪ, начиная годЪ вЪ первой книгѣ по древнему обыкновенію сЪ Пасхи, а потомЪ среднему изчисленію сЪ 1 Сентября слѣдую, и поелику возможно, наблюдать оное по лѣтописи Татищевой потщуся; ибо прочими Нестора продолжителями, особливо сЪ изхода XII вѣка, нахожу иногда начало лѣта смѣшенно, то сЪ весенняго, то сЪ осенняго солнца оборота. ЧтожЪ касается до слога вЪ писаніи моемЪ, оный хощу имѣть повсюду сказательный и соразмѣрный слабыя моея способности. Иногда пріемлю я вольность употреблять вышшій, иногда средственный, по существу важности сказаній, или паче сказать, подобный настоящему предисловію. За красоту его не отвѣтствую, но вразумительность и ясность обѣщаю; а убѣдительно ли и краснорѣчиво ли вѣщаніе мое будетЪ, то, яко до Читателей принадлежащее, ихЪ безпристрастному предаю сужденію, и судЪ ихЪ пріиму сЪ равнодушіемЪ; ибо понравится ли оно, радости ощущать не буду; не понравится ли, скорби не возчувствую. Я обьявилЪ уже, что во время житія моего не уповаю издать на свѣтЪ моего повѣствованія; чему и причины многія имѣю. Неоконченное сочиненіе, по книжкамЪ издающееся, отьемлетЪ у Со-

чинителя удовольствіе выправлять погрѣшности, могущія не инымъ чѣмъ, какъ токмо послѣдственнымъ продолженіемъ открыться и неприятнаго осужденія быть виною, тѣмъ паче, когда я, не суетныя ища славы, трудиться предпріялъ. Сильнѣйшее еще препятствіе есть опасность, да не сочтутъ меня не пріобыкшіе къ такому роду сочиненій язвителемъ бывшихъ Государей, которыхъ, по закоренѣлому можетъ быть страху и предубѣжденію, и великими и Отцами отечества почитаютъ, а повѣствованія справедливость инако ихъ описуетъ. Хотя народныя мысли щедротою Великой ЕКАТЕРИНЫ, Самодержицы нашей, и развязаны и отъ мечтательнаго освобождены страха; но одни рабо- лѣпства духа еще полны, и долгаго времени къ изтребленію его требуютъ; другіе дерзновеніемъ своемыслія такъ заражены, что и невинныя слова могутъ обратить въ пищу несмысленнаго ихъ о вольности гражданской понятія и своевольнаго заблужденія. Еще многихъ знаемъ мы изъ благородныхъ людей, кои и того вообразить себѣ не смѣютъ, что страхъ къ умершимъ и ихъ могущество и наказанія купно съ ними погребаются. Есть еще наслышавшіеся отъ отцовъ дѣти, кои, кажется, ощущаютъ еще и нынѣ ту дубину, которую родители ихъ съ благоговѣніемъ лобызали. Есть много и чадъ развратности, которые самую законную власть игомъ быти

мнятъ, и плевелы Французскихъ изверговъ, не понимая общаго вреда, почитаютъ блаженствомъ рода человѣческаго. Первымъ надлежало бы удостовѣриться, что когда царствуетъ милосердіе, и сѣдитъ на престолѣ человѣколюбіе, тогда забывается болѣзнь и уврачеваются язвы; надлежало бы имъ опомниться, что нѣтъ къ забвенію Тиверіевъ и Нероновъ удобнѣйшаго времени, какъ при Маркѣ Авреліи и Великой ЕКАТЕРИНѢ II. Въ чувствованіяхъ толь премудрыхъ Государей столькожъ дубина гнусна, сколько и подданныхъ хребтамъ она чувствительна; столькожъ затѣянная въ досадахъ клевета мерзка предъ очами ихъ, сколько невинности зловредна и пагубна. Другимъ надлежитъ памятовать, что развращенные нравы смирительными домами исправляются; а вольномысліе, къ нарушенію общаго покоя поползновеніе раждающее, наказуется строгостію законовъ; и дерзновенные плевелъ сѣятели изъ общества казнію изторгаются, такъ, что и самое милосердіе спасти ихъ отъ присуждаемаго правосудіемъ зла не можетъ. Сіи суть важныя причины, могущія воздержать безкорыстнаго Писателя отъ тисненія и обнародованія подобныхъ моему сочиненій. Я умалчиваю о малыхъ еще досадахъ, каковы суть осужденія, похуленія и козни, кои другими Сочинителями иногда и неправедно, яко ядовитыя стрѣлы, спущаются и чувствительность раз-

дражаютЪ самаго кроткаго Писателя. Зависть и ненависть творцовЪ никогда не дремлютЪ; имЪ обыкновенно кажется, что малѣйшая, особливо справедливая отЪ общества одному похвала, всѣмЪ имЪ уничтоженіе; потому соединенно на того наступаютЪ, и вЪ семЪ токмо единомЪ случаѣ соединеніе ихЪ бываетЪ видно.

Все сіе совершенно вѣдая, почто мнѣ желать, чтобЪ остатокЪ дней моихЪ обуреваемЪ былЪ досадою, и спокойное мое сердце самопроизвольно навлеченными стрѣлами уязвлялось? Почто притомЪ и спѣшить мнѣ изданіемЪ моего Опыта? Почто подвергать себя суду или завистныхЪ или раздраженныхЪ судей? *Хорошее сочиненіе можетЪ Сочинителю принесть имя хорошаго Писателя, а отнюдь не приноситЪ имени человѣка честнаго и добродѣтельнаго.* Сіи свойства суть пріобрѣтенія воспитаніемЪ и нравственнымЪ ученіемЪ, даруемыя и паче природою кЪ добру расположеннаго сердца. И такЪ, держась всѣхЪ вышереченныхЪ правилЪ, рѣшился я писать, продолжать и сохранять ОпытЪ повѣствованія моего отЪ свѣта, кромѣ друзей моихЪ, вЪ незнаніи. Ежели сочиненіе мое будетЪ достойно чтенія и достигнетЪ вѣковЪ будущихЪ, и естьли потомства нашего Читатели разсудятЪ за благо поставить меня вЪ число Повѣствователей сносныхЪ и восхотятЪ извлечь трудЪ мой изЪ

забвенія, то выдетъ и тогда изъ подъспуда чадо мое, отдастся ему надлежащая справедливость; и можетъ быть, въ награду усердія и труда моего, а паче къ славѣ Отечества нашего, произведетъ оно смѣльству и искренности духа моего подражателей въ писцахъ искуснѣйшихъ, и дастъ Россіи повѣствованіе совершеннѣйшее.

ОПЫТЪ
ПОВѢСТВОВАНІЯ
О
РОССІИ.

КНИГА I.

По всеобщемъ вступленіи, баснословное о пришествіи въ Сѣверъ народовъ сказаніе содержащая.

Bayerische Staatsbibliothek MÜNCHEN

ВСЕОБЩЕЕ ВЪ ПОВѢСТВОВАНІЕ ВСТУПЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О причинѣ разсѣянія народовъ по потопѣ.

§ 1.

Изслѣдованія первоначалія и праотцевъ частныхъ народовъ есть дѣло не токмо трудное, но и едва ли возможное. Ѣдкая древность и многія на шарѣ земномъ бывшія перемѣны учинили первобытныя различныхъ народовъ совокупленія во глубинѣ неисповѣдимыхъ временъ погребенными. Самое лѣтоизчисленіе намъ сомнительно. Разность Хронографовъ Греческихъ и Римскихъ есть камень претыканія, о которой довѣренность наша къ обоимъ разшибается. Всеобщій потопъ пожралъ даже до именъ бывшихъ отъ сотворенія міра народовъ, и не имѣемъ мы какъ о бытіи оныхъ, такъ и о самомъ потопѣ, кромѣ трехъ вѣщателей, кои, по разности вѣръ и по великому въ стихотворствѣ дарованію, священными именуются. Санхоніатонъ Финикійскій, Тотъ или Ермій Трисмегистъ Египетскій, въ выпискахъ у Плутарха и Евсевія намъ оставшіеся, и божественный Моисей, законодавецъ Еврейскій, суть оные три повѣствователи, кои о древнемъ бытіи нѣкое темное предали намъ понятіе; а понеже и сіи по свойству стихотворцевъ таинственны суть, то кажется и достигшее до насъ ихъ сочиненіе не въ прямомъ, но въ

Трудность изслѣдованія о прехожденіи народовъ.

иносказательномЪ смыслѢ принимать надлежитЪ. НедостатокЪ однакожЪ иныхЪ извѢстій побудилЪ старыхЪ и новыхЪ Писателей почерпать о первоначалїи по потопѢ разсѢянныхЪ народовЪ единственно изЪ сихЪ трехЪ источниковЪ; особливо Ветхій ЗавѢтЪ учинился основанїемЪ и священнаго и свѢтскаго повѢствованїя. Аглинское ученое Собранїе, по многомЪ изслѢдованїи началЪ, соорудило на семЪ единственно основанїи огромность своего всеобщаго о цѢломЪ мїрѢ повѢствованїя, и наши коренные дѢеписатели, и всѢ о СкифахЪ, СлавянахЪ и Славяно-РуссахЪ писавшїе внѢшнїе творцы, отЪ Моисеева о потопѢ и при столпѢ ВавилонскомЪ раздѢленїя языковЪ начинаютЪ свои дѢесказанїя. Сокровище писанїя Моисеева не просто, кажется, отЪ всѢхЪ суровостїю вѢковЪ пожранныхЪ преданій вЪ цѢлости до насЪ достигло; но конечно ради святости его; а потому хотя слога таинственнаго ради не всѢ вЪ точности понимаемЪ, но вЪ истиннѢ сомнѢваться не можемЪ. И такЪ по примѢру Аглинскаго Собранїя послѢдуемЪ и мы вЪ преселенїи СкифовЪ, праотцевЪ нашихЪ, сему божественному Писателю (*); однакожЪ не часто, и токмо вЪ необходимыхЪ случаяхЪ ссылаться на него будемЪ, дабы иносказанїе его простою не показалося истиною.

(*) МоллетЪ, во вступленїи вЪ Датскую Исторїю, Скифами населяетЪ весь СѢверЪ, особливо Кимврами, единымЪ изЪ СкифовЪ племенемЪ; и ТитЪ Ливій проводитЪ ихЪ вЪ Италїю, подЪ именемЪ ВенетовЪ; а оттуда по долгомЪ времени видимЪ сихЪ ВенетовЪ и вЪ хладный нашЪ СѢверЪ пришедшихЪ.

§ 2.

Напрасно свѣтскіе и весьма по потопѣ поздные Писатели, и паче Іосифъ Флавій Евреянинъ и Берозій Халдеянинъ, примыслили раздѣленіе земнаго шара дѣтямъ праведнаго Ноя. Названія Европы, Азіи и Африки суть имена поздныхъ временъ, звѣздословами и земле-описателями для ясности ихъ понятій приложенныя. Въ божественномъ Моисеевомъ писаніи не обрѣтаемъ мы, чтобъ Ной, какъ сказываютъ они, далъ сынамъ своимъ: Афету Европу, Симу Азію, Хаму Африку. Сей однакожъ Еврео-греческій вымыслъ ввелъ въ крайнее заблужденіе нашихъ лѣтописцевъ, которые, Флавія принявъ въ основаніе, приступили уже и къ раздѣлу частей сихъ на разныя Государства, и дали обитавшимъ въ нихъ народамъ имена, кои весьма поздно на разсѣяніи отъ Востока языковъ извѣстны стали. Отъ сего заблужденія впалъ Несторъ нашъ и въ другое, даже и писанію Моисееву прекословное, якобы раздѣленіе земель, слѣдовательно и самое языковъ смѣшеніе до столпотворенія произходило. Напротивъ того Ветхозаконникъ Моисей точно говоритъ: „*бѣ вся земля устнѣ единѣ и гласъ единъ всѣмъ.*„ Тамъ же объявляетъ онъ, что весь родъ человѣческій, по сшествіи съ лица земли общаго потопа водъ, обиталъ вкупѣ въ долинѣ Сеннеарстей, гдѣ потомъ чрезъ долгое время и Вавилонскій столпъ и самый градъ Вавилонъ общими всѣхъ живущихъ силами соорудились (*).

Разсѣянія народовъ по потопѣ.

Несторъ въ началѣ своей лѣтописи.

смотр. примѣч. Г. Татищева, кн. II. п. I.

Быт. гл. XI.

(*) Моисей сказуетъ гл. X, ст. 30, по изчисленіи всѣхъ родовъ: и быть селеніе ихъ отъ Маси, даже пришти до Софира, горы восточныя.

При первомЪ сего единоплеменнаго народа размноженіи, необходимо оку любомудрія встрѣтиться долженствуетЪ тожь, что и Моисей вѣщаетЪ: *бѣ бо гласъ единый*, то есть, что всѣ тогда живущіе единый законЪ духовный и гражданскій и единый языкЪ имѣли. Единое политическое обществЪ ихЪ было постановленіе, и кажется Селпойственное, старшими изЪ родЪ управляемое. Простота и непорочность нравовЪ инаго правленія не предполагаетЪ; а потому естественно таковому быть ему надлежало. Сыны Ноевы, размножая роды свои, долженствовали управлять дѣтьми и внучатами, подобно отцамЪ, вЪ простотѣ сельской и нынѣ домашними своими управляющимЪ. Правленію ихЪ подобало быть законодательному; образЪ сущій Монархическаго единодержавія, вЪ которомЪ послушаніе дѣтей есть уставЪ должнаго вЪ Монархіи Государю, яко главѣ своей, повиновенія. Разсѣялись сіи маленькія Монархіи по пространству окружныя земли; но отЪ мѣста Ноева, по изшествіи изЪ ковчега НоемЪ избраннаго, не весьма далеко разпространяли селенія свои; но по мѣрѣ народнаго размноженія занимали свои предѣлы. Принесенное отцами отЪ первобытныхЪ до потопа людей рукодѣліе преподало имЪ ремесло, нужное сохраняться отЪ непогодЪ безпокойныхЪ вЪ созданіи шалашей и домовЪ и отЪ наготы вЪ пріуготовленіи одеждЪ. Земледѣліе, повсюду общежитію слѣдующее, разными житами, а скотоводство млекомЪ ихЪ питало. ВЪ такомЪ состояніи призыва-

И гл. XI. ст. I: и бысть вся земля устнѣ единѣ и гласЪ единЪ всѣмЪ.

нїе единаго Бога, Творца неба и земли, составляло всю ихъ вѣру, а всесожженїе благоуханій все богослуженїе. Ничѣмъ покой ихъ разрушаемъ не былъ: ибо мирное житїе съ единоплеменными сосѣдями и спомоществованїе другъ другу единственный былъ уставъ ихъ и политика. Таковы воображаются мнѣ въ непорочности нравовъ земнородные, въ совокупномъ съ праведнымъ Ноемъ житїи.

§ 3.

Блаженъ бы былъ родъ человѣческій, естьли бы надолго могъ пребывать въ такомъ цѣломудрїи; но страхъ твердящагося въ умѣ его потопа исторгъ его изъ житїя спокойнаго, и нравы безкорыстны въ дѣянїи преобратилъ въ неистовые. Еще младенствующїй народъ по вышеобъявленному обиталъ въ долинѣ Сеннеарстей, когда непонятное его размноженїе гордеЛивою столпотворенїя мыслїю его заразило. Искушенїя кичливаго на силы свои упованїя предстало его воображенїю, и боязнїю новаго наводненїя понудило воздвигнуть до плавающихъ надъ поверхностїю земли облаковъ зданїе, Богу противное, (*) и къ пре- Откуда произошло нравовъ развращенїе?

(*) Богопротивно предпрїятїе сїе конечно было: ибо противно предопредѣленїю Его было. Господь Вседержитель до созданїя еще человѣка предположилъ населить вселенную, и провидя умышленїе человѣческое, предварительно объявилъ людямъ, чтобъ они вторичнаго потопа не опасалися, говоря Ною гл. IX Быт. ст. 8. 16: „Се азъ поставляю завѣтъ мой „вамъ и сѣмени вашему по васъ и всякой ду„ши, живущей съ вами, яко не умретъ вся„ка плоть къ тому отъ воды потопныя, и

обращенїю невинныхъ нравовъ причину подавшее. Упражненные въ тщетѣ несноснаго труда естественно долженствовали они оставить въ небреженїи полезное хлѣбопашество, и отвергнувъ повиновенїе своимъ подчиняться избраннымъ для указанїя работъ властямъ. Отсюда произошли народные вожди, и властолюбїе впервые личину свою открыло. Властолюбїе, какъ опытность намъ свидѣтельствуетъ, любитъ всегда повелѣвать и никогда не трудится, и потому примыслило подъ видомъ награжденїя недостатка земныхъ растѣнїй праздную звѣриныя ловли себѣ забаву, и прежде естественную ему кровожадность надъ звѣрьми явило. Тогда огромнаго человѣческаго зданїя тщету превѣчный Зиждитель мїра развѣсивъ съ непреложностїю судебъ Своихъ, смутилъ языки и разсѣявъ народъ по землѣ, опредѣлилъ разсѣянїя. Подъ предводительствомъ вождей люди разными сонмы стали тогда постановлять общества, и забывать кротость цѣломудреннаго ученїя. По мѣрѣ сего забвенїя слѣдовало преобращенїе влїяннаго отъ праотцевъ добронравїя, и звѣроподобныя стремленїя на мѣсто оныхъ заступать стали. Познанїе истиннаго Бога, въ зримомъ почитанїи

Быт. гл. XI.

„къ тому не будетъ потопъ водный: полагаю „дугу мою во облацѣ; будетъ та въ знаменїе „завѣта вѣчнаго между мною и землею; и „будетъ, егда наведу облаки на землю, явит-„ся дуга моя во облацѣ, и помяну завѣтъ мой, „и не будетъ къ тому вода въ потопѣ.„ Что можетъ увѣрительнѣе быть сего завѣта Божїя? и что дерзновеннѣе могло быть непослушанїя человѣческаго?

невидимаго и непостижимаго Существа состоящее, скоро въ желанїе представленїй видимыхъ превратилось; и почитанїе простое великолѣпныхъ богослуженїй обрядамъ уступивъ, измѣнило непорочность благоуханнаго всесожженія на жертвы кровопролитныя. Словомъ, все суевѣрїе, до потопа бывшее, возобновилось, и съ нимъ страсти и пороки нравственные возродились попремногу. Сказываютъ, что всѣ душепагубныя грѣхопаденія изъ первобытнаго мїра принесъ Хамъ, сынъ Ноевъ, за глумленїе надъ наготою отца своего проклятїю и съ родомъ его рабству преданный; онъ же былъ и первый многобожїя основатель, и Нимвродъ, внукъ его, а сынъ Хусовъ, изъ сильнаго ловца учинился первымъ Самодержавцемъ, заграбивъ власть безпредѣльную; а хотя въ родѣ Яфетовомъ и оставалось еще тогда истинное богослуженїе; но и то пышностїю первосвященниковъ не по многихъ лѣтахъ, и паче при Моисеѣ, во Іерархїю превратилось, съ огромнымъ скотовъ закланїемъ и въ жертву приношенїемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Начало и постановленїе многобожїя.

§. 4.

Похищенное Нимвродомъ самовластїе не могло ни существовать, ниже утвердиться при простотѣ истинныя Богословїи и любомудрїя, которыя ученїемъ Естественнаго Закона противоборствуютъ безпредѣльной власти, свободу человѣческую угнетающей. Сего святаго ученїя правиламъ соотвѣтствуетъ

Какъ произошло и что есть многобожїе?

единая токмо власть, самовольство и буйность народную связующая, и на заповѣдяхъ, отъ Бога человѣку данныхъ, основанная. Она сокращаетъ бурныя стремленія, и тишину въ обществахъ предписаніемъ должностей каждому сочлену строго наблюдаетъ. Напротивъ того самовластіе, желающее безотвѣтно повелѣвать, хощетъ, чтобъ прихотливыя его велѣнія безпрекословно исполняемы были. Оно не только врожденную въ человѣка свободу, но и самую его совѣсть связуетъ. Нынѣ прі-обыкъ къ нему родъ человѣческій; но въ пеленахъ его, при ощущаемомъ еще равенствѣ, въ семейномъ подъ управленіемъ отцовъ сожитіи вперенномъ, всяческое насиліе несноснымъ казалось ему игомъ. Сего ради Нимвродъ и ему современные и послѣдовавшіе Египетскіе и Сирскіе Цари принуждены были кроющуюся въ самовластіи жестокость наружными то угрожающими, то ласкающими сердцу человѣческому украсить личинами. Къ таковому глазъ ослѣпленію не нашлося лучшаго пособія, какъ суевѣрное многобожіе и присовокупленія къ гражданской безпредѣльныя духовныя власти: ибо первое занимаетъ мысли человѣка пышностію чиноположеній и праздниковъ, разнымъ божествамъ посвященныхъ, и внѣдряетъ въ душу его страха и надежды въ грядущемъ состояніи предубѣжденіе; а вторая обѣщаетъ ему, при объявленныхъ чувствованіяхъ, или мечтательное отъ Боговъ награжденіе, или неудобь сказуемое въ вѣчности мученіе; обажъ совокупно впечатлѣніемъ страха и надежды влагаютъ въ десницу тирана желѣзную само властія державу, и тяжкими узами рабств

Наказъ Ея Величества, ЕКАТЕРИНЫ II. смотри Улож.

связуютЪ человѣчество. Се начало древняго Еллинскаго многобожїя и достоинство рукотворныхЪ боговЪ разнообразныхЪ! Отсюда возродилось неизчетное количество божницЪ великолѣпныхЪ, и вЪ нихЪ сЪ обрядами богослуженїя сопряженная правительствЪ политика прикрылась таинственныхЪ образовЪ личинами, которыхЪ знаменованїе и толкЪ вЪ единомЪ жрецовЪ разумѣ и ученїи остались. Они не могли и не хотѣли однакожЪ совершенно изтребить изЪ понятїй человѣческихЪ единства Творца всемогущаго, ниже вЪ затворенныхЪ своихЪ училищахЪ предать забвенїю истинное о Богѣ и Творцѣ ученїе. Сего ради прибѣгли они кЪ порожденїю такихЪ представленїй, которыябЪ истинну Богомудрїя и знаменованїе сотвореннаго естества вЪ различности кумировЪ изображали; и хотя первою многобожїя виною было Нимвродово и подобныхЪ ему самовластїе, однако же и своевольство народовЪ, требовавшихЪ обузданїя, много кЪ тому споспѣшествовало. Долговременное безЪ проповѣди слова Божїя и безЪ подтвержденїя данныхЪ заповѣдей вЪ обществахЪ многолюдныхЪ житїе требовало постановленїя Вѣры, которую во многобожїи, страха и надежды преисполненномЪ, первобытные жрецы и постановили. А понеже симЪ многобожїя ученїемЪ вселенная вся до пришествїя Христа Спасителя была преисполнена, и наши Сѣверные прародители до крещенїя Владимира I во мракѣ онаго погружены были: то почитаю я не излишнимЪ, истиннаго Богопознанїя понятїями и опытностьми естества отторгнуть простертую древностїю на толь всеобщую

вѣру завѣсу, и поелику возможно показать, изъ какого источника несвойственное человѣку многобожія почитаніе произтечь и разумъ его нелѣпыми о себѣ баснями плѣнить могло. Любомудріе древнее, хотя почитаю сіе таинствомъ, споспѣшествуетъ однако нынѣ къ развязкѣ сего узла, и показуетъ разсужденію нашему чрезъ преданія ветхихъ мудрецовъ, какъ ухищренная политика, къ составу и благоденствію обществъ необходимая, шла къ выполненію своихъ намѣреній, и какъ съ преселеніемъ народовъ отъ востока пренесла она многобожную вѣру сію во всѣ концы вселенныя, и признаки ея, въ кумирахъ изображаемые, разсѣяла, и боготворить безчисленное идоловъ множество повсюду принудила: покажемъ притомъ, какъ умудрилась она и истинное понятіе о превѣчномъ Творцѣ неба и земли въ умахъ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ людей вовсе загладить.

§. 5.

Древнее ученіе о естествѣ Божественномъ.

Во всѣхъ древнѣйшихъ училищахъ находимъ мы основаніемъ Богословскаго ученія присущность Творца всего видимаго и невидимаго вещества, яко первоначальную вину, безъ которыя дѣйствіе творенія произойти не могло, и почитаемъ сію истинну безпрекословнымъ доказательствомъ, что Богъ есть: ибо видимыя дѣйствія являютъ причину. Всѣ учители Халдейскіе, Египетскіе, Персидскіе и Іудейскіе, всѣ любомудрцы Греческіе и Римскіе, всѣ идолопоклонники Индѣйскіе и Китайскіе, всѣ писатели Христіанскіе и самые Магометова заблужденія Арабскіе толкователи бытіе единаго превѣчнаго Творца признаютъ,

Первое умозаключеніе о твореніи вселенной.

нроповѣдуютъ, утверждаютъ. Епикуръ, и последователь ему Спиноза, съ нѣкоторымъ малымъ числомъ ихъ подражателей, хотя непреложнымъ доказательствомъ общаго признанія не пріемлютъ; но противнаго сей истиннѣ предложить не дерзаютъ (*); и хотя ищутъ они познанія существа Божія, но первоначальныя міросзданія вины отнюдь не отрицаютъ. Все заблужденіе ихъ состоитъ въ недоумѣніи, кто и какова сія вина, и какое опредѣлить ей наименованіе. Развратитель Богословіи Спиноза тщетнымъ умствованіемъ хощетъ и старается доказать Математикою, каковъ Богъ и Творецъ нашъ; а по сему, кажется, онъ есть болѣе тщеславнымъ, нежели безбожнымъ. Прямо ученые мужи, каковымъ и Спиноза почитается, не могутъ быть до такого степени безбожны, чтобъ отрицать присущность вины первоначальныя. Атеисты могутъ быть между мнимо учеными, которые, не понимая Спинозу, читаютъ его сочиненіе. Изъ таковыхъ суть сущіе невѣжды или новые любомудрцы. Часто, уповаю я, самъ Спиноза оцѣпенѣлъ, когда Леклеркъ боговдохновенный вопрошалъ его: можетъ ли человѣкъ, въ бренномъ произведенный естествѣ, о духовномъ и безсмертномъ, особливо о безначальномъ и безконечномъ, иное дѣлать себѣ понятіе, какъ развѣ чувственное? Слѣдовательно и воображеніе объ Немъ не иное

(*) Леклеркъ dans Demonſtrations de l'exiſtence et des attributs de Dieu pour ſervir de reponſe â Hobbés, Spinoſa et à leurs ſectateurs истинну сію такъ доказалъ, что довольно токмо сего единаго къ утвержденію свидѣтельства. Все прочее будетъ суесловіе.

будетъ, какъ соразмѣрное чувствамъ; а потому и Математика, къ доказательству однихъ только ощутительныхъ уже въ естествѣ веществъ пригодная, отнюдь доказать того не можетъ, что отъ чувствъ нашихъ столь удалено, сколь разнствуетъ плоть отъ непонятнаго нами Существа духовнаго. Сїе провидя и ощущая, истинные древнїе любомудрцы, къ основанїю Богословїя своего приступили симъ умозаключенїемъ, что всѣ вещи и вещества требуютъ къ бытїю своему художника или дѣятеля, и притомъ матерїи или запаса для произведенїя вещей, и умственно предположили первоначальною виною сотворенныя матерїи быти Богу; а естество или качество его художникомъ существъ и веществъ изъ сотворенной Имъ матерїи. Въ имени Богу надобности они не признавали, но изъ видимыхъ вещей извлекли Его присущность, всемогущество и несозданное, невидимое божественное Его естество, какъ Св. Апостолъ Павелъ (*) намъ сказуетъ; или паче сказать, утвердились въ понятїи Творца, наименовали Его первою виною естества видимаго, тѣлеснаго, ощутительнаго; притомъ когда и самое искуство открыло имъ, что въ тѣлесномъ естествѣ нѣтъ ничего одно другому точно подобнаго, ни равносильнаго, ни равновиднаго; словомъ, нѣтъ двухъ вещей

(*) Св. Апостолъ Павелъ такъ изъявляетъ посланїемъ: „и да причастницы будемъ божественнаго естества!„ слѣдовательно кромѣ Творца утверждаетъ онъ и божественное естество, отъ Него произшедшее и Ему соприсущное.

столь одинакихъ и столь сходныхъ, чтобъ не можно было при точномъ изслѣдованіи неравенства въ нихъ не примѣтить: то и заключали справедливо, что и двухъ равносильныхъ и равноподобныхъ винъ къ созданію и производству естества быть не можетъ: слѣдовательно первоначальной винѣ всего подобаетъ быть единой и себѣ самой токмо равной и подобной, какъ въ изчисленіи единица себѣ самой токмо равна, подобна, нераздѣльна. Сію единицу признали они превѣчною всяческаго творенія виною: ибо какъ предъ единицею нѣтъ никакого числа до безконечности; такъ и предъ первою виною никакія вины воображать не можно; и сего ради нарекли ее они Творцемъ неба и земли и всѣхъ существъ невидимыхъ и веществъ видимыхъ. На семъ основаніи умозаключительно утвердили Божію присущность отъ непостижимой безначальности до вѣчныя безконечности. Наконецъ сіе глубокое о единствѣ Божества понятіе въ нерукотворномъ и въ неизреченномъ умоначертаніи изобразивъ, Богомъ наименовали (*).

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О непорочномъ источникѣ многобожія.

§. 6.

Священное несотворённаго и безначальнаго Бога познаніе, изъ естества видимаго извлеченное и основанное на преданіяхъ древнѣйшихъ Изъ единства послѣдовавшее многобожіе.

(*) Такъ и Леклеркъ и Залѣской изъ твореній единаго превѣчнаго Существа, Бога, заключаютъ, говоря о наименованіи Ему, какое бы то ни было, нужды не находятъ.

Фрагменты, Евсевіемъ сбереженные, и Быт. гл. I.

Писателей, яко-то Египетскаго Тота или Ермія Трисмегиста и божественнаго Моисея, о сотвореніи міра повѣствовавшихъ, подвигло любомудріе прибѣгнуть къ умственному продолженію изслѣдованія истинны, которая сими первобытными Богословами въ молчаніи сокрывалась. Любомудрцы не остановились на томъ, что первый изъ сихъ таинственныхъ вѣщателей нарекъ единственную творенія вину свѣтомъ и существомъ существъ, и потомъ склонился ко многобожію, изобразуя непостижимыя свойства Божія въ видимыхъ представленіяхъ, отъ которыхъ явились въ родословіи боговъ его Озирій и Изида, къ коимъ Финикійскій Монофонъ и Санхоніатонъ, яко его послѣдователи, присовокупили Вулкана и Весту, и вкупѣ предали ихъ за коренныхъ праотцевъ всего многочисленнаго сословія боговъ Сирскихъ, Халдейскихъ, Персидскихъ, Скифскихъ, Индійскихъ, Греческихъ и Римскихъ. Моисей напротивъ того, объявивъ сію превѣчную всяческихъ вину, подъ таинственнымъ наименованіемъ: *неизреченный* или *сый*, сирѣчь: еже былъ, есть и будетъ, на семъ единства понятіи утвердилъ Божество едиНое и отвергъ закономъ многобожіе, въ заповѣди первой говоря: *азъ есмь Господь Богъ твой*; *нѣсть Богъ*, *кромѣ мене*. . . *не сотвори тебѣ кумира*, *ниже подобія*. . . . Но сіе истинное преданіе осталось токмо въ единой малѣйшей части рода человѣческаго, подъ именемъ Еврейскаго народа извѣстной; прочіе же просвѣщеннѣйшіе всѣ неизключительно народы пристали ко многобожію и страшное количество кумировъ предметомъ богослуже-

Исходъ.

нія воспріяли. Тогда-то совершенные любомудрцы, изъ Греческихъ, Фалесъ, Пифагоръ, Анаксагоръ, Солонъ, Сократъ и такъ называемый божественный или велемудрый Платонъ, и Халдейскіе Маги или Естественники, и Еврейскіе Раввины или учители, а паче изъ сословія Ессейскаго, имѣя уже о единствѣ Бога совершенное понятіе, прибѣгли къ изслѣдованію всего цѣлаго Моисеева писанія, и открывъ въ немъ приписуемое всевышнему Творцу многочисліе разныхъ свойствъ, всемогущество Его изобразующихъ, не усомнились при сношеніи оныхъ со многобожными представленіями предположить, что сіе свойствъ Божіихъ количество есть корень, произраcтившій многобожія древо, вѣтьви котораго подъ образами вымышленныхъ кумировъ разпространились по шару земному, съ того времени, когда ухищренная политика владѣтелей и жрецовъ истинну непорочнаго богослуженія и единственную созданія міровъ вину восхотѣли скрыть въ стѣнахъ божницъ великолѣпныхъ, и удалить отъ нихъ и память и самыя врожденныя понятія омраченнаго народа: ибо всѣ свойства Бога вышняго относятся къ Его величеству, непостижимости и совершенству, которыя ухищренной деспотической политикѣ не соотвѣтственны.

§ 7.

Продолженіе розыска о многобожіи.

Открытіе божественныхъ единицы свойствъ открыло любомудрцамъ и священныя имена, единому Богу, по силѣ тѣхъ свойствъ, Моисеемъ приписуемыя, и увѣрило ихъ, что злоупотребленіе власти въ началѣ постановленія обществъ умудрилось, или по вліян-

нымъ еще отъ праотца Ноя о сихъ свойствахъ понятiямъ, или по ложному Моисею подражанiю закрыть преданiя о истинномъ Богѣ. Моисей въ законодательствѣ своемъ тщился поселить страхъ Божiй, и подъ разными иносказательными именами устрашить народъ и къ почитанiю единаго Бога подвигнуть; а умствованiе жрецовъ разсудило воспрiять къ тому рукотворныхъ личинъ представленiя. Но понеже любомудрiе не могло согласить изображенiе первоначальныхъ боговъ съ понятiями, къ именамъ Божiимъ Моисеемъ приложенными: то сего ради древнiе любомудрцы необходимостiю себѣ постановили углубиться въ бездну иносказанiя, объявленными Египетскимъ, Финикiйскимъ и Еврейскимъ Стихотворцами при описанiи мiротворенiя употребленнаго. Тогда открылось имъ безпрекословное между Ермiя и Моисея въ начальныхъ Бого-творца дѣянiяхъ сходство. Низпала съ очей ихъ стихотворнымъ воображенiемъ простертая завѣса; явился имъ по созданiи неба и земли носящiйся въ неустройствѣ бездны Духъ Божiй на водахъ, и услышали они громоподобный гласъ, свѣтъ изъ мрака вызывающiй. Тогда любомудрцы паки съ священнымъ Богословiемъ къ умственному изслѣдованiю Божественныхъ чудодѣянiй обратились, да при явившемся свѣтѣ узрятъ естества уставы; ибо въ представленiи начальныхъ многобожiя образовъ нашли уже они орудiя, причины и дѣйствiя естества чувственнаго, отъ котораго подобало разсудку ихъ вознестись къ превыспреннему и неудобьзримому обитающiя въ вѣчности первыя вины или Единицы престолу. Богомудрое и благо-

Быт. гл. 1. ст. 1. 2. 3. Ермiй въ поэмѣ его о сотворенiи мiра, до насъ дошедшей.

честивое созерцанїе ихъ пренеслось умственно въ пучину Божества, величества и всемогущества Творца, и восхищенный разумъ пламенному Ензофу, то есть безначальнаго и безконечнаго Существа существъ чертогу, представило.

§ 8.

Плѣненное симъ восторгомъ умствованїе любомудрцевъ очертило въ неизмѣримомъ безначалїя и безконечности свѣтѣ безпредѣльное окруженїе, и восхищенное совоображенїе вѣчность недѣлимою точкою ему опредѣлило. Какое великолѣпнѣйшее изображенїе невидимому совершенству можетъ чувственно встрѣтиться, какъ естьли не свѣтъ немерцающїй въ видѣ шарообразномъ? Ибо созерцанїе свѣтилъ небесныхъ и всея вселенныя шара лучшаго и совершеннѣйшаго начертанїя вѣчности разсужденїю нашему не являетъ, ниже разсужденїе кругъ безъ средоточїя предположить можетъ. При семъ непостижимомъ Богозрѣнїя величествѣ священный ужасъ связуетъ однакожь силы дальнѣйшаго изслѣдованїя; воображенїе пресѣкается и нудитъ разумъ, къ видимому и осязательному естеству уклонясь, помощїю его удовлетворять любопытству нашего незнанїя. Любомудрцы, наученные вышеобъявленнаго понятїя искусомъ, узрѣли, что всѣ идоловъ изображенїя ничто иное суть, какъ предметы, страхъ и надежду очамъ рода человѣческаго представляющїе, остановились при семъ познанїи и господствующую во многобожїи повсюду вѣру оставили руководству жрецовъ, кои, подобно имъ, истинное о Богѣ, Создателѣ мїровъ, понятїе имѣли. Takова

Начало и толкованїе Іероглифовъ, истинное Божество представляющихъ.

была вѣра народовъ всѣхъ, кромѣ Еврейскаго. Итакъ многобожїе послѣ столпотворенїя, при разсѣянїи племенъ Скифскихъ, пренеслось ими во всѣ концы свѣта, какъ то въ послѣдствїи увидимъ.

ОТДѢЛЕНIЕ IV.

О разсѣявшихся народахъ по землѣ и о пришествїи въ Сѣверъ жителей.

§ 9.

съ какимъ развратнымъ ученїемъ разсѣялись отъ востока во всѣ концы земли народы.

Обратимся теперь къ разсѣянїю народовъ. Въ таковомъ многобожїя ученїи погруженный родъ человѣческїй, истребивъ по нѣсколькихъ вѣкахъ всяческое о единствѣ Бога вышняго понятїе, и тягости связавшихъ его узъ не чувствуя, единодержавному Монарховъ владычеству повиновался. Воспоминаемое семейственное управленїе предполагало ему такое правительство лучшимъ и ихъ предками изпытаннымъ. Въ Монархахъ почитали подданные отцовъ, а Священники въ томъ мнѣнїи ихъ утверждали, имѣя въ рукахъ своихъ силу избранїя Князей или Вождей, и съ ними уставляемыхъ условїй; слѣдовательно и власть Правительства большею частїю отъ нихъ уже зависѣла. Однакожъ сїе единоплеменнаго рода на многїя дробныя части раздѣленїе учинилось причиною первыхъ въ Азїи, яко начальной, какъ выше сказано, рода человѣческаго обители, между ученыхъ кровопролитїй. Вѣками отъ праотцевъ удаленный и раздѣлившїйся на племена частныя народъ истребилъ изъ памяти своей единоплеменства своего

корень, и съ сосѣдственными племенами то войны, то союзы постановлять началъ по обстоятельствамъ обидъ или пользъ собственныхъ. Притомъ явившійся уже по невѣроятному размноженію людей въ земляхъ на востокѣ недостатокъ скоро принудилъ народы помышлять ради пропитанія своего о переселеніи въ другія части свѣта. И такъ подъ начальствомъ избранныхъ Вождей предпріяли они во всей подсолнечной искать себѣ къ обитанію удобныхъ странъ; прежде всего разными сонмами подвигнулись они къ югу и западу. Все странниковъ сихъ богатство состояло въ единыхъ стадахъ воловъ, овецъ и коней, и все оружіе въ лукѣ, стрѣлахъ, палицахъ, копьяхъ и сѣкирахъ; ибо Ѳовеломъ или Тубалкаиномъ (Вулканомъ), яко первымъ, по писанію, мѣди ковачемъ, орудія сіи до потопа изобрѣтены и отъ Ноевыхъ сыновъ преданы имъ были. Многіе думаютъ, что въ началѣ вѣковъ до изобрѣтенія желѣза имѣли искуство закалять мѣдь до такой твердости, въ какой нынѣ видимъ твердѣйшее желѣзо, и всякія оружія изъ оныхъ сотворяли (*). Притомъ сказываютъ нѣкоторые, что искуство добывать изъ нѣдръ земныхъ руды и къ хлѣбопашеству годныя орудія дѣлать, имѣли искони всѣ почти на- Herodot. et Diodor.

(*) Мнѣніе о закаленіи мѣди подтверждается обрѣтаемыми и нынѣ въ древнихъ развалинахъ и могилахъ стрѣлъ и копій наконечниками, какое у одного изъ моихъ пріятелей сысканное въ Сибирѣ было; ибо Сибирь въ самой древности и гораздо прежде всѣхъ нынѣ Россіи принадлежащихъ земель Мунгалами, или Гуннами, пришедшими отъ предѣловъ Китайскихъ, поплѣнена была.

роды. Писатели поздныхъ уже вѣковъ хотя и повѣствуютъ, гдѣ именно какой народъ обиталъ по разсѣянiи, но мало заслуживаютъ они вѣроятiя; оба свѣденiя о томъ толь непроницательнымъ ветхiя древности мракомъ покрыты, что писанiя ихъ не инако, какъ токмо единою догадкою по послѣдовавшимъ вѣкамъ и селенiямъ почитать надлежитъ. Сего ради я, прiемля оное сомнительнымъ, въ молчанiи оставить разсуждаю. Любопытный читатель можетъ искать сего въ Иродотѣ, Дiодорѣ Сицилiйскомъ, Страбонѣ и въ прочихъ Греческихъ и Римскихъ, а паче въ новыхъ Византiйскихъ писателяхъ, изъ которыхъ большею частiю и самъ Несторъ нашъ заимствовалъ. Мнѣ надлежитъ узнать, и хотя токмо правдоподобно объявить, кто были наши прародители, и когда они по вѣроятному чаянiю въ хладный зашли нашъ сѣверъ? Сiе токмо, не углубляясь въ пространство неизвѣстностей, потщуся я по возможности, за недостаткомъ истинныхъ извѣстiй, хотя басносѣловно выполнить.

Несторъ, лист. 2. 3.

§ 10.

Множество народа подъ именемъ Скифовъ.

Достигшiя до насъ самыхъ древнѣйшихъ творцовъ повѣствовательныя сочиненiя свидѣтельствуютъ, что отъ разноплеменныхъ народовъ, подъ общимъ именемъ Скифовъ извѣстныхъ, произошли многочисленные народы, на шарѣ земномъ обитавшiе и нынѣ обитающiе; ибо Скифами называли Греки едва ли не всѣхъ вообще народовъ, именъ которыхъ они не знали, подобно какъ и варварами всѣхъ тѣхъ, кои были не Греки. И такъ Скифами по разсѣянiи отъ востока населяютъ они и полунощ-

ныя страны Европы во времена, отъ памяти удаленныя (*). Но до пришествія въ міръ Христа Спасителя не имѣемъ мы ни единаго Писателя, которой бы упомянулъ о населеніи земель сѣверныхъ, хотя послѣдующіе о дѣяніяхъ, въ сѣверѣ до Рождества Христова произходившихъ, много повѣствуютъ. Сами ближайшіе къ полунощи Римляне до Юлія Кесаря едва что и о Германіи вѣдали, о жителяхъ которыя сей полководецъ Римскій и по немъ повѣствователь Тацитъ хотя достаточныя подали уже извѣстія, но о произшествіи Германцовъ и о ихъ къ рѣкѣ Рейну пришествіи въ молчаніи оставили; однакожъ изъ ихъ описанія то не безъ основанія пріемлется, что Скифами обитаемый сѣверъ разумѣли они подъ тремя названіями, то есть: I. *Сѣверъ Кельтическій отъ рѣки Рейна до Балтійскаго или Варяжскаго моря*; II. *собственно Скифскій, или Понтійскій на Черномъ морѣ отъ рѣки Дуная*; III. *Хвалынскій, или Каспійскій по обоимъ берегамъ сего моря и рѣки Волги*. Хотя неважно кажется сіе раздѣленіе, но для упражняющихся въ повѣствованіи весьма нужно, потому что по крайней мѣрѣ даетъ понятіе о пространствѣ земель вскорѣ по разсѣяніи народовъ, такъ называемыми Скифами населенныхъ. Кельтовъ, Кимвровъ и всѣхъ Германскихъ народовъ оставляю я, какъ до намѣренія моего не принадлежащихъ, а токмо вкратцѣ предложу о тѣхъ Скифахъ, которые въ странахъ Чернаго

(*) Маллетъ во введеніи въ Датскую Исторію, гл. II. стр. 27.

и паче Хвалынскаго моря то селеніями обитали, то въ степяхъ кочевали; ибо отъ нихъ всѣ писатели Праотцевъ нашихъ, Руссовъ и Славянъ, производятъ. Древность сего Скифскаго народа является еще въ самомъ Еллинскомъ до Троянскія войны баснословіи. Сказываютъ, что Задунайскіе Скифы и въ Аргонаутскомъ съ Язономъ были походѣ; а то и весьма несомнѣнно, что братъ единаго Скифскаго владѣтеля, именемъ Анахарсисъ, еще до Царя Кира, Монархіи Персидской основателя, былъ ради ученія въ Аѳинахъ и въ число Греческихъ причтенъ мудрецовъ. Походъ Дарія, Царя Персидскаго, противу Скифовъ, путешествія повѣствователя Иродота въ Скифію и Александра Царя Македонскаго побѣды надъ живущими въ сосѣдствѣ Персіи и при самомъ Дунаѣ Скифами, свидѣтельствуютъ древность сего народа, и нудятъ почитать его единымъ изъ первѣйшихъ по смѣшеніи языковъ. Я не упоминаю о войнахъ поздныхъ между Митридата и Римлянъ, которые имя Скифовъ извѣстнымъ Риму учинили, и истинну подвиговъ ихъ утверждаютъ. Чтожъ касается до Скифовъ Хвалынскихъ, о нихъ достаточное подаетъ намъ Иродотъ извѣстіе, на котораго и ссылаюся.

Гомеръ о Амазонахъ, Геродотъ о Скифахъ. Hist. Univer.

Hist. Univ.

§ 11.

Продолженіе о Скифахъ.

Толь обширное земель пространство наполняющіе Скифы на разныя раздѣлились колѣна, прилагая въ первобытіи имена селеніямъ; и кажется, что названія сіи по именамъ старшихъ племенъ ихъ прилагались. Мы читаемъ въ Иродотѣ, что когда Скифы нападенія отъ Дарія опасались, тогда Царь Скиф-

скій, не дерзая единъ противъ толь сильнаго ополчиться врага, приглашалъ себѣ на помощь многихъ колѣнъ Князей Скифскихъ. Я не выдаю сего за неоспоримую истинну, но правдоподобнымъ преданіемъ почитаю, и равно какъ Иродота не отвергаю, такъ и баснословія единаго изъ древнихъ Новогородскихъ лѣтописцовъ нашихъ не уничтожаю, которой съ подобнымъ Иродоту разборомъ, но съ меньшимъ ученіемъ, говоритъ: „яко бы Скифія великая прозменовалась отъ Скифа, а Славянія отъ Славена, его брата. „Правдоподобно наименованіе сіе потому, что Скифъ хотя по нѣкоторымъ Писателямъ значитъ *странника*, *переходца*, *кочеваго*; по другимъ вѣроятнѣйшимъ знаменуетъ *искуснаго изъ лука стрѣлка*, чѣмъ Скифы во всѣ времена отличились. И самая обитаемая ими земля могла по тому жъ великою Скифіею называться; ибо въ разсужденіи дремучихъ лѣсовъ преудобнѣйшею была къ пораженію стрѣлами звѣрей дикихъ. Могла и Славянская земля прозменована быть отъ каковаго нибудь Славена, еще до пришествія въ сѣверъ на многихъ войнахъ въ малой Азіи прославившагося. Скифія не просто великою называется. Ежели все пространство, которое намъ древніе землеописатели оставили, принять за населеніе Скифами, то откроется едва вѣроятное предѣловъ ея разстояніе. Они предали намъ, якобы земля сія отъ устья Дунайскаго, которое владѣніе Кельтовъ опредѣляло, простиралось въ обѣ стороны до 25 и до 110 степеней восточныя долготы. Она вмѣщала въ себѣ и Азіатскую и Европейскую Скифію и обѣ Сармаціи, Греками Савромакіями именуемыя, а нынѣ великую и Черкескую

Къ сему лѣтописцу г. Крешкинъ приводитъ въ свидѣтельство многихъ Византійскихъ и Польскихъ писцовъ.

Hist. Univ. C. VI. p. 214.

Татарїю составляющїя, и тогда Скифїю Европейскую съ Азїатскою пресѣкавшїя; по чему и самая Сарматїя сугубою въ преданїяхъ ихъ называется: ибо она отдѣлялась отъ Европейской Скифїи рѣкою Дономъ, впадающею въ Азовское море, или Палусъ Меотисъ, и отъ Азїатской рѣкою Волгою, въ Хвалынское море втекающею. А понеже Сарматы единоплеменными съ древними Славянами почитаются: то кажется, что и послѣднїе, подобно первымъ, по свидѣтельству Иродота, отъ Скифовъ произойти долженствовали: ибо сей Писатель, говоря о Сарматахъ, повѣствуетъ, „что они въ разсужденїи ихъ вѣры, нравовъ и обычаевъ столь Скифамъ подобострастны, что никакъ не можно не принять ихъ за вѣтвь отъ сего великаго древа или за потомковъ Скифскихъ.„ И такъ Скифїя Азїатическая занимала вообще всю великую Татарїю и нынѣшнюю въ Азїи Россїю. Моря въ обширности сего занятїя, кромѣ Сѣвернаго и Индїйскаго, были Аральское, Хвалынское, Черное и Азовское. Главныя поясы горъ суть Таврическїй и Майской и Кавказской. Первыя начинаются въ Малой Азїи, землѣ, Памфилїею называемой, и продолжаются къ востоку, раздѣляя Азїю на сѣверную и южную. Скифїяжъ Европейская, которой предѣлы, древними писателями полагаемые, начинались отъ Востока при рѣкѣ Донѣ и простирались къ западо-южной странѣ Европы до рѣки По и горъ Алпїйскихъ, раздѣляющихъ ее съ Кельтическою Галлїею, отъ которыя со стороны сѣвера рѣка Рейнъ ее отдѣляла. Касательножъ отъ Рейна къ полунощи, хотя опредѣленїе рубежей ея и трудно, однакожъ землеописатель Мела правдо-

Мела I. п. с. I

подобно полагаетъ до истоковъ Днѣстра, Днѣпра, Волги и Дона. Все сїе преподаю я не яко вѣроятное, но яко въ Писателяхъ находящееся и правдоподобное.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О сомнительномъ рода человѣческаго изчисленїи.

§ 12.

Изъ вышереченнаго видимъ мы, что все пространство Сѣверныя Азїи и Европы наполняли народы подъ общимъ Скифовъ именемъ; но того ни въ древнихъ Писателяхъ видѣть, ниже воображать можемъ, чтобъ прохожденїе ихъ отъ востока учинилось единовременно. Бывшїя весьма задолго до Рождества Христова ихъ войны съ Египтянами, Ассирїанами, Мидянами и Персами и съ самыми ветхими Греками, нудятъ предполагать, что многїе изъ ихъ колѣнъ множество столѣтїй въ Восточной жили Азїи. Притомъ едва ли вѣроятно и толь скорое по потопѣ рода человѣческаго размноженїе, какъ о томъ въ извѣстныхъ Хронографахъ мы находимъ. Иносказанїе Моисеево и паче глубокая древность разнообразныхъ племенъ баснословїемъ не уменшили числа вѣковъ между потопа и воплощенїя Сына Божїя — не то ли причиною и самой Греческихъ и Римскихъ Хронографовъ разности? Возможно ли съ достовѣрностїю на лѣтоизчисленїе ихъ полагаться, чтая, что въ толь короткое время между Ноя и Ассирїйскїя Семирамиды размножился родъ человѣческїй до толь великаго числа милїоновъ, естьли присовокупимъ къ сему и

Сомнѣнїе въ лѣтоизчисленїи отъ мїрозданїя и въ размноженїи народа.

Hist. Univ. T. VI.

невѣроятное наукъ и художествъ совершенство, какое въ Халдеяхъ и Египтѣ обрѣтаемъ въ познанiи Звѣздословiя, Физики и Нравственнаго ученiя и въ великолѣпiи созданныхъ градовъ Ниневiи, Ѳивъ, Вавилона и прочихъ? Ибо науки такъ скоро возрасти не моглибъ, хотя понятiя объ нихъ и пренесеныбъ были отъ бывшаго до потопа мiра. Мы изъ повѣствованiя довольно вѣдаемъ, сколько потребно было вѣковъ къ возобновленiю наукъ, когда въ первыхъ по Рождествѣ Христовѣ столѣтiяхъ суевѣрiемъ изтреблены онѣ были; и сколько еще и нынѣ труда прилагается къ возвращенiю Аѳинейскаго любомудрiя и просвѣщенiя времени Августова въ Римѣ? Самыя астрономическiя Халдеями и Египтянами наблюденiя краткости времени прекословятъ. Сего ради не покажется дерзновенiемъ, когда мы, послѣдуя новымъ естества Испытателямъ (*), лучше примемъ въ основанiе лѣточисленiе современныхъ намъ мужей ученыхъ, нежели Греческихъ и Римскихъ Хронографовъ, для календарей токмо пригодныхъ. Воспрiятiю нашему не поставятъ препоны Аглинскаго ученаго собранiя Писатели всеобщаго мiрскаго повѣствованiя. Тщетно въ оное вступленiе внесли они замысловатаго Господина Вгистона размноженiя рода человѣческаго изчисленiе, которому едва ли они и сами вѣрятъ. Сей Математикъ самопроизвольнымъ предположенiемъ изчисляетъ въ 1700 лѣтъ по потопѣ 67,208,864 человѣка; и отъ числа сего къ затмѣнiю разсудка нашего производитъ въ 4100 лѣтъ

(*) См. Пуффен. о естествѣ отъ I до II Части.

4,294,967 человѣкъ. Какъ вѣрна его числительница! Но изключалъ ли онъ умирающихъ и на кровопролитныхъ войнахъ убіенныхъ, сего въ изчисленіи не видно. Положимъ однакожъ въ удовольствіе Господина Вгистона, что многоженіе толь невѣроятному размноженію споспѣшествовало; положимъ, что въ изчисленіи его нѣкоторое заключается иносказаніе, лѣтожитія праотцевъ умножавшее: то и тогда еще изчисленіе его къ доказательству краткія Хронологіи будетъ недостаточно, и самая разность между Греческою и Римскою все изчисленіе его опровергаетъ. Притомъ опытность свидѣтельствуетъ намъ, что со временъ вѣрнаго повѣствованія нѣтъ важныхъ въ естествѣ перемѣнъ: тажъ вселенная, тѣжъ климаты, тѣжъ стихіи, тѣжъ самыя дѣйствія естества; но жизнь въ человѣкахъ кратчайшая, и во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта, при умноженіи отъ потопа до настоящаго времени вѣковъ, ни четвертой доли жителей противъ изчисленія Господина Вгистона не обрѣтаемъ, хотя по изобрѣтеніи огнестрѣльныхъ орудій и меньше на войнахъ гибнетъ народа. Все сіе здравымъ умствованіемъ извѣсивъ, не можно не согласиться съ древнимъ Египетскимъ и нынѣ у Китайцевъ существующимъ лѣтосчисленіемъ, великое умноженіе вѣковъ отъ сотворенія міра полагающимъ.

§ 13.

Сверхъ сего при толь кратковременномъ нашихъ Хронологовъ изчисленіи, не вопроситъ ли любомудрое естества испытаніе, коимъ образомъ отъ единагo сѣмени и корени про- Разнообразіе человѣка.

изошло плода разнообразіе? Повседневная опытность свидѣтельствуетъ разсудку нашему; что отъ сѣмени дубоваго раждается и произрастаетъ всегда дубъ, а не ель и береза: подобно сему и всѣ растѣнія по роду сѣмянъ своихъ видъ, образъ и самый запахъ свойственно своей природѣ получаютъ; и естьли перемѣняется плодами яблонь въ грушу и слива въ персикъ: то сіе измѣненіе произходитъ чрезъ смѣшеніе породъ, называемое сторонними прививками; однакожъ таковое смѣшеніе, для производства не сѣмянороднаго плода, требуетъ весьма большаго времени, нежели по естеству своему; требуетъ оно и климата и сбереженія, соразмѣрнаго природѣ. Видимъ мы и въ животныхъ, что отъ медвѣдя родится медвѣдь, отъ коня конь, отъ пса песъ, и далѣе. Отъ чегожъ между сими родами разнообразіе? Испытатели естества опытностьми на сіе отвѣтствуютъ; что долговременное смѣшеніе отъ малаго числа первородныхъ племенъ могло произвесть въ единовещественныхъ звѣрей родахъ толь странное разнообразіе. Доказываютъ они истинну изъ находимыхъ на необитаемыхъ островахъ скотинъ прерожденій и опытнымъ многихъ разновидныхъ звѣрей сочетаніемъ. Самое Божественное Писаніе, естьли нужно къ сему доказательству, утверждаетъ ихъ мнѣніе. Въ ковчегѣ Ноевѣ не было конечно, и вмѣститься не могло, кромѣ единыя четы по роду каждаго животнаго. Единая была чета коней, говядъ, псовъ, кошекъ, куръ, гусей и прочаго; но въ продолжительное по изходѣ изъ ковчега ихъ

смѣшенїе сколько видимъ въ разныхъ климатахъ въ породахъ сихъ разнообразїя! Мопсъ, борзая, кудрявая и дворная собака суть псы вообще; но шерсти одеждою, вида и самыхъ свойствъ разнообразїемъ разныя уже псовъ породы составляютъ. Что видимъ въ животныхъ, тому почтожъ дивиться и въ человѣкахъ? Естьли вѣки и климаты, по опытностямъ естества Испытателей, могутъ разнообразїе единоплеменныхъ производить звѣрей: то тѣжъ причины къ прерожденїю человѣковъ достаточны суть. Мы видимъ въ повѣствованїи, что изторгнувшаяся подъ названїемъ безобразныхъ Гунновъ отъ предѣловъ Индѣйскихъ и Китайскихъ саранча, разсыпавшись по всей Европѣ, и продолжительнымъ съ лѣпообразными Европейскими народами смѣшенїемъ хотя звѣровидность свою въ обыкновенную человѣческую красоту нѣсколько и обратила, но все преобратить еще времени оставила, какъ-то изъ Нагайскихъ Татаръ и нынѣ примѣтно. И такъ естьли не воспрїимемъ мы разнообразїю людей сея естественныя и опытностью утвержденныя причины, то долженствуемъ опасаться, чтобъ не повергнуться намъ въ нелѣпое тѣхъ людей мнѣнїе, которые единство сотвореннаго по образу и по подобїю Божїю человѣка отвергаютъ, показуя невозможность единородїя въ черномъ Еѳїопѣ и бѣломъ Европейцѣ, въ плосконосомъ Калмыкѣ и лѣпообразномъ Москвитянинѣ. Несомнѣнно, конечно несомнѣнно то, что и малоочитые Китайцы, и легкомысленные Французы, и смуглые Американцы, и Азїатцы имъ подобные, и Европейцы бѣлые суть чада единоплеменныя, чрезъ смѣшенїе во множествѣ вѣковъ въ разнообраз-

Левит. гл. 13. ные роды прерожденныя (*). Всѣ суть дѣти Адамовы; но въ продолженіи времени изъ лѣпообразныхъ его потомковъ игрою естества преображенныя, учинились звѣроподобны, и паки чрезъ смѣшеніе многихъ лѣтъ въ первобытную красоту приходятъ.

(*) Кто не знаетъ игры хитраго естества? Не видимъ ли мы отъ совокупленія четы бѣлыхъ кошекъ производство черныхъ и пестрыхъ котятъ? Естьли отъ тупомордаго пса съ такоюжъ совокупленною четою Остращипецкой пометъ бываетъ: то должно ли такое въ животныхъ произведеніе почитать невозможностію въ человѣкѣ, которой ничто иное есть, какъ токмо мыслящее животное? Для чего отъ смуглолицыхъ не возможно родиться черному и курченосому младенцу? и отъ сугубаго круглолицыхъ пола какая невозможность произойти плосколицому? Не можемъ не признаться мы, что часто таковыя видимъ порожденія странныя, и что раждаются чада, ни съ отцомъ, ни съ матерью несхожія. Часто видимъ и самыхъ уродовъ, едва человѣку подобныхъ; а что одинъ разъ возможно и случается, то и въ другой и болѣе быть можетъ. Вѣкъ, разность климатовъ, пища и образъ жизни, могли конечно довершить несходство съ первоначальнымъ источникомъ и составить единообразное племя людей, отъ предковъ весьма различныхъ. Жаркая Еѳіопія въ теченіи вѣковъ легко, кажется, могла смуглость кожи въ углеобразную обратить черность, съ помощію какихъ нибудь мазей; и желаніе родителей имѣть дѣтей подобныхъ примышляло, можетъ быть, искуствомъ производить курченосыхъ и плосколицыхъ: какъ-то въ Индіи главы человѣческія подобны сахарнымъ главамъ творятъ

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

О населеніи Сѣвера.

§ 14.

Неопредѣленное Писателями количество вѣковъ отъ потопа до новой благодати можетъ уже съ нѣкоторою достовѣрностію послужить намъ къ заключенію о причинѣ, понудившей родъ человѣческій искать и въ хладномъ Сѣверѣ пропитанія. Несчетные миліоны людей, переходя отъ востока къ югу и западу, повсюду земель пустоту наполняли, и составляя общества подъ разными вождями, разные составили народы, кои другъ друга изъ лучшихъ климатовъ вытѣсняя, принуждали слабыхъ къ полунощи подвигаться. При томъ свободное многоженіе, споспѣшествуя умноженію народа, въ странствованіяхъ нужнаго пропитанія искать принуждало. Отсюда произошли народы кочевые, и сіи самые, по многомъ и долголѣтномъ странствованіи, дошли не только до умѣренныхъ странъ полунощныхъ, но и даже до бреговъ Ледянаго или

чрезъ искуство. Сіе есть единое возможное понятіе о производствѣ разнообразія человѣческаго; но коликаго смѣшенія кровей и колико времени Естество къ сему прерожденію употребило, то ему единому и управляющему имъ Божеству развѣ извѣстно. Судьбы и намѣренія ихъ столько отъ смертныхъ сокровенны, сколько качество и количество новыхъ созданій въ непрерывномъ движеніи стихіи суть непостижимы. При семъ да умолкнетъ всякое умствованіе; ибо судьбы и намѣренія Творца неисповѣдимы суть.

Сѣвернаго океана, и покрытыя вѣчными снѣгами и дремучимъ лѣсомъ земли въ обитель себѣ претворили. Древнїе землеописатели называли ихъ *Иперборелми*. Я не изслѣдую и тщетнымъ, какъ выше объявилъ, почитаю изслѣдованїемъ, какїе то были народы, которые подъ общимъ именемъ Скифовъ хладныя страны наши населили; но то достовѣрно, основавшись на Геродотѣ, Страбонѣ, Платонѣ и прочихъ, полагаю, что весьма задолго до Рождества Христова населены они стали то скитающимися или кочевыми, то въ весяхъ и градахъ живущими разноименными народами. Времена столь отъ насъ удаленныя сущимъ преисполнены баснословїемъ. Повѣствователи, или невѣденїе свое скрывая, или тщеславїю порабощенные, каждый своему народу приписуютъ мечтательное начало отъ причинъ чудесныхъ, и роды свои часто отъ Божества производятъ. Естьли басни древнихъ Греческихъ творцовъ, въ недостаткѣ истиннаго повѣствованїя, за нѣкоторое прїемлются основанїе, и самые Стихотворцы ихъ отъ свидѣтельства поздными Писателями не отвергаются, то не знаю я, по чему бы не дозволено было и мнѣ древнихъ нашихъ баснословїй къ развязкѣ неизвѣстнаго начала нашихъ Славяноруссовъ не употребить. Когда нѣкоторые изъ нашихъ Писателей прїемлютъ лжетворца Снура или Стурлезона, Шведскаго XII вѣка повѣствователя, за справедливаго, и согласуются съ нимъ во всемъ, что онъ къ славѣ Шведскаго и къ уничиженїю Русскаго народа бредилъ, приведши Масоха, внука Ноева, въ Сѣверъ, или паче сказать, въ Шве-

цію, и сыновъ его Масоха сотворилъ Королями во всемъ Сѣверѣ чрезъ 80 лѣтъ по потопѣ (*); и когда мы не токмо за возможное, но и за правдоподобное беремъ вѣщаніе Геродотово о населеніи Скифами Сѣвера задолго вѣковъ Христіанскихъ: то для чего бы не дозволялось и мнѣ такимъ же правдоподобіемъ почитать нашего Новогородскаго лѣтописца, сказующаго намъ о пришествіи Славянъ, по созданіи Славянска или великаго града въ странѣ, близъ озера Ильменя лежащей? Для чего

Пуф. въ Шведской исторіи.

(*) Снуро или Стурлезонъ, по свидѣтельству Пуффендорфа, разсудительнѣйшаго прошедшаго вѣка Шведскаго Повѣствователя, всѣ свои басни почерпнулъ изъ древнихъ стихотворныхъ рукописныхъ Шведскихъ сказокъ, подобныхъ нашему Бовѣ Королевичу и Еруслану Лазаревичу; однакожъ господа наши Профессоры, первой Миллеръ и послѣдователь ему Шлейцеръ, почитая болѣе благородства въ произведеніи насъ отъ Шведовъ, нежели отъ собственнаго корня Славянорусскаго, изволили подчинить насъ въ самомъ началѣ Шведамъ, и ихъ Королей въ Великіе Князи намъ пожаловали. Прощаю я Нѣмцамъ подверженіе насъ Готѳамъ, ихъ прародителямъ; но не могу хладнокровно сносить присовокупленіе къ нимъ Господина Ломоносова, которой, заразивъ совоображеніе свое Венетами, хотѣлъ утвердить то, яко бы они подъ названіемъ Готѳовъ пришли и Россіею завладѣли; а вся сія сихъ писцовъ нашихъ натяжка ни къ чему болѣе клонилась, какъ токмо первыхъ насъ къ уничиженію, а послѣдняго къ изторженію Рурика изъ рода Кесаря Августа, о чемъ ниже съ большею подробностію объявится въ примѣчаніи на Холмоградъ, гдѣ и самая Стурлезона ложь болѣе откроется.

меньше вѣрить намъ Іоакиму, повѣствующу, что Александръ Македонскій прислалъ написанную золотыми буквами грамоту къ Новогородскимъ Славянамъ нашимъ, какъ и Курцію, которой въ житіи сего Даріева побѣдителя рѣчь пословъ Скифскихъ, присланныхъ къ нему изъ дремучихъ лѣсовъ, витійственно предлагаютъ? Оба вѣщанія баснословны; оба однакожъ не безполезны: одно подаетъ понятіе, что за Кавказскими горами, или въ дремучихъ, по Дунаю и Черному морю около Тавриды находящихся, лѣсахъ кочевали во время Александрово Скифы; а другое, что въ Славянскѣ или великомъ градѣ Славяне тогда же обитали. И для чего къ симъ обоимъ Писателямъ не имѣть равныя довѣренности, какъ и къ Геродоту и Стурлезону? Хотя Геродотъ и прозванъ отцемъ повѣствованія, а Стурлезонъ древнѣйшимъ о Сѣверѣ Писателемъ Шведами и Нѣмцами почитается; но какъ первый не доказалъ, откуда произошло многородіе Скифовъ, и отъ кого получили упоминаемыя имъ колѣна наименованія свои; такъ и вторый, по чему онъ возмечталъ, что вся полунощная страна отъ рѣки Рейна до устья нашея рѣки Двины или до бреговъ Бѣлаго моря населена была Готфами, или Шведами, или по крайней мѣрѣ подвластными Шведскимъ Королямъ народами: то и оба не увѣрили насъ, когда и откуда пришли ихъ народы къ Сѣверу. Въ разсужденіи сего не нахожу я затрудненія принимать съ такоюжъ вѣроятностію и наше древнее баснословіе, съ какою и чужестранное пріемлется. Сожалѣю токмо о томъ, что наши баснословцы начи-

наютъ его позже, нежели Шведскіе Писатели о своемъ народѣ, и по сему токмо нашихъ Славянъ неправедно къ Готѳамъ присоединяютъ. Мнѣ кажется, что и Шведы и мы безъ зависти можемъ признаться, что, не заимствуя другъ отъ друга, едва ли не въ единое и тожъ время праотцы наши пришли населить хладоносную полночныхъ странъ пустыню. Но кто суть они? разсмотримъ умствованіемъ баснословнымъ.

§ 15.

Откуда произошло названіе Славянъ.

Всуе употребилъ я многіе часы къ рѣшенію сихъ важныхъ и поистиннѣ изслѣдованія достойныхъ вопросовъ: кто мы? откуда мы? и когда пришли въ сію страну? но по великомъ трудѣ болѣе не нашелъ ничего, какъ токмо, что отвѣты на вопросы сіи такою неудобьрѣшимою покрыты древностію, что всѣ ученнѣйшіе творцы, во глубину изслѣдованія сего вступавшіе, не токмо истинны, ниже увѣрительнаго правдоподобія въ сомнительныхъ своихъ догадкахъ мнѣ не подали. Открывается однакожъ то, что не въ древности народа Славянскаго недоумѣніе: ибо изъ многихъ Писателей, особливо Византійскихъ, доказать возможно, что и Славяне и Руссы, яко и прочіе отъ раздѣленія языковъ народы, пріемлютъ свое начало еще на Востокѣ, и подъ общимъ Скифовъ именемъ тамо существовали. Въ томъ токмо остается неизвѣстность, въ которое время, отъ чего и гдѣ получили они частное свое Славянами и Руссами проименованіе. Одни Писатели, (*) но и то ужь

Смот. Г. Тат. Ч. I. Тамо приводятся Іорнандъ и Прокопій изъ Грековъ, съ приводимыми имъ Римскими,

(*) Господинъ Татищевъ приводитъ въ свидѣтельство Іорнанда и Прокопія между первыми,

Византійскими, такожъ и сѣверными писателями.

поздные Византійскіе, называютъ Славянъ *Слави*, *Славини*, *Славяки*, *Славін*; другіе *Склавы* и *Склавони*. Первые производятъ имя сіе отъ славы по премногимъ воинскимъ народа сего дѣйствіямъ; а вторые отъ неволи или рабства; обои же ни основанія не имѣютъ, ни вѣроятія не заслуживаютъ. Раздѣлившіеся при столпотвореніи на разные языки народы конечно не вдругъ, но по многимъ вѣкамъ, изъ кореннаго Ноева языка стали свои собственные производить языки: ибо самой сей смыслъ, кажется, и Божественное Писаніе заключаетъ, когда говоритъ: „смѣси языки и разсѣя я по лицу земли: то есть, не языкъ коренной всесовершенно изтребилъ въ нихъ Богъ, но смѣсилъ племена народныя, которыя обыкновенно языками называются, и раздѣля разсѣялъ оныя, дабы, тщетный оставя трудъ, населяли землю. Мгновѣнное 72 новыхъ языковъ сотвореніе, не оскорбляя Божіяго человѣколюбія, никакъ инымъ повѣствованіемъ почесть не можно, какъ иносказательнымъ: ибо въ восприятіи его въ смыслѣ Славянскомъ не удобь возможно вообразить, чтобъ всеблагій Богъ восхотѣлъ мечтательную рода человѣческаго безопасность наказать не только племенъ разсѣяніемъ, но что еще болѣе, не разумѣніемъ другъ друга, и тѣмъ самимъ возродить въ одномъ обществѣ неминуемыя вражды, часто и почти обыкновенно отъ недоразумѣнія про-

а Швецеръ съ Снуромъ и прочимъ Нѣмецкимъ сонмомъ подкрѣпляемый другихъ выставляетъ, которые, единожды учинивъ насъ подвластными Готѳамъ, послѣднихъ утверждаютъ.

изходить могущія, не говоря уже при раздѣленіи народовъ, не могущихъ въ земляхъ разбираться и переводчиковъ не имѣющихъ. При томъ и великое сходство первоначальныхъ языковъ: Халдейскаго, Сирскаго, Еврейскаго и Египетскаго, прекословитъ толь несогласному со здравымъ разумомъ бытію. Изъ сего заключаю, что хотя остатокъ первобытнаго кореннаго языка, намъ неизвѣстнаго, и долженствовалъ быть основаніемъ всѣхъ потомъ различныхъ языковъ; но въ первоначаліи ихъ не можно уповать словеснаго въ нихъ изобилія. Языки несказанно великаго къ обогащенію своему требуютъ времени. Нужда въ вещахъ необходимыхъ раждаетъ прежде простое токмо вещей наименованіе; потомъ сообщеніе понятій своихъ другому обогащаетъ того частнаго общества слово, и наконецъ изобрѣтеніе художествъ и наукъ разпространеніе и изобиліе его умножаетъ. Мы изъ опытности видимъ во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ такіе недостатки, что и до настоящаго еще времени въ желанное Писателями совершенство притти они не могли; а потому хотя всѣ народы, которые вышереченное на шарѣ земномъ пространство, подъ общимъ Скифовъ наименованіемъ, захватили, однимъ и тѣмъ же, безъ примѣса множества собственныхъ своихъ словъ, говорили; но каждый обогащалъ свой, прелику могъ; слѣдовательно многихъ вѣковъ потребно ему было не токмо къ совершенству, но и къ нужному обогащенію. При томъ надобно примѣтить и то, что и самой коренной общій Скифской языкъ столькожъ никому не извѣстенъ, сколько и при Адамѣ бывшій. Повѣствованіе уже узнало разные Скифскихъ пле-

менъ языки, по разности ихъ селенїй и по сходству нравовъ, обычаевъ и принесеннаго ими отъ Востока Богослуженїя, какъ-то Иродотъ свидѣтельствуетъ, называя ихъ единымъ и общимъ именемъ *Скифы.* И такъ не надлежитъ воспрїимать сходство подобнозвучныхъ реченїй за основанїе или матерь языковъ, какъ Сѣверные Нѣмецкїе Писатели мечтаютъ. Мнимое сїе сходство не есть корень какого либо языка, произведшаго другїе, но токмо единообразный къ произношенїю слова звукъ. Такїе гласные во всѣхъ языкахъ хотя не въ большемъ количествѣ находятся звуки; но они не по сходству языковъ и рѣчей, а по одинакимъ во всѣхъ человѣкахъ органамъ или внутреннимъ къ произношенїю слова орудїямъ такъ слуху мечтаются. Сїе самое органическое сходство и нѣкоторыя общественнаго кореннаго при столпотворенїи бывшаго языка завели, кажется мнѣ, древнихъ Греческихъ и Латинскихъ повѣствователей во мнѣнїе, что вся почти Азїя и Европа искони населена была Скифами, разныя отрасли отъ единаго древа пустившими, а нашего Тредїяковскаго въ то заблужденїе, якобы всѣ существующїе языки отъ нашего Славянскаго произходятъ, какъ и Шлетцера, якобы всѣ Германскаго языка дѣти суть.

Тредїаковскїй въ словѣ о Славянскомъ языкѣ. — Въ доказательствахъ на Штурлезона. — Продолженїе о имени Славянъ.

§ 16.

Такъ о языкахъ вообще разсуждая, не могу воображать, чтобы Славяне или по разсѣянїи народовъ, или вскорѣ потомъ, наименованїе свое отъ славы получили; ибо и того не нахожу, когда и въ которые вѣки самъ Славянскїй языкъ существовать началъ: при смѣ-

шенїи ли, по сказанїю Моисееву, Славянамъ на долю онъ достался, какъ единый изъ 72, или самъ на основанїи всеобщаго мало по малу устроился? Слава реченїя языка Славянскаго, отъ ветхости до насъ достигшаго, и мало въ разсужденїи другихъ языковъ и времени премѣнившагося, слѣдовательно языка уже богатаго, изобильнаго, только многими вѣками творится; а потому надобно думать, что языкъ, уже къ совершенству приближившїйся, по дѣйствїямъ народа своего изобрѣлъ реченїе сїе, а не оно языку и народу наименованїе даровало. Чтожъ касается до Склавовъ или рабовъ, отъ которыхъ нѣкоторые чужестранные невѣжды Славянскїй производятъ народъ, оное и отверженїя не достойно. Мы въ возраженїе сему напомянемъ токмо, что имя Славянъ въ самой еще древности познались, что Писатели Византїйскїе въ первыхъ по Рож. Хр. вѣкахъ, почитая ихъ издревле въ малой Азїи обитавшихъ, были первые, которые имя Славянское прославили, и вѣдали сами и другимъ оставили, что во всей той странѣ рабства еще не было. Прокопїй точно говоритъ: „Славяне и Анты не подлежали единодержавной власти, но издревле имѣли общенародное правленїе, и потому въ случаяхъ благополучныхъ и вредныхъ общественно совѣтовали.„ И въ самомъ Сѣверѣ до временъ Рюриковыхъ и по немъ не находимъ въ Новѣградѣ инаго правленїя, какъ свобододержавное. Нѣкоторые еще выводятъ наименованїе Славянъ отъ реченїя Русскаго: *слово* или *словесность*, и называютъ ихъ *Слови*. Сїе есть крайнее заблужденїе. Я уже ска-

Собранїе Византи. Историковъ, Академїею изданное. Ч. 1. л. 14. приводитъ. Proc. de B. G. 1. ul. c. 14. p. 598. No 546.

залъ, что при неизвѣстности, когда языкъ твориться началъ, словесности въ немъ воображать не можно: ибо сїе реченїе есть слѣдствїе уже нарочито изобильнаго языка. При томъ естьли отъ реченїя: слово или словесность, производитъ имя народовъ: то и Еврейскїй, и Арабскїй, и Китайскїй народы отъ словесности на ихъ языкахъ могутъ Славянскими называться; ибо и сїи народы словесны суть. Симъ заключаю я весь мой разборъ касательно вообще всѣхъ языковъ, и признаваюсь въ невѣденїи моемъ, когда и отъ чего наименованїе Славянъ произошло; но хотя оставляю любопытнымъ въ досужїе часы стараться проникать во глубину сея ветхости; однакожъ и самъ я въ послѣдствїи не оставлю баснословнымъ о предкахъ нашихъ повѣствованїемъ сказать своего мнѣнїя о имени ихъ и о поселенїи въ Сѣверѣ.

§ 17.

Заключенїе вступленїя.

Въ окончанїи вступленїя моего почитаю себѣ долгомъ предувѣдомить Читателя, подъ какими извѣстными по преданїю Писателей именами разсѣялись Скифы по лицу земли. Геродотъ, Страбонъ, Юлїй Кесарь, Тацитъ и Помпонїй Мела предали намъ совокупно, другъ друга дополняя, что Скифы, какъ выше объявлено мною, изшедъ отъ Востока, населили Югъ, Западъ и Сѣверъ, и сїе преселенїе ихъ не вдругъ, но по времени весьма задолго до Рож. Хрис. они предполагаютъ. Геродотъ первый въ описанїи своемъ считаетъ подъ общимъ именемъ Скифовъ единоплеменными народами Сарматовъ, Мас-

Геродотъ Мелпомена.

сагетовъ, Исседонянъ, Аримасповъ и прочихъ многихъ. Потомъ въ числѣ единоплеменныхъ имъ Тацитъ и прочїе подъ именемъ Кельтовъ полагаютъ Гомеритовъ, Голлаговъ, Галловъ, Титановъ, Скаковъ, Кимеровъ, Готѳовъ и иныхъ; и когда въ единое племя совмѣстили они и собственно Скифовъ и Кельтовъ, тогда подъ общимъ обоихъ именъ составили въ Сѣверной Европѣ народъ подъ четырьмя именами, яко то: 1) собственно Кельты, отъ коихъ Германцы или Тевтоны, Галлы, Британцы, Батавцы, Шпанцы, Свевы, Готѳы и многїя еще колѣна, Тацитомъ и Страбономъ описанныя, и Шмитомъ въ новомъ Германскомъ повѣствованїи умноженныя. 2) Гунны, отъ которыхъ Авары, Аланы, Ѳраки, Дани и прочїе. 3) Сарматы, отъ которыхъ Мосхїи, Славичехїи и Лехи, и наконецъ 4) Иллирїяне, отъ коихъ Далматы, Кроаты, Россїи, Сербы, Сарабы и прочїе.

Птоломей и Византїйписатели, а Стурлезонъ, по свидѣтельству Шлецера, выводятъ, что Шведскїе короли и въ Византїи едва ли государями не были.

Краткое сїе изчисленїе не возпрепятствуетъ мнѣ упоминать еще о многихъ колѣнахъ, коихъ къ выполненїю повѣствованїя нашего содѣйствующими увидимъ. Сего ради начнемъ баснословнымъ повѣствованїемъ о частныхъ изъ сихъ народовъ прехожденїяхъ и дѣянїяхъ, доколѣ хотя гадательно опредѣлимъ въ Сѣверъ Славяно-Руссовъ пришествїе, созданїе градовъ и политическое градовъ и политическое правительствъ постановленїе. Все сїе почерпать мы станемъ изъ баснословныхъ источниковъ, подобныхъ тѣмъ кладезямъ, изъ коихъ Греки, Римляне и Германцы начало своихъ отечествъ извлекаютъ. Естьли они недостатокъ истинныхъ о началахъ своихъ извѣстїй награждаютъ баснословїемъ; то не-

возбранно и намЪ на шаковомЪ же основанiи соорудишь начало повѣствованiя нашего. Равенсшво обстоятельствЪ дозволяетЪ и намЪ равному сЪ ними подвергнуться року; и можно ли не подражашь Тиша Ливiя заблужденiямЪ? Ободренный шоль сильнымЪ примѣромЪ, не обинуясь кЪ вѣщанiю приступаю.

БАСНОСЛОВНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ
о древности
НАРОДА РУССКАГО.

ГЛАВА I.

Откуда произошелъ народъ Русской, и гдѣ первое его было жилище?

§ 1.

Всѣ древнѣйшія лѣтописи наши предлагаютъ произхожденіе народа Русскаго отъ плодовитаго Скифскаго корени, но отъ которыя вѣтьви, не объявляютъ. Основаніе сіе пріемлю я правдоподобнымъ, по тому, что первое Руссовъ или Россовъ названіе открылось въ такой части Свѣта, гдѣ въ самой ветхой древности, по свидѣтельству Иродота, обитали племена Скифскія. Всемірное повѣствованіе, собраніемъ Аглинскихъ ученыхъ мужей издаваемое, сказуетъ, что въ самыя древнѣйшія времена жилъ между Хвалынскимъ и Чернымъ морями за хребтомъ горъ Кавказскихъ на пространныхъ степяхъ кочующій народъ, Россами называющійся. Жилище его было при великой рѣкѣ Кирѣ, древнѣйшими землеописателями славимой по изобилію бреговъ, ею орошаемыхъ; и паче придерживались Россы другія рѣки, въ Киръ впадающей, которую Греки Ораксъ называли (*). Творцы всемірнаго

Скифы суть предки Русскаго народа. Несторъ и проч.

Hist. univ. T. I. L. 6. IV. cap. 11.

(*) Иродотъ и Птоломей.

Шепегеинъ, гл. I. о Россіи.

повѣствованія именуютъ ее Росъ, Расъ и Арасъ, и по истолкованію Шепегеинову Аравляне называли ее Росъ или Ал-Росъ, съ прибавленіемъ члена ал, какъ и нынѣ у Турковъ подъ симъ послѣднимъ именемъ Алъ-Росъ она извѣстна. Сіе нарѣчія сходство раждаетъ вѣроятную догадку, что единое народа Скифскаго колѣно тамо обитая, или отъ рѣки сея прозвалось Руссами, или сей рѣкѣ въ ветхой древности свое приложило имя, и по прошествіи многихъ вѣковъ могло учиниться корнемъ Россійскому народу. Во время вѣковъ отдаленныхъ, при первыхъ еще Царяхъ Персидскихъ, жили сіи Росани, или по другимъ преданіямъ Роксани, долгія лѣта при берегахъ Араксы, иногда войну съ Персами имѣя, иногда служа подъ знаменами Царей Персидскихъ, яко войска наемныя; при томъ имѣли они своихъ Князей или вождей, и кажется, что Основатель Персидскія Монархіи, великій Киръ, отъ нихъ побѣжденный, лишился жизни. Задолго еще до Рож. Христа Спасителя народъ сей, или другимъ сильнѣйшимъ выгнанный, или причинъ неизвѣстныхъ ради, оставя прежнее жилище, пришелъ къ морю *Хвалынскому*, и даже до рѣки Волги разпространилъ кочевья свои. Сей великой рѣкѣ дали Россы, на память оставленнаго ими Аракса, сокращенное наименованіе *Ра*, подъ которымъ именемъ въ Птоломеевомъ землеописаніи Волгу мы находимъ. Профессоръ Байеръ, доказавъ истинну сію неопровергаемыми доводами, въ восторгѣ возопилъ: „кто не видитъ теперь, что Волга есть Араксъ! развѣ не видитъ кто свѣта и въ полудни! „Но естьли Г. Байеръ по сему

См. Персидское повѣствованіе.

Каспійскому.

О началѣ Скифовъ, T. I. стр. 394.

восклицанію почелъ Волгу и Араксъ за едину рѣку, чего однакожъ изъ доказательства его не видно (*): то весьма далекъ онъ отъ мнѣнія Птоломеева, которой, называя Волгу Ра, не по тому такъ ее именуетъ, какъ будто бы на Скифскомъ языкѣ всѣ рѣки такъ

(*) Я прилагаю при семъ точный переводъ съ объясненія Байерова, для показанія, что Волга, какъ и у Клавдія Птоломея, точно называется Ра, и намъ Тредіаковскій присовокупляетъ къ нему, что названіе сіе еще и донынѣ сохранилось, о чемъ ниже; а теперь объявимъ слова Байеровы: „Сказывали Геродоту, говоритъ Байеръ, что Скифы за Араксомъ при „Иеседонахъ и Массагетахъ жили. Массагеты, „по согнаніи Скифовъ на дальнѣйшія Арайскія мѣста, сидѣли на Востокѣ отъ Каспійскаго моря, гдѣ превеликою степью земля разпростирается. О томъ Араксѣ сказывали ему, что сія рѣка Истру (Дунаю) „въ величинѣ не уступаетъ, и что при „устьяхъ многіе обтекаетъ острова, равные „Лесбу (Метелину). Ничто изъ сего съ Мидскимъ Араксомъ не сходствуетъ: ни Массагетское положеніе мѣста, ни величина „рѣки, ни толь многіе, ни толь большіе „острова. Все сіе принадлежитъ до Волги на „Востокѣ древнія Массагеты. Длина рѣки „превосходитъ Истръ третьею долею, устій „до 80 и болѣе, коими окружаются острова „превеликіе. Геродотъ говоритъ объ Араксѣ, „что по слуху онъ есть и больше и меньше „Истра. Сіе самое подтверждаетъ, что онъ „слышалъ о двухъ рѣкахъ, изъ которыхъ „первая Волга, сія больше Истра; а другая, коя и понынѣ Русъ называется, меньше онаго. Въ семъ токмо ошибся Байеръ, „что онъ сказалъ, будто Араксъ Русъ называется: ибо Араксъ, какъ выше мы объявили, называется нынѣ Ал-Росъ.

назывались; но по тому, что она пришедшими отъ береговъ Аракса обитателями сïе сокращенное получила имя; а сïе названïе сохранилось и донынѣ при одномъ изъ устïй Волги (*), которое Ова-Ра, то есть иная Ра называется. Сïе самое наименованïе Ова-Ра объясняетъ, что жившïе издревле на Араксѣ жители прешли изъ-за Кавказскихъ горъ на иную рѣку, и назвавъ ее Ра-Овамъ, ознаменовали, что они на иной уже Ра находятся.

§ 2.

Изъ вышереченнаго видно, что сïи бреговъ Аракскихъ обитатели долженствовали итти на Волгу, коснувшись прежде моря Хвалынскаго и того мѣста, гдѣ нынѣ Астрахань существуетъ, и можетъ быть мимоходомъ заняли на нѣкоторое время все поморïе и устья Волги, а отсюда шествуя вверхъ сея рѣки, прогнали обитавшихъ на брегахъ ея Болгаръ (**), и сами мѣста селенïй ихъ

(*) Тредïаковскïй о первенствѣ Славянскаго языка, въ разсужденïи своемъ, говоритъ, дополняя Птоломея, слѣдующее: „Я, будучи уроженецъ Астраханскïй, могу свидѣтельствовать, что названïе Ра сохранилось и донынѣ; „ибо устье Волги, текущее по восточной „сторонѣ въ Астрахани, какъ то мнѣ вѣдомо, зовется Ова-Ра, то есть иная Ра: для „того что въ Хвалынское море вѣзжаютъ обыкновеннѣе западнымъ устьемъ. Простолюдимы нынѣ называютъ его больше Увара и „Уварское устье, какъ оно и на картѣ Государя ПЕТРА I. означено.„

(**) Болгары жили по Волгѣ, Камѣ и Свïязѣ, гдѣ и нынѣ Казанское Намѣстничество. О нихъ

заняли (*). Миролюбное ихъ на пространствѣ Волжскихъ береговъ житїе учинило ихъ сосѣдямъ прїятными, изъ коихъ единые Хвалисами называемые, съ ними помѣстясь въ общежительство, едва ли не единъ народъ составили. Названїе Хвалисами подаетъ причину думать, что народъ сей былъ племени Славянскаго; ибо таковое наименованїе другимъ Скифскимъ народамъ кажется не свойственно, о чемъ ниже подробнѣе изъяснится. Россы не долго и на семъ мѣстѣ пребывали. Видно, что великое ихъ скотоводство и землепашество призрѣнїя требовало, по образу кочевыхъ или скитающихся народовъ, частнаго преселенїя, или и духъ воинской не терпѣлъ въ нихъ сон-

Тацит. Кн. I. г. 20, стр. 106, и прим. на 28 никон. спис. печат. стр. 6, полагаетъ Хвалисами народъ на Волгѣ, близъ Болгаръ.

мы часто въ повѣствованїи нашемъ упоминать станемъ; здѣсь же о древности ихъ токмо упомянемъ. Татищевъ, кн. 1. гл. 20, согласуется съ Иродотомъ, которой въ кн. IV. гл. 16. говоритъ о народѣ, именуемомъ Аргиней, и прїемлетъ Болгаровъ за сей народъ, по сходству его описанїя; но какъ тотъ же Иродотъ называетъ ихъ святыми, и ему согласуется Плинїй, кн. IV. гл. XII: то изъ сего видно, что они были закона Браминскаго, въ Индїи господствующаго; ибо Брамины на многихъ мѣстахъ повѣствованїя святыми называются. Изъ сего заключаю я, что сей народъ есть выгнанный Мунгалами изъ Индїи, или по крайней мѣрѣ изъ Китая, гораздо прежде Рож. Хр. Мы увидимъ, что Гунны или Мангулы, туда вышедшїе, называли ихъ, какъ и Половцовъ, рабами и конюхами своими.

(*) О семъ изгнанїи Россами Болгаръ пишетъ Эбнъ Алвардїй, писатель Арабскїй, приведенный въ свидѣтельство у Гербелота. *Библїотека восточная.*

ныя праздности. И такъ тронувшись отсюда раздѣленными сонмы, пошли они въ разныя страны, и можетъ быть, по Шетченіеву сказанію, частью къ Сѣверу и частью къ Западу. Когда сіе и подобныя сему преселенія ихъ произходили, оное древность отъ насъ скрываетъ; видимъ токмо изъ разныхъ повѣствованій, что весьма задолго до Рож. Хр. часть изъ нихъ обитала на Сѣверѣ между Дономъ и Днѣпромъ, и что за сто лѣтъ до Христіанскаго счисленія содѣйствовали они въ войнѣ Митридата Эвпатера и Римлянъ. Потомъ во время землеописателя Страбона при Августѣ и Тиверіѣ Кесаряхъ на самыхъ тѣхъ же мѣстахъ ихъ обрѣтаемъ. При первомъ случаѣ Россы съ 50000 войска помогали Римлянамъ противъ Митридата, и Страбонъ, описывая ихъ оружія, говоритъ: „Употребляютъ они шлемы „изъ сырыхъ воловьихъ кожъ, имѣютъ также „нагрудники и щиты оборонительнымъ, а „копья, луки, стрѣлы и мечи наступатель-„нымъ оружіемъ, и безстрашно съ непріяте-„лемъ сражаются.„ Тацитъ, описуя Германію, о оружіи Тевтоновъ подобное вѣщаетъ. Въ послѣдующія времена часть изъ сихъ Россовъ, по сказанію Шетченія, переселилась въ Крымъ, а другая осталась внѣ Крыма не подалеку отъ онаго. Сія (*) послѣдняя часть соединилась

(*) Какъ въ повѣствованіи не извѣстно, когда и кѣмъ славное въ Херсонѣ Діанино капище разорено; ибо до Христіанства задолго ничего уже о оракулѣ и чистилищѣ его не упоминается: то съ вѣроятностію полагать возможно, что опустошеніе его есть дѣло рукъ предковъ нашихъ, сихъ Россовъ, которые

съ Аланами, единоплеменнымъ, по свидѣтельству многихъ творцовъ, себѣ народомъ; и съ сего времени оба сіи народа совокупно стали Россоланами называться; а сіе имя превратилось потомъ въ Роксellановъ, то есть въ имя того народа, отъ котораго едва ли не всѣ внѣшніе Писатели Русской народъ и Россію производятъ. Объ Аланахъ сказываетъ Целларій въ познаніи древняго міра, что жили они между Волгою и Дономъ, имѣя влѣво отъ Дона Арстуркановъ, и вправо отъ Волги Сербовъ, за хребтомъ же своимъ желѣзныя врата (*). И такъ въ срединѣ сихъ двухъ Славянскихъ народовъ было жилище Алановъ отъ рода Скифо-Сарматскаго. Потомъ жили Аланы между Дономъ и Днѣпромъ, не подалеку отъ сѣвернаго брега моря Азовскаго. Хотя Алановъ многіе Писатели собственнымъ частному народу именемъ почитаютъ; но я лучше желаю согласиться съ тѣми, которые увѣряютъ, что сіе имя есть реченіе Сарматское, знаменующее просто и общественно народъ, а не нарицательное частному изъ народовъ. Сіи-то соединенные съ Россами Аланы, по точному объявленію Страбонову, жили потомъ на Днѣпрѣ, и онъ ихъ новыми пришельцами туда называетъ; а Птоломей, раздѣляя по вышереченному жилище ихъ, полагаетъ и Страб. кн. II и кн. VII.

въ Крымъ, яко въ близкое къ нему сосѣдство, придвигнулись и обитать тутъ начали, и кажется, что славный крещеніемъ Владимира I. градъ Херсонъ или Керсунъ создали.

(*) Такъ назывался тѣсный проходъ, которой нынѣ Черногорцовъ отъ Кавказскаго Намѣстничества отдѣляетъ.

по всему сѣверному брегу Азовскаго моря. Здѣсь они, по сказанію Iорнанда и Амїана и многихъ другихъ Византїйскихъ Писателей, жили до седьмаго по Христѣ вѣка, и можетъ быть еще далѣе.

§ 3.

Россы на сѣверѣ.

Показавъ жилище Россовъ или Роксоланъ на брегахъ Чернаго и Азовскаго морей и рѣкъ Дона и Днѣпра, обращаюсь къ нынѣшней Волгѣ, или къ тогдашней, по Птоломею, рѣкѣ Ра. Выше сказалъ я, что кочевавшїе отъ Хвалынскаго моря Россы, по изгнанїи Болгаровъ, на ихъ жилищахъ остановясь, со Хвалисами соединились. Хвалисы есть, кажется, самый тотъ народъ, которой потомъ подъ именемъ Славянъ прославился, какъ ежели настоящее его имя примемъ по свойству нынѣшняго Рускаго языка на оборотъ, и вмѣсто Хвалисовъ назовемъ ихъ *самохвалы*. Правдоподобное сїе мнѣнїе вывожу я изъ слѣдующаго разсужденїя: До сего обстоятельства никто изъ вѣтхихъ Писателей не оставилъ намъ ни единаго колѣна Скифскаго подъ именемъ Славянъ; а потому можетъ быть предъ многими вѣками обитая въ Большой и Малой Азїи нѣкая Скифскаго корени вѣтьвь называлась по первоначальному вождю своему какъ нибудь инако, и то древнѣйшее его названїе или во глубинѣ временъ истребилось, или въ прехожденїи по смѣшенїю съ другими сосѣдственными народами стало иное, яко то Хвалисами придано. Могло сїе наименованїе произойти отъ дѣянїя сего народа, естьли предположимъ мы, что народъ сей былъ нѣкогда отмѣнныя храбрости,

и на войнахъ, отъ памяти другихъ народовъ удаленныхъ, мужественными прославился подвигами. Сколько мы видимъ въ стихотворномъ Гомеровомъ баснословіи при Троянской осадѣ Героевъ съ ихъ подчиненными прославленныхъ! и изъ негожъ познаемъ, что и Скифы осажденному граду Трои помогли. Сколько видимъ и до Гомерова стихотворенія малыхъ народныхъ сонмовъ, подъ начальствомъ ихъ хищныхъ вождей въ походѣ Аргонаутскомъ, въ ратоборствѣ противъ Иракліевъ, Тезеевъ и иныхъ Героевъ вселенную отъ разбоевъ очищавшихъ и ими въ лѣса и въ пустыни прогнанныхъ? Не должны ли были сіи вытѣсняемые изъ Малой Азіи и Ѳригіи сосѣдственные народы искать убѣжища себѣ въ странахъ отдаленныхъ? Положимъ, что Скифы, помогавшіе Троѣ, по сокрушеніи града сего и по изгнаніи изъ Малой Азіи, по долговременномъ странствованіи, зашли и на пространныя степи, у береговъ Хвалынскаго моря и между Кавказскихъ горъ и Волги находящіяся, подобно какъ и Венеты въ Италію, по свидѣтельству Тита Ливія, и что они многіе вѣки тутъ кочевали. Можетъ быть, что и древнее корня своего имя пренесли они съ собою; но Мунгалами, отъ Арабскихъ хребтовъ туда пришедшими, вытѣсненные и вверхъ Волги съ Болгары тѣмижъ Мунгалами подвигнутые, стали тутъ по долговременномъ уже пребываніи Хвалисами называться, или по Хвалынскому морю, отъ береговъ котораго они изгнаны, или по примѣченной ими хвасти и похваламъ, себѣ приписуемымъ. Народы военные въ тогдашнія баснословныя времена

ни записокъ дѣяніямъ своимъ не сохранили, ниже лѣтописи имѣли; но въ скаскахъ, преданіяхъ и пѣсняхъ память предковъ и дѣлъ своихъ содержали; а потому вѣроятно, что сей нѣкогда на прежнихъ своихъ въ Малой Азіи жилищахъ прославившійся народъ излишне воспѣвалъ и разсказывалъ похвальныя праотцевъ своихъ дѣянія, подобно Гомеру, Ахилла сына Пеллеева въ пѣсняхъ прославившему, и баснямъ о Ираклїяхъ и иныхъ Герояхъ, въ скаскахъ оставленнымъ. Обыкновеніе, которое до прямаго повѣствованія и у всѣхъ военныхъ народовъ многіе вѣки пребывало. Свидѣтельства сему, изъ устъ въ уста прешедшія, еще и нынѣ у насъ находятся, какъ то ниже объявится. Такая неумѣренная предкамъ и народу своему похвала могла конечно родить у собравшихся въ сосѣдство къ нимъ народовъ сіе глумливое ему прозваніе Хвалисами или Самохвалы. Естьли догадка сія покажется кому нелѣпою, таковому читателю совѣтую я припомнить, что и все вѣщаніе сіе есть баснотворное, за недостаткомъ истинны мною употребленное; а баснословіе есть нелѣпость блудящаго разсудка, недостойное, какъ и стихотворство, строгаго осужденія. Для того паче прибѣгъ я къ баснословію, чтобъ вмѣсто мнимыхъ истиннъ, подобно многимъ новымъ повѣствователямъ, не завлечь и моихъ читателей въ бездну лжи, тщеславіемъ ума и учености изрытую. Наименованіе сіе, по мнѣнію моему, весьма близко къ Славянамъ; ибо слава есть слѣдствіе похвалъ неумѣренныхъ. Подъ симъ прозвищемъ можетъ быть находилось Скифское сіе колѣно во время, о кото-

ромъ предлагаемъ, и весьма за долго до Рож. Хр. А какъ по вышереченному предполагаю я, что Аланы ничто иное суть, какъ просто народъ, а не нарицательное частному народу есть имя: то кажется, что Хвалисы, кочуя при Каспійскомъ морѣ, просто Аланы назывались, и подъ симъ общественнымъ и неопредѣленнымъ именемъ многихъ въ себѣ включали, и Россами, отъ рѣки Аракса пришедшими, прозваны Хвалисами, и по сему ихъ названію самое море, по Плинію, Ирканское и Каспійское проименовалось Русскими Хвалынскимъ. Россы, купно съ ними Аланы, кои отъ нихъ Хвалисами названы, вытѣсненные отъ поморія, простершись вверхъ Волги и Болгаровъ изгнавъ, какъ выше объявлено, заняли мѣста, Болгарами обитаемыя, съ нимижъ совокупно. Въ семъ смѣшеніи составили себѣ общее наименованіе Славяне; ибо Хвалисы, получивъ отъ похвалъ сіе проименованіе, извлекли изъ него реченіе *слава*, и соединивъ оное съ нарицательнымъ *Аланы*, произвели сложное изъ славы и лани себѣ имя *Славяне* (*). Въ такомъ баснословномъ понятіи нахожу я при Днѣпрѣ и Донѣ Рокселановъ, а на брегахъ Волжскихъ Славяно-Руссовъ, и обоихъ потомъ признаю основателями Россіи и праотцами нашими. Я уже признался, что сіе заключеніе есть ничто иное, какъ догадка,

(*) Здѣсь упоминаются Лани вмѣсто Алани, потому что нѣкоторые Писатели сказуютъ, что Алани имя нарицательное происходитъ отъ лани, или по просторѣчію, отъ елонницы, по быстротѣ ихъ бѣганія, чѣмъ народъ сей отъ прочихъ отличался.

въ утружденномъ тщетнымъ изслѣдованіемъ разноплеменныхъ творцовъ умѣ моемъ порожденная; а понеже мое баснословіе не больше тѣхъ, кои свое выдаютъ за истинну; то и я уповаю положить повѣствованію моему по крайней мѣрѣ таковоежъ основаніе, какое прочіе Писатели твердостію необоримою своимъ въ ложномъ воображеніи полагаютъ (*), что нѣкогда отъ соединенныхъ сихъ народовъ открылись въ Югѣ на горахъ Кіевскихъ Руссы, и въ Сѣверѣ на брегахъ Ильменя поселеніе Руссо-

(*) Маллетъ, Датскія Исторіи Писатель, во вступленіи своемъ въ повѣствованіе, гл. 3, подобно мнѣ признается, говоря: „De quelque coté que nous cherchions d'autres lumieres de premiers habitants de Dannemarc, je ne crois pas, que nous trouverions rien de certain. . . . Il eſt vrai, quae ſi nous voulons prendre pour guides quelques Auteurs modernes, nos connoiſſances ne ſe borneront pas à des ſi foibles lueurs. . . . Le célébre Rudeck ſavant Suedois zélé pour la gloire de ſes compatriotes n'a pas moins fait d'effort pour leur prouver l'honneur d'une origine fort ancienne.„ При семъ отвергнувъ разсудительный Маллетъ сего перваго лжетворца и ему послѣдователей, продолжаетъ, что находитъ онъ за правдоподобное тамо же стр. 39, что Геты или Готфы, жившіе въ сосѣдствѣ Чернато моря, пришли населить Сѣверъ. А сіи Готфы ничто иное, какъ объявленные мною Славяно-Руссы, отъ рѣки Ра къ Черному морю пришедшіе, которые Славянскъ, Русу, и потомъ Новградъ на Волховѣ создали, о чемъ въ послѣдствіи скажется изъ нащихъ Русскихъ баснословій. Здѣсь одно токмо примѣтить надлежитъ, что сей Рюдекъ Платонову (Мал. тамъ же) Атлантію въ Швецію пренести, есть основатель снуровыхъ и нашихъ Нѣмцовъ сумазбродныхъ о полунощныхъ странахъ суесловій.

Славяновъ дало проименованіе отечеству нашему Россіею, какъ нынѣ и зовется; но не древніе наши Писатели нарицаютъ его Русь или Руссіею, по измѣненію буквы а въ у, принявъ въ оное изъ правописанія Греческаго, которое при переводѣ на Славянскій языкъ книгъ церковныхъ внѣдрилось; но изъ сего не слѣдуетъ, чтобъ языкъ Русской и Славянской былъ одинъ и тотъ же. По смѣшенію множество словъ заимствовали они другъ отъ друга; но столькожъ и несходныхъ имѣли, какъ о семъ ниже повѣдать не преминемъ (*). Симъ заключаю я изслѣдованіе мое въ отношеніи къ наименованію Славяно-Русскому народу, оставляя гаданіе мое каждому въ повѣствованіи нашемъ труднику на разборъ безпристрастный, и желаю, чтобъ онъ возмогъ лучшее производство имени народу нашему придумать; ибо выискать и доказать существенность на то, мнится мнѣ, не можетъ, не прибѣгнувъ къ неосновательному и ложному Нѣмцовъ своемыслію, которое къ тому токмо устремлено, чтобъ уни-

(*) Употребили Нѣмцы и сію языка Русскаго со Славянскимъ разность въ пользу доказательствъ своихъ, якобы мы отъ Шведовъ произходимъ; ибо Барынію Шведскою землею почитая, находятъ множество реченій съ Русскими сходныхъ, и по тому заключаютъ, что Шведская Чудь нѣкогда Русью обладала, хотя сіе удобь возможно, и на оборотъ принявъ, сказать, что Русскіе, обладавъ всею Чудью, дали имъ изъ языка своего нѣсколько особливо нарицательныхъ городамъ и селеніямъ реченій, кои и нынѣ въ Ижерской чухнѣ и въ Олонецкой области остались.

чижить честь, славу и древность народа отечества нашего, и которое, не имѣя древнѣйшихъ повѣствователей, утверждается на Писателяхъ XII столѣтія, которые превратно изъ нашихъ кладезей сказанія свои почерпали.

§ 4.

Пришествія Славяно-Руссовъ въ Сѣверъ.

Я, предложивъ правдоподобное народу Русскому названіе, потщуся прехожденіямъ его слѣдовать. Въ Птоломеевомъ землеописаніи нахожу я Баруссовъ при вершинѣ тожъ рѣки Волги (*) или Ра, и на чертежахъ Целларіевыхъ сихъ Баруссовъ вижу; а изъ того заключаю, что они также Славяно-Руссы, прародители наши, и коренные въ Сѣверѣ градовъ Славянскихъ основатели. Мнѣніе сіе покажется вѣроятія достойнымъ, когда припомнимъ себѣ вышереченное изъ Шедгенія вѣщаніе, открывшее намъ, „что не пріобыкшіе къ единомѣстному пребыванію Славяно-Руссы въ разныя отъ Волги пошли страны: единые направили стопы свои на Западъ, и между Дона, Днѣпра и Дуная остановились на Волгѣ въ жилищахъ Болгарскихъ; а другіе подвигнулись къ полунощи вверхъ по теченію рѣки Волги.„ Сіи послѣдніе названы Птоломеемъ Поруссами; ибо они держались Волги, тогда называемой Ра, что и учинитъ по Расѣ или по Русѣ доея вершины, по нынѣшнему землеописанію, въ Новогородскомъ Намѣстничествѣ находящейся. Первые, поселясь

Сл. геогр. бук. В. Ч. I.

(*) Вершина Волги въ Новогородскомъ Намѣстничествѣ изъ разныхъ озеръ и болотъ; слѣдовательно сіи Борусcы жили пониже Твери, не въ дальнемъ отъ нея разстояніи.

въ югозападной сторонѣ, по мѣстоположеніямъ прозвались Поляне, Лютиги, Радимичи, Древляне, Дряговичи, Сѣверяне и прочіе; а послѣдніе, живъ на Волгѣ подъ именемъ Баруссовъ, глубокаго достигли Сѣвера, и не прежде стали называться Славяно-Руссами, какъ по пришествіи къ озеру Ильменю и по созданіи двухъ великихъ городовъ, Славянска и Руссы. Я симъ все свое изслѣдованіе пресѣкаю: ибо ничего правдоподобнѣе сего не нашелъ въ Писателяхъ, и остановленный при семъ понятіи, радуюсь, что достигъ до древнихъ Новаграда областей. И чего болѣе желать? Се видимъ мы, хотя баснословіемъ приведенныхъ, Руссо-Славянъ на Донѣ, Днѣпрѣ и Днѣстрѣ и на Дунаѣ, въ Тавридѣ и у Чернаго и Азовскаго морей, у береговъ Хвалынскихъ, на Волгѣ и близъ Ильменя, весьма за долго до Рож. Хр., и не всѣхъ кочующихъ, но селеніями уже обитающихъ. Се открывается намъ свѣтъ въ пучинѣ, մракомъ глубокія древности покровенной, и въ слабомъ сіяніи являетъ созданіе реченныхъ градовъ старыя Руссы и Славянска въ незабвенную обѣихъ соединенныхъ племенъ память! Языкъ пришельцовъ сихъ хотя и былъ смѣшенный, но совершенно единымъ, какъ выше объявлено, почитать его не можно. Руссы имѣли свой языкъ, во всемъ съ Уграми сходный и корень въ Сарматскомъ имѣющій; а Славяне, то есть Хвалисы, кажется, также свой коренный имѣли: ибо послѣдній былъ весьма благороднѣе и изобильнѣе перваго. Въ самомъ Кіевѣ, до вторичнаго Руссовъ южныхъ съ сѣверными Славянами соединенія, существовалъ единый токмо языкъ Русскій; а по-

томъ уже въ народной черни онъ остался, когда Вельможи и почетные Кіевскіе мужи, по пришествіи отъ Новаграда Князей, воспріяли и стали употреблять Славянскій, яко превосходнѣйшій, изобильнѣйшій и важнѣйшій языкъ, на которомъ по святомъ крещеніи и Священныя переведены были книги. Сіе языковъ различіе было, кажется, причиною двухъ особенныхъ градовъ зданія: Славянска на Волховѣ и Старыя Руссы на рѣкѣ Полистѣ. Отъ сего удаленнаго отъ памяти времени внѣшніе Писатели, особливо сѣверные, проименовали Славяно-Руссію на Нормандскомъ языкѣ Гардарикою, какъ то Бреннеръ отъ великаго града производитъ; ибо Славянскъ въ самомъ своемъ началѣ великимъ градомъ названъ, а потомъ разоренный и Рюрикомъ паки воздвигнутый Ладогою проименованъ, и подъ названіемъ Старыя Ладоги и нынѣ еще извѣстенъ. Отсюда начинается баснословное повѣствованіе о сѣверномъ народѣ Славяно-Русскомъ въ древнѣйшей Новоградской лѣтописи, съ которой Іоакимъ, предшествующій ста лѣтами Нестору, во многомъ согласенъ. Я не знаю, кто сей лѣтописатель былъ; но баснословіе его началомъ повѣствованія моего пріемлю, потому что и самъ Іоакимъ, какъ видно, изъ него же почерпнулъ своея лѣтописи начало. Всѣ древнихъ государствъ повѣствованія въ источникахъ своихъ темны суть; всѣ преисполнены чудодѣемымъ баснословіемъ, и того или инаго вымышленнаго божества любострастнымъ смѣшеніемъ уваженныя, корень свой отъ боговъ производятъ. Не для чего и мнѣ не послѣдовать ветхимъ о Греціи и Римля-

нахъ Писателямъ, которые еще меньше о происхожденіи народовъ своихъ свѣдущіе, изъ баснословныхъ преданій начало вѣщаній своихъ извлекая, за истинну потомству предавали. Мы не отъ боговъ основаніе политическому Руссіи тѣлу занимаемъ; слѣдовательно сколько бы сказаніе наше ни было баснословно, все больше правдоподобія имѣть будетъ, нежели отъ страсти браннаго Марса рожденные и волчицею вскормленные близнецы, Титомъ Ливіемъ въ основаніе Римскому народу положенные (*). Ромулъ и Ремъ.

ГЛАВА II.

Начало постановленія политическаго Славяно-Русскаго тѣла.

§ 5.

Сколько время пришествія Славяно-Руссовъ въ полунощную страну неизвѣстно есть, столько населявшіе оную до пришествія ихъ Неизвѣстность, когда Славяно-руссы въ Сѣверъ пришли.

(*) Маллетъ сему подражаетъ во вступленіи въ Датскую Исторію, гл. IV. стран. 51, выводя по баснословному преданію въ Скандинавію какого-то Отдина, которой естьли не самъ богомъ, гл. IV. стр. 71, почитался, то по крайней мѣрѣ уставилъ символы древнѣйшіе Швеціи вѣры, чему и Стурлезонъ послѣдовалъ, и всѣхъ своихъ Королей отъ насажденнаго имъ производитъ корени. Король сей есть божество Едда, въ Исландской миѳологіи прославленное, о чемъ будетъ ниже; и вся сія полагаемая имъ въ Сѣверѣ вѣра ничто иное, какъ Скифская миѳологія, жрецами Скифскими повсюду разсѣянная, и мы въ своемъ мѣстѣ повѣдать объ ней случай имѣть будемъ.

народы невѣдомы суть. Нашъ Новогородскій Лѣтописецъ начинаетъ повѣствованіе свое задолго до Рож. Хр. И тако о пришествіи въ Сѣверъ Славяно-Руссовъ говоритъ: ,,Когда по столпотвореніи разсѣянные языки скитались по шару земному, вытѣсняя другъ друга изъ странъ изобильнѣйшихъ, тогда два брата отъ племени Скифскаго, Славянъ и Руссъ именуемые (*), изшедъ съ роды своими отъ Чер-
4. наго моря изъ Малой Азіи, по долгомъ странствованіи преходя отъ единыя пустыни въ иную, достигли до нѣкоего великаго озера, которое потомъ во имя сестры своей Ирмены Ирмеромъ проименовали, и тамо остановились. Здѣсь бо волхвы поселиться имъ повелѣли, говоритъ лѣтописецъ. Кто не видитъ, что баснословное сказаніе лѣтописца сего есть самое то же баснословіе, которое изъ многихъ древностей нами извлечено и выше объявлено? Разность токмо въ томъ, что лѣтописецъ нашъ не сугубый народъ, подъ именами Славянъ и Руссовъ соединенный, но двухъ братовъ съ ихъ родами предполагаетъ. Пришествіе ихъ опредѣляетъ онъ отъ сотворенія міра лѣта 3199, полагая до потопа 2242 и отъ потопа до раздѣленія языковъ 530, а отъ раздѣленія до созданія Славянска или града великаго 477 лѣтъ, слѣдовательно задолго

Новгор. лѣтоп. гл. VII. л. до Р. Х. 3199.

(*) Сіе Лѣтописца нашего баснословіе весьма мало разнствуетъ съ баснословіемъ Тита Ливія, которое Италію подобными изъ малой Азіи, иначе Троянскими пришельцами, Антеноромъ и Энеемъ, населяетъ. См. Тит. Лив. I. кн. о населеніи Италіи, и весьма подобное Маллетову привидѣнію Оддина смотри выше.

до Рождества Христова. По семъ продолжаетъ онъ: „Вскорѣ по пришествіи къ Ильменю или Ильменю озеру, поставили Славяно-Руссы градъ великій на мутной рѣкѣ, соединяющей Ильмень съ Ладожскимъ озеромъ, и назвали его Славянскъ во имя старшаго брата, а рѣку наименовали Волховъ, по имени Волхва, старшаго сына Славенова.„ Сей-то Славянскъ или великій градъ былъ изъ первѣйшихъ во всей полуночной странѣ, простирающейся отъ бреговъ Балтійскаго моря даже до устья сѣверныя Двины рѣки, впадающія въ заливъ сѣвернаго Океана, Бѣлымъ моремъ зовомый. И такъ напрасно Старую Ладогу нѣкоторые Писатели первымъ Славянскимъ градомъ именуютъ. Главные грады, по тогдашнему всемѣстному обыкновенію, или отъ создателей своихъ, или отъ извѣстнаго знатнаго урочища, или отъ божества какого въ древнемъ многобожіи, имена получали; чего мы при Старой Ладогѣ не обрѣтаемъ. Правда, былъ Русской кумиръ, Ладо именуемый; но сей, кажется, гораздо позже, при постановленіи Славянскаго многобожія, примышленъ; слѣдовательно ни Ладогѣ, ни Ладожскому озеру придать не могъ. И такъ между прочимъ и сей Старой Ладогѣ приписуемое первенство удобь возможно причислить къ вымысламъ Нѣмецкимъ, которой всей Готѳовъ владычество зависитъ отъ уничтоженія Славянска или града великаго, о которомъ они ни слова не упоминаютъ; но давъ Ладогѣ наименованіе Нормандское Голдерикомъ, дали всей землѣ названіе Голдерики, или Олзерики, то есть земли восточныя, по тому, что лежитъ она отъ Нормандіи къ Востоку.

Тат. ч. I. гл. 29. стра. 377 ѣ. IV. Сказываютъ, что градъ Ладога стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ село, Старая Ладога именуемое, находится, и будто бы развалины его видимы еще и нынѣ подъ названіемъ дома Рюрикова; чего однакожъ я самъ, будучи на ономъ мѣстѣ, не примѣтилъ. „Россъ же (продолжаетъ нашъ Лѣтописецъ) или паче сказать, Руссы, отдалясь нѣсколько съ своимъ „родомъ, создали градъ при студенцѣ Соле„номъ, и по имени своемъ назвали его Руса, „которой и нынѣ подъ названіемъ Старыя Русы „существуетъ. Воздвигнутъ онъ при рѣкѣ „Полистѣ, тогдажъ именемъ дщери Русовой „Полисты нареченной, какъ и другая рѣка, въ „нее впадающая, по имени жены его названа „Порусьею.„ Онъ есть единовременный Славянску, или, какъ мнятъ Нѣмцы, Старой Ладогѣ градъ, и его-то, кажется, они Алденбургъ или Олденбургъ, то есть старъ градъ, называютъ. Но какъ ихъ писанія, особливо творцовъ Шведскихъ, по вышереченному, ложны суть: то лучше почитаю я оставаться намъ при правдоподобномъ баснословіи собственнаго своего Новоградскаго лѣтописца, нежели послѣдовать самохвальству Свейскаго Стурлезона и другихъ Писателей, которые Готѳовъ, какъ выше объявлено, за праотцевъ всѣхъ сѣверныхъ народовъ выдаютъ; нашъ же лѣтописецъ сказываетъ при семъ, въ противность Снуру, что въ сихъ же предѣлахъ и въ сіе же время созданъ Славяно-Руссами еще одинъ градъ, именуемый Холмоградъ, о которомъ ниже съ точнымъ Русскихъ писцовъ повѣствованіемъ упомянуто будетъ въ опроверженіе сего Стурлезона.

§ 6.

Построеніе городовЪ предполагаетЪ уже политическаго тѣла основаніе. Скитающіеся народы хотя вождямЪ своимЪ нѣкоторымЪ образомЪ и повинуются; но сіе повиновеніе или кЪ воинскому послушанію, или токмо кЪ общему относится хищенію, какЪ то Калмыки и нынѣ свидѣтельствуютЪ. Они не знаютЪ взаимности, какою каждаго общежитія члены, для твердости цѣлаго общественнаго тѣла, другЪ другу обязаны суть; ибо взаимныхЪ должностей ихЪ обязанность не простирается далѣе, какЪ до нѣкоторой стана общаго и частнаго шатра своего охранности; однакожЪ вѣра, законы и обычаи суть такія вещи, которыя не по слуху токмо извѣстны были нашимЪ пришельцамЪ, но по преданіямЪ; ибо у всѣхЪ скитающихся тогда народовЪ и духовенство сЪ ними, по свидѣтельству Писателей, повсюду странствовало, и паче о племенахЪ СкифскихЪ не можно воображать, чтобЪ они какихЪ нибудь занятыхЪ отЪ древности правилЪ, кЪ основанію политическаго тѣла служащихЪ, не принесли сЪ собою вЪ СѣверЪ, когда созданія градовЪ вдругЪ при пришествіи своемЪ предприняли. ИзЪ Геродотова повѣствованія мы видимЪ, что Скифы, праотцы наши, имѣли свою вѣру, свои законы, свои обыкновенія и свои нравственные уставы, сЪ чѣмЪ безЪ сомнѣнія и повсюду отЪ Востока они разсѣялись (*). Но какая была у нашихЪ при-

сЪ какою вѣрою, законами и правами пришли вЪ СѣверЪ Славяно-руссы.

(*) МаллетЪ во вступленіи вЪ Датскую Исторію, гл. VI. стр. 71 и далѣе, повѣствуя о вѣрѣ сѣверныхЪ народовЪ и особливо вЪ Скандинавію пришедшихЪ, говоритЪ: „Главное установле-

шельцовъ вѣра, какіе законы и уставы, и какіе нравы и обычаи были, слѣдовательно какой родъ правленія изъ того предполагать удобь возможно, разсмотримъ вкратцѣ. Когда мы правдоподобное чаяніе со времени пришествія Славяно-Руссовъ въ Сѣверъ предполагаемъ, тогдажъ въ самомъ видимъ Геродотѣ, что не всѣ подъ общимъ Скифовъ именемъ бывшіе народы кочевыми назывались, но многіе изъ нихъ великими селеніями и городами жили; слѣдовательно и гражданское правленіе имѣли, которое, и по его свидѣтельству и по самому естеству, не могло быть иное, какъ Монархическое; ибо первоначаліе обществъ лучшаго правленія роду человѣческому не предполагаетъ. Но какъ Геродотъ весьма многія

„ніе было между Скифами въ отношеніи къ „вѣрѣ то, чтобъ почитать единое Существо „всемогущее и совершеннѣйшее, господствую„щее надъ всѣми прочими существами, есте„ство населяющими.„ А сіе есть то, что Божественное Писаніе подъ изреченіемъ Богъ боговъ называетъ, то есть, единаго Бога, Творца всѣмъ видимымъ и невидимымъ существамъ и веществамъ. Такое чистое Богопознаніе, подъ какимъ бы именемъ ни было, свято есть, и никакая нелѣпая Миѳологія основанія сея истинны Богословіи помрачить не можетъ. За симъ входитъ Маллетъ въ родословіе вымышленнаго многобожія, которое, при сношеніи его въ Греческимъ и Римскимъ, токмо открываетъ Египетское и Сирское первое многобожія древо, подъ разными токмо вѣтвей названіями: тамо первые Озирій и Изида, Сатурнъ и Реа, здѣсь въ Исландіи по родословію Эдды Оддинъ и Фрега или Фрея, и прочая.

отъ начальнаго Скифскаго народа произшедшія колѣна скитающимися, или кочевыми описуетъ; то хотя таковыми почитаемъ мы Славяно-Руссовъ, однакожъ безъ сомнѣнія полагать можемъ, что о живущихъ въ политическихъ обществахъ единородцахъ своихъ они вѣдали и понятіе о ихъ неподвижномъ житіи и правленіи достаточное имѣли. Хотя предпочитая они въ странствованіяхъ свободную жизнь, градожитіе, яко неволю, презирали; однакожъ пришедши въ Сѣверъ, гдѣ суровость климата заставила отъ хлада въ селеніяхъ защищаться и въ хлѣбопашествѣ болѣе пропитанія искать, нежели въ скотоводствѣ, принуждены были размыслить о постановленіи житія общественнаго и неподвижнаго. Съ симъ намѣреніемъ прибѣгли они къ созданію градовъ, но чаятельно пріобыкшаго своевольства вдругъ лишиться не восхотѣли; а потому несомнѣнно предполагать надлежитъ, что лучше желали они, по прежнему своему обыкновенію, избранію вождей повиноваться, нежели Монархическому единодержавію вдругъ подвергнуться; ибо долгое время видимъ мы въ Славянскѣ и годичныя и продолжительнѣйшія Князей или вождей избранія. Не могу притомъ воображать, чтобъ при новомъ гражданскомъ житіи не сохранили они древнія вѣры, законовъ, обычаевъ и нравовъ, съ каковыми они пришли, и каковые едва ли не у всѣхъ скитающихся колѣнъ Скифскихъ были. Вѣра, по свидѣтельству тогожъ Иродота, что и Маллетъ съ сѣверными Писателями (*) утверждаетъ, у всѣхъ Скифовъ была во

(*) Смотри выше примѣчаніе, касающееся до Миѳологіи Скифской и Сѣверной.

всемъ древней Египетской и Халдейской подобная; слѣдовательно при познанiи Всевышняго Творца, яко первоначальныя всему видимому и невидимому вины равныя, и кумиропочитанiе, подъ неизчетнымъ множествомъ вымышленныхъ баснословнымъ воображенiемъ идоловъ, представляло имъ въ смѣшныхъ понятiяхъ и стихiй дѣйствiя и самое естество, подъ образами и именами разными. Мы сказали, что Египетъ боготворилъ Озирiя, представляя его въ знаменiи живодавца всему творенiю; а Греки въ Зевсѣ то же почитали. Солнце и луна у первыхъ были Озирiй и Изида, а у другихъ Аполлонъ и Дiана. Первые вѣчный огнь въ Вулканѣ, а послѣднiе въ Вестѣ почитали; но все сiе было одно и тожъ баснословiе, которое въ толкованiи ихъ священниковъ превѣчнаго Существа понятiе скрывало. Плутархъ повѣствуетъ, что въ градѣ Саисѣ находилась надпись во храмѣ Изидина кумира: „*я есмь все, что было, что есть и что будетъ; никто еще изъ смертныхъ моея завѣсы не открылъ.* А Моисей не то же ли самое вѣщаетъ, объявляя Бога истиннаго въ нерукотворенномъ образѣ, но въ ясномъ объ Немъ понятiи: *Азъ есмь сый, иже былъ, есмь и буду*; и въ Аѳинахъ также неисповѣдимаго признавали Бога, и въ посвященномъ Ему храмѣ, по свидѣтельству Павла Апостола, ни жертвы не приносили, ни кумира ни единаго не имѣли. Скифскiе народы, по разсѣянiи своемъ, тужъ самую вѣру почитали; тожъ многобожiе въ разнообразныхъ кумирахъ, нарицаемыхъ по свойству каждаго языка, обожали, и племена ихъ, пришедшiя къ Ильменю, въ Холмоградѣ воз-

двигли капище (*), и тожъ богослуженїе постановили. Тамо хитростїю жрецовъ толкованїе изображенїй въ таинствѣ закрылось, и въ сомнительныхъ токмо гаданїяхъ и въ идоложертвенномъ суевѣрїи, по всей Руссїи отъ Msты до Ловати, или отъ бреговъ Ильменя разпространилось. Отсюда капище сїе во всемъ Сѣверѣ было толь славно, какъ Дельфическое во всей Грецїи и вселенной.

(*) При семъ почитаю за нужное объявить Читателю о мѣстоположенїи Холмограда, сїе славное въ Сѣверѣ капище въ стѣнахъ своихъ заключающаго, и достовѣрными свидѣтельствами доказать какъ ошибки нашихъ, такъ и совершенную ложь Шведскаго Стурлезона и другихъ внѣшнихъ Писателей. Объявилъ я выше изъ Новоградскаго лѣтописца, что Славяно-Руссы, не зная Готѳовъ, пришли въ Сѣверъ и грады созидать начали. Естьли то правда, что Славянскъ и Старая Руса близъ озера Ильменя ими неоспоримо созданы, то и Холмограда въ самой отъ Ильменя же близости искать подобаетъ; ибо въ немъ находился предметъ ихъ вѣры и богослуженїя соборъ. Въ доказательство близости сего капища служитъ Іоакимъ, нашъ повѣствователь, который сказуетъ, что Гостомыслъ, желая вѣдать, кто по немъ въ великомъ градѣ обладать будетъ, посла въ Зимголы къ вѣщунамъ вопросити: Татищ. Ч. I. гл. IV, въ выпискѣ изъ Іоакима, на страницѣ 34. и таможъ сказуя о сновидѣнїи Гостомысла, говоритъ Іоакимъ: „востáвъ же отъ сна, призва „вѣщуны, да изложатъ ему сонъ.„ Симъ даетъ намъ Іоакимъ разумѣть, что Зимголы въ дальнемъ были разстоянїи; оное означаетъ реченїемъ: посла въ Зимголы; а близость своихъ вѣщуновъ ознаменовалъ словомъ: позва вѣщуны, а не послалъ въ Холмоградъ по вѣ-

§ 7.

Нравы и обычаи Славяно-Руссовъ.

Но естьли у Славяно-Руссовъ, подобно какъ и у Германцовъ, по свидѣтельству Тацита, не во всемъ съ описанїемъ Иродотовымъ сходному, было нѣкоторое съ коренными Скифами въ богослуженїи различїе: то несомнѣнно и во нравахъ и въ обычахъ не безъ разности до глубины Сѣвера они достигли. Частыя переселенїя, заимство при смѣшенїи народовъ, сосѣдство съ одними и удаленїе отъ другихъ,

щуны. Согласно сему повѣдаетъ и Несторъ. И такъ капище вѣщуновъ, слѣдовательно и Холмоградъ, вблизи Новаграда были, сомнѣваться не нахожу я причины; но въ томъ съ Татищевымъ согласиться не могу, чтобъ были они тутъ, гдѣ нынѣ деревня Бронница, и удивляюсь, какъ такой просвѣщенный писатель возмогъ принять холмъ оный и находящїйся на немъ ключь водометной за достаточной признакъ, и утверждать. И какъ благоразсудительный нашъ критикъ Господинъ Болтинъ не вывелъ наружу сего заблужденїя? А еще меньше вѣрю лжетворному Шведскому Писателю Стурлезону, который принесъ его на устье Двины рѣки, гдѣ и нынѣ деревни, подъ названїемъ Холмогоры, существуютъ. Сей Стурлезонъ, яко врагъ отечества нашего и основатель мнѣнїй Миллера и Шледцера, жилъ въ XII столѣтїи, говоритъ, что Бїармїя или Финландїя, подъ Шведскимъ будучи владѣнїемъ, издревле простиралась до бреговъ Бѣлаго моря, и доказываетъ то путешествїемъ двухъ Нормандцевъ, Тарета и Карла, ко брегамъ сѣверныя нашея Двины. Противъ сего вопїетъ тамошняго края разборчивый древностей Писатель, гражданинъ Архангелогородскїй Василїй Крестининъ. Онъ, извлекая изъ архивъ

притомъ время и климаты хотя суть такія вещи, которыя нечувствительно перемѣняютъ и нравы и обычаи; однакожъ по опытности видимъ, что вовсе древнихъ не изкореняютъ: того ради за недостаткомъ прямыхъ извѣстій можемъ мы принять, что предки наши, и по отдѣленіи отъ Скифовъ, праотцевъ своихъ, съ небольшею нравовъ и обычаевъ пере-

Холмогорскихъ, говоритъ гл. 1, о начаткахъ Холмогора, стр. 3. „Прежде всего надлежитъ „рѣшить сей вопросъ: Славяне ли или Чудь „были первые основатели Холмогоръ? Трудно „или паче невозможно по единому знаменова„нію сего Славянскаго имени Холмогоры при„писать Славянамъ; ибо то мѣсто, на ко„торомъ нынѣ городъ Холмогоры свое поло„женіе имѣетъ, занятъ былъ въ древнія вре„мена деревнями, которыя назывались Кур„цево, Качковка, Подракурья. Двѣ деревни „изъ сихъ селеній со временемъ перемѣнились „въ посады Курчевской и Подракурской, а „Качковка деревнею осталась. Изъ сихъ и „другихъ частей или слободъ, построенныхъ „въ послѣдующія времена подъ Рускими име„нами, составлены Холмогоры.„ Къ сему достовѣрному свидѣтельству прибавляетъ Господинъ Лепехинъ, Профессоръ Императорскія С. Петербургскія Академіи, въ древнихъ путешествія своего запискахъ, Ч. III. стр. 321 и 322, говоря: „Всѣ сѣверные о древности Россійскаго народа Писатели наполнили сочи„ненія свои военными и славными Чудскими „дѣйствіями. Они сказуютъ, что Готы „не токмо войною, но и купечествомъ были „славны; входили, по ихъ сказанію, въ Двину „рѣку морскими судами къ городу Холмо„граду, гдѣ лѣтомъ бывало славное годовое „торжище; что обитавшій тутъ Чудскій „народъ покланялся идолу Ямаллу или

мѣною, политическое общество свое въ Сѣверѣ основали: ибо тажъ древняя вѣра и въ нравственномъ поведенiи тѣжъ самыя древнiя впечатлѣнiя незагладимо содержать могла. Такъ умственно предполагая, извлечемъ нравы, обычаи и гражданскiе ихъ законы изъ описанiя Иродотова, которой, вступая въ повѣствованiе войны Дарiя, Царя Персидскаго,

„Ямалу. Миллеръ, нашъ Соакадемикъ, подъ „смотрѣнiемъ котораго издавались сочиненiя, „въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1761 года, на стр. 6. „упоминаетъ въ утвержденiи баснословiя „Стурлезонова, что Холмградъ былъ сперва „имя стариннаго города Холмогоръ.„ Къ таковому Нѣмцовъ извѣщенiю присовокупился Ломоносовъ, въ древней его Исторiи, гл. 6 о Чуди, стр. 33 и далѣе. Я не удивляюсь тому, что Стурлезонъ, возвѣщевавъ единожды, что все въ древности Готѳамъ и Шведскимъ Королямъ было подвластно, разпространилъ владѣнiя ихъ отъ Балтiйскаго моря до Царяграда, и что Шлетцеръ на Греческомъ, Латинскомъ, Шведскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ листовъ 40 въ $\frac{1}{4}$, напечатавъ сiи Стурлезоновы басни, такъ о Холмоградѣ утверждаетъ. Всемiрная Исторiя очиститъ Грецiю отъ сего безстыднаго оклеветанiя; но удивляюся нашему Ломоносову, что онъ, будучи мужъ просвѣщенный, и самъ уроженецъ Холмогорскiй, къ таковымъ примѣстился лжетворцамъ, и за истинну принялъ сказку Стурлезона о прiѣздѣ въ Двину рѣку нѣкоего Тарета и Карла, посланныхъ отъ Короля ихъ Олова для торгу въ Бiармiю, то есть Финляндiю, „что „они ограбили золото и серебро изъ кладбищь, сорвали съ деревяннаго Iомалы идола „дорогое ожерелье и взяли серебряную съ „деньгами чашу. Сiю, продолжаетъ онъ, древность тамошней Чуди доказываютъ и по-

съ Скифами, описываетъ кочевавшія тогда по всѣмъ великимъ рѣкамъ, отъ восточнаго Океана между Чернаго и Хвалынскаго морей находящимся степямъ, разныя колѣна Скифскія. Между прочими упоминаетъ и о тѣхъ, кои, обитавъ прежде при рѣкѣ Араисѣ, чрезъ Кавказскія прешли горы. Хотя онъ часто не разсказываетъ ни объ единомъ изъ нихъ колѣнѣ,

„нынѣ живущіе по Двинѣ Чудскаго рода остатки.„ Они же, по свидѣтельству Историческаго опыта о сельскомъ домостроительствѣ Двинскаго народа въ Сѣверѣ, напечатаннаго при Императорской Академіи Наукъ въ 1785 году, противное тому являютъ. Крестининъ, тамошній уроженецъ и не стыдящійся родомъ своимъ, подобно Ломоносову, въ одной изъ Холмогорскихъ деревенъ отъ крестьянина рожденному, такъ намъ сказуетъ: „Старинные переселенцы изъ великаго Новагорода и изъ тамошнихъ странъ въ „Двинскую область, состоявшую издревле „подъ владѣніемъ Новогородскимъ, были люди двоякаго состоянія: одни вольные, а „другіе невольные; вольныя переселенія Новоградцевъ на Двину были въ вѣкахъ отдаленныхъ, во времена самовластнаго могущества великаго Новаграда, расширившаго „владѣніе свое надъ Чудскими народами въ „Сѣверѣ, отъ береговъ Балтійскаго или Варяжскаго моря до рѣки Печоры и далѣе къ Сибирскимъ предѣламъ и до Перміи великой. „Между Печорою, въ Мурманское море или въ „сѣверной Океанъ впадающею, и Волховомъ, „продолжаетъ Крестининъ, занимала Двина „средину въ семъ пространномъ Новградскомъ „владѣніи. Такими переселенцы обитаемъ были на Двинѣ, въ Ровдогорской области, „Куръ островъ, единый изъ прекраснѣйшихъ, „величайшихъ и хлѣбороднѣйшихъ на рѣкѣ

но вообще о всѣхъ говоря, представляетъ ихъ народомъ съ нѣкоторымъ хотя просвѣщенїемъ, но противъ враговъ жестокимъ и кровожаднымъ. Сей повѣствователей отецъ подалъ намъ первый отвратительное извѣстїе о чашахъ, изъ черепа человѣческаго Скифами творимыхъ и при пиршествахъ на утоленїе жажды вмѣсто сосудовъ употребляемыхъ, что

„Двинѣ. Лежитъ онъ противъ нынѣшнихъ „Холмогоръ и простирается въ длину отъ За„пада къ Востоку на 12 верстъ, и отъ Юго„Востока высокою окруженъ горою. На немъ „двѣ волости: Куростровская и Ровдогорская. „Въ первой родился и воспитанъ Господинъ „Ломоносовъ.„ Для меня довольно сего свидѣтельства къ заключенїю, что въ самой древности обитали тутъ Славяне, и что никогда Холмоградъ, слѣдовательно и капище боговъ не бывало до воспрїятїя вѣры Христїанскїя, потому что и весь сонмъ Нѣмецкїй не показалъ мнѣ мѣста, гдѣ былъ мнимый ихъ градъ, въ которой изъ реченныхъ волостей, на островѣ Курѣ находившихся, было капище съ вѣщающимъ кумиромъ. А какъ они притомъ называютъ его Голмоградъ, то и не сходствуетъ сїе единственное нарицанїе со множественнымъ Холмогоры, которое по естественному мѣстоположенїю ему придано; ибо состоялъ и состоитъ онъ изъ многихъ включенныхъ въ него слободъ или волостей. Но гдѣжъ находился древнїй Голмоградъ и то капище боговъ, къ которому многїе сѣверные Государи на богомолье прїѣзжали? По вышереченному Іоакимому сказанїю должно искать его вблизи Новаграда; но конечно не у Бронницъ, по Татищевой догадкѣ, ниже на брегахъ Двинскихъ, по достовѣрному нашихъ Писателей свидѣтельству. Я долго искалъ его, совображая землеописанїе съ разными

мы въ послѣдствіи повѣствованія нашего въ употребленіи у нѣкоторыхъ соплеменныхъ имъ народовъ увидимъ. Впрочемъ приписываетъ онъ изящныя имъ добродѣтели. По его свидѣтельству, честность, безкорыстность, твердость даннаго слова и содержаніе единожды заключеннаго дружества, были тѣ свойства, кои нравственное основаніе поведенію Скифовъ

мысленными догадками, пока не увидѣлъ на большомъ чертежѣ монастыря, демономъ нарицаемаго, и въ поздныя времена въ житіи Іоанна Васильевича I, Самодержца Московскаго, не нашелъ тутъ городка, демономъ же называемаго. Наименованіе *демонъ* указало мнѣ на бывшихъ тутъ жрецовъ идольскихъ; ибо идолы бѣсами, и волхвы по тому же демонами, не только по суевѣрію народному, но и въ Минеѣ Четіи на многихъ мѣстахъ въ разсужденіи демонскаго въ чародѣйствѣ дѣйствія называются. Сею догадкою побуждаемый, восхотѣлъ я узнать истое мѣстоположеніе демонова монастыря, и послалъ туда извѣстнаго Его Преосвященству, Гавріилу С. Петербургскому, Протоіерея Софійскаго Новоградскаго Собора, мужа просвѣщеннаго и въ Россійскомъ повѣствованіи довольно знающаго. Сей достовѣрный Священникъ привезъ мнѣ слѣдующее описаніе: Между Новаграда и Старыя Русы на рѣкѣ Явоніи, съ западной страны въ Ловать близъ устья послѣднія впадающей, есть и нынѣ монастыря развалины и при нихъ селеніе; а отъ Мсты къ Югу нарочитой высоты гора, на которой видна каменная ограда и въ срединѣ студенецъ съ водометомъ или ключемъ, близъ котораго каменныя равнины, по коимъ удобь возможно заключать, что въ самой древности находилось тутъ или капище или обитель жрецовъ. Съ высоты сея виденъ чрезъ Ладожское озеро Новоградъ, и мо-

полагали. Война всегдашнее ихъ было ремесло; но инаго искусства въ ней не знали, какъ токмо безстрашїе, мужество и храбрость, Смерть вмѣняли они ни во что, и рѣдко въ плѣнъ живые отдавались. Преходя изъ мѣста въ мѣсто, меньше пеклись о землѣдѣлїи, нежели о скотоводствѣ, и тѣмъ нынѣ кочующимъ народамъ весьма уподоблялись; женъ и дѣтей переваживали въ тѣлегахъ, кожами покрытыхъ, и ограждаясь ими вмѣсто рогатокъ, ночлеги въ степяхъ имѣли; не знали они иныхъ колесницъ; ни нѣжности, ни роскошей въ обыкновенїи не имѣли; странствовали всегда на коняхъ неосѣдланныхъ и рѣдко пѣшешествовали; мягкими одрами сна не привлекали, но утружденные на муравѣ и листвїяхъ зеленыхъ отдохновенїе обрѣтали; не вкушали иной пищи, какъ грубую плоть дикихъ звѣрей и птицъ, стрѣлами ихъ умерщвленныхъ; ниже инаго питїя, кромѣ млека и воды, не употребляли; и для того на поляхъ, великими рѣками орошенныхъ, становища свои всегда располагали. Не въ одеждахъ, которыя во всѣ вре-

жно къ нему въ хорошую погоду въ часъ на ладїяхъ достигнуть; но сухимъ путемъ отстоитъ сїе городище отъ Новаграда слишкомъ въ 30 верстахъ. По таковымъ правдоподобнымъ свидѣтельствамъ не можно кажется усомниться, что Голмградъ въ началѣ пришествїя въ Сѣверъ Славяно-Руссовъ существовалъ на семъ мѣстѣ. Мы не оставимъ еще подкрѣпить мнѣнїе сїе при пренесенїи его, по принятїи Христїанства, на Двину, и при показанїи проповѣдуемаго тамо кумира Iомаля изъ древенскаго сего идола сотворенїе по сходству Россїйскаго Перуна.

мена года въ кожахъ звѣриныхъ состоятъ, но въ лукѣ, стрѣлахъ и саблѣ все щегольство свое почитали. Дщери ихъ не приносили въ супружество инаго приданаго, какъ токмо грубую родителей суровость и добродѣтели. Онѣ съ отцами своими на сраженіяхъ бывали, и прежде бракомъ сочетаться не могли, доколѣ храбростію на браняхъ не отличились. Женихъ, геройскихъ дѣлъ не причастный, не обрѣталъ себѣ невѣсты; ибо браноносныя дѣвы робкихъ презирали мужей, и самая нѣжнѣйшая страсть подлости трусливаго духа изъявить у нихъ не могла. Съ таковыми или весьма мало измѣненными и добродѣтельми и пороками, завели Славяно-Руссы, кажется мнѣ, общественное и неподвижное въ созданныхъ ими градахъ житіе.

§ 8.

Не льзя воображать, чтобъ они и законовъ гражданскихъ не принесли съ собою. Многія обстоятельства истинну сію утверждаютъ. Діодоръ Сицилійскій повѣствуетъ, что Скифы, по теченію рѣки Аракса обитавшіе, воинскими подвигами своими учинились обладателями всего Кавказскаго пояса и всѣхъ степей, простирающихся отъ Восточнаго Океана по брегамъ, орошаемымъ морями, Чернымъ и Каспійскимъ, и великою рѣкою Дунаемъ, на которой поселившіеся Сомврамагами назвалися. Щастливыя имѣли они войны, по свидѣтельству тогожъ Діодора, и съ Ассиріянами и съ Египтянами; слѣдовательно въ такомъ долговременномъ прехожденіи и въ завоеваніи Понта, Пафлагоніи и самыхъ Мидянъ не можно, чтобъ не заимствовали они знанія

О законахъ Скифскихъ.

законовъ отъ народовъ побѣжденныхъ, которыхъ хотя въ странствованїяхъ и не употребляли, но по крайней мѣрѣ при постановленїи политическаго тѣла употребить не оставили. Вожди ихъ вѣдали совершенно, что законы гражданскїе суть необходимое отъ своевольства гражданъ обузданїе, и что политическое общество безъ правительства не токмо вознестись и разшириться неудобно, но и твердаго основанїя и безопасныя обороны имѣть не можетъ. И такъ, судя по здравому разсудку, предполагать надлежитъ, что предки наши и принесенные съ собою и умноженные по климату и обстоятельствамъ законы вдругъ съ созданїемъ градовъ уже постановленны имѣли и онымъ повиновались. Въ доказательство сего предположенїя увидимъ мы въ послѣдствїи повѣствованїя Русскаго, что самые древнїе Новогородскїе жители, въ случаѣ недоразумѣнїя въ законахъ, ссылались на законы древнѣйшїе; но какїе были сїи законы, кѣмъ и когда они предписаны, того ѣдкая ветхость не открываетъ; однакожъ правдоподобно чаять дозволяется, что мало разнствовали они съ тѣми, какїе общественно Скифамъ повѣствователями приписуются. Естьли естественно корню на произшедшихъ вѣтвїяхъ видѣть одинакїе плоды; то несомнѣнно, что и Славяно-Руссы, будучи вѣтвь общенароднаго Скифскаго древа, то же впечатлѣнїе имѣли, какое праотцами ихъ во множествѣ вѣковъ наблюдалось. Твердость коренныхъ законовъ завясѣла во многомъ отъ привычки и привмѣщенныхъ къ нимъ народныхъ понятїй; потому весьма трудно законодателямъ премѣнять коренные законы;

ибо часто новые и по виду полезнѣйшїе во вредъ обществу обращаются единственно для того, что они нарушаютъ его привычку и коренным прекословятъ нравамъ. Такїе ветхїе Славяно-Руссовъ законы конечно письменные въ Сѣверъ ими принесены; ибо многїе древнїе Писатели сказуютъ, что Скифы хотя и скитающїйся былъ народъ, но собственныя свои письмена имѣли; слѣдовательно за-вѣрно полагаютъ, что и законы написанные имѣть могутъ. Хотя сїи Писатели точнаго содержанїя сихъ законовъ объявить были не въ состоянїи, ради утраты ихъ въ безднѣ вѣковъ много протекшихъ; однакожъ не оставили извлечь оныхъ изъ общественныхъ нравовъ и обычаевъ Скифскихъ, и повѣствуютъ, что слѣдующїе изъ помянутыхъ источниковъ законы предполагать у Скифовъ удобь возможно; также естьли то правда, что Скифы великое презрѣнїе къ стяжанїю богатствъ имѣли, то напротивъ того любовь къ правосудїю господствовать у нихъ долженствовала. Скифы, продолжаютъ Сочинители всемїрнаго повѣствованїя, народъ былъ военный, сильный, храбрый и мужественный чрезвычайно; но притомъ столько умѣлъ обуздывать стремленїе нравственныхъ своихъ пороковъ, что кажется, будто бы не для чего инаго искалъ онъ побѣдъ и завоеванїй, какъ токмо ради единаго славы своея приращенїя. Внутреннее въ становищахъ воровство уголовнымъ преступленїемъ у нихъ почиталось, и толь строгое наказанїе опредѣлялъ законъ хищнику, что не дерзалъ никто ничего украсть у товарища; но внѣшняя кража не возбранялась никому. Огражденные таковымъ уставомъ, имѣли они

Hist. univ. T. VI. p. 225, par Goc. aug.

многочисленныя свои стада, въ чемъ все ихъ богатство состояло, безъ пастырей, на пространныхъ скитающіяся степяхъ; такъ съ подобною строгостію запрещалось Ликурговымъ въ Лакедемонѣ закономъ домашнее воровство, а внѣшнее дозволялось хищеніе. Злато и сребро столько презираемо было Скифскимъ народомъ, сколько другими жадно взыскуемо. Паче всего непостижимо то, что добродѣтели, кои Греція силою ученія пріобрѣсть старалась, Скифамъ были природны, и кажется, что незнаніе пороковъ приносило имъ ту же пользу, каковой познаніе добродѣтелей Грекамъ принесть не могло. А изъ сего естественно слѣдуетъ, что законы, собственность и наслѣдство иждивенія опредѣляющіе, едва ли нужны имъ были. Существовалъ важный у нихъ законъ, и смертную казнь предписывалъ тому, кто бы хотя малѣйшее на премѣну обыкновеній ихъ явилъ покушеніе; другой съ подобною строгостію запрещалъ частнымъ людямъ пиршества торжественныя или великолѣпныя, дабы роскошь простоты ихъ въ излишество вожделѣній не преобратила; третій не дозволялъ дѣвицѣ, какъ выше сказано, бракосочетаться, доколѣ не будетъ она на войнѣ и своими руками не умертвитъ непріятеля. Показаніе старшинамъ главы вражеской было единственное свидѣтельство, что достойна она вѣнца брачнаго. Прочіежъ всѣ Скифскіе законы, кажется, были не иное что, какъ запрещеніе роскоши, невоздержанія, обманства, вѣроломства, и напротивъ того внушеніе чувствованій свободы, мужества и безстрашія.

§ 9.

Сїе дражайшее законовЪ собранїе, по несомнѣнному чаянїю вЪ СѣверЪ предками нашими принесенное, открыло вЪ Славянскѣ и Старой Русѣ какЪ первое гражданское уложенїе, такЪ и родЪ правленїя. Но какЪ вЪ самомЪ началѣ видны слѣды дозволеннаго многобожїя, что у древнихЪ СкифовЪ Писатели безЪ примѣчанїя оставили, то заключать должно, что законЪ сей, естьли не принесенный, по крайней мѣрѣ политикою, ради размноженїя народа, при самомЪ основанїи общества постановленный. Касательно до правительства, не обрѣтаемЪ мы ни малѣйшихЪ признаковЪ единодержавїя, и еще меньше деспотизма, и отнюдь не видимЪ наслѣдственнаго престола, можетЪ статься для того, что и вЪ общественныхЪ СкифскихЪ законахЪ повѣствованїя деспотическаго правленїя и наслѣдства власти не объявляютЪ. Но напротивЪ того являются тамо примѣры свободнаго Вождей или Князей избранїя, и нѣкоторымЪ владѣтелямЪ за отступленїе отЪ законовЪ строгїя наказанїя. ИродотЪ оставилЪ намЪ извѣстїе, что единый изЪ Князей СкифскихЪ, СкимЪ именуемый, преданЪ былЪ смерти за торжество ГреческихЪ БакханаловЪ (*). СамЪ АнахарсисЪ,

Правленїе вЪ Славянскѣ.

Herodot. mel. pom. L. IV.

(*) ВЪ законахЪ ГреческихЪ было установлено празднество Бакху, которое повсегодно, подЪ именемЪ БакханаловЪ, торжествовалось. Жены безстыдныя соучаствовали вЪ торжествѣ семЪ, виномЪ упившись, сЪ посохами, пастырскимЪ подобными. Они назывались Бакханы, и составляли священный соборЪ жрицЪ БакховыхЪ.

мужъ къ собору Греческихъ мудрецовъ причтенный, за приношеніе, по таинственнымъ обрядамъ Греческимъ въ уединенной рощѣ богинѣ Сивеллѣ, или матери боговъ, непозволенныхъ у Скифовъ жертвъ умерщвленъ пущенною отъ родственника его стрѣлою. Такъ строго наблюдались у всѣхъ Скифовъ собственные ихъ законы, во многомъ, какъ и въ самомъ правленіи, по вышереченному, Спартанскимъ подобные. Сіе безъ сомнѣнія было первое и Славяно - Руссовъ при основаніи политическаго тѣла установленіе, какъ мы потомъ въ избраніяхъ Вождей или Князей ихъ увидимъ. Хотя сіи отечества нашего основатели и весьма задолго до Рождества Христова въ полуночномъ поселились краю; но разумъ не возбраняетъ намъ заключать, что они купно съ объявленными законами и знаніе письменъ Скифскихъ въ новое свое принесли обиталище; ибо Скифы, праотцы ихъ, какъ выше объявлено, еще прежде Анахарсиса отъ самыя вѣковъ ветхости письмена свои имѣли. Сію древность Скифскія истинны не токмо стихотвореніе и пѣсни, Римлянами до Юлія Кесаря у Готескихъ Друидовъ (*) открытыя, свидѣтельствуютъ; но и самыя Гетрурическія письмена едва ли не Скифскія суть. Естьли можно сановитому Титу Ливію повѣрить, то изъ него видимъ точное сему удостовѣреніе. Онъ говоритъ: „яко бы Антеноръ, послѣ разоренія Трои,

Иродотъ, тамъ же.

Страбонъ и Тацитъ, оба въ описаніи Германіи.

Tit. Liv. Hist. Romaine. L. I. ch. I.

(*) Друиды, Священники и жрецы во всей Германіи до Рожд. Хрис. и послѣ бывшіе, обладали искуствомъ письменъ и стихотворства. — См. Герм. истор. древнихъ и новыхъ Писателей.

со множествомъ Енетовъ, изъ Пафлагоніи изгнанныхъ, пришелъ въ заливъ Адріатическаго моря, и оттуда обитавшихъ между моря и горъ Алпійскихъ Евганеевъ выгналъ. Земля, къ которой онъ присталъ, назвалась Троя, поселенія пришельцовъ областью Троянскою, и новый народъ Венетами.„ Сіи изъ Пафлагоніи изгнанные Енеты безъ всякаго сомнѣнія были Скифы, и можетъ быть, по вышереченному нашему баснословію, Хвалисы или Славяне, которые, по убіеніи при осадѣ Троянской, какъ Титъ Ливій повѣствуетъ, Князя ихъ Полимена, Антенора вождемъ и избрали, и съ нимъ до пришествія въ Италію странствовали. А какъ отъ Энея, Антенора и съ ними пришедшихъ Гетрурическія письмена въ извѣстности существовать стали, то равно удобь возможно полагать, что письмо Скифское и Славяно-Руссами, яко единоплеменными Скифамъ, въ Сѣверъ принесено. Какія ихъ во время пришествія письмена или буквы у нихъ были, того древности ради сказать мы не можемъ; ибо ни малѣйшихъ остатковъ, въ надписяхъ изваянныхъ или на камняхъ изсѣченныхъ, по подобію другихъ народовъ, не обрѣтаемъ. Да и никто въ древнѣйшихъ развалинахъ, и паче въ возпріятіи Христіанства, таковыхъ рѣдкостей искать не старался; а можетъ быть, и сами коренные предки наши памятниковъ никакихъ оставить по себѣ не радѣли. Народъ военный обыкновенно не печется о наукахъ, не упражняется въ лѣтописаніяхъ, ниже старается о сохраненіи записокъ дѣлъ своихъ на времена будущія. Онъ въ горделивомъ воображеніи предполагаетъ,

Tit. Liv.

что его подвиги пребудутъ безсмертны, когда расширеніе предѣловъ и покореніе сосѣдей о дѣяніяхъ его возвѣстятъ потомству. Онъ мнитъ, что основанное и расширенное имъ отечество будетъ основателямъ его вѣчнымъ и незагладимымъ памятникомъ, когда изваянія славу частныхъ токмо людей предаютъ въ нѣкоторое забвеніе.

§ 10.

Наконецъ признаться подобаетъ, что все предложенное мною почитаю я самъ сколько правдоподобнымъ, столько и баснословнымъ, потому что и древніе и новые, какъ внѣшніе, такъ и наши Писатели, во многомъ прекословные и во всемъ сомнительные, лучшей истинны предать мнѣ не могли. Правдоподобнымъ пріемлю я для того, что оно по крайней мѣрѣ здравому не противно разсудку, которой иногда ради запутанныхъ древностей развязки и къ самому стихотворству прибѣгаетъ. Къ чему неоспоримыхъ доказательствъ пріискать не возможно, токмо довольно кажется и того, естьли предложеніе не противно понятіямъ учености благоразумнаго Читателя. Когда, по слову Тита Ливія, прощается древнихъ градовъ основателямъ приписывать начала чудесныя и божественныя: то для чегожъ и мнѣ равномѣрнаго не уповать снизхожденія отъ благосклонности моихъ соотчичей и самыхъ строгихъ разборщиковъ? Когда Римскому народу божественное присвояется произхожденіе, то кто можетъ рѣдкое оспорить Русскому, хотя бы оно и безъ доказательствъ приписано ему было? Правленіе

толь возносимаго Рима и его слава пала въ VIII или IX вѣкахъ; а мужественная Россія болѣе XVIII существуетъ и вѣчно существовать будетъ, пока не измѣнитъ Монархическаго своего правленія.

ГЛАВА III.

О народахъ, обитавшихъ до пришествія Славяно-Руссовъ въ Сѣверъ, и о покореніи оныхъ.

§ 11.

Названіе земель и народовъ полунощныхъ.

Не отходя отъ правдоподобнаго повѣствованія писавшихъ о полунощныхъ земляхъ и народахъ, взглянемъ, подъ какими именами разумѣли они земли, прикасающіяся брегамъ моря Варяжскаго, нынѣ Балтійскаго и Финскимъ заливомъ называемаго, и Невою отъ Ладожскаго озера отдѣленнаго. Незнаніе многихъ Писателей даетъ о земляхъ сихъ неправедное о живущихъ въ нихъ народахъ понятіе. Одни сказуютъ, что страны сіи, страшныя существомъ непрерывныя въ нихъ зимы и будто вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ покрытыя, долго обитаемы, кромѣ пришельцовъ нашихъ, не были; другіе напротивъ того признаютъ, что во всей Россіи, кромѣ странъ къ Бѣломорскому заливу и Ледяному Океану, умѣренный продолжается хладъ, какъ то и опытность намъ доказываетъ. Въ странахъ Сѣверныхъ видимъ мы нынѣ живущіе, глаголемъ пріятную весну, которая съ Маемъ мѣсяцомъ начинается. Лѣто бываетъ у насъ жаркое, осенній воздухъ не рѣдко

благорастворенный до Октября продолжается, и самая зима не непрерывно жестокою изнуряетъ стужею. Все сїе изобилїю плодовъ не токмо не препятствуетъ, но паче всѣ растѣнїя умножаетъ. Простирались Сѣверныя земли, сколько въ древности извѣстно было, до Бѣлаго моря и до самаго Ледянаго Океана за устье рѣки Печоры и за Рифейскїя до Сѣверной Сибири горы, включая въ себѣ великую Персїю. Объявивъ объ свойствѣ климата и земли, скажемъ и о народахъ, отъ неизвѣстныхъ вѣковъ въ ней обитавшихъ, какъ они назывались. При пришествїи Славяно-Руссовъ оставляю я изслѣдовать искуснѣйшимъ, равно предаю имъ же стараться и выгребать изъ глубины неизвѣстныя древности ѣдкою ея силою пожранные корни народовъ, населившихъ пространство сихъ земель. Я подобно, какъ и выше, осмѣлился назвать подъ общимъ Скифовъ именемъ неизчетныя разныхъ народовъ племена; назову и сихъ общественнымъ и единымъ именемъ Чудь, послѣдуя въ предположенїи семъ нашего повѣствователя черноризца Нестора сказанїю; на внѣшнихъ же Писателей въ томъ токмо полагаюсь, что по брегамъ Ладожскаго и Чудскаго озеръ и по сю сторону Варяжскаго моря жили Фины, Леты, Есты, Ливы, Зимголы, Куры, Порусы; а около Онежскаго озера и по великимъ рѣкамъ Двины Сѣверныя и Печоры даже до Бѣлаго моря и хребтовъ Рифейскихъ, такожъ и бреговъ Сѣвернаго и Льдянаго Океана, обитали Есты, Двиняне, Самояды, Печоры, Удоры, Вогуличи, Вятичи, Изыряне, подъ общимъ именемъ Бїармїи извѣстныхъ. Слѣдуя сему

предположенїю и внѣшнихъ Сѣверныхъ Писателей вѣщанїю, почитаю я всѣ сїи народы единымъ Чудскимъ племенемъ подъ разными токмо именами; равно какъ и Варягами называю, по удостовѣренїю Байера, токмо Шведовъ, Готѳовъ, Angловъ, Датчанъ, Норвежцовъ и Голстинцовъ. Тщетно бы было, по свидѣтельству Маллета, искать времени, когда народы сїи зашли въ страны полунощныя; но достовѣрно сказать можно то, что населены они еще тогда, когда и вся Европа въ сущей погребена была неизвѣстности и варварствѣ. И такъ довольно, кажется, и того для насъ познанїя, что народы сїи гораздо прежде Рож. Христова и весьма задолго до пришествїя Славяно-Руссовъ тутъ обитали, находя ихъ у землеописателей Дїодора, Страбона, старшаго Плинїя, Птоломея и Тацита подъ единымъ Гипербореевъ именемъ; а сїе уменьшаетъ нѣсколько гордыню Стурлезона и его послѣдователей, Готѳами весь Сѣверъ наполнившихъ.

§ 12.

Завоеванїя Славяно-Руссовъ.

Съ сими народами поселившїеся на рѣкахъ Волховѣ и Порусѣ праотцы наши имѣли, какъ чаять надлежитъ, первыя свои воинскїя дѣянїя. Баснословїе нашихъ Іоакимовой и Новоградской лѣтописей утверждаетъ сїе мнѣнїе. Оба они повѣствуютъ, что по созданїи градовъ безпримѣрною храбростїю покорили себѣ Славяно-Руссы многїе окрестные народы, и прїобрѣтенною славою утвердили во всей полунощной странѣ имени своему славу. Статься можетъ, что, напротивъ Стурлезоновыхъ басенъ, завладѣли они и самою Швецїею; ибо

въ древнѣйшія времена Финландія до рѣки Кимени была подъ властію Новоградцовъ; но отклонясь потомъ отъ побѣдителей, постановила собственное свое правительство во градѣ Выборгѣ при Финскомъ заливѣ, къ поморію Варяжскому принадлежащихъ берегахъ, и тамо избранному отъ рода своего Князю покорясь, проименовали престолъ его Варяго-Русскимъ, по смѣшенію Шведовъ, яко Варяговъ, съ Русскими, тамо оставшимися побѣдителями своими. Видно изъ Сѣверо-описателей, что Варяги могли отторгнуть часть сію отъ побѣдителей. Естьли вѣрить Сѣвернымъ Писателямъ, то чинимые по Варяжскимъ заливамъ отъ Шведовъ разбои могли нравиться и симъ Финнамъ, въ разсужденіи выгоднаго ихъ къ разбоямъ жилища. Писатели Шведскіе сами и въ стихахъ и свободнымъ словомъ благовѣстятъ, что Готѳы, Венды и прочіе Варяги въ самые древнѣйшіе вѣки единымъ токмо около береговъ Варяжскихъ разбоемъ обогащались и завоеванія свои простирали. Такое разбойничество не токмо въ порокъ и безчестіе себѣ не поставляли, но напротивъ того храбростію и честолюбіемъ почитали. Злодѣйство сіе было у нихъ родомъ похвальнаго рыцарства, и грабежи подвиговъ геройскихъ дѣйствіемъ. И такъ горделивыхъ сихъ сосѣдей нашихъ первая и коренная добродѣтель есть ничто иное, какъ нарушеніе правъ народныхъ, котораго и нынѣ еще почтенные Шведы
л. 1698. придерживаются, какъ то объявленіемъ ПЕТРА
1785. Великаго войны и внезапнымъ Густава III нападеніемъ довольно доказано; и кромѣ сего повѣствованіе приводитъ многіе случаи отъ

созданія Выборга до настоящаго времени во свидѣтельство и древнихъ и новыхъ разбоевъ, вѣроломства и хищеній. Оно къ чести нашей оставило между прочимъ пѣснь и нѣкотораго Варяжскаго Князя и Русской Княжны добродѣтель. Въ ней жалуется Герой на суровость нѣкія Русскія красавицы, въ которую влюбленъ былъ, и въ угожденіе ей предпринималъ воинскія дѣла, то есть, разбойническія. Я не излишно почитаю въ примѣчаніи при семъ приложить пѣснь сію (*), для показанія образа

(*) Маллетъ во II Части вступленія, стр. 302, подъ заглавіемъ: Ode de Harald le vaillant, пѣснь храбраго Гаральда.

1.

„Корабли мои обтекли Сицилію: тогда-то „были мы блистательны и великолѣпны. „Темновидный корабль мой, храбрыми преисполненный мужи, быстрымъ плаваніемъ „соотвѣтствовалъ моему желанію; а я, упражненный всегдашними попеченіями, мнилъ „имѣть всегда благоденственное мореплаваніе; „но при всемъ томъ дѣва Русская меня презираетъ.

2.

„Въ юности моей сражался я съ народомъ „Дронтгеймскимъ (†), народомъ, въ военномъ „искусствѣ насъ превосходнымъ; былъ жестокой между нами бой; однакожъ я младаго ихъ Царя повергъ на землю, умертвилъ моею рукою; но при всемъ томъ дѣва „Русская меня презираетъ.

3.

„Нѣкогда бывшу мнѣ самъ шестнадцату въ „кораблѣ, воздвиглась жестокая буря; возне-

(†) Народъ Норвежскій и жители града Дронтгейма.

тогдашняго стихотворенія и нравовъ; а притомъ и для объясненія, по чему Остзею прилежащіе народы Варягами прозваны. Ибо многіе Писатели отъ разбоя нарицаніе сіе производятъ; да кажется и не льзя отрицать

„слися сѣдыя волнъ громады, корабль погружался уже въ бездну; но мы рачительнымъ „трудомъ спаслись отъ потопленія. Я чаялъ „изъ того счастливыхъ успѣховъ; но при „всемъ томъ дѣва Русская меня презираетъ.

4.

„Знаю я воинскія тѣлодвиженія: сражаюсь „безстрашно, сижу на конѣ твердо, къ пла-„ванію пріобыченъ, легокъ въ бѣганіи, въ „бросаніи копія метокъ, и въ греблѣ не усту-„паю гребцамъ совершеннымъ; но при всемъ „томъ дѣва Русская меня презираетъ.

5.

„Можетъ ли сія юная, сія прекрасная Рос-„сіянка воображать, чтобъ я и во дни сіи (†)

(†) Кажется, что Стурлезонъ о семъ Героѣ говоритъ, яко бы онъ въ Голмградѣ ограбилъ съ кумира Іоамалы сокровища; ибо тотъ по повелѣнію Олова изъ Норвегіи туда приходилъ, и по повелѣнію Стурлезона воевалъ по всему свѣту. Пѣснь сія не токмо тогдашнихъ Варяговъ нравы и обычаи объясняетъ; но и нашихъ Руссовъ таковыми еще описуетъ, каковы они Скифами воспитывались: то есть, что много стоило труда жениху достать себѣ невѣсту, и что дѣвицы взирали на единое воинское ремесло, чрезъ которое къ бракосочетанію достигнуть можно. И такъ не удивительно и всѣхъ Сѣверныхъ народовъ во многомъ сходство нравовъ, естьли вообразимъ мы долговременное ихъ смѣшеніе то въ войнахъ, то въ союзахъ и бракахъ, и заклю-

сего мнѣнія, паче по тому, что сказываютъ знающіе, будто бы и доднесь на Естскомъ и Финскомъ языкахъ реченіе Варягъ разбойника или вора знаменуетъ; однакожъ не можно отказать въ правдоподобіи и тѣмъ, кои думаютъ, что Варяги отъ Славяно-Руссовъ прозвище сіе получили, производя его изъ реченія *варяго*, то есть, предъиду, простигну, прехвачу; ибо разбойники стрегутъ и предваряютъ оплошность путешествующихъ. Въ слѣдствіе сего Варяжскаго обыкновенія видимъ мы и у нашихъ Писателей баснь о Волхвѣ, сынѣ Славяновѣ. Они объявляютъ: „яко бы сей Князь Волхвъ, демонскаго из„ученный чародѣйства, обращался въ образъ

„въ южныхъ странахъ воюя, въ самыхъ же„стокихъ сраженіяхъ не робко оружіе мое упо„треблялъ? можетъ ли помыслить, чтобъ „не оставилъ я здѣсь подвигамъ моимъ неза„гладимыхъ памятниковъ? но при всемъ томъ „сія Русская дѣва меня презираетъ.

6.

„Рожденный въ Верхней Норвегіи, гдѣ съ от„личностію лукомъ и стрѣлами дѣйствуютъ, „я предпочитаю кораблеплаваніе, простолю„динамъ толь ужасное, между скрытыхъ по„роговъ морскихъ, въ отдаленіи отъ жилищъ „человѣческихъ; ношусь я по пространству „пучинъ въ корабляхъ моихъ; но при всемъ „томъ дѣва Русская меня презираетъ. . . .

чимъ, что можетъ быть отъ таковаго брачнаго смѣшенія произошли и на Финскомъ заливѣ Князья и народъ Варяго-Русской. Я ни малѣйшаго не нахожу тутъ въ Писателяхъ нашихъ и внѣшнихъ прекословія.

„лютаго крокодила (*), и скрываясь въ рѣкѣ „Волховѣ, мутною тогда рѣкою зовомой, заграждалъ путь ходящимъ, пожирая плывущихъ по ней къ Ладожскому озеру людей съ „ихъ ладiями.„ Обычай Чудскихъ Князей извиняетъ невѣроятность сего баснословiя. Видно, что помянутый Князь Волхвъ, имѣя крокодило-образный корабль, разбойничалъ на немъ по рѣкѣ мутной и Ладожскому озеру, и ради жестокости его, по виду корабля, оборотнемъ въ п отояднаго звѣря прозывался. Лѣтописецъ Новоградскiй, въ утвержденiе всему вышереченному, описываетъ намъ при томъ, какова была и храбрость нашихъ предковъ. „Сынове и „внуки Славяно-Русскiе, говоритъ онъ, великою храбростiю своею прiобрѣли себѣ богатство. Они мечемъ своимъ и лукомъ разно„родныхъ Сѣверныхъ покорили народовъ. Предѣлъ свой въ Финской землѣ простерли они „до рѣки Кимени, въ Финской заливъ впадающей; завоевали народы, подъ общимъ Варягъ именемъ, по обѣимъ странамъ Ильменя и Варяжскаго залива, Нево называющагося, и разпространили оные до предѣловъ „Ледовитаго Океана и устья рѣки Бѣлой,

(*) Тотъ же Маллетъ, сходственно съ нашими лѣтописцами, и о волшебствѣ Сѣверныхъ народовъ упоминаетъ; а тѣмъ даетъ ясное свидѣтельство о сходствѣ нравовъ и обычаевъ всѣхъ. Изъ крокодилажъ видно, что первобытные Славяно-Руссы наши имѣли о Египтѣ понятiе; ибо крокодиловъ, кромѣ рѣки Нила, Египетъ орошающей, нигдѣ не находится; а тамо посвященъ былъ крокодилъ богинѣ Изидѣ, и самъ божествомъ почитался. — См. Плут. и Деот. о многобожiи Египетскомъ.

„впадающей въ великую рѣку Пинегу, и далѣе, „гдѣ имаются другіе звѣрки, называемые „дынки или соболи. Онижъ, продолжаетъ „Лѣтописецъ, отличались и въ самой древно„сти въ походахъ противъ Египтянъ на Во„стокѣ и противъ многихъ народовъ на рѣ„кахъ Донѣ, Дунаѣ и Днѣпрѣ.„ Сіе все конечно взялъ онъ изъ преданій о бытіяхъ, до пришествія въ Сѣверъ произходившихъ, или тожъ о своихъ славя, что о походахъ Князей Норвежскихъ Стурлезонъ съ прочими повѣствуетъ. Притомъ сказываетъ онъ, что будто бы Славяно-Руссы еще за 310 лѣтъ до Рож. Хр. спомоществовали Филиппу и сыну его, Царямъ Македонскимъ, и отъ послѣдняго за преизящную храбрость имѣли Новоградцы похвальную грамоту, златыми буквами писанную. Я ни утверждать, ни отрицать сего не могу, понеже объявляю вѣщаніе времени баснословнаго. Чехи, древній Славянскій, нынѣ Богемскій народъ, такоюжъ отъ Александра грамотою похваляются, и можетъ быть съ подобною нашей вѣроятностію.

Ломоносовъ приводитъ Крамера Кн. 1. гл. 4. на стр. 24 его исторіи.

ГЛАВА IV.

О первомъ и второмъ запустѣніи Славянска и Старыя Руссы.

§ 13.

„Тако процвѣтающимъ начальнымъ градамъ Славянску и Старой Руссѣ, и тако „разширяющимся предѣламъ Русскимъ, гово„ритъ тотъ же Лѣтописецъ, пріиде гнѣвъ „Божій на землю нашу. Смертоносная язва

Запустѣніе Славянской Старыя Руссы.

„похитила толь великое множество во градахъ и весяхъ, яко и погребати мертвыхъ „некому уже было. Томные остатки народа, „убоясь подобнаго рока, по инымъ дальнымъ „разсѣялись странамъ, предавъ сіи грады запустѣнію. Одни пошли на Бѣлыя воды, нынѣ „Бѣлымъ озеромъ называющіяся; другіе на „озеро Тинно, которое кажется быть Ростовскимъ, по тинному его дну и по древнему „при немъ Русскихъ народовъ обитанію; иныежъ „по инымъ мѣстамъ, и поселясь, разными „прозвались именами; большаяжъ часть изъ „нихъ уклонилась къ Дунаю и Днѣпру, ко „прежнимъ родамъ своимъ. Славянскъ же и „Русса опустѣли до конца, яко и дивіимъ звѣрямъ обитати и плодитися въ нихъ многія „лѣта.„ Изъ сего запустѣнія изключаетъ, или по крайней мѣрѣ не упоминаетъ Лѣтописецъ Холмограда. Изъ сего промолчанія его удобь возможно догадаться, что сей гнѣвъ Божій принесенъ былъ изъ какого нибудь похода ратоборцами, и отъ ихъ зараженія въ объявленныхъ народахъ, градахъ распростеръ заразу, которая въ Холмоградъ, яко жрецовъ и священниковъ обитель, по великой ихъ осторожности, не внѣдрилась. Жрецы могли зло сіе отвратить недопущеніемъ зараженныхъ въ огражденныя валомъ и стѣною божницы. Соблюденія живота своего ради, могли они прибѣгнуть къ обыкновенной хитрости, ибо повелѣніе и запрещеніе боговъ въ устахъ ихъ содержалось; могли они затвориться въ вознесенной на горѣ своей обители, а по ухищренной политикѣ заградить врата ложнымъ боговъ прещеніемъ; ибо ничто такъ не легко языче-

скому было духовенству, какъ изходатайствовать отъ боговъ велѣнїе претительное или дозволительное, по ихъ благоволенїю. И такъ не трудно было имъ увѣрить народъ, яко бы раздраженные прегрѣшенїями его боги возбраняютъ ему входъ въ капище. Не возможно и въ послушанїи суевѣрнаго народа сомнѣваться; а потому легко вообразить, что устрашенный народъ, да вящшему не подвергнется гнѣву, и къ стѣнамъ обители приближаться не дерзалъ, чѣмъ хитрыхъ жрецовъ отъ всяческаго съ собою сообщенїя, слѣдовательно и отъ заразы, сохранилъ. Такъ обыкновенно жреческая завѣса, изтканная изъ нитей чудодѣемыхъ чрезъ естественности, часто закрываетъ ихъ вожделѣнїя, и народъ обращая къ ихъ волѣ, безбожными знаменуетъ тѣхъ, кто не повѣрить имъ осмѣлится.

§ 14.

Второе населенїе Славянска.

По многихъ отъ сего запустѣнїя лѣтахъ, яко свидѣтельствуетъ тотъ же Новоградскїй Лѣтописецъ, воспомянули будто бы нѣкоторые разсѣявшїеся отъ Славяно-Русскихъ родовъ о житїи предковъ ихъ при Волховѣ и Порусѣ. Сїе воспоминанїе и паче утверждалось по преданїю въ умѣ ихъ; Холмоградскихъ вѣщуновъ обитель подвигла суевѣрїе ихъ искать паки оставленныхъ праотцами ихъ градовъ въ Сѣверѣ. Толь правдоподобное побужденїе понудило ихъ, продолжаетъ Лѣтописецъ, собравшись во многолюдство, умноженное Болгары Дунайскими и другими единоплеменными народами, итти къ Ильменю. Пришли они, и Славянскъ и Руссу очистивъ, паки населили. Священники Холмоградскїе,

воспріявъ ихъ подъ покровительство боговъ, то есть, подъ власть свою, учредили въ нихъ древній политическаго гражданства и правленія порядокъ. Тогда пришельцы сіи стали заводить новыя на пустошахъ селы и веси, обновлять хлѣбопашество и размножать пригнанное съ собою скотоводство. Угобженныя нивы скоро изобиліемъ плодовъ земныхъ наградили ихъ труды; а мирное со внѣшними сосѣдами житіе и внутреннее спокойство, при помощи многоженія, споспѣшествовало имъ къ размноженію народа такъ, что въ короткое время знаменитое уже сословіе составить они могли. Нравы и обычаи не иные у нихъ были, какъ тѣжъ самые, какіе и до отшествія прародителей ихъ въ Славянскѣ и Руссѣ господствовали; ибо тажъ вѣра и родъ тѣхъ же священниковъ ученіе между ими насаждали. Такъ въ тишинѣ, мирѣ и безмятежномъ благоденствіи препроводивъ они нѣсколько лѣтъ, едва токмо стали ощущать свое могущество и горделивую возносить свою главу; едва токмо, по установленію священниковъ, возобновили они торговлю съ поморскими Балтическаго моря Варягами и народами, на берегахъ Бѣлаго моря и рѣкъ Сѣверныя Двины и Печоры обитающими, и начали мало по малу обогащаться, какъ нашествіемъ нечаянныхъ враговъ покой и блаженство ихъ разрушилось. Угры (*),

(*) Не Мунгалы ли то были, которыхъ Лѣтописецъ Уграми называетъ? ибо Мунгалы и Гунны съ Аттилою, кажется, въ сіе время въ Европу вринулись. Уграмъ или Обрамъ не было надобности удалиться отъ древнихъ своихъ жилищъ, развѣ они тѣмижъ Гуннами

говоритъ лѣтописецъ, народъ Сарматскій, жившій у горъ Кавказскихъ, и по великой силѣ и взрачности Обри также называемый, прешедъ пространство степей и Волгу, преграждающую отъ нихъ Славяно-Руссовъ, на полунощныя напалъ страны. Сіи бѣлые Угры, по объявленію тогожъ Новоградскаго лѣтописца, достигши, яко туча сильныя саранчи, до бреговъ Ильменя, селенія и земли опустошили. Славянскъ паче всѣхъ ощутилъ суровое ихъ нашествіе; разоренъ сей градъ и въ конечное поверженъ запустѣніе. Куда сіи Угры по разореніи уклонились, не извѣстно; но кажется, что соединясь съ побѣжденными, составили они тѣхъ народовъ, коихъ Новоградскій лѣтописецъ полагаетъ якобы отъ нихъ въ разныя страны разсѣявшимися. Онъ точно сими словами повѣствуетъ: „Угры, повоевавъ „землю Славяно-Русскую, градъ великій до „основанія разорили, и многихъ Славяно-Рус„скихъ народовъ принудили по инымъ стра„намъ разбѣжаться. Разсѣянные ими прозва„лися именами тѣхъ мѣстъ и рѣкъ, на ко„торыхъ потомъ поселились. Единые, сѣдши „на рѣкѣ Моравѣ, Моравляне прозвалися; дру„гіе Чеси нареклися; иные, пришедъ на Ду„най, Серби, Хорваты бѣлые, Авары и Хо„рутани по соплеменству съ тамообитавши„ми наименовались; но утѣсняемые Греками „отдалились, и пришедше сѣли единые на „рѣкѣ Вислѣ, прозвавшись Ляхами, отъ ко-

вытѣснены были, какъ изреченіе тогожъ лѣтописца подразумѣвать понуждаетъ; ибо называетъ онъ ихъ Бѣлые Угры, чего въ Гуннахъ и Мунгалахъ полагать не можно.

Bayerische Staatsbibliothek MÜNCHEN

„ихъ Половцы, Поляки, Лутичи, Мозовшани „и Моряне, или, по Нестору, Поморяне про„изходятъ; другіе, сѣдши по Днѣпру, проиме„новались Поляни, ради обширныхъ полей; „иные Древляне, ради лѣсовъ дремучихъ; „иныежъ, поселясь между Припяти, въ Днѣстръ „впадающей, и западною Двиною, стали быть „первые Дрегвичи, другіе Полочани, по вли„вающейся въ Двину рѣчкѣ Полоти.„ Такое населеніе не могло быть отъ однихъ ушедшихъ Славяно-Руссовъ; но конечно, какъ выше объявлено, отъ соединеннаго съ побѣдителями общаго странствованія, и не въ одно, можетъ быть, время. И такъ удобь возможно предполагать, что изъ сихъ вытѣсненныхъ Славяно-Руссовъ смѣшались нѣкоторые съ Варягами, за Варяжскимъ моремъ, и паче по брегу Финскаго залива живущими, и свой языкъ Чудскому народу привмѣстили; а по тому въ послѣдствіи временъ сіи Варяги, прозвавшись Варяго-Руссами, во всегдашнемъ съ Новогородцами были союзѣ, и Князей Рюрика съ братьями къ призыву на управленіе Россіи по нѣсколькихъ вѣкахъ пріуготовили. О градѣ Руссѣ и Холмоградѣ баснословный лѣтописецъ нашъ ничего не упоминаетъ; а изъ сего догадываюсь, что они не въ сущее приведены были опустошеніе, но съ прежними жители отъ Угровъ остались.

§ 15.

По нѣсколькихъ отъ сего вторичнаго запустѣнія временахъ живущіе на Дунаѣ Славяно-Руссы, по свидѣтельству тогожъ лѣтописца, или за недостаткомъ земель, или отъ

[library stamp]

вшедшихъ въ Германію подъ предводительствомъ Гунновъ (*) вытѣсненные, вознамѣрились паки въ прежнюю сѣверную свою страну возвратиться. Слѣдуя сему, можетъ быть, пригласили они къ себѣ въ сопутствіе Болгаръ и Хвалисовъ Задунайскихъ, и пришли паки населить землю прародителей своихъ. Отвергать сіе лѣтописца нашего сказаніе, не нахожу я ни причины, ни доводовъ. Оно по существу своему прекословію не подвергается, когда то истинною признаемъ, что преданія о первобытныхъ поселеніяхъ не токмо надолго въ памяти старожиловъ остаются, но едва ли когда изтребляются. Много побудительнаго къ возвращенію на жилища предковъ своихъ имѣетъ вліянія врожденная въ потомковъ къ нимъ, яко къ отечеству своему, любовь. И такъ весьма то естественно, что Славяно-

(*) Шмитъ въ Германской Исторіи, кн. I. гл. XI. стр. 169. и далѣе, сказываетъ о пришествіи Гунновъ къ Дону и Дунаю: „Наконецъ „явился между ими Герой, которой подвергъ „подъ иго свое многіе народы. Былъ-то „Аттилла, имя котораго между непросвѣщенными и благонравственными народами равно „славно учинилось; онъ одною рукою овладѣлъ „Европою, а другою Азію до крайнѣйшихъ „ея предѣловъ трепетать принудилъ.„ Изъ сего удобно заключить, что Аттиллова саранча могла отъ рѣки Дуная вытѣснить всѣхъ тамо живущихъ, и не думаю я, чтобъ Стурлезоновы Герои могли при Донѣ и Дунаѣ, какъ Шлетцеръ суесловитъ, спокойно остаться; слѣдовательно и по сему Новградскій лѣтописецъ болѣе вѣроятности заслуживаетъ, нежели Стурлезоновы сказки и Шлетцеровы повторенія.

Руссы возвратились, хотя бы и никаковаго сторонняго принужденія къ тому не имѣли. Вѣра, любовь, соплеменство съ живущими тутъ коренными Славяно-Руссами и самыя праотцевъ ихъ могилы несомнѣнно могли произвесть въ нихъ сіе чувствованіе, толь сродное человѣчеству. Таковымъ неоспоримымъ предубѣжденіемъ водимые, пришли они въ страну предковъ своихъ и обрѣли развалины Славянска, громады, дикимъ поросшія лѣсомъ. Неудобство, по мнѣнію ихъ, мѣста понудило ихъ перемѣнить оное; чего ради удалясь нѣсколько отъ древняго пепелища, избрали другое выгоднѣйшее мѣстоположеніе вверхъ по рѣкѣ Волхову на два или около трехъ поприщь ближе къ озеру Ильменю, и тамо основали градъ, наименовавъ его Великій Новградъ. Симъ названіемъ восхотѣли они соединить имена древняго Славянска, великимъ градомъ звавшагося, съ новымъ градомъ, придавъ ему имя прилагательное *великій*. Сами они назывались просто Славянами, въ отличіе Поpoссамъ, жившимъ по рѣкѣ Порусѣ, во градѣ Старой Руссѣ, и Варягамъ Руссамъ, обитавшимъ по вышереченнымъ Варяжскаго моря брегамъ. Отъ сего третичнаго Славянъ въ полунощныя страны пришествія и отъ созданія пресловутаго Новаграда начинается хотя не во всемъ отъ баснословія очищенное, но по крайней мѣрѣ не токмо правдоподобное, но и вѣроятное повѣствованіе любезнаго отечества нашего и преславныя предковъ нашихъ дѣянія.

ГЛАВА V.

О правленіи, какое по созданіи Новаграда предполагать надлежитъ.

§ 16.

Извлекши изъ тьмы ветхаго баснословія зарницу истиннаго повѣствованія, надлежитъ показать, кому мы познаніемъ началъ его обязаны. Всѣ древніе, какъ наши, такъ и Польскіе и иные внѣшніе повѣствователи въ отношеніи къ Россіи заимствовали отъ Преподобнаго Нестора, черноризца обители Кіевопечерскія, почитая его, какъ уже объявлено, первѣйшимъ дѣеписателемъ нашимъ; но нѣкто охотникъ изъ дворянъ Новоградскихъ, прозвищемъ Крекшинъ, предпріявъ во время Императора ПЕТРА I. сбирать Русское повѣствованіе, открылъ древнюю рукопись Іоакима, перваго Новоградскаго Епископа, изъ которой потомъ рачительный Господинъ Татищевъ, не могшій цѣлыя достать, оставилъ намъ перечень въ 1 Части своей лѣтописи. Не возможно не сожалѣть о утратѣ сего глубочайшей древности кладезя, о которомъ Крекшинъ въ хронографѣ своемъ увѣряетъ, что онъ имѣлъ его между прочимъ собраніемъ лѣтописей весь сполна; и буде неложно его свидѣтельство, то утратился онъ или у наслѣдниковъ Крекшина, или между хищныхъ Нѣмецкихъ рукъ Тауберта и Миллера, которые, бывъ при Академіи, яко тогдашніе знатоки, всѣ бывшія въ книгохранилищѣ Академическомъ рукописи захватили для корысти, и, какъ слышно, чужеземцамъ предали; наемникъ бо нерадитъ о стадѣ, по Писанію. Сверхъ того

О повѣствованіи Іоакимовѣ.

и тотъ лѣтописецъ, изъ котораго Татищевъ перечень Іоакимова сказанія выписалъ, такъ объ немъ объясняя говоритъ: „О Князѣхъ Русскихъ старобытныхъ Несторъ монахъ не добрѣ свѣдомъ бѣ, что ся дѣяло у насъ Славянъ въ Новѣградѣ; а Святитель „Іоакимъ добрѣ свѣдомый написа.„ По сему разумѣется, что и сей лѣтописецъ есть одинъ и тотъ же, о которомъ, яко о древнѣйшемъ, часто мы упоминали, приводя его во свидѣтельство. Татищевъ признается, что нашелъ сію выписку въ безыменномъ лѣтописцѣ; но я дозволилъ себѣ по вѣроятному сходству заключить, что онъ тотъ же, который донынѣ нами руководствовалъ. Слогъ сей выписки показуетъ тогожъ лѣтописца, подобно какъ и твореніе Іоакимово свидѣтельствуетъ искуснѣйшаго и болѣе Нестора о полунощныхъ жителяхъ свѣдущаго и древнѣйшаго повѣствователя; а паче знаніе Греческихъ творцовъ и языка является въ немъ по подражанію его Писателямъ Византійскимъ. Іоакимъ, подобно Новоградскому лѣтописцу, въ началѣ повѣствованія своего баснословенъ; но сохранившій безцѣнные отъ него остатки, уличая малое Несторово о Сѣверѣ свѣденіе, не преминулъ, какъ выше объявлено, вознести его предъ Несторомъ и показать разность ихъ знанія, на чемъ мы, яко на твердомъ основаніи, назидать потщимся.

§ 17.

Начало Іоакимова повѣствованія.

Святитель Іоакимъ, по свойству единоплеменныхъ ему Грековъ, кои, чуждыя басни предая молчанію, своими на мѣсто тѣхъ из-

обилуютъ, восхотѣлъ предать забвенію все, что до созданія Новаграда произходило, и пріявъ, кажется, Новградъ не обновленіемъ Славянска, но самымъ Славянскомъ, начинаетъ повѣствованіе свое тако: „По устроеніи великаго града, создатель его Князь Славенъ умре, и по немъ начальствовали сынове его и внуки многія столѣтія.„ По семъ непосредственно упоминаетъ онъ нѣкоего властителя Вандала, и приписуетъ ему всѣ вышеобъявленные Славяно-Руссовъ походы и завоеванія на Сѣверѣ, Востокѣ, Югѣ и Западѣ, по морямъ окрестнымъ и по сушѣ, заключая наконецъ краткимъ изреченіемъ: „что онъ побѣдилъ и покорилъ многіе народы.„ Въ сіе заблужденіе завели его конечно Византійскія поздныя лѣтописи, сказующія о Вандалахъ и Славянахъ смѣшенно, изъ чего и Стурлезоновы всѣ произошли басни; а Іоакимъ, кажется, Вандаловъ принялъ за нѣкоего Вандала, бывшаго въ древности Славянскаго Князя, Греками отъ Вандалъ Германцовъ произведеннаго. Но самое построеніе симъ Вандаломъ, по именамъ сыновъ его, градовъ свидѣтельствуетъ весьма поздное житія его время, какъ и посланія военачальниковъ, по сказанію Іоакимову, Гордорика и Гунигара съ войсками на западъ, изъ Славянъ, Руси и Чуди состоящими, и удостовѣряетъ, что онъ имя народовъ, вмѣсто нарицательнаго имени, приписывалъ особенно частнымъ людямъ; ибо Сѣверные Писатели подъ сими именами не частное лицъ и полководцевъ, но общее народу Рускому названіе разумѣли. Притомъ естьли дозволяется въ нерѣшимостяхъ слѣдовать догадкѣ, то

См. собраніе Византійскихъ Писателей.

Г. Татищевъ, кн. 1. прим. на Іоак. п. 10.

Записки кас. Рос. ист. ч. 1. л. 6. пр. 7.

удобь возможно воображать, что и самое невозвращенїе сихъ полководцевъ къ пославшему ихъ Князю едва ли не преселенїе тѣхъ колѣнъ, кои нашествїемъ Бѣлыхъ Угровъ или изъ полунощныхъ областей выгнаны и на Западѣ поселились, или совокупно съ побѣдителями туда отлучились; ибо во всемъ Іоакимовомъ повѣствованїи лѣтоизчисленїя не обрѣтаемъ. Изъ сего примѣчанїя правдоподобно заключить мы можемъ, что Іоакимъ начинаетъ повѣствованїе свое отъ созданїя Новаграда, и вмѣсто создавшаго сей новый градъ народа Славянскаго почитаетъ создателемъ баснословнаго Славена, основателя древняго Славянска, по сказанїю часторѣченнаго лѣтописца Новградскаго, и вмѣсто народнаго многїе вѣки правленїя полагаетъ въ немъ правленїе сыновъ и внуковъ сего мнимаго Славена, именъ ихъ не объявляя.

§ 18.

Начальное Новаграда правленїе.

А понеже не Іоакимъ, ниже кто либо изъ древнихъ дѣеписателей нашихъ не оставилъ намъ о первоначальномъ Новаграда правленїи малѣйшаго извѣстїя, то и подобаетъ искать его въ естественномъ создателей его положенїи, и разсудкомъ до открытїя истинны доходить. Мы выше объявили, какому гадательно подобало быть въ древнемъ Славянскѣ правительству; не можемъ и при семъ обновленїи предполагать инаго. Разные различныхъ колѣнъ вожди, Князьями зовомые, и ничего болѣе не значущїе, какъ военачальниковъ, конечно не могли другъ другу единодержавїемъ поступиться; и приведенные ими народы, само-

произвольно имъ послѣдовавшіе, не моглижъ съ потеряніемъ свободы возпріять вдругъ самовластія ига. Самые Священники, яко сильнѣйшіе властолюбцы, не дозволилибъ самодержавства постановленія. Сего ради о родѣ начальнаго Новоградскаго правительства можно заключить изъ послѣдующаго, многочисленные вѣки непрерывно въ немъ продолжавшагося; оно состояло изъ Аристократическаго, Демократическаго и Монархическаго (*) совокупно. Аристократію являло у Новогородцевъ правительство Сената, изъ всѣхъ равносильныхъ Вождей составленнаго. Демократія въ народномъ собраніи давала власть народу избирать по древнему обычаю и Вождей и Сенаторовъ. Монархію представлялъ общими голосами какъ Вельможъ, такъ и народа, избранный Князь или Посадникъ. Сіи три могущія силы законодательства, вообще имѣя власть, рѣшили всѣ уголовныя и необходимыхъ поборовъ дѣла общими на сборномъ мѣстѣ голосами. Ничего важнаго безъ согласія народнаго на.

(*) Слѣдующее Новоградскому правленію начертаніе есть обстоятельству приличное и сходное какъ съ первоначальными политическихъ обществъ основаніями, такъ и съ повѣствованіемъ Русскимъ. Мы въ продолженіи докажемъ въ своемъ мѣстѣ истинну сего предначертанія, показавъ непреложное существованіе его до поздныхъ временъ, и даже до насильнаго правъ и преимуществъ Новоградскихъ Великими Князьями Московскими, Іоанномъ I Самодержцемъ и внукомъ его Іоанномъ Грознымъ, отнявшія и сущаго республики и града разоренія.

вечѣ (*) Республика вчинать не могла. Объявленіе и начатіе войны, заключеніе мира и союзовъ, избраніе Князей или Посадника, и подобныя дѣла зависѣли всѣ отъ превосходнаго на вечѣ голосовъ количества. Равновѣсіе между властолюбія Сенаторовъ и своевольства народнаго содержалъ правосудною десницею Князь или Посадникъ. Онъ совокупно съ Сенатомъ имѣлъ исполнительную власть, а въ случаѣ крайнихъ обстоятельствъ давалась ему одному и законодательная, подобно Римскому Диктатору. Чего ради, да излишне не вознесется, всегодично на посадничество былъ новый избираемъ, и развѣ по особливому уваженію и довѣрію Сената, или по волѣ и любви народа, на другой годъ въ правленіи старой оставляемъ былъ. Въ товарищество придавался ему годично же избираемый Тысяцкой, какъ и въ ветхомъ Римѣ всадниковъ Римскихъ начальникъ. Къ преимуществамъ сего верховнаго Властителя присоединялся и самой первосвященства или верховнаго жреца санъ, дабы духовенство не употребляло во зло своей власти противъ свѣтскія. Таковое у Новоградцевъ правительство видимъ мы въ самомъ началѣ несомнѣннаго уже повѣствованія. Избраніе

(*) Веча впервые здѣсь упоминается; она есть ничто иное, какъ собраніе народное, звономъ колокола созываемое, и площадь собранія называлась веча. Въ послѣдствіи откроется порядокъ собранія и позывнаго и мятежнаго, и гдѣ оное въ Новѣградѣ бывало; и покажемъ, что во многопрошедшемъ времени было уже двѣ вечи: одна судебная, а другая народная.

Гостомысла и Рюрика на Княженіе воономъ насъ удостовѣряетъ, и послѣдующія всѣ приключенія тому соотвѣтствуютъ. Мы узримъ въ повѣствованіи, коль упорно Новоградцы противъ насилія Князей Русскихъ сіе свобододержавное постановленіе свое защищали, и какъ оно при всеконечномъ Новаграда разореніи отъ Іоанна I, Самодержца Московскаго, и внука его Іоаннажъ, Грознымъ прозваннаго, разрушено.

§ 19.

Законы, вѣра, Богослуженіе, нравы и обычаи Новоградцевъ.

Но сколь, кромѣ объявленныя догадки, мало знанія осталось намъ о правленіи Новаграда, столь трудно изрыть изъ глубины вѣковъ извѣстія о ихъ законахъ, вѣрѣ, Богослуженіи, нравахъ и обычаяхъ; чего однакожъ отъ повѣствователя со всею строгостію взыскуется читателями. Откудажъ почерпать удовлетвореніе справедливому его взысканію? Потщимся искать въ соображеніи и въ сношеніи съ другими Сѣверными народами и ихъ повѣствователями. Маллетъ, о древнихъ Датчанахъ, Готѳахъ, Вендахъ, Норвежцахъ и прочихъ народахъ писавшій, открываетъ намъ слѣды, по которымъ необходимость итти насъ обязуетъ; но и они столько же баснословны и недостаточны, сколько и прочіе Писатели, изъ коихъ самъ разборчивый Маллетъ почерпаетъ, прекословны суть; однакожъ намъ подаетъ онъ великое пособіе, естьли не къ истинному, то по крайней мѣрѣ къ правдоподобному воображенію. Мы, слѣдуя ему, умственно предполагать можемъ, что и въ сословіи Новоградскомъ, при началѣ его, и даже послѣ Рожд. Христ. многіе вѣки какъ

нравственныя, такъ и политическія правила не другія должны быть, какъ самыя тѣ, кои Маллетъ прочимъ сѣвернымъ обитателямъ приписуетъ, и которыя съ вышеобъявленными Скифскими нравами, обычаями и вѣрою сходственны. Ежели что отъ простоты и суровости Скифскія и было отличное, то премѣну сію удобь возможно отнесть къ смѣшенію съ прочими, задолго до нихъ въ полунощныя страны пришедшими народами, и ко многимъ, можетъ быть, вѣкамъ прошедшимъ до созданія и самаго древняго Славянска. Время и общественное Новоградцевъ житіе, при разнообразныхъ политическихъ видахъ и по разности обстоятельствъ, то щастливыхъ, то нещастливыхъ, несомнѣнно умножили количество ихъ законовъ, извлекши оные изъ коренныхъ и естественныхъ; ибо и примѣчаемыя по временамъ нужды число гражданскихъ законовъ въ обществахъ опредѣляютъ. Торговля и взаимное съ чужестранцами сношеніе учреждаютъ нравы и обычаи, и обогащая политическое тѣло, внѣдряютъ въ него художество; обогащеніежъ народное, пышность Богослуженія обрядовъ возноситъ на степень излишности, и возродивъ страхъ и надежду, суевѣрію, какъ бы Богословской должности, покоряетъ. Таковыми представляются понятію моему всѣ нравственныя ума человѣческаго производства, доколѣ народъ никаковаго еще ученія непричастенъ. Будучи тогда еще во младенчествѣ, хватается онъ за все, къ чему влечетъ его природа; руководимъ примѣрами и наставленіями старѣйшихъ, имъ однимъ подражаетъ. Такъ я Новоградское сословіе въ началѣ его себѣ представляю.

Оно состояло изъ народа, по ремеслу военнаго и по древней склонности суроваго, но болѣе къ честности, нежели къ ухищренiю приверженнаго. Характеръ таковаго народа естественно жестокъ и мстителенъ врагамъ, но въ общежитiи миролюбивъ и жалостливъ. Грабитъ и похищаетъ онъ у сопостата, но даетъ и раздѣляетъ съ ближнимъ, ничего не жалѣя. Новоградцы изъ глубины вѣковъ нашими Писателями мятежными представляются; но мятежи ихъ всегда во мнимомъ или дѣйствительномъ по вольности поборствiи являлись. Они, свободу свою защищая, имѣнiе и жизнь ни во что вмѣняли. Таковы были Новоградцы; таковыми всѣ древнiе повѣствователи и Скифовъ описуютъ: таковыми Маллетъ и Датчанъ и Готѳовъ, а Тацитъ Германцевъ и Галловъ памяти предаютъ нашей. Новоградцы, какъ и всѣ прочiе народы, изъ заблужденiя въ заблужденiе кидались, и дотолѣ постоянно ни на чѣмъ остановиться не могли, доколѣ истинное или ложное ученiе не положило имъ къ гражданской неподвижности твердаго основанiя, которое изходитъ отъ вѣры и Священствомъ вкореняется. Вѣра Новоградская была многобожiе; ученiе, страхъ и надежда въ будущемъ вѣкѣ; учители жрецы, обыкновенно корыстолюбивые, мстительные.

§ 20.

Ради объявленiя господствующей у Славяно-Руссовъ вѣры, не впускаясь въ бездну ветхостей, отъ насъ сокровенныхъ, пойду я воспрiятымъ мною кратчайшимъ путемъ, и покажу токмо то идолопочитанiе, которое во всемъ Сѣверѣ было, и у насъ не задолго предъ Кня-

Новоградское древнее многобожiе, какъ и во всемъ сѣверѣ равное.

земъ Гостомысломъ нахожу я въ Писателяхъ. Съ разсѣяніемъ отъ Востока народовъ пренеслось оно, какъ выше объявлено, во всѣ концы земли, и у насъ съ первымъ Славяно-Руссовъ пришествіемъ и созданіемъ древняго Славянска и Старыя Руссы внѣдрилось, и сѣдалище первосвященника въ Холмоградѣ, тогда же созданномъ, утвердило: для чего и хранилище боговъ и капище идолослуженія Холмоградомъ названо (*). Уже Холмоградъ почитался тогда

(*) Всѣ въ древности и во всѣхъ языкахъ божницы строились на высокихъ мѣстахъ. Холмоградъ, какъ выше объявлено, воздвигнутъ былъ на пригоркѣ, какихъ въ окрестностяхъ Новаграда есть весьма мало. Я присовокуплю еще при семъ нужное въ утвержденіе мѣстоположенія его примѣчаніе. Можноли принять Стурлезоново вѣщаніе, яко бы Голмградъ на устьѣ Сѣверныя Двины рѣки отъ самыя существовалъ древности, когда мы представимъ себѣ, что въ немъ надлежало пребывать Первосвященнику со всѣмъ соборомъ Священниковъ? ибо онъ, называя главнымъ кумиромъ Іомала, тамо его поставляетъ. Второе, можно ли было Первосвященнику такъ далеко отъ Новаграда, то есть, отъ главнѣйшія своея во многочисленномъ народѣ власти жить? И третіе, кто изъ Писателей, кромѣ Стурлезона, пожаловалъ Іомала въ главнѣйшаго изъ Славянскихъ кумира? Ниже Маллетъ за такого не выдаетъ его. Правда, на Чухонскомъ языкѣ и нынѣ богъ Юмала называется; но изъ сего не слѣдуетъ, чтобъ въ древности симъ именемъ главнѣйшій кумиръ назывался. Какихъ мы имѣли, и кто до Перуна главнымъ изъ нихъ почитался, объявимъ мы, сколько намъ оставили Писатели Холмоградское капище, при самомъ началѣ Новаграда, почиталось уже

въ странахъ полунощныхъ вѣщуномъ не меньшимъ, какъ Аполлонъ былъ въ Дельфахъ. Уже въ немъ отъ многихъ вѣковъ происходили омрачительныя чудеса, и самыя естественныя явленія въ чрезъестественныя представленія сѣверному народу ухищренно представлялись. Примышлены уже были и страшилища, кажущіяся въ лѣсахъ и водахъ подъ названіемъ лѣшихъ и русалокъ, или Греческихъ Сатировъ и Нимфъ. Отсюда разсѣялось уже по всей Руссіи суевѣріе, и пришедшихъ вновь Славянъ, основателей Новаграда, въ объятія свои воспріяло. Въ Холмоградъ приходили тогда отъ всѣхъ племенъ сосѣдственныхъ Князья Варяжскіе и Русскіе, и самые ихъ на-

въ странахъ полунощныхъ вѣщуномъ не меньшимъ, какъ Аполлоново въ Дельфахъ. Ктожъ бы его до такой степени прославилъ, естьлибъ то не гласъ сильнаго Славяно-Русскаго народа? А сей какъ бы его прославлять могъ, естьлибъ не видалъ нѣкіихъ опытностей отъ находящихся въ Новѣградѣ вѣщуновъ изъ собора Священниковъ, которые въ капищахъ токмо отъ самыя древности училища и науки скрывали, и могли при знаніи письменъ и въ звѣздословіи нѣкоторое имѣть познаніе; а сего и довлѣло для уловленія простоты народныя. Ибо естьли могли они иногда праведно измѣненіе погодъ угадывать, иногда хотя сомнительно и двутолково прорекать будущее, иногда ложнымъ убѣждать народъ страхомъ? Сего дарованія довольно уже было прославиться пророкомъ во время невѣжества и у народовъ непросвѣщенныхъ. И такъ капище Холмоградское славно уже было въ Сѣверѣ, когда Новградъ еще созидался и политическое основывалъ въ себѣ правительство.

нравственныя, такъ и политическія правила не другія должны быть, какъ самыя тѣ, кои Маллетъ прочимъ сѣвернымъ обитателямъ приписуетъ, и которыя съ вышеобъявленными Скифскими нравами, обычаями и вѣрою сходственны. Ежели что отъ простоты и суровости Скифскія и было отличное, то премѣну сію удобь возможно отнесть къ смѣшенію съ прочими, задолго до нихъ въ полунощныя страны пришедшими народами, и ко многимъ, можетъ быть, вѣкамъ прошедшимъ до созданія и самаго древняго Славянска. Время и общественное Новоградцевъ житіе, при разнообразныхъ политическихъ видахъ и по разности обстоятельствъ, то щастливыхъ, то нещастливыхъ, несомнѣнно умножили количество ихъ законовъ, извлекши оные изъ коренныхъ и естественныхъ; ибо и примѣчаемыя по временамъ нужды число гражданскихъ законовъ въ обществахъ опредѣляютъ. Торговля и взаимное съ чужестранцами сношеніе учреждаютъ нравы и обычаи, и обогащая политическое тѣло, внѣдряютъ въ него художество; обогащеніежъ народное, пышность Богослуженія обрядовъ возноситъ на степень излишности, и возродивъ страхъ и надежду, суевѣрію, какъ бы Богословской должности, покоряетъ. Таковыми представляются понятію моему всѣ нравственныя ума человѣческаго производства, доколѣ народъ никаковаго еще ученія непричастенъ. Будучи тогда еще во младенчествѣ, хватается онъ за все, къ чему влечетъ его природа; руководимъ примѣрами и наставленіями старѣйшихъ, имъ однимъ подражаетъ. Такъ я Новоградское сословіе въ началѣ его себѣ представляю.

Оно состояло изъ народа, по ремеслу военнаго и по древней склонности суроваго, но болѣе къ честности, нежели къ ухищренію приверженнаго. Характеръ таковаго народа естественно жестокъ и мстителенъ врагамъ, но въ общежитіи миролюбивъ и жалостливъ. Грабитъ и похищаетъ онъ у сопостата, но даетъ и раздѣляетъ съ ближнимъ, ничего не жалѣя. Новоградцы изъ глубины вѣковъ нашими Писателями мятежными представляются; но мятежи ихъ всегда во мнимомъ или дѣйствительномъ по вольности поборствіи являлись. Они, свободу свою защищая, имѣніе и жизнь ни во что вмѣняли. Таковы были Новоградцы; таковыми всѣ древніе повѣствователи и Скифовъ описуютъ: таковыми Маллетъ и Датчанъ и Готѳовъ, а Тацитъ Германцевъ и Галловъ памяти предаютъ нашей. Новоградцы, какъ и всѣ прочіе народы, изъ заблужденія въ заблужденіе кидались, и дотолѣ постоянно ни на чѣмъ остановиться не могли, доколѣ истинное или ложное ученіе не положило имъ къ гражданской неподвижности твердаго основанія, которое изходитъ отъ вѣры и Священствомъ вкореняется. Вѣра Новоградская была многобожіе; ученіе, страхъ и надежда въ будущемъ вѣкѣ; учители жрецы, обыкновенно корыстолюбивые, мстительные.

§ 20.

Ради объявленія господствующей у Славяно-Руссовъ вѣры, не впускаясь въ бездну ветхостей, отъ насъ сокровенныхъ, пойду я воспріятымъ мною кратчайшимъ путемъ, и покажу токмо то идолопочитаніе, которое во всемъ Сѣверѣ было, и у насъ не задолго предъ Кня-

Новоградское древнее многобожіе, какъ и во всемъ сѣверѣ равное.

земъ Гостомысломъ нахожу я въ Писателяхъ. Съ разсѣянїемъ отъ Востока народовъ пренеслось оно, какъ выше объявлено, во всѣ концы земли, и у насъ съ первымъ Славяно - Руссовъ пришествїемъ и созданїемъ древняго Славянска и Старыя Руссы внѣдрилось, и сѣдалище первосвященника въ Холмоградѣ, тогда же созданномъ, утвердило: для чего и хранилище боговъ и капище идолослуженїя Холмоградомъ названо (*). Уже Холмоградъ почитался тогда

(*) Всѣ въ древности и во всѣхъ языкахъ божницы строились на высокихъ мѣстахъ. Холмоградъ, какъ выше объявлено, воздвигнутъ былъ на пригоркѣ, какихъ въ окрестностяхъ Новаграда есть весьма мало. Я присовокуплю еще при семъ нужное въ утвержденїе мѣстоположенїя его примѣчанїе. Можноли принять Стурлезоново вѣщанїе, яко бы Голмградъ на устьѣ Сѣверныя Двины рѣки отъ самыя существовалъ древности, когда мы представимъ себѣ, что въ немъ надлежало пребывать Первосвященнику со всѣмъ соборомъ Священниковъ? ибо онъ, называя главнымъ кумиромъ Iомала, тамо его поставляетъ. Второе, можно ли было Первосвященнику такъ далеко отъ Новаграда, то есть, отъ главнѣйшїя своея во многочисленномъ народѣ власти жить? И третїе, кто изъ Писателей, кромѣ Стурлезона, пожаловалъ Iомала въ главнѣйшаго изъ Славянскихъ кумира? Ниже Маллетъ за такого не выдаетъ его. Правда, на Чухонскомъ языкѣ и нынѣ богъ Юмала называется; но изъ сего не слѣдуетъ, чтобъ въ древности симъ именемъ главнѣйшїй кумиръ назывался. Какихъ мы имѣли, и кто до Перуна главнымъ изъ нихъ почитался, объявимъ мы, сколько намъ оставили Писатели Холмоградское капище, при самомъ началѣ Новаграда, почиталось уже

въ странахъ полунощныхъ вѣщуномъ не меньшимъ, какъ Аполлонъ былъ въ Дельфахъ. Уже въ немъ отъ многихъ вѣковъ происходили омрачительныя чудеса, и самыя естественныя явленія въ чрезъестественныя представленія сѣверному народу ухищренно представлялись. Примышлены уже были и страшилища, кажущїяся въ лѣсахъ и водахъ подъ названїемъ лѣшихъ и русалокъ, или Греческихъ Сатировъ и Нимфъ. Отсюда разсѣялось уже по всей Россїи суевѣрїе, и пришедшихъ вновь Славянъ, основателей Новаграда, въ объятїя свои восприяло. Въ Холмоградъ приходили тогда отъ всѣхъ племенъ сосѣдственныхъ Князья Варяжскїе и Русскїе, и самые ихъ на-

въ странахъ полунощныхъ вѣщуномъ не меньшимъ, какъ Аполлоново въ Дельфахъ. Ктожъ бы его до такой степени прославилъ, естьлибъ то не гласъ сильнагo Славяно-Русскагo народа? А сей какъ бы его прославлять могъ, естьлибъ не видалъ нѣкїихъ опытностей отъ находящихся въ Новѣградѣ вѣщуновъ изъ собора Священниковъ, которые въ капищахъ токмо отъ самыя древности училища и науки скрывали, и могли при знанїи письменъ и въ звѣздословїи нѣкоторое имѣть познанїе; а сего и довлѣло для уловленїя простоты народныя. Ибо естьли могли они иногда праведно измѣненїе погодъ угадывать, иногда хотя сомнительно и двутолково прорекать будущее, иногда ложнымъ убѣждать народъ страхомъ? Сего дарованїя довольно уже было прославиться пророкомъ во время невѣжества и у народовъ непросвѣщенныхъ. И такъ капище Холмоградское славно уже было въ Сѣверѣ, когда Новградъ еще созидался и политическое основывалъ въ себѣ правительство.

роды на моленіе. Гдѣ и какъ далеко отъ Новаграда существовалъ сей градъ, мы, поелику могли, въ примѣчаніяхъ нашихъ, естьли не точно, то правдоподобно объявили, и по крайней мѣрѣ доказали, что не въ дальнемъ былъ онъ отъ Новаграда разстояніи.

§ 21.

Продолженіе о сѣверномъ многобожіи.

Сомнѣваться мы не можемъ, чтобъ идолы, какъ и выше объявлено, не принесены были Славяно-Руссами въ первое ихъ въ Сѣверъ пришествіе, и чтобъ они не отъ Скифовъ воспріяты были. И такъ не обинуясь можемъ мы объявить ихъ, слѣдуя Иродотову повѣствованію о Скифскомъ многобожіи. Онъ говоритъ, что Скифы великое множество боговъ и богинь почитали; но главнѣйшее ихъ божество была Веста, на ихъ языкѣ Тавита называемая. Сіе божество есть ничто иное, какъ Астарта, землю или мать всѣхъ земнородныхъ у Халдеевъ знаменовавшая, которыя заступивъ въ Египтѣ мѣсто Изида, все естество въ себѣ представляла; а у древнѣйшихъ Персовъ и Мидянъ, коимъ жившіе на рѣкѣ Араксѣ и оттуда къ Сѣверу пришедшіе народы сосѣдственны были, установилъ ей богопочитаніе Зороастръ, въ представленіи священнаго и неугасимаго огня. Сіе Зороастрово ученіе пренеслось Нумою Помпиліемъ въ Римъ, подъ названіемъ Вестальскаго неугасимаго огня, и въ Сѣверъ разными народами, съ понятіемъ, по разсужденію Маллета, о истинномъ Богѣ, Творцѣ неба и земли. Но какъ сіе святое понятіе отъ народа Священниками, по установленному въ первоначаль-

(Геродотъ. Мельпомена, или кн. IV.)

(Маллетъ во введеніи гл. II.)

номъ идолопоклонствѣ обряду, скрывалось: то мы паки въ видимыхъ кумирахъ послѣдуемъ вѣщанію Иродота, и оставленныхъ въ его преданіяхъ снесемъ съ почитаемыми въ сіе время въ нашихъ полунощныхъ странахъ. Иродотъ по Вестѣ считаетъ Папея и супругу его Апію; первый, яко Зевсъ, представлялъ громъ, а вторая, яко Юнона, воздухъ; за сими Этозира, Артимпасу и Фамимаксада, которымъ прилагаетъ Греческія имена Аполлона, небесной Венеры и Нептуна; они знаменовали у нихъ Солнце, Луну и Океанъ. Паче всѣхъ сихъ боговъ бранноносные Скифы почитали бога браней: его изображали они разнообразно. Таковые идолы несомнѣнно боготворимы были и въ Холмоградѣ, какъ и во всей Германіи. Юлій Кесарь и по немъ Тацитъ сказуютъ, что Друиды, со пришествіемъ туда въ самой ветхой древности Тевтоническихъ народовъ, принесли оныхъ, и по отмѣнной Германцевъ къ войнѣ склонности, воздвигли имъ олтари въ лѣсахъ освященныхъ, подъ сѣннолиственными высокими дубами, жертвенною кровію орошаемыми. Кесарь, не входя въ подробности, кратко говоритъ, что „Галлы почитаютъ отмѣнно тѣхъ боговъ, отъ коихъ ощутительнаго чаютъ благодѣянія. Марсъ, продолжаетъ онъ, есть божество, природною Галловъ и Германцевъ къ войнѣ склонностію управляющее, слѣдовательно и главнѣйшее; потомъ Солнце, Луна и Вулканъ.„ Тацитъ вѣщаетъ подробнѣе и съ Иродотомъ согласнѣе. Онъ, повторивъ во многомъ Кесаря, между прочимъ говоритъ, „что Севы почитали и жертвы при„носили Изидѣ. Не знаю, продолжаетъ онъ,

„какъ достигло до нихъ познанїе сего ино„страннаго божества. Притомъ вѣрятъ Свевы, что величество боговъ не позволяетъ „заключать образовъ ихъ въ стѣнахъ хра„мовъ, чего ради обожаютъ ихъ въ лѣсахъ „освященныхъ.„ Святы и почтенны у идолопоклонниковъ мѣста сїи были; и Холмоградъ, при опустошенїи Бѣлыми Уграми всея Славянскїя земли, кажется, пощаженъ былъ отъ сихъ варваровъ по семужъ предубѣжденїю; а въ Германїи былъ законъ, смертную опредѣляющїй казнь тому, кто бы дерзнулъ хотя малѣйшую вѣтвь отторгнуть отъ древъ священныхъ. Такъ подобно осуждались и въ Исландїи и можетъ быть въ самомъ Новѣградѣ тѣ, которые безъ очищенїя внити во врата обителей дерзали. Обращаясь ко многобожїю, особливо нашихъ Сѣверожителей, разсмотримъ уподобительнымъ изслѣдованїемъ сходство вышереченныхъ Писателей съ позднѣйшими о ближайшихъ къ намъ народахъ повѣствованїями. Арнкїель, пространно о богахъ Славянскихъ писавшїй, считаетъ оныхъ много у Пафлагонъ, Болгаровъ и Вандаловъ. Между прочимъ сказываетъ онъ объ одномъ Триглавѣ, котораго въ Болгарїи чтили. Мнѣ несомнѣнно кажется, что сей Триглавъ есть совокупное представленїе Озирїя, Изиды и Гора, изъ Египта вынесенное. Арнкїель, подробно богослуженїя, жертвы, украшенїя и празднества описывая, говоритъ о Кимерахъ и Вандалахъ сходно съ Маллетомъ, изъ Едды вѣщающимъ. „Хотя они, сказуетъ онъ, почитали „единаго на небесахъ Бога, который попеченїе „объ нихъ имѣлъ; однако сей единый Богъ

Histoire antique. septant. dissert. 7.

г. Татищев. кн. 1. гл. 11.

„земныя дѣла, по мнѣнію ихъ, поручилъ дру-
„гимъ низшимъ, отъ Него произведеннымъ, бо-
„гамъ.„ Не то ли же самое понятіе имѣли о Творцѣ, по свидѣтельству Маллета, всѣ Европейскіе Сѣверные народы? Но мы обратимся къ Арнкіелю. „На Варяжскомъ морѣ, продол-
„жаетъ онъ, противъ Шведской Помераніи
„есть островъ, Ругинъ называемый; на немъ
„обитали Вандалы и Свѣтовида идола боготво-
„рили.„ Имя идола есть Руское; слѣдовательно былъ онъ изъ числа Рускихъ, или Холмоградскихъ идоловъ. „Свѣтовидъ, вырѣзанный
„изъ древа крѣпкаго, величины чрезмѣрныя, о
„четырехъ лицахъ, въ короткой одеждѣ, сто-
„ялъ въ капищѣ. Въ шуйцѣ держалъ онъ лукъ,
„въ десницѣ рогъ, виномъ наполненный; на бе-
„дрѣ его висѣлъ въ сребряномъ влагалищѣ пре-
„великой мечь; а сѣдло и узда коня его, так-
„же огромныя величины, лежали въ его под-
„ножіи.„ По наимянованію его представлялъ онъ безъ сомнѣнія Озирія, Аполлона, или Солнце; ибо и отъ первыхъ, яко отъ древняго свѣтила, произхожденіе свѣта во всѣ четыре части міра баснословятъ; но по годичному празднеству, по сказанію тогожь Арнкіеля, отправляемому при окончаніи жатвы, указуютъ четыре лица его, кажется, на четыре стихіи, плодоносіе совершающія, а не на четыре годовыя времени, какъ нѣкоторые толкуютъ; ибо осеннее ему празднество соотвѣтствовало, по Плутарху, торжеству Горову, стихій соединителю. Притомъ всѣ истукана сего четыре лица, юныя и безбородныя, не могли ни осени, ни зимы, съ бородами всегда представляемыхъ, изображать; но напротивъ того всегдашнюю

Г. Ломон. въ истор. и ему слѣдуя Слов. Рус. суев. стр. 286, подъ бук. C. Osiris et Isid.

юность стихій знаменуя, обращены они были въ четыре части міра, согласно разпростертію стихій къ четыремъ точкамъ вселенныя, то есть, къ Востоку, Западу, Югу и Полунощи. Истуканъ Свѣтовидовъ стоялъ среди капища, отдѣленъ отъ преддверія завѣсою разноцвѣтною, за которую единожды въ году въ сіе осеннее токмо празднество входъ великому жрецу, для принятія отвѣтовъ, дозволялся; и тогда же, ради воззрѣнія на идола народу, единожды завѣса отторгалась (*). „По Свѣтовидѣ, про-

Слов. суев. л. 286.

Великое сходство съ Іудейскимъ завѣтомъ.

(*) Я не разсудилъ за благо внесть въ сказаніе жертвоприношенія сему кумиру; но за нужно однако же почитаю дать свѣденіе о томъ въ примѣчаніи. При приношеніи Свѣтовилу жертвъ чрезвычайное оказывано почитаніе. По собраніи жатвы стекался обоего пола народъ для отправленія празднества предъ капище, которое наканунѣ для того самъ первосвященникъ долженствовалъ начисто вымѣсть, а въ самый праздникъ, при собраніи у вратъ капища всего народа, многочисленныя отъ скотовъ закалались жертвы, по сожженіи которыхъ со многими молитвъ восклицаніями вшедъ за завѣсу для небеснаго вдохновенія великій жрецъ, и побывъ нѣсколько тамо, отторгалъ завѣсу. Потомъ при зрѣніи всего народа вынувъ изъ руки идола рогъ, виномъ за годъ предъ симъ въ подобное торжество наполненный, прорицалъ о плодородіи будущаго лѣта. Естьли вина въ рогѣ немного убыло, то почиталось сіе знакомъ изобилія плодовъ; въ противномъ же случаѣ неурожаемъ устрашало. По семъ выливалъ вино изъ рога къ ногамъ Свѣтовидовымъ, и наливъ въ него новое, пилъ за здравіе бога, съ прошеніемъ, да подастъ онъ людямъ своимъ и отечеству жатву изобильную, обо-

„должаетъ Арнкіель, стоялъ на высокомъ и „кудрявомъ дубѣ Проно, или Прове, кумиръ „знаменитый, окрестъ котораго разставлены „были на землѣ до 1000 идоловъ съ двумя, „тремя и больше лицами. Предъ Прономъ „стоялъ олтарь для жертвоприношеній (*). Арнк. тамож.

гащеніе корыстьми вражїими и побѣды надъ противными. Выпивъ рогъ до дна, и наполняя его паки виномъ, влагалъ въ руку идола. За симъ приносились въ жертву круглые хлѣбы огромной величины, на меду растворенные, и какъ обыкновенные пряники спеченные. Чаятельно, что едва ли не отъ идоложертвенныхъ временъ остались еще у насъ и нынѣ подобные пряники, разныхъ животныхъ изображающїе, какъ то: рыбъ, кониковъ, пѣтуховъ и проч.; ибо всѣ таковыя животныя разнообразнымъ богамъ въ жертвы употреблялись. Обыкновенные хлѣбы поставя жрецы между собою и народомъ, молились о изобильной впредь жатвѣ; а первосвященникъ благословлялъ именемъ Свѣтовида народъ, понуждая его на хищеніе по морю и по суху, и побѣды на враговъ обѣщавая. Сїе годичное празднество продолжалось день въ молитвѣ, закланїи и всесожженїи жертвъ, а два послѣдующїе въ пиршествахъ и веселїи; при чемъ рога съ напитками сосуды нынѣшніе замѣняли. Отсюда видимъ мы рога сїи въ повѣствованїи нашемъ новыхъ вѣковъ, особливо у военныхъ людей въ походахъ, въ крайнемъ ради питїя употребленїи.

(*) Сїе, кажется, есть подражанїе Друидамъ Германскимъ; у нихъ на освященномъ дубу видѣнъ былъ висящїй мечь, бога браней представляющїй, и яко главнѣйшее божество, разными меньшими божками окруженный. Никто, кромѣ самыхъ Друидовъ, приносящихъ жертвы, къ нему прикоснуться, ниже при-

„Радегастъ держалъ на груди щитъ съ из„ображенною воловьею главою и въ лѣвой рукѣ „копіе; на шлемѣ его пѣтухъ съ разпростер„тыми сидѣлъ крылами (*). Сива или Сиба, „во образѣ нагой женщины съ разпущенными „по хребту и до подколѣнокъ достигающими „власами, и въ правой рукѣ яблоко, а въ лѣ„вой виноградной гроздъ державшая, предста„вляла безъ сомнѣнія Греческую Венеру, ма„терь любви и любострастія.„ Ибо гдѣ есть яблоко прелести и искушенія, тамо присущность вина необходима. Любострастіе ослабляетъ составъ тѣла человѣческаго; а вино, ободряя сердце, укрѣпляетъ силы человѣка. „Наконецъ, продолжаетъ Писатель, почитались „у нихъ Черн҄ богъ и Бѣлъ богъ (**).

ближиться не дерзалъ. *Юлій Кесарь въ описаніи Галловъ.*

(*) По главѣ воловой кажется онъ быть Юпитеромъ, а по сѣдящемъ на шлемѣ пѣтухѣ, осторожность знаменующемъ, могъ и Меркурія представлять; обажъ признака силу и воинское бдѣніе изображали.

(**) Но для чего Арнкіель Чернаго благимъ, а Бѣлаго злымъ называетъ, весьма удивительно и непонятно мнѣ кажется. Всѣ древніе любомудрцы черноту мракомъ, тѣнью, удаленіемъ отъ свѣта и нощію изображая, почитаютъ ее за нѣкое непріязненное вещество въ природѣ, и противоборствомъ бѣлизны, яко растворенію свѣта и сущей въ естествѣ благости, а потому объявленное о сихъ божкахъ понятіе не должно ли въ изданіи Арнкіелевомъ почитать ошибкою тисненія, не взирая, что нѣкоторые наши Писатели: Г. Татищ. кн. I. гл. II., и Г. Ломонос. Ч. I. гл. IV., изъ него почерпнувъ, приняли сіе за истинну? Самые

§ 22.

Такимъ образомъ имѣя изъ Писателей достаточное свѣденіе о бывшемъ во всемъ Сѣверѣ многобожіи и о изображеніи кумировъ, не Окончаніе.

Египетскаго многобожія толкователи чернообразнаго Тифона божествомъ свирѣпымъ, и подъ именемъ Плутона адскимъ быть толкуютъ. Плут. Из. и Озир., паче всего Персіяне по Зороастру, два духа, бѣлаго благимъ, а черного злымъ и противуборнымъ первому почитали. Сего ради лучше соглашусь со Словаремъ Рускаго суевѣрія, который подъ именами сихъ божковъ сказываетъ, что „Бѣлъ „богъ есть божество Варяжскихъ народовъ; „представлялся кумиръ его съ лицомъ кро„вавымъ, множествомъ мухъ усыпаннымъ, „и почитался богомъ добрымъ; мухи означали „его питателемъ всякія твари; и для того „ублажали его народы веселіемъ, играми и „радостнымъ пированіемъ. Напротивъ того „Черный богъ, говоритъ тотъ же Словарь, „признавался отъ всѣхъ богомъ, во адѣ оби„тающимъ; ему приносили жертву кровавую, „печальное моленіе, и страшныя дѣлали закля„тія для отвращенія его ярости и свирѣп„ства.„ Слов. Суев. подъ буквами Б. и Ч. стр. 66 и 214. По сему весьма вѣроятно кажется, что бѣлый представлялъ Горуса, а черный Тифона, боговъ Египетскихъ. Самое гаданіе жрецовъ и народа доказываетъ сію истинну. Гадали они о будущемъ метаніемъ деревянныхъ дощечекъ, у которыхъ одна страна была черная, а другая бѣлая, и когда брошенныя на воздухъ упадали, то бѣлою страною упадшая добро, а черною зло, по ихъ мнѣнію, предвѣщали. Я удивляюсь, какъ Татищевъ и Ломоносовъ, разсказывая о семъ гаданіи, не догадались, что Арнкіель или ошибся, или въ перепискѣ испорченъ.

можемъ мы не пріять вѣроятностію, что и въ Холмоградѣ и въ Старой Русѣ и въ Новѣградѣ тожъ самое въ древности господствовало, а когда еще сверхъ вышеобъявленныхъ кумиръ видимъ мы въ послѣдствіи повѣствованія Рускаго почитаніе стихій, въ мечтательномъ воображеніи вѣру представляющихъ; то отнюдь сомнѣваться въ истиннѣ не можемъ, что тажъ вѣра, какая въ Египтѣ, Греціи и Римѣ тогда была, и нашихъ предковъ онажъ ослѣпляла. Сатиры или лѣшіе землю, Нимфы или русалки воду, неугасимые по многимъ мѣстамъ огни, огнь и полетъ вѣщающихъ птицъ воздухъ у нихъ представляли. Боготворились также и пресмыкающіяся, яко то: змѣи, гады и ужи вмѣсто боговъ, домашними въ Италіи называемыхъ, и строго наказывались тѣ, которые имъ вредъ наносили. Остатки суевѣрія сего вовсе и нынѣ еще не изкоренены, какъ въ продолженіи откроется. Притомъ ключи, источники и озера многія священными и святынею до таковаго степени у насъ почитались, что съ глубокимъ и благоговѣйнымъ молчаніемъ черпали изъ нихъ воду, а рыбъ ловить отнюдь не дерзали; и кто сему поступалъ противно, тотъ смертію казнился безъ пощады. Капище Холмоградское прославилось у всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ кажется тѣмъ, что хитрые его жрецы, обладая, можетъ быть, познаніемъ естества и Химіи, могли удобно удивлять невѣжество народное; могли они ослѣплять очи мечтательнымъ чарованіемъ и служить любопытству гаданіями и предвѣщаніями рѣдко событными, а всегда или лестными или пора-

зительными. Ложная наука предсказаній двусмысленныхъ конечно была имъ, какъ и всѣмъ идолопоклоннымъ священникамъ, извѣстна; слѣдовательно могли они изъ внутренности скотовъ идоложертвенныхъ, изъ полету пернатыхъ, изъ конскаго рисканія и ржанія и изъ прочихъ лжи и суевѣрія богопротивныхъ изчадій, предубѣждать непонятными отвѣтами вопрошающихъ. Не трудно притомъ и естественными чудесами содержать въ страхѣ и надеждѣ людей, Физики и Химіи не токмо незнающихъ, но и не слыхавшихъ о существѣ сего ученія. Таковыми священными обманами пользуясь жрецы Холмоградскіе, кромѣ своего обогащенія и славы, могли учреждать благочиніе, содержать тишину и безмятежность въ обществѣ, покоряя своевольную нравовъ суровость предержащей правительства власти, и вчинать по своему благоволенію войны внѣшнія и внутренніе иногда мятежи. Естьли Писатели наши всего вышереченнаго, по небреженію или по ненависти ко многобожію, намъ и не оставили; то однакожъ узримъ въ послѣдствіи, когда повѣствованіе о Россіи изъ тьмы баснословія изторгнется, утвержденіе сказаннаго нами, и тѣмъ паче, когда примѣчательное чтеніе откроетъ, что многое изъ сего и до насъ въ древнихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ достигло. Что на примѣръ значатъ въ вѣщаніяхъ извѣстные Полканы, изъ человѣка и коня сложенные, какъ естьли не Греческихъ Кентавровъ? не Гиганты ли Волоты и исполины наши? не Нимфы ли въ кустахъ и при ручьяхъ, сельскою простотою названныя у насъ русалки? Не соотвѣтствуетъ ли

Царекъ морской Нептуну и чудовища его Тритонамъ, а сатиры въ лѣсахъ лѣшимъ? и самый въ нашемъ обыкновенiи употребляемый Чуръ не представляетъ ли постановлявшагося у Римлянъ на межахъ Терма, предѣлы разстоянiй опредѣляющаго? Ибо да не преступитъ дiаволъ черты, реченiе сiе произносили въ древности и нынѣ произносится. Въ заключенiе всего вышереченнаго, не обинуясь можемъ мы сказать: Понеже источникъ многобожiя, хитростiю политики изъ таинственнаго о познанiи Всевышняго Творца понятiя извлеченный, хотя въ нелѣпомъ суевѣрiи и скрывался; однакожъ свѣтозарными истоками по лицу всея земли неудобь постижимымъ образомъ разлился: то чудяся таковому его откровенiю, не могу я понять, какъ дерзновенное невѣрiе можетъ иногда отрицать его повсюду присущность, и паче, какъ оно въ горделивомъ ослѣпленiи дерзаетъ иногда сомнѣваться о существенности Бога, Творца видимыхъ и невидимыхъ мiровъ, сего предвѣчнаго Существа существъ, и самымъ идолопоклонныхъ кумировъ множествомъ не удобь сокровеннаго, сего Виновника всѣхъ послѣдующихъ винъ, Зиждителя естества и всему, яже въ немъ; Бога Моисеева, Бога Трисмегистова, Орфеева, Зороастрова, Конфуцiева, Бога Пифагорова, Платонова, Iоаннова, Павлова и моего; словомъ, единаго Бога, всѣми земнородными душевно исповѣдуемаго, и подъ разными по разности народовъ понятiями и преданiями почитаемаго, ублажаемаго, прославляемаго? Симъ настоящаго времени спасительнымъ истиннаго Бога въ древнемъ басно-

словіи откровеніемъ окончаемъ и самое древнихъ вѣковъ баснословіе и первую книгу Повѣствованія нашего. Лѣтописцы наши отверзутъ намъ къ продолженію путь надежный; а любомудріе, политическимъ составомъ государствъ сопровождаемое, поможетъ въ правдоподобіи, вѣроятности и свидѣтельствахъ искать истинны несомнѣнныя.

Конецъ первой Книги.

ОПЫТЪ
ПОВѢСТВОВАНІЯ
О
РОССІИ.

КНИГА II.

Въ началѣ вѣроятное, потомъ несомнѣнное сказанїе до кончины Великаго Князя Кіевскаго Святослава I Игоревича, или по 972 годъ по Рождествѣ Христовѣ.

ПОВѢСТВОВАНІЕ
О
РОССІИ.
КНИГА II.

ГЛАВА I.

Предварительное разсужденіе, до начала вѣроятнаго и потомъ несомнѣнно истиннаго повѣствованія нашего касающееся.

§ 1.

Ежели, по предувѣдомленію моему, повѣствованіе есть неложное зерцало каждаго людей состоянія; ежели оно всѣмъ вообще есть нравственное любомудрія и политики ученіе; то долгъ повѣствователя требуетъ, чтобъ, предлагая дѣянія человѣческія, занималъ онъ краски къ своимъ картинамъ изъ самаго любомудрія, которое ни малѣйшаго не терпитъ пристрастія. Сей важный долгъ побудилъ меня въ началѣ моего Опыта разпространиться въ изслѣдованіи баснословія о началѣ Славяно-Руссовъ, о ихъ многобожіи, о ихъ въ Новѣградѣ политическаго тѣла составѣ и возможномъ правительства постановленіи. Чрезъ сіе велесловіе старался я, поелику могъ, открыть нравственный характеръ народа, о которомъ писать повѣствованіе вознамѣрился; ибо характеръ народный есть основаніе правительства и всѣмъ дѣяніямъ какъ общественнаго тѣла, такъ и каждаго особенно со- Свойство прямаго повѣствованія.

члена; дѣяніяжъ ихъ суть предметы вѣщателева безпристрастнаго сужденія и сказанія. Сего ради, по объявленію моему въ предисловіи, истинное любомудріе обязуетъ меня, яко и каждаго повѣствователя, быть весьма разборчиву въ предложеніяхъ до суевѣрія дѣеписателей касающагося, и поелику возможно, объяснять ихъ ложныя вѣщанія здраваго разсудка рѣшеніями, такожъ и весьма быть нелицепріемну въ отданіи всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ надлежащей справедливости. Любомудріе повелѣваетъ мнѣ прославлять геройскіе подвиги не въ единыхъ токмо побѣдителяхъ, но и въ гражданахъ, великія дѣла къ блаженству общества сотворшихъ. Оно, воздвизая во храмѣ безсмертія на воинскихъ знакахъ памятники побѣдителямъ, ублажаетъ ихъ, яко защитниковъ отечества; но не отъемлетъ притомъ безсмертія у Государя миролюбиваго, благоденствіе подданныхъ устроевавшаго. Неувядаемые лавры возлагаетъ оно на побѣдоносную главу справедливо начинающаго, благоразумно продолжающаго и полезный миръ заключающаго Героя; но не меньше нетлѣнными вѣнчаетъ пальмами и милосердаго и человѣколюбиваго Судію. Мудрый законодатель, правитель неутомимый, не дремлющій о благѣ общемъ рачитель, воздатель злымъ и добрымъ по дѣламъ каждаго, врагъ ласкательства, и истинны любитель есть Государь, сколько человѣчеству любезный, столько и любомудрію пріятный; ибо онъ блюдетъ законы, и самъ онымъ повинуясь, подданныхъ всѣхъ безъ различія повиноваться принуждаетъ. Таковыхъ божественныхъ Государей имена без-

пристрастное повѣствованіе представляетъ потомкамъ въ подражаніе, а симъ противныхъ память въ вѣчное приводитъ омерзеніе. Суровость народа смягчаетъ оно нравоученіемъ и строгостію законовъ Божескихъ и гражданскихъ, нудитъ прележащей повиноваться власти; твердитъ черни при всѣхъ случаяхъ, что мирное и безмятежное житіе и должностей гражданскихъ исполненіе суть едины блаженства ея хранители; остерегаетъ наче всего недоразумѣніе народное отъ хитрыхъ отечества враговъ, возмущающихъ покой общій роптаніемъ, и злопреступное къ мятежникамъ привержение гибелью ему представляетъ; просвѣщаетъ его ко благу, и отъ зла нравы и обычаи отвращаетъ; ублажаетъ вѣру, и гнусность безбожія въ страшной представляетъ картинѣ.

§ 2.

До сего строгаго отъ долга повѣствователя взысканія достигло теперь мое вѣщаніе. Начиная предлагать о дѣяніяхъ владѣвшихъ Россіею Государей, подвергаюсь я общества суду и отвѣту предъ читателемъ въ томъ, безпристрастно ли я воздаю достойное достойному. Справедливое взысканіе; но трудное предлежитъ исполненіе. Пристрастіемъ хотя не опасаюсь я повредить истинны, но страшусь знанія недостатковъ. Лѣтописи, изъ коихъ почерпать я долженъ, или суевѣріемъ преисполнены, или по краткости записокъ недостаточны, или неискуствомъ многихъ переписщиковъ запутаны, и неисправныя тисненіемъ обнародованы. Хотя вѣдаю я, что никакое Государство такимъ изобиліемъ запа-

Трудность къ выполненію.

совъ къ сочиненію повѣствованія похвалиться не можетъ, какъ наше отечество; но сея древности богатые остатки хранятся въ рукописяхъ, разсѣянныхъ по мѣстамъ неизвѣстнымъ и не удобь обрѣтаемымъ. Можетъ быть по нещастію знающихъ имъ цѣну занеслись онѣ въ пыльныя невѣждъ книгохранилища, и червоточію навсегда предались такъ, что никакое охотниковъ раченіе изъ темницы сея извлечь ихъ не можетъ, или погребенныя въ кладовыхъ между бумагъ старинныхъ, и самому хозяину неизвѣстны изтлѣваютъ. Притомъ бываетъ часто и то, что слабые умы, великой важности тетрадки недостойными чтенія почитая, сожигаютъ; а огромныя книжищи, хорошимъ письмомъ ложь, вздоръ и басни содержащія, хранятъ яко истинну и по завидливости изъ рукъ не выпускаютъ. Не меньше и познаніе чужестранныхъ языковъ, купно съ развращеніемъ нынѣшнихъ нравовъ, лишаютъ насъ древностей сокровищь. Настоящаго времени словесныхъ наукъ любители, не зная красоты природнаго языка и Славянчизну варварствомъ нарицая, стараются болѣе заниматься чужестранныхъ творцовъ сочиненіями, и небрегутъ о старинныхъ Рускихъ лѣтописяхъ, отъ знатныхъ и богатыхъ предковъ въ наслѣдство полученныхъ. Бредни Леклерковы, Левеково неразумѣніе, Вольтерово о Руси лжесплетеніе и подобныя каверзы предпочитаются ими Іоакиму, Нестору, Никону, Степеннымъ книгамъ и самой Гна. Татищева лѣтописи (*).

(*) Мнѣ достовѣрно случилось слышать, что единый изъ Парижелюбцевъ нашихъ безцѣн-

§ 3.

При семъ разсужденіи не излишно почитаю примѣтить и то затрудненіе, въ которое ввергаютъ повѣствователя современное Государямъ стихотворство и витійство рѣчей похвальныхъ. Ласкательство ихъ затрудняетъ безпристрастіе, преобращая пороки въ добродѣтели, и тирановъ за отцовъ отечества иногда воспріять повелѣваетъ. Подлое раболѣпіе и жадность любостяжанія приписуютъ безстыднымъ перомъ ихъ каждому безъ разбора Государю безсмертіе, и для собственной своей славы и обогащенія прославляютъ стихами современниковъ, Вредъ ласкательнаго стихотворства.

ныя въ рукописяхъ сокровища, отцомъ и предками его отъ древности сбереженныя, промѣнялъ нѣкоему Аглинскому путешественнику на Вольтеровы и другихъ новыхъ мудрецовъ ядовитыя писанія, развратъ, бунтъ, безначаліе и самую погибель во Франціи причинившія, которыя обѣщалъ онъ изъ Англіи къ нему выслать, и выслалъ, яко злокозненные плоды новаго ученія. Не понимаютъ молодые люди скрытнаго въ цвѣтахъ краснорѣчія яда; не разсуждаютъ, что писанія Вольтеровы вредоноснѣе и самаго притворнѣйшаго пустосвятства и суевѣрія Кромвелева, произведшаго въ Англіи на долгое время мятежи. Хотя и видитъ, нынѣ цѣлый свѣтъ, и Франція съ сокрушеніемъ ощущаетъ, что вмѣсто Монарха питаетъ многоглаваго дракона, которой плотоядными устами сосетъ кровь политическаго ея тѣла; хотя вмѣсто обѣщанныхъ новыхъ къ благоденствію законовъ читаетъ оно единые смертныхъ казней приговоры, и вмѣсто суда и расправы воздвигнутыя на стогнахъ Парижа висѣлицы видитъ; хотя вмѣсто свободы открылось ей рабство, и вмѣсто бывшія въ Монархіи тишины мятежи,

и память ихъ, купно съ своею, превратно въ потомство навѣки предаютъ. Кесарь Августъ, по свидѣтельству безсмертныхъ Виргилія и Горація стиховъ, остался бы на всѣ грядущіе вѣки Монархомъ, славнымъ по добродѣтелямъ и къ подданнымъ по снизхожденію, великимъ по знаменитымъ его побѣдамъ, милосердымъ по дарованію прощенія послѣднему противъ его заговору, и ученымъ по любленію ублажающихъ его стихотворцевъ, естьли бы справедливая послѣдующихъ повѣствователей кисть не представила картины, истинныя свойства души его изобразующей. Изъ нее видитъ потомство, что сей пресловутый Августъ былъ тиранъ по природѣ, любострастенъ даже до кровосмѣшенія, щедръ по тщеславію, милостивъ по неволѣ, опасаясь необузданныя еще народа Римскаго свободы, робокъ на войнѣ и жестокосердъ съ побѣжденными, великолѣпенъ въ созданіи Рима изъ

междоусобія и кровопролитіе; однакожъ терпитъ, сноситъ, воздыхаетъ и страждетъ, прекратить зло способовъ не находя. Сего ради потребно кажется нашимъ молодымъ людямъ отъ нынѣшнихъ Французскихъ извергов, заражающихъ всю Европу неистовымъ вольномысліемъ, великія осторожности, и лучше бы, естьлибъ Политика всѣхъ Правительствъ потщилась изгнать родъ сей изъ своихъ предѣловъ, особливо учителей и учительницъ, кои ни къ чему болѣе не потребны, какъ токмо къ развращенію нравовъ. Мнѣ кажется, что Французы стали быть нынѣ зловреднѣе для Государствъ, нежели когда нибудь ученіе Жидовское было для Христіанства. *Это писано во время мятежа во Франціи.* Изд.

мрамора по славолюбію, отягчая человѣчество поборовъ неумѣренностію; простилъ послѣдній заговоръ по страху знаменитыхъ родовъ, въ заговорѣ бывшихъ; словомъ, повѣствованіе, обнаживъ душевный его характеръ, представляетъ его по множеству токмо гнусныхъ пороковъ безсмертнымъ, когда стихотворство божествомъ его описуетъ.

§ 4.

Не стихотворство, но истинное повѣствованіе приноситъ Государямъ безсмертіе.

Такъ могутъ безстыдныя дарованія стихотворства и краснорѣчія погрузить въ заблужденіе самого безпристрастнѣйшаго повѣствователя, естьли онъ по обстоятельствамъ временъ и дѣяніямъ Государей, въ лѣтописяхъ упоминаемыхъ, осторожнаго не употребитъ изслѣдованія. Много примѣровъ, что пѣсни стихотворныя благосклонно владѣющими Государями пріемлются, и жадность стихотворцевъ богато отъ нихъ, въ подражаніе Августу, награждается. Я не дивлюся удачи стихотворцевъ; но сожалѣю о Государяхъ, на похвалахъ ихъ вѣчную себѣ славу основывающихъ, и тогожъ Августа судьбу не вспоминающихъ. Не пѣсни добродѣтели ихъ предаютъ потомству, но благодѣянія, творимыя подданнымъ ихъ народамъ. Они, переходя изъ рода въ родъ, въ устахъ сыновъ отечества до позднѣйшихъ вѣковъ твердятся, и сіе сладкое преданіе повторитъ и утвердитъ нелицепріемное повѣствованіе златаго пера своего начертаніемъ. О Маркѣ Аврелiѣ не знаю я пѣнія многихъ стихотворцевъ; но знаю, что любомудріе имя его безсмертнымъ учинило, а повѣствованіе во храмѣ вѣчности помѣстило. Блаженъ буду

и я, естьли въ дѣеписателяхъ нашихъ трудомъ моимъ открою таковыхъ въ Россіи Государей, которые подражанія другихъ достойны суть; и преблаженъ нарекуся, естьли по наставленію истиннаго любомудрія почтенныя образа ихъ присоединю къ Антонинамъ и Маркамъ Авреліямъ. Черты повѣствованія моего воспріиму я отъ карандаша Несторова, и красками Гна. Татищева, при моемъ собственномъ и безпристрастномъ оныхъ раствореніи, потщуся, хотя слабою кистью, дать картинѣ моей тѣнь и свѣтъ, народному характеру приличный. Естьли Читатель не найдетъ желаннаго удовлетворенія, то по крайней мѣрѣ ни ласкательства, ни ненависти, ни суевѣрія, ниже невѣрія не обрящетъ.

ГЛАВА II.

Начало повѣствованія до Гостомысла, Князя Новоградскаго.

§ 5.

О Вандалѣ или Вандалахъ.

Когда Новградъ открылъ могущество свое въ Сѣверѣ покореніемъ подъ державу свою сосѣдственныхъ народовъ, того лѣтописи ни наши, ни внѣшніе намъ не предали; но вѣроятно полагать возможно, что весьма прежде воплощенія Бога Слова. Лѣтописецъ Новоградскій, и согласно съ нимъ Іоакимъ, первый нашъ Повѣствователь, начинаютъ повѣствованіе о Славяно-Руссіи со Княженія въ Новѣградѣ нѣкоего Князя Вандала (*); но какого

(*) Сказываютъ Писатели, что въ V по Христѣ столѣтіи пришли Славяне изъ Ван-

былъ онъ племени, не упоминаютъ. Ежели для объясненія сего снесемъ сказаніе ихъ съ чужестранными и съ признаніемъ самихъ Шведовъ; то является въ самой древности, что Славяно-Руссы между прочими завоеваніями и всею Швеціею обладали, и по долгомъ времени изъ Вандаліи пришли въ Новградъ, можетъ быть Готфами вытѣсненные. Изъ сего удобь возможно заключить, что не Князь Вандалъ, но Вандалы, то есть, возвратившіеся изъ Вандаліи (*) Славяне княжили въ Новѣградѣ, по избранію цѣлаго сословія. Утверждается сіе мнѣніе и самимъ Епископомъ Іоакимомъ, потому что и онъ, кажется, цѣлый народъ за нарицательное единаго человѣка имя пріемлетъ. Повѣствуя о дѣяніяхъ сего Вандала, сказуетъ онъ о посланіи отъ него Гардерика и Гунигарда для завоеванія на Западъ; а оба сіи наименованія ничто иное суть, какъ земли или области, находившіяся въ Острогардіи или землѣ Восточной, какъ ее Писатели Датскіе и Свѣйскіе въ отношеніи къ Даніи называютъ, примѣщая къ ней и Россію. За недостаткомъ однакожъ дальнѣйшихъ о бывшихъ въ Новѣградѣ Князьяхъ извѣстій, принужденнымъ нахожусь я слѣдовать Іоакимову баснословію. Нареченный имъ Князь Вандалъ, по свидѣтельству его, правилъ Новымъ-градомъ многія лѣта; но въ которое время, неизвѣстно; ибо не хотѣлъ онъ слѣдовать Свѣйскимъ Писателямъ, которые, всю

даліи во градъ Гардорики со Княземъ Вавулемъ, и родъ его обладалъ Русью. Смотри Слов. Тат. на листѣ 230.

(*) Смотри тамъ же.

Острогардію своею почитая, владѣвшихъ въ ней Государей производятъ отъ Готѳовъ и въ числѣ Королей Свѣйскихъ помѣщаютъ. Вандалъ, продолжаетъ Іоакимъ, имѣлъ трехъ сыновъ: Избора, Владиміра и Столпосвята (*); каждому изъ нихъ создалъ онъ по граду, и нарекши ихъ именами, во владѣніе имъ отдалъ; потомъ долголѣтнымъ житіемъ удрученный, когда возчувствовалъ скорое со свѣтомъ разлученіе, тогда къ естественной сей дани пріуготовляясь, подѣлилъ и все свое владѣніе объявленнымъ тремъ сынамъ своимъ. Несомнѣнно кажется, что изъ раздѣла сего изключенъ былъ великій Новградъ, яко право избранія имѣвшій; ибо точно Писатели наши сказуютъ, что умирающій Вандалъ въ удѣлы его не внесъ. Онъ, по вышереченному, далъ токмо вновь созданные грады, Избору Изборскъ, который Нормандцами то Кунигардъ, то Шуя именуется, и кажется былъ въ полунощной отъ Новаграда странѣ на рѣкѣ Шуѣ; Владиміру Владимеръ, нынѣ въ области Псковской село Владимірецъ; а Столпосвяту Столпосвятъ, котораго мѣстоположеніе древность отъ знанія нашего сокрыла (**).

г. Тат. кн. I. въ примѣч. на Іоакима.

(*) Славянскія сыновъ сихъ имена доказываютъ, что родъ Вандаловъ или Вендиловъ отъ Славянъ Вендовъ произходитъ.

(**) Грады сіи Изборскъ, Владимеръ, и Столпосвятъ находились тогда. Первый, который у Сарматъ Шуей, то есть столичнымъ градомъ назывался, потомужъ Нормандцами Кунигардомъ названъ, былъ кажется въ Барміи или Финландіи на рѣкѣ Шуѣ, гдѣ нынѣ монастырь Шуйской въ Олонецкомъ уѣздѣ; 2 й въ

§ 6.

Вскорѣ по таковомъ раздѣленіи предалъ Вандалъ правленіе старшему своему сыну Избору, и ему другихъ двухъ сыновъ въ зависимость препоручивъ, скончался; но не долго трехчастное братовъ продолжалось владѣніе. Безвременная смерть пресѣкла по краткомъ времени жизнь Избора и Столпосвята, и Владиміру единодержавіе по отцѣ вручила. Новоградцы, или по любви къ покойному, или по могуществу рода Князей Вандальскихъ, избрали и утвердили на престолѣ тогожъ Владиміра. Въ правленіе сего Государя примѣчанія достой- Владиміръ.

областяхъ Псковскихъ, нынѣ сельцо Владимерецъ, которое по древнему земляному валу такъ признается, да и въ Писцовыхъ книгахъ пригородомъ село сіе названо; 3й Столпосвятъ, гдѣ тогда находился, не извѣстно, и нынѣ слѣдовъ объ немъ доискаться трудно. Извѣстны два села: одно Столбово на рѣкѣ Тихвинѣ въ Новгородской Губерніи, гдѣ въ 1617 году былъ съѣздъ Пословъ и заключенъ миръ съ Шведами; другое на рѣкѣ Тверцѣ между Вышняго Волочка и Торжка. Но по преданію правдоподобному кажется, что былъ онъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ городокъ Осташковъ, противу острова, на которомъ пустыня Нила Столбенскаго. Преданіе сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что сказываютъ, яко бы сей Осташковъ въ древности отъ нѣкоего Князя Столбовъ именовался, и послѣ отъ Князя Владиміра Андреевича отданъ одному его боярину, и Осташковымъ переименованъ. Татищевъ самъ слышалъ сіе отъ монаха монастыря сего, и въ примѣчаніи на книгу 1. № 13, къ объясненію Іоакима, стр. 44, внесъ.

на Адвинда, его супруга, ради мужества и великаго ея разума. Повѣствователи сказуютъ намъ о ней, яко о женѣ мудрой и прекрасной; родомъ была она отъ Варягъ Рускихъ, и кажется, творятъ ее въ правительствѣ, по благоразумію совѣтовъ, соучастницею. Іоакимъ многое о превосходныхъ ея дарованіяхъ свидѣтельствуетъ. Онъ говоритъ, что „не токмо древнія преданія имя ея прославляютъ, „но и въ старыхъ пѣсняхъ память ея твер„дится.„ А я, какъ выше въ I Книгѣ упомянуто, свидѣтельства древнихъ нашихъ пѣсенъ отрицать достаточныя не нахожу причины. Справедливость вѣщанія ихъ доказываетъ простота повѣствовательнаго ихъ содержанія, и утверждаетъ обыкновеніе всѣхъ воинскихъ народовъ, не столько въ лѣтописяхъ, сколько въ стихотворномъ пѣніи, дѣла Героевъ своихъ потомству предававшихъ. Мы хотя не можемъ, подобно Маллету, толь многихъ предложить древности сея остатковъ, и хотя сіи о Княгинѣ Адвиндѣ пѣсни до знанія не дошли нашего; но сомнѣваться въ существованіи ихъ по тому не находимъ причины, что во времена Кіевскаго Великаго Князя Владиміра I видимъ мы въ повѣствованіи Нестора имена Героевъ, которыя и въ древнихъ пѣсняхъ намъ остались (*).

(*) Пѣсни сіи еще и нынѣ скоморохами и больше нищими поются, особливо въ Москвѣ по рынкамъ. Они величаютъ и женъ Владиміровыхъ и богатырей, или Героевъ его; равно какъ и въ сказкахъ сказуютъ о Ильѣ Муромцѣ, Алешѣ Поповичѣ, Соловьѣ разбойникѣ, Долки Стефановичѣ и прочихъ многихъ бога-

§ 7.

Владимиръ имѣлъ съ Адвиндою, и можетъ быть съ другими женами и наложницами, множество дѣтей и внучатъ, кои по немъ державствовали. Имена ихъ неизвѣстны, ниже свѣдомо время житія. Сугубая причина неизвѣстности сей является: первая и можетъ быть сильнѣйшая есть уставъ ежегоднаго на Княженіе выбора; вторая, не меньше важная, незнаніе наше точнаго количества Князей, между Владиміромъ и Буривоемъ бывшихъ. Невѣроятная краткость времени отъ созданія Новаграда и отъ пришествія Вандалъ до Буривоя заглаждаетъ въ памяти нашей всѣ Потомки Владиміровы.

тыряхъ, въ лѣтописяхъ упоминаемыхъ. Сказки сіи пѣвались на разпѣвъ, подобно пѣснямъ Гомеровымъ въ его эпическихъ Поэмахъ. Я не излишно почитаю предложить въ примѣръ общее почти начало такихъ сказокъ и одной древней пѣсни: „Во славномъ было городѣ во Кіевѣ — начинается повѣствованіе — „у славнаго Князя у Владиміра, у солнышка было у Всеславича, какъ былъ у нево почестенъ пиръ на многіе Князи и Бояры и на всю поляницу удалую. Охъ всѣ на пиру прохлажаются; охъ всѣ на пиру забавляются; одинъ во пиру невеселъ сидитъ, невеселъ сидитъ Иванушка Гаденовичь... и пр.„ Тутъ объявляется причина и содержаніе, а потомъ дѣяніе и подвиги. Слогъ пѣнія сего безъ рифмъ, но въ надлежащемъ стихотворенія порядкѣ. Есть у насъ также въ остаткѣ отъ древности пѣсня о нѣкоемъ Князѣ Путятѣ, вельможѣ Владиміровомъ, гласящая: „И противъ двора Путятина, противъ терема Зыбатина, былъ стараго Путяти лѣсъ... и пр.„ Татищевъ, кн. I. прим. на Іоакима. Хотя нѣмъ

хотя и баснословныя дѣянія Славянъ до изчисленія Христіанскаго. Сказываютъ нѣкоторые Писатели, что Буривой, отецъ Гостомысловъ, умеръ $^{6300}_{700}$ лѣта, и что между сыновъ Владиміровыхъ и имъ, по однимъ осмь, а по другимъ четыренадесять Княженій токмо было; но съ симъ предположеніемъ согласиться разсудокъ не позволяетъ какъ за вышереченнымъ годичнымъ на Княженіе избраніемъ, такъ и за обыкновенно полагаемымъ въ изчисленіи царствованій предѣломъ. Естьли Буривой умеръ по Рожд. Хр. въ IX вѣкѣ; то не ложно видится, что Писатели, минувъ всю древность, начали считать Княженія съ позднаго уже времени; ибо не токмо по 25 лѣтъ каждое полагая, но и по Иродоту, которой 50 лѣтъ полагаетъ, не выдетъ болѣе въ девяти

у Нестора Путяти, но обрѣтаю его во Іоакимѣ при крещеніи Новаграда Тысяцкимъ Владиміровымъ, содѣйствующимъ Добрынѣ Никитичу. Изъ того заключаю, что древность пѣсни не токмо правдоподобна, но что и самъ Путята былъ Герой отличный, мужъ въ гражданствѣ знаменитый. Притомъ такія сказки и пѣсни несомнѣнно означали нравы и обычаи и самый характеръ народа. Кому не извѣстно и нынѣ ратниковъ нашихъ обыкновеніе прославлять вождей своихъ сочиненіемъ пѣсенъ? Побѣдоносный Шереметевъ, естьли не воспѣтъ ни Рускими, ни Французскими, по преобращенію нынѣшнихъ нравовъ, стихами, не меньше однакожъ препрославлено имя его въ пѣсняхъ сподвижныхъ съ нимъ ратниковъ Россійскихъ. Видно также изъ сего, что обычаи и нравы Германскіе великое въ древнія времена сходство съ нашими имѣли; ибо между прочимъ и пѣсни въ прославленіе своихъ Героевъ и Героинь они употребляли.

Княженіяхъ, какъ 450 лѣтъ; слѣдовательно, прейдя всѣхъ отъ созданія Новаграда неизвѣстныхъ намъ правителей, полагать Вандала надлежитъ около или въ третьемъ по Рожд. Хр. вѣкѣ, и дать колѣну его до Буривоя около 500 лѣтъ: тогда развѣ сіе предположеніе будетъ сходно съ созданіемъ Кіева и съ началомъ Несторова повѣствованія. За истинну времени сего отвѣчать я не могу; но правдоподобію и самой вѣроятности отказать причины не нахожу, тѣмъ паче, когда привожу себѣ на память тогожъ Іоакима о грамотѣ Александра Македонскаго къ Новоградцамъ и о вспомогательныхъ отцу его Славянскихъ войскахъ сказаніе.

§ 8.

Итакъ прелетѣвъ и мы мнимое пространство временъ, между Вандала и Буривоя протекшее, приступимъ къ повѣствованію житія сего Буривоя, отца Гостомыслова, и въ немъ утвердимъ корень родословія Владѣтелей Россійскихъ. Онъ, по преданію лѣтописей нашихъ, былъ первый Герой Новоградскій; обладалъ съ отмѣннымъ могуществомъ и щастливыя съ сосѣдами имѣлъ войны. Побѣда долгое время ему не измѣняла, и какъ будто бы прикованная къ его колесницѣ повсюду была съ нимъ неразлучна. Онъ расширилъ Славянскіе предѣлы, внесъ оружіе въ Варяги, и великую часть Варяго-Руских земель присовокупилъ къ областямъ Новоградскимъ; всю Корелію, Барміею тогда зовущуюся, покорилъ даже до рѣки Кумени (*). Буривой.

(*) Рѣка Кумень, или Кимень выходитъ изъ маленькаго озерка и течетъ отъ Сѣвера къ

Естьлибъ побѣдоносный Буривой въ старости своей могъ при толь знаменитыхъ остановиться дѣяніяхъ, какихъ бы онъ и подданные его избѣжали бѣдствій! Но какъ славолюбіе человѣческое безпредѣльно, такъ щастіе слѣпо и непостоянно. Быстрыя его крылѣ преносятся то къ побѣждающимъ, то къ побѣжденнымъ, и обоихъ неумѣренно ласкаетъ оно и губитъ; часто ублажаетъ хищниковъ и разоренныхъ угобжаетъ; возноситъ горделивыхъ и смиренныхъ милуетъ. Таково есть свойство того вещества, которое щастіемъ міра сего называется, и его превратность ощутилъ Буривой, когда не чаялъ. Стоялъ онъ съ ополченіемъ подъ сѣнію зеленѣющихся лавровъ при рѣкѣ Куменѣ, какъ внезапнымъ враговъ нападеніемъ разбитъ, побѣжденъ, и лишенный всѣхъ храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, едва единый бѣгомъ могъ спастися. Непроходимыя по горамъ тропинки препроводили его во градъ Вармы, Корелою или какъ нынѣ Кексгольмомъ называемый. Тамо твердость стѣнъ и неприступное на двухъ островахъ при устьѣ рѣки Узервы, въ Ладожское озеро втекающей, мѣстоположеніе дали ему надежное убѣжище; и тамо въ подвластными ему Славянами затворенный, по горделивости духа не могъ

Югу, впадаетъ разными рукавами по ту сторону города Фридрихсгама въ Финской заливъ. Нынѣ составляетъ она рубежъ между Россійскою и Свѣйскою Финландіею. Буривой убѣжалъ побѣжденный въ нынѣшній градъ Кексгольмъ, которой лежитъ на рѣкѣ Узервѣ, Воксень тожъ называемой. Она течетъ изъ озера Сайма и въ Ладожское озеро впадаетъ.

долго преносить своего рока и умеръ, о отечествѣ жалѣя. Варяги, Фины и Руссы, вошедъ между тѣмъ въ Великій Новградъ, имъ обладали, и тяжкую на Славяны, Чудь, Эсты и Ливы наложили дань. Іоакимъ

ГЛАВА III.

Княженіе Гостомысла до Рюрика.

§ 9.

Разгнѣванная судьба хотя пораженіемъ мужественнаго Буривоя и лишила Славянъ вольности, но мыслить о возвращеніи оной не возбранила. Услыша Новоградцы, что Буривой по претерпѣнномъ нещастіи находится въ Барміи, и при послѣднемъ уже концѣ, послали тайно къ нему съ прошеніемъ, чтобъ отпустилъ къ нимъ сына своего Гостомысла на Княженіе. Іоакимъ повѣствуетъ, что когда потерпѣли людіе тягость злощастія и гонца къ нему послали, тогда еще онъ живъ былъ и прошенію Новоградцевъ удовлетворилъ. „Престарѣлый Герой, говоритъ Лѣтописецъ, смерть „уже въ терпѣніи лобзая, не возбранилъ отсутствію сына и въ послѣдній разъ навѣки „съ нимъ разлучился.„ Гостомыслъ, цвѣтущихъ лѣтъ юноша, въ побѣдахъ отца своего много уже соучаствовавшій и заслужившій похвальныя имена ратника храбраго, единоборца сильнаго и полководца искуснаго, былъ притомъ мудръ въ совѣтахъ, предпріимчивъ въ намѣреніяхъ, твердъ въ исполненіяхъ. Съ таковыми достоинствами пришелъ онъ къ гражданамъ своимъ. Его прибытіе возвра- Гостомыслъ.

щаетъ бодрость унывшимъ и новую въ ободренныхъ вливаетъ душу. Не давъ онъ опомниться врагамъ, присутствія его нечаявшимъ, воспріемлетъ внезапно правленія власть, и находящихся въ Новѣградѣ Варяго-Финовъ однихъ предаетъ мечу, другихъ плѣнитъ и изгоняетъ, и дань платить побѣдителямъ отрекается. По нѣсколькомъ времени вступя въ собственныя ихъ земли и многія одержавъ побѣды, создалъ при Финскомъ заливѣ градъ во имя старѣйшаго своего сына Выбора (*).

§ 10.

Правленіе Гостомыслово.

Но какъ великіе Государи рѣдко долгимъ наслаждаются кровопролитіемъ, то, по нѣсколькихъ знаменитыхъ надъ врагами побѣдахъ, постановилъ Гостомыслъ миръ съ Варягами и тишину со всѣми сосѣды. Ему до-

(*) Градъ Выборъ подъ названіемъ Выборга и нынѣ кажется подъ Рускою державою существуетъ; но тотъ ли, которой созданъ Гостомысломъ, или иной, какъ Пуффендорфъ въ Шведскомъ повѣствованіи сказуетъ, якобы Выборгъ въ Финландіи въ изходѣ XIII вѣка въ малолѣтствѣ Короля Биргера опекуномъ его Кнутзономъ построенъ. Утвердить истинны хотя неудобь возможно; но неизвѣстность сія однакожъ Іоакимову сказанію не прекословитъ. Можетъ быть созданный Гостомысломъ Выборъ въ теченіе древнѣйшихъ вѣковъ разоренъ и вновь чрезъ многія лѣта паки Кнутзономъ воздвигнутъ; ибо не рѣдко то бываетъ, что возобновленные грады древнія имена получаютъ, подобно какъ и опустѣвшія мѣста разоренныхъ градовъ имена сохраняютъ.

вольно собственнаго обладанія казалось; ибо подвластны ему были Славяне, Руссы, Чуди, Веси, Мери, Кривичи и Дряговичи. Славяне жили въ Новѣградѣ, Дряговичи въ Полоцкѣ, Кривичи въ Смоленскѣ, Мери въ Ростовѣ, Веси на Бѣлѣ озерѣ, Мурома въ Муромѣ. Въ спокойное Государя сего владѣніе процвѣла въ правительствѣ и повсюду пронеслась его премудрость. Учинясь оружіемъ страшенъ, политикою преодолѣлъ онъ внѣшнихъ сосѣдей зависть, и кротостію и правосудіемъ внутреннюю отъ подданныхъ пріобрѣлъ себѣ любовь; и естьли окрестные народы за многіе дары и дани стяжали отъ него миръ, то подданные благоденствовали, торговлю разпространяя. Слава цѣломудраго его правленія носилась въ странахъ отдаленныхъ, и союзы съ изобиліемъ чрезъ моря и земли къ нему приносила. Чужеземцы стекались въ Новградъ видѣть правоту суда, слышать благъ совѣтъ, и пользоваться наставленій его добротою. Такъ благоразумные владѣтели устроиваютъ блаженство народное! Благонравіе Государя впечатлѣваетъ благіе нравы въ сердца подданныхъ, и справедливость его есть добродѣтель общая. Нелицемѣрное господствующія вѣры его почитаніе есть преграда, не впущающая въ развратные умы гибельнаго безбожія, а чистое исповѣданіе есть крѣпкій противъ суевѣрія щитъ. Гостомыслъ идолопоклонникъ Богопочитанія своего былъ примѣромъ, и своимъ благоговѣніемъ научалъ благоговѣнію; его немятежный духъ содержалъ въ обузданіи, безъ всякія законовъ строгости, едва укротимый духъ обыкновенно мятежнаго въ Республикахъ народа.

Словомъ, всѣ добродѣтели, въ душѣ его бывшія, подобно истокамъ отъ возносящагося холма горы, разливались по долинѣ общества, имъ управляемаго, и казалось, что добродѣтели владѣющаго Князя царствуютъ во всѣхъ гражданахъ, какъ и въ немъ самомъ.

§ 11.

Приближеніе кончины Гостомысла.

Гостомыслъ имѣлъ четырехъ сыновъ и трехъ дщерей. Всѣ его четыре сына были или на войнахъ убіенны, или скончались смертію естественною; а дщери въ замужество сосѣдственныхъ Князей были выданы. Сіе мужескаго колѣна пресѣченіе весьма послѣдніе дни его жизни смущало. Не могъ онъ при всей твердости своей спокойно видѣть, что устроенное трудами его государство прейдетъ въ чуждыя руки. Хотя и вѣдалъ, что преемникъ по немъ отъ народнаго зависѣлъ избранія; но по самолюбію надѣялся онъ, что народъ, уважая заслуги его отечеству, не лишилъ бы сего преимущества единаго изъ сыновъ его, естьли бы непріязненный рокъ заблаговременно не предалъ ихъ смерти, а старость надежды чадородія не лишила. Простительно такое честолюбіе, хотя излишнее сокрушеніе, въ какомъ онъ и денно и нощно находился, Герою и не прилично; но слабости человѣческія, особливо при концѣ жизни, удобны ли разсуждать съ подобающею здравому разсудку силою? Гостомыслъ въ необходимости вознепщевалъ удовлетворить желанію своему удержаніемъ наслѣдства, по крайней мѣрѣ въ дѣтяхъ единыя изъ его дщерей. Такою щастливою мыслію побуждаемый, пошелъ онъ въ Колмо-или

Холмоградъ, вопросить боговъ о наслѣдіи. „Возшедъ, говоритъ Іоакимъ, на высокая, при- Іоакимъ.
„несъ онъ жертвы многи, и угобзи вѣщуны.„ Прорицатели рѣдко хотѣнію Государей не соотвѣтствуютъ; а потому Холмоградскіе жрецы велегласно предъ народомъ отвѣщали: „боги обѣщаютъ дать тебѣ наслѣдіе отъ ложеснъ твоихъ.„ Отвѣтъ неясный, но на первое моленіе обыкновенный, лестный вопросителю, невразумительный народу, но обоихъ мысли ко дщерямъ Гостомысловымъ наклоняющій. Политикъ нашъ, какъ будто непостижимости отвѣта ради, послалъ съ великими дарами въ Земголы (то есть въ Семигалію, или Курляндію), гдѣ славное также вѣщуновъ было капище, вопросить и отъ тамошнихъ Священниковъ яснѣйшаго отвѣта. Послы, оттуда возвратившіеся, принесли равный Холмоградскому отвѣтъ; и довольнобъ, кажется, было къ разрѣшенію сомнѣнія народнаго. Однакожъ къ вящшему священнаго сего обмана утвержденію присовокупляется еще басня, задолго Иродотомъ въ повѣствованіи о Кирѣ великомъ, Царѣ Персидскомъ, вымышленная. Ска- Іоакимъ.
зываютъ Писатели, якобы Гостомыслъ возлегъ нѣкогда опочинуть, и видѣлъ сонъ, въ которомъ мечталось ему, будто бы изъ чрева среднія его дщери, Умилы именуемой, произрасло древо плодовитое и сѣннолиственное, которое вѣтвіями своими весь покрыло великій Новградъ, а плодами всѣхъ земнородныхъ насыщало. Воспрянувшій, продолжаютъ Писатели, отъ сна Гостомыслъ призвалъ вѣщуны и вопросилъ мечтѣ толкованія. Тогда услужные жрецы не обинуясь уже объявили, что

отъ чрева Умилы, дщери его, будутъ ему наслѣдники, и вся земля Княженїемъ ихъ угобзится. Народъ, услыша о семъ, съ несказанною радостїю принялъ прорицанїе; ибо страшился происковъ сына большїя его дщери, мужа по природѣ сварливаго, мятежнаго, гордаго и властолюбиваго. По такому характера описанїю кажется, что былъ то Вадимъ, о коемъ Новоградскїй вѣщаетъ лѣтописецъ, якобы онъ между кончины Гостомысловой и пришествїя Рюрикова, о чемъ ниже объявится, производилъ мятежъ и междоусобїе между Новоградцы, и въ производствѣ ономъ лишился жизни. Естьли сказанїе лѣтописи подлинно въ Вадимѣ мятежникѣ сына старѣйшїя сестры представляетъ, то весьма необходимо потребно было и знанїе Персидскаго повѣствованїя Гостомыслу, чтобъ примышленнымъ сновидѣнїемъ отнять право большїя дщери; ибо изреченїе вѣщуновъ не опредѣляло, отъ которыя точно наслѣдникъ произыдетъ.

§ 12.

Кончина Гостомыслова и избранїе Рюрика, лѣта $\frac{6368}{360}$.

Такъ предуготовя по себѣ наслѣдство и конецъ живота своего прозрѣвъ Гостомыслъ, созвалъ вся старѣйшины отъ Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичь и Дряговичь, народовъ, какъ выше объявлено, составлявшихъ всю тогдашнюю Славяно-Руссїю. Собравшимся объявилъ отвѣты боговъ и сновидѣнїе свое. Потомъ увѣщевая ихъ и народъ къ единодушїю, совѣтовалъ по смерти его послать въ Варяги-Руссы, и просить Князя Рюрика съ братьями, чтобъ пришли правительствовать ими. Князи сїи были сыны дщери его Умилы, выданной

за единаго Варяго-Русскаго Князя. Владѣніе отца ихъ, какъ сказываютъ, находилось на заливѣ Финскомъ или Варяжскомъ, и кажется въ нынѣ существующемъ Выборгѣ и его окрестностяхъ; слѣдовательно не изъ Прусъ призваны были Рюрикъ съ братьями, ниже произходили они, какъ нѣкоторые мнятъ, отъ колѣна Кесаря Августа, но отъ Финовъ рода Варяго-Руссовъ, и потому они по природѣ Руссы, а по Княженію Варяги назывались. Такимъ образомъ назначивъ мудрый Гостомыслъ наслѣдниковъ, скончался; однако предосторожностію сею не воспрепятствовалъ онъ произойти мятежу въ Новѣградѣ. По кончинѣ великаго сего мужа вдругъ забвенны стали всѣ его учрежденія, и душа преставльшагося старца унесла съ собою душу общественнаго согласія. Воспрянули распри и междоусобія; возсталъ родъ противу рода, сталъ единъ предъ другимъ домогаться, не можно ли уловленіемъ черни жребій избранія на Княжескій получить престолъ. По долгомъ колебаніи народа, наконецъ благоразуміемъ нѣкоторыхъ, сѣдиною разума и власъ украшенныхъ мужей и Священниковъ безпристрастныхъ укрощено своевольство. Тишина на послѣднемъ Гостомысловомъ совѣтѣ и завѣщаніи основалась. Общественное согласіе, преодолѣвъ раздоры и мятежъ, опредѣлило къ Рюрику и братіи его отправить посольство, и препоручило отъ всего сословія сказать Князьямъ симъ: „Земля наша велика и всѣмъ „изобильна; суда только и расправы недо„стаетъ въ ней; пріидите правительствовать „нами. Вы правосудіе и тишину утвердить „въ насъ можете.„ На сіе прошеніе едва пре-

клонились Князья Варяжскіе. Вѣдали они непостоянство и нравственную суровость Новоградцевъ, и конечнобъ отреклись, естьлибъ велѣніе боговъ возпротивиться имъ дозволило. И такъ опасаясь за преслушаніе небесныя казни, склонился Рюрикъ снити на прошеніе Пословъ Новоградскихъ; и тогдажъ сей Россійскаго единодержавія основатель и праотецъ многихъ Государей прибылъ на Княженіе къ Славянамъ съ двумя братьями, со всѣмъ своимъ родомъ и со многими Варяго-Руссами. Хотя большая часть Новоградскихъ гражданъ между общими были просители, и хотя обширность града болѣе къ столицѣ приличествовала; однакожъ Новоградцы не восхотѣли впустить толь сильнаго въ стѣны свои Государя. Къ пребыванію его избрали они Старую Ладогу, и при самомъ прибытіи постановили съ нимъ договоръ, чтобъ внутрь Новаграда съ войскомъ не входить, но какъ ему, такъ и братьямъ его и всѣмъ приведеннымъ ими Князьямъ, сидя въ порубежныхъ крѣпостяхъ имѣть судъ и расправу, свобододержавіе Новоградскаго сословія наблюдая: правило, котораго всегда держались Новоградцы и никогда безъ крайняго насилія Князьямъ не попускали. Притомъ обязаны были Князья охранять предѣлы Государства, содержать тишину и благоденствіе народное. Изъ сего видно, колико Новоградцы въ разсужденіи вольности своей осторожны были; ибо и самъ призванный по общему Государственныхъ чиновъ избранію Рюрикъ не могъ безъ насилія постановить не только самодержавства, ниже единодержавія. Не единъ бо призванъ онъ былъ княжити Славянами, но три едино-

Лѣта 6370
862.

кровные брата, и не въ единый, но въ разные посаждены грады: Рюрикъ, какъ выше сказано, въ Старой Ладогѣ; среднїй братъ Синеусъ, или Синавъ, въ Веси, или на Бѣлѣ озерѣ, а меньшїй Труворъ въ Изборскѣ. Сїе есть истинное начало повѣствованїя о Славяно-Русскомъ народѣ, преданное намъ Іоакимомъ, Епископомъ Новоградскимъ, и доселѣ сему дѣеписателю нашему я послѣдовалъ. Теперь оставя на нѣкоторое время дѣянїя Новоградскїя, принужденнымъ нахожусь обратиться къ странамъ Югозападнымъ, собственно Россїю вмѣщавшимъ. Лѣтопись преподобнаго Нестора, черноризца Кїевопечерскїя Лавры, откроетъ намъ начало ветхаго града Кїева, и положитъ твердое основанїе къ общему о всей Россїи повѣствованїю.

ГЛАВА IV.

О созданїи Кїева и началѣ Рускаго повѣствованїя.

§ 13.

Преподобный Несторъ, жившїй, какъ выше объявлено, въ послѣдней половинѣ XI вѣка, есть источникъ нашего повѣствованїя. Онъ не всуе древнѣйшимъ Дѣеписателемъ Рускимъ зовется, но по тому, что не токмо по немъ бывшїе его списывали и продолжали, но и самые Польскїе творцы, какъ по многимъ доказательствамъ видно, повѣствованїе свое изъ него же почерпали. Хотя онъ, сказуя о прошедшихъ и задолго до него бывшихъ приключенїяхъ, во свидѣтельство никого изъ повѣствователей не приводитъ, и кажется, какъ

Пророчество Ап. Андрея о градѣ Кїевѣ.

будто бы свою единую лѣтопись достаточною кЪ убѣжденїю читателей почитаетЪ; однакожЪ мнится мнѣ, что вЪ подлинникѣ его можетЪ быть на нѣкоторыхЪ Писателей были ссылки, которыя чрезЪ многїя столѣтїя вЪ перепискахЪ невѣжествомЪ перепищиковЪ выкинуты, пропущены или пренебрежены; ибо писанїе его удостовѣряетЪ насЪ, что онЪ не по словеснымЪ преданїямЪ, ниже по вымышленнымЪ разсказамЪ писалЪ и приводилЪ вЪ порядокЪ свое повѣствованїе. Сказуемое имЪ почерпалЪ онЪ конечно изЪ какихЪ либо древнѣйшихЪ книгЪ и записокЪ, имЪ собранныхЪ. Доказательство сему, что брани со Греками Князей РускихЪ, Кїя, Оскольда, Олега, Игоря, Святослава, цѣлыми вѣками ему предЪидущїя, описываетЪ онЪ точно такЪ, какЪ мы оныя у ВизантїйскихЪ и РимскихЪ современныхЪ ПисателяхЪ находимЪ. ПритомЪ договоры со Греками, за 150 лѣтЪ до него бывшїе и вЪ сочиненїи его толь порядочно положенные, суть ничто иное, какЪ точные и несомнѣнные списки сЪ творцовЪ прежде его бывшихЪ. Паче всего свидѣтельствуетЪ за имство его, сказуемое имЪ пришествїе СлавянЪ на Дунай, нападенїе на нихЪ ВолотовЪ или РимлянЪ, и самое УгровЪ и АваровЪ вЪ Паннонїю нашествїе, яко бывшїя, многими вѣками его предварившїя и сЪ Греческими и Римскими и Венгерскими Писателями согласныя. Все сїе изслѣдовавЪ, не можно усомниться вЪ истиннѣ его сказанїя; и естьли гдѣ здравый разсудокЪ прекословитЪ вѣроятїю, то развѣ вЪ вещахЪ, до тогдашняго суевѣрїя касающихся или кЪ вышнимЪ наукамЪ относящихся.

Въ такихъ случаяхъ потщимся мы разсужденіемъ или догадкою своею одно исправить, другое дополнить, а все вкупѣ предлагать съ подобающею нынѣшнему любомудрїю исправностїю. Несторъ, подражая древнимъ Греческимъ повѣствователямъ, которые всѣ важныя начала къ чудесности относятъ, приписуетъ созданїе Кїева предсказанїю и благословенїю Святаго Апостола Андрея первозваннаго, сими словами говоря: „Идущу, начинаетъ онъ, сему Апостолу въ Римъ изъ „Синопїи, пришелъ онъ къ устїю Днѣпра, „и оттуда вверхъ по рѣкѣ сей плывущь, при„сталъ случайно надъ нѣкїими горами, на брегѣ „возносящимися. Тамо по ночлегѣ возставъ по „утру, рекъ ученикамъ своимъ: видите ли го„ры сїя? на сихъ бо горахъ возсїяетъ благо„дать Божїя, созиждется градъ великъ, и „церкви многи воздвигнетъ въ немъ Богъ. По „семъ возшедъ онъ на вершину горы, и благо„словивъ оную, водрузилъ животворящїй „Крестъ.„ На семъ-то мѣстѣ, продолжаетъ Несторъ, по многихъ вѣкахъ создался градъ, Кїевомъ проименованный. — Предложивъ пророчество сїе, присовокупляетъ къ тому Повѣствователь, что Апостолъ пошелъ отъ горъ сихъ на полнощь къ Славянамъ (*).

(*) Сїе преподобнаго Нестора сказанїе по многимъ обстоятельствамъ сомнительно, какъ изъ слѣдующаго удобь возможно видѣть. Хотя отъ устья Днѣпра вверхъ сею рѣкою мимо Кїева и возможно преплыть пособїемъ небольшаго Волока до рѣки Волоты и Ловати, и изъ оныя въ Ильмень озеро, а изъ него въ Волховъ, впадающую по тогдашнему названїю

созданіе Кїева. кн. I.

Въ примѣчаніи моемъ почелъ я долгомъ объявить мое въ отношеніи бытія сего сомнѣніе; а обращаясь къ созданію Кїева, долженъ напомянуть, что въ I й книгѣ повѣствованія нашего оставили мы Руссовъ и Россоланъ на Донѣ, Днѣпрѣ и на Волгѣ, то поселившихся, то кочующихъ; видѣли также и частно Славянъ, при случаѣ большаго въ полунощи мороваго повѣтрія, на Дунай и Днѣпръ, и особливо послѣ послѣдняго Славянска разоренія на Днѣпръ пришедшихъ

въ море Ладогу, или заливъ Нево, соединяющій Ладожское озеро съ Котлинымъ, или заливомъ Финскимъ, изъ котораго Восточнымъ, и потомъ прошедъ сквозь Зундъ Германскимъ или Сѣвернымъ, а изъ сего Манхскимъ между Англїею и Францїею заливомъ въ Тихій Океанъ, или Атлантическое море, и потомъ уже сквозь Гибралтаръ въ Средиземное море, откуда рѣкою Тибромъ въ Римъ приплыть ему надлежало. Такое трудное почти вокругъ всей Европы путешествїе могло бы облегчиться плаванїемъ отъ устья Днѣпра Чернымъ моремъ чрезъ Византїю, Архипелагъ или Греческое море, съ которымъ Средиземное соединено, и тужъ рѣку Тибръ, орошающую Римъ, въ себя прїемлетъ. Положимъ и то, что проповѣдь Евангелїя требовала странствованія Св. Андрея по странамъ дикимъ, морямъ и рѣкамъ, едва ли до Страбона землеописателя и Тацита Римскаго повѣствователя извѣстнымъ; или что Несторъ хотѣлъ показать свѣтъ Христїанства во тмѣ идолопоклонныхъ народовъ 1000 лѣтъ прежде православїя, и назвать сїе на Кїевскихъ горахъ Святаго Андрея бытїе первымъ Руссїи крещенїемъ, какъ оно въ Патерикѣ, Степенной книгѣ, Прологѣ и въ самомъ его и по немъ послѣдующихъ повѣствованїяхъ называется. Но не утверждая,

и Полянами, ради обширныхъ полей, назвавшихся. До пришествія ихъ туда обитавшія тамо разныхъ народовъ колѣна, кажется, по Иродоту, Страбону и Птоломею, были кочевыя, которыхъ особенно Страбонъ называетъ отъ горъ Кавказскихъ туда новопришельцами, и тѣмъ подаетъ догадку почитать ихъ Уграми и Аварами; ибо сіи Гуннами отъ Каспійскаго моря вытѣсненные, всѣ горнія Днѣпровскія заняли мѣста; а къ нимъ присоединилися Таможъ гл. 5.

ниже отрицая бытіе, можно то вопреки вѣщанію его сказать, что водруженіе креста не показуетъ еще не только крещенія, ниже проповѣди словесъ Христовыхъ. Апостоли, по вознесеніи на небеса Учителя, разсѣясь по лицу земли, проповѣдывали Евангеліе народамъ, а не горамъ, дремучимъ лѣсомъ покрытымъ, и крестили людей, вѣру воспріимающихъ, а не звѣрей, въ лѣсахъ обитающихъ. Во время Андреево на сихъ горахъ едва ли было людей обитаніе. По всѣмъ лѣтописямъ не видно по крайней мѣрѣ жителей, развѣ пріѣзжающихъ на ловитву звѣрей изъ кочующихъ въ степяхъ народовъ. Притомъ хотя Евсевій, кн. III, и говоритъ, что Апостолу Андрею по жребію досталось проповѣдывать въ Скиѳіи; но Григорій Назіанзинъ противъ Аріана Ор. III, кн. 1 и 2, объясняетъ, въ какой Скиѳіи, говоря: „онъ былъ у Саковъ и Сакжіанъ;„ а сіи, по свидѣтельству Иродота, Плинія и Птоломея, Скифами Персидскими, жившими между Персіи и Индіи, именуются. Другіежъ многіе Писатели во Флеріевой Церк. Ист. сказуютъ, что Андрей училъ въ Кападокіи, Пафлагоніи, Понтѣ, Вифиніи и до пустынь Скифскихъ, и что въ Ахаѣ, при рѣкѣ Фазисѣ во градѣ Апсарѣ страдалъ, замученъ и погребенъ. Августинъ, гл. XXXVIII изъ Дорофея

Славяне. Сїи послѣднїе, привыкнувъ къ сельскому общежитїю, не могли уже прїучиться къ скитанїю съ мѣста на мѣсто; а устроевая селенїя, купно съ объявленными Аварами особое колѣно Полянъ составили. Долгое протекло время, доколѣ военными дѣлами прославившїеся, и паче чрезъ сообщенїе съ Греками, издревлѣ въ великихъ градахъ внизъ по Днѣпру жившими, ко благонравїю прїобыкшїе, предпрїяли созданїе собственныхъ своихъ градовъ. Первый творенїя ихъ градъ былъ Кїевъ, многїе вѣки непрерывно столицею всея Руссїи бывшїй. Несторъ, о созданїи его повѣствуя, тако говоритъ: „Между Князей, жившихъ и владѣвшихъ въ древности особенными Полянъ родами, были три брата, храбростїю, мужествомъ и мудростїю паче другихъ знаменитѣйшїе; назывались они Кїй, Щекъ и Хоревъ; и они суть создатели града Кїева. Пришли они первые на тѣ благословенныя Св. Апостоломъ Андреемъ горы, и на вышшемъ холмѣ общими

Тирскаго о двенадцати Апостолахъ. — По сему сомнительно бытїе Святаго Андрея на горахъ Кїевскихъ; а еще меньше вѣроятно по тому, что онъ и въ Римѣ никогда не бывалъ; слѣдовательно объявленный и Несторомъ и Іоакимомъ путь его чрезъ Кїевскїя пустыни и Славянскїя земли былъ ему не нуженъ и весьма неудобенъ къ достиженїю Греческой Ахаїи; а потому напрасно первое крещенїе Руссїи въ его времена сказуется. Мы долго по семъ ни малѣйшихъ слѣдовъ тому не видимъ. Самъ Кїевъ, уже чрезъ многїе потомъ вѣки созданный, многїе еще вѣки въ идолопоклонствѣ пребывалъ и по созданїи.

силами созданный градъ во имя старшаго брата Кїевомъ прозименовали. Щекъ сѣлъ на горѣ Щековицѣ, и Хоревъ на горѣ Хоревицѣ, по именамъ ихъ прозвавшимся.,, Не грады, какъ нѣкоторые чаютъ, по именамъ ихъ такъ прозвалися; ибо Несторъ кромѣ единаго Кїева о другихъ градахъ въ началѣ не упоминаетъ; да и въ послѣдующемъ повѣствованїи градовъ Щековицы и Хоревицы, равно какъ и Лыбеда, по сестрѣ ихъ названнаго, не обрѣтаемъ. Уповательно, что были названы такъ урочища, на которыхъ загородные ихъ домы находились, гдѣ они жительствовали, когда Кїй, градомъ и всѣмъ пришедшимъ съ нимъ родомъ управляя, пребывалъ въ Кїевѣ. Горы такъ названныя составляютъ брегъ Днѣпра, и одна отъ другой отдѣляются удолїями, свирѣпостїю наводненїй причиненными; а рѣчка Лыбедь, на которой былъ домъ сестры сихъ Князей, впадаетъ въ Днѣпръ не болѣе версты ниже крѣпости, въ которой нынѣ Лавра Кїевопечерская, и рѣчка сїя по имени Княжны Лыбеди названа. При семъ не безнужно примѣтить, что Славяно-Руссы чуждыхъ именъ отъ самой древности ни отъ чьихъ языковъ не заимствовали, а прїобщали изъ своего собственнаго къ именамъ вождей рѣченїе *слава*, какъ-то: Святославъ, Ростиславъ, Ярославъ, и проч. Изъ сего видится, что имена Кїя и братовъ его, естьли не вымышленныя, то должны быть или Сарматскїя, или отъ урочищъ воспрїятыя; ибо горы на Сарматскомъ языкѣ Киви называются, и до созданїя Кїева частныхъ именъ горамъ симъ въ Писателяхъ не находимъ. Басняжъ, творящая Кїя перевоз-

чикомъ чрезъ Днѣпръ и многими за истинну принятая, ни малѣйшаго вѣроятія недостойна. Она произошла изъ того, что по созданіи уже Кіева находившійся подъ градомъ перевозъ назывался проходящими *Кіевъ перевозъ* вмѣсто Кіевскій; и можно ли Кію быть перевозчикомъ, когда онъ, по свидѣтельству тогожъ Нестора, ходилъ съ войскомъ въ Царьградъ, и бывъ на Дунаѣ, построилъ городокъ Кіевецъ, которой во время Несторово еще городище Кіевецъ назывался (*)?

§ 14.

Нравы Полянъ Кіевлянъ.

Братія, создатели Кіева, какъ повѣствуетъ не одинъ токмо Несторъ, но и всѣ по немъ Дѣеписатели наши, были мужи мудрые, кроткіе и правосудные. Мудрость ихъ познается въ созданіи и управленіи градовъ, въ такое время, когда дикость нравовъ въ сожженіи созданныхъ упражняла народы. Сорудить общество, и въ немъ правленіе политическое установить, есть свойство великаго ума и даръ премудрости. Александръ Македонскій сокрушалъ тѣла политическія; а Нума Римлянинъ учредилъ благонравіе въ суровости своевольнаго общества. Оба они въ повѣствованіи безсмертны; но единъ яко разбойникъ, а другій яко мудрый. Такъ истинное любомудріе судитъ о ихъ достоинствахъ. Таковыми Нумѣ подобными добродѣтельми славимые наши Рускаго политическаго тѣла соорудители могли скоро привлечь къ себѣ

(*) Смотри Нестора на стр. 9, печатный Кенигсбергской списокъ.

множество отъ окрестныхъ племенъ народа. Храбрость и воинскїе ихъ со щастїемъ труды учинили имъ союзными Древлянъ при дремучихъ лѣсахъ, и Радимичей на рѣкѣ Сожѣ, и Вятичей, по Окѣ живущихъ, и Бужанъ и Хорватовъ, и Дулебовъ и Любичевъ, и Тиверцовъ, по рѣкамъ Бугу и Днѣстру даже до Чернаго моря обитавшихъ. Поляне или, паче сказать, Руссы назывались тогда горными, когда полунощные Славянами Новоградскими нарицались. Сїе продолжалось дотолѣ, доколѣ общее наименованїе Руссїи оба тѣла во едино не слїяло. Сїи Поляне или Руссы, при почитанїи праотцовъ многобожїя, приносили жертвы между прочимъ озерамъ, источникамъ и многимъ растѣнїямъ; а солнце и огнь, яко главнѣйшее вещество, боготворили. Нравы и обычаи ихъ были кротки. Почтенная стыдливость къ мачихамъ и снохамъ, и отъ сихъ къ свекрамъ и деверьямъ, благонравную тишину въ семьяхъ содержала. Хотя многоженїе и не было запрещено, но бракъ совершался у нихъ при обязательствахъ обоюдныхъ. Невѣсту, по условїю между родителей, приводили къ жениху въ навечерїе, а поутру приносили вено, или приданое; женихижъ за низость себѣ почитали ходить за невѣстою, предпоказуя тѣмъ будущую надъ женами свою власть. Главное упражненїе ихъ состояло въ дѣйствїяхъ воинскихъ, въ ловитвѣ и стрѣлянїи звѣрей по лѣсамъ, Кїевъ окружающимъ. Касательножь до нравовъ и обычаевъ другихъ союзныхъ и подвластныхъ имъ народовъ не оставимъ мы упоминать при ихъ дѣянїяхъ въ связи повѣствованїя нашего.

Г. Татищевъ, ч. I.

§ 15.

Созданіе и состояніе Кіева и его правительства, лѣта 532.

Градъ Кіевъ создался около первыя половины V по Рож. Хр. столѣтія, и чаятельно, что тогда же правленія уставъ въ немъ основался; ибо какое бы политическое тѣло ни было, безъ установленія законовъ утвердиться не можетъ. Могущество Кіевскаго Княженія расло и разширялось подъ единодержавствомъ объявленнаго Князя Кія; понеже бывъ онъ, по свидѣтельству Нестора, искусный Военачальникъ, многажды по примѣру другихъ Сѣверныхъ вождей находилъ на Грецію и къ самому Царюграду, побѣждая народы и свои обогащая. По смерти же его и братій, кто были въ Кіевѣ правители, неизвѣстно до Оскольда и Дира, то есть до конца IX вѣка; однакожъ то достовѣрно, что между симъ временемъ многажды Кіевляне преодолѣны и притѣснены были Древлянами и иными окольными народами. Несторъ повѣствуетъ, что нѣкогда Козары, жившіе въ лѣсахъ, одолѣвъ сѣдящихъ на горахъ Полянъ, возложили на нихъ дань; а Руссо-Поляне, или не имѣя, или не хотя что лучше имъ дати, умыслили между собою, якобы во свидѣтельство бѣдности своей дать имъ съ каждаго дома по мечу. Козары, съ радостію великою сіе пріявъ, возвратились во свояси и старшинамъ своимъ побѣду возвѣстили, говоря: „Покорили мы Полянъ, на горахъ брега Днѣпровскаго сѣдящихъ, и дань новую обрѣли отъ нихъ. Старѣйшіе вопросили ихъ, какую дань они получили, и гдѣ она? Побѣдоносцы едва токмо „показали данные имъ мечи, какъ ужаснув-

шіеся старцы возопіяли: „пагубна дань сія!„ и по таком восклицаніи вождю говорили: „Княже! мы оружіемъ единаго остреяз, то „есть, саблями доставили себѣ и пищу и по„кой; а сіе оружіе обоюду остро есть, и „тѣмъ предвѣщаетъ намъ, что сіи побѣжден„ные тобою люди будутъ со временемъ намъ „и другимъ народамъ побѣдители. Они въ „крѣпости силъ своихъ вознесутся надъ нами; „взымутъ дань съ насъ и на иныя страны „возвергнутъ.„ Сбылось пророчество ихъ, и время истинну предчувствованія утвердило.

§ 16.

Во времена сіи сказуется Несторомъ о крещеніи Болгаровъ, яко единоплеменныхъ Полянамъ. Лѣта $\frac{6366}{858}$ Михаилъ, Греческій Царь, „имѣлъ съ войски своими походъ брегомъ и „моремъ противъ Болгаръ, на Дунаѣ жившихъ. „Болгары, видѣвше силъ его превосходство, „не нашли ко спасенію лучшаго средства, какъ „покориться Грекамъ и просить о крещеніи „ихъ въ вѣру Христіанскую. Подданства ихъ „не отвергнулъ Царь Михаилъ, и окрестивъ „ихъ Князя со всѣми Бояры, даровалъ имъ „миръ въ седьмое лѣто царства своего (*).

Крещеніе Болгаръ лѣта 6366 858.

(*) Сіе Несторово повѣствованіе Татищевъ признаетъ неосновательнымъ. Сей неутомимый отвсюду и всяческихъ древностей нашихъ собиратель говоритъ, прибавляя къ Нестору, „что плѣнная Князя Болгарскаго сестра, бывъ „воспитана при Дворѣ Царя Греческаго Миха„ила, была крещена и научена Священному „Писанію, и промѣненная потомъ на Царскаго „Боярина Федора Кифора, у Болгаръ въ плѣну

Сїе, по сказанїю Нестора и Іоакима, было первое Болгаръ крещенїе; а лженосный Польскїй писатель въ противность имъ прибавляетъ, что оно было первое Рускихъ крещенїе. Дѣйствительножъ не было оно ни Болгаръ, ни Русовъ крещенїе, а Богера, Князя Моравскаго, и по немъ Святополка, Ростислава и Коцеля, Князей Моравскихъ. Княженїе ихъ, Моравїею зовомое, отъ малой Польши къ Западу лежало, и столичный градъ ихъ по рѣкѣ Равѣ въ древнїя времена Рава назывался. Моравы, кажется мнѣ, что были Славяно - Полянамъ соплеменны, и можетъ быть, что отъ ихъ крещенїя, подобно какъ отъ твердаго камня и огнива усѣкаемыя искры окрестно разсыпаются, упали нѣкоторые слабые лучи и въ Кїевское сословїе; но сїе есть токмо догадка, а не достовѣрное Христїанства въ странахъ сихъ начало.

„бывшаго, изучила брата своего вѣры Христїанскїя. Онъ хотѣлъ тогда же воспрїять „оную; но не дерзнулъ, ропшанїе вельможей „услыша, и опасаясь, чтобъ его не убили.„ Объявивъ сїе, Татищевъ примѣчаетъ однакожъ, что неправильно почитаетъ Болгаръ за Князей Моравскихъ, а тѣмъ вящше въ Синопсисѣ погрѣшено въ названїи Болгаровъ Руссами. Кто былъ сочинитель Синопсиса, не извѣстно; но токмо имовѣрно, что сїя книжка въ весьма новыхъ вѣкахъ сочинена, и имянно при Петрѣ Могилѣ, Митрополитѣ Кїевскомъ, и въ томъ же столѣтїи первымъ тисненїемъ на языкѣ Польскомъ издана, а потомъ на Руской преложенная, многократно издавана. Лѣтопись сїя есть ничто иное, какъ краткая выписка изъ Польскихъ писателей, а особливо

§ 17.

Естьли сказанїе о Болгарскомъ крещенїи къ чему нибудь для насъ не тщетно, то развѣ для того, что при немъ упоминается, якобы при семъ случаѣ Константиномъ любомудрцемъ Солунскимъ, купно съ тѣмъ же Меѳодїемъ сочинены Славянскїя буквы, и отъ Царя Михаила къ Богарису присланы. Ниже въ своемъ мѣстѣ потщуся я объявить, осно- Порядокъ соединеннаго о Славяно-Руссахъ повѣствованїя.

изъ баснословца Стриковскаго. Она преисполнена несходства съ нашими предыдущими Полякамъ повѣствователями, изъ коихъ и первый писатель Викентїй Кадлубокъ и самъ Стриковскїй хотя по тщеславїю не признаются, но достовѣрно уличить возможно, что почерпали они изъ нашихъ, особливо изъ Нестора; слѣдовательно Синопсисъ есть мутной колодезь, погрѣшностей и заблужденїй; чего ради я ни въ какомъ случаѣ на него полагаться и въ свидѣтельство вѣщанїю моему приводить не смѣлъ. Синопсисъ, сказуетъ Татищевъ, согласуется съ Баронїемъ, изъ Куропалата сказанїе взявшимъ, ,,что Богарисъ, ,,Князь Болгарскїй, по наученїю сестры своей, ,,крещенїе воспрїялъ, и названъ Михаиломъ, и ,,что къ сему паче приведенъ былъ Меѳодїемъ ,,черноризцемъ, изображавшимъ ему въ живописи страшный судъ Господень, и показавшимъ ,,въ картинѣ сей, какъ праведные и право- ,,славные прїемлютъ вѣнцы блаженства вѣчнаго, ,,а грѣшные и идолопоклонники во огнь вметаются (*). Видѣнїе толь страшное убѣдило его

(*) О сей картинѣ см. Г. Татищ. I. кн. гл. 3. листъ 27. § IX. Онъ сказываетъ, что она во время ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I. была во Гданскѣ, и что сей Государь купить ее хотѣлъ.

вательно ли сїе о изобрѣтенїи буквъ извѣстїе, и точно ли онѣ были тѣ, кои нынѣ Славянскими почитаются; а отсюда обращусь къ Великому Новуграду и къ прибывшимъ на управленїе Сѣверныхъ Славянъ, изъ Варяго-Руссовъ призванныхъ Князей. Не баснословное предлежитъ мнѣ отсюда повѣствованїе, но истинное лѣтоизчисленїемъ и Дѣеписателями нашими утвержденное. Соединенные кровїю и по общей пользѣ между собою согласные братїя, Рюрикъ, Синавъ и Труворъ, въ разныхъ градахъ частно народами управляя, въ своихъ частяхъ уже утвердились, и шатающїеся разномысленнаго тѣла члены крѣпкимъ союзомъ единодушнаго правленїя уже связали, когда Промыслъ о устроевающейся Россїи иное предопредѣлилъ событїе. Не долго тройственное ихъ правленїе продолжалось. Чрезъ два по призванїи ихъ лѣта, Синавъ и Труворъ, естественною скончавшись смертїю, оставили единому Рюрику о всей земли попеченїе. Сей, по смерти братовъ своихъ вступя въ управленїе Россїи и внѣшнїя ни съ кѣмъ войны не имѣя, прилежалъ въ устроенїи тишины, покоя, расправы и правосудїя. Новградъ, яко всего государства столица, вящшее занималъ его вниманїе; въ немъ вводилъ онъ порядокъ, насажден-

Лѣта 862. Несторъ.

Записки касат. Рус. Ист. час. V. л. отъ рож. Хр. 864.

Іоакимъ.

„къ премѣненїю вѣры: крестился онъ, и тѣмъ „воздвигъ подданныхъ противъ себя; но побѣ„дивъ и усмиривъ ихъ, нѣкоторыхъ во святое „крещенїе привелъ.„ Готфридъ въ лѣтописи своей сказуетъ, что Богеръ, или Богарисъ крещенъ у Константинополя 841 лѣта по Рождествѣ Христовѣ.

ную Гостомысломъ расширялъ торговлю и умножалъ обогащенїе, а суровость народнаго своенравїя укрощалъ и въ законное приводилъ повиновенїе. Но прїобыкшїе къ своеволїю Новоградцы, вмѣняя благоустройство въ тягость и попеченїе въ неволю, взволновались и мятежъ учинили. Нѣкто знатный изъ нихъ, Вадимъ именемъ, мужъ храбрый, власти надъ собою не терпящїй и къ возмущенїю склонный, возроптал на Правителя, и скоро единомыслящихъ къ себѣ присовокупя, сталъ совѣтовать, какъ бы избыть Рюрикова правленїя. А понеже рушители общественнаго покоя, начинающїе воздвизать междоусобїя бурю, обыкновенно ласкаются, что привергнувшїйся къ нимъ народъ никого достойнѣе ихъ къ заступленїю власти не поставитъ: то сею мечтою предубѣжденный Вадимъ въ твердомъ былъ упованїи, что, по низверженїи Рюрика, никто, кромѣ его, на Княженїе избранъ не будетъ. Такое самолюбїе разторгло скромности предѣлы и дерзновенно понудило его говорить предъ народомъ, что Рюрикъ, призванный единственно на подобное Гостомыслу свобододержавное управленїе, хощетъ все сословїе Новоградское привесть въ рабство, и въ роды родовъ утвердить въ немъ самодержавїе. Скоро слова его мятежную воспрїяли силу. Уже не ропотанїе, но дѣятельность открываться стала; уже вооруженные крамольники покрыли площади и стогны, и общее во градѣ господствовало волненїе. Когда Рюрикъ, услышавъ возмутительныя Вадимовы рѣчи и узнавъ о злоумышленныхъ скопищахъ, поспѣшилъ въ мятежный градъ съ Варяго-Руссами своими, внеза-

инностію скораго пришествія поразилъ онъ мятежниковъ, поймалъ начинщика Вадима, и, не продолжая слѣдствія, казнилъ его смертію со всѣми главными сообщники. На такомъ камени создалось единодержавіе полунощныя Россіи.

ГЛАВА V.

Правленіе Рюрика, первымъ Великимъ Княземъ нареченнаго.

§ 18.

Рюрикъ I, Великій Князь въ Новѣградѣ, лѣта отъ Р. Х. 863.

Рюрикъ, приведшій иныхъ грозою къ боязни, иныхъ силою къ послушанію, иныхъ правосудіемъ и милостію къ любленію себя, утвердился на Княженіи. Престолъ изъ Старыя Ладоги пренесъ въ Новградъ и Великимъ Княземъ первый проименовался. Іоакимъ повѣствователь, Грекъ по природѣ, производитъ наименованіе сіе отъ реченія Греческаго *Архикраторъ*, то есть, вышній вождь или правитель; ибо слово *Князь* просто ничто иное, какъ Вождя знаменуетъ. Прилично было таковое наименованіе Рюрику въ отношеніи ко многимъ подвластнымъ ему Князьямъ, для ознаменованія ихъ подданства, а его преимущества и верхней надъ ними власти; ибо

Несторъ.

онъ, единоначальствуя надъ многими землями, роздалъ Боярамъ своимъ, подъ именемъ Воеводъ или Князей, многіе грады и области на управленіе, и отпустилъ ихъ съ Варяго-Руссами, инаго въ Полоцкъ, инаго въ Ростовъ; единому далъ Изборскъ, другому Бѣло озеро,

а нѣкоторымъ Смоленскъ и Муромъ. Изъ таковыя раздачи видна какъ древность градовъ сихъ, такъ и политика Рюрикова, которая въ то устремлялась, чтобъ, смѣсивъ Варяго-Руссовъ со Славянами и Чудью, составить единое тѣло и единъ народъ. До смѣшенія сего жили, по свидѣтельству Нестора, въ одномъ токмо Новѣградѣ и Изборскѣ Славяне, въ Полоцкѣ же Кривичи, въ Ростовѣ Меря, на Бѣлѣ озерѣ Весь, а въ Муромѣ Мурома; и разныя правительства, хотя и подъ зависимостію Новоградскаго, составляли, какъ то изъ позыву на государственный Сеймъ старшинъ ихъ при Гостомыслѣ мы видѣли; но по таковомъ соединеніи восприявъ самодержавіе въ Новѣградѣ Рюрикъ, и учинивъ Варяго-Руссовъ господствующими надъ всѣми вышереченными землями, прозвался Рускимъ Великимъ Княземъ. „Отъ сего времени, говоритъ лѣтописецъ Іоакимъ, славится Русская земля, иже суть Новоградстіи людіе, прежде бо Славяне нарицавшіеся.„ Такимъ-то образомъ изчезло почти древнее Славянъ имя и въ наименованіи Русью поглощено стало. Рюрикъ, по смерти отца своего, присовокупилъ къ толь великому Рускому владѣнію еще и въ оставленной имъ странѣ надъ Варягами наслѣдство (*), и жи- Несторъ.

(*) Рюрикъ пришелъ изъ-за Ладожскаго озера, моремъ имяновавшагося, то есть изъ Финовъ, или Финландіи. Въ запискахъ, касательно Руской Исторіи, Ч. V. стр. 3, сказуется, что по кончинѣ Финскаго Короля, отца Великаго Князя Рюрика I, овладѣлъ онъ Варяго-Руссами.

шелей данниками своими учинилъ. Такъ единодержавствуя большею частію всего Сѣвера, все къ благоденствію его поспѣшествовало. Миръ отвнѣ и тишина внутрь предѣловъ творили его Государемъ благополучнымъ, а нѣжная любовь супругомъ щастливымъ. Имѣя многихъ женъ, могло его сердце избрать достойную, и отмѣнно любилъ онъ Эфанду, дщерь нѣкоего Князя Урманскаго (*), которой, по рожденіи отъ нея сына Игоря, далъ въ обѣщанное *вѣно* градъ съ областью Ижорскою (**).

§ 19.

Отшествіе Оскольда и Дира въ Кіевъ.

По вышереченнымъ градовъ и земель раздѣленіи, остались безъ удѣла два знаменитые и родомъ и храбростію мужа, Оскольдъ и Диръ

(*) Урманія почитается областью въ Швеціи. Татищевъ думаетъ, что она есть Баеромъ называемая Раумдалія. Несторъ полагаетъ Урманцовъ между Варяги, что и сходно съ Баеромъ, естьли Швецію почитать за область Варяжскую. Но чья дочь Эфанда, я ни въ Пуффендорфѣ, ни въ другихъ Писателяхъ не обрѣтаю.

(**) *Вѣно*. Невѣсты не приносили тогда приданаго, какъ и нынѣ у Государей большею частію ведется, кромѣ права наслѣдственнаго. *Обѣщанное вѣно*, то есть: при условіяхъ брака назначенная Ижора ей дана была по рожденіи Игоря. Видно, что условія были таковы, чтобъ дача сея вѣны была наградою сына первенца; и послѣ сей же Ижорской предѣлъ Ярославъ I. далъ Княгинѣ своей Ингегирдисѣ въ вѣно. Вѣно называется и приданое за невѣстою и то, за что женихъ покупалъ невѣсту. См. Татищ. Ч. II. прим. No 188.

называвшїеся. Писатели не объявляютъ, какїя ради причины Рюрикъ равною съ другими не сверсталъ ихъ частїю: хотѣлъ ли, яко ближнихъ родственниковъ, держать безотлучно при Дворѣ своемъ, или яко чужеродцевъ не призналъ достойными къ награжденїю. Сихъ однакожъ мужей видимъ мы въ повѣствованїи нашемъ, яко Героевъ, великими воинскими дѣлами прославившихся, и о житїи и дѣянїяхъ ихъ сугубое имѣемъ преданїе. Единые Писатели сказуютъ, что „Поляне и Горяне, по Днѣпру „живущїе, во время Рюрикова въ Новградъ пришествїя были утѣсняемы отъ Козаръ, кои, „обладая градомъ Кїевомъ, тяжкую имали съ „нихъ дань, и принуждая на себя работать, „изнуряли рукодѣлїемъ несноснымъ. Сїи Руссы, „Славянамъ единоплеменники, услыша о Рю„риковомъ правосудїи и могуществѣ, прислали „къ нему Пословъ съ прошенїемъ, да пошлетъ „къ нимъ сына своего, или единаго изъ „Князей своихъ, на управленїе ими и на изба„вленїе отъ Козаръ.„ Послы, при прошенїи Великаго Князя, паче всего единородствомъ со Славянами къ жалости его побуждали. Рюрикъ, снизшедъ на ихъ прошенїе, далъ имъ Оскольда и войска съ нимъ отпустилъ. Другїе напротивъ того вѣщаютъ, якобы „Оскольдъ „и Диръ, сами возжелавъ оружїемъ прїобрѣсти „себѣ щастїе, просили у Рюрика дозволенїя, „итти съ родомъ и людьми своими къ Царю„граду, гдѣ чаяли храбростїю и мужествомъ „своимъ искать славы, корыстей и земель на „поселенїе, и увольненїе получили.„ Разнорѣчїе сїе не важное, но показующее, что первый повѣствователь Іоакимъ хотѣлъ явить Нова-

Іоакимъ.

Несторъ.

града могущество, а второй НесторЪ КіевлянЪ отЪ Рюрика независимость показать желалЪ; обажь вЪ странствованіи и дѣяніяхЪ Оскольдовыхъ, вЪ отношеніи Крестовыхъ тогдашняго времени походовЪ, согласны суть, какЪ и вЪ слѣдствіи мы увидимЪ. Великая между ими разность вЪ томЪ только примѣчается, что Іоакимъ обЪ одномЪ Оскольдѣ, а не о двухЪ говоритЪ ГерояхЪ, и хотя прямо сыномЪ (*) РюриковымЪ его не имянуетЪ; но обстоятельствами утверждаетЪ, что онЪ безЪ сомнѣнія былЪ сынЪ его. Кіевляне, сказуетЪ онЪ, просили у Рюрика сына. Какогожь просить бы имЪ сына? Ингорь или Игорь тогда хотя и родился, но былЪ еще младенецЪ; а иного никто изЪ повѣствователей сына Рюрику не приписуетЪ: слѣдовательно и не противно здравому разсудку заключить, что ОскольдЪ былЪ пасынокЪ Ефанды, любимѣйшей Рюриковой супруги. ВЪ доказательство умозаключенію сему служитЪ и самое изЪятіе его изЪ числа Князей удѣльныхЪ: ибо ему, яко наслѣднику престола, удѣла не слѣдовало; а при себѣ держать его возбраняла можетЪ быть ненависть мачихи, собственнаго отЪ ложа ея сына имѣющей. ВЪ утвержденіе сему вѣро-

прим. г. Тат. част. I. л. 47 и 48. часть II. л. 563.

(*) ВЪ запискахЪ касательно Руской Исторіи на стр. 3. Ч. V. имянуется онЪ пасынкомЪ Великому Князю Рюрику, котораго якобы послалЪ онЪ княжити вЪ КіевЪ; но ежелибЪ онЪ былЪ пасынокЪ, тобЪ не было кажется никакія причины отлучать его; ибо РюрикЪ имѣлЪ сына Игоря законнаго наслѣдника, и супруга его конечно иныхЪ дѣтей, кромѣ Игоря, не имѣла: слѣдовательно РюрикЪ пасынка имѣть не могЪ.

ятному доказательству не излишно примѣтить и то, что пасынокъ на Сарматскомъ языкѣ называется Тирарь, а испорченное по свойству выговора премѣною буквы Т въ Д будетъ Дирарь, понеже Сарматы букву Т не выговаривали. Несторъ, кажется, по незнанію Сарматскаго языка составилъ изъ словъ Тирарь (пасынокъ) и Оскольдъ два нарицательныя имена, и оставилъ довершить ошибку свою неисправнымъ переписчикамъ, кои наконецъ изъ Диралия сдѣлали уже Дира. Хотя во всѣхъ съ повѣствованія Несторова спискахъ видимъ мы Оскольда и Дира въ Кіевѣ яко двухъ особенныхъ мужей; но въ прекословіе тому во всѣхъ воинскихъ походахъ и дѣяніяхъ и при самой кончинѣ объ одномъ токмо Оскольдѣ сказаніе обрѣтаемъ. Не взирая однакожъ на то, повѣствованіе Несторово преодолѣло, и всѣ какъ наши, такъ и внѣшніе дѣеписатели, не зная Іоакима, ему послѣдовали. Сего ради хотя и ясно видимъ мы истинну Несторовой, или переписчиковъ его ошибки; но не можемъ избѣжать общественнаго предразсужденія, не взирая и на то, что Диръ никакого важнаго въ повѣствованіи нашемъ лица не занимаетъ, и потому предлогомъ пренія быть недостоинъ.

Рюрикъ I. лѣта 865.

§ 20.

Оскольдъ и Диръ прихо-дятъ къ Кіеву.

И такъ слѣдуя Нестору скажемъ, что Оскольдъ и Диръ, два знаменитѣйшіе Двора Рюрикова Вельможи, по увольненіи отъ сего Государя, предпріяли путь къ Смоленску, и оттуда на судахъ пошли внизъ рѣкою Днѣпромъ ко Царюграду. Достигнувъ до земли Полянской, увидѣли они на горѣ великій градъ,

Несторъ, лѣта 866. и тамо живущихъ вопросили: кому подвластенъ оный градъ? На сїе отвѣтствовано отъ жителей: „что три брата Кїй, Щекъ и Хоревъ создали его во имя перваго, и уже всѣхъ ихъ давно нѣтъ на свѣтѣ. Жители долго благоденствовали подъ управленїемъ старшинъ своихъ; но нынѣ по нещастїю своему побѣжденные платятъ, яко невольники, дань Козарамъ, хотя и свободные люди суть.„ По таковомъ извѣстїи Оскольдъ, или гражданами приглашенный, или насильно вшедшїй, остался во градѣ. Сопутники его Варяги, къ нему присовокупясь, возвели его на Княженїе; и сталъ онъ княжити не токмо въ Кїевѣ, но и надъ всѣми Полянами. Не видно, чтобъ о толь щастливомъ прїобрѣтенїи увѣдомилъ онъ Рюрика, или бы новое свое владѣнїе прїобщилъ въ зависимость Новоградскаго сословїя. Молчанїе Писателей отщетило владѣнїе его на долгое время отъ странъ полунощныхъ, и всяческое сношенїе съ Новымградомъ пресѣкло. Между тѣмъ въ Югѣ открылъ онъ владычество свое кровавою войною противъ Древлянъ и Угличанъ, живущихъ на рѣкѣ Углѣ, впадающей въ Днепръ, и нынѣ кажется Орельмъ называемой. Неизвѣстно о успѣхахъ сея войны, но удобь возможно изъ послѣдствїй, являющихъ приращенїе его могущества, заключать, что щастїе и въ семъ случаѣ, какъ и при завладѣнїи Кїева, благосклонно ему было. Потомъ сказуетъ лѣтопись наша о другой, въ томъ же году, его войнѣ съ Болгарами, гдѣ яко бы убитъ единородный его сынъ. Кратко, но обстоятельно о сей послѣдней войнѣ упоминаетъ нашъ Несторъ лѣтописецъ, и тѣмъ лишаетъ

Несторъ.

насъ удобности опредѣлить точно, съ едиными ли Болгары, или въ тожъ время и со Греки воевалъ Оскольдъ. Походъ его на Царьградъ, непосредственно по войнѣ Болгарской бывшій, можетъ быть мимоходную надъ Болгары побѣду, при которой убитъ и сынъ его, включаетъ; ибо внѣшніе Писатели утверждаютъ одну только со Греками войну, называя ее вне-сенною Скифами изъ за горъ Таврійскихъ. О ней и Фотій, Патріархъ Цареградскій, въ окружныхъ его грамотахъ всѣмъ Патріархамъ объявляетъ, говоря: „что изшедъ сильной Рускій народъ страшное чинитъ по пути разореніе.„ И такъ не вступая въ рѣшеніе, одна ли или сугубая война, во единый походъ сліянна, послѣдуемъ вѣщанію Нестора, которой о Цареградскомъ походѣ съ большею подробностію изъясняется. Утвердясь на владѣніи, Оскольдъ собралъ тогожъ 866 отъ Рожд. Хр. лѣта сильное войско, и пошелъ на ладіяхъ внизъ Днѣпра ко Царюграду. Сіе было въ четвертое надесять лѣто царствованія Царя Михаила, которой находился тогда въ походѣ противъ Агарянъ, и у Черной рѣки (*) съ воинствомъ своимъ стоялъ. Оскольдъ, во двухъ стахъ судахъ приставши ко брегамъ Греческимъ и многимъ убійствомъ разоривъ окрестныя мѣста,

Кедринъ, Т. II. Зонаръ, Т. II.

Рюрикъ I. лѣта 866.

(*) Черная рѣка у Грековъ называется Мавропотамонъ. Она имѣетъ источникъ свой на горѣ Родопѣ и впадаетъ неподалеку отъ Фракійскаго Херсониса въ Эгейское море, котораго пріемлющій ее заливъ, по имени сей рѣки, sinus Melanicus называется. Византійской Исторіи выписки Ч. III. стр. 4.

прошелъ уже изъ Чернаго моря проливъ Константинопольскій и облегъ Царьградъ. Увѣдомленный о томъ чрезъ своего Епарха (*), Михаилъ поспѣшно прибылъ на освобожденіе столицы, но съ нуждою едва въ оную пробраться могъ. Прибытіе его ознаменовалось не устроеніемъ отпора врагамъ, какъ бы чаять надлежало, но по обыкновенію Грековъ шествіемъ въ Лахернскую церковь, гдѣ онъ съ Патріархомъ Фотіемъ всю нощь въ молитвахъ и молебствіи препроводя, на утріе рано повелѣлъ вынесть на брегъ ризу Пресвятыя Богородицы. Тишина господствовала тогда въ заливѣ, когда погрузили въ воду сію святыню; но вдругъ чудодѣемою силою поднялась внезапу великая буря, и Рускія суда пригнавъ ко брегу, иныя разбила, иныя въ свирѣпыхъ потопила волнахъ. Оскольдъ, потерявъ великое множество своихъ соподвижниковъ, спасенный съ остатками возвратился во свояси, и въ Кіевъ плачь и рыданіе принесъ съ собою (**).

(*) Епархъ, чинъ государственный, на языкѣ Рускомъ Градоначальникъ или Намѣстникъ значущій.

(**) Внѣшніе Писатели, яко то Грамматикъ Леонъ въ Хронографѣ и Мгофъ Ист. Т. III., Кедринъ и Стриковскій объявляютъ, по свидѣтельству Татищ. кн. II. пр. 56., и о крещеніи Оскольдовомъ, будто бы устрашенный толь чрезъестественнымъ чудомъ оставилъ онъ при семъ случаѣ Пословъ въ Царѣградѣ и самъ святое крещеніе воспріялъ чрезъ присланнаго къ нему отъ Греческаго Царя Митрополита Михаила. Стриковскій прибавляетъ къ сему о новомъ чудеси, при проповѣди Евангелія Михаиломъ сотворенномъ;

§ 21.

По возвращеніи отъ Царяграда Оскольда, видимъ его щастливо воююща противъ Печенегъ, Кривичевъ. Война сія продолжалась около трехъ лѣтъ; но какія имѣлъ онъ отъ нее выгоды, въ Дѣеписателяхъ не обрѣтаемъ. А какъ и до самыя его кончины ничего по семъ въ повѣствованіи о дѣяніяхъ его не упоминается; то мы, оставя Героя сего въ спокойномъ Кіевлянами обладаніи, обратимся къ великому Новуграду. Рюрикъ, убіеніемъ храбраго Вадима самодержавіе пріобрѣтшій, забылъ, что Кончина Рюрика, лѣта 879.

будто бы Святитель Михаилъ при преніи о вѣрѣ, въ доказательство единства истинны вѣры Христіанскія, повергъ въ разведенный огнь Святое Евангеліе, которое неопалимо свирѣпость пламени пощадила. Несторъ о семъ молчитъ; а въ Іоакимѣ о крещеніи Оскольда видно, что было писано, но утрачено; однакожъ Татищевъ таможъ примѣчаетъ, что о крещеніи Оскольда въ нѣкоторыхъ съ Нестора спискахъ находится, а изъ другихъ выкинуто. Но кажется, и самъ Несторъ утверждаетъ бытіе при убіеніи Оскольда. Я изслѣдованіе чудесъ, яко до церковнаго повѣствованія принадлежащее, оставляю Богословіи. Любомудріе молчитъ, гдѣ дѣйствуетъ всемогущество Божіе. Но въ отношеніи крещенія Осколвдова, миновать дѣянія сего не позволила мнѣ вѣрность свѣтскаго повѣствователя, тѣмъ паче, что Несторъ утверждаетъ оное при убіеніи Оскольда, какъ-то ниже въ самомъ повѣствованіи открыться неминуемо долженствуетъ; ибо сказуетъ онъ между прочимъ, „что бывшіе тогда въ Кіевѣ Христіане воздвигли надъ гробомъ его церковь Святаго Николая, которая, яко первая во всей Россіи,

благоразумïе обязуетъ его уважать природную свободу покоренныхъ ему Славянъ, и попустилъ излишне властвовать надъ ними Руссо-Вяряговъ. Огорченные симъ преимуществомъ Славяне опасались, чтобъ и въ сущее не повергъ ихъ рабство, и бѣжали многïе въ Кïевъ. Не видно, чтобъ Рюрикъ возбранялъ ихъ побѣгу, или почитая Кïевъ державѣ его принадлежащимъ, или намѣряясь оружïемъ покорить его, или же наступившею уже одержимъ старостïю. Между тѣмъ отъ любимѣйшей супруги его Ефанды имѣлъ уже онъ сына, Ингоремъ или Игоремъ нареченнаго. Игорь родился въ 875 году (*), и хотя сïе упущено въ

Татищ. к. II. стр. 13.

примѣчанïя достойна.,, Впрочемъ повѣствованïе о Оскольдѣ, по возвращенïи его изъ похода отъ Царяграда, ничего о Христïанствѣ не упоминаетъ; и естьли Митрополитъ Михаилъ произвелъ чудо неопалимаго Евангелïя, такъ развѣ то не въ Кïевѣ, а въ Болгарахъ; ибо въ 867 году крещена Болгарская земля, и Царица Θеодора, по свидѣтельству Татищева, кн. II. стр. 13. и прим. No 56. стр. 365., и Нестора стр. 18. подъ л. 869., отдала ее Симеону, который отъ того времени Царемъ сталъ именоваться, а земля нареклась Загорïею.

(*) Записки касательно Рускïя Исторïи Ч. V. стр. 4. — Нигдѣ года рожденïя Игорева, кромѣ сихъ записокъ, не объявляется; но въ Несторовомъ печатномъ спискѣ полагается оно между 12 лѣтъ до кончины Рюриковой, сряду отъ 867 до 879 году написанныхъ. Татищевъ, въ кн. II. прим. 60, изъ какого-то раскольническаго списка опредѣлилъ тому годъ 875, полагая причиною сказанïе Несторово, что Олегъ въ приходъ свой въ Кïевъ съ 882

Писателямъ; но небреженїе ихъ удобь возможно награждается объявленнымъ въ примѣчанїи родословникомъ и послѣдующимъ повѣствованїемъ о прибытїи въ Кїевъ Олега, дядки и опекуна Игорева. Тогда, говоритъ Несторъ, былъ Игорь сущимъ еще младенцемъ. Изъ сего согласно съ записками заключаетъ и Татищевъ рожденїе Князя сего, лѣта по Рож. Хр. 875. Рюрикъ державствовалъ въ Новѣградѣ седьмнадесять лѣтъ, и въ болѣзненныхъ припадкахъ спокойно достигъ кончины. Умирая, поручилъ онъ и младенца сына своего и пространное Славяно-Руское государство Урманскому Князю Олегу въ опекунство; а какъ Олегъ сей есть соединитель и Славянъ и Руссовъ и Полянъ Кїевскихъ во едино, подъ общимъ Россїи названїемъ, тѣло политическое, и великое присовокупилъ къ нему земель пространство: то не излишно почитаю объявить разномыслїе Писателей о родствѣ его съ Рюрикомъ. Одни, съ которыми и Несторъ, называютъ его просто сродникомъ; другїе, отъ которыхъ первый

Тат. кн. II. стр. 13, лѣта 6387 / 879.

году несъ Игоря, яко младенца, на рукахъ; однако и сему повѣствованїю повѣрить трудно, потому что естьли родился онъ въ 875 году, то въ 882 былъ онъ по 7 му году; слѣдовательно трудно дитя такое на гору на рукахъ несть; а притомъ могъ бы онъ и самъ взойти по тому кажется, что всѣхъ вѣроятнѣе суть оныя записки, которымъ я какъ при семъ случаѣ, такъ и въ послѣдствїи въ разсужденїи лѣтоизчисленїя и родословїя Князей Рускихъ несомнѣнно послѣдую, видя, что выбраны онѣ изъ источниковъ вѣрныхъ, и съ большимъ тщанїемъ и разборомъ предположены.

Іоакимъ, именуютъ его Княземъ Урманскимъ и шуриномъ Рюрику; а въ Прологѣ, въ житіи Равноапостольныя Ольги, названъ онъ дядею Игорю, слѣдовательно братомъ или супруги преставльшагося Рюрика, или ему самому. Первое кажется вѣроятнѣе въ разсужденіи учиненной имъ Оскольду казни, какъ естьли предположимъ мы, по вышеобъявленному мнѣнію, что онъ пасынокъ Ефанды былъ.

ГЛАВА VI.

Великій Князь Игорь I, подъ опекою дяди своего Князя Олега.

§ 22.

Начало правленія Олегова. Онъ Великимъ Княземъ не назывался и никѣмъ не имянованъ.

Олегъ по смерти Великаго Князя воспріялъ по завѣщанію его правленіе государствомъ, яко опекунъ малолѣтнаго Игоря. И такъ напрасно нѣкоторые Дѣеписатели Великимъ Княземъ Рускимъ его именуютъ. Онъ никогда Великимъ Княземъ не былъ, и при взятіи Кіева, какъ ниже откроется, такъ нарещися не могъ; да и самыя обстоятельства доказываютъ сію истинну. Новоградское сословіе, естьли безъ обыкновеннаго избранія Игоря наслѣдникомъ отцу и признало, то развѣ могущества Варяговъ опасаясь; и для того долженствовалъ Олегъ употребить всю свою политику къ обузданію его, представляя лице малолѣтнаго Князя, яко наслѣдника, заморскимъ Варяго-Руссамъ, чтобъ подъ именемъ его властвовать надъ Славянами; ибо Князи рода Рюрикова инако ему державство-

вать надъ ними не допустилибъ. Въ утвержденіе сего мнѣнія удобь возножно привесть и то, что не напрасно онъ по смерти Рюриковой чрезъ два токмо года пошелъ воевать противъ Смоленска, и въ походъ съ собою взялъ малолѣтнаго Игоря. Смоленскъ былъ подвластный Рюрику градъ и удѣлъ единаго отъ сродниковъ его Князей Варяго-Русскихъ; слѣдовательно, ежели бы при началѣ Олегова правительства отложиться онъ не покусился, не было бы нужды въ новомъ его съ Кривичами покореніи. И такъ видно, что Олегъ не токмо самъ Великимъ Княземъ назваться не дерзалъ, но и питомца своего едва на колеблемомъ удерживать могъ престолѣ. Того ради несомнѣнно кажется, что, не полагаясь на вѣрность народа, лучше хотѣлъ онъ быть въ полѣ войскомъ огражденный, нежели въ стѣнахъ между сословія неблагосклоннаго. Въ такомъ разсужденіи оставя въ Новѣградѣ Намѣстника, удалился съ Игоремъ отъ свобододержавнаго сего града и во всю жизнь свою въ него уже не возвращался. Изъ всего вышереченнаго кто не видитъ ошибки тѣхъ Писателей, кои Олега въ число Великихъ Князей вмѣщаютъ (*)? Я не упоминаю уже, что и въ спискѣ Великихъ Князей Новоградскихъ называется онъ просто Правителемъ въ малолѣт-

Великій Князь Игорь I. подъ опекою Олега лѣта 879.

Ежемѣсяч. соч. 1761 года Іюль о Князьяхъ Новоградскихъ, листъ 14.

Тамо же.

(*) Я не дивлюсь Князю Щербатову, которой подъ названіемъ блюстителя въ цѣлой II главѣ I Части своей бредни почитаетъ его Владѣтелемъ Новуграду и Кіеву; но дивлюсь Г. Ломоносову, которой также цѣлую II главу о Княженіи Олега написавъ, послѣ уже третьею главою единодержавіе Игоря начинаетъ.

ствѣ Игоря. Довольно и двухъ толь неоспоримыхъ и естественныхъ причинъ къ обличенiю заблужденiя: первая, что по смерти Рюриковой народнаго по обыкновенiю избранiя не было; второе, что безъ избранiя, по праву природы, наслѣдство и названiе Великаго Князя Игорю естественно принадлежало.

§ 23.

Олегъ идетъ завоеванiй ради.

Олегъ, собравъ многочисленное войско отъ Варягъ, Чуди, Славянъ и Мери, и взявъ съ собою, какъ выше объявлено, малолѣтнаго Великаго Князя Игоря, пошелъ, якобы ради прiумноженiя Государю своему земель, воевать дальнiе народы. Изъ Великаго Новаграда выступилъ онъ въ $\frac{6390}{882}$ году, и походъ свой направилъ къ Смоленску. Противъ сильнаго его ополченiя не видно, чтобъ противился градъ; онъ взялъ его, покорилъ правителей, и своихъ оставилъ. Отсюда вошедъ въ ладiи, поплылъ внизъ по теченiю Днѣпра (*) и при-

(*) Есть басня въ Степенной Книгѣ сплетенная, яко бы шествуя къ Кiеву, Олегъ по многимъ странамъ поставлялъ грады, и оброки и подати налагалъ, и яко бы пришедъ къ нѣкоему урочищу, гдѣ двѣ рѣки, Неглинная и Яуза, въ рѣку Москву впадаютъ, поставилъ малый градъ, наименовавъ его Москвою. — Я нарочно внесъ въ примѣчанiе толь худо вымышленное баснословiе, которое ничто иное есть, какъ тщеславiе Митрополита Московскаго, сочинителя Степенныя Книги, для небывалыя древности Москвы приписанное. Оно бы и не стоило возраженiя, естьли бы нѣкоторые Дѣеписатели не преклонились къ вѣроятiю; что можетъ въ послѣдующихъ

былЪ ко граду Любичу (*), который взявЪ, НамѣстникасвоеговЪнемЪоставилЪ. По семЪ приближился кЪ горамЪ КіевскимЪ, и увѣдавЪ, яко ОскольдЪ и ДирЪ тамо живущими управляютЪ народами, вознамѣрился завладѣть и градомЪ и землею. Но какЪ медленнаго облежанія и паче кровопролитія опасался, то и разсудилЪ хитростію исполнить свое намѣреніе. Чего ради часть войска своего назади оставилЪ, а другую сокрывЪ вЪ судахЪ, остановился подЪ урочищемЪ УгорскимЪ (**),

Великій князь Игорь I подЪ опекою Олега, лѣта 882.

вѣкахЪ, особливо во внѣшнихЪ ПисателяхЪ, великое произвесть заблужденіе, тѣмЪ паче вредное для повѣствованія нашего, что оно дѣяніямЪ весьма важнымЪ безразсудно прекословитЪ. Москва гораздо позже сего времени воспріяла начало, и едва ли во время Олегово какое нибудь было на мѣстѣ сея столицы селеніе. Еще задолго до заложенія сего града увидимЪ мы тутЪ сельцо, по бывшему вЪ немЪ злодѣйству знаменитое. ПритомЪ же ОлегЪ по взятіи Смоленска пустился вЪ ладіяхЪ внизЪ по Днѣпру; слѣдовательно шествіе его весьма не привмѣстно было ни Неглинной, ни Яузѣ, ниже самой Москвѣ рѣкѣ. Несторъ.

(*) ГрадЪ Любичь издревле вЪ ЧерниговскомЪ Княженіи находился, и нынѣ мѣстечко на Днѣпрѣ находится.

(**) ПодЪ-угорское было тогда такЪ называемое урочище; проименовалось оно отЪ стоянія тутЪ УгровЪ, когда они еще около IV или V вѣка отЪ Востока вЪ первой разЪ вЪ Панонію приходили, и тамо побѣдя РимлянЪ, со Славянами соединились. Мы скоро опять УгровЪ увидимЪ на семЪ мѣстѣ отдыхающихЪ, когда они паки симЪ же путемЪ пойдутЪ вЪ Паннонію кЪ единородцамЪ своимЪ.

что нынѣ Подолъ называется, у самаго Кіева, и оттуда послалъ къ Оскольду и Диру объявить, что идутъ посланные отъ Олега и Игоря въ Грецію гости (купцы) и желаютъ видѣться съ ними, яко съ однородными своими. „Самъ бы я, повелѣлъ Олегъ имъ сказать, пришелъ къ вамъ во градъ, яко и должно; но боленъ есмь, и прошу вашего посѣщенія.„ Удивительно, какъ Правители Кіева могли таковымъ необычайнымъ странниковъ прощеніемъ обольститься, и ни малѣйшаго подозрѣнія не имѣя, притти на брегъ съ малымъ числомъ людей. Развѣ они великое богатство проѣзжихъ воображая, имѣли сами намѣреніе или ограбить, или присоединить ихъ къ жителямъ Кіевскимъ? Но какъ бы то ни было, пришли неосторожно къ ждущему ихъ у судовъ Олегу. Тогда внезапно выскочивъ закрытые въ судахъ вооруженные ратники, пришедшихъ Оскольда и Дира окружили. Узнали послѣдніе свою оплошность, но уже поздно. Олегъ, показавъ имъ изнесеннаго изъ ладіи Игоря, и взявъ его на свои руки, сказалъ утопленнымъ: „я есмь Князь Олегъ, а сей наслѣдникъ и сынъ Рюриковъ; вы же не Князи, но пришельцы и странники.„ По изреченіи сего, умертвить ихъ повелѣлъ, и повелѣніе его съ лютою исполнено жестокостію. Тѣлеса убіенныхъ взнесены на гору и погребены на объявленномъ Угорскомъ урочищѣ. Сія безчеловѣчная Олегова суровость не довольно ли свидѣтельствуетъ, что Оскольдъ, по вышереченному, Рюрику сынъ, а Эфандѣ пасынокъ былъ, и убійцѣ родственникъ опасный. Не видимъ мы отъ Кіевлянъ ни сожалѣнія, ниже уваженія

Несторъ.

Великій Князь Игорь I. подъ опекою Олега, лѣта 882.

о смерти убіеннаго Оскольда. ИзЪ чего заключаемЪ, что мнѣніе о воспріятой имЪ вѣрѣ Христіанской едва ли не вѣроятно? МожетЪ быть идолопоклонные Кіевляне сами были причиною и его убійства и Олегова на Княженіе возшествія; понеже и то и другое безЪ малѣйшаго сопротивленія ими допущено (*). СказываютЪ

(*) СказываютЪ, что ОскольдЪ и ДирЪ честно на УгорскомЪ погребены урочищѣ, и что надЪ могилою Оскольдовою православные Христіане церковь Николая Чудотворца воздвигли. Но какЪ НесторЪ на стр. 19 говоритЪ, „что могила его, идѣже нынѣ ОльминЪ дворЪ; на той могилѣ поставили церковь Святаго Николы, а Дирова могила за Святою Ириною„ то изЪ сего видно, что не во время погребенія церковь была воздвигнута, какЪ НиконЪ сЪ прочими и Ростовской списокЪ сказуютЪ, но гораздо позже, и конечно уже во время Христіанства, какимЪ-то ОльминымЪ построена. ПритомЪ же не нахожу я причины, для чего вЪ разныхЪ мѣстахЪ находились могилы Оскольда и Дира; какЪ естьли не вЪ поздныя времена сіе примышлено для утвержденія сомнительнаго преданія, яко бы не одинЪ ОскольдЪ, но и ДирЪ убіенны были: слѣдовательно два человѣка они были, что по вышесказаннымЪ причинамЪ невѣроятно есть; а по сему, что яко бы вЪ разныхЪ мѣстахЪ тѣла ихЪ погребены, и весьма уже сомнительно. Можно бы предположить, что одинЪ изЪ нихЪ былЪ ХристіанинЪ, а другой идолопоклонникЪ, и для того погребены раздѣльно. ЕстьлибЪ подлинно церковь Николая Чудотворца надЪ могилою перваго во время Олегово находилась; но сего не было и быть не могло; ибо ни малѣйшихЪ слѣдовЪ Христіанства ни при жизни Оскольдовой, ни

притомъ, что надъ могилою Оскольда воздвигнута Христіанами церковь Святаго Николая Чудотворца. Естьли праведно сказаніе сіе, то можетъ церковное повѣствованіе благовѣстить, что первая въ Россіи церковь Христіанская есть во имя сего великаго Святителя, и что не просто признается онъ внѣшними покровителемъ Россіи. Все сіе однакожъ, при любомудромъ воззрѣніи на Олега, не извиняетъ его жестокости, тѣмъ паче, естьли Оскольдъ былъ подлинно сынъ Рюриковъ. Не можно не видѣть, что властолюбивая зависть подвигла Олега къ неправосудію толь суровому, какъ и самая отъ Новоградцевъ опасность принудила его премѣнить столицу, ради удобнѣйшаго вольности Новоградскія обузданія. И такъ въ семъ видѣ послѣдуемъ мы слѣдамъ его дѣяній, и на нихъ соорудимъ характеръ сего знаменитѣйшаго Героя нашего. Мы въ послѣдствіи увидимъ, что пріобрѣлъ онъ мужествомъ и политикою своею имя великаго Правителя, хотя и не заслужилъ наименованія мужа праведна и человѣколюбива.

§ 24.

Олегъ начинаетъ княжити въ Кіевѣ единодержавно.

Несторъ.

По убіеніи Оскольда и Дира, неся торжественно младаго Игоря, вошелъ Олегъ во градъ Кіевъ, и яко самовластный Правитель, или паче, яко единодержавный Государь принялъ Княженіе, сказавъ: „да будетъ градъ сей матерію всѣмъ градамъ Рускимъ!„ Владычество

послѣ его въ Кіевѣ не является, кромѣ того сомнѣнія, что яко бы онъ одинъ былъ Христіаниномъ, и за то можетъ быть и смерти преданъ.

Олегово ознаменовалось устроенїемъ правительства во всей Россiи; ибо обладалъ онъ всею землею, и соединивъ бывшiе съ нимъ Варяги, Славяне и Поляне со всѣми прочими народы, назвалъ сiе пространное на Югѣ и Сѣверѣ государство общимъ именемъ Русь. Такъ по завладѣнїи имъ вся земля, какъ и Кiевскiе Поляне, отъ Оскольда названные, проименовалась Русью, и яко единое море, названiе многихъ рѣкъ поглотило. Единые токмо Новоградцы, по свидѣтельству черноризца Нестора, еще и въ его время Славянами нарицались, хотя и къ общему Рускому тѣлу принадлежали. Въ сiе время началъ Олегъ созидать по всей Руской землѣ грады, и налагать порядочныя на всѣхъ подданныхъ Россiи народовъ дани, яко-то: на Славянъ, Руссовъ, Кривичей и Мери; на Новградъ же особенно возложилъ поборъ подъ именемъ жалованья находящимся у него Варягамъ, всягодно по триста гривенъ (*).

г. Татищ. въ прим. № 64 на II часть, стр. 366.

§ 25.

Утвердившiйся такимъ образомъ на Княженїи Кiевскомъ Олегъ пошелъ войною противъ Древлянъ. Народъ сей отъ корени Скиѳскаго жилъ разсѣянно въ лѣсахъ дремучихъ, и нравы и обычаи болѣе звѣрскiе, нежели человѣческiе имѣлъ. Не зная чувствованїя природы, убивали Древляне за малѣйшую бездѣлицу другъ друга; а сродники убiенныхъ про-

Олегъ идетъ войною на Древлянъ. Обычай сего народа. Побѣждаетъ Древлянъ и дань на нихъ налагаетъ.

(*) Триста гривенъ, подать въ тогдашнїе вѣки чрезмѣрно великою кажется. Гривна содержала въ себѣ цѣну фунта серебра чистаго, и потому самый фунтъ гривною тогда назывался; о чемъ при объясненїи монеты Рускiя въ своемъ

лѣта 6391 / 883. Несторъ.

стирали мщеніе до самой чрезъестественной лютости, какую токмо вообразить можно. Законодательства они не знали; суда и расправы не имѣли; вкушали всякую нечистоту; брака были не причастны, и женъ отъ отцовъ и сродниковъ похищали. Я удивляюсь, что Несторъ, толь звѣрообразнымъ описуя народъ сей, признаетъ его однакожъ Полянамъ, слѣдовательно и Славянамъ, единоплеменнымъ; но не вѣрить ему, яко впрочемъ справедливому Писателю, сомнѣваюсь. Олегъ внезапнымъ нашествіемъ ихъ покорилъ, и жестоко съ симъ дикимъ поступивъ народомъ, возложилъ на нихъ дань по черной куницѣ съ дыму.

§ 26.

Идетъ на Сѣверянъ и Радимичей покоряетъ и дань на нихъ налагаетъ.

Вскорѣ потомъ напалъ онъ на Сѣверянъ, народъ жившій по рѣкѣ Сулѣ (*), и въ нравственной дикости Древлянамъ подобный. Сѣверяне, дремучихъ лѣсовъ обитатели, въ пи-

мѣстѣ подробно откроется. Сіе Варягамъ жалованье продолжалось до смерти Ярослава I, когда кажется по безпутству сына его Святослава, въ междоусобіи его съ братьями, Финляндія отложившись болѣе войскъ своихъ давать не стала. Прочихъ же народовъ рать наградилъ Олегъ соразмѣрнымъ содержаніемъ: ибо притяжавъ насиліемъ многія земли, данью отягощалъ ихъ самопроизвольною.

(*) По рѣкѣ Сулѣ въ послѣдующее время Владимиръ I построилъ города и населилъ ихъ Славянами, Кривичи, Чудью и Вятичами, для положенія преграды Печенѣгамъ, впадающимъ въ предѣлы Кіевскаго Княженія.

щу всякаго звѣря чиста и нечиста употре- лѣта 6392/884.
бляли; срамословія предъ отцы, мачихами
снохами и прочимъ женскимъ поломъ безстыд- Несторъ.
ствомъ не признавали; женъ, сходясь между
селъ на игрища, во время пѣснопѣнія и пля-
ски похищали и уводили къ себѣ, заблаго-
временно съ ними условясь (*); надъ мертвыми
отправляли тризну (**) или поминовеніе, и не Великій Князь
предавая землѣ, сожигали трупъ на кострахъ Игорь I. подъ опе-
великихъ; оставшіяся же кости и пепелъ по- кою Олега
лагая въ глиняные сосуды, на распутіяхъ по- лѣта 884.
становляли. Судопроизводство и всякое нрав-
ственное благочиніе ни во что вмѣняли. Предъ
нашествіемъ Олега давали они несносную дань
Козарамъ, а покоренные имъ въ легкую обло-
жены, съ запрещеніемъ, чтобъ болѣ Коза- лѣта
рамъ ничего уже не платили. По завоеваніи 6393/884.
Сѣверянъ послалъ Олегъ къ Радимичамъ,

(*) Отъ сего древняго тогдашнихъ дикарей обычая многіе и нынѣ есть еще остатки. Пѣсня хороводная и нынѣ употребляемая: „нашева поля прибыло, а нашева убыло„, ничто иное значитъ, какъ похищеніе женъ, съ тою токмо разностію, что нынѣ смѣшенно съ двухъ сторонъ мущины и женщины захватываются; а тогда одну сторону составлялъ мужескъ, а другую женскъ полъ, и разныя пѣсни и пляски употребляли.

(**) Тризна, чинъ погребенія, при которомъ, по принесеніи жертвъ, пиршествовали сродники и знаемые усопшему и до-пьяна напивались. Сей поминовенія обрядъ вообще тризною назывался. Онъ и нынѣ во многихъ мѣстахъ, особливо сельскихъ, существуетъ. Званныя на погребеніе какъ духовныя, такъ и свѣтскія обоего пола особы приглашаются изъ церкви въ домъ преставльшагося, и за столомъ при

народу обитавшему на рѣкѣ Сожѣ (*), и во нравахъ и обычаяхъ Сѣверянамъ подобному, и узнавъ, что они Козарамъ данники суть, взялъ ихъ безъ войны въ свое подданство, и ту же дань, по шелегу съ плуга, себѣ платить повелѣлъ. Тако приведъ подъ власть свою Кривичей, Любчанъ, Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, еще покорилъ Суличанъ, обитавшихъ на рѣкѣ Сулѣ, и Тиверцовъ и Днѣстрянъ, на Бугѣ и Днѣстрѣ жившихъ. Какого племени были Тиверцы и Днѣстряне, Сармашскаго или Славянскаго, не извѣстно; и Несторъ, единый нашъ народовъ описатель, ни слова о томъ не упоминаетъ.

Великїй Князь Игорь I. подъ опекою Олега, лѣта 884.

§ 27.

Подобно сему предаетъ лѣтописецъ нашъ молчанїю дѣянїя Кїевскїя между лѣта 885 и

Нашествїе Угровъ, лѣта 6406 898.

возглашенїи стиха: вѣчная память! по великому опорожняютъ кубку, равно какъ и при многолѣтїи оставшимся. Самъ я такимъ Хрїстїанскимъ тризнамъ, и при нихъ безобразному пьянству, многажды былъ свидѣтелемъ. Другой родъ тризны, нынѣ въ обыкновенїи въ деревняхъ существующїй, есть такъ называемыя родительскїя субботы, въ которыя, по окончанїи Божїей въ церквахъ службы, выходятъ Священники съ причетомъ на кладбище пѣть панихиды, и обирать постановленныя на могилахъ кутью и пироги. Безобразное при семъ ревенье бабъ, плачемъ зовомое, есть ничто иное, какъ уподобленїе пьянымъ Бахянкамъ, о смерти Озирїя плачущимъ. Время, кажется, истребить таковые идольскаго суевѣрїя остатки, благочестїю противные.

(*) Рѣка Сожа впадаетъ въ Днѣпръ выше Десны 40 верстъ съ западной стороны.

898, въ которое полагаетъ пришествіе Угровъ (*). Въ лѣто 898, говоритъ Несторъ, шли отъ Востока мимо Кіева Угры. Народъ сей, прешедъ великія горы, и чрезъ Днѣстръ у Кіева переправясь, стоялъ отдохновенія ради на урочищѣ Угорскомъ, и оттуда устремился чрезъ горы, названныя потомъ Угорскими къ находящимся тамо своимъ единоплеменнымъ. Съ сими соединясь, начали воевать съ обитавшими тамо Волохами и Славянами; ибо земля та прежде населена была Славянами, Несторъ, стр. 20.

(*) Сіе есть третичное Угровъ мимо Кіева прохожденіе. Мы выше въ примѣчаніи о нихъ объявили, какой они народъ, и по какой причинѣ отъ Кавказскихъ горъ, гдѣ онъ кочевалъ и по нихъ Уграми названъ, во второй разъ отлучился. Тажъ причина и остатокъ его отъ пространныхъ степей, между Кавказа и Волги находящихся, изгнала. Шелъ онъ и теперь въ Паннонію къ единородцамъ своимъ, и прешедъ горы Угорскія или Венгерскія, началъ воевать на живущихъ тамо Волоховъ и Славянъ, и обладавъ ихъ землею, со Славянами помѣшался, и поставилъ особое Государство, которое потомъ прозвалось Угорское или Венгерское. Несторъ, кажется, подъ именемъ Угровъ разумѣетъ и Аваровъ, кои также однородцы Украмъ. Но какъ Авары, по свидѣтельству Виндиша, новѣйшаго Венгерскаго Историка, вскорѣ по нашествіи Атиллы, которое было въ V вѣкѣ, пришли въ Паннонію, и въ началѣ VI вѣка яко вытѣсненные Гуннами отъ горъ Кавказскихъ, и не заставъ въ Панноніи Гунновъ, отшедшихъ въ Италію подъ именемъ Лонгобардовъ, засѣли въ Панноніи, но въ срединѣ VI столѣтія оставшимися тамо Гуннами, которые и Турками

и потомъ Волохами, побѣдителями Славянъ. Угры, овладѣвъ оною землею, съ побѣжденными Славянами и Волохами, или паче сказать, съ Болгары тамо поселились. Отъ сего времени прозвалась земля та и донынѣ зовется Угрїею или Венгрїею. Сїе Угровъ прехожденїе было при Леонѣ, Львомъ названномъ, и при братѣ его Александрѣ, Императорахъ Греческихъ, противъ которыхъ сїи вновь Венграми назвавшїеся народы кровопролитную тогдажь имѣли войну. Щастїе и храбрость руководствовали ихъ оружїемъ; поплѣнили они Фракїю и Македонїю даже до Солуня. Но когда простерли оружїе на Мораву и Чехи, два единоплеменные Славянскїе народа; тогда Славяне, жившїе по рѣкѣ Дунаю, совокупными силами

назывались, побѣждены: то, можетъ быть, сїи первые Угры, отъ коихъ и урочище близь Кїева Угорскимъ называлось, были вмѣстѣ и сїи Авары, въ VI вѣкѣ Турками, или Гуннами въ Паннонїи побѣжденные. Они, проходя въ первой разъ Кїевъ многочисленными ордами, можетъ быть на многїе народы раздѣлились, и можетъ быть нѣкоторыя орды, соединясь съ Руссами и Полянами, по Днѣпру остались и были въ созданїи Кїева участники, а другїе прешли горы, ихъ именемъ прозванныя. Сїижь вторично шедшїе Угры суть остатки первыхъ. Они прешли Днѣпръ, по Нестору, въ 898 году и Угорское постановили владѣнїе, покоривъ Волоховъ и Славянъ. Дилихъ второе Гунновъ пришествїе кладетъ во время Арнольфа Императора въ 744; но сїе погрѣшено: ибо Арнольфъ царствовалъ отъ 887 до 899. Слѣдовательно Несторъ, согласно съ лѣтами царствованїя Арнольфова, повѣствуетъ третїе прошествїе мимо Кїева Угровъ, а не Гунновъ.

успѣхи ихъ остановивъ, далѣе завоеванія простерть не допустили, какъ токмо надъ Моравами и Чехи; самижь собственно Славяне, Волынь и Поляне, тогда Русью уже нарицающіеся, остались ими непобѣжденные. Все вышереченное о Уграхъ сказаніе могло бы, яко къ повѣствованію нашему не весьма принадлежащее, предано быть молчанію, естьли бы объявленнымъ непобѣжденнымъ пришельцами сими Славянамъ около сего времени не даны были отъ Грековъ письмена, или азбука Славянская, и нынѣ у насъ въ церковномъ книготисненіи употребляемая. Сіе достойное примѣчанія обстоятельство принудило меня повторить Несторово о Уграхъ сказаніе; ибо оно о тѣхъ точно Славянахъ упоминаетъ, которые сокровище сіе въ первой разъ чрезъ монаха Меѳодія, а потомъ чрезъ Кирилла получили, и которое отъ нихъ принесенное въ Кіевъ донынѣ въ Россіи существуетъ. Неоспоримо то, что какъ Новоградскіе Славяне, такъ и Рускіе Поляне отъ неудобь вѣдомыхъ вѣковъ письмена свои имѣли; но какія онѣ были, не извѣстно. Чего ради о сихъ новыхъ, яко намъ коренными учинившихся, предложить за нужно почитаю. Я въ сомнительномъ преданіи выше объявилъ, что отъ Константина Солунскаго любомудрца и монаха Меѳодія сочиненная азбука прислана Царемъ Греческимъ Михаиломъ къ Болгарскому; и таможь предоставилъ себѣ подробно сказать о семъ важномъ событіи (*). Буквы Славянскія сочи-

О письменахъ Славянскихъ.

Кн. II. гл. V.

(*) Внѣшніе Писатели, яко то: Богемскій Газенъ, Далматскій Мавробинъ и Польскіе, Стриков-

нены въ IX вѣкѣ Кирилломъ, въ монашествѣ изъ Константина любомудрца такъ проименованнымъ. По сей причинѣ разноимянно находимъ его подъ числомъ 11 Маія въ Четьи Минеѣ Константиномъ, и тогожь числа, но мѣсяца Февраля въ Прологѣ Кирилломъ. Сей Константинъ или Кириллъ былъ уроженецъ града Солуня, и не столько для Болгаровъ, сколько для Моравлянъ буквы сіи сочинилъ; ибо онъ прежде училъ въ Моравіи, и оттуда уже пришелъ къ Болгарамъ. О немъ не ложно повѣствуетъ нашъ Несторъ, и слѣдовать ему могу я несомнѣнно. По завоеваніи Уграми Моравлянъ и Чеховъ, сѣдящіе по Дунаю единоплеменные имъ Ляхи, Волыни, Поляне и Болгарцы, Русью при Несторѣ называемые, получили первѣе сложенныя въ Равѣ градѣ (*) Славянскія буквы. На Дунаѣ были

скій, Бѣльскій и Гвагинъ объявляютъ, что въ IV по Р. Х. столѣтіи сочинилъ Славянамъ буквы и Библію на Славянскій языкъ перевелъ Святый Іеронимъ. Но сіе не токмо сомнительно, а паче ложно Папистами тщеславія ради вымышлено, тѣмъ паче еще, что онижъ повѣдаютъ и о С. Кириллѣ, писавшемъ противъ Іуліана апостата, или отщельника, якобы онъ 368 лѣта писалъ книги свои на языкѣ Славянскомъ и буквами Славянскими. Сіе столькожь вѣроятно, сколько и то, чтобы онъ рода Славянскаго былъ, какъ Бѣльскій объ немъ сказуетъ.

(*) Славяне, сѣдящіе по Дунаю, говоритъ Несторъ, суть Ляхи, Волыни и Поляне, ихъ же не взяша Угры, побѣдители Моравы и Чеховъ, единаго племени, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо Славяномъ первѣе сложены буквы Славянскія въ Равѣ градѣ. При семъ обращаю

тогда Моравскіе Князья три брата, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель, святое крещеніе воспріявшіе. Они можетъ быть вышереченному Богорису или дѣти, или по крайней мѣрѣ сродники были. Сіи Князи, не зная ни силы, ни писанія Христіанскаго, отправили отъ себя посланіе къ тому же Михаилу Императору, о которомъ сказуютъ, что крестилъ предка ихъ Богориса, говоря въ немъ: „Земля наша „въ прошлыхъ лѣтахъ крещена; но до сего „времени не имѣемъ мы учителя, кто бы на„ставилъ насъ закону и святыя протолковалъ „бы намъ книги. Не разумѣемъ ни Греческаго, „ни Латинскаго языка, которые учатъ разно„образно; а мы, книжнаго не понимая смысла, „сомнѣваемся и не знаемъ, кому изъ нихъ „вѣрить. Чего ради просимъ тебя, благоволи „прислать къ намъ учителя, которой могъ „бы по Славянски протолковать намъ словеса „книжная, и открыть ихъ истинной разумъ.„ Обрадованный симъ посланіемъ, Царь призвалъ къ себѣ изъ града Солуня любомудрца Константина, сына Львова, или паче сказать, блаженнаго инока Кирилла, и повелѣлъ итти ему къ Славянамъ. Нѣкоторые сказуютъ, что онъ съ роднымъ его братомъ, черноризцемъ Меѳодіемъ, отправленъ; но какъ сего или ина-

Великій Князь Игорь I. подъ опекою Олега лѣта 898.

Читателя къ его же повѣствованію, коимъ образомъ буквы Славянскія прешли при Михаилѣ Царѣ Греческомъ къ Славянамъ на Дунай, по прошенію Князей Моравскихъ, Ростислава, Святополка и Коцеля, задолго прежде крещеніе воспріявшихъ. См. гл. IV. сей книги.

го Меѳодія обрѣтаю я проповѣдникомъ Папежскимъ, то, чтобъ заблужденія избѣгнуть, лучше при единомъ несомнѣнномъ намъ Кириллѣ разсудилъ остаться. Сей, по повелѣнію Царскому, пришедъ въ Моравію, вопервыхъ сочинилъ Славянскую азбуку, которая и нынѣ Кириловскою называется; потомъ преложилъ съ Греческаго на Славянскій языкъ Евангеліе и Апостолъ; и научивъ нѣкоторыхъ изъ Славянскаго рода Священниковъ языку Греческому, преложилъ съ помощію ихъ и Псалтырь, Осмигласникъ и прочія нужныя къ служенію Священныя книги. Потомъ изъ Моравіи пошелъ онъ въ Болгары, и подобное произвелъ какъ ученіе, такъ и книгъ преданіе. Тако въ IX еще вѣкѣ началось въ Руси при Христіанскомъ исповѣданіи просвѣщеніе нравовъ; ибо цѣломудріе Евангельское, проливая свѣтъ свой и во тьмѣ, нравъ и сердце внимающаго просвѣщаетъ человѣка. Естьли не влѣетъ оно еще истиннаго вѣры благочестія; то по крайней мѣрѣ во нравственномъ отношеніи смягчаетъ суровость и въ самомъ жестокосердомъ дикарѣ, когда съ подобающею кротостію ему проповѣдуется. Симъ-то Кирилломъ составленная азбука, существуя нынѣ, Кириловскою нарицается.

§ 28.

Благоустроеніе въ Кіевѣ; война Леона Императора на Болгаръ лѣта 6410 / 902.

По прошествіи Угровъ до 902 лѣта упражнялся Олегъ въ благоустроеніи Государства и въ утвержденіи въ подданствѣ народовъ покоренныхъ. Кіевъ подъ державою его вознесъ горделивую главу надъ пространствомъ земель обширныхъ и надъ множествомъ градовъ, ему

подверженныхъ. Стеченіемъ отвсюду народа распространился сей престольный градъ, и Греческая въ зданіи домовъ красота являться въ немъ стала. Торговля привлекла Болгаровъ и прочихъ чужеземцовъ, и приносила въ него богатство; а Цареградцы, дѣющіе куплю, благонравіе поселяли. Тогда Леонъ Императоръ, нанявъ бранное Угорское воинство, пустилъ его на землю Болгарскую, союзную Кіеву, и страшное причинилъ разореніе. Болгарскій Царь Симеонъ хотя собравъ свое войско и устремился, поелику возможно, противиться нападающимъ; но безсиліе его уступило мужеству Угровъ. Сошедшись съ ними, былъ онъ разбитъ и побѣжденъ, и едва во градѣ Дестрѣ (*) спасшійся бѣгствомъ нашелъ безопасность. Но понеже щастіе въ войнѣ, какъ и при всѣхъ человѣческихъ обстоятельствахъ, премѣнно есть, то вскорѣ потомъ исправился Симеонъ, и сугубо побѣдивъ Угровъ, къ миру ихъ принудилъ. Между тѣмъ союзникъ его Олегъ, не взирая на благополучный оружія его успѣхъ, намѣревался отмстить виновнику Болгарскаго разоренія, и къ войнѣ противъ Леона и Грековъ пріуготовлялся.

§ 29.

Исполнить сіе важное предпріятіе, другое важнѣйшее ему воспрещало. Игорь пришелъ Бракъ Игоревъ лѣта 6411 903.

(*) Градъ Дестръ, многажды упоминаемый иногда Болгарскимъ, иногда Греческимъ, у Грековъ назывался Дистръ и Доростолъ. Былъ онъ въ древности на Дунаѣ; нынѣ существуетъ ли, не извѣстно; можетъ быть и есть подъ инымъ именемъ.

уже въ мужество, будучи около 28 лѣтъ отъ рожденія, и пекущагося объ немъ Олега принуждалъ мыслить о достойной ему супругѣ, да наслѣдство въ родѣ его навсегда пребудетъ. Не льзя воображать, чтобъ въ сіи лѣта не имѣлъ Игорь по тогдашнему обычаю многихъ наложницъ; но видно, что тотъ же обычай требовалъ для наслѣдства брачнаго сочетанія, хотя обряды онаго намъ и не извѣстны. Упражненный въ провѣдываніи достойной особы, Олегъ не долго въ томъ трудился: щастіе Игорево скоро открыло ему единую добродѣтельнѣйшую и лѣпообразнѣйшую дѣвицу во градѣ Изборскѣ, именемъ Прекрасу. Несторъ или списатели съ него неправильно почитаютъ ее изъ Пскова; ибо Пскова тогда еще не было (*). Вѣроятнѣе свидѣтельствуетъ о ней Іоакимъ, сказуя, что взята она изъ Изборска, и естьли не внучка Гостомыслова, то по крайней мѣрѣ Княжна отъ рода его; ибо большая его дщерь была за Изборскимъ Княземъ (**). Симъ обрѣтеніемъ до-

Несторъ по печат. стр. 23. Кенигсбергскому списку.

(*) Удивляюсь я небреженію, да не скажу незнанію, Ломоносова, которой Ольгу (Ч. II. гл. 11. лист. 60) изъ Пскова приводитъ, не справясь, что ни города, ни имени Псковъ въ 903 году еще не существовало, и что Псковъ самою Ольгою гораздо послѣ построенъ.

(**) Я не понимаю, откуда Прологъ подъ числомъ 11 Іюля нарицаетъ ее Плесковитянкою, развѣ изъ Нестора, который въ послѣдствіи Псковъ, какъ и должно, Плесковъ именуетъ: а меньше еще постижимо мнѣ, откуда въ Минеи Четьи подъ тѣмъ же числомъ сплетенная является басня, яко бы Прекраса была Псковской

вольный Олегъ привезъ отъ Изборска Княжну Прекрасу въ Кіевъ, и когда примѣтилъ, что ея прелести сердце юнаго Князя заразили, тогда преимяновавъ ее во свое имя Ольгою, сочеталъ съ Игоремъ. Многоженіе и наложницъ избытокъ не возбранили ей снискать и во весь свой вѣкъ удержать любовь супруга и почтеніе опекуна его. Владычество красоты ея, добродѣтелью и разумомъ подкрѣпляемое, предуспѣло погасить въ одномъ любострастіе, и въ другомъ истребить самовластія излишекъ. Такъ побѣдоносна добродѣтель надъ всѣми пороковъ излишествами!

§ 30.

Походъ Олеговъ на Грецію и Царьградъ лѣта 6,415 / 907.

Связавъ священными узами два толь достойныя другъ друга сердца, употребилъ осторожный Олегъ трехгодичное время на показаніе Князю своему трудныя правительства науки, и научивъ его вседневному къ блаженству подданныхъ упражненію, привелъ въ собственное его владѣніе благоустроенную въ политическое тѣло Русь. Тогда побывъ нѣсколько свидѣтелемъ его правосудія и раченія

области, веси Выботской крестьянка, и на великой рѣкѣ Игоря, ѣздяща на ловлѣ, въ лодкѣ своей перевезла на другую сторону рѣки, и любовію заразила его. Ни Прекраса перевозчицею не бывала; ниже Игорь младенчества ради могъ быть въ окрестностяхъ Изборска на охотѣ, до отшествія Олегова изъ Новаграда въ Кіевъ, откуда потомъ отсутствія его не вижу; слѣдовательно непрекословно преданіе, изъ котораго почерпнулъ Іоакимъ.

о должности Государевой, почелъ удобнымъ себѣ временемъ къ отмщенію Грекамъ, и къ походу своему на Царьградъ. Воинство многочисленное набралъ онъ изъ Варягъ, Славянъ Новоградскихъ, Руси, Чуди, Кривичей, Мери, Древлянъ, Радимичей, Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей, Хорватовъ, Дулебовъ и Тиверцовъ, то есть, изъ всѣхъ народовъ, составляющихъ тогдашнюю Русь, или покоренныхъ, или союзныхъ, которыхъ Греки подъ единымъ именемъ Скифовъ варварами нарицали. Съ симъ ужаснымъ ополченіемъ оставя, по вышереченному, въ Кіевѣ державствовать Игоря, пошелъ онъ къ Царюграду по сухому пути конницею и водою внизъ Днѣпра на двухъ тысячахъ ладій, тогда кораблями звавшихся. Греки, услышавъ его приближеніе, узкой проливъ изъ Чернаго моря заперли и во градѣ затворились. Но сіе предпріимчивому Олегу препоны не учинило. Онъ, соединясь съ конницею своею и высадя пѣхоту на брегъ, устремился, древнему воинскому обычаю слѣдуя, на грабленіе приморскихъ областей. Многія веси, домы и церкви разхитилъ и пожегъ; людей, не уважая человѣчества, разными томленіями мучилъ; иныхъ побивалъ, другихъ потоплялъ въ морѣ: зло, едва ли и тогдашнимъ варварствомъ удобь извиняемое! По такой неизреченной лютости, въ недостаткѣ въ приморіи кровожадному мечу его жертвъ, восхотѣлъ далѣе простретися въ землю; но не имѣя для пѣхоты довольнаго числа коней, примыслилъ поставить и укрѣпить ладіи свои на колеса, избыточественно въ

селенїяхъ сысканныя. Вѣтръ возсталъ ему способный, надулъ парусы, и понесъ ладїи къ Царюграду по суху, яко по струямъ воднымъ (*).

§ 31.

Греки, услышавъ о такомъ непостижимомъ шествїи и паче о разоренїи окрестностей Цареградскихъ, ужаснулись, и объятые смертнымъ страхомъ, выслали Пословъ съ предложенїемъ окупа и мира съ прошенїемъ. Олегъ снизшелъ на прозьбу ихъ и повелѣлъ вельможамъ своимъ поставить съ ними условїя, кои и поставлены въ его пользу. Когда пресѣкъ онъ оружїя лютость, и войскамъ своимъ къ морю возвратиться приказалъ; но коварные Греки пребывали еще неизмѣнно въ томъ характерѣ, въ которомъ славнѣйшїй Римскїй стихотворецъ Виргилїй древнѣйшихъ предковъ ихъ описалъ, сказавъ въ Энеидѣ: „боюся Грековъ, когда и дары приносятъ.„ Они утвердили и при семъ случаѣ истинну его заключенїя, по-

Продолженїе Олеговыхъ успѣховъ. Коварство Грековъ, лѣта 907.

Книга IV.

(*) Плаванїе странное и едва ли возможное въ разсужденїи естественнаго мѣстоположенїя: ибо многочисленные и нарочито высокїе пригорки могли учинить ему преграду. Развѣ для того въ повѣствованїе вмѣстить приключенїе сїе дозволено, что Несторъ, сказующїй о немъ, могъ еще когда не отъ сыновъ, то по крайней мѣрѣ отъ внуковъ бывшихъ при томъ походѣ ратниковъ, о немъ слышать и увѣриться. Чрезъ одно съ немногими годами столѣтїе трех-степенное колѣно человѣковъ легко продолжиться можетъ; и преданїе прадѣдовъ, въ памяти правнуковъ впечатлѣнное, особливо толь невѣроятное, легко до Нестора достигнуть могло.

казавъ, что они всегда были и есть народъ болѣе вѣроломный и хитрый, нежели ратный и храбрый. Въ засвидѣтельствованіе сихъ похвальныхъ качествъ, умыслили они снизхожденіе Олегово воздать злодѣяніемъ, и выслали Герою нашему и его побѣдоносному воинству брашно и вино, на смертоносной отравѣ растворенныя. Но кто не вѣдаетъ характера Грековъ? Герой хотя и принялъ дары, но усомнился и запретилъ употребленіе; испытанныя же вспять въ цѣлости, яко не нужныя, отослалъ. Цареградцы, чая, что коварство

Несторъ. ихъ открыто, величайшимъ поражены были ужасомъ, и въ трепетѣ рекли между собою: „се „не есть просто человѣкъ, но пришелъ посланный отъ Бога наказать насъ согрѣшеній нашихъ ради.„ Между тѣмъ Олегъ возложилъ на нихъ дань, да на каждую ладію (*) дадутъ по 12 гривенъ сребра, полагая въ ней сорокъ человѣкъ; а ладій 2,000 считая, что учинитъ на 80,000 человѣкъ 480 гривенъ, или фунтовъ сребра. Согласились на сіе устрашенные, и просили токмо мира на условіи, чтобъ Руссамъ не воевать впредь предѣловъ Греческихъ до пристани Суаръ (**).

(*) Здѣсь примѣчается паки великая въ Ломоносовѣ ошибка. Онъ говоритъ, по 12 гривенъ на человѣка: число на 80,000 необъятное. Но Несторъ точно сказуетъ: на ключь, то есть, на лодку. Видно, что сіе древнее реченіе было Ломоносову не извѣстно, или онъ его не примѣтилъ.

(**) Не извѣстно, гдѣ сія пристань. Единый токмо Татищевъ примѣчаетъ, кн. II, прим. No 79, что или то нынѣ называемыя скуторы,

§ 32.

Побѣдитель, законы Грекамъ предписующїй, отступя нѣсколько отъ града, послалъ для постановленїя мира Послами вельможъ своихъ съ полною довѣренностїю: Карла, Фарлова и Стеманда отъ рода Варягъ или Финовъ, и Рослава и Вельмида, Славяно-Руссовъ. Они и постановили на слѣдующихъ договорахъ: „I. Сверьхъ положенныхъ на каждую ладью двенадцати гривенъ сребра, платилибъ Греки повсягодно дань на города Рускїе: на Кїевъ, на Черниговъ, на Переславль, на Полоцкъ, на Ростовъ, на Любичь, и на иныя, въ коихъ подъ властїю Великаго Князя Игоря княжили нарочитые Князья. II. Чтобъ приходящихъ за данью въ Царьградъ Пословъ Рускихъ довольствовали по достоинству каждаго пищею и напитками. III. Купцамъ, съ ними приходящимъ, давать мѣсячину за шесть мѣсяцовъ: хлѣбъ, вино, мясо, рыбы и овощь; къ тому IV. какъ Посламъ, такъ и купцамъ отводить способныя на время пребыванїя ихъ подворья; и V. для возвратнаго пути давать имъ довольное пропитанїе и потребные якори, верьви и парусы. VI. За данью Руссамъ безъ торгу и товаровъ не приходить; а буде придутъ, кромѣ Пословъ, путешественники безъ купли, таковымъ мѣсячины не требовать. VII. Да запретитъ Князь Олегъ словомъ своимъ, чтобъ приходящїе не наносили въ лѣсахъ и весяхъ

Олегъ, для постановленїя мира, посылаетъ во градъ своихъ Пословъ, и постановленъ, лѣта 907. г. татищ. въ примѣч. на кн. II No 80 и въ кн. I. гл. 32.

противъ Царяграда находящїяся, или что и вѣроятнѣе, была сїя пристань въ Херсонесѣ, которой Греки предѣломъ Государства ихъ въ тогдашнїе договоры включали.

никакія обиды, и по прибытіи да имутъ подворьи у Святаго Маманта; и когда по Царскому повелѣнію всѣхъ поимянно перепишутъ, тогда да воспріимутъ мѣсячину по чинамъ и городамъ своимъ. VIII. Въ городъ входить имъ во одни врата безоружнымъ съ приставомъ Царскимъ, и не болѣе вдругъ пятидесяти мужей. IX. Куплю и продажу дозволяется чинить по волѣ ихъ безъ платежа мыта или пошлинъ,,,

§ 33.

Утвержденіе мира обоюдною присягою.

По написаніи ихъ договоровъ, и не инако кажется, какъ на Греческомъ и Рускомъ языкахъ, подписаны они полномочными съ обѣихъ договаривавшихся сторонъ, и миръ поставленъ. Цари Греческіе, Леонъ и Александръ, утвердили договоръ крестнымъ цѣлованіемъ; а Олегъ, по Рускому тогдашнему закону, клялся своимъ оружіемъ и богами Перуномъ громодержателемъ и Волосомъ, скотскимъ богомъ. Тако утвердился между Греками и Руссами первый по уставамъ общенародныя политики миръ.

Несторъ и Никоновъ лѣтоп. печатн. ч. I. лѣта 31.

Олегъ въ знакъ своея побѣды, сказываютъ, будто повѣсилъ на вратахъ Цареградскихъ свой щитъ, и съ великою корыстью въ златѣ, сребрѣ, парчахъ и всякихъ вещахъ драгоцѣнныхъ, въ Россію обратно моремъ пустился. Россамъ повелѣлъ онъ распростерть парусы паволочные (парчевые), Славянамъ кропивные (бумажные), Варягамъ холстинные; ибо иныхъ употребить они не восхотѣли, и благоразумно: понеже когда сильный возвѣялъ вѣтръ, то ни паволочныя, ни кропивныя вѣтрила, свирѣпству его довольной не представили твер-

дости; но издранныя явили пышности неудобство. Однѣ холщевыя токмо обыкновенной крѣпости не измѣнили. Такъ всякая не свойственная новость во вредъ при опытности обращается. Чего ради и Руссы и Славяне, по повелѣнію Олегову, паки обыкновенные распростерли парусы: бурное бо вѣтровъ дыханіе не драгоцѣнность вещи, но твердость вещества почитаетъ. Олегъ прибылъ наконецъ въ Кіевъ. Народъ, ублажая его храбрость и чудясь хитрости, по простотѣ своей и суевѣрію нарекъ его вѣщуномъ, то есть мужемъ всевѣдущимъ.

§ 34.

Явленіе кометы, что знаменуютъ сіи звѣзды? лѣта 6419/911.

Въ четвертое по возвращеніи Олеговомъ лѣто явилась великая на западѣ кусту подобная звѣзда, или комета: явленіе въ естествѣ обыкновенное, и токмо невѣжеству непросвѣщеннаго народа страшное! Суевѣріе находило въ немъ будущихъ злощастій предвѣщаніе, и страхомъ сердца, жертвами олтари, скорбными гласы божницы наполняло. Звѣздочетство, наука, кромѣ единыхъ можетъ быть жрецовъ, никому еще неизвѣстная, не могло тогда открыть Кіевлянамъ, что таковыя въ природѣ приключенія предопредѣленное вычисленіемъ имѣютъ къ явленію время; слѣдовательно ни смерти Государей, ниже глада, мора и нашествія враговъ отнюдь не знаменуютъ, естьли не привмѣстятся къ нимъ причины стороннія. Простительно однакожъ такое мечтательнаго страха пораженіе непросвѣщенныхъ вѣковъ народамъ, какъ естьли и въ нынѣшнія еще времена, при неумолкаемой

любомудрїя проповѣди, многїе столь неосновательнымъ предразсужденїямъ вѣрятъ и ужасаются. Видно, что есть въ природѣ человѣческой нѣчто, которое будущею неизвѣстностїю болѣе устрашаетъ человѣка, нежели прїятною услаждаетъ его надеждою. Для чегожъ колеблющїйся въ прекословныхъ мысляхъ человѣкъ не старается при такихъ грозныхъ воображенїю его видахъ нравственное свое исправлять житїе? Развѣ для того, что съ потерянїемъ устрашающихъ его предметовъ теряется и ужасъ, ими наносимой? или развѣ для того паче, что пороки въ душѣ нашей сколько дерзки, столько же и робки совокупно? Когда опытность доказываетъ намъ сея послѣднїя истинны присущность, то почтожъ не страшимся мы болѣе пороковъ и страстей, нежели странствующихъ въ пространствѣ небесномъ звѣздъ? Лучше держаться добродѣтелей, которыя всегда безопасны, всегда и во всѣхъ случаяхъ надежны и непреложны. И такъ не кометы намъ страшны, но грѣхи и наказующїй оные гнѣвъ Божїй.

§ 35.

Посланїе въ Грецїю Пословъ, лѣта 6420 — 912.

Въ сїе время послалъ Великїй Князь Игорь вельможей своихъ въ Грецїю для подтвержденїя постановленнаго мира Олегомъ и заключенїя купеческаго договора со Львомъ и Александромъ, совокупно державствующими Царями. Послы, благосклонно тамъ принятые, согласились, и слѣдующїй, Несторомъ намъ оставленный, утвердили договоръ (*): „I. Да пре-

(*) Трактатъ сей, изъ котораго мы выписку предлагаемъ, можно видѣть цѣлый какъ въ

„бываетъ между Россами и Греки непоколеби-„мый миръ и любовь безподозрительная. II. Не „должно съ обѣихъ сторонъ подавать поводъ „къ нарушенію согласія; но хранить оное во „вся будущія лѣта непрерывно. III. Въ убив-„ствахъ и прочихъ преступленіяхъ судить „и рѣшить дѣла между обоими народами по „доказательствамъ, и наказаніе по законамъ „опредѣлять преступленію соразмѣрное. IV. „Но когда нѣтъ ни доказательствъ доста-„точныхъ, тогда утверждаться на при-„сягѣ. V. Ежели убьетъ Россіанинъ Гре-„ка или Грекъ Россіанина, за то убійцу каз-„нить смертію на мѣстѣ учиненнаго убій-„ства; а ежели убѣжитъ и скроется убій-„ца, а имѣетъ домъ и имѣніе, то все сіе

самомъ Несторѣ, напечатанномъ при Академіи съ Кенигсбергскаго списка на листѣ 26 и далѣе, такъ и во II Части Г. Татищева Исторіи отъ лист. 20 до 24. Онъ свидѣтельствуетъ, какую благоразумную политику обѣ договаривающіяся стороны имѣли. Кто можетъ послѣ сего оспорить намъ познаніе народныхъ правъ еще задолго до Владимирова крещенія? Пусть заглянутъ во внѣшнихъ Историковъ, и найдутъ въ Историческомъ Словарѣ и въ Хроникѣ Готфредовой то же самое, что и въ Несторѣ, съ малою токмо въ лѣтахъ разностію, и въ самыхъ Греческихъ современныхъ и послѣдующихъ Византійскихъ Писателяхъ. Кто и въ томъ усомнится, чтобъ мы прежде Игоря Словесности не знали, писать не умѣли и Историческихъ не имѣли записокъ? Кто скажетъ, чтобъ законы гражданскіе у насъ не существовали, когда въ семъ договорѣ есть ссылка на законы?

„и самую жену его отдать истцу, то „есть, ближайшему по закону сроднику убіен„наго. VI. Но естьли убійца беденъ, бездо„менъ, и скрылся, то хотя судъ и кон„чить; но когда сыщется преступникъ, тогда „преданъ казни да будетъ. VII. За уяз„вленіе мечемъ, или инымъ чемъ, платить „пять литръ сребра по закону Рускому (*); „а ежели уязвитель столько не имеетъ, то „да отдастъ все, что имеетъ, даже и оде„жду на немъ сущу; а притомъ и присягу да „учинитъ, что больше ничего у него нетъ, „и никто ему не даетъ помощи: симъ кон„чится судъ. VIII. Естьли украдетъ Руской „у Грека, или Грекъ у Рускаго, то и тотъ и „другой поиманнаго на воровстве да предста„витъ съ поличнымъ къ суду; а ежели при „сопротивленіи воръ и убитъ будетъ хозяи„номъ, тогда убійства на немъ не взыскивать, „а покраденное обратно взять ему позволяет„ся. IX. Будежъ тать безъ обороны въ руки „отдастся и къ суду приведенъ будетъ, „то украденное взять съ него втрое. X. „Втрое же и насильствомъ взятое возвра„щать претерпевшему. XI. Когда судно „Греческое, бурею поврежденное, понудит„ся пристать къ берегу, Россіанами обитае-

(*) Новое доказательство противу иномыслящихъ чужеземцовъ, что законы въ самой древности еще у насъ были, и точно въ законе Рускомъ, о которомъ будетъ ниже, положено за удареніе 5 гривенъ; здесь же гривну, какъ и праведно есть, литрою или фунтомъ именуетъ Несторъ.

„мому, то подавать ему всяческую по-
„мощь и проводить въ мѣсто безопасное;
„равнымъ образомъ и Греки въ подобныхъ
„случаяхъ должны вспомоществовать Россіа-
„намъ. XII. Ежелижъ будетъ товаръ на со-
„крушенномъ суднѣ безъ хозяевъ, то повин-
„ны съ обѣихъ сторонъ товаръ тотъ сберечь,
„и обязуются Рускіе, пришедъ съ куплею въ
„Царьградъ, оной объявить и отдать кому
„принадлежитъ, или цѣну по продажѣ она-
„го: равномѣрно и Греки учинятъ то же;
„а естьли кто покорыстуется, тотъ, по
„вышеписанному, уличенный заплатитъ втрое.
„XIII. Буде плѣнники у Руских Греки,
„или у Грековъ Рускіе находятся, оныхъ всѣхъ
„освободить и отпустить въ домы; и ежели
„запроданъ плѣнникъ въ иное государство, но
„еще не увезенъ, того возвратить, отдавъ
„купящему цѣну, и впредь ни Грекамъ Рускихъ,
„ни Рускимъ Грековъ не продавать и не
„покупать плѣнниковъ, и самыхъ отъ сто-
„роннихъ непріятелей въ бою плѣнныхъ, имая
„поденную, рабамъ установленную цѣну,
„отпускать въ отечество. XIV. Полонен-
„ныхъ иными народами и приведенныхъ на
„продажу въ Русь или въ Грецію должно
„соотвѣтственно покупать, и потомъ за
„каждаго имая по 20 золотыхъ, давать сво-
„боду. XV. Бѣглыхъ, украденныхъ и по
„нуждѣ проданныхъ своихъ рабовъ, Россіанамъ
„брать къ суду, и по признанію рабскому
„обратно. XVI. Служащіе у Императоровъ
„и торговли ради въ Греціи живущіе Руссы,
„естьли кто изъ нихъ умретъ безъ завѣ-
„щанія, а ближнихъ при немъ не будетъ,

„у таковыхъ отнюдь именія не имать, но „отдавать безпрекословно явившимся ихъ на„слѣдникамъ, или по завѣщанію, что и Рус„кіе содержать ненарушимо обѣщаютъ. XVII. „Егда кто изъ проторговавшихся одол„жаетъ, или кто, учиня злодѣйство, убѣ„житъ въ Грецію, или оттуда въ Россію, „таковыхъ поимавъ, неволею возвращать въ „ихъ землю.„

§ 36.

Возвращеніе пословъ.

Объявленные договоры съ обѣихъ сторонъ взаимными грамотами утверждены, каковую въ цѣлости, видно, на Славянскій языкъ тогдажъ переведенную сохранилъ намъ повѣствователь нашъ Преподобный Несторъ (*). Греки цѣло-

(*) Несторъ въ напечатанномъ Кенигсбергскомъ спискѣ, стр. 26, прилагаетъ сію грамоту слѣдующими словами: „ Мы отъ рода Рускаго Карлъ и Негелдъ, Фарловъ, Веремундъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карлъ, Фрелавъ, Руаль, Актенъ, Труанъ, Лидуль, Фестъ и Стемидъ, посланные отъ Великаго Князя Рускаго и Олега и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ Князей и его великихъ бояръ, къ вамъ Львови и Александрови и Константину, великимъ о Бозѣ Самодержцамъ, Царямъ Греческимъ, на удержаніе и извѣщаніе отъ многихъ лѣтъ межь Христіаны и Русью бывшей любви. По хотѣніямъ нашихъ Великихъ Князей и по повелѣнію отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси, наша свѣтлость, болѣ и не хотящихъ, еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межь Христіаны и Русью, многажды право судикомъ, но точію простословеснѣ, и писаніемъ и клятвою твердою, клявшись оружіемъ

ванїемъ крестнымъ присягнули, а Россїяне по своему закону оружїемъ и богами на грамотѣ поклялися. Царь Леонъ почтилъ Пословъ Руских многими дарами отъ злата, сребра,

своимъ, такую любовь утвердити и извѣстити по вѣрѣ и закону нашему, якоже мы имались о Божїей вѣрѣ и о любви главы таковыя.„ По семъ писаны вышереченныя статьи договора, а за ними заключенїе слѣдующее: „Сїяжъ вся да сотворитъ Русь Грекамъ, идѣже аще ключится таково; на утвержденїежъ неподвижное быти межи Христїаны и Русью, бывшїй миръ сотворихомъ Ивановымъ написанїемъ на двою хартїю, Царя вашего своею рукою предлежащимъ честнымъ Крестомъ и Святою единосущною Троицею, единаго истиннаго Бога нашего извѣсти и даси нашимъ Посломъ. Мы же кляхомся ко Царю вашему, иже отъ Бога суща, якоже Божье зданье, по закону и по закону языка нашего, не преступити намъ никому отъ страны нашея установленныхъ главъ мира и любви; и таковое написанїе дахомъ царства нашего на утвержденїе, обоему пребывати такому совѣщанїю на утвержденїе и на извѣщенїе межи нами бывающаго мира. Мѣсяца Сентемврїя 2, недѣли 8, въ лѣто отъ созданїя мїра 6460.„ — Примѣчанїя достойно, сколь мало по толь много прошедшихъ вѣкахъ языкъ нашъ перемѣнился. Нѣтъ ни одного извѣстнаго языка, который бы чрезъ три столѣтїя вразумителенъ нынѣ былъ: а нашъ, не токмо которымъ писалъ Несторъ, чему нынѣ болѣе шести сотъ лѣтъ, но и древнѣйшїй, какимъ Новоградская лѣтопись Іоакимомъ писана, весьма вразумителенъ. Сему причиною переводъ церковныхъ книгъ на Славянскїй языкъ, и непремѣнное съ самаго Россїи крещенїя въ Божественной службѣ оныхъ употребленїе.

парчей и одеждъ драгоцѣнныхъ; потомъ повелѣлъ Вельможамъ своимъ показать имъ великолѣпіе чертоговъ его и красоту церковную, и палаты казенныя, въ которыхъ зримы были хранящіяся богатства неизреченныя, во златѣ и камени драгоцѣнномъ и бисерѣ жемчужномъ состоящія, притомъ и страсти Господни, яко то: вѣнецъ терновый, гвоздіе и хламида багряная и мощи Святыхъ, имъ показаны; дабы видя они святыню сію, къ вѣрѣ Христіанской склонились, и тою соединясь со Греками, въ мирѣ и тишинѣ пребывали. По семъ отпущенные съ отмѣнною честію и великимъ богатствомъ возвратились Послы въ отечество. По прибытіи объявили Великому Князю и Олегу заключеніе мира. Князи, принявъ ихъ съ благоволеніемъ, постановленные ими договоры и размѣнную грамоту во всей ея силѣ утвердили. Олегъ, съ сего времени вкушая сладкіе плоды трудовъ своихъ, предался покою, и въ мирномъ житіи, даровавъ миръ и безопасность отечеству и воспитаннику своему, препроводилъ съ удовольствіемъ оставшіе дни своея жизни. Такъ обыкновенно по долголѣтнихъ трудахъ военный Государь, созерцая пожатые съ полей бранныхъ лавры, въ покойной недѣятельности готовитъ ихъ на украшеніе могилы, рокомъ ему пріуготовляемой. Въ нѣгѣ роскошей мнилъ Герой нашъ забывать суровость воинскія жизни, когда смерть, не щадящая въ естествѣ ни Царя, ни подданнаго, ни побѣдителя, ни побѣжденныхъ, приближаясь къ нему, угрожала уже совершеніемъ рока, въ равную и Владыку и раба участь повергающаго.

§ 37.

Уже по таковому непреложному судьбы опредѣленiю касался Олегъ непостижимыя вѣчности вратъ и смертнаго порога, за которымъ обнажаются всѣ наши дѣянiя, и прiемлютъ достойную мзду, по мѣрѣ благихъ и злыхъ дѣлъ своихъ, всѣ человѣки. Уже встрѣчалъ его нелицепрiемный судъ, когда онъ, будучи здравъ, меньше всего помышлялъ о вѣчности. Повѣствованiе оставило намъ дивное о кончинѣ его сказанiе, единой токмо суевѣрной древности вѣроятностiю соотвѣтствующее. Сказываютъ Дѣеписатели, что прежде похода своего на Грековъ, вопросилъ онъ волхвовъ: „отъ чего приключится конецъ его жизни?„ Отвѣтъ дали ему вѣщуны, что отъ любимаго своего коня онъ умретъ. Подавшiй вѣру сомнительному провѣщанiю, повелѣлъ тогдажъ Олегъ сокрыть отъ него коня, никогда къ нему не подводить и кормить его особенно. Съ тѣмъ пошелъ онъ на войну, и возвратясь изъ Грецiи въ пятое уже отъ провѣщанiя лѣто, воспомянулъ онъ о конѣ своемъ, и призвавъ начальника конюховъ, вопросилъ: „гдѣ конь мой, котораго повелѣлъ я кормить и блюсти рачительно?„ Конюшiй отвѣчалъ ему, что давно уже умеръ. Тогда посмѣявся волхвамъ, сказалъ Олегъ: „лживы суть гаданiя ихъ: конь мертвъ, а я еще живу; однако хощу видѣть кости его и показать имъ во обличенiе.„ Изрекши сiе предстоящимъ, повелѣлъ вести себя на то поле, гдѣ кости коня лежали и, подъѣхавъ къ нимъ, узрѣлъ голы, и лобъ голъ увидѣвъ, болѣе возкощунствовалъ надъ волхвами; потомъ сошелъ

Смерть Олегова, лѣта 912.

съ коня, и наступя ногою на лобъ, съ насмѣшкою молвилъ: „отъ тебя ли мнѣ смерть быть можетъ? „Едва слова сіи изъ устъ излетѣли, какъ внезапу выникнувъ ядовитая изо лба змѣя, ужалила его въ ногу. Отъ сего смертоноснаго угрызенія яко бы разболѣвся, Олегъ умеръ, княживъ купно съ Игоремъ 33 года. Смерть Героя сего омыта благодарными всего Кіевскаго народа слезами. Погребенъ онъ на горѣ, Щековицею называемой, и могила его видна еще была во время лѣтописателя Нестора.

§ 38.

Заключеніе объ Олегѣ.

Не имѣя въ Дѣеписателяхъ нашихъ свидѣтельствъ, не можемъ мы преподать потомству описанія, ни тѣлеснаго вида, ни нравственнаго Олегова характера. Все, что удобь возможно изъ дѣяній его примѣтить, представляетъ его воображенію нашему Героемъ предпріимчивымъ и твердымъ въ исполненіи намѣреній отважныхъ. Храбръ былъ онъ со врожденною воинскою хитростію; политикъ, въ правленіи самовластіе хранящій; похититель Кіева, но Княжества Кіевскаго основатель и прираститель. Онъ первый создатель общественнаго Россіи тѣла; онъ и имя Россійское первый прославилъ; онъ какъ будто бы изгналъ изъ предѣловъ Рюриковыхъ наименованіе Государства Славяно-Рускаго, и подъ общимъ всея Россіи именемъ явилъ его на шарѣ земномъ пространнѣйшимъ, сильнѣйшимъ, богатѣйшимъ. Не отнялъ у Новаграда ни свободы, ни торговли; но постановя изобильный въ Кіевѣ торгъ, и обогативъ общую сію столицу, умѣлъ въ обузданной приверженности

содержать Славяно-Рускую вольность. Своевольный Новград не дерзал при нем мятежныя воздвигнуть главы, и с прочими цѣлую Россїю составлявшими народами ублажал мудрое правителя сего владычество. Таков был Олег, достойный безсмертнаго имени и нашея вѣчныя памяти.

ГЛАВА VII.

Продолженїе Княженїя Игорева.

§ 39.

Мы выше объявили, что Олег, шедши на войну против Греков, предал Игорю единодержавную над всею Россїею власть (*); Игорь I прїемлет княженїе, лѣта 6421 913.

(*) Как велика тогда была Россїя, из каких племен она состояла, на каких мѣстоположенїях племена сїи обитали, почел я, для ясности будущих ея дѣянїй, необходимо нужным предувѣдомить читателя. Хотя в предыдущих главах и не оставил я по приличїю частно то описывать; но совокупное о том сказанїе отнес к сему случаю, яко к неподвижной уже точкѣ, опредѣляющей цѣлый круг ея обширности. По свидѣтельству Несторову, Руссы жили около Ильменя по рѣкам Волхову, Шалонѣ, Мстѣ, Ловати, Полѣ; и древнїй их град, которой и нынѣ существует, был Старая Русь. Варяго-Руссы и Варяги, по наслѣдству Рюрикову прїобрѣтенные, обитали по ту сторону Ильменя, около Финскаго залива и купно с Новогородскими Славяно-Руссами до рѣки Кимени и около Ладожскаго озера и Нево озера; Емь или Ям за рѣкою Свирью к нынѣшнему Олонцу и Петрозаводску; Чудь между Россов

однако не можемъ увѣрить, чтобъ сей Великій Князь во время жизни дядьки своего державствовалъ, къ нему не относяся; а потому точное вступленіе его на престолъ Кіевскій многіе полагаютъ въ 913 е лѣто по Рожд. Хр., то есть, по смерти Олеговой, когда отъ рожденія ему было тридесять и пять лѣтъ, естьли, по свидѣтельству Несторову, Олегъ 33 года владѣлъ. Въ сіежъ самое время, по сказанію нашихъ Писателей, началъ и въ Греціи единоцарствовать Константинъ, сынъ Леоновъ, зять Романовъ; но во внѣшнихъ находимъ съ нашими малое при семъ въ лѣтоизчисленіи несходство. Они полагаютъ какъ смерть Леонову, такъ и наименованіе на Императорскій Греко-Восточный престолъ пятилѣтняго Константина въ 911 году при соцарствовавшемъ

и Ливовъ, а Ливы, Эсты, Ерва, поколѣніе Эстонское, по берегу Варяжскаго моря, Чудскаго озера и до Изборска; Кури и Зимгола по Варяжскому морю далѣе за Ливами, гдѣ нынѣ Курляндія; Кривичи въ верховьѣ Волги, Двины и Днѣпра, и къ нимъ Полотчане на рѣкѣ Полотѣ, и въ лѣсахъ живщая Литва прикасалась. Весь при Бѣломъ озерѣ, Меря при озерахъ Ростовскомъ и Клещинѣ, Мурома при устьѣ Оки, Радимичи по рѣкѣ Сожѣ, Вятичи въ верховьѣ Оки, Поляне по Днѣпру, гдѣ Кіевъ тогда былъ и нынѣ находится; Древляне выше Полянъ по Днѣпру на той же сторонѣ; Сѣверяне на другой сторонѣ Днѣпра повыше Древлянъ; Бужане, Волыняне, Любичи и Тиверцы по Бугу и Днѣстру. Всѣ сіи народы, хотя не можно сказать, чтобъ постоянно подвластны были; однакожъ то достовѣрно, что они составляли Россію и Руссами назывались.

Леонѣ, братѣ его Александрѣ, которому и младенчество Константиново препоручено отъ отца было; а наши, какъ выше объявлено, помѣщаютъ возшествіе его въ одинъ съ Игоремъ 913 й годъ. Сія разность можетъ быть отъ того произошла, что въ семъ году умеръ Александръ и младаго Константина оставилъ единодержавна, подъ опекою Константинажъ Дука, сына Андроникова. Хотя сіе Цареградское произшествіе кажется и не привмѣстно къ повѣствованію нашему; но для того нужнымъ къ объявленію признаю, что Игорь нашъ съ обоими сими Константинами въ жестокой и продолжительной войнѣ будетъ.

§ 40.

Древляне отлагаются отъ Игоря и побѣждены, лѣта 913

По кончинѣ Олеговой Древляне, почитая можетъ быть единственное Игоря правительство не столь страшнымъ, возпещевали, что могутъ, возпользуясь симъ случаемъ, отложиться отъ подданства. Сему намѣренію слѣдуя, заперлись они въ крѣпостяхъ своихъ, и подъ предлогомъ тягости, престали давать войско и дань, Олегомъ возложенную: покушеніе обыкновенное всѣхъ завоеванныхъ народовъ, чтобъ послѣ побѣдителя предлагать нѣкоторыя невмѣстныя прежде требованія, а потомъ и самое упорство! Но Древляне къ нещастію своему нашли въ Игорѣ достойнаго Олегу преемника. Онъ упованіе ихъ обратилъ въ тщету, и дерзость наказалъ чувствительно. При первомъ возмущенія ихъ открытіи неко- снненно пошелъ онъ на противныхъ, наступилъ на нихъ храбро, побѣдилъ, въ послушаніе привелъ и въ наказаніе тягчайшую противу

лѣта 6420/914.

прежнія наложилЪ на нихЪ дань. ТакЪ многіе во всемірномЪ повѣствованіи примѣры доказываютЪ намЪ, что напрасно единожды оружіемЪ покоренные народы дерзаютЪ возставать противЪ побѣдителей. Рана, при покореніи имЪ данная, возскорбляется при возмущеніи, и обезсиля длани и мышцы ихЪ, повергнетЪ вЪ прежнее рабство. НапротивЪ того побѣдителей умножается безстрашіе вЪ потомкахЪ, и вЪ несомнѣнной надеждѣ новаго покоренія поведетЪ ихЪ на брань, яко ГосподЪ, мятежныхЪ невольниковЪ наказующихЪ. Такое предубѣжденіе весьма ощутительно вЪ нынѣшнихЪ ГрекахЪ, ВолохахЪ и МолдаванахЪ. Они, при воззрѣніи ТурокЪ, едва ли когда осмѣлятся иное противупоставить оружіе, какЪ вѣчнаго рабства оковы.

§ 41.

Игорь посылаетъ Воеводу своего воевать Угличанъ, лѣта 914.

ВЪ сіе время послалЪ Великій Князь Игорь войско свое подЪ начальствомЪ Воеводы Свенальда на Угличи, народЪ Славянскій, обитавшій внизЪ по Днѣпру на рѣкѣ Углѣ (*), которая

(*) Угль рѣка, впадающая вЪ ДнѣпрЪ, названа потомЪ ЭрелЪ, а нынѣ ОрелЪ. Угличи, народЪ, по рѣкѣ сей живущій и по ней именующійся, прогнанЪ послѣ Половцами, кои, занявши мѣста ихЪ, кочевья свои на оныхЪ постановили. По свидѣтельству Писателей, вЪ послѣдствіи кочевья сіи были разстояніемЪ отЪ Кіева на 9 дней; ибо столько Князья Рускіе на походЪ свой до пришествія кЪ рѣкѣ Углѣ употребляли. Пересѣчень, городЪ Углицкій, былЪ весьма крѣпкій, потому что три года содержавшійся вЪ осадѣ защищался, и по великомЪ усиліи едва взятЪ войсками Игоря I.

нынѣ Орелъ называется. Между покоренными Олегомъ народъ сей не упоминается; слѣдовательно причина посланія на него войскъ не иная, какъ токмо желаніе покорить его, и къ прочимъ присоединить Рускимъ народамъ. Свенальдъ туда пошелъ, и дань, подобную положенной на Древлянъ, по черной куницѣ съ дыма, на нихъ возложилъ, но не прежде, какъ по трехлѣтнемъ жестокомъ града ихъ Пересѣченя облежаніи. Изъ сего видно, коль упорно оборонялись граждане, и съ какимъ великимъ трудомъ взятъ былъ градъ Свенальдомъ, и Угличи въ совершенное приведены покореніе, хотя и сильный отпоръ чинили. Свенальдъ за знатную столь услугу роздалъ, по повелѣнію Игореву, собранную съ Угличь годичную дань мужественному своему воинству и храбрымъ подъ собою полководцамъ; большею же частію наградилъ искуснаго вождя Свенальда.

§ 42.

Тогдажъ прошли мимо Кіева въ первой разъ Печенѣги (*) и впервые извѣстны стали Россія- Пришествіе Печенѣговъ

Упоминается онъ и подъ лѣтомъ 1154, и кажется, въ прекословіе вышереченному, что недалеко былъ за Переяславлемъ, а потому Половцами и не могъ захваченъ быть.

(*) Печенѣги, по свидѣтельству Нестора, прежде еще Рюрика, и послѣ перваго, но прежде втораго Угровъ мимо Кіева прошествія, пришли къ Славянамъ; а при семъ случаѣ сказуетъ Несторъ: „пріидоша Печенѣги первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игоремъ, преидоша къ Дунаю.„ Тутъ нѣтъ прекословія. По древности говоритъ лѣтописецъ, что пришли они къ Славянамъ, и тогда,

и война Болгаръ съ Греками, лѣта 6,423 / 915.

намъ. Народъ сей, кочевавшій прежде между Дона и Волги, до Яика, нынѣ называемаго Ураломъ, простирался, и потому кажется единородный былъ Половцамъ, хотя и инаго племени. Они, постановивъ съ Игоремъ миръ, уклонились къ Дунаю, куда большею частію и всѣ вытѣсняемые Мунгалами народы устремлялись. Въ то же время Симеонъ Князь, или, какъ нѣкоторые Писатели называютъ, Симеонъ Царь Болгарскій, имѣлъ войну со Греки, и плѣнилъ Ѳракію. Греки засѣвшихъ на Дунаѣ Печенѣговъ наняли противъ побѣдоносныхъ Болгаръ; но едва сіи къ нимъ присовокупились,

кажется, на Днѣпрѣ сѣли у пороговъ, гдѣ потомъ Святослава, возвращающагося съ войны Греческой, убили; а о сихъ сказываетъ, что впервые пришли въ Русь, ибо въ сіе время страна Кіевская уже Русью, а не Славянами называлась, и прошедъ Кіевъ, пошли на Дунай; слѣдовательно хотя они и были однородцы первымъ; но видно, что инаго племени и гораздо послѣ первыхъ проходили. Половцыжъ несомнѣнно одного съ ними корени, но гораздо послѣ извѣстны въ Россіи стали, можетъ быть по разности мѣстоположеній жилищъ ихъ такъ прoименовавшись; ибо когда Половцы знакомы Рускимъ учинились, тогда имя Печенѣговъ изчезло. Въ 1114 году Печенѣги и Торки, кои однимъ народомъ быть кажутся, жили въ верховьѣ Дона, и кровопролитное съ Половцы имѣли сраженіе, на которомъ Половцами побѣжденные пришли въ Русь при Владимирѣ I и послѣдующихъ Князьяхъ, поселены по рѣкѣ Росѣ, наименовались потомъ Торки, Поросяне, Черные Клобуки, и проч., и всегдашніе непріятели Половцамъ были.

и уже на Симеона итти были готовы, какъ войска Греческія, несогласія Воеводъ своихъ ради, возвратились во свояси. Печенѣги, ознаменовавъ храбрость свою разореніемъ земель Греческихъ, паки пришли къ Дунаю; а Болгары, наступя на Грековъ, ихъ побѣдили, и храбрый Симеонъ взялъ тогда приступомъ Андріанополь, градъ изъ древнѣйшихъ въ Греціи. Онъ назывался прежде Орестомъ, по имени Ореста, сына Агамемнонова, Царя подъ Троею бывшаго (*). Сей градъ, спустя многіе вѣки, обновленъ и укрѣпленъ Кесаремъ Адріаномъ, и въ его имя Адріанополемъ переименованъ. Зонаръ, т. II.

§ 43.

Когда Греки кровопролитною съ Болгары занимались войною, тогда Игорь, спокойно на то взирая, давалъ имъ время ослабѣвать и разоряться, а самъ между тѣмъ воевалъ съ

Рожденіе Игорю сына Святослава и пріуготовленіе къ войнѣ противу Грековъ. Лѣта 942S 6429 920 921.

(*) Естьли вѣрить баснословію древнему, то Орестъ, по убіеніи Клитемнестры, матери своей, ходилъ, гонимый фуріями, для очищенія грѣха, въ Тавриду, гдѣ тогда славное Діанино капище находилось, и освобожденный возвращаясь въ Грецію, построилъ градъ во Ѳракіи, и въ свое имя Орестія назвалъ; а разоренный и опустошенный возобновилъ и населилъ Императоръ Адріанъ. Птоломей и Аммїанъ Маркеллинъ сказываютъ, утверждая вышереченное, что Юліанъ Императоръ уже по Адріанѣ паки его возобновлялъ и перестроивалъ; однакожъ подъ старымъ именемъ Адріанополя оставилъ, подъ которымъ и нынѣ у всѣхъ Европейскихъ землеописателей онъ существуетъ, хотя Турки, нынѣшніе его обладатели, Атрапа или Этрепъ называютъ.

Печенѣги. Мы ни причины, ни успѣховъ сея его войны не вѣдаемъ, и долго ли она продолжалась, Дѣеписатели намъ не оставили. Но въ лѣтахъ сихъ повѣствуютъ о рожденiи отъ Олега сына, котораго назвали Святославомъ (*), и притомъ даютъ намъ примѣтить, что въ Грецiи возведенъ въ соцарствiе Константину Романъ, Патрiархомъ Николаемъ провозглашенный. Сей Романъ, или надѣясь на силу свою, или могущество Игорево презирая, обѣщанныя Олегу дани платить хотя не отрицался, но небрегъ, годъ отъ года запуская. Игорь

(*) О рожденiи Святослава въ печатной Несторовой лѣтописи не упоминается; но по свидѣтельству Гна. Татищева въ прим. кн. II. No 101. л. 480. и Степ. Кн. MS. моей библiотеки, доставшейся мнѣ изъ библiот. покойнаго Волынскаго, гл. XXV, явствуетъ, что въ Новоградскомъ и Ростовскомъ спискахъ о томъ объявлено. Не льзя воображать, чтобъ и прежде Святослава отъ многихъ женъ дѣтей не имѣлъ Игорь; но извѣстiе для того кажется до насъ не достигло, что записокъ объ нихъ или не было, или Несторомъ почтены они недостойными ко внесенiю въ лѣтопись; или и сами дѣти, отъ наложницъ родившiяся, беззаконными признаваемы были, хотя въ послѣдующiя времена они равнымъ съ рожденными отъ супружества правомъ безпрекословно довольствовались. Ольгину сыну дано отъ Игоря преимущество, можетъ быть изъ почтенiя къ Олегу, который бракъ ея съ Игоремъ совершилъ, или что она, бывъ въ супружествѣ съ Игоремъ, могла паче всѣхъ другихъ его женъ найти его любовь. Сего ради Святославъ, предпочтительно признанный наслѣдникомъ прочихъ, можетъ статься, поглотилъ имена.

съ огорченїемъ чувствовалъ договора нарушенїе, и всѣми силами прїуготовлялся оружїемъ къ исполненїю принудить, и собирался уже войною итти на Царьградъ. Однакожъ благоразумїе отъ дѣятельности его удерживало, доколѣ и Болгары и Греки междоусобною бранью не изтощатъ силъ обоюдныхъ. Въ продолженїе слѣдующихъ годовъ Симеонъ Болгарскїй, щастливаго оружїя успѣхами ободренный, по разхищенїи Ѳракїи, пришелъ ко вратамъ Царяграда, возкичась, что некосненно онымъ овладѣетъ; но нечаянное противоборство жителей, по многимъ тщетнымъ покушенїямъ, принудило его горделивое оставить намѣренїе, и заключить съ Романомъ перемирїе или и миръ совершенный. Однакожъ миромъ симъ не долго спасенъ былъ отъ новаго облежанїя Царьградъ. Угры или Венгры съ жестокимъ стремленїемъ заступили мѣсто Симеоново, плѣнили всю Ѳракїю, и Романа принудили откупиться отъ нихъ великими дарами.

§ 44.

Тогда Игорь, возпользуясь таковыми тѣсными Грековъ обстоятельствами, и всю справедливость къ требованїю съ нихъ дани имѣя, послалъ лѣта 941 (*) Пословъ своихъ въ Царь- Игорь требуетъ съ Грековъ дани, и видя ихъ упорство,

(*) Лѣтоизчисленїе въ началѣ повѣствованїя нашего въ самомъ Несторѣ кажется непорядочно. Назначаетъ онъ лѣта, но со многимъ пропущенїемъ, какъ въ Олеговомъ и Игоревомъ житїи и далѣе примѣчается; а потому хотя я и послѣдую въ объявленїи приключенїй показаннымъ въ немъ и Татищевѣ лѣтамъ; но за достовѣрныя къ опредѣленїю времени при-

идетъ войною. лѣта 6,449 / 941. градъ съ напоминанїемъ платежа; но видя, что Цари Греческїе единымъ токмо медленїемъ и его обольстить и время продолжить стараются, пошелъ съ собраннымъ войскомъ къ Царюграду. Болгары, узнавъ о его походѣ, хотя и подали вѣсть Царю Роману, что Руссы съ сильнымъ ополченїемъ въ ладїяхъ на него идутъ, однако Игоря извѣстїемъ симъ не воздержали. Благополучнымъ плаванїемъ прошедъ онъ въ 10,000 (*) ладїяхъ Днѣпровскїе пороги, появился въ началѣ Іюня мѣсяца на Черномъ морѣ, и къ брегамъ Малой Азїи присталъ безпрепятственно (**). Тутъ учинилъ

ключенїй ихъ не выдаю; ибо тогда не зная еще Христїанскаго изчисленїя, какое было у насъ въ употребленїи, не извѣстно. Со внѣшними видимъ мы разность иногда малую, иногда и большую въ изчисленїи; но паче прорѣхи въ дѣянїяхъ у Нестора заставляютъ подозрѣвать, не былоль у насъ изчисленїя по празднествамъ, подобнымъ Греческимъ Олимпїядамъ и Римскимъ Сатурнїямъ. Идолопоклонная вѣра, повсюду равносущная, могла и къ намъ равные и въ семъ случаѣ принесть обряды, которыхъ Несторъ не зная, могъ принимать изъ древнихъ записокъ за годъ единый, и постановлять по Христїанскому изчисленїю, вмѣщая пять или больше лѣтъ въ одинъ годъ; отъ чего необходимо прорѣхи учиниться долженствовали.

(*) Византїйскїе Писатели почти всѣ сказуютъ, что судовъ было 10,000. Единый Кедринъ изъ Скилицїя полагаетъ 15,000, и Зонара, именно говоритъ, что судовъ было числомъ не 10, но 15000; но наши всѣ 10,000 считаютъ.

(**) Лео, Грамматикъ, Византїйскїй Писатель, сказываетъ, что флотъ Россїйскїй присталъ

онъ нападенїе и со всею варварскою жестокостїю воевалъ Виѳинїю, Пафлагонїю и Никомидїю даже до Ираклїи. Упраздненныя въ нашествїе его войскъ Греческїя земли всяческое претерпѣли отъ него злощастїе. Огнь, грабежь, убїйство и отвратительное насилїе всеконечному опустошенїю предходили. Среди вопля, рыданїя и трепета живущихъ, зримы были дѣянїя столь гнусныя, сколь для описанїя трудныя. Исторгаемыя изъ рукъ умирающихъ отцовъ юныя отроковицы и отроки влеклись въ неволю, яко жертва на закланїе; а жены, отъ ужаса оцѣпенѣвшїя, въ единомъ токмо звѣрскомъ безчестїи, очнувшись, умирали. Ограбленныя монастыри и церкви, трупами убїенныхъ черноризцевъ устланныя, въ пламени сокрушались, и Священники или вбитыми въ черепы гвоздьми, или растерзанные, страдальчески лишались жизни. Повсюду раздавался стонъ и вопль то въ пыткахъ томимыхъ, то послѣднее дыханїе испускающихъ. Вездѣ курился дымъ, и огнь, по всему поморїю простираясь, воспаленныя пожиралъ селенїя. Такъ варвары, подобно плотояднымъ волкамъ, въ ограду невинныхъ овецъ ворвавшимся, умерщвляютъ, терзаютъ и разрываютъ уды беззащитныхъ жителей, и, адскимъ фурїямъ уподобляясь, мещутъ зажженные пламенники

въ окрестности Стена, подъ которымъ именемъ иногда всѣ мѣста, при Ѳракїйскомъ Босфорѣ лежащїя, а иногда одинъ только берегъ Европейской, начиная отъ Св. Мамонта до выхода въ Черное море, означаются. — Извѣстїя Визан. Ист. Ч. III. гл. I. § 9, и прим. 20 на стр. 23.

въ жилища, нашествія ихъ не ожидавшія. Игорь, по обычаю тогдашнихъ временъ, воевалъ не яко Герой, человѣчество щадящій, но яко разбойникъ, хищеніемъ и смертоубійствомъ водимый. Корысть имъ руководствовала; а мщеніе Грекамъ и разность вѣры къ прелютому кровопролитію побуждали. Сего ради не отягчался онъ великимъ плѣномъ; но нагружалъ суда свои пограбленнымъ богатствомъ. Такъ опустошая земли и свирѣпствуя надъ человѣки, приближался Игорь къ столицѣ Императоровъ Восточныхъ!

§ 45.

Разбитіе воискъ Игоревыхъ, и въ Кіевъ его возвращеніе.

Лѣта 6443 / 934.

Всевышній не долго потерпѣлъ таковое безчеловѣчіе. Праведный за беззаконія людскія его гнѣвъ хотя и предаетъ иногда наказующій бичь въ руки звѣрообразнаго побѣдителя; но тогдажъ благоутробное Его милосердіе спѣшитъ помиловать и спасти человѣчество отъ крайняго погубленія. Дошла въ Царьградъ страшная о нашествіи Руссовъ вѣсть и дремлющее возбудила правительство, презрѣвшее Болгаръ увѣщаніе. Разсѣянные по Государству съ войсками начальники некоснѣнно къ столицѣ собираться стали. Отъ Востока пришелъ Памфилъ Демственникъ (*), имѣя съ собою 40,000 войска Азійскаго; Варда Фока

(*) Демственникъ былъ чинъ знатнѣйшій при Императорахъ Константинопольскихъ. Онъ былъ главный вождь войска, пребывающаго всегда въ столицѣ и называющагося Схолая; и потому Полковникъ ихъ назывался Domesticus Scholarum. — Смотри Извѣст. Визан. Истор. Ч. 3. гл. I. прим. на стр. 26.

онъ нападеніе и со всею варварскою жестокостію воевалъ Виѳинію, Пафлагонію и Никомидію даже до Иракліи. Упраздненныя въ нашествіе его войскъ Греческія земли всяческое претерпѣли отъ него злощастіе. Огнь, грабежь, убійство и отвратительное насиліе всеконечному опустошенію предходили. Среди вопля, рыданія и трепета живущихъ, зримы были дѣянія столь гнусныя, сколь для описанія трудныя. Исторгаемыя изъ рукъ умирающихъ отцовъ юныя отроковицы и отроки влеклись въ неволю, яко жертва на закланіе; а жены, отъ ужаса оцѣпенѣвшія, въ единомъ токмо звѣрскомъ безчестіи, очнувшись, умирали. Ограбленныя монастыри и церкви, трупами убіенныхъ черноризцевъ устланныя, въ пламени сокрушались, и Священники или вбитыми въ черепы гвоздьми, или растерзанные, страдальчески лишались жизни. Повсюду раздавался стонъ и вопль то въ пыткахъ томимыхъ, то послѣднее дыханіе испускающихъ. Вездѣ курился дымъ, и огнь, по всему поморію простираясь, воспаленныя пожиралъ селенія. Такъ варвары, подобно плотояднымъ волкамъ, въ ограду невинныхъ овецъ ворвавшимся, умерщвляютъ, терзаютъ и разрываютъ уды беззащитныхъ жителей, и, адскимъ фуріямъ уподобляясь, мещутъ зажженные пламенники

въ окрестности Стена, подъ которымъ именемъ иногда всѣ мѣста, при Ѳракійскомъ Босфорѣ лежащія, а иногда одинъ только берегъ Европейской, начиная отъ Св. Мамонта до выхода въ Черное море, означаются. — Извѣстія Визан. Ист. Ч. III. гл. I. § 9, и прим. 20 на стр. 23.

скомъ Греческимъ начальствующій, выплывъ изъ Царяграда, ожидалъ уже ихъ на морѣ, и встрѣтясь у маяка или свѣтильника, Фаросъ (*) называемаго, вступилъ съ ними въ бой. Среди сраженія употребилъ Ѳеофанъ хитрость, пустивъ трубами огнь (**) на ладьи Рускія, и симъ столь жестокимъ, сколь и незнаемымъ дохновеніемъ отнялъ у Руссовъ побѣду. Отъ страшнаго сего видѣнія и отъ запаленія судовъ пришедшія въ непорядокъ наши войска,

рода Патрикіевъ, древнѣйшаго Римскаго поколѣнія.

(*) Маякъ или свѣтильникъ, Pharus именуемый, стоялъ при Европейскомъ берегѣ, къ проливу изъ Чернаго моря. Таковые на моряхъ свѣтильники, для признака узкихъ и опасныхъ мѣстахъ, во множествѣ постановляются для безопасности плавающихъ. Они съ высокихъ зданій вдали видимы на островахъ или берегахъ, содержа огнь, освѣщенія ради далеко зримый. Славнѣйшій изъ такихъ свѣтильниковъ въ древности глубокой былъ въ Родосѣ, островѣ Греческомъ, изваянный изъ мѣди въ исполиновомъ видѣ идола Аполлона. Онъ стоялъ въ проходѣ Родосскія пристани, и былъ въ высоту 70 аршинъ, такъ что плывущіе въ пристань корабли между ногами его проходили, а въ рукахъ его были для огня лампады. Лызловъ въ Часть V. гл. 3, о семъ Черноморскомъ Фаросѣ сказываетъ, что былъ онъ близъ Константинополя, на великомъ зданіи, гдѣ есть нѣсколько палатъ, стража и пушки.

(**) Хитрый сей огнь, каковымъ чрезъ трубы зажигали корабли, было изобрѣтенное Греками искуство, и долго подъ названіемъ Греческаго огня существовалъ; ибо Греки въ великомъ таинствѣ его содержали. Нынѣ или тайна сія вовсе пропала, или, яко безполезная при огнестрѣльномъ оружіи, не употребляется

иныя погрязшія въ морѣ потонули, другіе сожженныя погибли; а всѣ разбиты и разсѣяны были. Малое число съ Игоремъ спаслось бѣгствомъ и въ Русь возвратилось. Побѣжденный Игорь, по прибытіи въ отечество, тѣмъ побѣду у него похищенну быть сказывалъ, что Греки на войски его попустили огнь, молніи подобный, и развѣ единымъ токмо богамъ сносный. Тогда Симеонъ Болгарскій ходилъ войною на Хорватъ или, по нынѣшнему нареченію, на Кроатовъ, и будучи отъ нихъ побѣжденъ, умеръ, и сына своего Петра наслѣдникомъ по себѣ въ Болгарахъ оставилъ; а Угры воевали Грековъ, и миръ выгодный съ Романомъ постановили.

§ 46.

Между тѣмъ Игорь Рюриковичь хотя вину нещастія своего небесному приписывалъ огню; однакожъ мщенія за потерянную славу забвенію предать не могъ, и для того вознамѣрясь вторичный предпріять на Грековъ походъ, собралъ всѣ свои войска Славянъ, Варяговъ, Русь, Полянъ, Кривичей, Тиверцовъ, и къ тому еще нанялъ Печенѣговъ, у которыхъ вѣрности ради взялъ тали, то есть, аманатовъ. Съ симъ многочисленнымъ ополченіемъ пошелъ онъ въ Грецію сухимъ и водянымъ путемъ. Корсунцы (*), услышавъ сіе, (Вторый Игоревъ походъ на Греки. Лѣта 6452 944.)

(*) Хорсунь или Корсунь былъ Греческій градъ на Лиманѣ, нынѣ подъ Рускою Державою и на три версты разстояніемъ отъ Севастіанской пристани. Въ немъ Владимиръ I. принялъ Св. крещеніе; а построенъ онъ за 600 лѣтъ до Р. Х. Константинъ Великій въ 322 году уволилъ его отъ всѣхъ податей. Владимиръ

послали къ Царю Роману вѣсть, что идетъ на него Великій Князь Россійскій, и земля безчисленнымъ его войскомъ, а море судами покровенно. О томъ же и Болгары возвѣстили Грекамъ, прибавивъ, что и Печенѣги наемные съ Русью совокупились. Услышавъ сіе, Романъ ужаснулся и послалъ знатныхъ своихъ Бояръ къ Игорю съ прошеніемъ, чтобъ, не вступая войною въ земли Греческія, взялъ дань, уложенную съ Олегомъ за всѣ годы и съ лихвою; а къ Печенѣгамъ отправилъ въ даръ много злата, сребра и шелковыхъ поставовъ, приклоняя ихъ къ отступленію. Игорь былъ уже на Дунаѣ, когда Послы къ нему прибыли, и созвавъ на совѣтъ военачальниковъ своихъ, объявилъ имъ вину посланія. Вельможи и Полководцы согласно предлагали ему, говоря: „Когда Царь Греческій проситъ мира и дань „безъ войны платить хощетъ: то чегожъ „намъ желать болѣе? Получая безъ кровопро-

предъ крещеніемъ взялъ его приступомъ, и по крещеніи паки возвратилъ Грекамъ. Разоренъ онъ Татарами; однако остатки въ развалинахъ свидѣтельствуютъ еще и нынѣ бывшее его великолѣпіе. Разрушенныя церкви и домы являютъ, что были они построены изъ мрамора и порфира прямою Греческою архитектурою.

Херсонъ, новый Россійскій на Лиманѣ при устьѣ Днѣпра городъ и пристань корабельная, съ 1784 выстроенъ и укрѣпленъ великолѣпно, и продолжаетъ торговлю съ купцами Цареградскими, и изъ Архипелага получаетъ товары. Онъ приписанъ къ Екатеринославскому Намѣстничеству. — Словарь Географ. бук. X. стр. 176 — 177. Часть I.

„литїя требуемое, почто намъ изнуряться по„ходомъ и подвергаться опасности? Кто вѣ„даетъ, кому счастїе побѣду опредѣлитъ? Не „всѣ мы идемъ по землѣ; многїе соотчичи на„ши преходятъ глубину морскую, которая „всѣмъ мореплавателямъ вообще иногда гро„зитъ смертїю. Кто положилъ союзъ съ вѣ„трами? кто можетъ обуздать вѣчное пучи„ны право? кто запретитъ безднѣ, въ яро„сти ея, разтворить и на насъ страшный „зевъ, не лодки, но и великїе корабли погло„щающїй? Противу свирѣпости морскїя ни „мужество, ни храбрость и ничто устоять „не можетъ.„ Совѣта толь благоразумнаго послушавъ Игорь, Печенѣгамъ, на коняхъ сущимъ, повелѣлъ воевать Болгарскую землю; а самъ, взявъ отъ Грековъ присланные дары, объявилъ имъ, чтобъ съ обѣщанною данью ѣхали въ Кїевъ, куда со всѣми войски тогдажъ возвратился.

§ 47.

Цари Греческїе, Романъ, Константинъ и Стефанъ, ихъ соуправитель, прислали Пословъ своихъ къ Игорю мирнаго утвержденїя ради, которые обѣтованную на всѣ войски Рускїя дань привезли съ собою. Игорь, постановивъ съ ними примѣрныя заключаемаго союза условїя, отправилъ въ Грецїю своихъ полномочныхъ Пословъ изъ Бояръ знатнѣйшихъ и гостей знаменитѣйшихъ. Сїи, пришедши въ Царьградъ, по долгомъ съ опредѣленными отъ Царей Вельможами разглагольствїи, постановили

Послы Греческїе и мирный договоръ, лѣта 6453 / 945.

вѣчный миръ на слѣдующихъ условїяхъ (*): „I. Великому Князю Рускому Игорю и всѣмъ „состоящимъ подъ рукою его Князьямъ и вель- „можамъ и всему Россїйскому народу быть „въ мирѣ непоколебимомъ съ Цари Греческими,

(*) Несторъ, оставя намъ полной договоръ, говоритъ на стр. 37. печат. списка: „Цари созва Бояры своя и сановники, и приведоша Рускїе Послы и велѣша глаголати и писати своихъ рѣчи на хартїю.„ Я повторяю здѣсь вступленїе въ договоръ для показанїя читателю нѣкоторыхъ примѣчанїя достойныхъ обстоятельствъ: 1) показуетъ оно, что Великїй Князь Игорь былъ не Самодержавецъ, но главный изъ Князей Рускихъ, безъ которыхъ, какъ и безъ Бояръ, ни войны начать, ни мира заключить онъ не могъ; ибо сказуется тутъ имянно: „что Великїй Князь Игорь, и Князи и Бояре его и вси люди Рустїи послаша ны.„ Слѣдовательно 2) Князи и Бояре, подъ рукою Великаго Князя состоящїе, были, какъ и Германскїе, на правѣ Феодальномъ, и столько отъ него зависѣли, сколько въ Германїи отъ Императора Феодальные Бароны; 3) что подъ названїемъ, и люди Рустїи, разумѣлись иѣ свободные люди, кои въ Германїи подъ именемъ Leute ни отъ кого независимые, но у всѣхъ въ войскахъ добровольно служащїе. См. о семъ въ Прим. на Правду Рускую, въ 1792 году тисненїемъ изданную. И таможь 4) видѣть можно о гостяхъ, для чего они здѣсь въ мирныхъ договорахъ соучаствовали; 5) что названные тутъ слуги не суть рабы, но придворные такъ разумѣвались. 6) Изъ договора сего ясно открывается, что, по сообщенїи съ Греками, въ Кїевѣ много уже и въ Игорево время Христїанъ, особливо изъ Вельможъ, было, что потомъ ко крещенїю Ольги,

„Романомъ, Константиномъ и Стефаномъ, и „со всѣмъ сигклитомъ и государствомъ Греческимъ, на вся лѣта, доколѣ свѣтитъ „солнце и стоитъ вселенная. Кто тишину „нарушить помыслитъ: Христіанинъ, да пріи-

Владиміра I и всея Россіи, какъ то Писатели свидѣтельствуютъ, много способствовало; 7) что въ сіе время письменность въ Рускомъ народѣ существовала, слѣдовательно Несторъ писалъ лѣтопись свою не по сказкамъ, а по дѣйствительнымъ запискамъ, кои время отъ насъ истребило; и 8) что изъ объявленныхъ Посламъ именъ видны по нарѣчію, кто были Руссы, кто Славяне и кто Варяги, ибо такъ гласитъ вступленіе въ договоры, которыхъ статьи кратко мною въ повѣствовательное внесены содержаніе.

„Мы отъ рода Рускаго Послы и гостіе „Великаго Князя Игоря: Иваръ, Посолъ Игоревъ, Великаго Князя Рускаго; и общіи Послы, Фуевастъ, Святослава сына Игорева, „Искусеви, Ольги Княгини, и слуги Игоревы „и Нетіи (†) Игоревы: Улебъ Володиславль, „Кана Царь Предславинъ, Шигобернъ, Эфан„ды, жены Улебовы (††), Прастенъ Тудуродови „и Абіаръ Фастовъ, Гримъ Сфирковъ, Пра„стенъ, Якунъ, Нетій Игоревъ. Кары (†††): „Студековъ, Каршевъ, Тудоровъ, Егріер„висковъ, Высковъ, Иковъ, Истроаминдовъ, „Ятвягъ, Гунаревъ, Шибринъ, Алданъ, „Колклековъ, Стешетоновъ, Сфирка, Ал-

(†) Нетіи, чинъ. См. отвѣтъ Г. Болтина на письмо Князя Щербатова.

(††) Улебъ былъ сынъ Игоревъ не отъ Ольги; убитъ прежде, а здѣсь жена его Эфанда вдовствующая упоминается.

(†††) Кары, естьли не описка вмѣсто Карлъ, то надобно быть чину, намъ неизвѣстному.

„метъ отъ Бога Вседержителя месть и осу„жденіе на погибель въ сей вѣкъ и въ будущій; а некрещеные да не имутъ помощи „отъ боговъ и отъ Перуна громодержателя; „да не возмогутъ укрыться щиты своими, и

„вадъ, Гудовъ, Фрудій Тулбовъ, Муторъ, „Утинъ, Адунь, Адолбь, Антивладъ, Улебъ, „Фрутанъ, Гомолъ, Куцисмигъ, Туробридъ, „Фростень, Ингелдъ, Турибенъ, Моны, Ру„алдъ, Свенъ-Стиръ, Алданъ, Тилей, „Апубкаръ, Свекъ, Вузелевъ и Сиковъ Би„ричь, посланніи отъ Великаго Князя Рус„каго Игоря и отъ всѣхъ Князей Рускихъ, „и отъ всѣхъ людей Рускія земли, и отъ „тѣхъ заповѣдано обновити ветхій миръ, и „ненавидящаго добра и враждолюбца діавола „разорити, отъ многихъ лѣтъ утвердити „любовь межи Греки и Русью.„ (По семъ, яко 1 статья, представляется обоюдная клятва, въ 1 статью моего перечня внесенная, но здѣсь въ подлинникѣ, ради познанія, что были между Послами Христіане, повторяется.) „I. Великій Князь нашъ Игорь, продолжаетъ „Несторъ, и Князи и Бояре его и вси люди „Рустіи послаша ны къ Роману и Стефану и „Константину, Великимъ Княземъ Грецкимъ, „сотворити любовь съ самыми Царьми и со „всѣмъ Боярствомъ, и со всѣми людьми Грец„кими на вся лѣта, дондеже солнце сіяетъ „и весь миръ стоитъ. Иже помыслитъ отъ „страны Рускія разрушити такую любовь, и „елико (†) ихъ крещеніе пріяло есть отъ „страны Рускія, да пріимутъ отъ Бога Все„держителя осужденіе на погибель въ сей „вѣкъ и въ будущій; а елико (††) ихъ не

(†) Сколько есть крещеныхъ.

(††) И сколько некрещеныхъ. Изъ сего видно, что много Христіанъ было.

„да лягутъ посѣчены мечи своими; да па-
„дутъ они отъ собственнаго оружїя, и не
„возстанутъ и пребудутъ вовѣки рабами.
„II. Великому Князю Игорю и его Князьямъ и
„Вельможамъ отпускать въ Грецїю судовъ,
„сколько угодно, съ Послами и съ гостьми
„своими, какъ прежде узаконено; и хотя до-
„селѣ приносили Послы грамоты съ золоты-
„ми печатьми, а купцы со серебреными (*); но
„отнынѣ заповѣдано посылать ко царству
„Греческому грамоты съ такими печатьми,
„съ какими обыкновенно всюду посылаются.
„III. Въ грамотахъ объявлять число кораблей;
„а безъ грамоты прїѣхавшихъ держать за стра-
„жею до увѣдомленїя Рускому Князю. IV. Про-
„тивящихся тому вольно и убить, не опа-

„крещено есть, да не имутъ помощи отъ Бо-
„га (†), ни отъ Перуна, да не ощитятся щи-
„ты своими; да посѣчены будутъ мечи свои-
„ми, и отъ стрѣлъ и отъ инаго оружїя сво-
„его да умрутъ, или да будутъ раби въ
„сей вѣкъ и въ будущїй (††).

(*) Печати златыя и сребряныя, то есть: при-
вѣшенныя къ грамотамъ или въ ковчегъ зла-
тыхъ и сребреныхъ, или безъ ковчеговъ на
позлащенномъ воску. Но какой тогда Россїй-
ской Гербъ былъ, того изъ Писателей не вид-
но, и для чего отмѣнены, и съ какими обык-
новенно всюду посылались, не извѣстно.

(†) Отъ Бога; а сїе свидѣтельствуетъ, что и
самые идолопоклонники Существо всевышняго
Бога и безсмертїе души человѣческїя испо-
вѣдали.

(††) А рабство и неволю жесточайшимъ наказа-
нїемъ и паче смерти почитали.

„саясь взысканія; а о бѣглецахъ писать къ „Великому Князю, да сотворитъ съ ними по „волѣ своей. V. Когда Рускіе пріидутъ безъ „торговли, то не брать имъ мѣсячины; и да „запретитъ имъ Великій Князь словомъ сво- „имъ творить безчиніе въ селахъ и странѣ „Греческой. Приходящіе изъ Руси всѣ да жи- „вутъ у Святаго Мамонта, гдѣ Царскіе „урядники ихъ перепишутъ; и тогда воспріи- „мутъ Послы имъ надлежащее, и купцы свое „мѣсячное: первѣе горожане Кіевскіе, потомъ „Черниговскіе, Переяславскіе и прочихъ горо- „довъ, и входятъ для торгу во градъ не бо- „лѣе вдругъ, какъ по 50 человѣкъ, безъ ору- „жія и во врата единыя, за Царскими для ихъ „охраненія приставами, и тамо творятъ ку- „плю по волѣ своей. VI. Ежели кто отъ Ру- „скихъ или отъ Грекъ учинитъ неправду, „долженъ судимъ быть на мѣстѣ. VII. Входя „во градъ, Россіяне да не творятъ обидъ ни- „кому, и паволокъ да не купятъ выше осьми „золотниковъ (*); и тѣ паволоки купецъ „объявить долженъ Царскому приставу, ко- „торый купленное запишетъ, запечатаетъ и „отдастъ купцу. VIII. При отъѣздѣ получа-

(*) По вычисленію Г. Татищ. въ примѣч. кн. II. No III. л. 384. золотникъ тожъ, что Греческая драхма, для того онъ по осьми и поставилъ. Ломоносовъ написалъ при семъ, последуя печатному Нестору, стр. 40, которой говоритъ: „не купити паволокъ лише 50 золотникъ.„ Не выше 50 золотыхъ. Цѣна великая и для самыхъ дорогихъ парчей, которыхъ вывозъ и безъ сего ограниченія запрещался.

„ютъ Рускїе на дорогу съѣстные припасы, и „какія потребно для судовъ снасти, какъ „прежде установлено, и возвращаются съ гра„мотою, не имѣя власти зимовать у Святаго „Мамонта. IX. Ежели бѣжитъ слуга отъ Ру„скаго ко Грекамъ, и сыщется хотя и въ дру„гой прїѣздъ, то взять его обратно; а есть„ли не отыщется, то имѣютъ присягать „Рускїе по своему закону, а Греки по своему; „и тогда Рускїе взимаютъ отъ Грековъ цѣну „за бѣглеца двѣ паволоки, взявъ на вѣру по „прежде установленному правилу. X. Ежели „уйдетъ кто изъ Грековъ къ Рускимъ и сне„сетъ что съ собою, то, при возвращенїи его, „прїемщикъ отдаетъ сносъ въ цѣлости, и „за прїемъ платитъ *два золотыхъ*. XI. „Когда Россїянинъ покусится что от„нять у Грека, или Грекъ у Россїянина, то „имѣвшїй намѣренїе наказанъ будетъ жесто„ко; а буде дѣйствительно отниметъ, то „долженъ возвратить вдвое. XII. Украден„ное взыскивать съ вора вдвое, то есть: по„хищенное въ цѣлости, и цѣну, чего оно „стоитъ; а ежели украденное будетъ уже въ „продажѣ или утрачено, то взыскать двой„ную цѣну хозяину; а татя наказать по за„конамъ Рускимъ, или Греческимъ, отъ кого „татьба случится. XIII. Плѣнниковъ, взятыхъ „отъ другихъ народовъ, выкупать договари„вающимся: молодыхъ мущинъ и дѣвицъ взро„слыхъ по 10 золотниковъ, середовичей по „осьми, старыхъ и малолѣтныхъ по пяти. XIV. „Когда найдется Россїянинъ въ работѣ, яко „плѣнникъ у Грека, или Грекъ у Россїянина, „дають за него выкупу по 10 золотниковъ;

Цѣна рабу два кафтана, что паволока знаменуетъ.

„буде же онъ Грекомъ или Рускимъ купленъ, „то платятъ по присягѣ данную за него цѣну. „XV. Рускимъ Князьямъ ни подъ какимъ видомъ Корсунской земли не воевать, въ нее не „вступаться и надъ нею и градами, въ ней на„ходящимися, не имѣть никакой власти; ибо „она, яко подъ Греческою Державою состоящая, „всяческое отъ Руси истинное пришяванїе удо„влетворить имѣетъ, по повелѣнїю отъ Цар„скїя власти. XVI. Когда Рускїе найдутъ „судно Греческое, на брегъ бурею выброшен„ное, да не учинятъ ему обиды; буде же „кто обидитъ или что возьметъ, или пора„ботитъ, или убьетъ человѣка, тотъ да нака„жется по закону Рускому или Греческому; „каждый преступникъ по своему закону да „казнится (*). XVII. Корсунцамъ, ловящимъ „рыбы въ устьяхъ Днѣпра, да не причиняютъ „Рускїе никакой обиды, и да не зимуютъ ни „въ устьяхъ Днѣпра, ни при Бѣловѣжи (**),

(*) *По законамъ Рускимъ.* Симъ ясно доказывается та истинна, что Россїяне отъ самыя древности прежде извѣстныхъ намъ имѣли свои собственные законы, и что Правда Руская, первый до насъ достигшїй законъ, основана на первобытномъ, такъ, какъ последующїе на ней уже основывались. Можетъ быть съ крещенїемъ заняли мы отъ Грековъ, подобно Германцамъ, Юстинїановы, и ими умножили свои древнѣйшїе, и можетъ быть тѣмъ повредили простоту гражданскихъ правилъ, прїявъ не кстати преданїя церковныя.

(**) *При Бѣловѣжи.* Несторъ, стр. 42, называетъ Бѣлобережи; но сїе кажется переписчиковъ ошибка, а правильнѣе Бѣла вѣжа, древнїй Гре-

„ниже у Святаго Елферія (*), но при наступившей осени отходятъ въ Русь въ домы „своя. XVIII. Приходящихъ иногда воевать „страну Корсунскую Черныхъ (**) или Болгаровъ Великій Князь Руской имѣетъ не допускать до учиненія вреда объявленному предѣлу. „XIX. Грековъ преступниковъ казнить Руские „Князья не имѣютъ власти; но Царскимъ „велѣніемъ пріемлетъ каждый казнь по закону, яко и Руские по закону Рускому. XX. О „убивствахъ судить, какъ положено было въ „прежнемъ съ Олегомъ договорѣ, то есть, „когда Грекъ убьетъ Русина, или Русъ Грека, то ближніе убіеннаго, поимавъ убійцу, „вольны его убить; а буде онъ убѣжитъ и „имѣетъ достатокъ, то возьмутъ все его „имѣніе; ежелижъ ничего у него не найдется, „то терпятъ, доколѣ его сыщутъ, и сы-

ческій городъ, на Днѣпрѣ, которой ихъ землеописатели Оліополь или Милетополь называли. Татищевъ полагаетъ, кн. II. прим. No 113, что Бѣла вѣжа была при устьѣ рѣчьки Таганки, на западной сторонѣ Днѣпра, гдѣ по большому чертежу старинное и немалое городище написано; а Г. Болтинъ думаетъ въ примѣчаніяхъ на Князя Щербатова MS, что городъ сей Руские называли Бѣла вѣжа, и что онъ долгое время былъ подъ Козарами; и по многихъ вѣкахъ на развалинахъ его построили Татары городъ Кизыкермень, который недавно переименованъ.

(*) Святаго Елферія островъ есть близь устья Днѣпровскаго; нынѣ не такъ называется. Татищ. кн. II. примѣч. No 33, мнитъ, что нынѣ называютъ его Олешками.

(**) *Черныхъ*. См. выше *Черные Клобуки*.

„сканный да убіенъ будетъ. XXI. Ежели кто „ударитъ кого мечемъ или инымъ какимъ „орудіемъ, Руской ли Грека, Грекъ ли Ру„скаго, платитъ уязвленному пять литръ „сребра по закону Рускому; а буде не имѣетъ „чѣмъ платить, то все даже до одежды съ „него продать, и взявъ роту, что болѣе ни„чего не имѣетъ, освободить. XXII. Когда слу„чится Греческому царству нужда въ войскѣ „противъ супостатовъ, то Великій Князь „посылаетъ по грамотѣ требуемое число, да „чрезъ то увѣдаютъ иныя страны, какову „имѣютъ Греки съ Россіею любовь.„ О взаимномъ вспомогательныхъ войскъ посыланіи для того кажется умолчено, что Греки обязаны были дань на войска по городамъ Рускимъ платить.

§ 48.

Присяга по заключеніи мирнаго договора.

Подписавъ Послы мирный договоръ и размѣнявся равными подлинниками, учинили на немъ присягу: тѣ, кои изъ Рускихъ крещены были, въ Соборной церкви купно съ Царями Греческими и Совѣтниками ихъ и Вельможами, цѣлуя животворящій Крестъ; а идолопоклонники клялись Перуномъ и оружіемъ и бронею своею. По отпускѣ Рускихъ Пословъ, отправлены съ ними Греческіе къ Игорю для воспринятія отъ него подобной присяги, и по пріѣздѣ представленные Великому Князю, который отъ возвратившихся своихъ уже вѣдалъ, на чемъ кончился и подписанъ договоръ, говорили: „Имѣемъ мы объявить, что Цари „наши, желая любви и мира съ вами, Великимъ „Княземъ и прочими свѣтлыми Князьями и

„Бояры Рускими, заключили оный, и въ содер-„жанїи сего договора присягнули. Напротивъ „того желаютъ, да и выбъ по закону вашему „взаимною клятвою утвердили Послами ва-„шими постановленныя съ нами условїя.„ Игорь обещалъ имъ исполнить требуемое, и на другой день заутра, позвавъ Греческихъ Пословъ, пошелъ со всѣми Князьями и Вельможами своими на холмъ, гдѣ тогда стоялъ Перунъ, главнѣйшїй изъ боговъ Кїевскихъ, отправилъ предъ ними великолѣпное жертвоприношенїе, и потомъ какъ самъ, такъ и всѣ въ язычествѣ бывшїе Вельможи его, повергли предъ кумиромъ оружїя свои, щиты, брони и злато, и клятву общенародную учинили; бывшїежъ изъ Вельможъ Христїане цѣловали Крестъ въ церкви Св. Илїи, надъ ручьемъ существовавшей. Много уже было тогда Христїанъ, особливо изъ Варягъ, и видно, что невозбранное имѣли они богослуженїе. Тако Игорь, утвердивъ со Греками вѣчный миръ, одарилъ Пословъ плѣнниками, воскомъ и шкурами, то есть, мягкою рухлядью, обыкновенными тогда товарами, которые въ цѣнѣ денегъ состояли. Куницы (*) замѣняли въ то время ходячїя деньги, а златыхъ и сребреныхъ тисненїя еще не было. Злато и сребро, также товаромъ почитаемое, токмо вѣсомъ, гривнами или фунтами и золотниками изъ рукъ въ руки

(*) Смотри о древной Руской монетѣ въ изданной 1792 года съ объясненїями Правдѣ Руской или законѣ Ярославовѣ и Владимировѣ; тамо о шкурахъ, яко куницахъ и бѣлкахъ, сказано въ подробной ихъ цѣнѣ въ отношенїи къ золоту и сребру.

вЪ промѣнЪ преходило. Блаженная таковая торговля, при которой знаки товаровЪ вЪ естественной своей цѣнѣ обращаются! ПотомЪ сЪ честїю отпущенные Послы возвратились ко Двору своему, оставя Игоря наслаждаться миромЪ, тишиною и благоденствїемЪ (*).

§ 49.

ПоходЪ ИгоревЪ на Древлянъ, и смерть сего Князя.

Надолго ли тогдашнїе воинскїе народы могли быть вЪ покоѣ? По заключенїи со Греками мира, Игорь сталЪ прїуготовляться кЪ

Лѣта 495.

(*) Не могЪ я при семЪ договорѣ оставить безЪ примѣчанїя, что иногда неправедно называемЪ мы древнїе вѣки вѣками невѣжества. Кто изЪ настоящихЪ ПолитиковЪ не отдастЪ справедливости ПолитикамЪ ИгоревымЪ, разобравЪ объявленный сЪ Греками ихЪ договорЪ? Какой могутЪ найти они вЪ немЪ недостатокЪ? Ясность предписанныхЪ условїй ни споровЪ, ни недоразумѣнїй на будущїя времена вЪ утвержденныхЪ статьяхЪ не оставляетЪ. Пользы, которыя договаривающимся сторонамЪ нужными тогда казались, соблюдены обоюдно. Самыя дробности ради отнятїя всяческаго притязанїя или повода кЪ нарушенїю мира не забыты. НѣтЪ вЪ немЪ ни двутолковаго смысла, ни стороннихЪ ухищренїй, подЪ предлогомЪ обоюдныя ясности, Политиками включаемыхЪ, когда они другЪ друга обмануть стараются, предоставляя себѣ на случай вѣроломства оправданїе и возможность отрицанїя отЪ своихЪ условїй, какЪ естьли привмѣстится собственная польза при несогласїи, особливо при войнѣ другихЪ союзныхЪ ДержавЪ. ВЪ немЪ говоритЪ незазорная истинна грознымЪ прочимЪ ГосударямЪ языкомЪ, какЪ постановившїе мирЪ, вЪ отношенїи войны сЪ другими Государствами, для обо-

Art. Separ.

походу на Древлянъ (*), и въ наступившую осень изъ Кіева съ воинствомъ выступилъ. Причиною сего похода было роптаніе его дружины. Мы выше объявили, что прежде похода на Грецію посылалъ Игорь Свенельда, вождя своего, воевать Угличей и землю Дре-

юдныхъ пользъ дѣйствовать будутъ; слѣдовательно въ особенныхъ или сепаратныхъ, по нынѣшнему, статьяхъ нужды не имѣютъ. Осторожность отъ сосѣдей сварливыхъ открывается въ нихъ безъ утайки въ сказаніи простомъ, „чтобъ вѣдали иные народы, что мы въ мирѣ и любви суть.„ По такомъ примѣчаніи сказали бы мнѣ нынѣшніе Политики, чѣмъ преимуществуютъ они, почитая иногда древнихъ невѣждами? Я, можетъ быть по моему невѣжеству, не вижу въ новыхъ инаго превосходства, какъ развѣ просвѣщеннаго вѣка сего обыкновеніе едва ли не общее, чтобъ даннаго слова не держать и пользоваться упадкомъ или злосчастіемъ, или неосторожностію союзника, съ которымъ, торжественно призывая Бога въ свидѣтели, клялись быть въ дружбѣ, согласіи и любви; и кажется, какъ будто бы долго въ тайнѣ хранимыя ихъ особенныя статьи скрываютъ всегдашнюю опасность сосѣдей, и каждаго союзника содержатъ и питаютъ въ жертву встрѣчающихся корыстей. Для того щедры они особенными статьями; ибо и со всѣми безъ изключенія во время мирное, на случай непредвидимый, таковыя въ тайнѣ противу другихъ поставляютъ безъ общественнаго между ими сношенія.

(*) Татищевъ, кн. II. примѣч. No 123, стр. 388, говоритъ о сихъ Древлянахъ тако: „Изъ сей „Исторіи ясно видимо, что Древляне на„родъ былъ Славянской, жили по рѣкѣ При-

влянскую, и за покоренїе оныхъ пожаловалъ ему и съ нимъ бывшему войску дань, съ сего народа по черной кунѣ съ дыму собранную. Такое награжденїе возбудило великую зависть въ прочихъ его войскахъ, ходившихъ на Грековъ, и подвигло дружину его неотступно стужать ему, говоря: „Ратники Свенельдовы „обогащены, блестятъ оружїемъ и одеждою „украшенны; а мы наги и босы есьмы. Пойдемъ, „Князь, съ нами на Древлянъ, да и ты обо„гатишься, и мы корысти получимъ.„ Игорь, вѣдая, что, по изобилїю Древлянскихъ земель, дань платили они легкую, внялъ прошенїю и пошелъ на Древлянъ. Пришедъ къ нимъ, собралъ дань съ прїумноженїемъ, и возложилъ тягчайшую, а притомъ какъ самъ, такъ и войско его, многое учинили Древлянамъ грабительство. Уже возвращался онъ въ Кїевъ, какъ лихоимствомъ къ погибели своей направляемый, размыслилъ, что мало еще собралъ,

„пети въ лѣсахъ, и отъ того Древляне или „лѣсные именованы. Птоломей въ томъ мѣ„стѣ кладетъ народъ Трамонтанїй, которое „имя у Латинянъ значитъ граждане, и сїе „видится сходно; ибо они имѣли свои гра„ды, яко то: Коростень, Овручь, Янтомиръ „и пр., которые и доднесь извѣстны. Ново„градскїежъ Писатели, не зная сихъ Древлян„скихъ обстоятельствъ, толковали быть „Древлянамъ въ области Новоградской, еже „тамо Деревская Пятина именуема, и го„родъ вмѣсто Коростеня Торжекъ полагали, „которое сочинителя гербовъ градскихъ такъ „обмануло, что онъ Торжку положилъ въ „гербъ три голубя и три воробья, весьма не„прилично.„

и для того отправя воинство съ данїю въ домы, возвратился съ малымъ числомъ дружины къ Древлянамъ, дабы особенно стяжать себѣ еще большее имѣнїе. Древляне, узнавъ на обратномъ его пути, разсудили съ Княземъ своимъ, котораго Маломъ Писатели называютъ, „что когда волкъ привыкнетъ похи„щать овецъ, то выноситъ все стадо изъ „овчарника, доколѣ не убьютъ его пастыри: „тако и сей Князь всѣхъ насъ разоритъ и по„губитъ, ежели самъ погубленъ не будетъ.„ Не взирая однакожъ на сїе правильное заключенїе, послали на встрѣчу къ нему Пословъ, съ покорностїю ему представить: „Ты уже со„бралъ всю свою дань, говорили они: за чѣмъ „еще, Княже, идешь къ намъ? Оставь насъ въ „покоѣ, и самъ съ миромъ возвратися въ Кїевъ.„ Игорь не преклонилъ къ прошенїю ихъ слуха; а Древляне, ожесточився сердцемъ, выступили вооруженные изъ града Коростеня, и въ нощи незапно на него напавъ, всѣхъ бывшихъ при немъ людей и его самаго убили. Тѣло его на мѣстѣ содѣяннаго убивства погребено, и могила его при Коростенѣ видна еще была во время Несторово (*).

§ 50.

Убїенный Князь жилъ всѣхъ лѣтъ 70; единодержавствовалъ по Олегѣ 32 года. Не можно въ точности представить его характера, Нравы и характеръ

(*) Татищевъ, кн. 2. прим. No 125, свидѣтельствуетъ, что онъ самъ, шествуя въ 1710 году отъ Кїева, осматривалъ сїе мѣсто, и видѣлъ превысокїй бугоръ, еще доднесь могилою Игоревою называемый.

убїеннаго Великаго Князя. лѣта 6453 / 945. ниже описать нравы по дѣянїямъ. Воображая праздную до смерти Олеговой жизнь его, кажется, надлежало бы заключать, что ни малѣйшаго честолюбїя въ душѣ его не было; ибо могъ онъ спокойно взирать на властолюбиваго правителя, правомъ и государствомъ его самовластно управляющаго; но въ прекословїе сему находимъ въ немъ по смерти Олеговой и храбрость и предпрїимчивость, и важныя подъ предводительствомъ его воинскїя дѣянїя, временамъ и обстоятельствамъ соотвѣтствующїя. Единое съ достовѣрностїю сказать мы можемъ, что былъ онъ сребролюбивъ; ибо страсть сїю доказалъ смертїю, хотя и казался на войнѣ кровожаждущимъ и жестокимъ; но въ Кїевѣ тихъ нравомъ и снизходителенъ былъ; почтителенъ къ богамъ прародительскимъ, но на Христїанъ, которыхъ не мало уже было, не гонитель; политикъ естьли не самъ, по крайней мѣрѣ выборомъ Совѣтниковъ мудрый. Сказываютъ при томъ, что много пользовался онъ совѣтами супруги своей Ольги, и любилъ ее паче всѣхъ женъ своихъ ради ея великаго разума. Сїе все показуетъ, что былъ онъ самъ превосходнаго ума; ибо неразумные Государи рѣдко къ стороннему разсудку прилѣпляются. И такъ по безпечной до единодержавїя его жизни можно бы подумать, что былъ онъ лѣнивъ, любострастенъ, нѣженъ и во всемъ на супругу и Совѣтниковъ полагался; но труды воинскїе, въ походахъ тяжкихъ имъ сносимые, отъемлютъ и сїе подозрѣнїе. Въ такомъ прекословїи не удобь возможно ничего вѣрнаго о нравахъ и характерѣ его заключить, и только остается

сожалѣть о утратѣ Писателей, ему современныхъ, или о небреженіи Несторовомъ и ему, послѣдовавшихъ.

ГЛАВА VIII.

Святославъ Iй сего имени, пріявъ по отцѣ престолъ, отмщаетъ съ матерью смерть его Древлянамъ.

§ 51.

По смерти Игоревой, принялъ Княженіе сынъ его Святославъ на 25мъ году отъ рожденія (*). Писатели, полагающіе Княженіе

(*) Отъ Игоря не видно уже избранія преемниковъ престола; но или сыны послѣ отцовъ по завѣщанію, или старшіе изъ рода, по праву наслѣдства, на престолъ возходили, какъ то покажетъ повѣствованіе. О рожденіи Святослава Писатели несогласны. Одни полагаютъ, что родился онъ во 920е лѣто. Татищ. стр. 26. кн. II. и въ прим. 101, ссылается на Ростовской и Новоградской; а какъ онъ же кончину Игореву полагаетъ въ 945е лѣто, то Святославъ остался по его изчисленію 25 лѣтъ; а по хронологіи Патріарха Никона и списка Кривоборскаго рожденіе его 942, а кончина отца то же 945, то остался онъ 3 лѣтъ. Несторъ же ничего о томъ не упоминаетъ. Но какъ Святославъ во время осады подъ Искорестомъ самъ началъ бой, и много храбрости, смѣлъства и силы показалъ, то я послѣдовалъ Татищеву, не взирая, что Несторъ, яко къ юному отроку, приставилъ къ нему дядьку Асмунда и Свенельда, говоря: „Ольга бяше съ сыномъ своимъ дѣтецкомъ Святославомъ въ Кіевѣ, и кормилицъ его Асмундъ и Воевода Свенельдъ „, — ибо дѣтецкъ не есть младенецъ трех-лѣтній, но уже взрослый отрокъ. — Записки къ Руской Исторіи, Часть V,

матери его Ольги въ число владѣвшихъ Великихъ Князей, весьма заблуждаются. Хотя и видно, что она соучаствовала въ правленіи; но сіе не ея Княженіе, отъ котораго женскій полъ, кажется, законами отчужденъ тогда былъ, а сыновнее къ ней почтеніе знаменуетъ, и можетъ быть при томъ, что юность лѣтъ, отвлекая его отъ трудовъ, возлагала правленія бремя на рамена матери, болѣе въ политическихъ дѣлахъ искусившейся. Потому видимъ мы сего младаго Князя при жизни матери больше въ воинскомъ ремеслѣ упражненнаго, нежели къ дѣламъ гражданскимъ преклоннаго. Дѣеписатели Княженіе его начинаютъ мщеніемъ матери его противъ Древлянъ. Не упоминаютъ они до перваго противъ народа сего похода даже и имени Святославова; и сіе молчаніе ихъ кажется причиною басни, произведшей во внѣшнихъ Писателяхъ заблужденіе, яко бы она всѣмъ государствомъ единодержавно обладала. Согласіе съ сыномъ и общее въ Кіевѣ пребываніе утвердили сію сказку, и донынѣ въ несомнѣнности содержатъ. Правда, что находилась она при всѣхъ Государственныхъ Совѣтахъ, но не одна ими управляла. Въ Совѣтѣ присудствовали со владѣтельнымъ Княземъ и съ нею Асмундъ, дядька Святославовъ, и Свенельдъ военачальникъ, отецъ Мстишинъ (*). Между тѣмъ Древляне возмни-

на стран. 5, согласно съ Татищевымъ объявляютъ, что родился онъ въ 920 году, слѣдовательно при кончинѣ отца своего былъ 25 лѣтъ.

(*) Къ чему Несторомъ, стр. 47, сіе написано, догадаться я не могъ; и Татищевъ

ли, что вдовство Ольгино и младость Святославова суть слабые противу силъ ихъ соперники, и по тому кичливо вознепщевали, что при сихъ обстоятельствахъ могутъ они и мщенія за убивство Игорево избѣгнуть и отъ подданства свободиться, какъ естьли сосватаютъ Княгиню Ольгу за Князя ихъ Мала. Упоенные сею мечтою, льстящею имъ взять большинство надъ Кіевомъ и Полянами, отправили къ Ольгѣ съ предложеніемъ брака 20 человѣкъ Пословъ изъ знатнѣйшихъ Бояръ своихъ. Послы приплыли водою и пристали подъ урочищемъ Боричевымъ, на вершинѣ котораго возносился и кумиръ Перуновъ и каменный дворецъ Княжескій, теремнымъ, по высотѣ теремовъ или чертоговъ, называемый. Мѣсто прекраснѣйшее, на которомъ не было еще нынѣ находящагося Подолія; но рѣка Днѣпръ орошала берегъ оный, и струи ея близь самыя горы еще катились.

§ 52.

Ольга, услышавъ о приходѣ Пословъ Древлянскихъ, и о дерзкомъ намѣреніи ихъ увѣдавъ, возмутилась новою печалію; но терзаніе въ душѣ своей сокрывъ, призвала ихъ къ себѣ и притворно вопрошала: „коея ради вины, почтенные гости, присланы вы ко мнѣ?„ Послы съ неистовою надменностію отвѣчали, говоря: „Послало насъ къ тебѣ Древлянское сословіе, К. Ольги 1 е Древлянамъ мщеніе.

оставилъ сіе безъ примѣчанія. Совѣтъ сей однакожъ утверждаетъ, что Ольга никогда не единодержавствовала, что кажется и смыслъ Несторова повѣствованія предаетъ на разумѣніе.

„и сказать повелѣло: Мужа твоего мы убили „за отягощеніе насъ безмѣрными налогами. „Много похитилъ онъ имѣнія нашего, яко раз- „бойникъ, и погубилъ невинныхъ, яко волкъ, „и еще тѣмъ несытый, возвращался, новымъ „любостяжаніемъ алкая, и принялъ достой- „ную отъ насъ казнь. Ты нынѣ вдова, и „свободна посягнуть, за кого хощешь. Наши „Князи добронравны суть, и земля Древлянская „по ихъ раченію подъ благочиннымъ устрой- „ствомъ торговлею и земледѣліемъ обогащ- „на. Что приличнѣе тебѣ, какъ посягнуть за „Князя нашего Мала, и симъ бракомъ пре- „сѣчь обоюдную нашу вражду?„ Ольга, со- крывъ причиненную словами ихъ досаду во глу- бинѣ сердца своего, ласково имъ отвѣчала: „Пріятна мнѣ рѣчь ваша; ибо не воскрешу уже „я супруга своего ни печалію, ни слезами. „Сами вы узрите, какую, въ засвидѣтель- „ствованіе вашему Князю и вамъ моего благо- „расположенія, окажу я почесть и преимуще- „ство предъ людьми нашими. Нынѣ возвра- „титесь спокойно въ ладію вашу; а заутра, „когда позову васъ къ себѣ, вы посланнымъ „скажите, что вы ни на коняхъ ѣхать, ни „пѣши итти не хотите, но чтобъ въ ладіи „несли васъ на гору, и вознесутъ. Симъ до- „кажу я, коль великое имѣю я почтеніе ко „Князю вашему и къ вамъ.„ Сказавъ, отпу- стила кичливыхъ; а между тѣмъ нощію повелѣла она изрыть глубокій ровъ на дворѣ теремномъ; и въ слѣдующій день посланные отъ нее пришли на брегъ и Древлянамъ объ- явили, что Княгиня зоветъ ихъ на пріугото- вленный для нихъ пиръ. Возгордившіеся

Послы отвѣтствовали имъ: „не хотимъ мы „ни пѣши итти, ни на коняхъ ѣхать; по„несите насъ въ ладїи нашей на головахъ сво„ихъ.„ Присланные, не смѣя отрицаться по причинѣ, что Князь ихъ убитъ, а Княгиня намѣрена за Князя ихъ посягнуть, раболѣпно повинуясь и пригласивъ въ помощь множество изшедшихъ на зрѣлище людей, вознесли на гору спесивцовъ. Ольга, взирая на толь странное вшествїе, дала знакъ принесшимъ, чтобъ низринули гордящихся въ ровъ, и немедленно по знаку ея исполнено. Такъ гордость Древлянъ въ горесть и сѣтованїе обращенна стала. Тогда сама Княгиня, подшедъ къ глубокой ямѣ, глумливо ихъ вопросила: „угодна ли имъ почесть сїя?„ Бѣдные Древляне, ощущая смерти приближенїе, въ разкаянномъ рыданїи отвѣщали: „горестнѣе намъ „смерть сїя, нежели отъ насъ была Игорю.„ Въ сїе мгновенїе, по жестокому Ольгину велѣнїю, погребены они живые. Естьли не вымышленное сказанїе сїе, то втуне именуютъ Писатели Княгиню Ольгу премудрою; премудрость бо не вселяетъ ни въ кого таковыя жестокости, ниже терпитъ страданїе человѣческое, паче мѣръ и самыхъ варварскихъ нравовъ превосходящее. Такое мщенїе есть мерзость любомудрїю, и славу блаженныя Ольги затмѣваетъ; потому сомнѣваюсь я въ истиннѣ сего сказанїя, и лучше почитаю его ложнымъ Дѣеписателями вѣщанїемъ, и дерзаю приписать его ихъ невѣжеству или ихъ собственному чуствованїю. Часто бываетъ, что Писатель удѣляетъ природный свой характеръ лицу, въ повѣствованїи его дѣйствую-

Несторъ, стр. 48.

Несторъ таможъ.

„и сказать повелѣло: Мужа твоего мы убили „за отягощенїе насъ безмѣрными налогами. „Много похитилъ онъ имѣнїя нашего, яко раз„бойникъ, и погубилъ невинныхъ, яко волкъ, „и еще тѣмъ несытый, возвращался, новымъ „любостяжанїемъ алкая, и принялъ достой„ную отъ насъ казнь. Ты нынѣ вдова, и „свободна посягнуть, за кого хощешь. Наши „Князи добронравны суть, и земля Древлянская „по ихъ раченїю подъ благочиннымъ устрой„ствомъ торговлею и земледѣлїемъ обогащ„на. Что приличнѣе тебѣ, какъ посягнуть за „Князя нашего Мала, и симъ бракомъ пре„сѣчь обоюдную нашу вражду?„ Ольга, сокрывъ причиненную словами ихъ досаду во глубинѣ сердца своего, ласково имъ отвѣчала: „Прїятна мнѣ рѣчь ваша; ибо не воскрешу уже „я супруга своего ни печалїю, ни слезами. „Сами вы узрите, какую, въ засвидѣтель„ствованїе вашему Князю и вамъ моего благо„расположенїя, окажу я почесть и преимуще„ство предъ людьми нашими. Нынѣ возвра„титесь спокойно въ ладїю вашу; а заутра, „когда позову васъ къ себѣ, вы посланнымъ „скажите, что вы ни на коняхъ ѣхать, ни „пѣши итти не хотите, но чтобъ въ ладїи „несли васъ на гору, и вознесутъ. Симъ до„кажу я, коль великое имѣю я почтенїе ко „Князю вашему и къ вамъ.„ Сказавъ, отпустила кичливыхъ; а между тѣмъ нощїю повелѣла она изрыть глубокїй ровъ на дворѣ теремномъ; и въ слѣдующїй день посланные отъ нее пришли на брегъ и Древлянамъ объявили, что Княгиня зоветъ ихъ на прїуготовленный для нихъ пиръ. Возгордившїеся

Послы отвѣтствовали имъ: „не хотимъ мы „ни пѣши итти, ни на коняхъ ѣхать; по„несите насъ въ ладіи нашей на головахъ сво„ихъ.„ Присланные, не смѣя отрицаться по причинѣ, что Князь ихъ убитъ, а Княгиня намѣрена за Князя ихъ посягнуть, раболѣпно повинуясь и пригласивъ въ помощь множество изшедшихъ на зрѣлище людей, вознесли на гору спесивцовъ. Ольга, взирая на толь странное вшествіе, дала знакъ принесшимъ, чтобъ низринули гордящихся въ ровъ, и немедленно по знаку ея исполнено. Такъ гордость Древлянъ въ горесть и сѣтованіе обращенна стала. Тогда сама Княгиня, подшедъ къ глубокой ямѣ, глумливо ихъ вопросила: „угодна ли имъ почесть сія?„ Бѣдные Древляне, ощущая смерти приближеніе, въ разкаянномъ рыданіи отвѣщали: „горестнѣе намъ „смерть сія, нежели отъ насъ была Игорю.„ Въ сіе мгновеніе, по жестокому Ольгину велѣнію, погребены они живые. Естьли не вымышленное сказаніе сіе, то втуне именуютъ Писатели Княгиню Ольгу премудрою; премудрость бо не вселяетъ ни въ кого таковыя жестокости, ниже терпитъ страданіе человѣческое, паче мѣръ и самыхъ варварскихъ нравовъ превосходящее. Такое мщеніе есть мерзость любомудрію, и славу блаженныя Ольги затмѣваетъ; потому сомнѣваюсь я въ истиннѣ сего сказанія, и лучше почитаю его ложнымъ Дѣеписателями вѣщаніемъ, и дерзаю приписать его ихъ невѣжеству или ихъ собственному чуствованію. Часто бываетъ, что Писатель удѣляетъ природный свой характеръ лицу, въ повѣствованіи его дѣйствую-

Несторъ, стр. 48.

Несторъ таможъ.

щему, особливо когда недостатокъ прямыхъ свѣдѣнiй хощетъ иногда своимъ наполнить умствованiемъ.

§ 53.

Объявивъ толь суровое дѣянiе, рачительные Дѣеписатели наши тако продолжаютъ повѣствованiе: Ольга разослала по всѣмъ дорогамъ и крѣпкiя разставить заставы повелѣла, чтобъ никто съ вѣстiю о судьбѣ Пословъ къ Древлянамъ прокрасться не могъ; притомъ, къ довершенiю примышленнаго мщенiя, отправила къ нимъ вѣрнѣйшихъ и скромнѣйшихъ своихъ Пословъ съ предложенiемъ: „что естьли подлинно желаютъ они сочетанiя ея съ „ихъ Княземъ, то прислали бы знатнѣйшихъ „своихъ Вельможъ, для препровожденiя ее въ „страну ихъ, да увидя великолѣпiе ихъ, удобнѣе Кiевляне ее отпустятъ.„ Древляне, по невѣроятному безумiю, не видя никого изъ прежде посланныхъ своихъ, повѣрили ухищренiю толь ощутительному и послали къ ней лучшихъ, знатнѣйшихъ и правящихъ землею и войсками мужей, до 50 человѣкъ. Вельможи сiи некосненно приплыли къ Кiеву. Вопросилиль они о первыхъ своихъ Послахъ, того не упоминаютъ Писатели, прилагая мнимой Ольгиной премудрости неслыханное Древлянъ легковѣрiе. Естьли преподобный Несторъ многими сочиненiя его переписчиками, при семъ сказанiи, не изглаженъ, то, съ позволенiя его преподобiя, не могу я повѣрить толь непростительныя Древлянъ оплошности. Простодушное, или паче сказать, безразсудное ихъ вѣроятiе удаленно отъ всяческiя здраваго

разума постижимости. И такъ хотя не признаю я въ повѣствованіи Несторовомъ, его продолжителяхъ и переписчикахъ, ниже въ Прологѣ, Минеи Четьи и въ Кіевопечерскомъ Патерикѣ сказанія о семъ чудномъ дѣяніи не токмо достовѣрнымъ, но едва бывшимъ; однако завлеченный ихъ свидѣтельствами, принужденнымъ нахожусь предложить его такъ, какъ они намъ оставили и многіе вѣки то утвердили. Мудрая Ольга, сказуютъ они, позвала и сихъ вновь пришедшихъ Древлянъ въ приготовленную для нихъ баню, да по дальнемъ пути омыются по обычаю Рускому (*),

(*) Обычай ходить въ бани отъ самыхъ древнихъ временъ и донынѣ у насъ существуетъ. Сказываютъ, что Св. Апостолъ Андрей (Несторъ, стр. 8, по изданному тисненіемъ Кенигсбергскому списку), пришедъ въ Римъ, исповѣда, елико видѣть ему въ пути его случилось, и рече Римляномъ: „Дивно видѣхъ землю Славянскую, идущу ми сѣмо; видѣхъ „бани древяны, и пережгутъ ихъ вельми, и „сволокутся (раздѣнутся), и будутъ нази, „и обольются мытелью (водою съ мыломъ), „и возьмутъ вѣтвіе и начнутъ ся бити (париться вѣниками), и того добьютъ, едва вылѣзутъ живы сущи, и облѣются водою студеною, и тако оживутъ, и сіе творятъ по „вся дни не мучимы ничимъ же, но сами ся „мучатъ.„ И нынѣ имѣемъ въ Сѣверѣ тожъ обыкновеніе. Хотя не по вся дни, но два раза въ седмицу, ходятъ простолюдины въ такія распаленныя бани, парятся знойно, и разгорячившись выходятъ изтомленны въ жестокой морозъ, и въ снѣгѣ катаясь, ободряются, и потомъ паки входятъ въ баню. Сіе къ здоровью и крѣпости тѣла весьма служитъ.

и умовенные къ ней пріидутъ. Неосторожные гости, не видя никого изъ своихъ соотчичей, новаго безумія чадомъ упоенные, едва токмо въ баню вступили, какъ новая жестокость Ольгина примыслила затворить дверь мыльни, и обнесенную хворостомъ, зажечь повелѣла. Страдальцы, въ сей пламенной стихіи сожженные, подобно первымъ въ стихіи земной погребеннымъ, увѣнчали мученическою смертію мудрое мщеніе блаженныя Ольги и свое скотоподобное безуміе. Паки повторяю я мое примѣчаніе, что любомудріе не можетъ никакъ совмѣстить толикаго безчеловѣчія съ добродѣтельми блаженныя Ольги, ниже нѣжность сердца, прекрасному полу сродную, такимъ жестокосердіемъ винить; и для того возлагаю басню сію на Писателей жестокихъ и охотныхъ, по тогдашнему своему суевѣрію, сожигать идолопоклонниковъ, которыхъ ненависть ихъ истреблять старалась.

§ 54.

Мщеніе Ольгино Древлянамъ. Лѣта 6,454 946.

Далѣе продолжаютъ тѣжъ Писатели, яко бы по двухъ толь немилосердыхъ мщеніяхъ мужеобразная Ольга сама некосненно съ предуготованнымъ войскомъ изъ Кіева пошла на Древлянъ; и дабы вѣсть о погребенныхъ и сожженныхъ Послахъ не предускорила ея прибытію, послала предъ собою гонца, объявить имъ, что она уже въ пути, и чтобы при могилѣ Игоревѣ пріуготовлено было разныхъ медовъ и пищи изобиліе. „Хощу бо, велѣла „сказать Древлянамъ, прежде вступленія во „бракъ новый, сотворить тризну надъ могилою перваго супруга, и прахъ его оросить

„моими слезами.„ Древляне, говоритъ лѣтописецъ, обрадовались ея приходу и повелѣнное заготовили. Ольгажъ, по обѣщанію своему, съ избраннымъ малымъ числомъ ратниковъ не къ брачному веселію, но къ пролитію крови, приходитъ на уреченное время. Древляне, въ праздничномъ одѣяніи свѣтло пришествіе ея торжествуя, выѣзжаютъ на срѣтеніе изъ Коростеня (*), пріемлютъ ее съ великою честію, и на вопросъ о первыхъ и вторыхъ получаютъ въ отвѣтъ: „что слѣ„дуютъ они съ тяжкимъ великаго богатства „Княгинина обозомъ, которой она больше имъ, „нежели уже Кіевлянамъ ввѣрить благоволила.„ Не удобь изреченное вѣроятіе Древлянъ, по крайней мѣрѣ при семъ случаѣ, можетъ, хотя слабо, извинено быть присутствіемъ Ольги

(*) Коростенъ градъ, котораго Несторъ Искоростомъ называетъ. При семъ городѣ, по свидѣтельству Татищева, есть на ровномъ мѣстѣ близь рѣчки великой холмъ, которой и донесь могила Игорева зовется: Татищевъ самъ его, илучи въ 1710 году изъ Кіева, осматривалъ и говоритъ, кн. II. прим. No 125, стр. 389, что хотя повсюду много таковыхъ насыпей находится, особливо на Донцѣ, но величиною подобнаго сему онъ не видалъ, кромѣ что близь Волги у села Царевщины (†) при устьѣ рѣки Сока. Много подобныхъ и вкругъ Кіева, Новаграда, Старой Русы и Старой Ладоги. Послѣднихъ я и самъ множество видѣлъ.

(†) Село Царевщина при устьѣ рѣки Сока, которая 40 верстъ выше города Самары въ Волгу впадаетъ.

и малымъ числомъ находящихся при ней отроковъ (*). Такое безопасное ея пришествіе конечно могло отнять у нихъ о потаенномъ коварствѣ всяческое сомнѣніе. Ольга, по указанію ей могилы, хранящей гробъ ея супруга, идетъ прежде мнимаго брака на мѣсто, гдѣ тѣло убіеннаго Игоря погребено. Хладные камни, его прикрывающіе, омываетъ она горячими слезами, рыданіемъ воздухъ и состраданіемъ сердца зрителей наполняетъ; потомъ повелѣваетъ насыпать ужасныя высоты и пространства надъ гробницею бугоръ. Такое было тогда обыкновеніе; и таковыхъ памятниковъ, или насыпныхъ высокихъ могилъ видимъ мы и нынѣ множество еще по разнымъ мѣстамъ оставшихся. Огромность могилы предвѣщала, кажется, не потомъ, но кровію насыпающихъ оную напоеніе, когда печальная Ольга, при совершеніи насыпи, со жрецами своими торжественное съ закланіемъ жертвъ отправляла поминаніе, тризною тогда именуемое. Такъ умилостививъ боговъ всесожженіемъ, отходитъ и облачается хитрая вдова въ одежды свѣтлыя и брачному торжеству приличныя. Присутствующіе Древляне, по приглашенію ея, садятся между тѣмъ за предуготовленные столы; а отроки Кіевскіе, по повелѣнію Княгини, имъ служатъ и угощаютъ. Среди таковаго пиршества и веселія, когда несмысленные гости собственными медами своими до безчувственныя слабости упилися, тогда

(*) Отроки, какъ въ другомъ мѣстѣ объяснится, суть ничто иное, какъ молодые дворяне, или при Дворѣ служащіе юноши.

стоявшая въ закрытіи бранноносная дружина (*), внезапу съ обнаженными мечами изторгнувся изъ засады, ударила на пьяныхъ, и съ ними до 5000 изъ народа свирѣпости предала меча. Такъ могила Игорева теплою убійцъ его кровію обліянна стала. И такъ чаемый бракъ въ ужасную въ честь Игорю преобратился тризну. Ольга, исполнивъ свое намѣреніе, въ Кіевъ поспѣшно возвратилась, и чтобы на смятеннаго непріятеля, не давъ ему опомниться, съ большимъ напасть успѣхомъ, взявъ тамо готовое войско во многочисленномъ ополченіи съ сыномъ своимъ Святославомъ паки къ Искоресту пошла.

§ 55.

Сей былъ первый походъ юнаго Святослава. Онъ начальствовалъ войскомъ въ провожаніи матери его, и уже въ бранномъ порядкѣ къ Искоресту приближался, когда изумленные коварнымъ пораженіемъ Древляне отрясли мечтательную съ омраченныхъ очей своихъ дремоту, и вооруженные изъ града выступивъ, противуборныя силы Великаго Князя полкамъ предпоставили. Сошлися ополченія на пространныхъ Искореста поляхъ, и въ недѣятельности не утратили

Походъ Святославовъ на Древлянъ. Лѣта 6454 / 946.

(*) Дружиною назывались тѣлохранители Княжескіе изъ дворянъ, подобные нынѣшней Гвардіи, или паче сказать, драбантамъ или Кавалергардамъ. Между ими находились такъ называемые витязи и богатыри, почтеніемъ и дружествомъ Княжескимъ знаменитые. У всѣхъ Князей таковая дружина, въ большемъ или меньшемъ числѣ, находилась и въ бояхъ, развѣ смерть едина отъ Князя ихъ отлучала.

времени. Брань жестокая начинается брошеннымъ изъ сильныя храбраго Святослава десницы копіемъ, пробившимъ коня подъ начальникомъ Древлянскимъ. Войска сближились; и смерть воздвигла свою косу. Кіевскіе главные, подъ предводительствомъ Великаго Князя вожди Свенельдъ и Асмундъ; узря сіе начало; возопили велегласно: „Князь нашъ началъ уже „бой. Други! станемъ и мы за него крѣпко.„ Произнеся сіи слова, мужественно съ непріятелемъ сразились. Святославъ, подобно юному льву, первое стадо овецъ гонящему; летаетъ по рядамъ вражіимъ, и лютая смерть предъ пѣнящимся въ ярости конемъ его паритъ. Все падетъ отъ мышцъ его размаховъ. Кони и всадники супостатъ пораженныхъ бугрыстый творятъ за нимъ помостъ; а противустоящихъ ему ни броня, ни отважность, ни самый бѣгъ отъ смертоносныхъ его ударовъ не спасаютъ. Ліющаяся струями окрестъ его кровь указуетъ его слѣды вождямъ и ратникамъ, безстрашно ему слѣдующимъ. Непріятель уступаетъ храбрости; облегчается бросаніемъ тяжкаго оружія и совершенному вдается побѣгу. Страхъ и мечь бѣгущихъ ко граду провождаютъ; одни тѣснятся во врата и затворяются въ стѣнахъ; другіе остаются за рвомъ, и въ жертву смерти на бранномъ предаются полѣ; а прочіе всѣ разными путями въ разные града свои удаляются. Тамо кончился бой, и побѣда первыми Святослава увѣнчала лаврами. Безъ отдохновенія посылаетъ Герой отряды войскъ своихъ на покореніе области и градовъ отдаленныхъ; а самъ облежаніе Искореста пред-

Несторъ.

пріемлетъ. Искорестъ была главною виною убіенія Игорева, и слѣдственно мщенія Святославова; но градъ крѣпкій и многолюдный, и для того осада чрезъ цѣлое лѣто не могла его принудить къ здачѣ. Граждане доблественно оборонялись; то выходя изъ града, то стѣны мужественно защищая, съ отчаяніемъ дралися. Грозная и неизбѣжная казнь укрѣпляла послѣднія ихъ силы и къ храброму отпору понуждала.

§ 56.

Между тѣмъ Ольга, видя тщету долговременныя осады, къ мудрости своей, какъ сказуютъ Писатели, паки прибѣгаетъ. Мы пріимемъ ихъ баснь хитростію воинскою, но вѣроятія едва ли достойною. Она, повѣствуетъ Несторъ и прочіе, не могши въ толь продолжительное время, не приступами ни гладомъ принудить упорныхъ гражданъ къ здачѣ, послала подъ стѣны съ объявленіемъ Древлянамъ: „Долго ли хощете еще упорствовать? „Прочіе грады ваши всѣ намъ покорились и „дань платить обѣщали, и уже безопасно „земледѣльцы пашутъ свои нивы. Вы ли хо„тите одни помереть гладомъ, данниками „быть отрицаясь? Вѣдайте, что безъ того „не отступимъ мы отъ града.„ Древляне отвѣтствовали: „и мы охотно бы дань пла„тить согласились, но Ольгина за Игореву „смерть мщенія опасаемся.„ Тогда Княгиня повелѣла имъ на сіе сказать: „за Игоря три„кратно уже я отмстила, и больше гнѣва на „васъ не имѣю; дайте токмо малую дань, „по принятіи которой, въ знакъ покорности

Ухищреніе Ольгино.

„вашей, мы со всѣми войсками нашими въ Кі-„евъ возвратимся.„ Обѣщаніе изъ устъ толь мудрыя жены, властію Княжескою уполномоченныя, не должно ли святымъ почитаться? и можно ли предполагать въ немъ обманъ, или ухищреніе? Совѣсть отъ каждаго человѣка требуетъ содержанія обѣта; а паче нарушеніе даннаго слова приноситъ владѣтелямъ стыдъ и помраченіе ихъ славы; ибо кому же вѣрить, когда сомнительно будетъ торжественное ихъ обѣщаніе? Сему достовѣрному правилу послѣдуя, согласились Древляне на предложеніе, и въ отвѣтъ сказать повелѣли: „мы „съ радостію по воли вашей дали бы некоснен-„но и медъ и воскъ и скуры; но нынѣ за „крайнею скудостію ни меда, ни бѣлки не имѣ-„емъ.„ — „Когда вы, съ притворною жалостію „отвѣщать повелѣла Ольга, ни сотомъ, ни „мягкою рухлядью платить не въ состояніи, „то дайте нынѣ, въ единый токмо предан-„ности вашей знакъ, на все войско Кіевское „съ каждаго двора по три воробья и по три „голубя не закланныхъ. Я не хощу, продол-„жаетъ Ольга, отяготить васъ чрезъ мѣру силь-„ными налогами, и супругу своему въ томъ „не послѣдую.„ Паки и при семъ невѣроятная простота Древлянъ съ баснословною хитростію Ольгиною равняется, естьли не превосходитъ. Съ охотою исполнили они требуемое; и принесшіе дань съ удовольствіемъ услышали отъ нее: „Скажите согражданамъ вашимъ, „что мы довольны; да радуются они и въ „покоѣ пребудутъ. Мнѣ и сыну моему вы по-„корились; останьтесь безмятежны; заутра „отступимъ мы отъ града, и въ Кіевъ воз-

„вратимся.„ Что можетъ нелѣпости басни сея уподобиться? И какъ Писатели наши могли себѣ дозволить, такими народнаго преданія сказками затмѣвать истинну дѣяній, и освятить оныя помѣщеніемъ въ житіи Святыхъ? Для того кажется, чтобъ и мы, имъ послѣдующіе, не дерзнули исторгнуть ихъ изъ повѣствованія о Россіи. Прологъ и Минея Четья.

§ 57.

Принесенное отвезшими неслыханную дань во градъ извѣстіе произвело въ Древлянахъ съ отрадою новую оплошность, въ которой безопасному предалися они сну. Между тѣмъ, продолжаетъ баснословіе, Ольга повелѣла раздать войску, на каждаго ратника по голубю и воробью, съ горючею свѣтильнею, приказавъ привязать оную подъ крылѣ и ногамъ пернатыхъ, и при наступленіи нощи пустить ихъ на волю. Опытность, во обличеніе сея лжи, научаетъ насъ, что далеко огненосныя сіи птицы летѣть не могли; ибо, или въ длинныхъ путаясь свѣтильняхъ, или отъ воспаленія перьевъ и ощущенія жару изступленныя, низпадать долженствовали. Сверхъ того необычайность таковаго имъ украшенія, въ естественномъ страхѣ, должна привести ихъ въ нѣкое безпамятство, не дозволяющее направить полетъ къ ихъ жилищамъ (*). Невѣроятное града сожженіе; разореніе и плѣненіе жителей.

(*) Мнѣ самому случилось опыта таковаго надъ воронами быть свидѣтелемъ. Привязанный къ ногамъ ихъ огнь понуждалъ птицу, крутясь, вознестись на высоту, и упадать почти на тожъ мѣсто, откуда пущена была. И хотя нѣкоторые сказываютъ, что будто бы, по

„вашей, мы со всѣми войсками нашими въ Кі-„евъ возвратимся.„ Обѣщаніе изъ устъ толь мудрыя жены, властію Княжескою уполномоченныя, не должно ли святымъ почитаться? и можно ли предполагать въ немъ обманъ, или ухищреніе? Совѣсть отъ каждаго человѣка требуетъ содержанія обѣта; а паче нарушеніе даннаго слова приноситъ владѣтелямъ стыдъ и помраченіе ихъ славы; ибо кому же вѣрить, когда сомнительно будетъ торжественное ихъ обѣщаніе? Сему достовѣрному правилу послѣдуя, согласились Древляне на предложеніе, и въ отвѣтъ сказать повелѣли: „мы „съ радостію по воли вашей дали бы некоснен-„но и медъ и воскъ и скуры; но нынѣ за „крайнею скудостію ни меда, ни бѣлки не имѣ-„емъ.„ — „Когда вы, съ притворною жалостію „отвѣщать повелѣла Ольга, ни сотомъ, ни „мягкою рухлядью платить не въ состояніи, „то дайте нынѣ, въ единый токмо предан-„ности вашей знакъ, на все войско Кіевское „съ каждаго двора по три воробья и по три „голубя не закланныхъ. Я не хощу, продол-„жаетъ Ольга, отяготить васъ чрезъ мѣру силь-„ными налогами, и супругу своему въ томъ „не послѣдую.„ Паки и при семъ невѣроятная простота Древлянъ съ баснословною хитростію Ольгиною равняется, естьли не превосходитъ. Съ охотою исполнили они требуемое; и принесшіе дань съ удовольствіемъ услышали отъ нее: „Скажите согражданамъ вашимъ, „что мы довольны; да радуются они и въ „покоѣ пребудутъ. Мнѣ и сыну моему вы по-„корились; останьтесь безмятежны; заутра „отступимъ мы отъ града, и въ Кіевъ воз-

„вратимся.„ Что можетъ нелѣпости басни сея уподобиться? И какъ Писатели наши могли себѣ дозволить, такими народнаго преданія сказками затмѣвать истинну дѣяній, и освятить оныя помѣщеніемъ въ житіи Святыхъ? Для того кажется, чтобъ и мы, имъ послѣдующіе, не дерзнули исторгнуть ихъ изъ повѣствованія о Россіи. Прологъ и Минея Четья.

§ 57.

Принесенное отвезшими неслыханную дань во градъ извѣстіе произвело въ Древлянахъ съ отрадою новую оплошность, въ которой безопасному предалися они сну. Между тѣмъ, продолжаетъ баснословіе, Ольга повелѣла раздать войску, на каждаго ратника по голубю и воробью, съ горючею свѣтильнею, приказавъ привязать оную подъ крылѣ и ногамъ пернатыхъ, и при наступленіи нощи пустить ихъ на волю. Опытность, во обличеніе сея лжи, научаетъ насъ, что далеко огненосныя сіи птицы летѣть не могли; ибо, или въ длинныхъ путаясь свѣтильняхъ, или отъ воспаленія перьевъ и ощущенія жару изступленныя, низпадать долженствовали. Сверхъ того необычайность таковаго имъ украшенія, въ естественномъ страхѣ, должна привести ихъ въ нѣкое безпамятство, не дозволяющее направить полетъ къ ихъ жилищамъ (*). Невѣроятное града сожженіе; разореніе и плѣненіе жителей.

(*) Мнѣ самому случилось опыта таковаго надъ воронами быть свидѣтелемъ. Привязанный къ ногамъ ихъ огнь понуждалъ птицу, крутясь, вознестись на высоту, и упадать почти на тожъ мѣсто, откуда пущена была. И хотя нѣкоторые сказываютъ, что будто бы, по

Не взирая на невозможность такого дѣянія, Писатели наши увѣряютъ, что великое голубей и воробьевъ множество, прилетѣвъ съ огнемъ во свои гнѣзда, подъ кровли, голубятни и на башни, вдругъ на всѣхъ мѣстахъ городъ и всѣ домы обывательскія и строенія народныя воспалили. Пробужденные внезапнымъ пожаромъ жители не имѣли уже времени о гашеніи стараться; но въ крайней торопливости, жизнь свою токмо спасая, бѣжали вонъ изъ града, въ объятіи нераздѣльнаго пламени сгарающаго; спаслись сожженія несчастные, но смерти не избавились. Разставленные Святославовы полки встрѣчали бѣгущихъ; брали, не упуская никого, въ плѣнъ, и потомъ

IV мщеніе. о лютость неизреченная! яко бы, по повелѣнію Ольгину, старѣйшины казнены мучительною смертію, а иные въ рабство военачальникамъ розданы. Оставшаясь чернь въ тяжкую обложена подать, изъ которыя двѣ доли опредѣлено платить на Кіевъ Великому Князю, а третью на Вышеградъ, которой особенно принадлежалъ и былъ любимъ Княгинѣ Ольгѣ; ибо ею и созданъ былъ. Такъ кончилась война, или разореніе Древлянъ. О Малѣ, Князѣ Искорецкомъ, мечтательномъ женихѣ, ничего мы въ Писателяхъ не обрѣтаемъ; и естьли не убитъ онъ при торже-

привычкѣ къ жилищамъ своимъ, голуби издалека возвращаются; однако и сіе сказаніе не басня ли, охотниками вымышленная: развѣ на весьма близкомъ разстояніи, и то изо ста одинъ разъ, можетъ быть, случиться могло.

ственной тризнѣ или въ бояхъ послѣдующихъ, то, куда дѣвался, не вѣдаемъ, хотя бы и достойно нѣчто упомянуть объ немъ, яко о лицѣ, въ приключеніяхъ сихъ важномъ. Съ сего времени видимъ мы Великую Княгиню Ольгу прямо Государынею мудрою и человѣколюбивою; а потому паче утверждаемся, что все вышереченное ея жестокосердіе есть вымыслъ, славѣ ея вредящій. Суевѣрные Писатели, по нраву и мыслямъ своимъ безстыдно идолопоклонниковъ скотами почитая, кажется, приписали ей въ отмщеніи супруга характеръ несвойственный, и зримымъ потомъ ея добродѣтелямъ отнюдь не соотвѣтствующій; и для того долгъ справедливаго повѣствованія требовалъ отъ насъ обратить сказаніе ихъ въ небылицу, ихъ токмо вниманія достойную. Мы въ послѣдствіи потщимся обновить память ея красками, дѣяніямъ ея сходными, и тѣмъ отдадимъ заслугамъ ея отечеству достойную справедливость.

ГЛАВА IX.

Ольгино путешествіе къ Изборску. Созданіе Пскова, и въ Царьградъ для воспріятія вѣры, шествіе.

§ 58.

Святославъ предпріялъ уже съ побѣдою въ Кіевъ возвратиться, когда благоразуміе Ольгино присовѣтовало ему объѣздить прежде всю землю Древлянскую, обозрѣть ея положеніе, узнать состояніе жителей, и ободривъ унылыхъ, возстановить ихъ благоден- Обратной походъ въ Кіевъ, но прежде обозрѣніе и учрежденіе земли Древлянскія.

ствіе. Юный Герой послушествовалъ испытанной въ государственномъ правленіи ея мудрости. Сопровождаемый миромъ и ея совѣтами, прошелъ онъ покоренныя области, исправилъ старые и новые учредилъ по рѣкамъ перевозы, открылъ къ обогащенію жителей въ озерахъ ловли рыбныя и въ лѣсахъ звѣриныя, постановилъ новой порядокъ и уставы во градахъ и селеніяхъ, и соразмѣрную съ состояніемъ на каждаго возложивъ дань, устроилъ спокойство общее. Изъ опредѣленныя на Древлянъ дани двѣ доли назначилъ сбирать на Кіевъ въ казну Великаго Князя, а третью на Вышеградъ (*), которой въ собственности принадлежалъ Княгинѣ Ольгѣ. Такъ покоривъ своевольныхъ и наградивъ покоемъ смиренныхъ, принесъ онъ съ возвращеніемъ своимъ и корысть и радость въ престольный свой градъ, гдѣ блаженная Ольга, пребывъ единое лѣто, предпріяла путь въ страну полунощную, ради подобнаго благоустройства. Изъ Кіева вышедъ она со многими Вельможами, устроила по рѣкамъ Мстѣ и Лугѣ (**) множество селеній.

Несторъ и прочіе.

(*) Вышеградъ или Выштградъ построенъ на Днѣпрѣ Великою Княгинею Ольгою и былъ собственный ея градъ, противъ котораго Владиміръ II постановилъ на Днѣпрѣ мостъ прежде небывалой. Другой Выштградъ созданъ Княземъ Юріемъ Владиміровичемъ въ Суздальской области, гдѣ множество единоименныхъ съ Кіевскими городовъ онъ построилъ.

(**) Рѣка Мста вытекаетъ Тверскаго Намѣстничества Вышневолоцкія округи изъ озера Мстина и течетъ въ Новогородское Намѣстничество, гдѣ въ озеро Ильмень впадаетъ; а

въ сихъ селеніяхъ, погостами Несторо названныхъ, учредила казенныя рыбныя ловли, научила жителей лучшему домостроительству, и оброки и дань на всю землю наложила. Такимъ благоустройствомъ преобратившъ пустыни въ области изобильныя, Чудь, бѣдную жизнь препровождающую, учинила Государству полезною, и доходамъ принесла знатное умноженіе. Не видно изъ лѣтописей, чтобъ посѣтила она Новградъ; но касаясь токмо его предѣловъ, къ Изборску и къ областямъ Псковскимъ доходила. Возвращаясь уже въ Кіевъ, устроила по Деснѣ рѣкѣ (*) и на

Луга, воспріявъ свою вершину въ 60 верстахъ отъ Новаграда, протекаетъ подъ градомъ Ямбургомъ, и ниже сего града верстахъ въ 30 въ Финской заливъ впадаетъ. Во время путешествія Ольгина по обѣимъ симъ рѣкамъ жили безпорядочно народы Чудскіе, и жизнь бѣдную въ худомъ домостроительствѣ препровождали. Она учредила въ нихъ прямыя селенія, которыя Несторъ погостами называетъ. Но названіе погостъ было ли въ идолопоклонствѣ, весьма сомнительно; и какое оно знаменованіе имѣло, нынѣ не извѣстно. Понеже погостомъ называется нынѣ такое мѣсто, гдѣ есть церковь и жилище церковниковъ, или цѣлой разныхъ селеній приходъ, къ единой церкви приписанный — чего во время Ольгина шествія быть не могло — ибо проходила она еще осмью годами прежде воспріятія вѣры Христіанскія; а потому ни церквей созидать, ни погостовъ въ нынѣшнемъ смыслѣ строить ей было не можно.

(*) Сія Десна рѣка имѣетъ вершину свою у града Рославля между Смоленска и Брянска и подъ Кіевомъ въ Днѣпръ впадаетъ.

самомъ Днѣпрѣ перевозы (*), и создала село Олжицы, которое и доднесь, не далеко отъ Чернигова, близь Днѣпра существуетъ. Отсюда, къ великой радости сына своего, прибыла она обратно въ Кїевъ, и по нѣкоторомъ отъ тяжкаго пути отдохновенїи, собравъ въ сокровищахъ своихъ великое число злата и сребра, и препоручивъ оное нѣкоторымъ своимъ Вельможамъ, отправила ихъ въ область Изборскую, съ такимъ повелѣнїемъ, чтобъ на избранномъ отъ нея прекрасномъ тамо мѣстѣ создали они градъ, и разнаго состоянїя людьми его населили. Посланныя создали на рѣкѣ, Великою называемой (**), градъ Пле-

Лѣта 6456 / 948.

(*) Несторъ написалъ: перевѣсища, лист. въ печ. 52. Можетъ быть и сїе правильно, хотя я принявъ за описку, положилъ перевозы, слѣдуя Татищеву, которой, кн. II. стр. 41, написалъ: „устрои перевезища,“ какъ будто бы симъ хотѣлъ Нестора поправить. Да и приличнѣе казалось мнѣ перевозы, хотя и перевѣсища есть реченїе или Руское или Славянское, значущее мѣсто, гдѣ повѣшенными между двухъ водъ на перелѣтѣ сѣтьми ловятъ птицъ. См. Уложенїе и Писцовой Наказъ и прим. Тат. кн. II. No 129, л. 390.

(**) Великая рѣка, для чего сїе пышное названїе имѣетъ, не извѣстно; ибо подобныхъ ей и длиною и шириною премножество мы имѣемъ. Она начало свое беретъ при городѣ Псковскаго Намѣстничества Заволочьѣ, проходитъ сквозь озеро Подцо, протекаетъ Плесковъ, и въ 7 верстахъ ниже града сего во Псковское озеро вливается. Ольга избрала мѣсто подъ градъ Плесковъ, и повелѣвъ его построить, нарещи Плесковомъ приказала; но какое сїе нарѣчїе, я въ незнанїи моемъ признаюся. Ольга урожe-

сковъ, который, по союзу своему съ Новымъ-градомъ и по свобододержавію, по обширной его торговлѣ и кровопролитныхъ съ Крыжаками Ливонскими и Литвою браняхъ, въ повѣствованіи нашемъ весьма знаменитъ будетъ.

§ 59.

Благоденственное и кроткое житіе отъ 948 по 955 е лѣто препровождая въ Кіевѣ, Ольга имѣла между тѣмъ время разсмотрѣть разность нравовъ какъ идолопоклонниковъ, такъ и Христіанъ, которыхъ, по вышереченному, уже множество въ немъ находилось. Первые хотя въ гражданской жизни и не были ни мятежны, ни сварливы; но къ войнѣ жадны, въ ней жестоки и безчеловѣчны, а въ частыхъ празднествахъ идольскихъ шумны, неблагопристойны, безстыдны, и по привычкѣ къ любострастію, какъ мужи, такъ и жены похабны и дерзки въ наслажденіи чувственномъ, скотоподобную мерзость закономъ почитая. Другіе смиренны въ общежитіи, между собою кротки, воздержны и благонравны по ученію Евангельскому, сострадательны по любви къ ближнему и по долгу человѣчества. Въ супружествѣ мужи и жены вѣрны; а дѣти, юноши, К. Ольга помышляетъ креститься.

ница въ Изборскѣ, гдѣ Труворъ, братъ Рюриковъ, съ Руссоварягами княжилъ; почему можетъ быть и нарѣчіе сіе, по любви къ отечеству, взяла Ольга изъ древняго Варяго-Рускаго языка. И такъ заблуждаестся Миллеръ § 95, сказавъ, что Ольга въ 947 году ходила въ Новградъ и Плесковъ; ибо въ Новѣградѣ она не была, а Плесковъ еще и построенъ не былъ.

дѣвицы и вдовы стыдливы и цѣломудры по наставленіямъ закона Христіанскаго; словомъ, непорочны по преданіямъ церковнымъ и добродѣтельны по нравственнымъ ученіямъ и воспитанію. Мудрая Ольга, благодатію Святаго Духа невидимо влекомая, возлюбила въ сердцѣ своемъ прежде бесѣду съ благочестивыми женами, и услыша отъ нихъ нѣчто изъ кроткаго Іисуса Христа ученія, возжелала потомъ вящше просвѣтить душу и понятіе свое. Ея горячая къ истинному Богу любовь понудила ее искать ближайшаго къ познанію его пути; чего ради начала призывать къ себѣ мужей благоразумныхъ и въ символахъ вѣры довольно свѣдущихъ. Тогда нечувствительно изъ устъ ихъ влiялась въ понятіи ея присущность Божественнаго свѣта, и желаніемъ воспріять Святое крещеніе напояла. Боролся со свѣтомъ симъ мракъ пріобычнаго отъ младенчества суевѣрія. Вкорененная съ воспитаніемъ идольскаго предубѣжденія мечта сопротивлялась ей подъ личиною страха отъ народа заблужденнаго. Долго опасалась блаженная возмущенія въ народѣ и паче мщенія жрецовъ, когда оба сіи кровожаждущія сословія узрятъ къ идоламъ ея презрѣніе. Христолюбивые ея собесѣдники, примѣтивъ ея колеблемость, совѣтовали ей, чтобъ, подъ видомъ нуждъ политическихъ, предпріяла она путешествіе въ Царьградъ, и тамо бы Богу пріятное хотѣніе свое безпрепятственно исполнила. Жаждущая душеспасительнаго насладиться питія, Великая Княгиня совѣтъ ихъ полезнымъ воспріяла и оный исполнить рѣшилась; но хотя и твердое намѣреніе въ

богодухновенное сердце впечатлѣла, однакожь около семи лѣтъ удобнаго къ исполненію случая ждать была принужденна, доколѣ политическія причины не могли правдоподобно оправдать ея путешествія. Младый ея сынъ показалъ между тѣмъ опытностію совершенную въ управленіи Государствомъ способность, и къ желанному походу приготовлялъ ей путь.

§ 60.

Святославъ, предкамъ своимъ подражая, тщился уже и воинскими подвигами сравняться съ Игоремъ, отцемъ его, и Олега превзойти мужествомъ. Чего ради собиралъ воинство, и въ наученіи его упражнялся, намѣряясь итти на завоеваніе сосѣдственныхъ народовъ; а съ Греками пребывалъ тогда еще отцемъ его постановленный миръ. Сіи обстоятельства могли Ольгѣ послужить вѣроятною причиною къ путешествію въ Царьградъ, яко бы для удержанія Двора Императорскаго отъ войны противъ Россіи въ отсутствіе ея сына: предлогъ съ политикою сходный и весьма правдоподобный, а потому и могущій преклонить къ согласію сына. Въ слѣдствіе того, не долго медлила подвизаемая нетерпѣливымъ Царя небесъ исканіемъ Княгиня: отъѣзжаетъ съ приличнымъ числомъ провожатыхъ Бояръ и Бояръинь, и неутомленно поспѣшая, вскорѣ Царяграда достизаетъ. На престолѣ Императорскомъ сидѣлъ тогда Константинъ VI, сынъ Леоновъ (*), и самъ пришествіе ея ко

Отъѣздъ Ольги въ Царьградъ. Тамо Констан. VI. Импер. Лѣта 6463 955.

(*) Хотя наши Писатели и самъ Несторъ сказуютъ, что въ пріѣздъ Ольгинъ царствовалъ

Двору Императорскому описалъ; но ни онъ, ни Кедринъ, Томъ II. стр. 636, ниже Зонаръ, Томъ II. стр. 194, ничего о намѣренiи Великiя Княгини Ольги, съ коимъ она прiѣхала, и о другихъ приключенiяхъ не говорятъ. Однако нашъ Несторъ повѣствуетъ, что пришедъ она ко Двору Императорскому, открыла Царю и Патрiарху причину своего прибытiя, яко бы хощетъ дарами Святаго крещенiя сочетаться съ церковiю Христовою, и проситъ доставить ей случай говорить о томъ съ Императоромъ. Царь, по слуху о ея великомъ разумѣ и политикѣ, принялъ ее съ особливыми любви и почтенiя знаками. Изъ чего Несторъ нелѣпую сплелъ сказку, которую, яко сей предлежности недостойную, помѣстилъ въ примѣчанiе (*),

Императоръ Константинъ Багрянородный, въ чемъ и Византiйскiе согласны; но тамъ же Несторъ въ Ч. I. стр. 45, подъ л. 955, ошибкою говоритъ, яко бы былъ тогда Царь Кимисхiй, съ которымъ потомъ постановилъ Святославъ мирный договоръ; что въ сiю ошибку и завело его.

(*). Несторова смѣха достойная баснь, которую всѣ наши Писатели, ему послѣдуя, за вѣроятную предаютъ; а Князь Щербатовъ и утверждаетъ, говоря: „Въ разсужденiи де остатковъ „прежнiя красоты, прiумноженныя великою ея „премудростiю, стр. 222, баснь сiя есть слѣ„дующая: Императоръ, говоритъ Несторъ, „узрѣвъ Ольгу, уязвился ея красотою и раз„умомъ, и предлагалъ ей бракосочетанiе, и бе„сѣдуя къ ней рекъ: подобна (достойна) еси „царствовати во градѣ семъ съ нами. Она же „разумѣвши рече къ Царю: азъ погана есмь; „аще мя хощеши крестити, крести мя самъ; „аще ни, то не крещуся — и крести ю Царь

да останется у потомковъ въ незнанiи. Между тѣмъ не прерывая вѣщанiя нашего, продолжимъ бытiе истинное. Представленная съ великолѣпнымъ чиноположенiемъ Императору

„съ Патрiархомъ, и по крещенiи взва ю Царь, „и рече ей: хощу тя пояти себѣ жену. на „же рече: како хощеши мя пояти а крестивъ „мя самъ и нарекъ мя дщерью; а въ Х и„стiанѣхъ того закона нѣсть, ты самъ вѣси.„ Естьли преподобный Несторъ не хотѣлъ при семъ сказанiи подражати бытiю Библейскому, гдѣ Сара, жена Авраамова, въ подобныхъ Ольги лѣтахъ прельщаетъ Фараона, Царя Египетскаго; то конечно онъ запамятовалъ, что была она тогда на седьмомъ десяткѣ отъ рожденiя своего; ибо бракомъ сочеталась она съ Игоремъ, по крайней мѣрѣ между 15 и 17 лѣтъ; была въ супружествѣ 42 года, вдовствовала 10 лѣтъ; слѣдовательно естьли не 69, то не менѣе 67 лѣтъ была она при возпрiятiи крещенiя. Въ сiи лѣта увядшая красота не даетъ силъ разуму, любовную возпламенять страсть; довольно, естьли умъ возможетъ, въ незнакомомъ человѣкѣ произвесть почтенiе и дружбу. Рѣдко и сiе бываетъ: понеже какъ мудрости старцевъ юные ищутъ, такъ бесѣды старухъ неправедно иногда по предубѣжденiю убѣгаютъ, и тѣмъ не даютъ случая открыться ихъ разуму, иногда еще и не погасшему. И такъ обратикъ сiе сказанiе въ родъ невѣроятнаго баснословiя, утвердимъ истинну недовѣрчивости нашей повѣствованiемъ самаго Императора Константина Багрянороднаго, на котораго толь безумное дѣянiе вклепано. Constantin de cerem. aul. Byz. l. 11. c. 15 p. 343, 345. Cedron, T. 11. p. 636. Zonar, T. 11. p. 194. Онъ ничего въ церемонiальныхъ своихъ книгахъ о бытiи семъ не пишетъ, понеже они прежде сего приклю-

вЪ присутствіи Патріарха Θеофилакта Ольга, краткимЪ говорила словомЪ обоимЪ: „Не Хри„стіанка есмь, пришла сюда внять и враз„умиться закону Христіанскому; хощу бо учи„ниться Христіанкою и возпріять крещенія

ченія писаны. Но КедринЪ и ЗонарЪ обЪявляютЪ о томЪ пространно, говоря: „Россійская „Княгиня Ольга (такЪ называютЪ оба сіи „Писатели, и самЪ на нѣкоторыхЪ мѣстахЪ „КонстантинЪ Ольгу), вдовствующая супруга „того Князя, который прежде сражался сЪ „Греками моремЪ, прибывЪ вЪ Константино„поль, приняла Христіанскую вѣру, и ока„завЪ примѣры истиннаго смиренномудрія, „возвратилась сЪ честію вЪ свою землю.„ За симЪ Византійскіе Писатели описываютЪ все принятія ея чиноположеніе и празднества, во время пребыванія ея бывшія, запискою повседневною. См. ВизантійскихЪ ИсториковЪ выписку Ивана Штриттера Час. III. гл. I. стр. 47. 55. ИзЪ сего чиноположенія видно, что Императору не можно было предлагать бракосочетанія; ибо онЪ женатЪ былЪ. Князь ЩербатовЪ, по обыкновенію своему, никому изЪ сихЪ вѣроятія достойныхЪ Писателей не слѣдуя, предпочелЪ имЪ Стриковскаго, нелѣпостей сплетателя, и ему (томЪ I. гл. V. стр. 221) послѣдуя, говоритЪ, что Ольга была при Іоаннѣ Кимискіѣ, котораго онЪ ІоанномЪ ЗимицисомЪ называетЪ: имя, какова, кромѣ его, никто не разумѣетЪ. На той же страницѣ вЪ прим. говоритЪ онЪ, яко бы градЪ ПсковЪ былЪ уже при Рюрикѣ, и ТруворЪ имѣлЪ вЪ немЪ свою. Сіе также вѣрно, какЪ и ЗимицисЪ. ТаковЪ нашЪ ИсторикЪ! и надобно быть Леклерку и Левеку, чтобЪ на него ссылаться вЪ вѣрности сказаній!

„свѣтъ.„ Слышавъ сïе, Императоръ съ радостïю повелѣлъ Патрïарху все къ ея крещенïю прïуготовить. Въ назначенный къ толь знаменитому торжеству день, крещена Ольга въ соборной церкви Патрïархомъ Ѳеофилактомъ. Отъ купели воспрïемникомъ былъ Императоръ; а имя во Святомъ крещенïи наречено Еленою, въ память древнïя Царицы Елены, матери Императора Константина, перваго въ Кесаряхъ Христïанскихъ, и перенесшаго отъ Рима въ Византïю престолъ Августовъ. лѣта 955.

§ 61.

По Святомъ крещенïи не долго благоволила Ольга въ Царѣградѣ остаться: или желанïе свидѣться съ сыномъ, или излишнïя отъ Грековъ требованïя, политики Россïйской противныя, принудили ее ускорить отшествïе. При прощанïи одаренна отъ Императора великими дарами, въ златѣ, сребрѣ, драгоцѣнныхъ сосудахъ и паволокахъ (парчахъ) состоящими, и по усильному отъ него прошенïю, съ своей стороны обѣщала испросить у сына вспомогательныхъ войскъ на борющïе его супостаты. Не меньше почтенная разсталась она и съ Патрïархомъ, который, благословляя при отъѣздѣ, сими достопамятными проводилъ ее словами, говоря между прочимъ: „Благо„словенна ты въ женахъ Кïевскихъ, яко воз„любила свѣтъ и тьму оставила. Благосло„вятъ тебя колѣна Россïйскïя въ самые по„слѣднïе дни внукъ твоихъ. Иди съ миромъ, „во Христа облекшаяся! ты во стадо волчïе „отходишь, куда природа и истинна тебя Ольга возвращается въ Кïевъ.

„зоветъ. Иди смѣло! Христосъ сохранитъ „тебя во всѣхъ путехъ твоихъ. Онъ, поборствуя по тебѣ, будетъ сопутникомъ твоимъ, и здраву доведетъ тебя до отечества „твоего, и въ немъ до конца дней твоихъ съ „тобою пребудетъ.„ Съ такимъ святымъ благословенїемъ коснулась она пути, и благополучно его препроводивъ, достигла желаннаго съ любезнымъ сыномъ свиданїя. Не
Лѣто 6464 / 956. вдолгѣ за нею прислалъ и Константинъ Пословъ своихъ въ Кїевъ, просяще обѣщанныхъ отъ нее войскъ; но не получилъ въ томъ успѣха или по какому ни есть ея неудовольствїю, или по тому паче, что Святославъ, не любя Грековъ, ни въ чемъ имъ не вѣрилъ, и войскъ своихъ послать усомнился, природнаго коварства ихъ опасаясь. И такъ отпущены Послы одаренные отъ Ольги съ честїю и съ отказомъ вымышленныя невозможности (*).

(*) При семъ не можно умолчать безъ показанїя новыя въ Писателяхъ нашихъ нелѣпости. Несторъ и послѣдовавшїе ему говорятъ, что посланные отъ Императора Послы требовали отъ Великой Княгини обѣщанныхъ во мзду ей данныхъ даровъ; и вотъ Несторовы точныя слова, на стр. 54. „Присла Царь Греческїй, глаголя: яко много дарихъ тя, ты „же глаголаше ми, яко еже возвращуся въ „Русь, многи дары послю ти, челядь и воскъ, „и скуру и вся многи въ помощь.„ Сїе требованїе вопервыхъ нестаточное: ибо оное съ достоинствомъ Императорскимъ весьма несходное и обыкновенїю противное. Кто слыхалъ, чтобъ воспрїемникъ отъ купели требовалъ когда отъ крестныя дщери взаимныхъ даровъ? Ни Римскїе, ни Греческїе обычаи

ГЛАВА X.

Походы Великаго Князя Святослава.

§ 62.

Просвѣщенная Святымъ крещенїемъ Великая Княгиня, живущая между тѣмъ въ совершенномъ согласїи и любви съ сыномъ своимъ, многократно покушалась склонить его къ Христїанству; но онъ не внималъ ея словамъ, отвѣтствуя ей всегда: „Не хощу быть посмѣ„шищемъ народу моему, ругающуся, прези„рающу и поносящу вѣрующихъ во Христа, „но не возбраняю креститься желающимъ.„ Ольга, сильное упорство его видя, съ сокруше-

Ольга ищетъ преклонить Святослава къ вѣрѣ Христїанской; онъ вмѣсто того ратниковъ готовыхъ содержаваетъ.

таковаго примѣра въ повѣствованїи намъ не оставили. Вовторыхъ отвѣтъ Ольгинъ не токмо съ ея разумомъ и съ новою вѣрою ея не сходенъ, но и точно сумасброденъ, естьли Ольга словами Несторовыми тако отвѣчала: „Она же отвѣщавши рече Посломъ: аще „ты, рцыте ему, постоишь у мене въ по„чайнѣ, якожъ азъ въ суду, тогда ти дамъ „дары; и отпусти я тако рекши.„ Смыслъ сея нелѣпыя рѣчи такой: Скажите Императору, когда онъ постоитъ у меня въ почайнѣ, то есть, въ рѣчкѣ, въ самомъ Кїевѣ текущей, какъ я стояла у него въ суду, то есть въ суднѣ или купели, то воздамъ, и проч. Можно ли отъ толь ревнивой Христїанки таковаго чаять ругательнаго крещенїю отвѣта? и можно ли въ настоящемъ вѣкѣ Писателю, послѣдовать такому сумасбродству переписчиковъ Несторовыхъ; ибо я не увѣряюсь, чтобъ самъ Несторъ написалъ сїе, будучи человѣкъ разумный.

нїемъ сердечнымъ предала обращенїе его могуществу Божїю, и къ Нему теплыя свои молитвы повсечасно о томъ проливала. Святославъ прилагалъ тогда все свое вниманїе къ единому воинскому токмо дѣлу; собиралъ храбрую дружину, и примѣръ подавалъ имъ собою, бодрствуя въ трудахъ и строевому учаихъ порядку. Въ семъ упражненїи находилъ онъ лучшее свое веселїе, и единственную забаву въ походахъ противъ народовъ разныхъ почиталъ нѣсколько лѣтъ сряду. Подобно парящему орлу, прелеталъ непрїятельскїя земли, и яко леопардъ (*), жестокимъ стремленїемъ упорство сокрушалъ враговъ. Обозовъ съ запасами, ниже котла къ варенїю пищи не имѣлъ онъ съ собою. Мясо коневье или говяжье, тонко изрѣзанное и на углїяхъ изпеченное, вкушалъ для насыщенїя, и потный изъ под-сѣдла войлокъ былъ ему одромъ для успокоенїя; сѣдло возглавїемъ и епанча шатромъ служили. Къ таковой суровой жизни привыкнувъ, Государь примѣромъ своимъ прїобучилъ къ подобной и все свое воинство. Сколько военачальники волѣ его повиновались, столько ратники повелѣнїя военачальниковъ наблюдали. Строгая послушливость, яко душа воинскаго тѣла, содержала всѣхъ въ повиновенїи главѣ единой безъ упорства и роптанїя. Истинное къ Государю усердїе дѣйствовало въ сердцахъ подчиненныхъ, когда любовь къ отечеству Государемъ руководствовала. Не тер-

(*) У Нестора пардусъ т. е. леопардъ; но левъ къ сему употребленїю кажется приличнѣе и намъ знакомѣе.

пѣлъ Святославъ въ ополченіи своемъ Христіанъ, и презиралъ ихъ въ угожденіе суевѣрному своему воинству; а воеводы и ратники терпѣли напротивъ того то снизхожденіе, которое онъ имѣлъ, давая подданнымъ свободу креститься, матери своей въ угожденіе. При всѣхъ вышереченныхъ свойствахъ, ни на кого безъ объявленія войны не нападалъ юный Герой; но имѣлъ похвальное и великимъ людямъ свойственное обыкновеніе, послать прежде къ раздражившимъ его съ вопросомъ: „хотятъ ли они мира? и естьли хотятъ, прислали бы съ прошеніемъ Посла; въ противномъ случаѣ самъ онъ пріидетъ въ предѣлы „ихъ для заключенія.„

§ 63.

Походы Святославовы. Лѣта 964. Оброкъ съ свадебъ. Право Бояръ.

Такъ всегда къ войнѣ готовый Святославъ, когда по Древлянской побѣдѣ находился въ походѣ противъ Вятичь на рѣкахъ Волгѣ (*) и Окѣ, и покоривъ оныя, наложилъ на нихъ дань ту же, какую доселѣ Козарамъ они платили, и равномѣрно поступалъ съ другими народы, власти Россійской противными: тогда Ольга, въ отсутствіе его въ Кіевѣ управляя, разсудила за благо наложить оброкъ со свадебъ, по

(*) Послѣдуя Нестору, хотя и написалъ я на Волгѣ и Окѣ; но прибавокъ Волги, кажется, ошибкою вмѣстилъ Несторъ; ибо Вятичи жили по Окѣ выше устья сея рѣки и народъ Мери между ими и Волги находился; а въ верховьѣ Волги и Днѣпра жили Кривичи, которые, какъ примѣчаетъ Татищевъ, по тому и названіе имѣли, что реченіе Кривичи на Сарматскомъ языкѣ верховье знаменуетъ.

черной кунѣ съ жениха, и сбирать оной въ казну Княжескую, равно какъ и Вельможи отъ своихъ подданныхъ себѣ сбирали (*). По

(*) О сей дани Несторъ не упоминаетъ; но Татищевъ говоритъ, кн. II. стр. 45, „что Ольга „отрѣши Княжїе и уложила брать отъ же-„ниха по черной кунѣ какъ Князю, такъ „Боярину.„ И онъ же въ прим. No 135, той же Книги стр. 392, говоритъ: „*Княжее*, на-„писано въ одномъ раскольничьемъ спискѣ, а „въ прочихъ пропущено невѣдѣнїя ради, какъ „и подлинно неизвѣстно, что оно значитъ, „развѣ не было ль обычая, какъ у древнихъ, „рабьихъ невѣстъ предъ свадьбою къ госпо-„дамъ приводили, яко Иродотъ, Кн. IV. гл. 34.„ Я удивляюсь, для чего сомнѣвается Татищевъ въ такомъ помѣщиковъ надъ рабами правѣ, которое при Феодальномъ во всей Европѣ правленїи несомнѣнно было, и называлось Droit de Seigneurs, и давало помѣщикамъ власть брать каждую новобрачную изъ подданныхъ своихъ въ первую нощь по бракѣ въ постелю свою. По сему праву, можетъ быть, въ самой древности, и у насъ сїе обыкновенїе было, и какъ Князи, такъ и Бояры, яко Феодальные господа, имъ пользовались. Изъ словажъ, *отрѣши Княжїе*, разумѣю я, что Ольга, отрѣшивъ сїе жестокаго любострастїя право, замѣнила оное какъ Князю, такъ и Боярамъ поборомъ съ жениха по черной кунѣ. Поборъ хотя нынѣ и обращенъ въ деньги, но еще до сихъ поръ *куничнымъ* называется, и берется съ свадебъ, яко вѣнечный и церковниками и господами. При семъ видно, что Россїя въ Феодальныхъ состояла удѣлахъ, какъ-то выше, при заключенїи Игоремъ мирнаго съ Греки договора, упомянуто вкратцѣ, а здѣсь пространнѣе объяснится. Правленїе Феодальное раздѣляло тогда власть государственнаго правленїя

возвращенiи отъ Вятичей размыслилъ Святославъ, что многiе приверженные Россiи народы, насильствомъ Козаръ принужденные, давали имъ дань, а отъ платежа ему, какъ и объявленные по отшествiи его Вятичи, отрекались; предпрiялъ и пошелъ войною въ 965 году на Козаръ, народъ, отъ древнѣйшихъ вѣковъ столько хищный, сколько сильный

между Великаго Князя и зависимыхъ отъ него Князей и Вельможъ или Бояръ, которые, съ своими собственными подданными составляя войско, купно съ подданными Великаго Князя составляли цѣлое политическое Россiи тѣло. Бояре, пользуясь симъ Феодальнымъ или собственности правомъ, имѣли свою дружину и прочихъ ратниковъ, и могли безъ дозволенiя Князя своего воевать между собою. Право зловредное въ тѣлѣ Монархическомъ, но въ древности было дозволенное, по беззаконному всѣхъ и каждаго чуждыхъ земель насильственно завоеванiю! Ибо въ первобытiи всѣ народныя сословiя состояли изъ людей свободныхъ, и самые хлѣбопашцы изъ свободы не исключались. Одни токмо невольники, плѣненные на войнѣ или купленные, рабами или собственностiю господскою назывались. Сiе право и преимущество видимъ мы какъ въ Германiи и Францiи, такъ въ отечествѣ нашемъ многiе вѣки существующее, и въ своемъ мѣстѣ объявится, коимъ образомъ оно или по насилiю, или по обычаю премѣнилось и изчезло; ибо съ сею премѣною возродилось блаженное Монархическаго правленiя у насъ тѣло. Но какъ сiе мало по малу и въ разныя времена произходило, то и оставляю себѣ, слѣдуя тѣмъ временамъ и политическимъ причинамъ, повѣствовать о сихъ перемѣнахъ по приличiю содержанiя.

и многочисленный (*). Во время, когда Святославъ на нихъ ополчился, жили они совокупно съ Болгары, Косоги (**) и Яси по Днѣпру, Днѣстру, Дунаю, Острѣ, Донцу и другимъ многимъ рѣкамъ, премножество городовъ имѣя. Сіи соединенные народы составляли тогда въ объявленныхъ мѣстахъ ужасное жителей многочисліе; но не взирая на то и на отличную храбрость Козаръ, быстрыми побѣдами имена разныхъ народовъ въ себя уже поглотившихъ, вринулся онъ въ ихъ изобильныя земли. Козары, о шествіи Великаго Князя услышавъ и соединясь съ Торками, между Днѣпра и Буга жившимъ народомъ, вышли ему

(*) Козары, поколѣнія Скифскаго, издревле обитали при брегахъ Хвалынскаго моря, изгнавъ оттуда Хвалисовъ. Тамо, ради великаго по морю и по суху хищенія, прозвался сей народъ отъ Персіянъ Хазарами, т. е. разбойниками, и будучи оттуда самъ Моголами выгнанъ, прешелъ подъ именемъ Козаръ къ предѣламъ Россіи, еще до пришествія Олегова въ Кіевъ. Покорилъ онъ тогда власти своей всѣ племена Славянскія и Сарматскія, обитавшія по брегамъ рѣкъ Днѣпра, Днѣстра и Буга даже до Чернаго моря; наконецъ и Полянъ и Горянъ, населявшихъ Кіевскія окрестности, данниками своими учинилъ. Олегъ, въ страну сію пришедшій, освободилъ многіе отъ дани имъ народы, и самихъ Козаровъ платить оброки себѣ принудилъ. См. кн. I.

(**) По объявленнымъ рѣкамъ жили они совокупно съ Болгары, гдѣ нынѣ Молдавія и Валахія. Ясы жили при устьѣ Днѣстра и Прута, а Косоги въ вершинѣ Сѣвернаго Донца и по впадающимъ въ него рѣкамъ даже до Ворсклы.

на встрѣчу, подъ предводительствомъ единаго изъ своихъ Кагановъ (*). Каганъ, съ великою силою встрѣтясь съ Святославомъ, въ жестокой вступилъ съ нимъ бой; но гдѣ и при какомъ урочищѣ, Писатели не объявляютъ. Кровопролитная битва, обоюднымъ мужествомъ производимая, долго въ сомнительномъ побѣды прiобрѣтенiи продолжалась. Наконецъ одолѣлъ Святославъ, и побѣжденныхъ разогнавъ Козаръ, взялъ Бѣловѣжу (**), градъ знаменитый, подъ которымъ, можетъ быть, и упорное сраженiе сiе произходило. По сей славной побѣдѣ, простеръ Святославъ завоеванiя свои

К. Щербатовъ. ч. I. Истор.

(*) Каганъ не есть имя существительное, какъ Князь Щербатовъ, по незнанiю, почитаетъ; но прилагательное, въ почесть всѣмъ вообще Князьямъ дававшееся. Равная ошибка видится въ Писателяхъ и въ производствѣ Торковъ отъ племени Турецкаго, и въ опредѣленiи жилища ихъ въ Херсонесѣ или нынѣшнемъ Крымѣ. Плинiй не въ Крымѣ, но близь Крыма полагаетъ градъ Торокка, отъ котораго можетъ быть сей народъ Торками промяновался; а Турокъ въ сказуемыхъ нами временахъ еще въ странѣ сей не было, и сами лѣтописи наши на многихъ мѣстахъ называютъ Торковъ иногда общественно Козарами, иногда Берендеями, иногдажъ Черными клобуки, по чернымъ шапкамъ, какiя обыкновенно они носили.

(**) О семъ градѣ выше, при договорѣ Игоревомъ, объявлено; а при семъ то токмо примѣтить надлежитъ по Географiи Князя Щербатова, тисн. Ч. I. стр. 226. что названъ онъ Бѣловѣсъ, какого города нигдѣ, кромѣ его, не обрѣтаю, и думаю нигдѣ не бывало.

на Ясы и Косоги; грады ихъ разорилъ, и множество плѣнныхъ привелъ въ Кіевъ и поселилъ.

§ 64.

Вятичей отложившихся побѣждаетъ, лѣта 966. Потомъ идетъ, по призыву Императ. Греческаго, на Болгары. лѣта 967.

Византи. писат. Часть III. гл. II. стр. 57.

Въ объявленное Святославово отсутствіе строптивые Вятичи паки отложились и положенную на нихъ дань платить отреклися. Но Герой вдругъ съ пришествіемъ своимъ сихъ мятежниковъ побѣдилъ, начинщиковъ наказалъ, бунтующихъ усмирилъ и дань возложилъ съ лихвою. Между тѣмъ Императоръ Греческій Никифоръ Ѳока, въ четвертое царствованія своего лѣто пріѣхавъ ко Ѳракійскимъ городамъ, гдѣ Венгры великія опустошенія учинили, писалъ къ Петру Болгарскому Государю, чтобъ онъ Венгровъ и Турковъ чрезъ рѣку Дунай переправиться не допустилъ, и тѣмъ бы Греческіе предѣлы отъ опустошенія избавилъ. Петръ пренебрегъ его прошеніе, и подъ разными отговорками отклонилъ требуемую помощь. Симъ раздраженный Императоръ послалъ къ Святославу нѣкоего Калокира Патрикія, сына Корсунскаго Князя, съ прошеніемъ, чтобъ Великій Князь благоволилъ, въ силу постановленныхъ со Греками мирныхъ договоровъ, итти на Болгаровъ, яко на общихъ враговъ, войною. Святославъ, не столько призыву Императора внимая, сколько мстя Болгарамъ за вспоможеніе противъ его Козарамъ, пошелъ паки къ Дунаю, и у рѣки Днѣстра, гдѣ Болгары, Козары, Косоги и Ясы совокупными силами переправу заграждали, сошелся съ непріятелемъ; осмотрѣлъ ихъ полки и не разсудилъ за благо

ни самъ въ виду ихъ переходить Днѣстръ, ни ихъ на свою перепустить страну; но употребя воинскую хитрость, обшелъ нощію вверхъ по Днѣстру, и на онъ полъ переправился. Узрѣли его на разсвѣтѣ дня полки Болгарскїе въ боевомъ порядкѣ на нихъ идуща, и внезапному приближенїю едва успѣли строй предпоставить. Святославъ, помощїю приспѣвшими къ нему Венграми усиленный, не трата времени, вступилъ въ бой, который долго и упрямо съ обѣихъ сторонъ продолжался. Долго многочислїе Болгаръ храбрости Руссовъ противустояло; долго побѣда въ ласкательной обѣимъ ополченїямъ неизвѣстности пребывала, и смерть, Рускому оружїю предходящая, долго жертвами враговъ алчность свою насыщала. Наконецъ за полдень уже рѣшилась судьба борющихся. Болгары и Козары побѣжденные, одни повергая предъ побѣдителями оружїе, въ плѣнъ отдалися, другїе побѣжали, а прочїе большею частїю на мѣстѣ мертвы остались. По толь рѣшительной побѣдѣ увѣнчавшїйся лаврами Святославъ, проходя землю непрїятельскую по Днѣстру, Дунаю и другимъ рѣкамъ, взялъ и разорилъ, по свидѣтельству лѣтописей, осмьдесятъ градовъ (*), и градъ

(*) Несторъ и другїе сказуютъ о 80 взятыхъ градахъ безъимянныхъ; но сомнительно, чтобъ они были грады укрѣпленные, и безъ сопротивленїя предалися; а потому вѣроятнѣе возпрїять ихъ за мѣстечки или селы большїя и малыя: но какъ въ мѣстахъ сихъ премножество находится еще и нынѣ городищъ разоренныхъ, то сїе и разрѣшаетъ наше сомнѣнїе. Чтожъ касается до Переяславца, сей былъ

Переяславецъ избравъ для житья престольнымъ, между покоренными опредѣлилъ. Потомъ новое сїе владѣнїе утвердивъ за собою, изъ Кїева въ объявленномъ Переяславцѣ на Дунаѣ жить вознамѣрился. Выгоднымъ всегдашнему пребыванїю почиталъ онъ мѣсто сїе для того, что сюда могли побѣжденные народы и самые Греки свозить погодную ему дань безъ отрицанїя; притомъ и постановленный съ Венграми союзъ свойства и дружества, по причинѣ брака его съ Предславою, Княжною Венгерскою, безопасное въ немъ жилище ему обѣщевалъ.

ГЛАВА XI.

Печенѣги осаждаютъ Кїевъ, и Ольга съ дѣтьми Святославли въ опасности. Претичъ, Воевода Черниговскїй, ихъ освобождаетъ.

§ 65.

Нашествїе Печенѣговъ на Кїевъ. Лѣта 6476 / 968.

Во время воинскихъ на Дунаѣ подвиговъ и пребыванїя Святославля въ Переяславцѣ, Ольга съ сынами его, Ярополкомъ, Олегомъ и Владимиромъ (*), спокойно въ Кїевѣ дѣлами

градъ на Дунаѣ большой и укрѣпленной, какъ въ послѣдствїи увидимъ, и для того Святославъ хотѣлъ учинить его престольнымъ, и жить всегда въ немъ, а не въ Кїевѣ; но обстоятельства тому попрепятствовали.

(*) О первыхъ изъ сихъ Святославовыхъ сынахъ, когда и отъ какихъ матерей они родились, не оставилъ намъ извѣстїя Несторъ. Г. Мал-

внутренними управляла, и слухомъ гремящія его славы наслаждалась, когда внезапно на области Кіевскія Печенѣги (*) наступили и

тинъ токмо одинъ въ Зерцалѣ Князей Рускихъ, стр. 6, хотя и объявляетъ, что Ярополкъ и Олегъ отъ Предславы, Княжны Венгерской; но откуда онъ почерпнулъ сіе? Когда сей бракъ Святославовъ совершился, и когда сыны сіи родились, того не объявляетъ. Онъ и Малушу называетъ второю супругою Святославу, но кромѣ его о семъ бракѣ никто не повѣствуетъ. Несторъ, Никонъ, Татищевъ и прочіе сказуютъ токмо, что Владимиръ родился отъ Малуши, ключницы Ольгиной, въ селѣ Будятинѣ, во время путешествія ее къ Изборску, не далеко отъ того мѣста, гдѣ послѣ созданъ градъ Плесковъ; и за сіе преступленіе отогнана была она отъ Ольги. Слѣдовательно, естьлибъ была она супруга Святославля, то бы конечно съ матерью его въ ключницахъ въ такой дальней походъ отлучиться не похотѣла, а тѣмъ меньше изгнаніемъ наказана быть могла; и по тому Владимиръ не инако, какъ беззаконно рожденнымъ почитается.

(*) Печенѣги былъ народъ, съ которымъ древнія дѣянія Руссовъ надолго были сопряжены, и по тому достойны извѣщенія. Я возьму достовѣрнѣйшее объ немъ извѣстіе изъ Византійскихъ Писателей, преданныхъ намъ въ выпискахъ Господина Штриттера, Ч. 4. перечень о Печенѣгахъ, стр. 171 и далѣе. Греки со временъ Константина Багрянороднаго называютъ сей народъ Скиѳами, особливо Анна Комнина почти повсюду прилагаетъ ему сіе неопредѣленное названіе, позабывъ, что Печенѣги были пришельцы въ Верхнюю Мисію, гдѣ они въ ея время обитали. И такъ справедливѣе кажется наименовать ихъ Гуннами, изшедшими

тѣсною осадою градъ Кіевъ облегли, разоривъ его окрестности. Въ Кіевѣ никакихъ войскъ тогда не было; но сіе не препятствовало вооружиться и стать противъ враговъ всѣмъ гражданамъ. Укрѣпились они въ стѣнахъ своихъ, и елико возможно, съ твердымъ оборонялись упорствомъ. Печенѣги, великою ихъ храбростію раздраженные, въ неизреченной ярости ни во дни, ни въ нощи покою имъ не давая, безпрестанными приступами осажденныхъ изнуряли, и не жалѣя многолюдства ради всегдашняго урона, побивали, и защитниковъ града и стѣны градскія снарядами въ

отъ рубежей моря Уральскаго и племени Мунгаловъ. Самъ Константинъ Багрянородный сохранилъ намъ во утвержденіе имена разоренныхъ по Западному брегу Днѣпра городовъ Печенѣжскихъ, кои доказываютъ ихъ произхожденія; ибо кромѣ одного Аспрона, прочія кончаются на Катай, какъ-то: Тунгатай, Салма-Катай, Сако-Катай, Паю-Катай. Въ XI вѣкѣ простиралась Печенѣжская земля отъ рѣки Днѣпра до Панноніи, и отъ Дуная до горы Тенугорма, которая отдѣляла ее отъ Тавроскифіи по тогдашнему названію или Россіи. Часть сего народа имѣла жительство между Дунаемъ и горою Эмомъ, гдѣ поселилъ ихъ Императоръ Константинъ Мономахъ. Но естьли вѣщаніе Кедрина и продолжителя Константина Багрянороднаго о построеніи города Саркела во всемъ справедливо; то надлежитъ думать, что Печенѣги еще около 834 года жили уже при рѣкѣ Донцѣ насупротивъ Хозаровъ; ибо Кедринъ именно говоритъ, что Саркелъ построенъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ удержать стремленіе Печенѣговъ; а послѣдній пишетъ, что рѣка Донецъ раздѣляетъ обоихъ сихъ народовъ.

слабость приводили. Уже по тѣсномъ града заключенїи, сталъ являться въ немъ великой въ пищѣ недостатокъ, и съ нимъ уныніе въ гражданахъ; уже всѣ пути не токмо къ доставленїю припасовъ, но и къ подаянїю о ихъ бѣдствїи къ Святославу вѣсти пресѣчены и заграждены были, и даже до почерпанїя чистыя изъ Днѣпра воды свободу облежатели у нихъ отнявъ, къ появляющемуся гладу жажду присовокупили. О такой крайности узнавъ невѣдомою судьбою Претичь, Воевода Черниговскїй, собралъ, поелику въ скорости возмогъ, воинства, пришелъ на ладїяхъ къ освобожденїю града, и на противной ему странѣ станомъ расположился; но тщетно казалося его пришествїе. Сообщенїе со градомъ въ рукахъ вражескихъ находилось такъ, что ни онъ во градъ помощи подать, ни граждане о горестномъ своемъ состоянїи увѣдомить его не могли. Бдительная непрїятелей стража непреоборимую преграду сношенїю между ими постановляла. Тогда старѣйшины Кїевскїе составили народный совѣтъ, ища человѣка, кто бы возмогъ увѣдомить пришедшаго воеводу о гибельныхъ Кїева обстоятельствахъ, и повѣдать ему, что естьли скоро не учинитъ онъ помощи, то гладъ и жажда принудитъ ихъ къ здачѣ града и къ преданїю въ плѣнъ матери и сыновъ Святославовыхъ. Нашелся отважный человѣкъ, знающїй довольно языкъ Печенѣжскїй, который обѣщался пройти за Днѣпръ и вѣсть толь поразительную принести къ воеводѣ. Былъ то юный Кїевлянинъ, и тако обѣщанїе исполнилъ: взявъ съ собою узду, вышелъ онъ нощїю изъ града, и вбѣжавъ

въ станъ Печенѣжскій, и какъ безумный по полкамъ бѣгая, спрашивалъ, не видалъ ли кто коня его? Печенѣги, пріемля его за собственнаго ратника, невозбранно допустили до брега Днѣпровскаго. Тогда отважный подвижникъ, сбросивъ съ себя одежду, кинулся въ Днѣпръ, и въ легкомъ плаваніи презиралъ многочисленныя стрѣлы, пущенныя на него догадавшеюся стражею. Напротивъ того съ той страны Черниговцы некосненно берутъ его въ ладію, и привезеннаго представляютъ начальнику. Отвага, сказавъ ему, въ какой крайности находится Кіевъ, продолжалъ: „Когда „не подступишь ты заутра ко граду, и не „учинишь въ судахъ на непріятеля нападе„нія; то вѣдай, что сдастся градъ нашъ, и „великая Княгиня со внучаты отведется въ „позорный плѣнъ. Такъ старшины Кіевскіе „сказать тебѣ повелѣли.„ Претичь собралъ воинскій совѣтъ, на которомъ едва не всѣ Чиновники, согласно ему, представляли, что, ради великаго множества непріятелей, сразиться и градъ оборонить они не могутъ, и что самое вшествіе ихъ во градъ, безъ изобилія запасовъ, меньше полезно, нежели гибельно будетъ. Усердный однакожь Претичь вопреки имъ представилъ, говоря: „Имѣемъ мы ладіи, „а Печенѣги на водѣ ни малѣйшаго вреда „причинить намъ не въ состояніи. И такъ „пойдемъ мы на онъ полъ водою; и естьли „не удастся намъ спасти града и учинить „ему помощи, то по крайней мѣрѣ потщимся „спасти Княгиню и сыновъ Святославлихъ, и „привесть ихъ въ нашъ станъ. Сей отваж„ный опытъ предпріять необходимо мы должны,

„хотя бы и погибнуть намъ случилось.
„Инако чѣмъ мы оправдимся предъ Великимъ
„Княземъ? и какъ избѣгнемъ достойнаго на-
„казанія, когда взыщетъ онъ отъ насъ мате-
„ри и дѣтей своихъ? Оставитъ ли онъ безъ
„казни поносное ихъ плѣненіе и нашу гнус-
„ную робость?„ Убѣжденные страхомъ мще-
нія Святославова полководцы и ратники согла-
сились, предводительству его послѣдовать;
ибо строгъ былъ Великій Князь, и всѣ поддан-
ные гнѣва его трепетали. Такъ преклонивъ
къ единодушному предпріятію, повелѣлъ муже-
ственный вождь въ наступившую нощь взой-
ти на ладіи всему его ополченію. Темнота со-
крыла отъ супостатъ его предпріятіе, а свѣтъ
утренния зари открылъ исполненіе. Гласъ
трубный, велящій отвалить суда, возбудилъ
облежателей, и осажденнымъ приближеніе его
ко граду возвѣстилъ. Неутомимые Кіевляне,
ради удобныя на брегу пристани, сильную
учинили вылазку, и храбрымъ нападеніемъ
принудили Печенѣгъ, заняться съ ними боемъ
и упразднить брегъ на высадку приплывшихъ.
Тогда жестокое въ лице и съ тылу наступле-
ніе вскорѣ строй вражеской смяло, и ко укрѣ-
пленному ихъ стану бѣжать обратило. Тогда
объятые недоумѣніемъ враги возмнили быть
пришествію Великаго Князя, и въ ужасѣ, сры-
вая уже свои шатры, къ отступленію отъ
града приготовлялись. Уже и Ольга со внуками
на суда своихъ избавителей безпрепятственно
вступила, когда свѣтило дневное, озаривъ пред-
меты, открыло наконецъ Печенѣжскому Князю
не удобь возможное уже исправить заблужденіе.
Но чтобъ подлинно удостовѣриться, кто при-

шелъ на избавленіе града, приближился онъ съ малою токмо стражею къ ожидающему всего его войска Россійскому ополченію, и громкимъ возопивъ гласомъ, вызывалъ Князя или Воеводу Рускаго для переговора. Мужественный Претичь не отказалъ вызову; но возсѣдъ на бранного коня, выѣхалъ къ нему, паче бодростію духа, нежели бронею ограждаемъ. Печенѣгъ вопросилъ его: „Кто пришедый съ воинствомъ? „Я есмь, отвѣщалъ онъ, Воевода Святосла„вовъ; я пришелъ съ передовымъ Великаго „Князя полкомъ; а самъ Князь грядетъ по „мнѣ со всѣми войсками своими, и вскорѣ, чаю, „прибудетъ.„ Ужаснулся Князь Печенѣжскій, и въ страхѣ сердца своего простеръ ко Претичу десницу и рекъ: „буди мнѣ другъ и „примирися со мною.„ Предложеніе принято, и заключенъ миръ. При чемъ Печенѣжскій Князь, въ знакъ дружбы, далъ Полководцу Рускому коня, саблю и стрѣлы съ колчаномъ и лукомъ; а отъ него принявъ щитъ и мечь, отступилъ отъ града и во свояси возвратился. Славна Претичева побѣда тѣмъ паче, что онъ былъ малолюденъ; а Печенѣговъ напротивъ того толь многое множество было, что брега рѣки Лыбеди оскудѣвали водою, для напоенія ихъ коней.

§ 66.

Посланіе изъ Кіева къ Святославу. Лѣта 6476 — 968.

По отшествіи Печенѣговъ, совѣтъ сотворше, Кіевляне послали съ сею вѣстію ко Святославу. Посланные, пришедъ въ Переяславецъ, все бывшее Кіеву бѣдствіе подробно описуя, тако Великому Князю говорили: „Чуждыя, „Государь, ищешь ты земли, о своей нерадѣя.

„Дальнїе простираешь и хранишь предѣлы, „наслѣдственное свое владѣнїе презирая. Кїевъ „и матерь свою съ дѣтьми твоими оставилъ „ты безъ обороны, о чемъ увѣдавъ, Печенѣги „пришли, и едва не взяли сиротствующаго „града едва не плѣнили престарѣ„лую матерь со слезами къ тебѣ вопїющу, и „сыновъ, нѣжныя длани къ удаленному роди„телю простирающихъ. Поскорби объ нихъ; „поспѣши, охрани отъ новыя напасти, и отъ „хищныхъ строптиваго врага свободи ихъ „рукъ. Печенѣги, узнавъ медленїе твое, паки „прїидутъ, и престольный прародителей тво„ихъ градъ разорятъ до основанїя, а семью „твою отведутъ въ плѣнъ поносный.„ Тронутый словомъ толь пронзительнымъ, Святославъ мгновенно садится со всѣмъ воинствомъ на кони, и путь свой къ Кїеву направляетъ. Тамо съ пролитїемъ радостныхъ слезъ встрѣчаетъ его мать и дѣти, и лобызая уста и руки, при восторгѣ всего Кїевскаго сословїя въ нѣжныя объятїя. Кїевъ гласомъ многоязычнымъ повѣдаетъ ему о бывшемъ отъ Печенѣгъ злоключенїи; а престарѣлая мать вѣщанїе сїе горячими сопровождаетъ слезами. Герой, внимая тому, мщенїемъ воспаляется; не долго медлитъ, собираетъ воинство, идетъ на Печенѣгъ, находитъ ихъ въ степяхъ, сражается, побѣждаетъ, и постановя миръ, съ побѣдою въ Кїевъ возвращается. По семъ не привыкшїй къ житїю праздному, хощетъ паки итти въ поле, искать новыхъ лавровъ пожатїя. Готовый къ отшествїю, тако матери и Вельможамъ своимъ намѣренїе объявилъ:

Лѣт. 969.

„Непріятно мнѣ житіе въ Кіевѣ. Хощу прейти на Дунай, и въ Переяславцѣ учредить „всегдашнюю мою столицу. Градъ сей есть „средина Государства моего; къ нему со всѣхъ „странъ течетъ изобиліе. Отъ Грековъ получаю тамо сребро, злато и паволоки на „одежды драгоцѣнныя, и вино и овощи различныя. *Чехи* и *Угры* даютъ мнѣ сребро и „кони; изъ Россіи доставляются туда мягкая рухлядь, медъ и воскъ, и люди, для „наполненія войскъ моихъ, приходятъ; словомъ, „тамо всяческое довольство я обрѣтаю.„ Ольга, горькими облившись слезами, отвѣщала ему: „Воззри на старость и болѣзнь мою; „на кого ты оставляешь меня и дѣтей своихъ „сирыхъ? Я, дряхлостію удрученная, къ смерти приближаюсь; они малолѣтны безъ призрѣнія остаются. Куда ты удаляешься отъ „насъ? Хотя не долго побудь со мною. Не „долго продолжится моя жизнь: закрой глаза „мои, и тѣло мое предай землѣ по закону „Христіанскому. О семъ тебя прошу, пожди „не много, и не вели высокою насыпью тяготить бреннаго трупа, ниже сотворять тризну по обычаю вашему. Я много молила тебя, да вѣруешь со мною во единаго Бога вседержителя; но ты не внялъ прошенію матери. И се стужаю болѣ, препоручая тебя „святой Его волѣ; можетъ быть Онъ, яко всесиленъ, просвѣтитъ тебя по отшествіи моемъ, „и дастъ тебѣ царство небесное, какъ далъ „земное отъ великія Своея щедрости. Воспомяни мои слова, и нѣкогда пріобщися Его „стаду.„

Богемцы и Венгерцы.

§ 67.

Блаженная Ольга, не могши, кажется, пресилить упорства невѣрнаго сына, по трехъ дняхъ по семъ разглагольствіи предала духъ свой Христу Спасителю. Сынъ, внуки и весь народъ, и паче Христіане, съ воплемъ и рыданіемъ препроводили тѣло и по завѣщанію ея у православныя погребли церкви. Священникъ, при ней бывшій, невозбранно совершилъ надгробное пѣніе; а Христіане, яко мать и защитницу свою, послѣднимъ лобызавъ цѣлованіемъ и горькими омывъ слезами, предали землѣ. Тако скончалась великая въ женахъ, Княгиня Ольга, не просто равноапостольною въ числѣ Святыхъ у насъ проименованная. Она была первая въ земли Руской порфироносная вѣры Христовой проповѣдница. Она, яко заря предъ восхожденіемъ солнца, озарила пришествіе Евангельскія благодати. Она нравственныя добродѣтели Христіанскія во тьмѣ идолопоклоннаго заблужденія насадила, и скорое плода ихъ созрѣніе ознаменовала. Она, Петру Апостолу подобно, внесла въ Россію ключи царствія небеснаго, и врата въ селеніе праведныхъ отверзла; наконецъ мудростію Павлу подобная постановила правдивый судъ и расправу между подданныхъ, и въ земскомъ градомудріи превзошла тогдашняго времени мужей Политикою. Церковь, по свидѣтельству Іоакима Новоградскаго, древянная Софіи премудрости Божіей, ею въ Кіевѣ созданная и тѣло ея сохранявшая, разорена отъ Святослава, не въ долгомъ по кончинѣ ея времени; но церковь всея Россіи, великихъ заслугъ и добро-

Кончина блаженныя Ольги. лѣта 969.

дѣтелей ея ради, празднуетъ блаженную ея память всегодно подъ именемъ Святыя благовѣрныя Великія Княгини Елены, Іюля і дня.

ГЛАВА XII.

Святославъ по смерти матери распоряжаетъ Государствомъ, идетъ въ Переяславецъ, и на возвратномъ оттуда пути лишается жизни.

§ 68.

Святославъ распоряжаетъ и дѣлитъ государство сынамъ своимъ. лѣта 6478 970.

Во все славное цѣломудрыя Ольги житіе, Святославъ мало правленіемъ Государства занимался. Рожденный Героемъ, прилѣжалъ онъ болѣе къ дѣламъ воинскимъ, и, какъ выше объявлено, въ подвигахъ бранныхъ упражнялся. Но по ея преставленіи пробывъ въ Кіевѣ около года, до вторичнаго на Дунай отшествія старался благоустроить твердость правительства, и опредѣлить, чтобъ въ отсутствіе его прежніе оброки платились, куда надлежитъ, по его установленію. Чего ради посадилъ сыновъ своихъ, старшаго Ярополка въ Кіевѣ, а младшаго Олега въ Древляны со всею Княжескою властію; Владиміражъ отпустилъ въ Новградъ. Тогда Новградцы чрезъ Пословъ своихъ просили у него единаго изъ сыновъ на Княженіе. Святославъ далъ имъ на волю избрать, котораго хотятъ; и потому прилѣжно домогались они получить единаго изъ старшихъ; но Ярополкъ и Олегъ, пріобыкнувъ къ Южному краю и безмятежному жителей благонравію, отреклися отъ полунощныя страны,

клада и своевольства Новоградцовъ ради. Добрыня, родный братъ Малуши, матери Владимiровой, посовѣтовалъ Посламъ изпросить племянника его; и когда они совѣтъ его за благо приняли, и Святослава о томъ попросили, то Великiй Князь съ охотою далъ имъ Владимiра, и съ Добрынею въ Новградъ съ Послами его отпустилъ. Тамо вскорѣ увидимъ мы въ дѣянiяхъ его начало того величества, которое и безсмертную Князя сего славу и блаженство цѣлаго отечества нашего введенiемъ вѣры Христiанскiя совершило. Такъ разпредѣливъ Святославъ, по собранiи великаго воинства, самъ съ поспѣшностiю пошелъ на Дунай къ Переяславцу, новой своей столицѣ. Вина толь внезапныя его поспѣшности была слѣдующая.

§ 69.

Дѣеписатели наши согласно съ Византiйскими повѣствуютъ, что въ Грецiи царствовали тогда Василiй и Константинъ, оба Государи юные и къ управленiю Государствомъ еще не созрѣвшiе. Несовершенства лѣтъ ихъ ради правительствовалъ Iоаннъ Кимисхiй, который около сего времени, по наущенiю жены своей, убилъ Императора Никифора Өоку, и самъ злопреступно Императоромъ учинился. Сей позналъ Никифорову въ призывѣ Руссовъ противу Болгаровъ политическую ошибку, которая всю Болгарiю предала въ руки Великаго Князя Святослава. Кимисхiй, опасаясь вториннаго на Дунай его пришествiя и толь ближняго съ страшнымъ симъ Героемъ сосѣдства, возжегъ къ войнѣ побѣжденные Болгары,

Причина скорому Святославову походу. Лѣта 971.

Выписка изъ Византiйскихъ Истор. Ч. IV. гл. II. стр. 59. и дал.

и къ наступленію на Переяславецъ преклонилъ; самъ же, яко бы содержа постановленный Никифоромъ миръ, притворно отъ войны уклонился. Между тѣмъ Болгары облегли Переяславецъ, и въ бытность Великаго Князя въ Кіевѣ обладать имъ чаяли; но Волкъ, храбрый Святославовъ Воевода, начальствовавшій во градѣ, крѣпкою обороною скорое чаяніе ихъ въ медлительную обратилъ осаду, и мужественно дотолѣ отражалъ облежателей, доколѣ не увидѣлъ сущаго въ съѣстныхъ припасахъ недостатка, и паче крамолы гражданъ, съ непріятелемъ согласныхъ. Тогда вознамѣрился онъ спасти врученное ему войско и, какъ бы то съ осторожностію исполнить, удобнаго искалъ способа. Предаться на договоръ почиталъ онъ ущербомъ славы Россійской и своему имени безчестіемъ; а пробиться сквозь непріятеля, многолюдство Болгаровъ неизбѣжною всѣхъ погибелью ему угрожало. Въ такомъ недоумѣніи рѣшился къ воинской прибѣгнуть хитрости. Не взирая, что со всѣхъ сторонъ тѣсно запертъ былъ во градѣ, разгласилъ между обывателей, что онъ, до прибытія съ войсками Великаго Князя, ни подъ какимъ видомъ съ порученными его начальству сдаться не намѣренъ и до послѣднія капли Рускія крови обороняться будетъ. Въ утвержденіе сея огласки повелѣлъ онъ заклать всѣхъ во градѣ находящихся коней, и мясо солить и сушить, яко бы для пропитанія. Между тѣмъ среди темныя нощи собравъ свое войско, приказалъ на многихъ мѣстахъ градъ зажечь, и со всевозможною скоростію убираться на свои ладіи, куда и самъ, забравъ все Княжеское богатство,

некосненно пришелъ. Удалася благоизобрѣтенная хитрость. Болгары, узрѣвъ великій пожаръ, къ незащищаемымъ стѣнамъ всѣми силами приступили; а онъ, тѣмъ временемъ преплывъ уже на онъ полъ Дуная, суда вражія иныя зажегъ, другія похитилъ и внизъ по Дунаю плаваніе свое направилъ. Обманутые Болгары не могли его преслѣдовать за сожженіемъ и похищеніемъ ихъ судовъ. Такъ благоразумный вождь и въ самой крайности находитъ спасеніе ввѣренному предводительству его войску, и хитрость вмѣсто отчаянія употребляетъ! Блаженъ Государь, таковыхъ военачальниковъ имѣющій! и щастливы войска, состоящія подъ начальствомъ человѣчество щадящихъ вождей! Волкъ, пожертвовавъ имѣніемъ крамольныхъ гражданъ, спасъ такимъ образомъ вѣрныхъ ратниковъ, и имя свое навѣки въ повѣствованіи Рускомъ прославилъ. Наконецъ по благополучномъ плаваніи достигъ онъ до устья рѣки Днѣстра, и тамо увѣдавъ, что Святославъ съ войсками изъ Кіева уже идетъ, пошелъ вверхъ по Днѣстру и съ Государемъ своимъ соединился. Болгарыжъ, по отшествіи его взявъ Переяславецъ, во оной вошли, пожаръ погасили, въ немъ засѣли и, сколько можно, укрѣпились.

§ 70.

Пришествіе Святослава къ Переяславцу, и подвиги его. лѣта 971.

Разъяренный увѣдомленіемъ Волка о судьбинѣ любимаго града, Святославъ новымъ усиліемъ поспѣшность похода усугубилъ: пришелъ къ Переяславцу, и крѣпко затворившихся въ немъ Болгаровъ облегъ. Нетерпѣливость къ частымъ побуждала его приступамъ,

которые вылазками изъ града съ успѣхомъ осажденные отражали. Случилося въ одинъ день, что Святославъ напрягъ всего войска своего къ наступленію силы, которыя отважнымъ Болгаровъ противоборствомъ въ тщету обращенны были. Въ другой разъ отчаянные Болгары, всѣ свои соединя силы, на полки Рускіе внезапно напали, и уже начали преодолѣвать и приводить въ замѣшательство ратоборцевъ, когда со свѣжимъ войскомъ бранноносный подоспѣвъ Святославъ, и отступающихъ грому подобнымъ гласомъ обратилъ къ бою: „Лучше, вопіялъ онъ, рискaя по пол-„камъ, лучше всѣмъ намъ здѣсь погибнуть, „нежели бѣгствомъ затмить прежнюю нашу „славу.„ Такъ вопія, ринулся въ побѣждающихъ супостатовъ, и ужасъ и смерть съ нимъ совокупно вринулись. Бой возобновился; побѣда крылѣ свои простерла надъ Героемъ; непріятель разстроился, побѣжалъ и мнилъ спастися во градѣ; но побѣдитель, не давъ ему отдыхновенія, ниже отъ ужаса притти въ себя, приближился къ стѣнамъ, и смертоносною десницею въ послѣдовавшемъ приступѣ взялъ противный градъ; торжественно во оный входитъ, и великодушіе его прощаетъ гражданъ невинныхъ; правосудіе казнитъ крамольныхъ, и плѣнныхъ Болгаръ щадитъ человѣколюбіе. Такого милосердія въ благодарность, плѣнники, по установленіи тишины, возвѣстили ему, что Греки суть причиною ихъ возмущенія. „Греки, сказывали они, многократнымъ „внушеніемъ обѣщаваемыя помощи подвигли „Князей Болгарскихъ возприять противъ те-„бя оружіе и въ отсутствіе твое похитить

„Переяславецъ.„ Прогнѣвался, услыша сїе, на вѣроломныхъ Грековъ Святославъ, и хотя довольно имѣлъ силъ безъ отлагательства итти на Царьградъ, однакожъ слѣдуя похвальному своему обыкновенїю, послалъ прежде съ объявленїемъ Греческому Императору войны, а самъ въ походъ выступилъ. Греки, коварно оправдаться желая, отвѣчали Послу, яко бы Болгары на нихъ клевещутъ. „Мы, ухищренно „они говорили, мы не хотимъ и не сильны „воевать противу Святослава; пусть возьметъ „онъ дань на все свое войско. Мы съ охотою „дать оную обѣщаемся, когда токмо по до„говорамъ нашимъ увѣдомите насъ, сколько „какова съ нимъ воинства?„ — „Хитры и доднесь еще Греки,“ говоритъ, повѣствуя сїе Несторъ. Умудрились они чрезъ вопросъ сей, единственно вызнать число воинства Святославова, чтобъ приготовить свое превосходнѣйшее. Посолъ Святославовъ вѣдалъ, что войска Рускаго съ Великимъ Княземъ не болѣе 10000; ибо ни Кїевляне, ни Поляки, ни Венгры, на помощь идущїе, еще не приспѣли; усугубилъ однакожъ число для корысти, объявя оное въ 20000. Сїе коварные услышавъ искусители, отправили Посла съ обѣщанїемъ дани; а между тѣмъ Римскаго и Греческаго войска до 100,000 противъ Святослава выслали. Гдѣ встрѣтились сїи войски, Писатели наши не объявляютъ; но внѣшнїе сказываютъ, что около сего времени жестокая была брань между Рускихъ и Грековъ на Дунаѣ при градѣ Доростерумъ (*), His. univ. T. XXVI. Liv. III. ch. 24. p. 969.

(*) Ломоносовъ, послѣдуя хвастливымъ Греческимъ Историкамъ, многое о семъ написалъ,

и правдоподобно ихъ сказанїе. Градъ сей не иной кажется былъ, какъ Дестръ, нашимъ Несторомъ упоминаемый. Стоялъ онъ при устьѣ Дуная, на той странѣ, гдѣ нынѣ Силистрїя; и тѣмъ сїя догадка вѣроятнѣе, что побѣжденные Греки въ ономъ градѣ миръ со Святославомъ заключили, и что наши Дѣеписатели слѣдующимъ образомъ бытїе сїе описуютъ: Обманутый лестїю Грековъ, Великїй

чего въ нашихъ вѣрнѣйшихъ не обрѣтаемъ. Посылка Варда, шурина Императорова, его побѣды, облежанїе самимъ Цимнехомъ Переяславца, побѣда надъ Святославомъ и ужасныя Святославовы войски, въ 130,000 и въ 200,000 состоящїя и побитыя, суть басни Греческаго изобрѣтенїя, и потомъ Поляками повторенныя. Кто хощетъ въ подробности ихъ видѣть, можетъ читать въ извѣстїи Византїйскихъ Писателей, Ч. 4. гл. 11. § 27. стр. 62 - 78. Тамо еще больше найдетъ небылицы, которую по прекословному повѣствованїю самъ себѣ открыть можетъ. Доростерумъ есть у Нестора нашего на стр. 63, градъ Дестръ, по Гречески Дристръ или Доростоль, по тѣмъ же Писателямъ. Онъ лежалъ въ древней Мисїи на берегу Дуная. Подъ симъ градомъ, кажется, побѣдилъ Святославъ Кимисхїя, и заключилъ въ немъ миръ. Что Ломоносовъ бытїе сїе выписывалъ изъ Кедрина и Зонара, въ презрѣнїе нашихъ Писателей, то и изъ сего видно, что онъ городъ сей Доростолемъ называетъ, чего ни въ одномъ изъ нашихъ не нахожу. И хотя сїи Греческїе Писатели ложно повѣствуютъ, яко бы Святославъ, по сильной битвѣ, отъ Кимисхїя побѣжденъ; но, къ утвержденїю нашего мнѣнїя, говорятъ, что подъ Доростолемъ войски сошлися, жестокой бой имѣли, и побѣда Греками одержана.

Князь внезапно окруженъ сталъ Греческимъ ополченіемъ; а воины его, узрѣвъ множество, страхомъ пораженны стали. Тогда Герой, бодрости не теряя, говорилъ своимъ: „Уже нѣтъ „намъ инаго спасенія, какъ токмо въ оружіи. „Бой предлежитъ намъ неизбѣжно, и мы во „сраженіе необходимо вступить должны; ста„немъ храбро, естьли не хотимъ посрамить „славы отечества нашего. Не стыдно быть „побитымъ: мертвіи бо стыда не имѣютъ; „но бѣжать, испужавшись множества враговъ, „есть срамъ и безчестіе вѣчное. Я отнюдь „не побѣгу; не дамъ измѣны чести Россійскія. „Станемъ, братія, станемъ противъ враговъ „нашихъ мужественно; умремъ, или одолѣемъ „со славою. Въ предлежащемъ случаѣ и „смерть и одолѣніе суть побѣда прехвальная. „Я предъ вами пойду: взирайте на меня и „мнѣ подражайте. Когда умру я, и глава „моя на ратномъ покатится полѣ, тогда „уже...... тогда промышляйте о себѣ и спа„сайтеся.„ Всѣ ратники въ отвѣтъ ему возопили: „гдѣ твоя, Государь! глава, тутъ и „наши всѣ полягутъ.„ Святославъ, горячностію ихъ воспользуясь, устроилъ въ боевой порядокъ полки; средину повелъ самъ; правое крыло далъ Свенельду и лѣвое Волку. Не дождалъ онъ Грековъ приближенія; не допустилъ до прижатія себя къ Дунаю; самъ наступилъ на нихъ, и смертоносную началъ брань. Спираются противныя ополченія: единыя на множество, другія на храбрость вождя своего уповая. Гласъ трубъ и свирѣль, съ конскимъ соединясь ржаніемъ, стонъ умирающихъ глуша, въ сердца біющихся безстрашіе

вперяли. Полководцы Рускїе, летая среди опаснѣйшихъ непрїятельскихъ стремленїй, примѣры мужества собою подаютъ, то отражая сильнѣйшїя толпы, то наступая и прогоняя слабѣйшїя. Отличаются изъ всѣхъ въ жестокїй день сей Свенельдъ и Святославъ. Первый, твердой стѣнѣ подобно, отражаетъ враговъ, не колеблясь, давая идущимъ за нимъ время стѣсняться, и сполчаться, и поражать; другїй, подобно молнїи всюду, гдѣ ни явится, блестящей, разитъ все, яко громъ, и все предъ нимъ падетъ, или бѣжитъ, смертїю гонимо. Бой въ свирѣпствѣ кровопролитнѣйшемъ отъ утра до нощи продолжался, и побѣда измѣняясь равновѣсїе въ силахъ противуборныхъ содержала. Уже солнце къ восхожденїю клонилось, а побѣда еще въ нерѣшимости зрѣлась. Судьба какъ будто бы размышляла, множеству ли, или мужеству явить свою благосклонность, когда лавроносныя. Героевъ Рускихъ знамена внеслись въ средину ослабѣвшихъ враговъ, и побѣда имъ послѣдовала. Щастливый лѣваго крыла вождь, пресловутый Волкъ смялъ и, сбивъ правое Греческое крыло, принудилъ въ разстройкѣ съ ратнаго отступить поля, и за хребтомъ своимъ жатву лавровъ побѣдителю оставить. Раздался полка его торжественный гласъ и съ воплемъ бѣгущихъ отъ него смѣшался. Первый ободрилъ Россїянъ; другїй поколебалъ Грековъ. Тогда славные въ древности Римскїе Орлы уступили впервые (*) и навсегда кровавое

(*) Римскїе Орлы суть знамена древняго Рима, и Цареградскими Императорами всегда упо-

побѣдъ поле нынѣ господствующу Орлу Всероссійскому, и стыдяся дующаго въ нихъ вѣтра, узрѣли Римлянъ бѣгущихъ отъ меча Рускаго. Греки, сильные въ обманахъ, но въ браняхъ робкіе послѣдовали имъ, и прегоняя западныхъ ратоборцевъ, въ бѣгствѣ спасенія искали; а побѣдители, въ ярости несказанной неся на каждомъ мечѣ разительную смерть, пораженіемъ лютымъ препровождали обоихъ, доколѣ темнота ночная не возбранила. Тогда хотя прекратилъ сѣчу Святославъ, но строеваго порядка рушить не дозволилъ; вооруженъ самъ, и ополченію на утомленныхъ коняхъ пребыть повелѣлъ, опасаясь внезапнаго въ нощи нападенія. Такъ осторожность нужна побѣдителямъ, когда близки еще побѣжденные. Свѣтающій день открылъ неизчетный уронъ супостатовъ, и, къ горести Россіянъ, малой явилъ ихъ остатокъ. Храбрый Свигелла, военачальникъ искусный и ближній Святославовъ Воевода, найденъ мертвъ между трупами падшихъ отъ руки вражія. Простертыя окрестъ его тѣла казались, что, увѣнчавъ Героя

потребляли́сь; такъ какъ и Преторіянская стража у нихъ была подобная Риму и изъ потомковъ приведенныхъ Константиномъ изъ Рима праотцевъ состояла, и тѣлохранителей Императорскихъ во время брани составляла. А какъ сія битва была первая предводительствуемая противъ Россіянъ Императоромъ, то для того и пораженіе ихъ почтено знаменитѣйшимъ, и показало, что нынѣшнее Россійское подъ представленіемъ Орла знамя затмитъ и Римскую славу, и будетъ въ сихъ мѣстахъ, какъ и вездѣ, въ Азіи и Европѣ, побѣдоносно

неувядаемыми лаврами, предшествовали ему въ бездну вѣчности, оставя намъ вѣчную о немъ память. И нѣкоторые Писатели увѣряютъ, что на бранномъ полѣ между убіенными трупами находились Россійскія жены, въ мужескомъ одѣяніи мужескою храбростію съ непріятелемъ сражавшіяся и доказавшія тѣмъ истинное единоплеменство свое съ древними Амазонками (*).

§ 71.

Продолженіе успѣховъ воинскихъ, и Послы Греческіе съ дарами къ Святославу.

Святославъ, узнавъ въ слѣдующій день отъ разосланныхъ отрядовъ, что непріятель, далѣ и далѣ удаляясь, затворяется въ градахъ, воздалъ прежде всего побіеннымъ своимъ честь погребенія, и надъ могилами ихъ печальную отправилъ тризну: воздаяніе слабое умершимъ, но ободрительное оставшимся ратоборцамъ! По семъ набожномъ дѣйствіи отъ отвратительнаго отшелъ зрѣлища, и отдохновеніе войску своему учредилъ. Между тѣмъ кажется, что подошли къ нему ожидаемые Венгры, Поляки и Кіевляне; ибо вскорѣ по-

(*) Ломоносовъ, Ч. II. стр. 89, о семъ повѣствуетъ, взявъ изъ Писателей Византійскихъ, Гл. II. Части IV. стр. 88, которые одно сіе бытіе, можетъ быть, истинно при семъ случаѣ и повѣдали. Я внесъ его по несомнѣнному тогдашнему женъ Руских характеру. Онѣ при воспитаніи своемъ пріобучались воинскимъ тѣлодвиженіямъ, и безстрашно при опасныхъ звѣриныхъ ловляхъ и въ самыхъ воинскихъ походахъ бывали; слѣдовательно не праздными зрительницами супруговъ и отцовъ своихъ препровождали.

томъ выступилъ онъ паки новыхъ искать побѣдъ: разпростеръ опустошенiе по всей Фракiи и многiе грады взялъ, разорилъ, сожегъ. Несторъ свидѣтельствуетъ, что развалины и въ его еще время зримы были. Въ свирѣпствѣ таковомъ приближался уже онъ къ Византiи, когда увѣдомленный о сихъ несчастiяхъ Царь Греческiй, созвавъ на совѣтъ Вельможъ своихъ, ихъ мнѣнiя потребовалъ: „что съ такимъ непреоборимымъ дѣлать непрiятелемъ?„ Вельможи единогласно отвѣчали: „что Святославъ есть казнь Божiя, „и что сила противъ его безплодна; а надлежитъ послать къ нему съ дарами Пословъ, „и стараться ласкою преклонить его къ миру.„ Согласился съ совѣтниками Кимисхiй, и избравъ мужа мудра, послалъ со златомъ и паволоками къ Святославу. Послу повелѣлъ онъ при врученiи даровъ примѣчать, съ какимъ чувственнымъ движенiемъ принято будетъ посланiе и дары? лакомъ ли Святославъ къ богатству? и откроется ли въ немъ къ примиренiю склонность? Пришедый Посолъ, представяся Великому Князю и обыкновенною рѣчью привѣтствовавъ побѣдителя, простеръ предъ очи его сребро, злато и паволоки, ничего не прося болѣ, какъ свиданiя съ плѣнными соотечественниками. Святославъ, презрительно воззрѣвъ на дары, предстоящимъ сказалъ: „примите тщетность сiю и раздайте „нужду имѣющимъ.„ А Послу отвѣчалъ: „Злата, сребра и паволокъ имѣю я довольно; „воюю не для сихъ, но за неправду вашу; и „естьли искренно желаете вы мира, дамъ вамъ „съ охотою; но прежде должны вы запла-

Несторъ, стр. 62.

„тить по договорамъ дань, которую нѣсколь„ко лѣтъ запустили, и которая ратникамъ „принадлежитъ моимъ. Видѣться съ плѣн„ными вамъ не возбраняю, и съ симъ отвѣ„томъ можете вы возвратиться къ Царю ва„шему.„ Не въ отраду Цимисхію было Пословъ его примѣчаніе. Изъ рѣчей ихъ уразумѣлъ онъ, что Святославъ не любостяжателенъ; ибо презрѣлъ дары и, не возблагодаривъ приславшаго, раздать ихъ неимущимъ повелѣлъ. Но какъ притомъ ни отъ войны, ни отъ мира съ равнодушіемъ не отрекается; то вражду съ нимъ продолжать великою гибелью Государству своему призналъ; таковой бо характеръ во всякое время опасенъ. Онъ въ счастіи непобѣдимъ и въ несчастіи остороженъ, равнодушенъ, твердъ. Сего ради прозорливый Кимисхій склонялся уже къ снисканію мира и къ удовлетворенію всѣхъ требованій Святославлихъ, какъ нѣкто изъ ближнихъ Царскихъ Вельможъ, въ коварствѣ отъ юности изощренный, не столько древнему Ксенофонта повѣствованію, сколько Гомерову баснословію слѣдующій, припомня хитрое Ахилла между женъ чрезъ показаніе оружія (*) познаніе, при-

(*) Баснословіе Гомерово въ Иліядѣ сказуетъ, что, по пророчеству Оракула, безъ Ахилла Троя взята быть не могла, и что Ахиллъ при осадѣ сего града умретъ. Опасаясь послѣдняго событія, Ѳетида, мать Ахиллова, преодѣвъ его въ женское одѣяніе, воспитывала при Дворѣ Ликомеда Царя между женъ, закрывая тѣмъ и полъ и природу его. Улиссъ, Посолъ Греческій, для познанія между прочими дарами принесъ шлемъ и копіе,

совѣтовалъ Царю съ новымъ искушенїемъ послать къ Великому Князю вторично. „Искуси, „Государь, еще разъ Святослава, говорилъ онъ: „пошли къ нему въ даръ доспѣхи воинскїе; „да узримъ, съ какимъ чувствованїемъ приметъ онъ сїи смертоносные дары; и по тому возможемъ расположиться, что съ нимъ „дѣлать подобаетъ.„ Совѣтъ хитрый хитрому понравился Государю, и посланъ драгоцѣнный мечь, щитъ, копїе и броня преузорочная. Святославъ принесенные къ нему дары съ отмѣннымъ принялъ благоволенїемъ, похвалилъ оружїе и Царя искренно благодарить повелѣлъ, съ повторенїемъ прежнихъ о мирѣ словъ. Возвратившїйся Посолъ возвѣстилъ Царю все бывшее. Тогда весь его Совѣтъ во удивленїи возопилъ: „Подобаетъ примириться съ Святославомъ: мужъ сей лютъ „сердцемъ, когда презираетъ злато, а оружїе „благодарно прїемлетъ.„ Не странно таковое Грековъ разсужденїе. Любоимѣнїе есть первая у нихъ добродѣтель; а коварство есть единое ихъ геройство. Между тѣмъ, когда Греки въ сихъ совѣтованїяхъ упражнялись, Святославъ мало по малу приближался къ Царюграду, и на пути получилъ на все свое

въ чаянїи, что Ахиллъ, узрѣвъ оные самъ, отличится отъ дѣвицъ предпочтенїемъ оружїя предъ убранствомъ женскимъ. Хитрость Улиссова не только удалася, и Герой открылся, но и къ Трои съ нимъ отправился. Въ подражанїе сему ухищренїю, Совѣтникъ Царской предложилъ искусить и нашего Героя, для познанїя его характера.

войско, по числу ратниковъ, условленную дань, по принятіи которыя собраннымъ на совѣтъ военачальникамъ своимъ говорилъ: „Земля наша далече; непріятелями мы окру„женны со всѣхъ странъ. Притомъ и войска „нашего въ частыхъ битвахъ весьма умень„шилось; а изъ Россіи получить за удале„ніемъ не удобно. Я боюсь, чтобъ Греки, Бол„гары или Печенѣги не узнали безсилія на„шего и множествомъ не преодолѣлибъ хра„брости, яко единаго упованія нашего. Что „вы скажете? Не лучше ли съ Греками вѣч„ный заключить миръ, и возвратясь въ Кіевъ, „новымъ собраніемъ войскъ усилиться, и паки „притти безопасно въ изобильную Болгарскую „землю, покоренную уже нами?„ Съ радостію веліею всѣ военачальники намѣреніе его похвалили. Мысль ихъ давно къ тому стремилась; но почтеніе и страхъ предложеніе удерживали. И такъ опредѣля Святославъ утвердить миръ со Греки, послалъ во градъ Дестръ, гдѣ пребываніе Царя Греческаго вѣдалъ, Вельможъ своихъ съ полномочіемъ, а самъ въ Переяславецъ возвратился. Послы, пришедше въ Дестръ и вину прибытія Царю объявивъ, слѣдующій постановили и утвердили договоръ. Оставленный намъ Несторомъ и прочими Писателями съ него вѣрный списокъ свидѣтельствуетъ ложное Византійскихъ повѣствователей о всей Святославовой съ Греками войнѣ сказаніе, и отвергая самохвальное ихъ тщеславіе, даетъ намъ несомнѣнное право утвердить истинну нашего вѣщанія. Мы не можемъ показать въ подлинникѣ сего договора: время его истребило; но имѣемъ

въ лѣтописяхъ нашихъ, къ уликѣ невѣроятныхъ внѣшнихъ баснословій, сей списокъ съ подлинника, который, можетъ быть, при Несторѣ сохранился.

§ 72.

Въ доказательство сему видимъ мы вопервыхъ, что написанъ договоръ сей былъ точно такъ и со всѣми тѣми выраженїями, каковъ постановленъ былъ при Великомъ Князѣ Игорѣ, со внесенїемъ отъ слова до слова всѣхъ предписанныхъ во ономъ статей. Предписанъ и печатьми утвержденъ онъ при Императорѣ Іоаннѣ Кимисхїѣ, въ присутствїе его во градѣ Дестрѣ на Дунаѣ, лѣта $\frac{6479}{971}$, со стороны Императора Ѳеофаномъ, единымъ изъ знаменитѣйшихъ Греческихъ Сигклитовъ; а съ Руской великимъ Посломъ Свенельдомъ, ближнимъ Князя Святослава (*) Вельможею. Постановленный и подписанный договоръ посланъ въ Переяславецъ къ Святославу, который утвердилъ его слѣдующими словами: „Я Святославъ, Великїй Князь Рускїй, клялся, и „клятву мою на договорѣ семъ утверждаю

Договоръ и миръ съ Греками при Іоаннѣ Цимисхїи Императорѣ, лѣта 971. Іюля 11 дня заключенный.

(*) Ломоносовъ, какъ выше въ примѣчанїи объявлено, и о мирѣ семъ изъ Греческихъ Писателей баснословно сказуетъ, и точно такъ, какъ и въ Hist univ. T. XXVI. Liv. III. ch. XXXIV. отъ стр. 366 до 471, и въ объявленной IV Части Византїйскихъ повѣствователей. Удивляюсь, что сей почтенный творецъ предпочелъ сказки чуждыя вѣрному повѣствованїю нашихъ дѣеписателей. Несторъ и критически разбирающїй всѣ Рускїя дѣянїя и Писателей Татищевъ лучше служить ему могли къ почерпанїю правды.

„въ томъ, что хощу и буду имѣть миръ вѣч-
„ный и совершенную любовь со всѣми Великими
„Царями Греческими нынѣ царствующими
„и впредь будущими, и съ ихъ всѣми поддан-
„ными. Я со всею Россіею, людьми мнѣ под-
„властными, со всѣми, иже суть подо мною
„Князи, Бояре и прочіи, обѣщаюсь, что ни-
„колиже помышлю на предѣлы Греческіе соби-
„рать войско мое, ниже приведу другое на
„страны и владѣнія Греческія; не подвигнусь
„никогда на землю Херсонскую, ни на грады,
„подъ властію Херсона состоящіе, ни на
„страну Болгарскую. Ежелижъ иной кто воз-
„станетъ на предѣлы Греческіе, я пойду про-
„тивъ его, и воевать съ нимъ стану, якоже
„клялся ко Царямъ Греческимъ; всѣ мои
„Бояре и вся Русь сохранятъ со мною преж-
„ніе договоры и союзъ; а естьли я, или тѣ,
„которые со мною и подо мною суть, престу-
„пимъ сію клятву; то да падетъ клятва на
„насъ отъ боговъ, въ нихъ же вѣруемъ, отъ
„Перуна громодержателя и Волоса, бога скота
„нашего. Мы, воспріявъ отъ васъ злато (*),
„да будемъ безчувственны сами яко злато,
„и да изсѣчены будемъ своимъ оружіемъ въ
„междоусобіи. Се же имѣйте воистинну, якоже

(*) Въ подлинникѣ Несторовомъ невразумитель-
но написано: да будимъ золото, яко золото,
и своимъ оружіемъ да изсѣчены будемъ; и
ниже въ мѣсто обѣта положено Греческое рѣ-
ченіе Пинихроусъ.... Видно, что Несторъ
писалъ такъ, какъ въ переводѣ Греческомъ
было; а потому достовѣрно, что во время
его подобныя дѣла въ книгохранилищахъ еще
содержимы были въ подлинникахъ.

„сотворихомъ нынѣ вамъ обѣтъ, и написахомъ „на хартіи, и своими печатьми запечата„хомъ (*).„ При размѣнѣ сего договора Кимисхій крестнымъ цѣлованіемъ и своеручнымъ подписаніемъ утвердилъ его.

§ 73.

Походъ Святославовъ въ Кіевъ, и кончина сего героя. Лѣта 6480 972.

Святославъ, постановивъ такимъ образомъ со Греками миръ и взявъ отъ Пословъ ихъ сверхъ дани великіе дары, въ сребрѣ, златѣ, паволокахъ и сосудахъ состоящіе, пошелъ изъ Переяславца въ Кіевъ. Въ приближеніи на ладіяхъ къ Днѣпру, благоразумный Воевода Свенельдъ совѣтовалъ ему итти лучше на коняхъ, нежели Днѣпромъ къ Кіеву. Свенельдъ представлялъ опасность пороговъ и ненадежность на обитающихъ при нихъ Печенѣговъ. Но не дѣйствуетъ тутъ ни благой совѣтъ, ни здравый разсудокъ, гдѣ предопредѣленія судьбы и непостижимаго Промысла событіе рокъ человѣческій указуютъ. Святославъ не принялъ совѣта: пустился на ладіяхъ Днѣпромъ, и кончина ему предшествовала. Болгары, въ Переяславцѣ оставшіеся, дали тайную вѣсть Печенѣгамъ, что Великій Князь, обремененный чрезмѣрнымъ богатствомъ, съ малымъ числомъ ратниковъ возвращается Днѣпромъ въ Россію. Слыша сіе, Печенѣги заступили опасные пороговъ проходы, и идущему пресѣкши путь, отвсюду его окру-

(*) Разумѣется, что Князи и Бояре обще съ нимъ подписали, и что безъ общаго согласія Великій Князь не могъ одинъ заключить договора.

жили (*). Безсильный къ оборонѣ Святославъ принужденъ былъ зимовать въ устьѣ Днѣпра при урочищѣ Бѣлобережье: зимовье тяжкое; ибо ужасный голодъ принудилъ тогда покупать конскую голову по полугривнѣ между товарищи. Въ началѣ весны устроивъ, поелику могъ, ослабѣвшее свое войско, предпрiялъ онъ походъ вверхъ по Днѣпру, и едва сталъ приближаться къ порогамъ, какъ Печенѣжскiй Князь Куря всею силою на него напалъ, и по долгомъ и кровопролитномъ сраженiи одолѣлъ многихъ побѣдителей; но не прежде, когда онъ палъ подъ острiемъ мечей совокупно устремившихся на него Печенѣговъ. Сказываютъ, что звѣроподобный Куря изъ черепа отсѣченныя главы Геройской сдѣлавъ чашу, оправилъ оную золотомъ, и при пир-

лѣта 6480 | 972.

(*) Днѣпровскiе пороги суть слѣдующiе: большаго чертежа на стр. 154 и далѣе написано: рѣка Самаръ впадаетъ въ Днѣпръ, а ниже рѣки Самары въ одной милѣ порогъ 1 Колакъ; ниже Колака порогъ 2 Звонецъ; ниже Звонца порогъ 3 Сурской; ниже Сурскаго порогъ 4 Лоханной; ниже Лоханнаго порогъ 5 Стрѣльчей; ниже Стрѣльчаго порогъ 6 Княгининъ; ниже Княгинина порогъ 7 Ненасытецъ; ниже Ненасытца 8 Найскось на пяти верстахъ Воронова забора; ниже Воронова забора 9 порогъ Волнегъ; ниже Волнега 10 порогъ Будило; ниже Будила 11 порогъ Лычной; ниже Лычнова 12 порогъ Товолжаной; ниже Товолжанова 13 порогъ Вольной; ниже Вольнова островъ Хортица; ниже Хортицы 14 порогъ Бѣлякова забора. Всѣ сiи пороги во время Святославово обитаемы были Печенѣгами, и селенiя ихъ какъ по островамъ, такъ и по Кiевской сторонѣ Днѣпра находились.

шествахъ пилъ изъ нее вино (*). Такъ скончался Великій Князь Святославъ I., Герой, многіе народы и самыхъ убивцовъ своихъ много разъ побѣждавшій, а Грецію трепетать себя принудившій. Изъ всего бывшаго съ нимъ при концѣ жизни его войска единый Свенельдъ съ малыми остатками спасся отъ общаго погубленія, и въ Кіевъ къ Ярополку возвратился.

§ 74.

Святославъ, проводившій въ безпрестанныхъ войнахъ отъ покоренія Древлянъ даже

(*) Обычай, изъ череповъ отъ непріятельскихъ головъ дѣлать сосуды, былъ у многихъ восточныхъ народовъ, и паче, по свидѣтельству Иродота, у Скифовъ; почему удобь возможно заключать, что Печенѣги были отродія Скиѳскаго, конечно Гунны или Мунгалы, какъ выше объявлено. При семъ упомянувъ наши Писатели о сдѣланной изъ черепа Святославова чаши, сказуютъ, что Куря, обдѣлавъ ее въ злато, и употреблялъ при пиршествахъ. Несторъ, стр. 66. Никонъ, Ч. I. стр. 60. Татищевъ, кн. II. стр. 54. — Но о надписи на ней, какъ говоритъ о томъ Стриковскій, и ему слѣдуютъ Ломоносовъ, гл. V. Ч. II. стр. 92. и Князь Щербатовъ, Ч. I. стр. 236 - 237, никто изъ нашихъ древнихъ не упоминаетъ. Удивляюсь Ломоносову, какъ онъ толь мало уважалъ своихъ дѣеписателей, и не размысля, что едва ли Печенѣги тогда и грамотѣ умѣли, послѣдовалъ бреднямъ Стриковскаго. Стриковскій солгалъ, яко бы на украшенномъ золотомъ черепѣ находилась надпись: „кто чужаго ищетъ, свое потеряетъ„ — а наши повѣривъ тому, за истинну намъ оставили.

до кончины житія своего, прославилъ имя свое на Востокѣ и Западѣ. Византія, многія лѣта въ страхѣ имъ содержимая, призывая на помощь себѣ западныхъ Императоровъ, грозила и Германіи и Риму его нашествіемъ. Онъ и при самомъ концѣ своемъ, когда болѣе рокомъ, нежели многолюдствомъ коварныхъ Печенѣгъ убіенъ былъ, доказалъ безстрашіемъ пріобрѣтенную въ жизни славу свою. Мещущь побѣдоносымъ оружіемъ на враговъ ужасъ и смерть, палъ на трупахъ ихъ, яко на торжественномъ одрѣ, и окончалъ воинскіе подвиги страшнымъ пораженіемъ супостатъ, которымъ оные и началъ. Скончался безсмертныя памяти Герой сей около пятидесяти трехъ лѣтъ отъ рожденія (*). Нѣтъ у повѣствователей нашихъ ни образа, ни характера, ни нравовъ его описанія; но дѣянія все то намъ оставили. Тѣломъ естественно бывъ

(*) О лѣтахъ житія и рожденія Святославля можетъ читатель справиться въ лѣтописи Татищевой, которой я послѣдовалъ. Онъ полагаетъ рожденіе его въ 920 году, умеръ 972; слѣдовательно жилъ 52 слишкомъ; а единодержавно началъ княжить на 22 году, когда мать его въ Царьградъ ради воспріятія вѣры уѣхала; слѣдовательно единодержавнаго его владѣнія было 30 лѣтъ. Погребенъ онъ, по свидѣтельству V Части Записокъ касательно Руской Исторіи, стр. 5, при порогахъ Днѣпровскихъ на мѣстѣ гдѣ убіенъ Печенѣгами. Сыновъ по себѣ оставилъ трехъ: 1) Князя Ярополка; 2) Князя Ольга отъ супруги своей, Венгерской Королевны Предславы; и 3) Владиміра отъ наложницы Малуши, ключницы матери его. (Тамож.)

крѣпкій, привычкою паче укрѣпился. Ни зной лѣтній, ни хладъ зимній не могли никогда твердаго разстроить его сложенія. Горделиву имѣлъ онъ душу равно и въ счастіи и въ упадкѣ; былъ дѣятеленъ, предпріимчивъ, скоръ въ исполненіи, и храбръ и отваженъ въ смертоносныхъ браняхъ; всегда слова своего господинъ, и мститель непримиримый нарушающимъ оное; корыстенъ въ стяжаніи сокровищь, и щедръ въ награжденіи воиновъ; любострастенъ въ покоѣ, но въ трудахъ и походахъ чуждъ женскія прелести; жестокъ и крутъ по природѣ, но мягкосердъ и тихъ по разсужденію; любилъ друзей своихъ, и славу безпристрастно дѣлилъ съ сподвижники; почтителенъ и послушливъ матери, превознося ея разумъ; но твердъ въ прародительской вѣрѣ и къ новизнѣ непреклоненъ; не терпѣлъ въ войскѣ своемъ Христіанъ, но гонитель не былъ Христіанству; ублажалъ въ сердцѣ своемъ добродѣтели Евангельскія, но не могъ отвратиться отъ заблужденія идолопоклоннаго. Таковъ былъ Святославъ, или таковымъ быть онъ воображается; ибо любомудрая опытность понуждаетъ насъ предлагать, что великіе Герои какъ въ добродѣтеляхъ, такъ и въ страстяхъ чрезмѣрны суть. Сего правила держась, не можемъ мы безъ примѣчанія оставить, что повѣствователь Іоакимъ напрасно лютымъ Христіанству мучителемъ Святослава описуетъ, сказуя, яко бы онъ въ жестокомъ свирѣпствѣ и гоненіи не пощадилъ Глѣба, роднаго брата своего; но истомивъ разными муками, предалъ смерти. Истинно ли сіе его сказаніе, ни утверждать,

ии отрицать не можно; ибо Несторъ, въ договорѣ съ Греками упомянувъ единожды Князя Улеба или Глѣба, не сказалъ намъ, братъ ли онъ Святославу, или просто Князь Рускій былъ, равно и о убіеніи его не говоритъ ни слова. Но положимъ, что Святославъ, по свидѣтельству Іоакимову, и казнилъ Улеба, и церковь, матерью его созданную, разорилъ; то кажется, и сего не должно ни къ чему иному отнести, какъ развѣ къ его политикѣ, съ которою и здравый разсудокъ согласиться можетъ, когда вообразитъ, что народъ во мракѣ суевѣрія своего не терпѣлъ Христіанъ; что жрецы и Священники не могли спокойными глазами взирать на сборище во храмъ, имъ противный; слѣдовательно оба сіи сословія, явные бывъ Христіанамъ гонители, легко могли приклонить Святослава къ показанію нѣкоторыя имъ угодности. Но хотя подвигнутый друзьями или народомъ, или коварствомъ жрецовъ предубѣжденный, и приклонился бы на разрушеніе церкви Святославъ, но и въ таковомъ случаѣ не нахожу я удобнаго къ тому времени; ибо онъ, по смерти Ольгиной, весьма скоро отъ Кіева отлучился, и до кончины своей въ немъ уже не былъ; а изъ сего смѣю справедливѣйшее сдѣлать умозаключеніе, что Христіанскіе повѣствователи, послѣдующіе Іоакиму, болѣ по ненависти къ идолопоклонникамъ, нежели къ истиннѣ, приписуютъ ему порокъ гоненія и мучительства, котораго Несторъ, въ житіи Святослава, отнюдь не открываетъ, будучи и самъ черноризецъ, и ближе прочихъ къ свѣденію.

§ 75.

Отшедшій въ пучину вѣчности духъ безсмертіе заслужившаго Святослава оставилъ престолъ Кіевскій главою всея Россіи, предѣлы которыя почти отъ пороговъ Днѣпровскихъ по брегамъ Днѣпра, Днѣстра и Буга простирались и по Волгѣ, Окѣ, Деснѣ, Двинѣ и Волховѣ даже до Невы и Котлина и Чудскаго озера. Торговля Руская сугубое имѣла тогда гнѣздо въ Кіевѣ и въ Новѣградѣ, и разносила произращенія земель нашихъ, первая въ Азію и Грецію воскъ, медъ и рухлядь, привозя оттуда въ обмѣнъ паволоки златотканныя и поставы бумажные; другая во глубину полунощныхъ краевъ, достизая до Бѣлаго моря и самаго Сѣвернаго Океана, драгоцѣнныя шкуры звѣрей въ Новградъ принося, отправляла въ Кіевъ и въ Ганзейскіе грады, откуда злато и сребро получала; обѣжъ имѣли уже чужестранныхъ въ стѣнахъ своихъ торговцевъ: Кіевъ Грековъ, Болгаровъ и Венгерцовъ; а Новградъ Германцовъ, Эстовъ и поморскихъ Варяжскаго моря жителей. По таковому сношенію и нравы народные не столь суровыми оставилъ Святославъ, какъ нашелъ ихъ по отцѣ своемъ. Блаженная Ольга, положивъ къ благонравію основаніе, предала торговлѣ довершить ею начатое. Законы, судъ и расправу дающіе и свободу торговли и торгующихъ безопасность охраняющіе, въ Кіевѣ, Новѣградѣ и по всей земли установленные, къ умягченію народныхъ нравовъ и къ обогащенію Государства уже служили. Въ народахъ еще дикихъ ничто, кромѣ воинскихъ подвиговъ и съ ними сопряженныя суровости,

Заключеніе сея книги.

добродѣтелью не почитается; храбрость и безстрашїе суть единственныя свойства младенчествующаго общества до политическаго въ немъ благоустройства, которое отъ законовъ правосудїя и торговли произходитъ, и членамъ его вмѣсто грубыхъ воинскихъ покажетъ мягкосердыя гражданскїя добродѣтели. Тогда жестокость дикаго тщеславїя обратится въ мягкость благонравнаго славолюбїя, и истинное честолюбїе заступаетъ мѣсто плотояднаго вожделѣнїя. Въ таковомъ уже благовидномъ положенїи находилось отечество наше въ послѣднїя лѣта жизни Святославовой. Въ сїе время сталъ уже обнажаться нравственный характеръ цѣлаго политическаго Россїи тѣла; ибо разноплеменные его члены въ заимственное совокупляться стали сообщенїе. Торговля снесла грады, между собою обширнымъ пространствомъ раздѣленные, и къ пристанямъ, яко къ точкамъ, поставленнымъ въ кругахъ, ради мѣны и купли свозимыхъ товаровъ, ихъ приближила. Стеченїе въ града разныхъ народовъ во взаимственномъ нравовъ и обычаевъ смѣшенїи опредѣлило тогда уже сей общественный характеръ Россїи, который и до настоящаго столѣтїя, при многихъ въ отечествѣ нашемъ перемѣнахъ, въ цѣломъ существѣ своемъ мало измѣнился. Мы видимъ во всѣхъ степеняхъ народа нашего тужъ воинскую душу, тожъ послушанїе власти, тужъ похвальную любовь и приверженность къ Государямъ, и едва ли не тожъ постоянство во нравахъ и обычаяхъ, какими въ глубокой древности народъ нашъ со славою отличался. И естьли нынѣ находимъ нѣкїя новости, то развѣ по

нужде временемъ, верою, просвещенiемъ и волею владетелей, къ вящшему блаженству нашему, введенныя. Симъ малымъ состоянiя Россiи въ томъ времени, о которомъ предлежитъ мое слово, описанiемъ окончаваю сiю книгу, уповая, что на сей случай довольно удовлетворилъ я долгу повествователя въ отношенiи къ любопытству читателя. Осталось предуведомить токмо о причине, для чего въ будущей Книге начну продолженiе повествованiя моего вдругъ знаменитымъ на позорище вступленiемъ Владимiра I, просветившаго Россiю. Краткое Ярополково и Ольгово, старшихъ сыновъ Святослава, владенiе, до единодержавiя сего Великаго Государя, ни въ устройстве Государства, ни во нравахъ, ни въ обычаяхъ подданныхъ, ни въ самыхъ законахъ и господствующiя веры, никаковыя чувствительныя перемены намъ не оставило; а потому и дозволилъ я себе погрузить и Княженiе и имена ихъ въ блистательной юнейшаго имъ брата славе, и погребсти неистовое въ убивстве Ольга Ярополково мщенiе въ крови самаго Ярополка, Владимiромъ пролiянной. Въ сихъ непростительныхъ братоубивствахъ пройдемъ мы первый времени корень повествованiя нашего, и покажемъ, купно съ пременою веры, отъ Владимiра произшедшее древо родословiя Князей Рускихъ.

Конецъ второй Книги.

ОПЫТЪ
ПОВѢСТВОВАНІЯ
О
РОССІИ.

КНИГА III.

ГЛАВА I.

Содержащая приуготовленіе ко всеобщему Владиміромъ Россіи крещенію.

§ 1.

Приступая къ вѣщанію важнѣйшаго въ повѣствованіи нашемъ приключенія, когда тройственный свѣтъ спасительнаго благовѣствованія Христова во святомъ Владиміра I. крещеніи на всю пролiялся Россію, не излишно почитаю повторить при семъ выше объявленныя, касательно сего произшествія, бытія, и снесть ихъ, для лучшаго въ читателей впечатлѣнія, въ единое совокупно предложеніе. Хотя немерцающіе лучи сего превѣчнаго свѣта и прежде Владиміра прародителей нашихъ не однократно касались; но подавляемые мракомъ идольскаго суевѣрія, подобно солнцу, въ густыхъ облакахъ скрывающемуся, въ единыхъ затворенныхъ православнаго сословія чертогахъ сокровенны пребывали. Достопамятность толь великаго Владимірова дѣянія требуетъ однакожъ объявить въ подробности, какія пособія споспѣшествовали ему преклонить подданныхъ къ такому трудному дѣйствію, каково есть премѣненіе господствующія вѣры; ибо таковая въ цѣломъ Государствѣ премѣна безъ предварительныхъ средствъ есть дѣло едва ли возможное. Я не нахожу во всѣхъ знаменитѣйшихъ законодавцахъ труднѣе предмета, какъ сей, которой единственно токмо къ истребленію суевѣрныхъ заблужденій въ законодательствѣ имъ встрѣ-

Вступленіе. Лѣта 6481 / 973.

чался. Моисей, Ликургъ, Солонъ и многіе видѣли множество нравственныхъ пороковъ, вѣрою народамъ дозволенныхъ; но исправленіе оныхъ не дерзали подвергать закону гражданскому, единому токмо времени и нравоученію оставляя. Въ прекословіяхъ вѣры съ любомудріемъ, относительно къ понятіямъ о порокахъ и добродѣтеляхъ, о благѣ и злѣ, должна и сама законодательная власть поступать весьма осторожно, и мало помалу однѣ изтреблять, а другія вводить силою тончайшаго градомудрія. Вожделѣнія сердца человѣческаго суть пламенны, когда любострастные Лада и Ледо, божествомъ почитаемые, дозволяютъ удовольствія, и когда неистовыя забавы снизходительнымъ суевѣріемъ не грѣхомъ, но блаженствомъ признаваемы суть. Погашеніе такихъ, вѣрою извиняемыхъ, стремленій и пороковъ не такъ легко, какъ и самое въ рабство народа повверженіе; ибо первое, пустосвятствомъ вооруженное, ополчаетъ до крайности безуміе человѣческое; а второе употребленіемъ единовѣрнаго войска производится. Много и до пришествія въ міръ Спасителя мудрыхъ и ученыхъ людей было; многія и преполезныя въ разныхъ наукахъ книги отъ нихъ оставлены; но какъ изтреблять касающіяся господствующей вѣры заблужденія, ничего въ нихъ, кромѣ нелѣпыхъ противорѣчій, не обрѣтаемъ. Подобало необходимо, къ изведенію рода человѣческаго изъ мрака идолопоклоннаго, явиться толь всемогущему Проповѣднику, каковъ есть снизшедый на землю Сынъ Божій. Онъ явился, и подобно свѣтозарному солнцу, пріосѣняющему нощныя свѣ-

тила, прогналъ божественнымъ Своимъ ученіемъ долговременное божницъ идольскихъ и кумировъ почитаніе; но и Ему задолго до пришествія предварительными пособіями служили къ обращенію народовъ неумолкные гласы вопіющихъ Пророковъ. Такъ, естьли смѣемъ уподобить, способствовали и Великому Владиміру нашему прежде бывшія до него крещенія, и паче великій сонмъ воспріявшихъ уже вѣру Христіанскую вельможъ изъ Руссовъ, Славянъ и Варяговъ, какъ то мы по договорамъ съ Греками предковъ его видѣли, и заключить можемъ, что сколько собственное его изволеніе, столько и самая необходимость, въ разсужденіи многочисленнаго Христіанъ сословія, къ возможности таковыя чрезвычайныя перемѣны послужили.

§ 2.

Объявивъ предварительно, что безъ предшествуемыхъ пособій трудно и едва ли возможно приступать къ такому опасному дѣйствію, предложимъ первое крещеніе Русіи, по свидѣтельству Кіевопечерскаго Патерика, Кормчей книги, Пролога и иныхъ многихъ, почитаемое отъ Св. Апостола Андрея чрезъ водруженіе креста на горахъ Днѣпровскихъ (*). Второе, Писателями полагаемое, есть Болга-

1 крещеніе сомнительно.

2 е крещеніе.

(*) Я выше объявилъ, сколь сомнительно бытіе Св. Андрея на горахъ Кіевскихъ, и теперь сказываю о семъ, слѣдуя только лѣтописцамъ, не выдавая за правду. Къ тому же водруженіе креста не есть крещеніе, естьли Св. Андрей никого изъ людей не обратилъ путію ко Христу.

ровъ, какъ говоритъ Іоакимъ и Несторъ, и Татищевъ прибавляетъ, что Богорисъ, Князь Болгарскій, по наученію сестры своей, крещеніе воспріялъ; а потому кажется напрасно объявленные Писатели наши сіе крещеніе своимъ признаютъ, какъ о томъ пространнѣе сказалъ я выше въ моемъ примѣчаніи. Третіе

3 е крещеніе.

и равнолѣтнее почти второму Моравіи крещеніе было при Князьяхъ Моравскихъ, Святополкѣ, Ростиславѣ и Коцелѣ, въ столичномъ ихъ градѣ, Рава называемомъ. Сіе хотя нѣсколько и до насъ достигло; но точно крещеніемъ Россіи признавать его не можно. Четвертое

4 е крещеніе точно въ Россіи.

крещеніе не посредственно было многимъ Россіянамъ. Оскольдъ, котораго Греки Русомъ называли, по свидѣтельству нашихъ и Византійскихъ Писателей, крещенъ былъ Епископомъ Михаиломъ, присланнымъ изъ Царяграда, и съ нимъ нѣсколько Вельможъ Кievскихъ, явленнымъ на морѣ чудесемъ къ благочестію обращенныхъ. Но ни при Оскольдѣ, ни по смерти его при Олегѣ и Игорѣ, православіе въ Кіевѣ распространиться не могло, хотя нѣсколько и было уже въ немъ вѣрующихъ во Христа изъ бояръ и простолюдиновъ. Судьба оставила тогда начатое Оскольдомъ дѣло довершить женѣ мудрой и предпріимчивой, и по ней ея внуку. Блаженная Ольга,

5 е крещеніе.

будучи въ непорочномъ вдовствѣ, такъ любовію ко Христу и Его ученію распалилась, что, забывъ слабость женскую и лѣтъ своихъ, и убытокъ, предпріяла трудное въ Царьградъ путешествіе, и тамо, какъ выше объявлено, съ церковію сочеталася, и въ Рускую землю дѣйствительное принесла крещеніе. Но одна-

кожъ со всею ревностїю своею не могши къ единовѣрїю преклонить упрямаго своего сына, принуждена была удовольствоваться токмо невозбранностїю желавшимъ воспрїятїя вѣры Кїевлянамъ, и чрезъ Священниковъ, въ Царѣградѣ посвященныхъ, многихъ ко Христу обратила. Она, кажется, первая создала древяную Святыя Софїи церковь, и проповѣдь святаго Евангелїя среди идольскаго баснословїя разсѣявать отважилась. Сѣмя благочестїя, падая на землю, краткимъ ея правленїемъ угобженную, приготовило народъ Рускїй къ шестому и общему крещенїю, о которомъ въ житїи и Княженїи Владимїровомъ со всѣми обстоятельствами повѣдать потщимся.

§ 3.

Заключенїе сея главы.

А въ окончанїе вступленїя сего могу надежно сказать, что объявленныя въ крещенїи степени, и паче Ольгино содѣйствїе, суть тѣ пособїя, кои помогли Владимїру предуспѣть въ толь отважномъ дѣлѣ, каково есть премѣненїе господствующїя вѣры, и опасность въ чаянїе легкаго исполненїя превратили; къ томужъ споспѣшествовало и время, между Ольгою и единодержавїемъ Владимїровымъ протекшее. Кротость Христїанскаго ученїя, преходя изъ устъ въ уста, смягчила уже нѣсколько суровость народныхъ нравовъ; привлекая восточныхъ Христїанъ ради торговли въ Кїевъ, вскрыла уже завѣсу идолопоклоннаго заблужденїя такъ, что естьли не вовсе почтенїе къ кумирамъ изтребилось, то по крайней мѣрѣ, въ сомнѣнїе сущность ихъ обративъ, многихъ вѣру поколебало. Сїе есть естествен-

ное слѣдствіе тому, когда господствующая вѣра ослабѣетъ и покажетъ народнымъ понятіямъ свою неосновательность, тогда отъ суевѣрія въ невѣріе народъ обращается; ибо воображеніе человѣческое, утомясь долговременнымъ истинъ изслѣдованіемъ, прибѣгаетъ наконецъ къ сущему безбожію: зло, которое всю связь общественнаго союза расторгаетъ, и никакая уже святость преграды стремленіямъ его предпоставить не въ состояніи. Напрасно тогда и самая власть Государская и законы гражданскіе строгость наказаній изыскиваютъ: ничто уже, кромѣ исполненія народныя воли, не усмиритъ сего волненія, ниже возможетъ изцѣлить сію заразу. Естьли Владиміръ увидѣлъ Кіевлянъ и войско свое въ такомъ положеніи, что одни попущеніемъ древняго идольскаго богослуженія распутны, другіе невѣрія дерзостію отъ послушанія отторгаться; третіи, по недовольному еще въ Христіанствѣ просвѣщенію, въ лѣность и нерадѣніе о благѣ общемъ утопать стали: то можетъ ли въ сихъ обстоятельствахъ Политика что лучшее примыслить къ обузданію зараженныхъ различными склонностями людей, какъ тѣ способы, кои употребилъ обширный его разумъ? Онъ, вступя на похищенный по убіеніи брата своего Кіевской престолъ, и не зная еще, которое сословіе, Христіанское ли, или идолопоклонное сильнѣе къ утвержденію его на Княженіи, вознамѣрился прежде ласкать господствующей изъ древности вѣрѣ: возвеличилъ многобожіе, уставилъ празднества плотоугодныя, украсилъ божницы великолѣпіемъ, и жертвами почтилъ боговъ руко-

творныхъ; но потомъ усмотря, что въ могуществѣ имѣютъ Христіане перевѣсъ числомъ Бояръ, новой сей вѣрѣ преданныхъ, и ихъ въ войскѣ съ ними служащихъ людей, перемѣнилъ свое умоначертаніе, и склонность къ общему измѣненію вѣры открылъ. Долго плотскихъ волненіе страстей предпріятію сему сопротивлялось; но Политика преодолѣла наконецъ сію борьбу. Подобно Царю Константину, нѣкогда въ равныхъ обстоятельствахъ съ нимъ находившемуся, сталъ онъ Христіаниннъ, и присовокупленіемъ самовластія крестилъ всю Россію, что учинить ни малѣйшаго не имѣлъ уже онъ затрудненія, содержа великое при себѣ Христіанское воинство, и тѣмъ паче, что отдаленныя отъ столицы области и грады обыкновенно легко и почти безъ прекословія во всемъ престольному подражаютъ граду. Такъ и оный первый Христіанскій Императоръ Константинъ похитилъ Августовъ престолъ, разорилъ Римскія божницы, и животворящій Крестъ на брегахъ Геллеспонта водрузилъ. Се истинная вина крещенія Владимірова и пособія къ крещенію всея Россіи удобь воображательныя. Въ послѣдствіи самыхъ дѣяній сказаніемъ потщимся мы, поелику возможно, объяснить достовѣрность сего заключенія; а теперь обратимся къ верви повѣствованія нашего.

ГЛАВА II.

Княженіе Ярополка Святославича.

§ 4.

Начало Ярополкова княженія; миръ и тишина во всей Россіи. Лѣта 6481 отъ сот. міра. 973 отъ Р. Х.

По нещастной Святослава кончинѣ, Ярополкъ, старшій его сынъ, воспріялъ наименованіе Великаго Князя Кіевскаго, и братьевъ своихъ въ спокойномъ владѣніи на удѣлахъ, отъ отца имъ опредѣленныхъ, оставилъ. Сіе было первое на удѣлы Государства раздѣленіе. Святославъ, шествуя въ дальній и опасный походъ противу Болгаръ и Грековъ, далъ каждому изъ сыновъ часть на содержаніе подъ единственнымъ своимъ владѣніемъ. Не мнилъ онъ разсѣчь тѣмъ общественное Государства тѣло на части удѣльныя; не осмотрительное однакожь его чадолюбіе обратилось по немъ въ обыкновеніе, Политикѣ государственной противное, а по нѣкоемъ времени въ такое злоупотребленіе, которое, все Государство раздробивъ, въ сущую низвергло погибель. Въ началѣ Ярополкова Княженія, доколѣ братья между собою въ любви жили, царствовала во всей Россіи тишина, и союзъ ихъ въ страхѣ содержалъ сосѣдей. Ярополкъ не касался предѣловъ братнихъ; а Олегъ и Владиміръ не завидовали излишеству его части. Въ такомъ благоденствіи каждой упражнялся въ поощреніи земледѣлія и въ расширеніи торговли, въ двухъ естественныхъ средствахъ къ обогащенію Государствъ; а ловля звѣриная вседневное ихъ веселіе составляла. Обычай ѣздить на охоту у всѣхъ военныхъ народовъ издревлѣ почитался необходимо нужнымъ къ благородному воспи-

танію, и былЪ достоинствомЪ Вельможъ, по мѣрѣ искуства ихЪ вЪ сраженіи сЪ звѣрьми. Сіе суровое обыкновеніе нашихЪ браннsocных праотцевЪ было плачевною виною перваго между Князей РускихЪ братоубійства. Нѣкогда ЛютЪ, сынЪ Свенельда, того великаго Вождя, которой о смерти Святославовой вЪ КіевЪ принесЪ извѣстіе, ЛютЪ, можетЪ и по дѣламЪ его такЪ нареченный, выѣхалЪ нѣкогда на охоту вЪ предѣлы Древлянскіе владѣнія Олегова. Тогда случилось быть и самому Олегѣ на охотѣ. Ловцы нечаянно сЪѣхались вЪ дубровѣ, единый правомЪ владѣнія, а другій знатностію при Дворѣ ЯрополковомЪ отца своего напыщенные, вступили прежде о ловлѣ вЪ спорЪ, и потомЪ вЪ досадительныхЪ словахЪ обоюдную открыли горделивость. Тогда оскорбленный наглостію подданнаго, ОлегЪ не стерпѣлЪ оныя, и вЪ запальчивости убилЪ дерзновеннаго. Тѣло убіеннаго юноши привезли вЪ КіевЪ и, кЪ жестокой горести, очамЪ престарѣлаго отца представили. СвенельдЪ, по отмѣннымЪ отечеству заслугамЪ, вЪ великой милости былЪ у Ярополка, которой, достоинствамЪ его отдая справедливость, во всѣхЪ дѣлахЪ вникалЪ его совѣтамЪ. Сею довѣренностію возносяся, предпріялЪ онЪ отомстить смерть сына убійствомЪ самаго убійцы. Мщеніе и великимЪ людямЪ иногда пріятно, хотя славу геройскихЪ дѣлЪ вЪ разсудкѣ любомудрія всегда помрачаетЪ. СвенельдЪ началЪ вседневными наущеніями представлять Великому Князю, что время уже ему единодержавствовать, и для того взять отЪ Олега Княженіе; ибо, по праву старшинства, вся Россія

ему принадлежитЪ, подобно какЪ она нераздѣльно дѣду и отцу его принадлежала. ЯрополкЪ, храня кЪ брату своему любовь, сЪ младенчества воспитанїемЪ бабки ихЪ вперенную, долго отрицался и не хотѣлЪ злокозненному внимать совѣту (*); но наконецЪ стужанїе любимца и мнимая сего сановитаго совѣтника справедливость убѣдили малодушнаго Государя кЪ прїятїю войны противЪ брата. ТакЪ подобно и всѣ неосторожные Государи часто зловредными наущниками ввергаются вЪ неправосудїе, жестокость и безславїе.

§ 5.

Война противЪ Олега и смерть сего Князя. лѣта 6485/977.

ЯрополкЪ, подвигнутый симЪ вЪ разныхЪ дѣлахЪ искуснымЪ мстителемЪ, вошелЪ сЪ воинствомЪ и сЪ нимЪ вЪ землю Древлянскую; но не ожидающїй сего нападенїя ОлегЪ хотя кЪ отпору и не былЪ вЪ готовности, но принужденнымЪ нашелся, собравЪ сколько могЪ боярЪ и дружины, выступить вЪ поле.

(*) ВЪ семЪ 957 году, полагаетЪ ТатищевЪ, кн. II. стр. 55, яко бы по изчисленїю лѣтЪ, женилля Князь ВладимїрЪ Новоградскїй на Рогнедѣ, Княжнѣ Полоцкой, и что будто бы НесторЪ, по причинѣ войны Владимїровой сЪ ЯрополкомЪ подЪ лѣтомЪ 980, о томЪ написалЪ. Я не вхожу вЪ разборЪ между сими Писателями; но послѣдую Нестору для того, что онЪ, будучи такЪ близокЪ кЪ симЪ дѣянїямЪ, никаковаго признака не оставилЪ, для чегобЪ вЪ сказанїи его усомниться, тѣмЪ паче, что онЪ взятье Рогнеды и отца ея ВладимїромЪ убїенїе полагаетЪ по убїенїи уже Олега, когда ВладимїрЪ на войну противЪ Ярополка сбирался, что и обстоятельствами доказано.

Противоборные братья сошлися при Овручѣ, Древлянскомъ градѣ, нещастно симъ приключенїемъ прославившемся, и въ ослѣпленїи обоюдномъ, не снесшись о винѣ раздора, въ кровопролитную вступили брань. Ратники съ обѣихъ сторонъ, подражая Вождямъ, свирѣпо на единоплеменныхъ наступали, и бой жестокой, долго продолжавшись, Ярополку даровалъ побѣду. Побѣжденные въ обыкновенномъ по разбитїи безпорядкѣ побѣжали къ Овручѣ, гдѣ мостъ чрезъ плотину рва (*) ко вшествїю во врата градскїя способствовалъ; но бѣгущїе въ чрезмѣрной торопливости за хребтами преслѣдующихъ побѣдителей такъ стѣснились, что сами другъ друга съ моста въ ровъ пхали. Между великимъ числомъ сопхнутыхъ былъ и нещастный Олегъ раздавленъ конями и всадниками, купно съ нимъ съ моста спадшими, и бѣдственно окончилъ жизнь. Ярополкъ, вошедъ во градъ, оный взялъ и отчаянныхъ успокоилъ плѣнниковъ. Потомъ не зная, куда сокрылся братъ его, повелѣлъ повсюду искать; но тщетно разосланные его искали, и уже надежду къ обрѣтенїю теряли, когда единъ изъ Древлянъ увѣдомилъ ихъ, что онъ

(*) Въ подлинникѣ у Нестора, стр. 66, написано: „И бяше мостъ чрезъ Греблю.„ Греблею и нынѣ въ Малороссїи называются плотины, какъ Татищевъ, кн. II. на стр. 55 й написалъ; но Князь Щербатовъ Греблю пожаловалъ въ рѣку, градъ окружавшую. Признаюсь, что не зналъ и я Малороссїйскаго слова Гребли; но по крайней мѣрѣ по Нестору могъ проразумѣть, что мостъ чрезъ ровъ, а не чрезъ рѣку былъ; ибо рѣки Гребли не токмо у Овручи, но и нигдѣ нѣтъ.

видѣлъ его съ моста въ ровъ сопхнутаго. Немедленно велѣно разобрать убіенныхъ; но за множествомъ труповъ прежде другаго дня тѣла Княжескаго обрѣсти не могли. Наконецъ найденъ внизу груды безобразно раздавленный и токмо одеждою отъ другихъ отмѣнный. Воины, извлекши его, положили на коврѣ и возвѣстили Великому Князю.

§ 6.

Погребеніе Олегу, возвращеніе въ Кіевъ Ярополково, путешествіе изъ Новаграда Владиміровo.

Пришедый къ простертому тѣлу братъ возрыдалъ въ раскаяніи и въ горести возопилъ: „Горе мнѣ осквернившемуся убійствомъ брата „моего! Лучше бы мнѣ было умереть самому, „нежели видѣть тебя, любезный братъ, мною „живота лишеннаго. А ты, лютый мститель „и клеветникъ! со гнѣвомъ обратясь, рекъ онъ „Свенельду: зри злобы твоея исполненіе, и „сострадая мнѣ, признайся, до какого злодѣй„ства довелъ ты легковѣріе мое. Се плодъ „твоихъ совѣтовъ!„ По семъ погребъ онъ съ подобающею честію убіеннаго у самаго града Овруча, и сотворивъ тризну, холмъ высокій надъ гробомъ воздвигнулъ. Олегъ княжилъ 7 лѣтъ, и былъ ли онъ женатъ, изъ лѣтописей не видно (*). Такимъ образомъ воздавъ послѣ-

(*) Одинъ Г. Малгинъ въ Зерцалѣ родословія Князей Рускихъ, стр. 7, говоритъ, что о супругѣ его не извѣстно, а дѣтей имѣлъ Судислава и Позвизда, Владиміромъ усыновленныхъ. Ниже, говоря о сынахъ и женахъ Владиміровыхъ, покажемъ мы, справедливо ли объявленіе Гна. Малгина; ибо не объявилъ онъ намъ, откуда почерпнулъ онъ сіе извѣстіе.

дній усопшему долгъ, и принявъ Княженіе Древлянское подъ единственную державу, возвратился въ Кіевъ. Такъ первое Россійскихъ Князей междоусобіе странною смертію единаго изъ братьевъ ознаменовало будущія страннѣйшія убійства. Между тѣмъ пребывающій въ Новѣградѣ Владиміръ, услышавъ о печальномъ рокѣ Олега, брата своего, убоялся Ярополкова властолюбія, и ушелъ за море къ Варягамъ; а Ярополкъ, о побѣгѣ его увѣдавъ, посадилъ немедленно своихъ въ Новградъ Намѣстниковъ, и такъ учинился единовластнымъ во всей Россіи.

§ 7.

Здѣсь можемъ мы кстати примѣтить, что щастіе, играя родомъ человѣческимъ, нерѣдко иногда и убійцамъ благодѣтельствуетъ хотя и не надолго. Великій Князь Ярополкъ, убіеніемъ одного и устрашеніемъ другаго брата ставъ сильнымъ, восхотѣлъ прославить имя свое войною противъ Печенѣговъ. Мщеніе за смерть отцову было предлогомъ сего славолюбія. Собралъ довольное воинство, пошелъ на сихъ враговъ жестокихъ, побѣдилъ ихъ и данниками учинилъ своими. Но былъ ли въ числѣ побѣжденныхъ лютый Князь Куря, того Писатели намъ не оставили. Такъ однакожъ покореніемъ части сего народа отмстилъ родительскую кончину, и по семъ пришелъ къ нему въ службу единый Печенѣжскій Князь, Илдей именуемый, котораго наградивъ онъ многими градами и волостьми, въ великой содержалъ милости. Въ сіе же самое время получилъ и чрезъ Пословъ Царерад-

Ярополкъ побѣждаетъ Печенѣговъ и данниками творитъ. Князьихъ приходитъ въ службу Рускую. Первая жена Ярополкова Гречанка; на другой сватается въ Полоцкѣ.

Лѣта 6486 / 978.

Никон. лѣтопис. под. л. 978. стат. 58.

скихъ установленную дань, и мира и любви на прежнихъ договорахъ обновленіе. Ярополкъ, по такихъ щастливыхъ успѣхахъ, къ совершенію благоденствія своего, утопалъ въ Кіевѣ въ безднѣ всяческаго любострастія: имѣя множество наложницъ, содержалъ паче всѣхъ въ крайнемъ уваженіи единую Гречанку, которую отецъ его изъ монастыря похитилъ, и отмѣнныя красоты монахини сея ради, имѣлъ своею любовницею, и потомъ влюбившуся въ нее Ярополку отъ ложа своего уступилъ. Не взирая на все сіе избыточество, женолюбецъ ненасытный искалъ еще и чрезъ Пословъ у Князя Полоцкаго Рохвальда дщери его Рогнеды въ супружество, какъ то ниже объявится, скорымъ уже въ Кіевъ ея прибытіемъ ласкаясь.

Несторъ. и Книга степен.

§ 8.

Знаменія въ солнцѣ и лунѣ, громы и вихри. Возвращеніе Владимірово изъ Варягъ; побѣда его надъ Полоцкимъ Княземъ и взятіе Рогнеды насильно. Лѣта 6488 / 980.

Никон. лѣтоп. под. лѣ 979, стат. 68.

Такъ, не размышляя о будущемъ, устроеваетъ человѣкъ по прихотямъ своимъ настоящее токмо блаженство. Ярополкъ не вѣдалъ, что печальный конецъ жизни его уже невидимо приближался. Судьба имѣетъ свои уставы, которымъ самовластно могущаго и безсильнаго подвергаетъ. Она предопредѣлила уже роскошныхъ дней его пресѣченіе. Суевѣріе дѣеписателей вѣщаетъ, что предшествующее неизбѣжному опредѣленію ея лѣто устрашало народъ помраченіемъ солнца и луны. Нынѣ мы сіе обыкновенное въ теченіи естества дѣйствіе, яко необходимое, ни во что вмѣняемъ, и яко повсягодно звѣздочетцами намъ предсказуемое, знаемъ и не удивляемся; а тогдашнее невѣжество трепетало, страшныя отъ того послѣдствія воображая. Къ суевѣрію присовокупилось

тогда и дѣйствительное злоключенїе. Ужасныя бури въ молнїеносныхъ громахъ и крутоворатныхъ вихряхъ множество людей и скота погубили, зданїя народныя и домы обывательскїе опровергли и сокрушили. Но не страшныя природы дѣйствїя погибель Ярополку предвѣщали, какъ приписуютъ повѣствователи; но брата его Владимїра скрытое еще отъ него вооруженїе смертоноснымъ угрожало его предзнаменованїемъ. Владимїръ, или подлинно мстить Олега, общаго брата, предпрїявшїй, или властолюбїемъ подстрекаемый, вознамѣрился Кїевское похитить Княженїе, и для того съ наемнымъ у Варягъ воинствомъ пришелъ паки въ Новградъ. Намѣстники Ярополковы безсильны были не впустить его, и по превосходству силъ и по праву его Княженїя. Вошедъ во градъ, объявилъ онъ Намѣстникамъ: „Идите къ брату моему Ярополку, и скажите ему, чтобъ онъ готовился воевать со мною. Кровь убїеннаго имъ брата вопїетъ о отмщенїи. Я иду противъ его, сколько скорбному повинуясь сему гласу, столько и за собственную мою обиду, что хотѣлъ онъ лишить меня Новаграда, и съ тѣмъ Намѣстниками прислалъ васъ сюда.„ Такимъ образомъ, изгнавъ отъ себя свидѣтелей, сталъ собирать войско Новоградское и къ войнѣ прїуготовляться. Но хотя и довольное видѣлъ силъ воинскихъ совокупленїе; однакожь разсудилъ за благо укрѣпиться союзомъ Князя Полоцкаго Рохвальда. Сугубый къ заключенїю сего союза имѣлъ онъ видъ: первое, обезпеченїе Новаграда въ отсутствїе его отъ внезапнаго Полотчанъ нападенїя; второе, бракъ со дщерїю Рохваль-

довой Рогнедою, о красотѣ которыя слухъ до него достигнулъ. Симъ побужденный, послалъ къ Полоцкому Князю съ приглашенїемъ на войну общую противъ Ярополка и съ предложенїемъ брака съ его дщерїю. Рохвальдъ, не отрекаясь вовсе отъ перваго, предалъ второе на волю Рогнеды, и по ея рѣшенїю вознамѣрился опредѣлить свое соизволенїе. Рогнеда, показавшись Посламъ Владимїровымъ въ присутствїе отца, имъ вопрошенная, съ горделивымъ презрѣнїемъ отвѣчала: „Не хощу разуть сына рабыни Ольгиной; но за Ярополка посягну съ охотою.„ Отвѣтъ сходный тогдашнему обыкновенїю, которое, въ знакъ повиновенїя мужьямъ, обязывало въ древности невѣсту, при вступленїи въ бракъ, разуть одну ногу жениха; обычай и на нашей памяти еще у многихъ не беззнатныхъ людей во употребленїи существовалъ, а у крестьянъ и нынѣ еще остался (*). Грубость толь насмѣ-

(*) Баронъ Герберштеинъ, Посланникъ Императора Максимилїана въ XV, и Олгарїй, Посланникъ Герцога Голштинскаго, въ XVI вѣкѣ, въ путешествїяхъ своихъ чрезъ Россїю и въ пребыванїе въ Москвѣ, о семъ обычаѣ упоминаютъ, что и при знатнѣйшихъ Княжескихъ и боярскихъ бракахъ былъ обычай разуванїя ноги съ прибавленїемъ еще плети употребленїя. Произходило сїе слѣдующимъ порядкомъ: по совершенїи брака и по окончанїи стола брачнаго, вводили въ ложницу новобрачнаго, гдѣ новобрачная, въ спальное платье одѣтая, его ожидала. Онъ посажался у кровати, имѣя за голенищемъ сапога плетку. Тогда подступивъ къ нему жена скидала съ него сапогъ, и онъ, взялъ плетку, три раза

шнаго отвѣта могла токмо могуществомъ Князя Рохвальда извиниться; ибо былъ онъ единый изъ пришедшихъ съ Рюрикомъ отъ Варяго-Руссовъ Князей, и Полоцкъ съ обширными областьми имѣя, довольныя къ безопасности содержалъ войска (*). Послы Владимировы немедленно въ Новградъ возвратясь, донесли ему гордый Рогнеды отвѣтъ. Симъ раздраженный Князь, со всѣми войски своими, изъ Варягъ, Славянъ, Руси и Чуди состоящими, подвигся на землю Полоцкую, и въ самое то время осадилъ градъ Полоцкъ, когда Рогнеда съ Послами Ярополковыми итти въ Кіевъ была готова; подъ стѣнами града въ жестокомъ сраженіи побѣдилъ и убилъ Рохвальда съ двумя его сынами; а Полоцкъ приступомъ взявъ, высокомѣрную Рогнеду неволею сочетаться съ собою принудилъ (**).

по плечамъ и спинѣ ударялъ, въ напоминаніе, что она, ставъ теперь женою, должна повиноваться своему мужу. Не худобъ, чтобъ и нынѣшніе супруги по крайней мѣрѣ сіе Апостольское не позабывали поученіе: „жена да боится мужа своего!„

(*) Предокъ сего Рохвальда пришелъ съ Рюрикомъ и получилъ сіе владѣніе, подобно какъ и Князь Туръ, съ нимъ же пришедшій, построилъ градъ Туровъ во имя свое, и Туровское основалъ въ сосѣдствѣ Полоцкому Княженію; и были оба весьма сильны по числу приведенныхъ ими Руссо-Варяговъ, съ которыми коренныхъ жителей отъ рода Славянска власти своей покорили. Въ сіе время, о которомъ предлежитъ слово, могли они весьма на могущество свое надѣяться.

(**) Произшествіе сіе описываетъ Несторъ, стр. 68, и всѣ прочіе Дѣеписатели ему слѣдуютъ,

§ 9.

Война на Ярополка лѣта 980. Несторъ и прочїе.

По нѣкоемъ времени умноживъ Владимїръ войское свое Полочанами и Кривичами, пошелъ къ Кїеву. Ярополкъ могъ бы удержать его,

яко бы въ 980 году случившееся; но кажется, браку Владимїрову съ Рогнедою подобало быть прежде сего времени; ибо самъ же Несторъ сказуетъ, что Ярославъ, отъ сея Рогнеды третїй Владимїровъ сынъ, въ 1016 году былъ 38 лѣтъ; слѣдовательно рожденїе его въ 978 году было. Хотя бы первой Вышеславъ и не отъ Рогнеды, но по сказанїю нѣкоторыхъ отъ Княжны Чешскїя, а по Іоакимову, отъ Оловы Варяжскїя, до похода Полоцкаго родился. Однакожъ Изъяславъ, отъ Рогнеды рожденный, занималъ предъ рожденїемъ Ярослава около двухъ лѣтъ, по девяти токмо мѣсяцовъ полагая; а по сему изчисленїю бракъ его съ Рогнедою по крайней мѣрѣ въ 976 году полагать надлежитъ. Самая злоба Владимїрова противъ Ярополка утверждаетъ сїе изчисленїе. Не чаятельно, чтобъ Олегова смерть столько его огорчала, сколько преимущество, Ярополку предъ нимъ даванное, и сколько можетъ быть угрожаемое Ярополкомъ мщенїе къ войнѣ его побуждало. Догадку сїю подкрѣпляетъ Іоакимъ повѣствователь, говоря: „Слыша Ярополкъ о похищенїи Роднеды, печаленъ бысть, яко единаго брата его Олега убїенїе не по его хотѣнїю случилось, и се другїй возстаетъ на него, войну начиная; и посла воинство въ Кривичи, съ прещенїемъ, да не дерзаетъ Владимїръ итти къ Кїеву.„ Видно, что сего устрашась, Князь Владимїръ убѣжалъ тогда въ Варяги, и что Татищевъ бракъ его съ Рогнедою и рожденїе Ярослава, сходно со Іоакимомъ, прежде 980 года полагаетъ.

противную предпоставивъ силу ; но отвращенный отъ того измѣною любимца , не выступилъ въ поле. Былъ у него тогда въ ближней довѣренности нѣкто по имени и дѣламъ Блудъ , вельможа , которой съ Владимiромъ въ тайной находился перепискѣ. Сей , будучи обольщенъ честiю и богатствомъ отъ наступающаго Князя , предпрiялъ злодѣйски предать своего Государя. Не вспомнилъ онъ того истиннаго правила , что хотя измѣною и охотно пользуются властолюбцы ; но измѣнники часто въ полученiи награды ошибаются. Предпрiявшiй , яко Iуда , предательство господина своего Блудъ , усмотря твердое Ярополково намѣренiе , чтобъ итти со всѣмъ воинствомъ въ поле противъ грядущаго Владимiра I. , съ обыкновенною предателей лестiю говорилъ ему : ,, Почто , Государь , хощешь изнурять воинство свое и себя ? Я точно вѣдаю , что Владимiръ не любимъ своими ратники , и паче воеводы его стыдятся быть подъ властiю у сына рабыни Ольгиной ; и узришь ты , что всѣ , по приближенiи къ Кiеву , безъ боя тебѣ предадутся. Какая нужда ополчаться противъ ненавистнаго? Подожди мало , и сбудутся слова мои. ,, Между тѣмъ Владимiръ приходитъ ко граду , и становится на урочище Дорогожицы на рву между капищемъ и Дорогоженъ , у самаго Кiева , гдѣ загородные домы Вельможъ Кiевскихъ , великолѣпно устроенные , тогда обрѣтались , и гдѣ еще и нынѣ ровъ тотъ находится. Укрѣпивши безпрепятственно сталъ , далъ пришедшему войску отдохновенiе , и хотя вседневно приступомъ угрожалъ граду , но Владимiръ , на Блу-

дову измѣну уповая, спокойно безъ кровопролитія ожидалъ здачи. Тогда благомыслящіе и вѣрные Ярополку Кіевскіе полководцы, внимая роптанію напрасно затвореннаго въ стѣнахъ войска, съ великимъ стужаніемъ совѣтовали Ярополку, чтобъ, не давая непріятелю времени всѣмъ нужнымъ къ осадѣ и пропитанію запастися, выступилъ на бой противъ его. „Горячность войска, Государь! говорили „они, обѣщаетъ тебѣ побѣду; а естьли и не „удастся побѣдить, то по крайней мѣрѣ по„казавъ наше мужество, возможемъ еще и то„гда запершись обороняться, и непріятелю „сильный чинить отпоръ.„ Не принималъ Ярополкъ совѣтовъ истинныхъ и благоразумныхъ; но предавшись лестнымъ любимца своего убѣжденіямъ, пріуготовлялъ себѣ погибель; праздныежъ ратники, недѣятельность его уныніемъ и робостію сочтя, начали единъ по единому тайно ко Владиміру отходить. Тогда коварный Блудъ, притворився устрашеннымъ и печальнымъ, внушилъ ему, наединѣ говоря: „Кіевляне, Государь, усердствуютъ „Владиміру. Они не токмо тайно къ нему „преходятъ, но и обѣщали уже, отворивъ „врата градскія, предать тебя въ руки. Я „нынѣ вѣрно узналъ о ихъ умыслѣ, и вѣдаю „подлинно, что послали уже ему сказать, „чтобъ сего ради немедленно приступилъ ко „граду. Ищи, Государь, безопаснаго себѣ убѣ„жища; а здѣсь долѣ пребывать, страшись „измѣны.„ Легковѣрность, изтребивъ изъ сердца Ярополкова природную неустрашимость, мечтательною преисполнила робостію. Злоумышленныя слова Блудовы воспріялъ онъ за

истинныя, и пораженный страхомъ предпрїялъ спастись бѣгствомъ; оставилъ Кїевъ и убѣжалъ во градъ Родню (*), близь Кїева на Западной странѣ лежащїй, и тамо со всѣми Вельможами своими засѣлъ и укрѣпился. Г. Татищевъ. кн. II. лист. 59.

§ 10.

Кїевляне, увидѣвъ, что убѣжавшїй Великїй Князь безъ начальства и обороны градъ ихъ оставилъ, отверзли врата Владимїру, которой получилъ такимъ образомъ надъ Кїевомъ власть; утвердясь на Княженїи, послалъ войска къ Роднѣ, и въ тѣсной со всѣхъ сторонъ осадѣ содержать повелѣлъ градъ сей. По нѣскольком времечи обыкновенное слѣдствїе осадъ возчувствовали осажденные: недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ открылся во градѣ, и смертоносный послѣдовалъ ему гладъ. Жестокость бѣдствїя сего такъ была велика, что и донынѣ еще сохранена пословица: „бѣда какъ въ Роднѣ.„ Тогда-то злопреступный Блудъ, послѣднимъ безстыдствомъ побужденный, дерзнулъ совѣтовать Ярополку, чтобы примириться съ братомъ старался, увѣряя его притомъ, что естьли онъ во

Продолженїе коварствъ и насильное убїенїе Ярополка. лѣта 980

(*) Градъ Родню полагаетъ Несторъ на рѣкѣ Рса, которая ничто иное есть, какъ Росъ рѣка. Татищевъ, кн. II. въ примѣчанїи No 158, стр. 398, сказываетъ, что и нынѣ на мѣстѣ града сего существуетъ еще село. Но какъ онъ имени сего села не объявилъ, а градъ на устьѣ рѣки Тирги видно ошибкою положилъ, то и не нахожу я мѣстоположенїя села сего; а слѣдую Нестору, который на стр. 63 й точно говоритъ: и затворися во градѣ Роднѣ на устьѣ Рси, т. е. на устьѣ рѣки Роси.

всемъ на произволенiе Владимiрово отдастся, то ни малѣйшей быть опасности изъ того не можетъ, и онъ по долгомъ размышленiи никакого не предвидѣлъ лучшаго средства. Склонился на толь пагубное предложенiе Ярополкъ: неслыханное ума помраченiе! Хотя Римское повѣствованiе и оставило намъ въ житiи Кесаря Тиверiя подобныя содѣйствiя; но ни любимецъ Сеянъ (*) столько въ ласкательствѣ ядовитъ, ни Тиверiй столько въ легковѣрiи слѣпъ не былъ. Превзошли оба всяческое вѣроятiе, Блудъ и Ярополкъ: сколько первый въ злоумышленiяхъ былъ хитръ и сладкорѣчивъ, а послѣднiй непроницателенъ и преклоненъ. Такъ любимцы, единожды похитивъ слабыхъ Государей довѣренность, вращаютъ ихъ по волѣ своей, и свергаютъ въ ровъ, не только славѣ ихъ вредный, но иногда и жизни опасный. Нещастливъ Государь, которой, подобно Ярополку, такимъ Блудамъ предавшись, отвергаетъ совѣты честности. Былъ при дѣянiяхъ мужъ, совѣстiю, разумомъ и

Тацитъ Тиверiй.

Ярополкъ I. лѣта 980.

(*) Тацитъ въ житiи Кесаря Тиверiя описалъ неподражаемыми красками слѣпую довѣренность сего впрочемъ хитраго Императора къ любимцу его Сеяну, и ясно показалъ, что можетъ ласкательство произвесть въ Государѣ, уязвленномъ любовiю къ безсовѣстному временщику. Свидѣтельство Тацитово сколько нравоучительно Государямъ, столько полезно ихъ Совѣтникамъ: первымъ, чтобъ не попадались въ сѣти таковыхъ злодѣевъ, каковъ былъ Сеянъ; а вторымъ, чтобъ страшились гнуснаго конца Сеянова, и отъ дѣлъ его, естьли не по честности души, такъ по страху казни уклонялись.

преданностїю къ Ярополку знаменитый, именемъ Варяжко. Сей, проразумѣвъ ухищренія Блуда, давалъ ему полезные совѣты; но онъ отвергнулъ ихъ, яко негодные. Когда безсовѣстный и неблагодарный предатель къ совершенїю злодѣйства своего приступилъ, говорилъ въ Совѣтѣ Великому Князю: „Я уже „все къ безопасности твоей устроилъ. Братъ „твой съ радостїю и миромъ ждетъ тебя въ „теремномъ Княжескомъ домѣ (*). Иди къ „нему надежными стопами, и какъ естьли „изречешь токмо ему, что мы уступаешь „Кїевъ, и будешь доволенъ всѣмъ, что онъ „самъ разсудитъ, то приметъ тебя въ объ„ятїя братскїя и удовлетворитъ всѣмъ, что „похощешь. Не властолюбїе, но токмо еди„ное честолюбїе душею его управляетъ.„ Тогда праводушный Варяжко, не стерпѣвъ наглости ласкателя, укорялъ его, и бодрственно личину притворства съ него срывая, говорилъ согласному Ярополку: „Князь! не дерзни ит„ти ко Владимїру. Вижу злой противъ тебя „умыселъ. Смерть въ коварствѣ предателя и „измѣнника тебѣ приготовлена. Страшись.... „Убїютъ тебя тамо; лучше побѣжимъ теперь „въ Печенѣги, и тамо собравъ воинство,

(*) *Теремный домъ.* Такъ назывался Дворецъ Великихъ Князей, по высотѣ теремовъ. Находился онъ въ предмѣстїи Кїева и подлѣ его стоялъ первѣйшїй идолъ Перунъ; слѣдовательно Родня весьма близко была отъ Кїева, и потому Несторъ въ лѣтописи своей и не написалъ того, чтобъ Владимїръ былъ при осадѣ Родни; а Татищевъ точно сказалъ, что онъ послалъ войско осадить Родню.

всемъ на произволенїе Владимїрово отдастся, то ни малѣйшей быть опасности изъ того не можетъ, и онъ по долгомъ размышленїи никакого не предвидѣлъ лучшаго средства. Склонился на толь пагубное предложенїе Ярополкъ: неслыханное ума помраченїе! Хотя Римское повѣствованїе и оставило намъ въ житїи Кесаря Тиверїя подобныя содѣйствїя; но ни любимецъ Сеянъ (*) столько въ ласкательствѣ ядовитъ, ни Тиверїй столько въ легковѣрїи слѣпъ не былъ. Превзошли оба всяческое вѣроятїе, Блудъ и Ярополкъ: сколько первый въ злоумышленїяхъ былъ хитръ и сладкорѣчивъ, а послѣднїй непроницателенъ и преклоненъ. Такъ любимцы, единожды похитивъ слабыхъ Государей довѣренность, вращаютъ ихъ по волѣ своей, и свергаютъ въ ровъ, не только славѣ ихъ вредный, но иногда и жизни опасный. Нещастливъ Государь, которой, подобно Ярополку, такимъ Блудамъ предавшись, отвергаетъ совѣты честности. Былъ при дѣянїяхъ мужъ, совѣстїю, разумомъ и

Тацитъ Тиверїй.

Ярополкъ 1. лѣта 980.

(*) Тацитъ въ житїи Кесаря Тиверїя описалъ неподражаемыми красками слѣпую довѣренность сего впрочемъ хитраго Императора къ любимцу его Сеяну, и ясно показалъ, что можетъ ласкательство произвесть въ Государѣ, уязвленномъ любовїю къ безсовѣстному временщику. Свидѣтельство Татищево сколько нравоучительно Государямъ, столько полезно ихъ Совѣтникамъ: первымъ, чтобъ не попадались въ сѣти таковыхъ злодѣевъ, каковъ былъ Сеянъ; а вторымъ, чтобъ страшились гнуснаго конца Сеянова, и отъ дѣлъ его, естьли не по честности души, такъ по страху казни уклонялись.

преданностїю къ Ярополку знаменитый, именемъ Варяжко. Сей, проразумѣвъ ухищренїя Блуда, давалъ ему полезные совѣты; но онъ отвергнулъ ихъ, яко негодные. Когда безсовѣстный и неблагодарный предатель къ совершенїю злодѣйства своего приступилъ, говорилъ въ Совѣтѣ Великому Князю: „Я уже „все къ безопасности твоей устроилъ. Братъ „твой съ радостїю и миромъ ждетъ тебя въ „теремномъ Княжескомъ домѣ (*). Иди къ „нему надежными стопами, и какъ естьли „изречешь токмо ему, что мы уступаешь „Кїевъ, и будешь доволенъ всѣмъ, что онъ „самъ разсудитъ, то приметъ тебя въ объ„ятїя братскїя и удовлетворитъ всѣмъ, что „похощешь. Не властолюбїе, но токмо еди„ное честолюбїе душею его управляетъ.„ Тогда праводушный Варяжко, не стерпѣвъ наглости ласкателя, укорялъ его, и бодрственно личину притворства съ него срывая, говорилъ согласному Ярополку: „Князь! не дерзни ит„ти ко Владимїру. Вижу злой противъ тебя „умыселъ. Смерть въ коварствѣ предателя и „измѣнника тебѣ приготовлена. Страшись.... „Убїютъ тебя тамо; лучше побѣжимъ тепер „въ Печенѣги, и тамо собравъ воинство,

(*) *Теремный домъ.* Такъ назывался Дворецъ Великихъ Князей, по высотѣ теремовъ. Находился онъ въ предмѣстїи Кїева и подлѣ его стоялъ первѣйшїй идолъ Перунъ; слѣдовательно Родня весьма близко была отъ Кїева, и потому Несторъ въ лѣтописи своей и не написалъ того, чтобъ Владимїръ былъ при осадѣ Родни; а Татищевъ точно сказалъ, что онъ послалъ войско осадить Родню.

„къ хищнику пріидемъ безопасно.„ Сей благомысленнаго мужа совѣтъ отвергнувъ, убѣжденный Ярополкъ пошелъ ко Владиміру; но едва между страхомъ и надеждою ко двери сѣней (*) приближился, какъ поставленные отъ сонма Варягъ стражи подъ пазухи на мечи его подняли, и мертваго повергли на полъ; а окаянный Блудъ, убійцамъ споспѣшествуя, затворилъ двери, да никто отъ вѣрныхъ къ усопшему не внидетъ. Тако братоубійствомъ кончилось братоубійственное владѣніе Ярополково, продолжавшееся около девяти лѣтъ. Варяжко однакожь, сей вѣрный убіенному Варяжко щастливо избавился отъ смерти: стоявъ онъ въ преддверіи, узналъ о убіеніи Государя, и въ произшедшемъ смятеніи убѣжалъ со двора въ Печенѣги. Нашедши тамо покровительство, уговорилъ ихъ къ войнѣ противъ Владиміра, и, долго предводительствуя ими, воевалъ, отмщая съ успѣхомъ насильную Ярополкову кончину. Несторъ.

§ 11.

Характеръ и нравы Князя Ярополка.

Краткое Ярополково Княженіе, и въ немъ отличныхъ дѣлъ недостатокъ не подаютъ намъ удобь возможности къ изображенію его нравовъ и характера. Симъ отъемлется исправность выполненія предложенію нашему, чтобъ описывать нравственные пороки и

(*) Сѣни не то въ тогдашнее время и въ долгопослѣдующее по томъ время были, что нынѣ. Такъ назывался тогда великій чертогъ, для собранія Совѣта, или для принятія Пословъ употребляемый, или нынѣшняя галлерея, или Аудіенцъ-камера величины большой.

добродѣтели Государей, и оставлять хара[ктеры] ихъ таковы, каковы они *народно и домашно* были. Сего недовольно намъ, что Несторъ не весьма благообразными красками его описуетъ, представляя непроницательность въ избраніи друзей и сущій порокъ въ чрезмѣрной къ нимъ довѣренности; а Іоакимъ въ кротости и любви къ Христіанамъ добродѣтели въ немъ находитъ. Любомудріе требуетъ сильнѣйшихъ красокъ и кисти смѣлѣйшія, нежели въ ихъ прекословномъ изображеніи видится. Несторъ вмѣсто неразсудности полагаетъ слабость, и вмѣсто преступленія кладетъ порокъ; Іоакимъ его слабости пріемлетъ за кротость, и злодѣяніе любовію къ Христіанамъ замѣняетъ. Я, отступя отъ сихъ духовныхъ Писателей, осмѣлюсь слѣдующее о Ярополкѣ сдѣлать заключеніе: Слѣпая довѣренность его къ любимцамъ есть сущій порокъ, который ничѣмъ въ Государѣ не извиняется; ибо вредъ отъ него изливается по всему Государству и на всѣхъ подданныхъ. Онъ есть ядъ, истинну умерщвляющій, и правдолюбцевъ и вѣрныхъ совѣтниковъ губящій. Имъ заведенный Ярополкъ учинился братоубійцею. Что можетъ такую извинить его простоту? А по тому и должно подозрѣвать въ немъ естественнаго ума недостатокъ, который попеременно принуждалъ его премѣнять собственный характеръ по нраву руководствующаго имъ любимца. И такъ можно не обинуясь сказать, что не имѣлъ онъ никакого характера. Страсти, пороки и добродѣтели были въ немъ чуждыя и заимственныя по обстоятельствамъ и по нраву времен-

публично, приватно.

щиковъ. Отъ сего произошло, что Писатели наши, кромѣ злодѣйства его противу Олега и крайняго безумія противу Владиміра, ничего въ дѣяніяхъ его намъ не оставили. Не видно ни внѣшнихъ отмѣнныхъ воинскихъ подвиговъ, какъ токмо противу Печенѣгъ, да и то паче Свенельдомъ, нежели имъ побѣжденныхъ, ни внутреннихъ относительно Политики распоряженій, какъ единое къ Христіанамъ снизхожденіе.

ГЛАВА III.

Начало Княженія Владиміра I., Великимъ нареченнаго.

§ 12.

Единодержавство Владимірово. Лѣта 980.

Владиміръ, по убіеніи своего брата, сталъ единодержавнымъ Великимъ Княземъ всея Россіи лѣта отъ Рож. Хрис. на 980 году. Начало Княженія его ознаменовалося идольскаго любострастія порокомъ. Къ женамъ, въ Новѣградѣ уже бывшимъ, присовокупилъ онъ немедленно супругу Ярополкову, извѣстную черноризку Греческую. Ея печальная красота уязвила его сердце при самомъ на престолъ возшествіи, не взирая, что была она отъ убіеннаго имъ брата беременна. Владиміръ, воспріявъ ее въ брачное ложе, усыновилъ рожденнаго ея сына Святополка. Изъ сего видно, коль хитра была сія Гречанка. Надобно, чтобъ она, возпользуясь сильнымъ прелестей своихъ зараженіемъ, по обыкновенію всѣхъ искусныхъ прелестницъ, притворною несклонностію не допущая Владиміра до удовольствія страсти, изторгла изъ

него, по разрѣшенiи отъ бремени, сiе невмѣстное усыновленiе, во мзду котораго склонилась вступить съ нимъ въ бракъ, а не въ число его наложницъ. Чего не можетъ хитрая изъ страстнаго любовника сдѣлать жена? Часто и великiе люди въ непростительныя впадаютъ слабости и пороки, заразами любви коварныхъ женъ устроенные. Такъ Августъ, обольщенный хитрою Ливiею, усыновилъ жестокаго Тиверiя, и неистовый Клавдiй, Агрипиною омраченный, богомерскаго Нерона. Оба, въ ослѣпленiи своемъ, дали нещастному Риму двухъ изверговъ, которыхъ гнусная память не изчезнетъ, доколѣ существуетъ вселенная. Такъ и Владимiръ усыновилъ злочестиваго Святополка, котораго во всю свою жизнь онъ ненавидѣлъ, и которой, по злонравiю своему, достоинъ былъ общественныя ненависти. Тогдажъ и Блудъ, предатель Святополкова отца, мздовоздаянiе измѣны своея получилъ. Владимiръ, по вступленiи на престолъ, почтилъ его первымъ между Вельможами своими мѣстомъ и дружествомъ, наградилъ его богатствомъ неизглаголаннымъ, и по трех - дневномъ на степень величества возведенiи, повелѣлъ его лютою казнить смертiю, сказавъ ему: „Я исполнилъ мое обѣщанiе: честь и „богатство тебѣ далъ, яко другу моему, а „се воздаянiе измѣннику и убiйцѣ Государя „своего. Окаянный! не будешь ты вѣренъ „мнѣ, когда благодѣтелю своему невѣренъ „былъ.„ Инаго воздаянiя и не могутъ уповать предатели. Неоспоримая то истинна, что сколько измѣна прiятна, столько измѣнники ненавистны суть; а потому не худо бы,

Тацитъ въ лѣтописи Римской.

когдабъ и всяческая неблагодарность по меньшей мѣрѣ естьли не казнїю, то общимъ презрѣнїемъ наказывалась. Я не весьма строго сужу неблагодарнаго, когда токмо отъ обхожденїя съ честными людьми его отлучаю.

§ 13.

Варяги горделиво просятъ отъ Владимїра мзды за услугу свою.

Между тѣмъ вспомоществовавшїе Варяги, гордо ко Владимїру приступивъ, требовали платы за услуги свои. Въ кичливости, свободному войску свойственной, имѣли они притязанїе къ Кїеву, говоря: „Градъ сей нашъ „есть: мы его взяли; дай намъ съ него „окупъ, по двѣ гривны съ человѣка (*).„ Великїй Князь, слѣдуя обыкновенной Политикѣ не утвердившихся еще на престолѣ хищниковъ, не могъ ни отказать, ниже хотѣлъ ихъ удовольствовать, и для того уговорилъ ихъ обождать, доколѣ соберется дань. Варяги, по долгомъ ожиданїи, увидѣли не токмо тщету

Владимїръ I. Лѣта 980.

(*) Такое неумѣренное дани требованїе невѣроятно, хотя въ Несторѣ и точно написано: „сей градъ нашъ; мы прїяхомъ его, да хощемъ окупъ имати на нихъ, по двѣ гривны отъ человѣка. „стр. 70. Ему все прочїе Писатели и самъ Татищевъ послѣдовалъ, и я также написалъ, хотя мнѣ и невѣроятно кажется, тѣмъ паче, что тутъ же говоритъ Несторъ о сборѣ кунъ не ясными словами тако: „И рече имъ Владимїръ: пождите имъ за мѣсяцъ, даже всѣ куны соберутъ.„ И такъ точно они требовали съ человѣка кунъ, цѣною на двѣ гривны, яко товара. И сїе едва ли возможное, естьли не возможное требованїе, когда положимъ, что обывателей въ Кїевѣ и не больше, какъ 10,000 человѣкъ токмо было.

обѣщанія, но и предпріятую уже противъ насильства ихъ осторожность; просили наконецъ, чтобъ дозволено имъ было итти въ Царьградъ для вступленія въ службу Императора Греческаго (*). Владиміръ не возбранилъ; но выбравъ изъ нихъ лучшихъ, храбрѣйшихъ и несварливыхъ мужей, оставилъ у себя, и далъ имъ грады, села и вотчины; а безпокойныхъ отпустилъ къ Царюграду. Такъ подобно искусному садовнику, исторгающу негодныя зелія, и плодоносными древесы заводимый вертоградъ насаждающу, благоразумный Государь пользу приносящими странники умножаетъ Государства жителей, изгоняя изъ предѣловъ своихъ бродягъ и тунеядцовъ, шатающихся по шару земному, каковыхъ нынѣ Франція во всю Европу открываетъ. Владиміръ, познавъ опытами мятежные Варягъ нравы, не оставилъ при томъ увѣдомить Императора, что идутъ къ нему въ службу Варяги, и совѣтовалъ ему, чтобъ, для безопасности отъ ихъ своевольства, не держалъ ихъ въ Царѣградѣ, а расточилъ бы по разнымъ отдѣленнымъ мѣстамъ.

§ 14.

Почтеніе къ богамъ.

По семъ тщательный Государь ко внутреннимъ приступилъ распоряженіямъ. Вѣдалъ онъ, что къ утвержденію самодержавныя

(*) Татищ. кн. II, примѣч. No 160, на стр. 398 и говоритъ, яко бы о упоминаемыхъ здѣсь Варягахъ сказуетъ Анна Комнина, въ житіи Алексія, кн. 7, гл. 1, что Варяги въ Константинополѣ служили; но я въ Византійскихъ извѣстіяхъ не обрѣтаю; а слѣдую Нестору.

въ Государствѣ власти первое пособіе есть вѣра, и къ ней принадлежащій сонмъ духовенства, и началъ съ сея важнѣйшія части устроевать твердость своей безопасности. Сего ради сотворилъ себѣ многихъ кумировъ, яко-то: Перуна, Хорса, Дажбу, Стрибу, Семаргла и Мокоша, и почтивъ ихъ великолѣпными божницами и олтарями, разпредѣлилъ жрецовъ и торжественныя учредилъ жертвоприношенія и празднества, о чемъ съ объяснительнымъ разсужденіемъ въ послѣдствіи объявить потщимся. Главнаго изъ всѣхъ сихъ идоловъ, Перуна громодержателя, поставилъ на высокомъ холмѣ внѣ града, противъ двора теремнаго, и возжегши предъ нимъ на жертвенникѣ огнь, препоручилъ соблюденіе неугасимости онаго чередовымъ священникамъ, а вседневное жертвоприношеніе первосвященнику. При всѣхъ сихъ дѣяніяхъ являлся Владиміръ благоговѣйнымъ по вѣрѣ ревнителемъ; но въ сердцѣ своемъ борьбою между Христіанства и идолопоклонства развращенный, ничему кажется не вѣрилъ; ибо больше къ плотоугодству, нежели къ моленію преклоненъ былъ; однакожъ примѣру притворнаго пустосвятства его подражая, знатные и чернь, въ суевѣрномъ усердіи непрестанными жертвами угобжая храмы, священниковъ обогащали, и до того уже идоложертвенную жестокость простерли, что въ тщетномъ уповании милосердія отъ боговъ, сыновъ и дщерей своихъ отцы не щадили. Свидѣтельство всему вышереченному откроется въ продолженіи повѣствованія нашего; а какія именно учредилъ Владиміръ торжества, и въ какое годовое время

Владиміръ I. Лѣта 980. Несторъ.

онѣ производились, объявимъ въ пространномъ при семъ примѣчанiи (*), чтобъ не отвлечь вниманiя читателей отъ верви повѣствованiя касающимися до того сравненiями, съ общимъ во всей вселенной идолослуженiемъ

(*) Въ Холмоградѣ Новоградскомъ видѣлъ онъ великое оныхъ количество и принесъ въ Кiевъ съ излишествомъ; но порядка въ богослуженiи учреждено еще не было. Сего ради съ хитрыми посовѣтовавъ жрецами, приступилъ къ сему, по разумѣнiю его, священному дѣянiю. Писатели вѣрное суевѣрiе и пышности его оставили намъ преданiе, которое во всемъ пространствѣ съ разсужденiями и мы предложить потщимся, для вящшаго и характера и нравовъ сего Государя познанiя. Несторъ называетъ Перуна первопостановленнымъ отъ него богомъ грома и молнiи, предъ которымъ неугасимый горѣлъ огонь, и естьли когда небреженiемъ священниковъ погасалъ, то вредные жрецы смертной предавались за то казни. Сей громодержатель, кажется, ничто иное былъ, какъ Зевесъ или Юпитеръ съ Вестою, въ неугасимомъ огнѣ представляемою; сотворенъ онъ былъ рѣзнымъ изваяннымъ искусствомъ: станъ вырѣзанъ былъ изъ дерева, главу имѣлъ серебряную, усъ и уши златыя, ноги желѣзныя; въ рукѣ держалъ камень, украшенный яхонтами и бросающiй лучи яко молнiеносные. Все сiе совокупно и тройственное вещество, яко то: Озирiя, Изиду и Гора, и Солнце и Луну во златѣ и сребрѣ, и Землю и Тифона во древѣ и желѣзѣ представляло, знаменуя четыре стихiи, яко и въ Свѣтовидѣ Норвежскомъ. Въ жертву приносили ему воловъ и плѣнниковъ, а иногда, какъ выше сказано, и свободныхъ людей. При семъ именуетъ Несторъ меньшихъ боговъ: Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла, Мокоша; но

и разсужденїями, къ тому принадлежными. Сего ради и обращаюсь теперь къ прелестнѣйшимъ для Владимїра упражненїямъ. Когда узрѣлъ онъ, что все къ сущему омраченїю народа и къ утвержденїю самовластїя его

какъ всѣ сїи названїя Сарматскїя, и притомъ Несторъ не показуетъ ни ихъ знаменованїя, ни присвояемой имъ отъ идолопоклонниковъ силы, власти, смысла и почитанїя: то помѣстимъ мы Стриковскаго, кн. IV гл. 4. Сей Польской повѣствователь, взявъ изъ какого-то древняго лѣтописца, сказуетъ намъ подробнѣе. У него также, какъ и у Нестора, Перунъ почитается первымъ; понемъ 2 й Мокошъ, которому ни вида, ни жертвоприношенїя въ немъ не описуется; а изъ сего кажется, надлежитъ ему быть богу силъ, браней и войны, или Марсу, у Друидовъ въ Германїи единымъ токмо мечемъ образуемому; 3 й Молосъ или Волосъ, покровитель скотовъ; слѣдственно былъ онъ Еллинскїй Панъ, или ближе еще, Египетскїй Анубисъ со псовою главою, и такъ, можетъ быть, изображался; ибо невѣжество удержало еще и нынѣ изображенїе нѣкоего воина со псовою главою, просвѣщенїемъ настоящаго нашего Духовенства изъ церкви достойно исторгнутаго. Естьли догадка сїя праведна, то приносились ему въ жертву, по отношенїю къ Анубису и Пану, овцы и козлища. Примѣчанїя достойно, сколь долго древнее суевѣрїе во обычаяхъ народныхъ остается. По согласїю имени видимъ мы еще и нынѣ простолюдинами стада скотовъ Власїю въ покровительство препоручаемы, и при первомъ на пажить весною изгнанїи образъ сего Святаго выносимый. 4 й Позвиздъ или Похвистъ, или Вихрь, богъ вѣтра, дождя и бури. Сей точно есть Эолъ Греческїй и Рускїй; но какъ онъ въ Кїевѣ

желанное воспрїяло дѣйствїе; тогда для вящшаго еще утвержденїя послалъ въ Новградъ Намѣстникомъ дядю своего Добрыню, которой, презрѣвъ тамо Холмоградское древнее капище, вознесъ Перуна надъ Волховомъ. Жи-

представлялся, и что въ жертву ему приносилось, не нахожу въ Писателяхъ, подобно какъ и 5й Хорсъ называемый, коего Татищевъ, кн. 1, гл. 11 Бакху уподобляетъ. 6 й Купало или Царь морей, есть непрекословно то же, что Нептунъ Греческїй или Океанъ, или Вода, или Изида Египетская, божество, изображаемое старцемъ, брадою пѣннобѣлою украшеннымъ и тростникомъ увѣнчаннымъ, жертвами четвероногихъ и паче коньми удовлетворяемый. 7 я Ладо, Греческая Венера, Египетская Изида, Ругенская Сива, мать двухъ божковъ. 8 й Леля, или Купидона, или бога любви, и 9 й Полеля или Гименея, или богиня супружества и браковъ. И сїе весьма естественно, чтобъ богинѣ красоты, веселья, забавъ и любострастїя дать порожденїе любви и брака. Дѣвы, отроки, юноши и старцы, яко никто изъ человѣкъ любовныя не изъятые страсти, приносили имъ и молитвы частыя и жертвы тучныя; сами супруги и супружницы для чадородїя къ нимъ прибѣгали, и дозволенное многоженїе божницъ ихъ не пустошило. Прибѣжище къ нимъ и почитанїе древнихъ предковъ нашихъ было толь велико, что оттуда и нынѣ въ любовныхъ простонародныхъ пѣсняхъ, особливо при брачныхъ торжествахъ, упоминаются ихъ имена со многимъ повторительнымъ восклицанїемъ: ладо леля лелюнь и проч. 10 и 11 Лѣшїе и русалки, или Сатиры и Нимфы. Сїи почитаемы были сильными обрядами и жертвоприношенїями, то ради отвращенїя ихъ отъ злодѣянїй, то ради изпрошенїя помощи въ мечта-

шели прежде принужденно новому себѣ божеству поклонились, а потомъ великимъ богомъ его почтили. Таково есть ослѣпленїе рода человѣческаго, когда его заблужденїя страхомъ и надеждою подкрѣпятся.

тельныхъ напастяхъ. Объявленїе числа боговъ предполагаетъ и установленїе различныхъ и въ разныя времена празднествъ и чиноположенїй въ жертвоприношенїяхъ. Естьли по вышереченной находимъ въ изображенїяхъ въ таинственномъ смыслѣ кумировъ Рускихъ съ Египетскими и Греческими сходство, то и въ священной жрецовъ одеждѣ и въ чиноположенїяхъ жертвенныхъ и въ самыхъ празднествахъ, разнообразїя великаго предполагать не можемъ. Друиды въ Германїи имѣли, по свидѣтельству Юлїя Кесаря и Тацита, одежду бѣлую, и вѣнцами отъ листвїя дубоваго сѣдыя украшали свои главы. Иродотъ о Скифскихъ священникахъ тожь объявляетъ; слѣдовательно, какъ въ наши полунощныя страны въ подобныхъ пренеслись они ризахъ, такъ и въ Кїевѣ Владимїромъ установленные и жертвенными орудїями запасшїеся, подобные Египетскимъ и Германскимъ обрядамъ въ богослуженїи и жертвоприношенїяхъ чиноположенїя имѣли. Когда снесемъ празднества нашихъ предковъ съ Египетскими, то болѣе истинна сего предположенїя откроется. По теченїю солнца праздновали Египтяне весною Озирїю, яко оживотворителю естества, а по разлитїи Нила Изидѣ, яко землѣ и плодоносїю. Праздновали и у насъ въ тожъ время рѣкамъ, источникамъ и богу Купалу, яко растворителю къ плодородїю, по слитїи вешнихъ водъ, земли. Употреблялось въ праздникъ сей купанье, по свидѣтельству Ломоносова, Гл. VII. Ист. Рус. и можетъ быть, утопленїе людей въ жертву идолу. Остатокъ

§ 15.

Между тѣмъ сильнѣйшая Владимірова открылась страсть, и отъ нужныя политики ко врожденной склонности мысли его пригвоздила. Дозволилъ онъ естественному сердца Владиміръ I. Лѣта 980.

сего богопротивнаго обычая видимъ, какъ тотъ же Ломоносовъ примѣчаетъ, у простонародія въ обліяніи водою на великъ день, когда подъ именемъ наказанія за пропущеніе утренняго пѣнія обливаютъ или кидаютъ въ хладную воду проспавшихъ лѣнивцевъ. Обыкновеніе, говоритъ онъ, вѣрѣ предосудительное, тѣлу вредное, жизни опасное. Притомъ весною же великолѣпнѣйшее бывало у насъ торжество идолу любострастія, кажется, Греческому Бахху соотвѣтствующее; ибо дѣянія при торжествѣ и время праздника Бакханаламъ Греческимъ точно сходствуютъ. Хотя праздникъ сей въ Египтѣ осенью торжествовался; но въ Греціи, какъ и у насъ, былъ вешній. Свидѣтель тому есть еще и нынѣ у насъ между простолюдинами подъ именемъ семика. Въ Кіевѣ, какъ и нынѣ у насъ, въ день сей собравшись безстыдныя дѣвки и бабы, предносили предъ пляшущею толпою, шествуя къ божницѣ или въ поле къ поставленному идолу, зеленыя и украшенныя разноцвѣтными лоскутьями вѣтви. Пѣсни соблазнительныя учреждали ихъ соблазнительную пляску, въ которой они похабно сквозь сплетенные изъ цвѣтовъ вѣнки съ мущинами цѣловались, и потомъ для гаданія и вѣнки и вѣтви бросали въ воду, въ чаяніи, что естьли чей поплыветъ вѣнокъ, той вскорѣ быть за мужемъ, а чей потонетъ, той надолго еще дѣвкою остаться. Слаженная на сіе пѣсня и нынѣ въ семикъ въ неистовомъ разногласіи таковагожъ хоровода восклицается. Но пусть

своего распутству безпредѣльное услажденіе; сталъ препровождать дни въ пирахъ и веселіяхъ, а нощи въ любострастіи даже до излишества. Дѣеписатели наши согласно повѣдаютъ намъ, что побуждаемый плотскими

бы сей невредный остатокъ древности и сохранялся, естьлибъ не привмѣщалось въ нему противное Христіанскому любомудрію обыкновеніе, которое видимъ мы въ святую пятидесятницу существующее въ украшеніяхъ церковныхъ въ разставляемыхъ березкахъ и въ покровеніи травою и цвѣтами помоста, что самая при семъ идольскомъ праздникѣ божница сего кумира украшалась. Среди лѣта бывало у насъ въ древности предъ началомъ сѣнокоса и жатвы великое празднество Вестѣ, или неугасимому огню посвященное, во знаменіе, что теплота къ созрѣванію и собранію плодовъ необходима. Богомерскіе сего идолопоклонства остатки толь твердо въ Россіи вкоренились, что еще и нынѣ видимъ мы въ двадцать четвертый день Іюня ночныя игры повсюду, особливо пляску окрестъ огня, и скаканіе черезъ огонь въ великомъ употребленіи: новый знакъ неизтребленнаго корня идолослуженія! Въ осень бывало въ Россіи знаменитѣйшее торжество, посвященное вообще всѣмъ богамъ, и яко благодарственное за собраніе плодовъ земныхъ и изобильныя жатвы, и особенное Ладѣ и ея сынамъ; браки, при празднествахъ сихъ тогда въ обыкновеніи бывшіе, и нынѣ еще по весямъ и селамъ во всей Россіи истинну торжества сего свидѣтельствуютъ; ибо ни въ которое годичное время между крестьянъ свадебъ столько не бываетъ, какъ осенью предъ Филиповымъ постомъ. Въ зимнее равноденствіе бывало въ Египтѣ печальное Изидѣ, Гору и обрѣтенію Озирія торжество, и въ Римѣ въ тожъ время Сатурніи. У насъ

вожделѣніями имѣлъ онъ, кромѣ женъ, по тогдашнимъ уставамъ законныхъ, осьмь сотъ наложницъ, и въ разныхъ содержалъ ихъ мѣстахъ подъ стр . имъ за непорочностію присмотромъ. Сіи любострастію его посвящен-

празднество сіе было подъ именемъ Коляды. Начиналось оно въ изходѣ Декабря, и нѣсколько дней продолжалось, какъ еще и нынѣ подъ названіемъ святокъ въ обыкновеніи. Не льзя точно опредѣлить, идолъ ли Колядою назывался, или сіе празднество такъ именовалось; а кажется, что послѣднее больше правдоподобно, когда дѣйствія снесемъ съ обрядами Египетскаго празднества. Тамо, по сказанію Плутарха въ книгѣ Озирія и Изиды, постилися за три дни предъ началомъ торжества, и въ наступающую наканунѣ нощь призывали велегласно въ печальныхъ пѣсняхъ потеряннаго Озирія. У насъ столькожъ постились и наканунѣ праздника, до восхожденія луны и звѣздъ; не вкушая пищи, призывали, собираясь дѣвицы и жены на сгогны, Коляду, и пѣли посвященныя ему пѣсни, упоминая въ нихъ луну вмѣсто Изиды, солнце вмѣсто Озирія и звѣзды вмѣсто Гора. Съ малою перемѣною продолжается еще и доднесь сіе идольскаго суевѣрія торжество. Наканунѣ праздника Рождества Христова, къ стыду нашего вѣка, постятся до звѣзды, и при всхожденіи ночныхъ свѣтилъ призываютъ въ пѣсняхъ Коляду. Изъ таковыхъ древнихъ пѣсенъ ветхостію вѣковъ испорченную имѣемъ мы еще и нынѣ въ вышереченный канунъ употребляемую, которая напечатана въ Словарѣ Рускихъ суевѣрій на стран. 224, подъ словомъ Коляда. Въ Египтѣ по трехдневномъ сѣтованіи, моленіи и жертвахъ, начиналось радостное торжество, съ употребленіемъ особенныхъ уже веселыхъ пѣсенъ и пляски и съ гаданіемъ

ныя обители, ко вреду его здоровья и къ развращенію народныхъ нравовъ, тремя великолѣпными зданіями блистали: въ Вышградѣ, Бѣлѣградѣ и селѣ Берестовѣ, и яко дворцы Княжескіе близь Кіева находились. Единый

о будущей судьбинѣ, и паче въ отношеніи ко бракамъ. У насъ по трехъ отъ Коляды дняхъ начинаются святки. Во всѣ вечера, доколѣ они продолжаются, бываютъ игрища, при которыхъ употребляются хари или маски; притомъ бываютъ вечеринки, на которыхъ поютъ особенныя пѣсни, святошными или гадательными называемыя; ходятъ слушать подъ чужія окна, и на прорубѣ льютъ олово и свинецъ въ воду, предсказаніе будущаго изъ того, какъ и изъ мнимыхъ мечтаній извлекая. Ниже при гаданіяхъ объявлю я нѣсколько о семъ для показанія древнихъ и нынѣшнихъ обычаевъ. Наконецъ какъ въ Египтѣ очистительныя приносились по зимнемъ торжествѣ жертвы, такъ кажется и у насъ въ древности бывали жертвенныя очищенія; ибо еще и нынѣ, по прошествіи святокъ, въ день Богоявленія, не взирая на строгость зимы и лютость мразовъ, купаются простолюдимы къ пагубѣ здоровья и жизни своея. Ни Политика гражданская, ни благочиніе уставовъ церковныхъ не возбранили сихъ идолопоклоннаго суевѣрія остатковъ, хотя любомудріе съ отвращеніемъ на оное взирало. Однако и то правда, что сіе послѣднее купанье нынѣ рѣже становится. По всѣмъ вышереченнымъ обстоятельствамъ почитаю я Коляду не кумиромъ, но дѣйствіемъ празднества, относительнымъ ко многимъ божкамъ, какихъ у предковъ нашихъ, яко и въ Римѣ, домашнихъ премножество было, и въ капищахъ находились двулицыя, яко Янусъ, и четверолицыя, яко Свѣтовидъ безъ имени.

токмо особенно отъ сихъ отличался домъ Рогнеды на рѣкѣ Лыбеди, въ селѣ Предславинѣ, изъ почтенія ли то къ сей Княгинѣ, или уже изъ холодности къ ней, того достовѣрно сказать не можно; однако и симъ коли-

Чтожъ до торжественныхъ жертвъ и празднествъ Перуна касается, оныя неизчислимо часты, и при всякомъ почти особомъ приключеніи съ отмѣннымъ всегда великолѣпіемъ и со многимъ иждивеніемъ отправлялись. Я обѣщалъ при семъ сказать, какъ гаданія въ обычаѣ бывали, и какъ онѣ желающимъ знать будущее удовлетворяли; и для того обращусь теперь къ сему, тѣмъ паче нужному увѣдомленію, что многіе изъ сего суевѣрія остатки и понынѣ существуютъ, и что въ древности установлено Политикою, то нынѣ въ ничтожномъ оставшись употребленіи, доказываетъ, какъ мало народные нравы и обычаи въ отечествѣ нашемъ чрезъ толь многіе вѣки премѣнились. Сіе свидѣтельствуетъ постоянство народнаго характера, которой отъ Владиміра по сіе время почти чрезъ осмь столѣтій меньше перемѣнился, нежели въ иныхъ Государствахъ въ единогодичное время премѣняется. Предвѣщаніе будущаго, подобно какъ у всѣхъ древнихъ народовъ, хранилось и у насъ въ идольскихъ божницахъ. Жрецы одни обладали издревле астрологическимъ и звѣздочетнымъ искуствомъ, знали предвѣщать, подобно нынѣшнимъ Мѣсяцословамъ, перемѣны погодъ и удачно и ложно и двутолково, и потому назывались вѣщунами; и какъ изъ того произошли повсюду провѣщанія и сонмъ провѣщателей, такъ отсюдажъ и у насъ они явились. Хитрые жрецы, по свидѣтельству Арнкіеля въ книгѣ о Сѣверныхъ священнодѣйствіяхъ, прорицали будущее, подобно Римскимъ и Греческимъ вѣщунамъ и

чествомъ великій ихъ жрецъ, Владиміръ, будучи недоволенъ, повелѣвалъ еще приводить въ тѣ обители свободныхъ женъ и дѣвицъ, для принесенія въ жертву ненасытимому своему вожделѣнію. Таковъ женолюбивъ былъ Влади-

Авгурамъ изъ всего того, что суевѣріе сихъ къ тому избрало, и что въ повѣствованіи всемірномъ видѣть можно; ибо тожь самое и къ намъ принесено было. Сіи вѣщуны остались и донынѣ во всей Европѣ, какъ и у насъ подъ именемъ волхвовъ, или колдуновъ и чернокнижниковъ; а древнія Дельфическія прорицательницы и Сивиллы подъ названіемъ волшебницъ. У насъ такая богиня Лады и сына ея Леліо первосвященница подъ именемъ Яги Бабы долго и по изкорененіи идольства существовала, и нынѣ у нѣкоторыхъ идолопоклонниковъ, живущихъ около Сѣвернаго Океана, существуетъ и въ народныхъ сказкахъ прославляется. Важнѣйшее ихъ пророчество и судьбы человѣческія опредѣленіе состояло во мнимыхъ тѣлодвиженіяхъ и отвѣтахъ идольскихъ, коими они предъ народомъ яко безчувственными и руками художника сотворенными дѣйствовали, и имъ повелѣвали отвѣтствовать или прорицать по мысли и желанію своему. Не меньше употребляли они къ тому вымышленныя сновидѣнія, мечтанія и тайныя боговъ или явленія. Изъ сего-то произошли тогда въ народѣ и нынѣ еще присущныя суевѣрія, паче въ святки у простолюдимовъ видимыя. Я не говорю о тѣхъ, кои въ случаяхъ страха и надежды, потери и покражи, или свѣденія долголѣтія жизни и кончины, колдуновъ и ворожей призываютъ. Сіе есть обычное почти всѣхъ народовъ безуміе, котораго изъ предубѣжденія человѣческаго кажется никакое просвѣщеніе изтребить не въ силахъ, или по крайней мѣрѣ долгаго по-

мiръ, яко и Соломона и Турецкихъ превзошелъ Султановъ, какъ говорятъ Лѣтописцы. Изрядный примѣръ подданныхъ благонравiю! Когда Государь похищаетъ женъ отъ мужей и непорочныхъ дѣвицъ отъ родителей; чтожъ

требно къ тому еще времени. Но нравственныя заблужденiя, отъ того произшедшiя, почитаю я вреднѣйшими, а ко исправленiю легчайшими. Вопервыхъ святошныя нынѣ употребляемыя гаданiя сколько тщетны, столько предосудительны нравамъ, вредны чести, здоровью и не рѣдко самой жизни гадающихъ опасны. Въ святошные вечера жадныя къ замужеству дѣвицы простородныя (естьли благородныя не причмѣстны) бѣгаютъ въ полнощь къ прорубѣ; единая жестокихъ мразовъ строгость сопровождаетъ, и суевѣрiе подкрѣпляетъ нѣжныя силы. У проруби на разпростертой бычачьей шкурѣ очертився вокругъ, садятся, и призываютъ того, кто будущiй ея женихъ, говоря: „да явится онъ въ точномъ своемъ образѣ.„ Пораженное страхомъ вообраенiе можетъ быть иногда и обольщаетъ нѣкоторыхъ виденiя мечтою, отъ тѣни лунненiя и слуха произходящею; можетъ быть ударенiемъ вѣтра и слухъ обаяется; но сiе обаянiе обыкновенно награждается простудою, иногда долговременную горячку и самую смерть приключающею. Такое воздаянiе суевѣрному любопытству часто случается, и всегда честное дѣвицы имя повреждаетъ; ибо кто не возмнитъ, предполагая въ ней разумъ, что она безстыдно свиданiя съ любовникомъ ищетъ, и для того отъ дома родителей тайно среди нощи отлучается? Но пусть то въ подлости произходитъ; горше, когда благородныя, въ пустой сидя горницѣ, въ зеркалѣ мнятъ увидѣть судьбою опредѣленнаго жениха. Сами несмысленныя матери часто та-

тогда творятъ Вельможи съ подчиненными и крѣпостными своими? Не то ли же самое? Государь, въ пиршествахъ и пьянствѣ дни препровождающій, не даетъ ли поползновенія Вельможамъ утопать въ роскошахъ и пьянствѣ?

ковому безчинству споспѣшествуютъ, подавая, не размысливъ, совѣты и удобность видѣться съ подговореннымъ иногда дщерію любовникомъ. Дѣвица или хитрая для свѣденія, или глупая просто для гаданія, приходитъ въ чертогъ отдаленный; имѣютъ съ собою зеркало, свѣчу и два столовые прибора; первая, насмѣхаясь глупости матери, безъ всякихъ чиновъ съ приглашеннымъ демономъ видится; а другая по наставленію, сѣдши предъ зеркаломъ, говоритъ: „суженой, ряженой мой! поди ко мнѣ ужинать.„ Просидитъ она долго, и конечно никого не увидитъ, естьли хитрая горничная дѣвка или подкупленная мама суженаго не заготовили. Таковый является, и пользуясь уединеніемъ и страхомъ, становится иногда непорочности врагомъ, и не инако невинность спасется, какъ развѣ опомнившаяся жертва начнетъ вопіять: „чуръ насъ, или чуръ сего мѣста!„ слова, яко бы бѣсовъ отгоняющія. Скроется искуситель не отъ чура, но отъ вопля, да прибѣжавшіе коварства не примѣтятъ. Такъ зловредны, однѣ тѣлу, а другія добродѣтели, сіи гаданія опыты, нравы вообще развращающіе. Между невредными, но однакожь похабными и неблагопристойными почитаю я бесѣды, святошными вечеринками называемыя, въ которыхъ юности обоихъ половъ нравы, непростительнымъ присутствіемъ старости извиняясь, развращаются. Въ таковыхъ сходбищахъ обыкновенно поются пѣсни, издревле къ тому сложенныя, припѣвъ которыхъ гаданія играющихъ знаменуетъ возглашеніемъ: „кому

Государь любовницЪ своихЪ великолѣпно украшаетЪ: не разоряются ли тогда Вельможи, на своихЪ имѣнїе расточая? Словомъ, Государь, плавая вЪ морѣ любострастїя, когда неумѣренно отличаетЪ сребромЪ и златомЪ, паволоками и камнями драгоцѣнными своихЪ наложницЪ; тогда временщики его не рвутся

вынется, тому сбудется!,, КакЪ же сїе невиннымЪ кажущееся гаданье производится, и какое вредное оставляетЪ по себѣ слѣдствїе! Все собранїе, сидя вокругЪ стола, влагаетЪ вЪ покрытое непроницательнымЪ (умѣренно отличаетЪ сребромЪ) покрываломЪ блюдо какїя нибудь дробныя вещи, каждой мущина и женщина отЪ своего лица, которую почтенная и сѣдиною и слухомЪ сомнительная, вЪ младыхЪ лѣтахЪ добродѣтельми украшенная жена благоговѣйно, по окончанїи гадательной пѣсни, на удачу вынимаетЪ, вопросивЪ: чей жребїй вынется, что тому дѣлать? Собранїе опредѣляетЪ разныя неблагопристойности: пляску любострастную, коверканье вредоносное, бѣганье для слушанїя перваго слова подЪ окно или дверь сосѣдскую, поцѣлуи жаркїе и осязанїя неприличныя. Стыдливость уступаетЪ при семЪ развращенномЪ веселїи строгому послушанїю, и непорочныя дѣвицы уста долженствуютЪ прїучаться пылкости прикосновенїя устенЪ юношей безстыдныхЪ и предпрїимчивыхЪ. Какїе нравы! какїе обычаи! вопїетЪ любомудрїе, но отвратить онаго не сильно; ибо сЪ воспитанїемЪ оно вливается. Еще иные древняго гаданїя остатки продолжаются и нынѣ вЪ лїянїи олова, свинца и воску вЪ хладную воду. Дѣянїе ничего не значущее; но безумїе обрѣтаетЪ и вЪ немЪ, по сужденїю случайныхЪ вЪ водѣ изображенїй, подобно какЪ и вЪ кофе, будущее прорицанїе.

ли другъ предъ другомъ, лихоимствомъ обогащаясь, подражать его примѣру, и грабительство употреблять на украшенїе своихъ наложницъ? Въ такомъ случаѣ можетъ ли сей Государь возбранить разорителямъ его подданныхъ? Въ совѣсти своими пороками укоряемъ, можетъ ли воздержать судопроизводцевъ отъ неправеднаго стяжанїя и подобнаго ему расточенїя? Устыженный дѣлами собственными, не долженъ ли онъ отвращать очей своихъ отъ сего злодѣйства, и молчаливо преносить стенанїе бѣдныхъ подданныхъ, безъ исправленїя злодѣевъ? Такъ по крайней мѣрѣ любомудрїе преобращенїе нравовъ намъ описуетъ, уподобляя Государство пространному озеру, въ которое изъ единаго на высокой горѣ бьющаго ключа многочисленными рѣчекъ изтоками вливается великое количество водъ, или горькихъ или сладкихъ, по свойству ключа, отъ котораго изтекаютъ.

§ 16.

Жены Владимїровы. Лѣта 980.

Ненасытный множествомъ затворенныхъ и приводимыхъ жертвъ, сластолюбецъ имѣлъ слѣдующихъ обручныхъ ему женъ, которыя, подобно какъ на тверди небесной между безчисленнаго количества звѣздъ отличаются планеты величествомъ, отличались между множества его наложницъ богатствомъ и великолѣпїемъ. Первою его супругою почитаютъ Рогнеду или Гориславу, Княжну Полотскую; но какъ Вышеславъ, сынъ его, почитается первымъ по изчисленїю, Чехинѣ, матери его, подобаетъ почитаться первою; однакожь видно, что за недостаткомъ достопамятныхъ объ ней при-

ключеній предана она молчанію. И такЪ Горислава, отЪ которой имѣлЪ ВладимірЪ трехЪ сыновЪ: ИзЪяслава, Ярослава и Всеволода, и двухЪ дщерей, Предславу и Прямиславу, жила, какЪ выше объявлено, особо на Лыбеди, вЪ селѣ Предславинѣ, по имени дщери ея названномЪ; по ней слѣдуетЪ 2 я родомЪ Чихиня, Вечеслава родившая. За тою 3 я Варяжская Княжна Адила или АдлейдЪ, мать Святославу и Мстиславу; 4 я Гречанка черноризица, мать Святополкова, и наконецЪ 5 я Болгарка Милолика, мать Бориса и Глѣба. Присовокупляютъ еще и 6 ю Княжну Богемскую Малфреду, и Вечеслава у Чехини отЪемля, даютЪ ей вЪ сына. Но все сіе родословіе вЪ повѣствователяхЪ нашихЪ такЪ запутано, что хотя и извѣстны имена женЪ сихЪ, матерей сынамЪ разпознать весьма трудно. Двѣ токмо несомнѣнными матерьми двумЪ сынамЪ почитаются, и по приключеніямЪ извѣстны суть: Рогнеда была точно мать Князя ИзЪяслава, что особенное вЪ своемЪ мѣстѣ сказаніе докажетЪ непрекословно, и СвятополкЪ былЪ сынЪ Гречанки черноризицы отЪ убїеннаго Ярополка. Но не взирая на темноту оставленныхЪ о семЪ извѣстій, потщимся мы вЪ послѣдствіи, поелику возможно, различать ихЪ при опредѣленіи имЪ удѣловЪ и при ихЪ собственныхЪ дѣяніяхЪ. МожетЪ быть при семЪ изчисленіи многіе еще сыны Владиміровы, отЪ наложницЪ рожденные и усыновленные, яко то: племянники его, ПозвиздЪ и СудиславЪ, пропущены, которые однакожь вЪ удѣлахЪ по немЪ участіе имѣли.

§ 17.

Походы Владиміровы на Польшу и Вятичи. Лѣта 6489 6490 981 982.

Таким образом погрязшій въ тину любострастія Владиміръ не забылъ однакожь всея должности Государя, Монархіи прирастителя. Усмотрѣлъ онъ среди сущаго разслабленія своего, что многіе отъ подданныхъ отцу его народовъ, возпользуясь братоубійственными междоусобіями, престали положенную приносить дань и отъ повиновенія отреклися, и пошелъ въ страхъ имъ съ великимъ воинствомъ прежде на Польшу, начавшую горделивую возносить главу, подъ владѣніемъ Мечеслава I., и за то титла Королевскаго тщетно отъ Папы просившаго; ибо наслѣдникъ его Болеславъ храбрый оное по немъ уже получилъ. Руссы, подъ предводительствомъ Государя своего, одержали побѣду, и Мечеславъ, съ премѣннымъ щастіемъ нѣсколько обороняясь, принужденъ былъ уступить побѣдителю грады Перемышль, Червень (*) и иные. Усилясь таковымъ пріобрѣтеніемъ,

Несторъ.

Камеръ и Стриковскій въ Польской исторіи.

(*) Перемышль и Червень издревле принадлежали Полякамъ. Первый сидѣлъ на стеченіи рѣкъ Вручи и Вязы, кои подъ градомъ симъ такъ соединились, что не льзя и узнать, которая изъ нихъ въ другую впадаетъ. Другой при какой водѣ въ древности созданъ былъ, не нахожу въ землеописателяхъ нашихъ. Извѣстно токмо сіе, что по имени его называлась цѣлая область Червенскою. По присовокупленіи ихъ Владиміромъ къ Россіи, долгое время были они подъ державою Рускою, и въ Перемышлѣ, въ Червенскомъ округѣ находящемся было удѣльное Княженіе подъ зависимостію В. К. Кіевскихъ.

пошелъ Владиміръ тогожъ лѣта на Вятичь. Сей безпокойный, на Волгѣ и Окѣ жившій народъ покорилъ онъ единымъ своимъ пришествіемъ, и прежнюю дань, что отцемъ его положена была съ сохи по шелегу, паки на нихъ возложилъ. Но упрямый и непокорливый народъ сей, вторично по отшествіи его отложась, сугубый походъ на себя подвигнулъ, и не получивъ помощи отъ Печенѣгъ, на которыхъ надѣялся, побѣжденъ и въ двойную обложенъ былъ дань. Отсюда устремился паки на ретиваго Мечеслава, междоусобную войну съ Вельможи Польскими имѣвшаго, и при рѣкѣ Вислѣ побѣдивъ, простеръ завоеванія въ большую часть Польши. По таковыхъ успѣхахъ даровалъ ему миръ, и взятые грады возобновилъ и укрѣпилъ. Страна, имъ завоеванная, обитаема была Ляхами, народомъ отъ племени Сарматскаго, какъ и самые Поляки.

Несторъ лѣта 982.

Іоакимъ Нестору въ пополненіе и Стриковскій утверждаетъ. Смотри Г. Тат. кн. 1. и прим. No 41.

§ 18.

Щастіе, повсюду за Владиміромъ слѣдуя, кажется, какъ будто бы къ торжественной его колесницѣ непостоянную приковало побѣду. Одѣянный славою, предпріялъ онъ походъ на Ятваги или Ятвежи и Языги, трояко называющійся народъ, колѣна Сарматскаго, многочисленный, военный, жестокосердый и единъ языкъ съ Литвою имѣющій. Издревле жилъ онъ по рѣкѣ Дунаю, и разпространился до Чернаго моря, до Днѣстра и Буга, Илтекса, предѣлы Венгерскіе орошающей рѣки. Польскіе Писатели, полагая жилище сихъ Ятваговъ въ Литвѣ и около Буга, гдѣ нынѣ Подляшіе и Брестъ Литовскіе, согласно съ нашими сказуютъ, что никто изъ сего браннаго народа

Походъ на Ятваговъ; какой сей народъ и гдѣ обиталъ. Владиміръ ихъ побѣдилъ и возвратился въ Кіевъ. лѣта 6491 / 983.

въ плѣнъ живой не отдавался, даже и жены, яко единоплеменныя Амазонкамъ, смерть плѣну предпочитали (*). Противу сего жестоковыйнаго народа пошелъ Владимiръ, побѣдилъ его, и побiенiемъ въ сраженiяхъ и собственнымъ ихъ самоубiйствомъ, и многiя ихъ земли разоря, въ Кiевъ возвратился.

ГЛАВА IV.

Суевѣрiе въ идолопоклонствѣ Владимiра перваго.

§ 19.

Приношенiе на жертву людей. Лѣта 6491/981.

Увѣнчанный толиками знаменитыми побѣдами, Владимiръ восхотѣлъ при торжественныхъ Кiевлянъ веселiяхъ возблагодарить отличнымъ жертвоприношенiемъ боговъ, имъ самимъ сотворенныхъ, назначилъ къ сему день, и вышелъ со всѣмъ народомъ предъ поставленнаго на холмѣ теремномъ Перуна громодержателя; простерся благоговѣйно предъ жертвенникомъ его, и кровiю закланныхъ скотовъ окропился. Уже и безчеловѣчное обыкновенiе, приносить на всесожженiе нещастныхъ плѣнниковъ, слухъ его воплями страдальцевъ сихъ тронуло, когда жестокосердые священники свободныя по жребiю востребовали жер-

(*) Такъ описуя ихъ Поляки, сказуютъ, что сiе звѣрское ихъ упрямство было наконецъ причиною, что въ единомъ неудачномъ боѣ въ 1264 году стыдливымъ Болеславомъ до того побиты, что и памяти ихъ потомъ не осталось.

ствы, говоря Владимiру: „Приносимые въ жер„тву плѣнники хотя и принесутъ тебѣ, Го„сударь, и всему твоему народу благоденствiе „и покой, и благодарности твоея со знакомъ „въ вѣчности предъ богами предстанутъ; но „прiятнѣе богамъ и тебѣ полезнѣе жертва „свободная. Кинемъ жребiй и узримъ, на „кого падетъ ихъ благоволенiе, того смертiю „ублажимъ безсмертныхъ.„ Къ сему яко бы нѣкiимъ вѣденiемъ обаянный Перуновъ первосвященникъ, въ восторгѣ возопилъ въ слышанiе всѣмъ: „Великiй Перунъ, явившись мнѣ „самъ, требуетъ изъ свободныхъ Кiевлянъ „по жребiю или благообразнаго отрока, или „красавицы изъ дѣвъ непорочныхъ.„ Владимiръ, или такимъ же притворствомъ, какъ и первосвященникъ, или пустосвятствомъ убѣжденный, съ кровопiйцами согласился, и народному на то соизволенiю не попрепятствовалъ. Жрецы вѣдали уже, на кого падетъ жребiй; ненависть ихъ противу Христiанъ предуказала имъ жертву. Кинули коварный жребiй, и палъ онъ на Христiанина. Тогда въ Кiевѣ жилъ одинъ изъ Грекъ, пришедшiй Варягъ, котораго имени лѣтописи намъ не оставили. Сей Варягъ имѣлъ сына Iоанна, душею и лицемъ прекраснаго юношу. Отецъ и сынъ во всей Евангельской добродѣтели исповѣдали Христа въ молитвѣ и постѣ, съ нарочитымъ достаткомъ препровождали смиренно свои дни. Домъ ихъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Владимiръ по крещенiи своемъ создалъ во имя Пресвятыя Богородицы церковь, которая десятинною называлась. На сего лѣпообразнаго Iоанна ухищренный завистливыхъ

Несторъ, стр. 73. Ник. лѣт. стр. 66. Кн. Степ. 7, 1. 2. 11. Тат. стр. 62. кн. II.

жрецовъ палъ жребiй. Немедленно посланы старшины градскiе по непорочнаго отрока къ отцу съ возвѣщенiемъ, „что боги соблагово-„лили, да принесется въ жертву сынъ твой „Iоаннъ; дай его на закланiе.„ Ужаснувшiйся старецъ отвѣщалъ присланнымъ съ твердостiю Христiанскаго духа: „не суть то боги, кои „жаждутъ крови человѣческiя. Они суть ис-„туканы, творенiе рукъ смертныхъ, суть „древеса, художникомъ изсѣченныя; нѣмы, глу-„хи, слѣпы и недвижимы суть; не ядятъ и „не пьютъ они ничего. Днесь вами боготво-„римы; помалѣ будутъ презираемы, и со-„крушаемые не защитятся; будутъ сожига-„емы, и не возчувствуютъ; будутъ разсѣка-„емы, и не ощутятъ. Единъ есть Богъ на „небесѣхъ, коему служатъ и покланяются „Христiане. Онъ не сотворенный, но сотво-„ривый небо и землю, солнце, луну и звѣзды. „Онъ создалъ человѣка и далъ предѣлъ жи-„тiя въ семъ мiрѣ; въ Него единаго я и сынъ „мой вѣруемъ; Его славимъ и величаемъ. „Естьли боги ваши властны, да прiидутъ „и возьмутъ сами изъ рукъ нещастнаго отца „сына невиннаго.„ Свирѣпые послы принесли отвѣтъ пославшимъ, и лютою преисполнили ихъ яростiю. Народъ, жрецами подстрекаемый, въ мятежномъ изступленiи бѣжитъ съ дрекольми и оружiемъ къ дому почтеннаго старца, и разметавъ ограду двора, окружаетъ храмины. Но какое зрѣлище является разъяренному сонму! Отецъ, подобно твердому дубу, младымъ объятому отраслемъ, стоитъ охваченный юнаго сына руками на сѣняхъ и спокойно на бѣшенство народа взираетъ.

Воспящаются симъ зрѣнïемъ ярящïеся изувѣры; но по краткомъ удивленïи съ вящшею свирѣпостïю приступаютъ, и подсѣченïемъ столбовъ опровергаютъ сѣни. Падаетъ зданïе, и низверженïе отца и сына убиваетъ. Погребенныя развалинами ихъ тѣла куда послѣ дѣвались, и кѣмъ и гдѣ схоронены, Писатели предали молчанïю. Тако Варягъ и сынъ его прïяли отъ невѣрнаго Владимïра мученическую смерть и вѣнецъ пострадавшихъ за Христа страстотерпцевъ. Блажени они въ царствïи Христовомъ! Но коль гнусно предъ Богомъ и наказанïя Его достойно суевѣрïе, погубляющее родъ человѣческïй во мнѣнïи служити Богу, того безъ ужаса изрещи не можно. Любомудрïе съ отвращенïемъ воспоминаетъ, колико идолопоклонное заблужденïе невинныя пролило Христïанскïя крови; оножъ съ большимъ еще презрѣнïемъ чудится, считая, колико пастыри человѣколюбиваго ученïя Христова, идолопоклонной жестокости подражая, убïенïемъ невѣрныхъ дерзали раздражать благоутробïе Господне.

ГЛАВА V.

Воинскïе подвиги Владимïровы до начала разсмотрѣнïя вѣръ.

§ 20.

Владимïръ, провождая по семъ въ умѣренномъ любострастïи дни, не презиралъ однакожъ и природнаго честолюбïя. Желанïе новыхъ завоеванïй иногда господствовало въ немъ и надъ самымъ любовнымъ вожделѣнïемъ. Война на Радимичи, побѣда Воеводы, Волчей хвостъ зовомаго.

Кто сїи Радимичи? лѣта 984.

Радимичи, народъ Славянскїй отъ рода Ляховъ, жившїй прежде на рѣкѣ Сожѣ, впадающей между Смоленска и Кїева въ Днѣпръ выше Десны рѣки, а потомъ внизъ по Днѣпру на рѣку Пещану, ниже Переяславля преселившїйся (*), былъ похода его предметомъ. Противъ его пошелъ онъ съ великимъ воинствомъ, и въ передовомъ полку послалъ передъ собою единаго изъ храбрѣйшихъ своихъ полководцевъ, Волчїй Хвостъ зовомаго. Сей, не дошедъ до рѣки Пещаны, по жестокомъ при ней сраженїи, народъ сей побѣдилъ, и число данниковъ Россїи прїумножилъ. Видно, что знаменита была вождя сего побѣда; ибо и во время Несторово укоряли еще Радимичей пословицею: „Пещаницы Волчья хвоста бѣгаютъ.„ Съ сего времени, говоритъ тотъ же въ лѣтописи своей Несторъ, состоятъ они постоянно подъ властїю Князей Рускихъ, и подати всякїя безпрекословно платятъ. По толь великомъ и щастливомъ прїобрѣтенїи, оставалось еще

Несторъ, стр. 72.

Война на Болгаръ и Сербовъ. Лѣта 6493 985.

(*) Радимичи, по свидѣтельству Нестора, былъ народъ жестокїй, какъ до Владимїра, такъ и при семъ еще Великомъ Князѣ. Татищевъ мнитъ, кн. II. прим. No 170, что они выходцы изъ малой Польши отъ града Озома, что кажется сходнѣе съ истинною, нежели то, какъ прочїе производятъ его отъ нѣкоего Радима. Несторъ, видно, что по переселенїи уже ихъ съ жизни полагаетъ на рѣкѣ Пещанѣ, текущей въ Литвѣ въ Березу или на Днѣпрѣ ниже Переяславля, гдѣ было мѣстечко, Пещано именуемое; ибо заподлинно опредѣлить не можно, гдѣ находилась сїя Пещана. Звѣроподобные нравы сего народа описалъ я во 2й Книгѣ повѣст. моего, на что и ссылаюсь.

честолюбію Владимірову покореніе Болгаръ и Сербовъ, по Днѣпру и Дунаю обитавшихъ. Но какъ народы сіи и бранны и сильны сами по себѣ были, то призвалъ онъ съ Новоградскими войсками дядю своего Добрыню, и соединясь, пошелъ самъ въ ладіяхъ Днѣпромъ, а конницѣ своей, состоящей изъ Руских, Торковъ, Волынянъ и Червлянъ, повелѣлъ итти сухимъ путемъ прямо въ землю Болгарскую, и предварительно объявить сему народу многія его нарушенія прежнихъ отца его и брата договоровъ и причиненныя подданнымъ его обиды въ отправленіи торговъ, а при томъ и требовать удовлетворенія. Болгары, напоминовенію сему не внемля, соединились съ Сербы, и великую силу противу силы Рускія предпоставили. Конные Владиміровы полководцы, узрѣвъ нечаянное противъ себя ополченіе, въ воинскомъ совѣтѣ разсудили за благо, не вступая въ ненадежный бой, обождать пѣхоты, и съ тѣмъ къ Великому Князю гонца отправили. Владиміръ не умедлилъ соединиться съ своими и наступилъ на супротивныхъ. Бой начинается всадниками подъ его личнымъ предводительствомъ; а Добрыня, съ легковооруженною пѣхотою составляя средину браннаго чела, мужественно противъ вражескихъ ополчался копейщиковъ. Жестокое съ обѣихъ сторонъ кровопролитіе долго продолжалось; но никакое противоборство щастію Владимірову и храбрости Руссовъ равняться не могло. Побѣда, вездѣ съ нимъ неразлучная, не измѣнила и при семъ случаѣ, покрыла ихъ лаврами и супостатъ въ бѣгство обратила. Не укоснилъ побѣдитель преслѣдовать бѣгущихъ, Несторъ.

и единымъ симъ ударомъ поплѣнилъ землю Болгарскую, наказалъ возложенiемъ дани Сербовъ, и потомъ безсмертною славою увѣнчанный и множествомъ корыстей обогащенный, и войско свое разоренiемъ Болгаръ избыточественно наградивъ, далъ Болгарамъ, по прошенiю ихъ, миръ, и самъ въ Кiевъ возвратился. Несторъ. О сей надъ Болгары побѣдѣ не одни токмо Руские дѣеписатели, но и самые завидящiе славѣ нашей Поляки громогласною трубою потомству возвѣщаютъ. Удивително бы могло показаться, что по таковой побѣдѣ, безъ крайняго Болгаръ покоренiя, окончалъ войну Владимiръ, естьли бы не объявилъ Несторъ вѣроятныя тому причины. Онъ говоритъ, что Добрыня, дядя Великаго Князя, далъ ему послѣ реченнаго боя слѣдующiй совѣтъ: „Осматривалъ я плѣнныхъ, и всѣхъ ихъ нашелъ въ „сапогахъ обутыхъ; слѣдовательно не станутъ они давать даней; пойдемъ лучше искать покоренiя лапотниковъ.„ Сего ради постановленъ миръ, и Болгары клятвенно обѣщались содержать его вѣчно, такъ говоря: „Тогда „прервется между нами, когда камень по водѣ „плавать, а хмѣль на дно грязнуть будетъ.„ Такъ храбрыя предковъ нашихъ дѣянiя будущее величество Россiи устроевали, и устроенiе ихъ, при многихъ злоключенiяхъ на твердомъ оставаясь основанiи, учинило и доднесь отечество наше могущимъ, страшнымъ и непреоборимымъ.

ГЛАВА VI.

Разсмотренїе вѣръ до крещенїя Владимірова.

§ 21.

Во всѣхъ подвигахъ споспѣшествующій Владиміру превѣчный Богъ, показавъ ему величество Своего всемогущества, недовѣдомымъ образомъ поселилъ въ сердцѣ его любопытство къ разсмотрѣнію существующихъ на лицѣ всея земли вѣръ. Слава его государствованія, повсюду разпространившаяся, и цвѣтущая въ Кіевѣ торговля, совокупно съ политическими его учрежденіями, привлекали въ горделивую его столицу чужестранцовъ разнонародныхъ и разновѣрныхъ; а сіе, по свидѣтельству Писателей, и было первымъ подвигомъ къ изслѣдованію сего, которая изъ всѣхъ болѣ съ истинною сходствуетъ. Идолопоклонство стало между тѣмъ являться ему крайнимъ рода человѣческаго заблужденіемъ, и паче милосердому сердца его расположенію противнымъ. Жестокость идоложертвенная боролась въ немъ съ человѣколюбіемъ, Христіанскимъ воспитаніемъ бабки его, блаженныя Ольги, въ него вліяннымъ. Сія можетъ быть повсечасная борьба стала наконецъ благоуспѣшнымъ слѣдствіемъ и его и всея Россіи блаженства. Мы предположимъ бытіе сіе точно такъ, какъ преподобный Несторъ и съ него списатели намъ преподали; однакожь разберемъ въ сказаніи его явныя прекословія, и потщимся объяснить оныя здраваго разсудка догадками. Несторъ начинаетъ вѣщаніе свое безъ всякаго предувѣ-

Послы отъ Болгаръ Волжскихъ съ предложеніемъ вѣры Магометанской. Лѣта $\frac{6496}{986}$. Несторъ. Никоновъ лѣт. ст. кн. гл. 22.

домленія тако: „Пришли Болгары (*) вѣры „Магометанскія, глаголюще Владиміру: ты „еси Князь мудрый и смысленный, но не „знаешь закона (**); вѣруй въ законъ нашъ и

(*) Болгары сіи жили, какъ уже и выше объявлено, внизу по Волгѣ къ Хвалынскому морю, и въ странѣ, нынѣ Кавказскимъ Намѣстничествомъ называемой. Народъ сей и Бохмичами Несторомъ называется по Бахмутѣ, какъ Магомелъ у нихъ назывался; но правильнѣе Воложскими Болгарами почитался. Онъ самый тотъ, о которомъ говорили мы выше, что онъ, имѣя съ Персіею и даже на Востокъ до Индіи торговлю, былъ уже во время Владимірово въ законѣ Магометанскомъ, отъ Персіи къ нимъ принесенномъ. Нынѣшніе Чуваши принадлежали къ сему народу. Боградъ, знатнѣйшій и многолюднѣйшій столичный ихъ градъ, лежавшій за рѣкою Камою на лѣвой сторонѣ Волги, въ 7 верстахъ отъ оныя, былъ гнѣздомъ знаменитыя торговли. Отъ сего нѣсколько уже нравственнаго народа часто бывали въ Кіевѣ и въ другихъ Рускихъ городахъ купцы, и мѣну товаровъ производили. Индія и Персія продавали имъ множество таковыхъ вещей, какихъ въ Кіевѣ быть ни откуда не могло; но что они изъ Кіева въ обмѣнъ получали, догадаться не возможно; ибо сами они и медомъ и воскомъ и рухлядью, по положенію мѣстъ обитанія ихъ, преизобиловать могли.

(**) Приличпно ли такое дерзновеніе чужеземцамъ? Положимъ, что они и свободный по торговлѣ своей имѣли къ Великому Князю входъ, и милостиво приниманы были; но сходно ли съ разумомъ, чтобъ они осмѣлились не вопрошенные предлагать свою вѣру, въ предосужденіе вѣры господствующія, такому

„поклонися Магомеду.„ Владимiръ вопросилъ ихъ:„ како вѣруете? „ Они же сказали въ отвѣтъ: „мы вѣруемъ единому Богу и посланнику его „Магомеду, которой учитъ насъ обрѣзанiю и „воздержанiю отъ вина и отъ яденiя свинины. „Во мзду сего разрѣшаетъ всяческое при многоженiи и наложницъ содержанiе; а что паче, „обѣщаетъ намъ и въ будущей жизни дать „каждому по 70 женъ красныхъ на ложѣ его, „и всѣхъ красоту соберетъ и помѣститъ въ „жену едину, и та будетъ ему первѣйшая.„ По выслушанiи устава о многоженiи и обѣщаннаго по смерти чувствъ услажденiя, лестнымъ ученiе Магометово любострастному Владимiру показалось; но обрѣзанiе и запрещенiе мясъ свиныхъ и напитковъ крѣпкихъ произвело отвращенiе. Сего ради отпустилъ тщепрелестниковъ, сказавъ имъ: „не удобь сносно „есть Россiянамъ, въ Сѣверныхъ странахъ „живущимъ, отщетиться вина, здравiю и ве„селiю ихъ нужнаго, и не должно лишать „человѣка удовольствiя уменьшенiемъ свиныхъ „мясъ, когда вкусъ прiятность въ нихъ на-

Государю, которой народно приверженность свою къ ней свидѣтельствовалъ? Однакожь они, по сказанiю Нестора, Никона Ист. кн., первые представъ Владимiру, отважились несмысленно порочить его вѣру. Такой безумный поступокъ не можетъ быть извиненъ ни узломъ торговаго договора, ни союзомъ дружества между обѣими Государствами, ниже снизходительнымъ отъ Владимiра обращенiемъ въ шутку и глумленiе; ибо со стороны Великаго Князя такого безразсуднаго соотвѣтствiя воображать разумъ запрещаетъ.

„ходитъ.„ Се первое къ отвращенїю Владимїра искушенїе!

§ 22.

Приходятъ западные отъ Папы проповѣдники.

По отпускѣ безъ успѣха Болгаръ, пришли, по сказанїю дѣеписателей, Послы отъ Папы со внушенїемъ Западнаго Христїанскаго ученїя (*).

(*) Сїе сказанїе столь же вѣроятно, какъ и первое о Болгарахъ по тому 1 е, что хотя церковь Западная и не была еще соборнымъ дѣянїемъ съ Восточною раздѣлена; однакожъ великїя уже несогласїя и распри между духовенствомъ и паче между начальниками сихъ исповѣданїй произходили; 2 е, не льзя было Папѣ не знать бытїя блаженныя Ольги въ Царѣградѣ и ея крещенїя; слѣдовательно и не льзя было ему не думать, что естьли Владимїръ восхотѣлъ бы приняшь вѣру Христїанскую, то приметъ онъ отъ Грекъ и по сосѣдству и по примѣру бабки своея; 3 е, но положимъ, что и были въ Кїевѣ Католики, то по крайней мѣрѣ не Послы Папскїе, а черноризцы, странствующїе подъ именемъ Миссїонеровъ по всему свѣту, и какими, по свидѣтельству Флерїева церковнаго повѣствованїя, вся Европа тогда усыпана была; 4 е, но и сїи сколько пустосвятствомъ къ небреженїю всяческой благопристойности ни водимы, началибъ проповѣдь свою не съ самодержавнаго Князя, а съ народа, дерзко въ немъ сѣмена Евангелїя разсѣвая, доколѣ узниками не предспавились бы Государю, какъ то обыкновенно съ ними повсюду случается; и естьли по вышереченному были они не Послы Папскїе, какъ то и несомнѣнно, то кто же бы дерзнулъ сихъ бродягъ въ иномъ видѣ, какъ развѣ въ невольничьемъ, яко злопреступниковъ, представить Государю? И такъ заключаю я: 1 е, что посланїя отъ Папы не было; а 2 е, что

Вскорѣ, вѣщають они, пришли Нѣмцы изъ Рима, и рекли Владиміру: „Послалъ насъ къ „тебѣ Папа, глава церкви Христіанскія, и по„велѣлъ говорить предъ тобою душеспаси„тельныя словеса. Народъ твой честенъ и „благоразуменъ, и ты Государь великій и „премудрый. Удивительно, что просвѣщен„ными народами окруженный, вѣришь ты „еще доселѣ и покланяешься идоламъ, руками „вашими сотворенным. Какъ можете просить „ихъ помощи, когда они сами безпомощны „суть, когда существо ихъ отъ велѣнія тво„его зависитъ? Речешь слово — и сокрушатся „боги. Напротивъ того наша вѣра есть свя„тая, божественная. Мы вѣруемъ во единаго „Бога, превѣчнаго Творца небу и земли, и во „единаго Господа Іисуса Христа, Сына Его „единороднаго, и въ Духа Святаго, отъ Отца „и Сына исходящаго. Сей нераздѣльной Трои„цѣ вѣруемъ, Ей покланяемся, и чаемъ вос„кресенія мертвымъ.„ Владиміръ, какъ будто бы ни малѣйшаго о томъ не имѣлъ понятія и никогда Христіанъ не видывалъ, вопросилъ ихъ: какія вѣры вашея уставы? На что съ несмысленною горделивостію отвѣтствовали Послы: „Постъ, воздержаніе, молитва,

Тат. кн. II. стр. 84, въ послѣдствіи Нестору. лѣта 986.

сказаніе сіе не только не вѣроятно, но и противно и обстоятельствамъ и разсудку: слѣдственно, какъ сіе бытіе вымышленно, такъ и прочее обращеніе и испытаніе вѣръ неправедно, и сказаніе Несторово объ немъ долженствуетъ произойти изъ другаго источника, а не историческаго, какъ-то мы въ вѣроятнѣйшихъ догадкахъ въ самомъ повѣствованіи нашемъ объяснить потщимся.

„отчужденіе земныхъ и взысканіе благъ не-„бесныхъ, суть правила ея; а притомъ пер-„вѣйшая добродѣтель есть милостыня и по-„слушаніе церкви.„ Выслушавъ ученіе ихъ, Князь Владиміръ съ таковымъ отвѣтомъ отослалъ ихъ къ Папѣ: „идите къ пославшему „васъ, и скажите, что никто изъ предковъ на-„шихъ не принялъ ученія вашего, и мы не „примемъ.„ Кто не видитъ изъ сего краткаго Папистамъ отвѣта, всѣми дѣеписателями нашими единогласно объявленнаго, что Владиміръ имѣлъ познаніе вѣры Христіанскія? и кто по тому можетъ съ разсужденіемъ признать надобность Пословъ оныхъ? Къ чему было заниматься ему слушаніемъ отъ чужестранцовъ того, что стократно отъ множества своихъ Христіанъ, особливо отъ бабки своей, слышать онъ могъ, и конечно слышалъ, разумѣлъ и зналъ?

§ 23.

Пришествіе Жидовъ съ подобнымъ прельщеніемъ. Лѣта 986.

Вскорѣ по отшествіи Нѣмцовъ являются, по сказанію тѣхъ же лѣтописей нашихъ, Жиды. Священный Дѣеписатель нашъ Несторъ приводитъ ихъ предъ Владиміра, естьли не для вящшаго уваженія единожды предположеннаго имъ напраснаго испытанія, то не обинуясь сказать можно, что въ противность здравому разсужденію; ибо не льзя ему было не вѣдать, что самое древнее Еврейское обыкновеніе не дозволяло Евреямъ посылать проповѣдниковъ во языки, и во всегдашнія времена довольствовались они тайными обольщеніями развращать иновѣрцовъ по одиначкѣ, и преклонять ихъ къ вѣрѣ разными ухищреніями.

При томъ и того не можно было повѣствователю не вѣдать, что Жиды жили тогда въ Херсонесѣ, между Козарами, народомъ съ Русью не только не согласнымъ, но и во всегдашней враждѣ пребывавшимъ. Однакожь на всѣ таковыя прекословія не взирая, предстали, по сказанію его, Жиды предъ Великаго Князя, и сими словами долготерпѣніе его искушали: „Слышали мы, Государь, что при„ходили къ тебѣ Магометане, проповѣдующе „вѣры своея ученіе, и Христіане, вѣрующіе „въ того Бога, котораго праотцы наши на „крестѣ распяли. Мы о послѣднихъ и раз„глагольствовать не хотимъ; ибо какой тотъ „Богъ, которой поносно умертвить себя до„зволилъ? А первые суть недостойныя и паче „безумныя изчадія закона Авраамова, закона „нашего истиннаго и препохвальнаго. Мы „вѣруемъ единому Богу, безначальному и без„конечному, Творцу всего видимаго и невиди„маго естества и всѣхъ существующихъ тва„рей; Его единаго чтимъ, и Ему единому, „яко превѣчному Отцу рода человѣческаго, по„кланяемся. По завѣту Моисея, Посланника „Божія, пріемлемъ обрѣзаніе, свиныхъ мясъ „и нечистыхъ животныхъ не вкушаемъ, почи„таемъ и святимъ день субботный.„ Довольно было одного гнуснаго обрѣзанія для отгнанія Жидовъ; но Владиміръ еще воздержался и, кажется, съ насмѣшкою вопросилъ, какъ будто бы извѣстнаго цѣлому свѣту разсѣянія ихъ не зная: „гдѣ есть земля ваша, и кто царствуетъ надъ вами?„ Жиды съ прискорбіемъ на то отвѣтствовали: „во Іерусалимѣ „отечество наше; но Богъ, грѣхами прароди-

„шелей нашихъ раздраженный, предалъ землю нашу Христіанамъ и насъ расточивъ „по лицу вселенныя, подвергъ иноплеменной „власти.„ Тогда Владиміръ съ негодованіемъ рекъ: „Когда вы отвержены отъ Бога и по „чужимъ землямъ разсыпаны, то видно, что „и законъ вашъ и вы ему противны; какъ же „смѣете иныхъ къ подобному привлекать зло„щастію? или хотите и насъ соучастниками „учинить и преступленія и наказанія вашего? „Идите отъ меня, окаянніи! и не дерзайте „болѣе возмущать нашего спокойствія.„ Со гнѣвомъ изгналъ ихъ Владиміръ. Кому не явно изъ сего, что какія бы разставки между сихъ вступленій Писатели ни полагали, въ единомъ и томъ же годѣ безъ пріуготовленія быть онѣ не могутъ; а слѣдующее, по сказанію ихъ, посольство и вовсе не привмѣстно.

§ 24.

Пришествіе отъ Грекъ нѣкоего Любомудрца. Несторъ тогожъ лѣта 986; стр. 64 и далѣе.

По семъ, повѣствуютъ писцы наши, пришелъ присланный отъ Царей Греческихъ любомудрецъ нѣкій, именемъ Киръ, и представленъ Великому Князю, для изобличенія заблужденій прочихъ Посланниковъ и преклоненія Владиміра къ исповѣданію церкви Восточной. Прежде вступленія сего любомудрца, необходимо должно примѣтить, что Киръ не есть имя звательное, но нарицательное, относящееся ко всѣмъ Патріархамъ и Епископамъ, и на Рускомъ языкѣ значитъ ничто болѣе, какъ *господинъ*. Изъ сего я заключаю, что естьлибъ подлинно былъ насланъ изъ Царяграда Посолъ, то бы Писатели наши конечно имени его въ молчаніи не оставили;

чего однакожь не нахожу. Представленный, продолжают Писатели, исполнен красноречія и дара Божественныя благодати, тако рек: „Дошло до нас, Государь, что приходили к тебѣ Магометане, учаще принять „их вѣру; блюдися, да не в горшее падешь „злоключеніе. Вѣра их противна Богу, скверна „и гнусна пред человѣки. Прокляты они „благочестіем на земли, и казнь на небесѣх „им предуготовлена. Скоро пріидет Все„вышній судити землю, и погибнут тогда „всѣ дѣлающіе беззаконіе, от них же пер„вые суть Магометане, творящіе всякую „скверну и Магомета пророком чтущіе.„ Внимая сему, плюнул Владимір и рек: „скверны они и дѣла их нечисты суть.„ Тогда продолжал Мудрец: „Еще слышали „мы, что были у вас Жиды с своим уче„ніем. Изверги сіи порицают нас, что вѣ„руем в распятаго ими Сына Божія. Под„линно, Государь, в Него вѣруем, по про„рочеству богодухновенных мужей и по мно„жеству бывших от Него чудес. Вѣруем, „и вѣры нашея не стыдимся. Вѣруем мы, и „бывшіе у вас Папскіе посланники, с нѣ„которым небольшим измѣненіем, с нами „вѣруют. Но о сем между нами разнствіи „не удобь теперь глаголати; не понятно бо „тебѣ покажется прежде познанія превѣчнаго „Сына Божія, ненавистію Жидов на крестѣ „распятаго, умерша, погребенна и в третій „день воскресшаго, явившагося ученикам Его „и вознесшагося на небеса, и сѣдшаго одесную „Бога Отца своего.„ Владимір, почудясь сему, пресѣк его рѣчь, прося, да и удоволь-

ствуетъ его любопытство: „коея ради при-
„чины снизшелъ Богъ на землю, какъ вопло-
„тился, и для чего таковую пріялъ страсть?„
Мудрецъ отвѣчалъ ему, глаголя: „Естьли
„благоугодно тебѣ, повѣдаю по порядку. Пре-
„ступленіе созданнаго въ началѣ міра пер-
„ваго человѣка было снизшествія Его виною.
„Истинные слуги Божіи, за нѣсколько до при-
„шествія Его столѣтій, возвѣстили намъ, что
„пріидетъ прежде вѣкъ рожденный Сынъ Бо-
„жій въ міръ, воплотиться въ немъ, и на
„крестѣ спасетъ падшій родъ человѣческій; а
„не удобь постижимыя чудеса увѣрили насъ,
„что воплотился Онъ отъ пречистыя и не-
„искусомужныя Дѣвы; былъ плоть, человѣку
„подобная, и умеръ на крестѣ, яко человѣкъ
„тѣлесный; но воскресъ, яко побѣдитель
„смерти, и сокрушивъ вереи адскія, даровалъ
„намъ воскресеніе и жизнь вѣчную. По тако-
„вой побѣдѣ еще былъ зримъ на землѣ и воз-
„несся паки на небеса со славою. Сего пре-
„вѣчнаго небесныхъ круговъ и нашего земнаго
„шара Зиждителя, сего всемогущаго Творца,
„создавшаго солнце и луну, и всѣмъ небеснымъ
„свѣтиламъ коловратное вращеніе опредѣлив-
„шаго и на водахъ землю повѣсившаго, по-
„вѣсили на древѣ крестномъ Жиды окаянные.
„Но горе имъ, когда простершаго жизненный
„воздухъ и плодоносными рѣками землю на-
„поившаго простерли на крестѣ и, желчію на-
„поивъ, умертвили! Горше имъ будетъ, когда
„страшное Его пришествіе гласомъ Ангельскія
„трубы позоветъ всѣхъ человѣковъ на судъ не-
„лицепріемный, гдѣ каждой вѣрѣ приверженный
„отчетъ дѣламъ своимъ воздати долженъ;

,,на ужасный судъ, изображенный на сей хартіи.,, При семъ показалъ мудрецъ и начертаніе будущаго суда Божія, гдѣ лики праведныхъ одесную стоящіе, а беззаконные грѣшники ошуюю во огнь ввергаемые, живописнымъ искуствомъ представленные, изображались, и тако продолжалъ: ,,Зри, Князь! тако смерть Іисуса воздается окаяннымъ Его убійцамъ, и тако возрадуются праведніи о Господѣ; зри на семъ же свиткѣ изображеннаго Сына Божія. Се сѣдитъ Онъ на Херувимѣхъ; и все естество подъ ногу Его; трепещутъ небеса; Ему служатъ Ангели. Его велѣнію повинуются стихіи; по волѣ Его сіяютъ солнце, луна и звѣзды; измѣняются погоды, производятъ дождь и сушу, ведро и росу, снѣги и мразы; громы и молніи, съ ужасными землетрясеніи, гнѣвъ Его возвѣщаютъ земнороднымъ. Въ сего сколько милосердаго и человѣколюбиваго Бога, столько праведнаго и нелицепріемнаго Судію мы вѣруемъ, Его почитаемъ и покланяемся Ему. Онъ благоволилъ нѣкогда о народѣ Еврейскомъ, посылалъ къ нимъ учителей и проповѣдниковъ, да возвѣстятъ имъ покаяніе; но жестоковыйные иныхъ изгнаніемъ, другихъ мученіемъ и смертію наградили. Іерусалимъ, стольный отечества ихъ градъ, сѣдалище духовнаго ихъ правленія, свидѣтелемъ былъ не удобь сказуемымъ чудесамъ Христовымъ, Его вольной страсти, смерти и воскресенію; свидѣтельствуетъ нынѣ злопреступленіе и ожесточенное ихъ нераскаяніе; свидѣтельствуетъ и праведное Божіе наказаніе, прореченное ему Христомъ Спасителемъ, яко камень на камени едва въ немъ останется, и языки пепели-

щемъ его обладаютъ. Римляне, тогда въ идолопоклонствѣ еще бывшіе, и великій сей градъ и всю Палестину, то есть всю область Іудейскую разоривъ до основанія, расточили и всѣхъ жителей по пространству вселенныя. Нѣтъ у нихъ нынѣ земли собственныя, нѣтъ и прибѣжища несомнительнаго, ниже покровительства надежнаго. Разсѣянные и жаломъ адскія зависти угрызаемые съ ужасомъ чудятся утвержденію нашея вѣры, по воскресеніи Христовомъ не сильными полками оруженосцевъ, но двадесятью бѣдныхъ, изъ рыбачьихъ хижинъ изшедшихъ, Его учениковъ разсѣянной и повсюду благочестивыми Государями содержимой.„ — По выслушаніи сего и по разсмотрѣніи хартіи, ужаснувшійся величества Божія и страшнаго суда Его, Владиміръ рекъ съ воздыханіемъ: „Благо стоящимъ одесную и веліе зло ошуюю отлученнымъ!„ Изъ сего чувствительнаго изреченія видно уже Владимірово къ Грековосточной вѣрѣ наклонное расположеніе, которое и подкрѣпилъ онъ, одаривъ великими дарами и многою почтивъ честію краснорѣчиваго мудреца при отпускѣ.

§ 25.

Посланіе бояръ для обозрѣнія вѣръ въ чужіе краи. Лѣта 6495 / 987.

По такомъ испытаніи и паче по удостовѣренію послѣдняго проповѣдника, казалось бы, что остается токмо Владиміру воспріять рѣшительное токмо намѣреніе креститься, и по убѣжденію и по примѣру бабки его, вступить въ сословіе Христіанъ Грековосточнаго исповѣданія; но видно, что нѣкоторое еще побужденіе принудило преподобнаго Нестора присовокупить къ тому сказаніе о Послахъ въ

чужїе краи, для вящшаго вѣрЪ на мѣстѣ испытанія. Сего ради сказуетЪ онЪ, что по нѣкоемЪ времени собравЪ Великїй Князь совѣтЪ изЪ ВельможЪ и старшинЪ КїевскихЪ, обЪявилЪ о бывыхЪ у него посольствахЪ сЪ предложенїемЪ вѣрЪ различныхЪ (*). Совѣтники говорили ему на то: „Ты вѣдаешь, Государь, что всѣ люди свою вѣру другимЪ предпочитаютЪ; хвалятЪ иногда свое заблужденїе, презирая другихЪ истинну, и понося чуждыя вѣры, тщатся свою прославить и вознесть. ЗаочноежЪ обЪ нихЪ сужденїе есть удаленїе отЪ правды. Благоразумїе велитЪ намЪ обозрѣть, испытать каждую на своемЪ мѣстѣ. Ты имѣешь у себя мужей честныхЪ и смысленныхЪ; избери и пошли ихЪ во всѣ тѣ мѣста, откуда посланные были проповѣдники, да каждаго изЪ сихЪ народовЪ законЪ

(*) КакЪ можно принять вѣроятнымЪ сїе сказанїе? Естьли были Послы, то какЪ бы не знать о томЪ и о ихЪ предложенїяхЪ Княжескому совѣту; ибо и допущены они предЪ Великаго Князя безЪ присутствїя обыкновеннаго его совѣта быть не могли, да и непристойно. При томЪ сколькимЪ вЪ совѣтѣ его мужамЪ Христїанскїя вѣры быть надлежало, то непрекословными доводами еще при предкахЪ ВладимїровыхЪ доказали; а гоненїя на нихЪ, ниже изЪ чиновЪ изключенїя при немЪ не обрѣтаемЪ: то какЪ же бы не возпользовались наклоненїемЪ Владимїра кЪ ихЪ благочестїю, и еще бы стали сЪ идолопоклонниками совѣтовать ему посылать Послы, особливо вЪ ЦарьградЪ, гдѣ они, естьли не каждый, то многїе бывали и конечно тамошнее Богослуженїе видали.

они испытаютъ, разсмотрятъ и увидятъ ихъ Богослуженіе.„ Угоденъ былъ совѣтъ Владиміру. Выбраны десять мужей знаменитыхъ, и сходственно времени тому, поелику возможно, ученыхъ. Посланы они съ повелѣніемъ, чтобъ шли прежде къ Болгарамъ, потомъ въ Римъ и оттуда въ Царьградъ (*) для вышереченнаго примѣчанія. Одни Жиды изключены были, яко недостойные ихъ посѣщенія. Во внѣшнихъ Писателяхъ не обрѣтаю я сего посланія, котораго, особливо въ Римъ, церковные Западнаго исповѣданія повѣствователи огласить бы не преминули (**). Наконецъ, по сказанію тогожъ Нестора и подъ тѣмъ же лѣтомъ, возвратились Послы, яко купцы, великими отъ торговли прибытками, тако дарованіемъ Святаго Духа обогащенные. Владиміръ собираетъ паки Бояръ и старцовъ своихъ, повелѣваетъ предстать возвратившимся, глаголя: „рцыте предъ дружиною, что видѣли.„ Онижъ

(*) Сіе посольство и паче вѣроятіе наше отъ всего сказанія отвращаетъ. Путешествіе, ему предписанное, должно бы продолжиться весьма долгое время, въ разсужденіи дальности пути и нужнаго на испытаніе времени; а они тогожъ года въ Кіевъ возвратились, что едва ли возможно было учинить отъ однихъ Болгаръ, жившихъ внизу Волги, откуда еще долженствовали итти чрезъ всю землю Новоградскую, Ливонію, Пруссію и всю Германію въ Римъ, а оттуда уже въ Византію, или тѣмъ же путемъ и чрезъ Польшу, или морями около Архипелага.

(**) Не то ли же самое великолѣпіе и въ Римскихъ церквахъ и особливо въ служеніе Папы видѣть можно?

отвѣтствовали: „По твоему, Государь, велѣнiю были мы у Болгаръ Заволжскихъ, и видѣли Богослуженiе ихъ скучное, слышали и ученiе, съ разумомъ несогласное. Молитву дѣютъ они въ пустой и ничѣмъ не украшенной божницѣ, мечетью нарицаемой. Тамо собравшись, садятся безчинно на помостъ, и неистово туда и сюда очи вращая, бормочутъ не внятно нѣкiе изъ законника ихъ стихи. Гнусна ихъ вѣра, и служба не приводитъ ни сердца въ восхищенiе, ни мысли въ умиленiе. Были потомъ въ Римѣ, и хотя нашли образъ службы уставнѣе, но ни велелѣпiя въ Богослуженiи, ни украшенiя храмовъ, подобно Грекамъ, не обрѣли. Когдажъ пришли въ Царьградъ, и повелѣнiемъ Царей введены были во храмъ Софiйскiй, во славу Божiей Премудрости созданный, тогда всѣ чувства и сердце и умъ нашъ внезапнымъ восторгомъ плѣнились. Мы чаяли тогда быть на небеса восхищенными. Неисповѣдимое величество узрѣли мы въ украшенiяхъ великолѣпныхъ, въ утваряхъ златыхъ, во одеждѣ лика церковнаго драгоцѣнной, въ куренiи благовонномъ, въ свѣтѣ множества свѣщей возженныхъ (*). Прельщенные при томъ благоговѣйною ихъ молитвою и пѣнiемъ согласнымъ, мнили мы пренесены

(*) Флери въ Церковной Исторiи, Томъ VIII. Кн. I. гл. VII, пишетъ о крещенiи Владимiровомъ; то какъ бы по честолюбiю церкви Западной оставилъ онъ безъ объявленiя о семъ посольствѣ? Да и Визан. Писатели не оставилибъ безъ примѣчанiя тако достопамятнаго у нихъ бытiя.

быть въ селенія небесныя, и нѣкоторою Божественною силою поставленные, предстоимъ пресвѣтлому престолу Божію, и Ангельскимъ наслаждаемся сладкогласіемъ. Въ таковомъ пріятномъ забвеніи дѣйствительно казалось намъ, что Богъ со человѣки тамо пребываетъ. Таковаго, Государь, насладясь мы свѣта, не можемъ болѣе въ здѣшней быти тьмѣ. Просимъ тебя или принять Греками исповѣдуемый Божественный законъ, или дозволить намъ возвратиться въ Грецію. . . . ,, Сіе выслушавъ, Бояры и старцы Кіевскіе возопили: ,, Княже! егда бы законъ Греческій таковъ не былъ, какъ они повѣдаютъ, не приняла бы его бабка твоя, Великая Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ женъ и человѣковъ.,, — ,,Но гдѣжъ пріимемъ мы крещеніе? ,, вопросилъ ихъ Владиміръ. ,,Гдѣ тебѣ, Государь, угодно! ,, отвѣщали всѣ единогласно.

ГЛАВА VII.

Разсужденіе о выше предложенномъ.

§ 26.

Объясненіе вышепредложеннаго сказанія, и обращеніе его въ бытіе несомнѣнное. Лѣта 987.

Прекословія толь явныя, въ предложенномъ сказаніи мнѣ встрѣтившіяся, и самое бытіе съ разумомъ несогласное, какъ показалъ я въ краткихъ примѣчаніяхъ, долго содержали меня въ нерѣшимости, включать ли его въ повѣствованіе мое и достойно ли такое невѣроятное преданіе оставлено быть просвѣщенному потомству. Съ одной стороны здравый разсудокъ совѣтовалъ, не касаясь его, продолжать свѣтлыя дѣянія, съ большею вѣроятностію

въ лѣтописяхъ нашихъ предлагаемыя, съ другой важность Несторова сказанія, симъ къ крещенію всея Россіи читателя пріуготовляющая, не дозволила мнѣ промолчать, не взирая, что Іоакимъ, современникъ тому, ничего о испытаніи Владиміромъ вѣръ не упоминаетъ. Въ соображеніи таковомъ ко многимъ прибѣгалъ я разсужденіямъ, которыябъ удобь возможно могли и Нестора оправдать, и самому бытію дать видъ существованія. Порядокъ, которой во всей Несторовой лѣтописи находится, безпрекословно утверждалъ разсужденіе мое, что сочинялъ онъ не изъ словесныхъ сказокъ и ложныхъ отъ народа внушеній, но по какимъ то либо сбереженнымъ въ книгохранилищахъ древнимъ запискамъ, какъ-то предложенные имъ, задолго до него бывшіе, договоры свидѣтельствуютъ. Сіе разсужденіе произвело во мнѣ заключеніе правдоподобное въ слѣдующей, кажется, щастливой догадкѣ. Преподобный Несторъ, перебирая таковыя ветхія бумаги, могъ найти въ нихъ тетради не полныя, и въ нихъ записки сіи со утраченными листами, которыя однакожъ счелъ онъ къ повѣствованію принадлежащими, по причинѣ послѣдующаго крещенія, котораго дѣяніе извлекъ онъ, кажется, изъ сегожъ сокровища; ибо Іоакимъ и о крещеніи несогласно съ нимъ повѣствуетъ. И такъ слѣдуя сему предположенію, дерзаю я вскрыть завѣсу, истинну бытія сего скрывающую, и показать въ несомнѣнныхъ доказательствахъ, что оно ничто иное есть, какъ представленіе театральное. Я предполагаю, что Великій Князь Владиміръ не по склонности, ниже по сує-

вѣрїю къ идолопоклонству привержен былъ; но по единому токмо любострастїю, въ немъ дозволенному, предъ народомъ, въ заблужденїи бывшимъ, казался того древняго заблужденїя покровителемъ. Обширный его умъ, воспитанїемъ блаженныя Ольги, бабки его, съ младенчества къ понятїямъ Христїанскїя вѣры прїобученный, не возбранялъ ему часто бесѣдовать съ Христїанами, и внимать разглагольствїямъ ихъ о ученїи Евангельскомъ. Часто можетъ быть случалось ему о томъ же слышать и отъ женъ и отъ наложницъ Христїанокъ, которыхъ между множества, другихъ великое число предполагать надлежитъ. Изъ устъ прекрасныхъ сколько ласкательство прельщаетъ, столько сильны и убѣжденїя. Повѣствованїе намъ свидѣтельствуетъ, что ни одна почти вѣра, безъ привлеченїя прежде женъ и потомъ безъ прельщенїя отъ нихъ не начиналась. Естьли сїе предположенїе праведно, то слѣдствїе тому будетъ неоспоримо. Хитрая Гречанка, какова изъ прелестнѣйшихъ женъ Владимїровыхъ была мать Святополкова, естьли могла слабость сердца его даже до усыновленїя его сына довесть: то чтожь препятствовало ей, или въ раскаянїе грѣховъ своихъ, или ради прїобрѣтенїя предъ прочими женами предпочтенїя и привлеченїя его къ непрестанному съ нею пребыванїю, удерживать его разными образами въ своихъ чертогахъ, быть изобрѣтательницею разныхъ упражненїй, кои удобны были занимать его праздность? Греки коварны, Владимїръ любострастенъ и влюбленъ въ нее былъ до безконеч-

ности; слѣдовательно могла она вымышлять ему забавы, новостію притягательныя, пріятностію поразительныя каковы суть театральныя представленія. Владиміру, по тогдашнему невѣжеству, были онѣ конечно незнаемы; а ей, яко Гречанкѣ, въ монастырѣ бывшей, весьма извѣстны. Слѣдовательно подражая зрѣлищамъ монастырскимъ, гдѣ содержаніе къ нимъ изъ стараго и новаго завѣта обыкновенно тогда бралося, могла она сочинить убѣдительное Владиміру зрѣлище, и чрезъ рабовъ своихъ представить на театрѣ, украшенія котораго новизною столькожъ поразительны очамъ Великаго Князя были, сколько и самое представленіе. Наблюденное сочинителемъ зрѣлища искуство снесемъ мы съ повѣствованіемъ Несторовымъ, и тѣмъ болѣе утвердимъ, что Писатель сей, или не зная такого рода сочиненій, воспріялъ его за сущее бытіе, или не нашедъ лучшія къ крещенію любострастнаго Государя причины, употребилъ недостаточные изъ сего остатки къ удостовѣренію потомства, что и обращеніе и крещеніе его чудесно происходило.

§ 27.

Преподобный Несторъ начинаетъ испытаніе вѣръ приведеніемъ предъ Великаго Князя Болгаровъ безъ всякаго предваренія; а сіе показуетъ 1 е дѣйствіе театральнаго зрѣлища. Хитрая Гречанка нечаянностію хотѣла поразить зрѣніе Владимірово: начинаетъ вскрытіемъ завѣсы и представляетъ ему въ украшенной любострастною живописью храминѣ

Дѣйствіе 1. Владиміръ I.

сѣдящаго на престолѣ Государя, котораго Несторъ за самого Владимїра выдаетъ. Правила театральнаго сочиненїя требуютъ въ первомъ явленїи открытїя содержанїя цѣлаго зрѣлища, и потому необходимо долженъ былъ сочинитель начать зрѣлище слѣдующимъ по вообраЖенїю моему порядкомъ. По вскрытїи завѣсы видѣнъ былъ сѣдящїй на престолѣ Государь въ сладкомъ восхищенїи, освѣщенную множествомъ лампадъ живопись созерцающїй (*); престолъ его окруженъ Вельможами, ему единовѣрными и купно съ нимъ прелестною живописью восхищенными. Созерцанїе безмолвное прерывается вступленїемъ Пословъ Болгарскихъ. Рѣчь, вложенная въ уста ихъ, открываетъ содержанїе, увѣдомляя зрителей о слѣдующемъ вѣръ испытанїи. Вѣщая о Магометанской вѣрѣ, идолопоклонное осуждаютъ заблужденїе; однакожь любострастное многоженїе и въ настоящемъ и въ будущемъ вѣкѣ предвѣщаютъ. Не противно сѣдящему на престолѣ женолюбцу толь лестное обѣщанїе; но обрѣзанїе и запрещенїе свиныхъ яствъ и питїя хмѣльнаго, яко обыкновенныя въ походахъ древнихъ Героевъ нашихъ пищи и питїя, прїемлется безстудїемъ, и въ смѣхъ какъ вѣру, такъ

(*) О присутствїи Вельможъ Несторъ не упоминаетъ, видно за утраченїемъ нѣсколькихъ строкъ въ запискахъ, или не хотя имъ слѣдовать: тѣмъ сказанїе свое большему подвергаетъ сомнѣнїю; ибо никакой Государь никогда Пословъ безъ присутствїя по крайней мѣрѣ одного, или двухъ Вельможъ, какъ-то нынѣ Канцлера и Виц-Канцлера, къ себѣ не допускаетъ.

и предложенїе Пословъ обращаетъ. Симъ оканчивается первое дѣйствїе.

§ 28.

Болгары посрамленные отходятъ. Театръ несомнѣнно перемѣняется; ибо второе дѣйствїе вступленїемъ Нѣмцовъ, подъ названїемъ Папскихъ Пословъ, начинается. Не можно не примѣтить тутъ искуства сочинителева, какъ онъ противностями характеровъ старался раздражать любопытство зрителей, чтобъ подать мало помалу вкусъ къ Христїанству, и тѣмъ достигнуть до своего намѣренїя. Вводитъ онъ прежде такихъ Христїанъ, которыхъ исповѣданїе яко расколъ признаетъ, и ничѣмъ инымъ, какъ токмо ихъ гордостїю, отвергаетъ, дабы тѣмъ и воспрїятїю Грековосточныя вѣры удобь возможнѣе убѣдить и легчайше преклонить могъ. Странники Римскїе, проповѣдуя Христа, не удивляютъ вѣръ разборщика, но раздражаютъ его властолюбїе возвышенїемъ надъ всѣми владыками земными власти Папскїя; чего ради получаютъ непрїятный отвѣтъ, „что предки нащи никогда ученїя ихъ не принимали, и мы не примемъ.„ Съ симъ они отходятъ, и дѣйствїе второе оканчивается. Дѣйствїе II.

§ 29.

Но для вящшаго впечатлѣнїя истинныхъ понятїй вѣры Христїанскїя, не оставилъ искусный зрѣлища сего сочинитель предложить основанїе оной во вступленїи Жидовъ. Не излишняя осторожность! ибо законъ Еврейскїй, въ Ветхомъ Завѣтѣ предложенный, есть тотъ четвероугольный камень, на которомъ церковь Дѣйствїе III.

Христіанская создана. Пришествіе Жидовъ и ихъ разглагольствіе составляетъ третіе зрѣлища дѣйствіе. Они продолжительнымъ повѣствованіемъ чудесъ, для благоденствія праотцевъ ихъ всемогуществомъ Божіимъ твоpенныхъ, въ недовѣрчивость приводятъ идолопоклонника; пророческими гласами, къ обращенію ихъ на путь истинный употребленными, скучаютъ не понимающему ихъ сказанія, и наконецъ неблагодарностію своею раздражаютъ его долготерпѣніе, а невѣріемъ во Христа, невинно ими распятаго, заслуживаютъ презрѣніе, и яко изгнанные изъ Іерусалима, ихъ отечества, съ уничиженіемъ съ позорища сгоняются. Такъ приготовивъ сердца зрителей къ важнѣйшему нравоученію и къ показанію истинныя своея вѣры, православный Сочинитель открываетъ четвертое дѣйствіе вступленіемъ Посла Царей Греческихъ.

§ 30.

Дѣйствіе IV. Приходитъ Киръ мудрецъ и священный Пастырь церкви Греческія, и кротостію Евангельскаго непорочнаго слова начинаетъ дѣйствіе. Изъ краснорѣчія, вложеннаго въ уста сего проповѣдника, Несторомъ предпочтительно предложеннаго, видно, что сочинитель зрѣлища все свое истощилъ краснорѣчіе. Видно, что оно было и послѣднее средство, чрезъ которое хитрая Гречанка, или къ вѣрѣ своей обратить, или къ себѣ привязать Владиміра хотѣла; ибо ничего уже болѣе къ выполненію зрѣлища, кромѣ развязки, не оставалось. Того ради хотя мудрецъ Греческій тожь самое говорилъ, что и Римскіе странники во второмъ дѣйствіи предла-

гали; однакожъ поколебался внимающій его идолопоклонникъ, что примѣтя, поразилъ его витія внезапнымъ показаніемъ хартіи, страшный судъ изображающей. Новое доказательство дѣйствія театральнаго; ибо сіе показаніе ничто иное есть, какъ то, что въ театральныхъ сочиненіяхъ внезапнымъ пораженіемъ называется; и потому представляющій Князя, въ ужасѣ воздохнувъ, рекъ благо стоящимъ одесную, и горе ошуюю гонимымъ. Потомъ отпустивъ мудреца, совѣтуетъ съ окружными его Вельможи, и по совѣту ихъ посылаетъ Пословъ для обозрѣнія священнодѣйствія и изслѣдованія тѣхъ вѣръ, которыя ему предлагаемы были. Принадлежитъ ли сіе все къ Несторову повѣствованію? Отнюдь нѣтъ. Владиміръ, будучи Государь не меньше самъ мудрый, какъ и мудрецъ Греческій, различія вѣръ сосѣдственныхъ съ нимъ народовъ, съ которыми онъ взаимную имѣлъ торговлю и крайнее сообщеніе, не могъ не вѣдать, и посылать Пословъ для испытанія оныхъ ни малѣйшія не имѣлъ надобности; слѣдовательно безъ размышленія выдаетъ сіе намъ лѣтописецъ за бытіе дѣйствительное. Напротивъ того все сіе необходимо нужно было Сочинителю зрѣлища для развязки его узла и для выигрышу принадлежнаго между IV и V дѣйствія времени. Послы, по сказанію Нестора, возвратились и предстали Владиміру, сѣдящему между Бояръ и старецъ и его дружиною; ибо говоритъ у него Великій Князь: „скажите предъ дружиною„, — и когда они разсказали видѣнное ими, тогда всѣ присутствующіе рекли единогласно:

„естьлибъ законъ Греческій худъ былъ, не приняла бы его мудрая Княгиня Ольга„ — и Владиміръ на принятіе крещенія согласился. Скорое Пословъ возвращеніе и сказуемыя ими въ чужихъ краяхъ виденія, за несколько летъ въ Кіеве уже известныя, какъ и самый ответъ дружины свидетельствуетъ, утверждаютъ всего больше нашу догадку, что сіе все бытіе есть не повествованія истинна, но точное действіе театральное. Правила подобныхъ сочиненій, какъ-то видимъ мы въ Софокле, Эврипиде, Аристофане, Греческихъ пресловутыхъ Стихотворцахъ, существовали еще и въ тогдашнее время и въ употребленіи въ Греціи были. Они требовали при окончаніи зрелища народнаго хора, подобно какъ и ныне таковые хоры при большихъ Италіанскихъ операхъ въ обычае, а потому и сочинитель сего зрелища обязанъ былъ для окончанія пременить театръ въ народную площадь, и предъ народомъ, которой вместо Несторова Совета и дружины представлялъ хоръ, повелелъ возвратившимся Посламъ разсказывать ихъ путешествія, что и словамъ Несторовымъ не противоречитъ, когда онъ сказуетъ, что Владиміръ повелелъ говорить имъ предъ дружиною. Послы на театре разсказали все, что они видели, а хоръ возопилъ: „и не принеслабъ бабка твоя, мудрейшая изъ всехъ человекъ, закона Греческаго, естьлибъ онъ не хорошъ былъ.„ На сіе рекъ представляющій Княжеское лице: „где пріимемъ крещеніе?„ а хоръ ему ответствовалъ: „где тебе угодно„ — и симъ кончилось зрелище, подобно какъ и сказаніе Несторово. Присовокупимъ къ сему и то, что

преподобный НесторЪ во всемЪ своемЪ о изслѣдованiи вѣрЪ повѣствованiи предлагаетЪ его вЪ разговорахЪ между ВладимiромЪ и приходящими кЪ нему, что, по разумѣнiю нашему, со слогомЪ вѣщательнымЪ и его собственнымЪ весьма не согласно, а прилично однимЪ театральнымЪ сочиненiямЪ. ТакЪ разобравЪ сiе непривмѣстное кЪ повѣствованiю лѣтописцевЪ нашихЪ сказанiе, не обинуясь заключаю, что бытiе сiе или вымышленное, или изЪ записокЪ театральнаго зрѣлища взятое за повѣствованiе.

ГЛАВА VIII.

ПриступЪ ко крещенiю Владимiрову.

§ 31.

ПоказавЪ невѣрiе мое кЪ сказанiю о изслѣдованiи вѣрЪ, стремлюсь доказать, что и самое Владимiрово крещенiе вЪ сказанiяхЪ Писателей нашихЪ весьма прекословно и сЪ правдою едва ли согласить возможное. IоакимЪ, современный ПовѣствовательЪ, сказуетЪ, не упоминая о изслѣдованiи вѣрЪ, что ВладимiрЪ пошелЪ на Болгары, и побѣдя, учинилЪ мирЪ, и прiятЪ крещенiе самЪ и сынове его, и крести всю землю Рускую; Царь же Болгарскiй СимеонЪ присла Iереи учены и книги довольны. Тогда послалЪ ВладимiрЪ вЪ ЦарьградЪ ко Царю и Патрiарху просити Митрополита, и присланЪ МитрополитЪ МихаилЪ. О мѣстѣ крещенiя IоакимЪ не говоритЪ ни слова. НапротивЪ того преподобный НесторЪ, писавшiй чрезЪ полвѣка о Владимiрѣ, и послѣдователи

ПоходЪ ко граду Корсуню. Лѣта 6,496 / 988. Тат. кн. I. гл. 14 стр. 38. изЪ Iоакима.

ему, начинаетъ сіе знаменитое въ повѣствованіи нашемъ дѣяніе предложеніемъ Владимірова съ великимъ воинствомъ похода ко граду Греческому Корсуню, лежащему по сказанію ихъ на Лиманѣ. И ста, говорятъ они, Владиміръ у Корсуня, на Лимени объ онъ полъ, за едино стрѣлище отъ града. Но понеже сіи Писатели полагаютъ Корсунь въ Херсонесѣ Таврическомъ, то сего съ Лиманомъ, заливомъ Чернаго моря, близь устья Днѣпра находящимся, никакъ согласить я не могу; понеже и града таковаго названія въ древнихъ землеописателяхъ тамо не находится. Развѣ осаждалъ Владиміръ нынѣ называемый градъ Кинбурнъ, естьли онъ когда нибудь Корсуномъ именовался; ибо кромѣ Кинбурна никаковаго града тамо нѣтъ и не было (*). При томъ и приведеніе чрезъ трубы прѣсныя воды, о чемъ будетъ ниже, удостовѣряетъ быти ему Кинбурну, въ которой и доднесь вода чрезъ трубы получается; и естьли Кинбурнъ былъ купелію божественнаго Россіи крещенія, то неправедно другіе Писатели полагаютъ оное въ Корсунѣ у Чернаго моря, по Страбону и Птоломею въ Херсонесѣ Таврическомъ находившемся; ибо тамъ никакой заливъ землеописателями Лиманомъ не называется. Однакожь послѣдніе, отвергнувъ первыхъ и объявленіе Лимана, утверждаются по мнѣнію моему на Польскихъ, весьма позже Нестора бывшихъ Писателяхъ, и принесли дѣй-

Несторъ Печ. лѣт. стр 79 Ник. лѣт. тажъ стр. кн. тожъ.

Минея Четьи о крещеніи Владиміровомъ.

(*) Очаковъ гораздо позже Владиміра или созданъ или возобновленъ, какъ о немъ въ своемъ мѣстѣ по приличію объявится.

ствіе въ Крымъ подъ Кафу или Ѳеодосію. Они хотя и превозмогли первымъ вѣроятностію мѣстоположенія; но не показали намъ однакожь пути, коимъ прошелъ Владиміръ Перекопь, который за долго подъ тѣмъ, яко порубежное мѣсто, укрѣпленъ уже былъ, и которой прежде Корсуня у Козаръ или иныхъ тамо обитавшихъ народовъ взять надлежало. Сколько прекословно, и потому сомнительно мѣсто, въ которомъ крещеніе произходило, столько встрѣчается намъ противорѣчій въ самой причинѣ Владимірова похода, которую по правиламъ яснаго повѣствованія опредѣлить и привесть въ несомнѣнность долгъ повѣствователя обязуетъ.

§ 32.

Причины похода Владимірова на Грецію. Лѣта 988.

Слѣдуя тому, находимъ мы въ Дѣеписателяхъ нашихъ, якобы преклоненный уже къ Христіанству Владиміръ пошелъ войною на Корсунь съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ завоевавъ Херсонезъ, требовать въ супружество сестры Царя Греческаго, и съ нею купно воспріять крещеніе. Такая къ войнѣ причина ни съ разумомъ, ни съ политикою весьма не согласна. Начинать кровопролитія ради пріобрѣтенія кротости Христіанскія, есть дѣйствіе противное всяческому благомыслію. Кто жаждетъ крещенія, тотъ или увѣренъ въ истинномъ ученіи Христовомъ, которое есть врагъ всяческаго смертоубійства, или притворствуетъ, скрывая подъ личиною сего любостяжаніе земли чуждыя: два предлога, кои ни съ важностію дѣла, ни съ характеромъ Великаго Князя не согласуются. Первый по

тому, что получить крещенїе могЪ бы онЪ и безЪ войны; ибо Греки всегда щедры были вЪ подаянїи божественнаго сего дара; другїй для того, что сЪ Греками имѣлЪ онЪ заключенный мирЪ, и получаемою сЪ нихЪ данью болѣе могЪ доволенЪ быть, нежели сомнительнымЪ прїобрѣтенїемЪ единаго отЪ державы его удаленнаго града. Слѣдовательно обѣ сїи причины недостаточны кЪ воспрїятїю труднаго чрезЪ степи, горы и лѣса дремучїе вЪ ХерсонезЪ похода, меньше еще кЪ прїятїю труднѣйшаго града Θеодосїи облежанїя; ибо Таврическїй градЪ Θеодосїя былЪ и многолюденЪ и весьма укрѣпленЪ по тогдашнимЪ оборонительнаго искуства правиламЪ. ОнЪ лежалЪ на заливѣ Чернаго моря, которой можетЪ быть Писатели наши ЛимономЪ и назвали, потому что море кЪ самому граду симЪ заливомЪ приливается, и что всѣ таковые заливы у ГрековЪ Лиманами звалися.

§ 33.

Третїя причина вЪ Писателяхъ.

И такЪ оставя сїи причины, яко вѣроятїя недостойныя, недоумѣваюсь я, можно ли и третїю Писателями предлагаемую принять достовѣрнѣйшею. Они вѣщаютЪ, что желанїе сочетаться бракомЪ со Греческою Княжною, сестрою Царскою, было причиною его ополченїя, которая по взятїи Корсуня и открылась. БезЪ сомнѣнїя могло бы сїе достаточною кЪ войнѣ быть причиною, естьлибЪ ВладимїрЪ чрезЪ ПословЪ и прежде искалЪ сего союза, и емубЪ отказано было; ибо начатїе войны за отказЪ подобный вЪ тогдашнїя времена невѣжествомЪ извиниться могло. Но было ли та-

кое сватовство? Разсмотримъ. Наши Дѣеписатели говорятъ, что оно было; но свидѣтельство внѣшнихъ въ томъ прекословитъ. Наши безъ всякаго утвержденія сказуютъ, что царствующіе тогда Императоры, Василій и Константинъ, сыны Романовы, имѣли сестру, именемъ Анну; а во внѣшнихъ Писателяхъ у сихъ Кесарей таковаго имени сестры не находимъ; ибо повѣствуютъ они, что была у нихъ единая сестра, которая называлась Епифанія, и лѣта отъ Рож. Христ. 980 обручена за Римскаго Короля Оттона II, и потомъ за нимъ была въ супружествѣ. Дитмаръ, дѣяніямъ симъ современникъ, упоминаетъ, что Княжна, Царя Константина Польскаго дщерь, была за Россійскимъ Великимъ Княземъ Владиміромъ; но онъ называетъ ее Ачиною, и никакихъ къ браку ея обстоятельствъ не присовокупляетъ. Единый Имгофъ въ житіи Іоанна Кимисхія говоритъ тако: Кимисхій отдалъ дщерь Романову Епифанію за Императора Римскаго Оттона, а старшая его дщерь Елена была въ супружествѣ за Великимъ Княземъ Рускимъ (*). Такія въ имени и въ лѣтахъ прекословія понудили нѣкоторыхъ новѣйшихъ Писателей утверждать, что

Несторъ и послѣдователи его.

Зонаръ, гл. 3. Кедринъ и Готфридъ въ хроникѣ.

Дитмаръ кн. VII.

Гос. Тат. кн. II. No 184. стр. 409.

Histoire moderne par Rich. T. IX. art. V. page 987.

(*) Имгофъ въ первомъ случаѣ, что Епифанія была за Оттономъ II., Императоромъ Римскимъ, подтверждаетъ, говоря: Іоаннъ Кимскій охотно согласился отпустить Княжну Епифанію, дщерь Императора Романа, за Короля Римскаго Оттона, сына Императора Оттона I., лѣта отъ Рож. Христ. 972, слѣдовательно 16 лѣтъ прежде Владимірова въ Херсонъ похода.

Владимiръ, склоненный уже къ признанiю, что вѣра Христiанская есть изъ всѣхъ лучшая, посылалъ Пословъ своихъ въ Царьградъ съ прошенiемъ у царствующихъ тогда Императоровъ, Василiя и Константина, сестры Анны въ супруги, обѣщавъ имъ по совершенiи брака воспрiять Грековосточную Христiанскую вѣру. Не отреклись, продолжаетъ повѣствованiе, отъ толь полезнаго союза Императоры, и сестру свою въ объятiя идолопоклонника прислали. Княжна была юная, прекрасная, кроткая, льстивая, и сими дарованiями могла скоро уловить сердце супруга непостояннаго. Вскорѣ возпользовалась она новыя въ немъ страсти возбужденiемъ, и плѣненнаго красотою и достоинствами ея супруга, къ содержанiю даннаго братомъ ея обѣщанiя преклонила. Владимiръ принялъ святое крещенiе въ Кiевѣ, и нареченный Василiемъ, всѣхъ сыновъ къ крещенiю склонилъ. Самъ Несторъ утверждаетъ, кажется, нѣкоторымъ образомъ сiе мнѣнiе, сказуя: „что нѣкiе невѣдущiе истинны вѣщаютъ, яко бы Владимiръ крестился въ Кiевѣ.„ Но по чему преподобный черноризецъ невѣдущими ихъ нарицаетъ, того не доказалъ; а Iоакимъ, коего, яко очевидца, никакъ невѣдущимъ почитать не можно, полагаетъ крещенiе его и сыновъ его точно въ Кiевѣ. Время жъ писанiя между Iоакимова и Несторова не столь велико, чтобъ не было еще въ Кiевѣ по крайней мѣрѣ дѣтей тѣхъ сограждановъ, кои или сами крещены въ общее крещенiе были, или очевидное свидѣтельство сохранить могли. Iоакимъ, будучи Грекъ и пришедшiй съ первымъ въ Россiю Митрополитомъ

Михаиломъ, не говоритъ притомъ ничего ни о Греческой Княжнѣ Аннѣ, ниже о бракѣ ея съ Великимъ Княземъ, а сказываетъ, что онъ по одержанной надъ Болгары побѣдѣ понялъ въ супружество Княжну Болгарскую, именемъ Анну (*), о которой Несторъ, занявшись Анною Греческою, ни слова не упоминаетъ. Такія о супружествѣ съ Греческою Княжною разнорѣчія не позволяютъ и самую Княжну сію не токмо за достаточную принять походу въ Херсонезъ причину, но и за истинну все сказаніе Несторово. Правдоподобно кажется, что и сіе въ Херсонѣ бытіе, о которомъ мы, слѣдуя его повѣствованію, предлагать будемъ, почерпнуто имъ изъ подобныхъ вышереченнымъ театральныхъ записокъ, Г. Тат. въ томъ же примѣчаніи.

(*) Сіе обоихъ нашихъ Писателей разнорѣчіе удобь возможно согласить слѣдующимъ. Романъ, по свидѣтельству Хронографа, выдалъ сестру свою за Петра, Короля Болгарскаго, и естьли была отъ нее дщерь Анна, то была она двоюродная сестра Василію и Константину. Сія Княжна Болгарская была можетъ быть по Іоакиму за Владиміромъ, и по Нестору была за нимъ одна Болгарская Княжна, отъ которой онъ Бориса и Глѣба рожденными почитаетъ. Несторъ имени сея Болгарки не объявилъ; а Іоакимъ точно Анною ее называетъ, и оба до крещенія ее въ супруги опредѣляютъ; слѣдовательно она одна и тажъ быть можетъ. Подтверждается сіе еще и тѣмъ, что Владиміръ или по договору брачному, или по крайней любви къ сей Болгаркѣ, сына ея Бориса мимо всѣхъ большихъ своихъ дѣтей опредѣлилъ наслѣдникомъ Кіевскаго престола.

вЪ которыхЪ, можетЪ быть, нашелЪ онЪ другое зрѣлище, и между дѣйствующими вЪ ономЪ лицами Княжну, Анной называемую. Вѣроятности кЪ сему предположенію не отнимаетЪ и самое Княжны Греческой Анны вЪ Кіевѣ до крещенія Владимірова присутствіе. Могла она и сама, примѣтя супруга своего кЪ вѣрѣ Христіанской наклонность, симЪ образомЪ вспомоществовать кЪ содержанію даннаго имЪ братьямЪ ея слова; могла еще сЪ большею удобностію, нежели мать Святополкова, забавлять его такими представленіями, и болѣе способовЪ кЪ тому имѣла вЪ разсужденіи, какЪ чаятельно, прибывшихЪ сЪ нею изЪ Царяграда художниковЪ. Могла она, для вящшаго сердца Владимірова уловленія, и сама дѣйствующимЪ лицемЪ быть вЪ представленіи толь благочинномЪ и со нравами Греческими сходномЪ. Я не премину вЪ послѣдствіи ясными доказательствами утвердить сіе предложеніе, кЪ которому теперь не нашедши никаковыя кЪ походу Владимірову причины, необходимость прибѣгнуть меня принудила, дабы дать вѣроятіе сказанію Несторову.

§ 34.

ПоходЪ кЪ устью Днѣпра и крещеніе на Лиманѣ.

Но слѣдуя его вѣщанію и походу Владимірову, долженЪ я прежде утвердить мѣстоположеніе того града, вЪ которомЪ преподобный НесторЪ дѣйствіе крещенія открываетЪ. ОнЪ не объявилЪ его намЪ, сказавЪ кратко: „И ста у Корсуня на Лимани.„ Нѣкоторые однакожЪ нынѣшніе Таврическіе землеописатели полагаютЪ, и кажется сЪ достовѣрностію, древній градЪ Корсунь, вЪ которомЪ

ВЪ запискахЪ,

яко бы крестился ВладимірЪ вблизи созданнаго нынѣ Россійскаго града Херсоня; слѣдовательно на Лиманѣ, заливѣ Чернаго моря, не вЪ дальнемЪ отЪ устья Днѣпровскаго разстояніи. Чего ради слухЪ носится, яко бы сей новый Херсонь именемЪ древняго названЪ, и токмо по удобію мѣста отнесенЪ нѣсколько вверхЪ выше устья Днѣпра. И такЪ очевидныя свидѣтельства дозволяютЪ мнѣ точно заключить, что естьли не вЪ Кіевѣ, какЪ ІоакимЪ увѣряетЪ, то по крайней мѣрѣ не вЪ Крымѣ, ниже градЪ Ѳеодосія, но Корсунь на Лиманѣ было то блаженное мѣсто, изЪ котораго свѣтЪ Божественнаго Евангелія по всей проліялся Россіи. ПричинужЪ походу не иную воображать надлежитЪ, какЪ честолюбіе Владимірово, который не хотѣлЪ попустить горде免ивости Царей ГреческихЪ, при отправленіи ЕпископовЪ и СвященниковЪ, востребовать чего либо предосудительнаго Россійской славѣ и постановленію прежнихЪ договоровЪ; зналЪ онЪ коварство ГрековЪ и ихЪ любостяжаніе. При томЪ можетЪ и осторожность его восприята быть причиною, какЪ естьли разсудилЪ онЪ отдалить прежде отЪ предѣловЪ РоссійскихЪ свое войско, дабы, просвѣтивЪ его крещеніемЪ вЪ странѣ Христіанской, по возвращеніи могЪ онЪ его пособіемЪ сЪ большимЪ успѣхомЪ дѣйствовать надЪ суевѣріемЪ народнымЪ, и удобнѣе побѣдить древніе идолопоклоннаго заблужденія предразсудки. ТакЪ согласивЪ сказаніе Несторово сЪ нѣкоторою вѣроятностію, потщуся я повторить пространное его повѣствованіе о осадѣ града Корсуня, о пришествіи вЪ него Княжны Греческія и о чуде-

выбранныхЪ изЪ древнихЪ ГреческихЪ творцевЪ.

сномъ очей Владимiровыхъ изцѣленiи. Разнообразныя внѣшнихъ Писателей сказки и послѣдовавшiе Нестору наши Лѣтописцы, самой Прологъ и Минея Четiя сего повторенiя требуютъ, да заблужденiе первыхъ послѣдними приведется въ ясность, и да привыкшiй соотчичей нашихъ къ сему преданiю слухъ не отвратится отъ моего вѣщанiя, яко отъ невѣрнаго и нашему преподобному Лѣтописцу не слѣдующаго. Часто выборъ къ предложенiю дѣянiй зависитъ и отъ самыхъ дѣянiй по понятiямъ, какiя кто прилагать къ нимъ прiобыкъ. Хотя извѣстны мнѣ тѣ правила, которыя представляютъ повѣствователю свободу выбора вещей предлагаемыхъ, и запрещаютъ отягощать терпѣнiе Читателей повѣствованiемъ, вмѣсто удовольствiя скуку иногда наносящимъ; но есть случай, когда важность дѣянiя изключенiя требуетъ. Крещенiе Владимiрово есть бытiе таковаго рода въ повѣствованiи Россiйскомъ, и достойно во всѣхъ его подробностяхъ оставаться въ памяти потомковъ.

§ 35.

Пришествiе къ Корсуню и града облежанiе. Лѣта 988.

Великiй Князь Владимiръ пошелъ такимъ образомъ съ воинствомъ ко граду Корсуню, не объявивъ никому своего намѣренiя, ниже препоручивъ кому градоначальство своея столицы. Естьли мы сiю послѣднюю о градоначальствѣ неизвѣстность присовокупимъ къ прочимъ сомнительствамъ, и умножимъ тѣмъ, что походу толь великаго войска никаковой отъ окрестныхъ народовъ противу ополченiемъ не учинено препоны въ земляхъ обширнаго про-

странства, непріятелямъ Рускимъ принадлежащихъ; то утвердимъ сіе неоспоримо, что крещеніе Государя сего въ Кіевѣ произходило. Но оставя примѣчаніе сіе, возвѣстимъ глаголы Лѣтописцевъ нашихъ. Приближився Владимѣръ къ Корсуню, разбилъ станъ свой по онъ полъ Лимана на единый изъ лука выстрѣлъ. Началась осада; граждане въ стѣнахъ затворились, и сильно біющеся не допускали до приступа осаждающихъ. Вылазки частыя, съ немалымъ урономъ отражаемыя, начинали однакожь приводить осажденныхъ въ крайнее изнеможеніе, когда утружденный долговременнымъ облежаніемъ Великій Князь послалъ возвѣстить гражданамъ, какъ естьли пощады и милосердія они желаютъ, то отдали бы некосненно градъ; въ противномъ случаѣ вѣдали бы, что хотябъ и трех-лѣтнія осады взятье города ему стоило, онъ не отступитъ, возьметъ и неизбѣжною смертію накажетъ упрямое ихъ ожесточеніе. Безъ успѣха были его и обѣщанія и угрозы. Надежда на твердость стѣнъ градскихъ и ожидаемая изъ Цараграда помощь жестоковыйное упорство въ храбрыхъ производили гражданахъ, и вмѣсто принятія благотворныхъ предложеній отвѣтствовали они многочисленною вылазкою и свирѣпымъ пораженіемъ. Тогда раздраженный Герой, не обыкшій къ медленію упорныя побѣды, повелѣлъ засыпать ровъ землею, чтобъ рѣшительнымъ приступомъ принудить на здачу сопротивныхъ. Корсуняне хитрость покушенію предпоставили. Они, сдѣлавъ подъ стѣною подкопъ, по мѣрѣ насыпи въ ровъ землю во градъ уносили, оною бугоръ среди града насы-

Несторъ.

пали, приводя въ удивительное недоумѣніе Россіянъ, куда насыпаемая ими земля изчезаетъ. Уже воображалось Владиміру, что или боги отцевъ его, или чародѣйство гражданъ намѣренію его препятствіе полагаютъ, когда единый Корсунянинъ, именемъ Анастасій, мужъ сана духовнаго, на предательство отечества покусился. Извинителенъ въ преступленіи измѣнникъ, ежели онъ тайное креститься намѣреніе Владимірово вѣдалъ; но всяческаго презрѣнія и казни лютыя достоинъ, когда подвигомъ мздовоздаянія омраченный, подобно Іудѣ, предалъ Христіанъ идолопоклоннику. Первое кажется достовѣрнѣе; ибо, какъ выше объявлено нами, Владиміръ любилъ измѣну, но измѣнниковъ ненавидѣлъ, а сего наградилъ по крещеніи. Анастасій пустилъ со стѣны градской стрѣлу въ станъ Русскій съ симъ краткимъ написаніемъ: „Кладези ключевые, за тобою къ восточной сторонѣ находящіеся, имѣютъ подземныя трубы, дающія во градъ прѣсную воду. Прекопавъ оные, отними источникъ, и градъ жажды ради здаться принужденъ будетъ.„ Владиміръ, возведъ тогда на небо очи свои, рекъ: „ежели сбудется предувѣдомленіе сіе, то крещуся здѣсь самъ
Несторъ. и воинство окрещу мое (*)„ По извѣту пре-

(*) Кто изъ сего реченія не познаетъ, что все сіе небылица? Владиміръ, по сказанію Несторову, пришелъ для крещенія: какаяжъ нужда вновь вознамѣряться? а буде пришелъ онъ токмо завоеванія ради, то чтожъ приписано обращеніе его причинѣ похода? Одно что нибудь ложно есть; а оба весьма къ театральному

дающаго найдены трубы, засыпаны, и отведена текущая во градъ вода. Вскорѣ ощутили граждане въ годѣ недостатокъ, и трубъ изсякновенїемъ томимые жаждою, принуждены стали предать градъ во власть Россїйскаго Государя, и ему, яко побѣдителю, отверзть врата, едва ли кромѣ измѣны побѣдимыя.

§ 36.

По взятїи города, посылаетъ побѣдитель Пословъ своихъ въ Царьградъ къ Императорамъ, Василїю и Константину, съ грознымъ сестры ихъ въ супруги требованїемъ: „Се крѣпкїй взядъ я вашъ градъ, и слышу, что есть у васъ сестра, дѣвица красна и благонравна; ее хощу имѣть женою; отдайте мнѣ, и сотворю съ вами миръ вѣчный; а естьли не исполните словесъ моихъ, то иду на васъ войною, и съ царствующимъ градомъ вашимъ тожь послѣдуетъ.„ Сїи суть точныя слова Нестора и переписчиковъ его; но таковыя угрозы и самое въ существѣ Княжны Греческой сомнѣнїе, которое видно изъ словъ: — „слышу я, что есть у васъ сестра —„ не показуютъ ли и во всемъ сказанїи сомнѣнїя? Не открываютъ ли онѣ ясно прекословїй, всѣ повѣствованїя уничтожающихъ? не удостовѣряютъ ли Читателя, что праведно есть подозрѣнїе мое, несобытность онаго обличающее? Можно ли при здравомъ разсужденїи повѣрить, чтобъ такой разумной Государь, каковымъ въ лицѣ Владимїра Великаго возносится Россїя, важ-

Побѣдитель посылаетъ къ Царямъ Грецкимъ съ требованїемъ сестры ихъ. Лѣта 988. Несторъ и прочїе.

принадлежатъ дѣйствїю, какъ и по слѣдствїямъ утвердится.

нѣйшія въ жизни своей дѣла безъ всякаго производилъ порядка и основанія? Непросвѣщеніе временъ не извинитъ его, естьли, по свидѣтельству Писателей, недостатокъ разсужденія прикрывается геройскими дѣлами. Въ поступкѣ таковомъ не видно ни желанія къ святому крещенію, котораго, по ихъ вѣщанію, онъ искалъ, ниже юнаго женолюбца стремленія, которое бы побуждало доставить невѣсту несклонную. Первое отвергается тѣмъ, что исполненіе зависѣло отъ него безъ всякаго подъ Корсунемъ кровопролитія; а второе тѣмъ, что онъ не вѣдалъ объ невѣстѣ до взятія Корсуня. Такъ воображается все его дѣяніе по простотѣ разсудка естественнаго. Но посмотримъ далѣе, какъ Повѣствователи чрезъестественностію его прикрываютъ, и сходны ль представляемыя ими чудеса съ обстоятельствами и истиною. Возвратившіеся изъ Греціи, продолжаютъ Лѣтописцы, отъ Царей объявили, что супружество сестры ихъ со Владиміромъ не возможно для крайняго вѣръ различія; но
Цес. порт. можетъ удобно исполниться, естьли Великій Князь приметъ вѣру Христіанскую; тогда не отрекутся Цари удовлетворить его желанію. „Крещеніе, присовокупили присланные отъ Царей Послы, несетъ тебѣ, Государь, сугубую пользу: мало того, что получишь сестру Царскую въ супруги; но паче пріобрѣтешь чрезъ него царство небесное, и съ нимъ любовь, дружбу и миръ твердый съ великими и могущими сосѣды; а естьли не рѣшишься оставить идолопоклонства и многоженія, то не уповай никогда видѣть Княжну нашу умножающую число женъ твоихъ.„ Отвѣтъ толь

безстрашный исторгъ Владимірово обѣщаніе. Несторъ.
„Испытавъ я, позналъ, отвѣтствовалъ Посламъ Владиміръ, что вѣра Христіанская истинна и законъ Греческій есть лучшій по свидѣтельству посланныхъ отъ меня мужей (*), и готовъ я принять крещеніе; но не прежде приступлю къ тому, какъ въ присутствіи Княжны вашей. Скажите Царямъ, что ее токмо ожидаю.„ Обрадованные отвѣтомъ симъ, Цари призываютъ сестру и ко вступленію во бракъ съ Владиміромъ увѣщеваютъ; но Анна съ пролитіемъ слезъ отрицается, говоря: „лучше приму я смерть въ объятія мои, нежели толь звѣрообразнаго врага Христова.„ Тогда Цари и Патріархъ къ прозьбѣ сіе спасительное убѣжденіе присовокупили: „Не отрицайся, блаженная Княжна! можетъ быть всемогущій Творецъ хощетъ чрезъ тебя обратить къ Себѣ Россію, и прославя имя Свое, тебя въ роды и роды прославитъ. Благословенна будешь ты въ женахъ, и память твоя во вѣки не изчезнетъ. Ты вѣдаешь, сколько отечество наше отъ Россовъ пострадало, и нынѣ подобная готовится ему судьба, естьли

(*) Здѣсь напоминаются посыланные мужи на обозрѣніе и испытаніе вѣръ, что и казалось бы сущимъ бытіемъ; но понеже Несторъ какъ сіе настоящее, такъ и оное прошедшее воспріялъ за истинну, то и не удивительно, что ссылается онъ на прежнее. Кто одинъ разъ ошибется, тотъ всегда другою ошибкою первую утверждаетъ. Несторъ и при семъ Владиміровомъ признаніи зяпамятовалъ, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ, какъ-то выше примѣтить я не оставилъ.

не отвратишь ты послушанїемъ приближающихся къ нему плачевныхъ разоренїй.„ Внявъ такому лестному увѣщанїю, въ пролитїи слезъ и рыданїи отвѣтствуетъ печальная Царевна: „чтожъ когда не приметъ, или принявъ, отвергнетъ онъ вѣру, и меня къ идолопоклонству понудитъ?„ — „Умри, сказали ей Цари, и багрянородною кровїю яви во дни наши мужество древнихъ за истинну вѣры Христовой страдальцевъ. Обличи предъ варварами твердое на Бога упованїе, и вѣнецъ мученическїй отъ Него прїемлешь.„ Симъ убѣжденїемъ и паче вѣрою подвигнутое склоняется женское сердце.

ГЛАВА IX.

Бракъ и крещенїе Владимїрово.

§ 37.

Пришествїе Княжны въ Корсунь. Лѣта 988. Продолжая Несторово сказанїе, приступимъ ко браку и крещенїю Владимїрову. По совершенїи брачнаго договора, настало плачевное разстанїе между братьями и сестрою. Уже корабль и опредѣленные отъ Царей въ провожатые Вельможи и отъ Патрїарха сановитые Священники съ подобающею ко бракосочетанїю и крещенїю утварью готовы были. Уже востенящая Княжна, во слезахъ пути не видя, восходитъ на корабль и въ послѣднїй разъ объемлетъ и лобызаетъ ужиковъ своихъ (*); послѣднее

(*) Я нарочно положилъ древнее реченїе *ужики*, которое употребилъ при семъ Несторъ. Ужикъ есть сродникъ, а не братъ. Слѣдовательно и

и отъ Патріарха благословеніе и отъ подружекъ своихъ цѣлованіе пріемлетъ, и съ одними провожающими на кораблѣ оставшись, едва помнитъ, куда идетъ и чего лишается. Сердце человѣческое въ таковыхъ безмѣрныя скорби случаяхъ, плавая въ несообразимыхъ чувствованіяхъ, обращается въ нѣкоторой родъ окаменѣлости, и отнявъ дѣятельную у разума силу, погружаетъ и память и разсудокъ въ бездну не удобь сказуемаго забвенія, непорядочному сну подобнаго. Между тѣмъ удаляется корабль, и плаватели, прошедъ при благополучномъ вѣтра дыханіи проливъ Византійскій, до Корсуня Чернымъ моремъ достигаютъ. Корсуняне, на встрѣтеніе изшедъ, провождаютъ Царевну во градъ и въ приготовленныя ей вводятъ чертоги. Въ сіе время чуднымъ Божіимъ промысломъ разболѣлся Владиміръ очами и зрѣнія лишился. Пораженному таковымъ злоключеніемъ приходило на мысль, что боги предковъ его гнѣвны и казнь за отступленіе отъ вѣры низпосылаютъ; но Царевна изторгла его изъ двусмысленныхъ колебаній, повелѣзъ чрезъ посланнаго отъ себя сказать, что скорбь его есть искушеніе

тутъ видно, какъ Несторъ самъ себѣ прекословитъ. Родные братья не суть просто сродники, и никогда какъ сродники вмѣсто родныхъ братьевъ, такъ и братья родные вмѣсто сродниковъ въ писаніяхъ не бралися и нынѣ не берутся. Слѣдовательно Повѣствователь нашъ, или выше называя сестрою, ошибся, или здѣсь ужика именуя, а симъ самымъ показалъ о Княжнѣ сей невѣдѣніе, и все бытіе сомнѣнію подвергнулъ.

Божіе, твердость его испытующее. „Ты братьевъ моихъ увѣрилъ, что желаешь и примешь святое крещеніе. Почто отлагаешь обѣщаніе свое? Болѣзнь твоя ничто есть противъ всемогущества Бога нашего. Приступи несомнѣнно ко святому крещенію, и въ купели не только отъ слѣпоты очей тѣлесныхъ очистишься, но и умнымъ просвѣтишься зрѣніемъ. А доколѣ въ невѣріи пребудешь, не отыдетъ недугъ твой отъ тебя; погибнешь ты скорбя, и желаннаго лишишься брака.„ Владиміръ, отложивъ тогда сомнѣніе, сказалъ: „естьли сбудется сіе, то признаю величество Бога Христіанскаго (*) —„ и пошелъ въ церковь Пречистыя Богородицы, посредѣ града на торжищѣ находящуюся. Епископъ Корсунскій съ соборомъ Священниковъ, огласивъ невѣрнаго, вводитъ въ купель очищенія, и егда возложилъ руку на главу его, какъ скорбь, подобно яко чешуя, отъ очей его низпала. Прозрѣлъ Владиміръ и велегласно въ восхищеніи возопилъ:

Несторъ.

(*) Достойно примѣтить, что всѣ произшествія разговорами предлагаются, то есть, слогомъ свойственнымъ театральнымъ сочиненіямъ. Повѣствованіе терпитъ рѣчи и вопросы и отвѣты дѣйствующихъ; но искуснымъ извѣстно, что не такъ они сочиняются и не въ такой принадлежности употребляются. При томъ надобно замѣтить и то, что какъ крещеніе, такъ и чудесное очей Владиміровыхъ прозрѣніе есть ничто иное, какъ точное повтореніе обращенія Святаго Апостола Павла, въ дѣяніяхъ Апостольскихъ сказуемаго, которымъ видно приготовляли Владиміру прозвище *Равноапостольный*, и нынѣ ему прилагаемое.

„узрѣлъ Бога истиннаго, и прославлю Его!„ Многіе изъ предстоящихъ Вельможъ и дружины идолопоклонныхъ, видя чрезъестественность чудеси, и паче Государю подражая, тогожъ дня воспріяли святое крещеніе. Такъ чудесно привергся Владиміръ Отцу, Сыну и Святому Духу, и нареченный Василіемъ, сталъ отечеству своему возлюбленнаго имъ Христа Апостоломъ: какъ нѣкогда и Святый Апостолъ Павелъ, подобнымъ чудесемъ слѣпоты очей очищенный, верховнымъ и вселенскимъ былъ потомъ Апостоломъ. Тако всемогущій Богъ побѣждаетъ естества уставы спасенія роду человѣческому ради, и любомудріе въ изслѣдованіе промысла Его не входитъ (*).

(*) Я не вхожу въ изслѣдованіе чудесъ Божіихъ, и дерзостію наказанія достойною почитаю всяческое умствованіе о непостижимости Его промысла. Естьли кому дозволено судить о чудодѣйствіи, такъ развѣ единому духовенству, и то для того, чтобъ они, ученіемъ Богословскимъ огражденные, ограждали насъ отъ обмана и суевѣрія, легко затѣянныхъ для какія нибудь корысти чудесъ произходящихъ. Но при семъ Владимірова крещенія случаѣ я токмо то примѣчаю, что сколько непостижимы чудеса творящаго оныя, столько чрезмѣрна слабость человѣческая. Владиміръ содѣйствіемъ величія Божія могъ преодолѣть заблужденіе прародительское, и мракъ идолопоклонства чудодѣятельною могущества Христова силою отвергнуть; но не могъ, кажется мнѣ изъ послѣдующихъ его дѣяній, побѣдить врожденныя въ сердцѣ его склонности къ любострастію. Я не повѣрилъ бы единому (Fleury Hist. Eccl. T.

§ 38.

Бракъ и возвращенїе въ Кїевъ. Лѣта 988. Несторъ. Ник лѣт. тожъ.

По воспрїятїи крещенїя, совершилось и другое таинство. Епископъ Корсунскїй со множествомъ собора возложилъ на главы помолвленныхъ Василїя и Анны брачные вѣнцы въ

VIII. C. LVII. page 344, 345) Западной церкви повѣствователю, который говоритъ, что нравы его не соотвѣтствовали чистотѣ воспрїятыя имъ вѣры, и что женолюбїя порокъ до смерти владычествовалъ надъ сердцемъ его. Флери могъ бы удобь возможно почесться ложнымъ по зависти и ненависти ко Грекамъ; но и самые Византїйскїе Писатели тожъ повторяютъ и дѣянїя свидѣтельствуютъ. Изтребилъ онъ идолопоклонство; но не видно изъ Писателей изтребленїя домовъ, гдѣ жены и наложницы его содержались; ниже объявили они, что съ сими красавицами по крещенїи его послѣдовало. И удивительно ли сїе? Судя по человѣчеству, и невозможно кажется безъ новыхъ чудесъ отстать отъ такой привычки, которая языческою вѣрою и воспитанїемъ вкоренялась. Удивительно ли, когда приведемъ себѣ на память изреченїе великаго Павла, равною чудодѣемостїю ко Христу обращшагося, но въ любомудрїи и Богословїи несравненно самихъ Владимїровыхъ учителей превосходящаго мужа и посланника Христова? Онъ, въ слабостяхъ человѣческихъ признаваясь, тако съ прискорбїемъ вопїетъ къ Коринѳ. Посл. II. гл. XII. ст. 7. 8. „дадеся ми пакостникъ аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ, да не превозношуся.„ Естьли онъ трикраты молилъ Господа, да отступитъ пакостникъ отъ него, то сколько бы молитвъ и раскаянїя потребно было Владимїру къ отчаянїю любострастїя, толь сильно отъ юности въ сердцѣ его господствовавшаго?

той же церкви, и бракъ законный благословенiемъ утвердилъ. При чемъ щедрый Владимiръ вмѣсто вѣна, или повѣнечнаго невѣстѣ дара, возвратилъ братьямъ ея завоеванный Корсунь. При такомъ подробномъ произшествiи сихъ описанiй удивительно, что преподобный Несторъ предалъ молчанiю самое важнѣйшее таинство, то есть, причастiе тѣла и крови Господа нашего Iисуса Христа, которое непосредственно за таинствомъ крещенiя и мvропомазанiя (*) слѣдуетъ. По торжественномъ сочетанiи въ благодарность Богу

(*) Я не просто сiе замѣтилъ. Несторъ ни о мvропомазанiи, ни о причастiи не упоминаетъ. Какъ такiя двѣ важныя принадлежности миновать онъ могъ, и съ ними о Божественной литургiи также умолчанiя? Сказалъ онъ о оглашенiи; но оглашенiе творится не въ день крещенiя, но прежде, какъ и нынѣ, такъ и въ древности отъ самыхъ Апостольскихъ временъ бывало. Изъ сего молчанiя не видно ли, что и сiе Несторово сказанiе, подобное вышеобъявленному обращенiю, подаетъ утвержденiе, что Несторъ и крещенiя и бракодѣйствiя, какъ выше сказано, изъ подобныхъ первымъ остатковъ другаго зрѣлища почерпнулъ, и записки театральнагожъ сочиненiя за повѣствованiе принялъ? Два обстоятельства, утверждая мою догадку, придаютъ вѣроятiе. Первое, какъ не однократно уже сказано, молчанiе Iоакимово о походѣ въ Корсунь, и его потомъ сказанiе о присылкѣ ко Владимiру отъ Болгарскаго Царя Симеона для крещенiя ученыхъ Священниковъ и книгъ церковныхъ; другое сiе Несторово забвенiе о причастiи, которое въ представленiи театральномъ не вмѣстно; ибо все въ Корсунѣ дѣйствiе удобь возможно илетъ въ сочиненiе

Вседержителю создалъ Великїй Князь на бугрѣ возвышенномъ землею, изъ рва выносимою, церковь, и самъ съ новою Княгинею взявъ Анастасія Корсунянина, градъ ему предавшаго, и Епископа Михаила со Священники и церковными служителями, въ Кїевъ возвратился. Сказываютъ при томъ, что два истукана, четыре коня и два льва, изваянные изъ мѣди, и многїе сосуды церковные и иконы съ собою взялъ; такожъ и мощи Святаго Климента въ благословенїе получилъ. Но какъ дальнее пребыванїе въ Корсунѣ и упражненїя духовныя до церковнаго касаются повѣствованїя, то совѣтую въ Патерикѣ, Прологѣ и Минеи Чети искать сему подробностей; а самъ обращаюсь къ истинному и несомнѣнному повѣствованїю.

ГЛАВА X.

Крещенїе Кїева и сыновъ Владимїровыхъ съ заведенїемъ училищъ.

§ 39.

Пришествїе въ Кїевъ и сокрушенїе идоловъ. Лѣта 988.

Я не намѣренъ былъ соглашать сказанїя Іоакимова съ лѣтописью преподобнаго Нестора;

театральное; какъ то у древнихъ Католиковъ много изъ самыхъ дѣянїй Апостольскихъ такихъ зрѣлищъ мы знаемъ; и нынѣ еще въ монастыряхъ, или въ Польшѣ, распятїе и погребенїе Христа Спасителя со всѣми страстьми въ Великую Пятницу бываетъ. Но причастїе, яко особенное литургїи дѣйствїе, было бы въ зрѣлищѣ театральномъ сугубымъ дѣйствїемъ (double action), что стихотворныхъ зрѣлищъ правиламъ весьма противно есть.

ибо въ народномъ крещеніи, въ Кіевѣ начало воспріявшемъ, обоихъ повѣствованіе непрекословно; а сіе есть самое важнѣйшее дѣяніе, которымъ Владиміръ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе. Сей кумирослуженія побѣдитель, сопряженный съ Царскою дщерью и церковію Христовою, пришелъ въ столицу свою къ общей всего Кіевскаго сословія радости. Не видно въ Писателяхъ въ прибытіе его не токмо въ народѣ возмущенія, ниже въ женахъ неудовольствія. Послѣднее паче всего удивительно, естьли не по ревнованію къ вѣрѣ, то по крайней мѣрѣ по естественной ревности къ привезенной Царевнѣ. Кому не вѣдомы сердечныя женъ чувствованія, когда иная красота красотѣ ихъ предпочитается? Въ такомъ случаѣ не одна любовь производитъ въ нихъ злость и мщеніе, но чаще ненависть къ щастливой соперницѣ и невѣрному любовнику. Чтожь касается до народа, онаго не могла услышанная восколебать новизна. Характеръ Рускагó народа издревле таковъ былъ, каковъ и нынѣ есть и во вѣки быть долженъ: безпрекословное повиновеніе Государямъ. Подобаетъ, чтобъ мысли Государевы были купно и народныя, чтобъ велѣнія его составляли законъ подданнымъ, и чтобъ его дѣянія всего государства дѣяніями руководствовали. Таковы были предки наши; таковы и мы суть; таковы и всѣ постоянные, благонравные и благовѣрные подданные къ блаженству своему быть долженствуютъ. Народъ непокорливый самъ нещастіе себѣ созиждетъ. Гнѣвъ Божій и мечь правосудія Монаршаго суть жестокія орудія, въ послушаніе его приводящія и всегда къ познанію буйства

его готовыя. При томъ же видится, что и предпріятіе Владимірово въ отношеніи изтребленія древнія вѣры не столь уже опасно было, какъ бы въ иныхъ обстоятельствахъ могло быть. Народъ его, особливо Кіевляне, большею частію были уже привержены къ вѣрѣ Христіанской, и естьли нѣкоторые упрямые и жестоковыйные древняго многобожія и держались; то воинство, воспріявшее съ нимъ вкупѣ крещеніе, было ему сильною къ принужденію ихъ подпорою; а паче любовь ихъ къ Государю облегчила тягость важныя сея премѣны. Таковыми обстоятельствами споспѣшествуемый Владиміръ приступилъ къ явному изтребленію господствовавшія издревле вѣры. Прежде всего началъ онъ изпроверженіемъ идоловъ съ мѣстъ, на коихъ они вознесены были, можетъ быть для вящшаго свидѣтельства народу, что твореніе рукъ человѣческихъ отъ тѣхъ же самыхъ рукъ зависитъ, и что обожаемые кумиры, безсильные спасти самихъ себя, суть тщетныя представленія произвольнаго и почтенія и презрѣнія. Потомъ велѣніемъ его упразднены и разрушены стали божницы, обнаженные драгоцѣнныхъ украшеній олтари и сами желѣзомъ раздробленные кумиры преданы водѣ и пламени на пожраніе; а утвари жертвенныя, златыя и сребреныя, отобраны и въ Государевы сокровища къ лучшему употребленію принесены. Перуну, яко главному невѣжества страшилищу, вмѣсто большаго прежде почитанія большее всѣхъ оказано поруганіе, чтобъ видѣли невѣгласи, кого они трепетали; привязаннаго къ хвосту конскому влекли его по Боричеву, гдѣ онъ

на холмѣ славно возносился, подъ гору къ Днѣпровскому брегу. Двенадцать человѣкъ безчестными словами и бïенïемъ палицъ его провождали, не яко чувствительное вещество, но яко образъ, всяческаго поруганïя достойный. Такъ часто низверженные временщики поразительное сносятъ по паденïи своемъ мщенïе отъ тѣхъ самыхъ идолопоклонниковъ, кои во время щастïя ихъ иногда безъ требованïя и знанïя ихъ безстыдно обожали; такъ маловременная почесть идоловъ, самимъ Владимïромъ вознесенныхъ, была образъ и примѣръ возвышенныхъ безъ достоинства людей, съ тою токмо разностïю, что идолы ни поклоновъ, ни ударовъ не чувствуютъ. Привлеченный на брегъ истуканъ ввержень въ Днѣпръ, и повелѣно проводникамъ всплывавшаго на поверхность воды отражать отъ береговъ, доколѣ минуетъ пороги. Провожатые оставили вѣтру выбросить плывущее древо за порогами на мѣсто, которое потомъ Перунярень прозвалося. Такъ нѣкогда образъ Сеяновъ, любимца Тиверïева, по низверженïи его, влачимъ былъ по стогнамъ Римскимъ и ввержень въ Тибровы струи. Тацитъ въ Тиверïевой жизни.

§ 40.

По разрушенïи божницъ и сокрушенïи боговъ, повелѣлъ Владимïръ созидать церковь на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, прочими кумирами окруженный. Церковь заложена во имя Святаго Василïя, по его въ крещенïи тезоименитству. За симъ крещены чрезъ Митрополита всѣ сыны его и большая часть Бояръ прежде не крещеныхъ. Потомъ назначилъ день, въ которой подобало всему Крещенïе сыновъ Владимïровыхъ и всѣхъ Кïевлянъ. Лѣта 989.

народу Кіевскому готову быть къ принятію святаго крещенія, и обнародованъ указъ: „что естьли кто изъ некрещенныхъ богатъ или убогъ, Вельможа или рабъ, не явится заутра на рѣку Почайну и крещенія не воспріиметъ, тотъ почтется власти его противникомъ.„ Рѣчка Почайна, свидѣтель благовѣрія нашего, течетъ въ самомъ Кіевѣ, и ради мѣлководія удобнѣйшею къ сему священному дѣйствію избрана. Въ назначенный день безчисленное людей множество собралось на мѣсто опредѣленное. Мало таковыхъ жестоковыйныхъ изъ гражданъ было, которые, имѣя уши, не слышали ни проповѣди, ни повелѣнія, и ушли изъ града въ пустыни и лѣса, да тамо погибнутъ въ зловѣріи, когда всѣ прочіе съ радостію ожидали часа, утверждая другъ друга сими словами: „ежели не было сіе благо, тобъ ни Бояре, ни самъ нашъ Великій Князь сего не принялъ.„ Владимиръ со всѣмъ сигклитомъ, и Митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ, украсили присутствіемъ своимъ народное собраніе, и позорище толь великолѣпное отъ куренія кадильницъ благовонія облаками одѣялось. По пришествіи Государя наполняется рѣка каждаго возраста и пола людьми: одни стоятъ въ водѣ по поясъ, другіе по колѣна, иные до персей, иные до выи, матери держаще младенцевъ на рукахъ, а отцы юныхъ отроковъ и дѣвицъ до глубины не допускающе. Самые согбенные старцы, на жезлы опираясь, величавость зрѣлища умножали, Священники и діаконы, на брегу и на плотахъ стоявшіе, одни читали крещенныя молитвы; другіе, на погружавшихся возлагая

руки, по мѵропомазанїи давали имена, на цѣлые сонмы по единому, мужамъ и женамъ, множества ради народа. По крещенїи одни изходили, а другїе для тогожъ наполняли струи рѣчныя. Тогда Владимїръ, возведъ длани и очи на небо, со умиленїемъ рекъ: „Великїй Боже, Творецъ неба и земли! призри благоутробно на новые люди Твоя, и даждь имъ познати Тебя, истиннаго Бога Вседержителя. Утверди въ нихъ вѣру Твою святую, да не подвижутся въ вѣкъ. Помози и мнѣ, Владыко, на противнаго врага, да сокрушатся козни его подъ знаменїемъ креста, и силою крещенїя да побѣдится ветхїй супостатъ (*). Даждь, Господи! подаждь намъ, да подъ державою Твоею прославится имя Твое во всей Россїи, яко славимо оно во всѣхъ странахъ Христїанскихъ; да постыдятся предъ нимъ вси невѣрующїе въ Тебя; да вострепещутъ вси противоборнїи ему, и на путь спасенїя да обратятся!„ Тако воспрїявъ Кїевъ благодать вѣры Христїанскїя, пролилъ источники ея по всей Россїи, и Россїя, до сего дня непреложно содержа оную, никогда отъ Грековосточныя церкви не отщетилась, ниже по примѣру другихъ государствъ измѣненїя искала; постоянная во всемъ, непоколебимо и въ вѣрѣ своей доселѣ пребываетъ. Христолюбивые ея Монархи, образъ благочестїя подая, крѣпятъ основанїя вѣры, на коихъ собственная власть ихъ стоитъ неподвижно.

Молитва изъ Нестора, стр. 83.

(*) Самою молитвою сею подтверждается сказанїе внѣшнихъ Писателей, что Владимїръ и по воспрїятїи крещенїя демономъ любострастїя изнуряемъ еще былъ, а въ послѣдствїи и еще роскошную его жизнь примѣтимъ.

§ 41.

Народныя училища заводятся.

По совершеніи толь великаго дѣла совѣтуетъ Митрополитъ благочестивому Государю, что вѣра безъ ученія слаба будетъ во нравахъ непросвѣщенныхъ. Сего ради всѣ политическія Государства правиломъ себѣ постановили насаждать по всѣмъ знаменитымъ градамъ училищь вертограды, да между прочими науками паче всего нравственное преподается ученіе. Гдѣ нравы благоустройны, тамо праздность и лѣность не совмѣстны; а откуда сіи общества враги изгнаны, тамо рукодѣлія и свободныя художества возгнѣздясь, изобильную произведутъ торговлю, и обогащеніе отечеству принесутъ со всѣхъ концовъ земли. Внялъ сему благоразумный Государь, и повелѣлъ первое устроить училище въ Кіевѣ. Вельможамъ было сказано, чтобъ дѣтей своихъ отдавали. Сихъ и гражданъ знаменитыхъ записывали въ главное училище, а убогихъ и простыхъ мѣщанъ дѣти отдавались въ наученіе грамоты Священникамъ и діаконамъ, уже во множествѣ изъ Греціи и Болгаръ Дунайскихъ вскорѣ пришедшимъ. Всякое начинаніе не безъ затрудненій бываетъ, и сіе коль ни благомысленно было, произвело однакожъ ропщаніе. Особливо великое неудовольствіе въ женскомъ причинило оно недоразумѣніи: матери горькими слезами обливали дѣтей ведомыхъ на просвѣщеніе, и своимъ рыданіемъ мужей заражали къ непослушанію; но матернія слезы и отцовъ негодованіе благоразумными увѣщаніями и предписанною Учителямъ кротостію прекратилъ рачительный первосвященникъ. Такимъ образомъ пер-

Лѣтописцы наши.

вое училище Владимiромъ подъ благословенiемъ перваго Митрополита Михаила, Сирянина родомъ, насаждено въ Кiевѣ, и съ сего времени непрерывно существуя, подавало ученiе всему Княжеству Кiевскому, и преименованное потомъ въ Кiевскую Академiю, цѣлой Малороссiи источникомъ просвѣщенiя служило. Отъ него во дняхъ нашихъ видѣли мы болѣе въ томъ краѣ благонравiя, нежели во глубинѣ Великiя Россiи; видѣли и самое духовенство оттуда изходящее и престолы Рускихъ Епископовъ занимающее; видѣли неимущихъ чѣмъ платить ученiя, бѣдныхъ и подаянiемъ питающихся учениковъ туне, по прежнему еще установленiю, тамо учащихся Греческому и Латинскому языкамъ, и словеснымъ наукамъ и самой Богословiи. Такъ твердо основалъ училище сiе Владимiръ; такъ благопрiятно благословилъ его Михаилъ! Многiя столѣтiя основанiя перваго не разрушили, и многiя столѣтiя ублажали послѣдняго благословенiе.

ГЛАВА XI.

По крещенiи Кiева предпрiятое всей Россiи крещенiе и другiя политическiя Владимiромъ учрежденiя.

§ 42.

Насадивъ первое въ вертоградѣ Христовѣ благонравiя древо, предпрiялъ великiй Князь просвѣтить, подобно Кiеву, и крещенiемъ и ученiемъ всю единодержавiю его подвластную Россiю. Уже были къ посланiю по градамъ Епископы

Предпрiятое всей Россiи крещенiе. Лѣта 989.

готовы, и посланы въ разныя мѣста, провожаемые вельможами и вои, да несклонныхъ страхомъ оружїя къ тому принудятъ. Извѣстно Владимїру было паче всѣхъ народовъ упорство Славянъ Новоградскихъ, ни безъ власти жить не могущихъ, ни власти не терпящихъ, угрюмыхъ по природѣ и непокорныхъ по древнимъ установленїямъ. Къ нимъ прежде другихъ отправленъ Епископъ Iоакимъ, самъ о посланїи своемъ и о бывшихъ въ Новѣградѣ при крещенїи дѣйствїяхъ повѣствующїй. Съ Iоакимомъ пошелъ въ Новградъ Добрыня, дядя Владимїровъ, имѣя достаточное число войска, прїявшаго, какъ и самъ онъ, вѣру Христїанскую. Новоградцы, увѣдавъ вину шествїя Добрынина, учинили Вечу, или народное собранїе; ибо Веча на Славянскомъ языкѣ ничто иное, какъ народное собранїе, и право общественнаго по превосходству голосовъ опредѣленїя знаменуетъ. Въ послѣдствїи мы увидимъ, какїя важности была сїя Веча, и коликаго кровопролитїя стоила она Новоградцамъ. На Вечѣ обязались клятвою Новоградцы не впускать во градъ Добрыню, и не дать на поруганїе и истребленїе боговъ прародительскихъ, и паче въ недавныхъ лѣтахъ вознесеннаго Перуна громодержателя. Въ содержанїе сея клятвы, узнавъ о приближенїи Добрыни, разрушили великїй чрезъ Волховъ мостъ, и на конецъ онаго стали вооруженные, и бросанїемъ камней встрѣтили Кїевлянъ. Добрыня, ласкою и грозою оружїя увѣщевая, непщевалъ одолѣть мятежное ихъ упорство; но ни ласковыя предложенїя вождя, ни убѣдительныя увѣщанїя Спасителя, ниже страхъ оружїя, не воз-

Выписка изъ Iоакима у Г. Тат. стр. 38, 39, 40. кн. I. гл. 4. Владимиръ. Лѣта 989.

могли пресилить суровыя граждан жестоковыйности, утверждаемыя великим жрецом Новоградским. Богомил, первосвященник рукотворнаго Перуна, Соловьем ради отменнаго краснорѣчія прозванный, и хитростію слова и гнѣвом бога своего и вымышленных чудес коварством претил народному послушанію, и впечатлѣніе ко многобожію в сѣверных утверждал сердцах. Сладкій сбольщенія яд, из витійственных уст его в цвѣтах погибающія свободы разливаясь на Вечѣ, по стогнам и по домам твердил, что изкореняют богов, поборников по вольности, для изкорененія самих законов вольности и для порабощенія в неволю свобододержавнаго сословія. Тогда Угоняй Тысяцкій, разъѣзжая по граду, вопіял: „лучше нам помрети, нежели лишиться свободы и дати „боги наши на поруганіе.„ Чернь сим разъяренная, кинувся на торговую страну, гдѣ дом Добрынин, яко Намѣстника Владимірова, находился, разграбила его имѣніе, дом разорила, жен и сродников его смерти предала. Добрыняж в то время тщетно препроводил цѣлые два дни за рѣкою: всѣ его покушенія стражею граждан без успѣха отражаемы были. Тогда единый из Владиміровых Тысяцких, Путята именуемый, муж храбрый и предпріимчивый, приготовя ладіи и выбрав от Ростовцев 500 человѣк, подобно себѣ отважных, по соизволенію Добрыни пустился нощію на он пол Волхова. Переправился он выше града и вшел во оный стражею непознанный; ибо стрегущіе Новоградцы не врагом, но на помощь его при-

готовы, и посланы въ разныя мѣста, провожаемые вельможами и вои, да несклонныхъ страхомъ оружія къ тому принудятъ. Извѣстно Владиміру было паче всѣхъ народовъ упорство Славянъ Новоградскихъ, ни безъ власти жить не могущихъ, ни власти не терпящихъ, угрюмыхъ по природѣ и непокорныхъ по древнимъ установленіямъ. Къ нимъ прежде другихъ отправленъ Епископъ Іоакимъ, самъ о посланіи своемъ и о бывшихъ въ Новѣградѣ при крещеніи дѣйствіяхъ повѣствующій. Съ Іоакимомъ пошелъ въ Новградъ Добрыня, дядя Владиміровъ, имѣя достаточное число войска, пріявшаго, какъ и самъ онъ, вѣру Христіанскую. Новоградцы, увѣдавъ вину шествія Добрынина, учинили Вечу, или народное собраніе; ибо Веча на Славянскомъ языкѣ ничто иное, какъ народное собраніе, и право общественнаго по превосходству голосовъ опредѣленія знаменуетъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, какія важности была сія Веча, и коликаго кровопролитія стоила она Новоградцамъ. На Вечѣ обязались клятвою Новоградцы не впускать во градъ Добрыню, и не дать на поруганіе и истребленіе боговъ прародительскихъ, и паче въ недавныхъ лѣтахъ вознесеннаго Перуна громодержателя. Въ содержаніе сея клятвы, узнавъ о приближеніи Добрыни, разрушили великій чрезъ Волховъ мостъ, и на конецъ онаго стали вооруженные, и бросаніемъ камней встрѣтили Кіевлянъ. Добрыня, ласкою и грозою оружія увѣщевая, нещщевалъ одолѣть мятежное ихъ упорство; но ни ласковыя предложенія вождя, ни убѣдительныя увѣщанія Спасителя, ниже страхъ оружія, не воз-

Выписка изъ Іоакима у г. Тат. стр. 38, 39, 40. кн. 1. гл. 4. Владиміръ. Лѣта 989.

могли пресилить суровыя граждан жестоковыйности, утверждаемыя великим жрецом Новоградским. Богомил, первосвященник рукотворнаго Перуна, Соловьем ради отмѣннаго краснорѣчія прорименованный, и хитростію слова и гнѣвом бога своего и вымышленных чудес коварством претил народному послушанію, и впечатлѣніе ко многобожію в сѣверных утверждал сердцах. Сладкій обольщенія яд, из витійственных уст его в цвѣтах погибающія свободы разливаясь на Вечѣ, по стогнам и по домам твердил, что изкореняют богов, поборников по вольности, для изкорененія самих законов вольности и для порабощенія в неволю свобододержавнаго сословія. Тогда Угоняй Тысяцкій, разъѣзжая по граду, вопіял: „лучше нам помрети, нежели лишиться свободы и дати „боги наши на поруганіе.„ Чернь сим разъяренная, кинувся на торговую страну, гдѣ дом Добрынин, яко Намѣстника Владимірова, находился, разграбила его имѣніе, дом разорила, жен и сродников его смерти предала. Добрыняж в то время тщетно препроводил цѣлые два дни за рѣкою: всѣ его покушенія стражею граждан без успѣха отражаемы были. Тогда единый из Владиміровых Тысяцких, Путята именуемый, муж храбрый и предпріимчивый, приготовя ладіи и выбрав от Ростовцев 500 человѣк, подобно себѣ отважных, по соизволенію Добрыни пустился нощію на он пол Волхова. Переправился он выше града и вшел во оный стражею непознанный; ибо стрегущіе Новоградцы не врагом, но на помощь его при-

шедшимъ почли. Путята устремился прямо ко двору Угоняеву, и внезапнымъ нападенїемъ его самаго и съ нимъ многихъ знаменитѣйшихъ мужей поймавъ, узниками къ Добрынѣ за рѣку отправилъ. Слухъ о семъ нападенїи разнесся по всему пространству града, и вооруженныхъ до пяти тысячь гражданъ навлекъ на бодрствующаго съ малою дружиною Путятю. Бой смертоносный наступленїю ихъ послѣдовалъ, и храбрость искуснаго вождя долго безначальному противустояла множеству; но непрестаннымъ прїумноженїемъ народа погубленъ бы пресловутый былъ Герой, естьлибъ на разсвѣтѣ дня бдящїй Добрыня не приспѣлъ съ воинствомъ на спасенїе ему. Прибытїе свое освѣтилъ онъ зажженїемъ многихъ у брега домовъ. Пожаръ ужаснулъ бїющихся съ Путятею гражданъ, и понудилъ, прервавъ бой, погашенїемъ заняться. Тогда Вельможи града, безсилїе свое узрѣвъ, предстали Добрынѣ, прося его о пощадѣ граду, миролюбному повиновенїю себя подвергая. Обыкшїй къ побѣдамъ и прощенїю мужественный Добрыня повелѣлъ гласомъ воинскїя трубы собраться воинамъ и грабленїе запретилъ; потомъ низвергъ и сокрушилъ въ Новѣгородѣ идоловъ, и Перуна, подобно какъ и въ Кїевѣ, повелѣлъ влечь съ поруганїемъ и бїенїемъ палицами на брегъ Волхова и, ко многой скорби нечестивыхъ, кинуть на зрѣлище народа въ рѣку, обѣ части града орошающую.

Іоакимъ и Несторъ.

§ 43.

Баснословїе о Перунѣ.

Новоградская лѣтопись баснословитъ, что плывущїй сквозь разломанный мостъ вверхъ

по теченію Волхова идолъ, оттпехаемый отъ береговъ, бросивъ на мостъ палицу, возопіялъ: „Се вамъ, Новоградцы, забава! употребляйте „ее на мое воспоминаніе!„ Отъ басни сей, кажется, произошелъ и въ долгое время уже въ самомъ Христіанствѣ былъ у нихъ обычай въ нѣкоторые праздники биться палками. Въ Литвѣ едва ли и нынѣ пресѣклось сіе единоборство, *вытти до пальца* называемое, и паче при Сеймахъ часто бывавшее. Жители сельскіе, зря плывущаго Перуна, и помня великіе свои ему или паче жрецамъ его оброки и недавное въ боги постановленіе, пхая отъ береговъ своихъ, въ глумливомъ огорченіи говорили: „Иди! уже ты больше не богъ нашъ; и такъ долго мы тебя кормили. Иди въ пропасть, откуда ты взятъ былъ.„ Напротивъ того вѣщаетъ Іоакимъ, говоря: „по сокрушеніи и вверженіи въ Волховъ идоловъ, мужіе и жены съ воплемъ и рыданіемъ молили за нихъ, яко за сущихъ боговъ своихъ; но не внимая тому, Добрыня повелѣлъ повсюду обнародовать, чтобъ всѣ шли на рѣку для крещенія.„ Воробей, сынъ Стояновъ, Посадникъ Новоградскій, при Владимірѣ воспитанный и даромъ витійства одаренный, изшедъ на торжище, многихъ убѣжденіемъ краснорѣчія къ добровольному преклонилъ воспріятію вѣры, а прочихъ воины насильно итти креститься понудили. Полъ мужескъ крещенъ выше, а женскъ ниже моста; и понеже многіе, не бывъ крещены, коварно благочестивыми въ спискахъ писались, того ради повелѣно было крещенымъ вздѣвать на выю кресты древянные и изваянные изъ металловъ разныхъ. Обыкновеніе сіе

и крещеніе Новоградцевъ. Лѣтп. Новоградскій. Лѣта 989.

Таможъ.

и нынѣ при крещенїи хранится, и простодушные не снимаютъ крестика сего даже до смертнаго своего часа. По крещенїи отпущенъ Путята съ войскомъ обратно въ Кїевъ; а въ Новѣградѣ осталась пословица: „Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ.„ Мы о храбромъ Путятѣ ничего болѣе въ Писателяхъ
Сп. ч. Т. к. I. § 2. не обрѣтаемъ, какъ токмо имя его видимъ въ вышеобъявленной пѣсни, отъ древности сохраненной. Не видимъ также ничего и о сладкорѣчивомъ жрецѣ Богомилѣ; но сей, естьли не ушелъ съ Холмоградскими жрецами и идолами въ глубокїй Сѣверъ, на устьѣ рѣки Двины, гдѣ Холмоградъ потомъ построенъ, то конечно онъ въ пѣсняхъ Владимїрова времени славился подъ названїемъ Соловья Разбойника. Сходство имени и остатки сихъ пѣсенъ, кажется, правдоподобную догадку сїю тѣмъ паче утверждаютъ, что ушедшїй изъ Новаграда могъ онъ собрать разбойническую шайку и прославиться; ибо и вся Россїя, какъ ниже объявится, разбойниками и разбоями тогда преисполнена была (*).

§ 44.

Объявили мы, что первые во святое крещенїе приведены были сыны Владимїровы; но о ихъ матеряхъ, ни о наложницахъ въ сказанїяхъ Дѣеписателей ничего не обрѣтаемъ.

(*) Пѣснь ироическая о Соловьѣ Разбойникѣ и о побѣдившемъ его богатырѣ Ильѣ Муромцѣ существуетъ между народными пѣснями и донынѣ. Въ ней поется, что Илья связаннаго Соловья Разбойника привезъ въ Кїевъ ко Владимїру, и проч.

Заключаяжъ по мѣсту, гдѣ скончался Владимiръ (*), можемъ, кажется, достовѣрно предложить, что нѣкоторыя изъ сихъ сердечнаго чувствованiя жрицъ и при истребленiи идоловъ въ прежнемъ достоинствѣ въ домахъ своихъ остались; а нѣкоторыя съ сынами ихъ отпущены въ определенные имъ грады, кои потомъ въ удѣлы обратились. Родительская Владимiрова къ дѣтямъ любовь съ одной, и страсть къ женамъ, или большая или еще не простывшая съ другой страны понудили его вскорѣ по крещенiи великую противъ благоразсудныя политики учинить погрѣшность въ раздробленiи государственнаго тѣла на многiя части. Составилъ онъ ко вреду Россiи 12 Княженiй по числу 12 сыновъ своихъ, и мѣстные для нихъ опредѣлилъ удѣлы (*),

(*) Владимiръ, какъ ниже объяснится, скончался на Берестовѣ. Дворецъ его вмѣщалъ 200 наложницъ: число меньше противу другихъ, слѣдовательно отборнѣйшее.

(*) Имена сыновъ его и имъ опредѣленныхъ удѣловъ суть слѣдующiя, по сказанiю Нестора, стр. 84, и Чаш. Кн. II стр. 76. I. Вышеславъ; сему данъ Новградъ. II Изъяславъ получилъ Полоцкъ; III. Вечеславъ, которому достался Черниговъ; IV. Святополкъ посаженъ въ Туровъ, которой за Польшею, а не тотъ, что близь Полоцка Княземъ Туромъ построенъ; V. Ярославъ сей получилъ прежде Ростовъ, но по смерти Вышеслава переведенъ въ Новградъ, а Ростовъ данъ VI Борису, и VII. Глѣбъ получилъ Муромъ, часть Борисову. VIII. Святославъ посаженъ въ Древляне; IX. Всеволодъ во Владимiрѣ Волынскiй, которой чрезъ два года по крещенiи построенъ; X. Мстиславъ

чтобъ вѣдали они, кому чѣмъ по смерти его владѣть. Кіевъ предоставилъ онъ своему сокровенному благоволенію, не хотя объявить, кого на свое мѣсто изберетъ достойнѣйшимъ. По смерти Вышеслава Новоградскаго перевелъ туда изъ Ростова Ярослава, а Ростовъ далъ Борису, оставя его часть Муромъ Глѣбу. Такъ распоряжая, не припомнилъ Великій Владиміръ, что отъ подобнаго неблагоразсуднаго государства разсѣченія произходило уже при братѣ его Ярополкѣ пагубное зло, окончавшееся убіеніемъ обоихъ сыновъ Святославовъ, его родныхъ братьевъ. Не помыслилъ онъ, что и впредь подобное зло можетъ сынамъ его случиться, и будетъ продолжительнаго въ Россіи междоусобія и братоубійства причиною, что оно ослабитъ цѣлое и изсушитъ устроенные имъ члены.

§ 45.

Построеніе градовъ. лѣта 989.

Но хотя великіе люди, по слабости человѣческія природы, иногда и заблуждаются; но

во Тьмутаракань, о мѣстоположеніи котораго хотя Писатели и не согласны, но по достовѣрному доказательству Господина Болтина въ Словарѣ Географическомъ и приложеннымъ при томъ Историческимъ доводамъ несомнѣнно заключить можно, что Тьмутаракань былъ на рѣкѣ Ворсклѣ, гдѣ еще и нынѣ великій виденъ валъ. XI. Судиславъ во Псковъ; а о XII Позвиздѣ не упоминаютъ, можетъ быть, для того, что онъ, какъ чаютъ, усыновленный и полагается роднымъ Судиславу, отъ Олега рожденнымъ, и потому къ удѣлу Судиславову причисленный, или умеръ онъ до сего раздѣленія.

въ тожъ время въ другомъ преуспѣваютъ. Владимiръ раздѣленiемъ государства погрѣшилъ противъ правилъ благомыслящiя политики; но нѣкiимъ образомъ исправилъ погрѣшность сiю огражденiемъ и разширенiемъ предѣловъ государственныхъ. Видя, что непостоянные Печенѣги набѣгали и хищенiемъ непрестанно Россiянъ отягощали и часто до самаго Кiева варварскую простирали наглость; того ради повелѣлъ онъ при прочихъ своихъ распоряженiяхъ созидать грады по рѣкамъ: Деснѣ, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, и созданы тогдажъ многiе, о коихъ въ послѣдствiи упоминаемо будетъ. Населены они переведенными и самопроизвольно приходящими отъ Славянъ, Кривичь, Чуди, Вятичь и прочихъ подвластныхъ ему и сосѣдственныхъ народовъ, чѣмъ не мало оградилась страна Кiевская отъ внезапнаго иноплеменниковъ нашествiя. При толь знаменитомъ устроенiи не оставилъ рачительный Государь употребить великаго прилѣжанiя къ должному въ созданiи церквей Кiева украшенiю. Хотя и воздвигнуты имъ и Вельможами его многiе древянные храмы, но желанiе его простиралось къ строенiю каменныхъ; и для того послалъ нарочно въ Царьградъ за искусными зодчими, иконописцами, ремесленниками, рѣзчиками и каменосѣчцами. По прибытiи ихъ первая въ Кiевѣ каменная церковь Святаго Георгiя поставлена, украшена и снабжена утварью; а по ней начато зданiе великiя соборныя Пресвятыя Богоматери церкви, которую прилѣжные зиждители тогожъ года Ноября 26 го привели къ окончанiю. Въ ней помѣщены всѣ утвари, сосуды

и иконы, изъ Корсуня привезенныя, и первый Протопопомъ опредѣленъ вышереченный Анастасій Корсунянинъ со Священники тогожъ града. Проименована церковь сія Десятинною; ибо десятая часть податей на содержаніе духовенства и училищь къ ней тогдажъ приписана.

§ 46.

Строеніе Бѣлграда на рѣкѣ Рупинѣ. Война противъ Мечеслава, Князя Польскаго. Лѣта 6498 / 990.

Въ наступившее потомъ лѣто исправилъ, увеличилъ и украсилъ Владиміръ любимый свой Бѣлгородъ на рѣкѣ Рупинѣ, близь Кіева верстахъ въ 15 находящейся. Любимъ ему градъ сей можетъ быть по тому, что въ немъ былъ домъ его, содержащій нѣкогда жертвенныхъ на любострастіе красавицъ. Пріятно воспоминаніе утѣхъ и по прошествіи оныхъ; а лѣта Владиміровы едва ли еще могли соблазну искусителя чувствъ нашихъ противоборствовать. Градъ сей населилъ онъ зажиточными изъ иныхъ мѣстъ людьми, и послѣ было въ немъ Епископство; а нынѣ зовется онъ Бѣлгородокъ. Повѣствуютъ также Писатели, якобы сего лѣта, собравъ Владиміръ великое воинство, ходилъ противъ Польскаго Князя Мечеслава войною, и сошедшись съ нимъ за рѣкою Вислою, въ кровопролитномъ бою разбилъ совершенно. Польки или на мѣстѣ пали, или въ плѣнъ побраны, и самъ Мечеславъ едва бѣгствомъ до Кракова достигнулъ, откуда приславъ съ богатыми дарами Пословъ, просилъ мира и получилъ отъ побѣдителя, тогдажъ въ Кіевъ возвратившагося. Но понеже о семъ походѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ въ Польскихъ Писателяхъ мы не нахо-

димъ, то кажется, что побѣда сїя та же, о которой мы за нѣсколько до крещенїя его лѣтъ со свидѣтельствомъ внѣшнихъ Писателей, по преданїю Іоакимову, объявили, или та, которая одержана имъ тогдажъ надъ Болгары и Сербы; ибо Несторъ побѣжденныхъ сего 990 лѣта Хорватами именуетъ. Между тѣмъ рачительный о православїи Митрополитъ Михаилъ ходилъ самъ въ нѣкоторыя страны Россїйскїя для приведенїя въ Христїанство, и въ бытность свою въ Ростовѣ создалъ тамо первую церковь Успенїя Пресвятыя Богородицы, учредилъ Епископство и Епископа Ѳеодора оставилъ. Съ сего времени въ семъ древнѣйшемъ въ Россїи градѣ, которой потомъ мѣстнымъ былъ Княженїемъ, Епископство учреждено. Самъ благочестивый Владимїръ съ двумя Епископы и съ вои ходилъ ко Днѣстру поученїя и крещенїя ради, и множество преклонилъ ко Христу народа. Въ землѣ Червенской создалъ онъ тогда во имя свое градъ Владимїръ, и въ немъ церковь Пресвятыя Богородицы, и оставя Епископомъ ему нѣкоего Стефана, возвратился въ столицу (*).

(*) Построенїе сего въ области Волынской близь Буга града привело многихъ поздныхъ Писателей въ заблужденїе, якобы градъ Владимїръ на рѣкѣ Клязьмѣ, нынѣ во Владимїрскомъ Намѣстничествѣ присущный, созданъ Великимъ Княземъ Владимїромъ I. Но сей на Клязьмѣ градъ построенъ гораздо позже отъ Георгїя, сына Владимїра Мономаха; чему въ доказательство служитъ повѣствователь Епископъ Симеонъ, который подъ лѣтомъ 1775 пригородкомъ Суздальскимъ его именуетъ, по свидѣтельству Тат. Кн. II. и прим. No 196.

§ 47.

Смерть перваго Россійскаго Митрополита; въ его мѣсто пришелъ Леонтій изъ Царяграда. Лѣта 992.

Въ сіе время, къ великому Христіанъ сожалѣнію, умеръ Михаилъ, первый Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи. Владиміръ немедленно послалъ въ Царьградъ къ Патріарху просить на его мѣсто инаго, и присланъ Леонтій, мужъ, какъ отмѣннымъ ученіемъ, такъ и Христіанскими добродѣтельми преисполненный. Сей разпредѣлилъ по градамъ Россійскимъ Епископовъ: въ Великій Новградъ и Псковъ вышереченнаго повѣствователя Іоакима изъ Грекъ, въ Черниговъ Неофита, въ Ростовъ Ѳеодора, во Владиміръ Стефана, въ Бѣлгородъ Никиту, сущихъ Болгарянъ рода Славянскаго. Но понеже нѣтъ моего намѣренія писать при свѣтскомъ повѣствованіи церковнаго, то отселѣ не буду я инако о пастыряхъ церкви упоминать, какъ столько, сколько къ намѣренію моему необходимо потребно и къ связи дѣяній мірскихъ нужно будетъ. Все то, что предъ симъ о духовенствѣ объявлено, есть ничто иное, какъ токмо предварительное объясненіе, какъ и когда воспріяли предки наши свѣтъ ученія Христова. Просвѣщающій отечество наше и до сего дня сей немерцающій свѣтъ внесъ Владиміръ Великій, и тѣмъ самимъ, яко Божественныя благодати пособіемъ, завязалъ тогда же узелъ политическихъ свѣтовъ между Россіею и Дворами Европейскими. Во время, въ коемъ повѣствую, имѣлъ онъ Пословъ отъ Императоровъ Греческихъ: отъ Болеслава, храбраго Короля Польскаго, отъ Стефана I., Короля Венгерскаго, отъ Андроника, Короля Чежскаго

(Богемскаго) (*), и отЪ Папы Римскаго, сЪ поздравленїемЪ воспрїятїя вѣры и сЪ заключенїемЪ дружескихЪ постановленїй, которымЪ чрезЪ взаимныя посланїя видимЪ и отЪ него соотвѣтствїе. КасательножЪ до проповѣди Христїанской, которая и по преставленїи Михаила Митрополита повсюду сѣялась, и чрезЪ нѣкоего Марка любомудрца до ЗаволгскихЪ БолгарЪ простерлась, хотя не примѣчаемЪ кромѣ Россїи желанныхЪ успѣховЪ; однакожь сказываютЪ Писатели, что четыре Болгарскїе Князя, пришедЪ вЪ КїевЪ, святое крещенїе приняли и вЪ службѣ Великаго Князя остались. печ. ник. и бу. ч. I. стр. 95.

ГЛАВА XII.

Воинскїе подвиги Владимїровы и прочїя до окончанїя его жизни произшествїя.

§ 48.

По воспрїятїи ВладимїромЪ святаго крещенїя, воинскїе его подвиги вЪ нашихЪ и купно вЪ ПольскихЪ ДѣеписателяхЪ начинаются

ПоходЪ на Семиградскую и Хорватскую землю.

(*) По Венгерской новой Исторїи, отЪ Карла Готлиба Виндама вЪ 1778 году изданной, СтефанЪ I., великїй Князь Венгерскїй, началЪ княжити вЪ 997, слѣдовательно 5 лѣтЪ позже обЪявленнаго нашими Писателями посольства; но сїе не удивительно; ибо вЪ лѣтоизчисленїи великїя вЪ ПисателяхЪ встрѣчаются разнствїя. Андроника, Короля Богемскаго, головою не нахожу вЪ Богемской Исторїи, изданной ПельцелемЪ вЪ 1779 году, а княжилЪ, по его свидѣтельству, отЪ лѣта 968 до лѣта 996 БолеславЪ II. что, какЪ маловажное, и предаю на судЪ Читателей.

§ 47.

Смерть перваго Россійскаго Митрополита; въ его мѣсто пришелъ Леонтій изъ Царяграда. Лѣта 992.

Въ сіе время, къ великому Христіанъ сожалѣнію, умеръ Михаилъ, первый Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи. Владиміръ немедленно послалъ въ Царьградъ къ Патріарху просить на его мѣсто инаго, и присланъ Леонтій, мужъ, какъ отмѣннымъ ученіемъ, такъ и Христіанскими добродѣтельми преисполненный. Сей разпредѣлилъ по градамъ Россійскимъ Епископовъ: въ Великій Новградъ и Псковъ вышереченнаго повѣствователя Іоакима изъ Грекъ, въ Черниговъ Неофита, въ Ростовъ Ѳеодора, во Владиміръ Стефана, въ Бѣлгородъ Никиту, сущихъ Болгарянъ рода Славянскаго. Но понеже нѣтъ моего намѣренія писать при свѣтскомъ повѣствованіи церковнаго, то отселѣ не буду я инако о пастыряхъ церкви упоминать, какъ столько, сколько къ намѣренію моему необходимо потребно и къ связи дѣяній мірскихъ нужно будетъ. Все то, что предъ симъ о духовенствѣ объявлено, есть ничто иное, какъ токмо предварительное объясненіе, какъ и когда воспріяли предки наши свѣтъ ученія Христова. Просвѣщающій отечество наше и до сего дня сей немерцающій свѣтъ внесъ Владиміръ Великій, и тѣмъ самимъ, яко Божественныя благодати пособіемъ, завязалъ тогда же узелъ политическихъ свѣтовъ между Россіею и Дворами Европейскими. Во время, въ коемъ повѣствую, имѣлъ онъ Пословъ отъ Императоровъ Греческихъ: отъ Болеслава, храбраго Короля Польскаго, отъ Стефана I., Короля Венгерскаго, отъ Андроника, Короля Чежскаго

(Богемскаго) (*), и отъ Папы Римскаго, съ поздравленіемъ воспріятія вѣры и съ заключеніемъ дружескихъ постановленій, которымъ чрезъ взаимныя посланія видимъ и отъ него соотвѣтствіе. Касательножъ до проповѣди Христіанской, которая и по преставленіи Михаила Митрополита повсюду сѣялась, и чрезъ нѣкоего Марка любомудрца до Заволгскихъ Болгаръ простерлась, хотя не примѣчаемъ кромѣ Россіи желанныхъ успѣховъ; однакожь сказываютъ Писатели, что четыре Болгарскіе Князя, пришедъ въ Кіевъ, святое крещеніе приняли и въ службѣ Великаго Князя остались. печ. ник. и бу. ч. I. стр. 95.

ГЛАВА XII.

Воинскіе подвиги Владиміровы и прочія до окончанія его жизни произшествія.

§ 48.

По воспріятіи Владиміромъ святаго крещенія, воинскіе его подвиги въ нашихъ и купно въ Польскихъ Дѣеписателяхъ начинаются

Походъ на Семиградскую и Хорватскую землю.

(*) По Венгерской новой Исторіи, отъ Карла Готлиба Виндама въ 1778 году изданной, Стефанъ I., великій Князь Венгерскій, началъ княжити въ 997, слѣдовательно 5 лѣтъ позже объявленнаго нашими Писателями посольства; но сіе не удивительно; ибо въ лѣтоизчисленіи великія въ Писателяхъ встрѣчаются разнствія. Андроника, Короля Богемскаго, головою не нахожу въ Богемской Исторіи, изданной Пельцелемъ въ 1779 году, а княжилъ, по его свидѣтельству, отъ лѣта 968 до лѣта 996 Болеславъ II. что, какъ маловажное, и предаю на судъ Читателей.

Побѣды и возвращенїя. Лѣта 6501 / 993. походомъ на Семиградскую землю, или на Хорваты, по свидѣтельству Нестора (*). Какая причина понудила Великаго Князя къ предпрїятїю сего похода, неизвѣстно; къ томужъ Писатели Венгерскїе и Богемскїе въ сїе время ни о какихъ Рускихъ дѣянїяхъ въ Трансилванїи или Семиградской землѣ не объявляютъ; и для того не инако почесть походъ Владимїровъ возможно, какъ развѣ дружбою къ юному Стефану, Королю Венгерскому, которая, можетъ, понудила его вспомоществовать союзнику, что и часто въ послѣдующихъ временахъ между обѣихъ Державъ взаимно бывало. Помощь Владимїрова нужна тогда была Стефану. Естьли малую токмо въ лѣтоизчисленїи между Писателей разность прїимемъ тѣхъ или другихъ ошибкою, то является намъ въ самое почти сїе время великое возмущенїе идолопоклонныхъ вельможъ Венгерскихъ противу Стефана, усерднаго по Христїанской вѣрѣ поборника, къ которому бунту и Семиградцы и Хорваты присовокуплены были. Hist. univ. moderne, T. LXX. liv. XXXI page. 462. 493. D. Ioc. Ang. Нѣкто, Купа именуемый, былъ тогда начальникомъ крамолы и предводителемъ мятежниковъ. Онъ хотѣлъ посягнуть Гейлу, мать Стефанову, и великїя причинивъ разоренїя прїявшимъ Христїанство, поколебалъ и въ опасность крайнюю привелъ молодаго Короля державу. И такъ естьли сїе бытїе воспрїять причиною Владимїрова похода, то, по свидѣтельству

(*) Хорваты жили въ Кроацїи, но Несторъ полагаетъ ихъ на Бугѣ; можетъ быть частъ ихъ оттуда пришедшихъ и тутъ обитавшихъ. Народъ сей племени Славянскаго.

нашихъ Писателей, справедливость его оружія награждена была совершенными побѣдами. Сопротивниковъ онъ покорилъ, славою себя и воинство свое увѣнчалъ, и со множествомъ плѣна и корыстей въ Кіевъ возвратился. Несторъ.

§ 49.

Отсутствіе Великаго Князя въ страны чуждыя было причиною бѣдствія нѣкоторымъ областямъ Кіевскимъ. Неукротимые Печенѣги, учинивъ между тѣмъ нападеніе объ онъ полъ Днѣпра по рѣкѣ Сулѣ, ужасныя чинили разоренія, и не страшась утомленнаго по прибытіи Владимірова войска, къ рѣкѣ Трубежѣ уже приближились, когда стремленье ихъ поспѣвшій къ броду Владиміръ внезапнымъ пресѣкъ пришествіемъ. Оба супротивныя войска, готовыя къ бою, остановились, и ни единое чрезъ рѣку переправиться не дерзало; когда Печенѣжскій Князь горделиво на брегъ пріѣхавъ, потребовалъ на разговоръ Владиміра. Храбрый Государь явился на противномъ ему брегѣ, а Печенѣгъ въ кичливости говорилъ: „Почто губить намъ воинство, и напрасно проливать кровь человѣческую? Рѣшимъ нашу брань поединкомъ двухъ ратоборцевъ и естьли твой моего одолѣетъ, то три года воевать противу васъ мы не будемъ; естьли же мой одержитъ побѣду, то заплати намъ дань отъ меча войска твоего.„ Сіе глаголя, показалъ единоборца. Былъ то исполинъ вида страшнаго и роста чрезвычайнаго: однако Владиміръ отъ предложенія не отрекся; и оба къ ополченіямъ своимъ возвратились. Таковые поединки отъ самой ветхой древности Война съ Печенѣги. Лѣта 993.

у всѣхъ народовъ бывали: Гомеръ въ Иліадѣ, Иродотъ и Титъ Ливій въ повѣствованіяхъ примѣрами таковаго единоборства изобилуютъ, и мы въ послѣдствіи временъ видимъ въ законахъ всей Европы рѣшеніе общихъ и частныхъ споровъ, отъ поединковъ зависящее. Но по чему съ меча воина дань при семъ условіи положена, то хотя ни въ одномъ изъ Писателей нашихъ не находимъ, однакожь изъ обычаевъ вѣдаемъ, что болѣе двухъ гривенъ никогда не простиралась, а чаще до куны низходила. Между тѣмъ не въ весьма спокойномъ духѣ Князь Великій къ своимъ возвратился. Недоумѣвался онъ, видѣніемъ страшнаго исполина пораженный, можетъ ли во всемъ своемъ войскѣ и между самыми Берендеями и Торками, отмѣнною силою славящимися, найти такого усилка, кто бы могъ стать противу Печенѣга. Однако, не теряя еще надежды, повелѣлъ кличь кликнуть; но тщетно: никто не дерзнулъ явиться. Уже день къ вечеру склонялся и умножилъ его отчаяніе; уже воображалось ему погубленіе славы Рускія неизбѣжнымъ, когда предсталъ ему нѣкій старецъ, кожевникъ по ремеслу, по виду благочинный. „Позволь, Государь! говорилъ старецъ, и истинна, на лицѣ разлившись, слова его препровождала: позволь скорби твоей принесть облегченіе. Хотя я и съ четырьмя сынами здѣсь, но нѣтъ изъ насъ ни единаго, ктобъ противъ Печенѣга надежно могъ выйти; а есть у меня въ домѣ младшій мой сынъ, котораго еще никто отъ самой юности его не поборывалъ ради великой силы и проворства. Осердясь, онъ деретъ иногда сырыя воловьи кожи безъ малѣйшаго на-

пряженія. „ Великій Князь, услыша о богатырѣ, повелѣлъ его привесть, а отъ Печенѣгъ на три дни обожданія потребовалъ. Приведенный предъ Государя юноша изпросилъ для показанія опыта силы своея, чтобъ велемощнаго страшнаго вола разкаленнымъ желѣзомъ раздражили. Сдѣлано по желанію. Быкъ въ изступленной ярости бѣжалъ, рогами и копытомъ землю разрывая; а кожевникъ, обождавъ, разъяреннаго на себя въ самомъ стремленіи ухватилъ за бокъ, и кожу съ мясомъ вырвалъ. — „Можешь съ Печенѣгомъ бороться, возопилъ ему обрадованный Владиміръ: можешь!„ И тояжъ нощи повелѣлъ войскамъ своимъ къ бою устроеваться, вѣдая, что естьли борецъ его преодолѣнъ будетъ Печенѣгомъ, то они дерзко нападутъ на него; а естьли удастся одолѣть кожевнику, то оробѣвшихъ враговъ легко онъ побѣдить уповалъ. Утро явило часъ къ переправѣ за рѣку, и войска Владиміровы, по условію съ Печенѣги, на онъ полъ прешли. Оба ополченія, въ боевой устроенныя порядокъ, съ нетерпѣливостію поединка ожидаютъ. Наконецъ изторгаются изъ рядовъ единоборцы, идутъ на размѣрную между войскъ среду, сходятся. Печенѣгъ, видя неробкаго усмаря, т. е. кожевника, поругался малорослому; ибо былъ онъ росту средняго, и страшнымъ возопивъ гласомъ, кинулся на твердо стоящаго. Уклонился Рускій богатырь и, схвативъ исполина, поднялъ, ударилъ о землю, и гордый духъ изъ горѣ подобнаго туловища вышибъ. Кровь черную отрыгнулъ страшный зевъ, и грозные глаза незатворенные оцѣпенѣли. Побѣдитель отходитъ къ своимъ,

и палицею вооруженъ со Владимїромъ на ужаснувшихся Печенѣгъ наступаетъ. Бѣгутъ робостїю объятые полки супостатовъ; а Россїяне, въ торжествѣ преслѣдуя, множествомъ убїенныхъ покрыли поля. Удаленїе бѣжавшихъ пресѣкло сѣчу и бой окончило. Тако побиты и многїе въ плѣнъ побраны были Печенѣги. Усмарь и сынъ его чинъ боярства съ достаточнымъ имѣнїемъ получили. Сказываютъ нѣкоторые Писатели, что на память богатырю и побѣдѣ заложенъ на бродѣ Трубежи рѣки градъ Переяславль, по имени исполинова побѣдителя (*); но по другимъ

(*) Несторъ на стр. 86 и 87 говоритъ: „и заложи градъ на бродѣ томъ, и нарече имя ему Переяславль, зане Переяславль отроку тому имя.„ Но сїе Несторово сказанїе прекословитъ самому Нестору, которой выше въ договорахъ Олеговыхъ и Игоревыхъ со Греками существо Переяславля предположилъ; да и Константинъ Порфирогенитъ, гл. 16 и 53, по свидѣтельству Татищева, книга II, прим. 201, стран. 414, не упоминаетъ о Переяславлѣ иномъ. Развѣ Нестора разумѣть здѣсь надобно тако: „ Владимїръ возобновилъ и укрѣпилъ градъ Переяславль, а побѣдителю исполинову далъ имя, на память его побѣды, Переяславль, то есть, что онъ перелъ славу Печенѣговъ; ибо Печенѣги славились уже побѣдами, а онъ пресѣкъ ихъ при семъ градѣ побѣды. Въ просторѣчїи и нынѣ еще говорится: *переньять что нибудь*, какъ то на примѣръ: переняшь пловущее судно, переняшь бѣгущаго звѣря и пр. Никонъ въ Части I, стр. 112, подъ лѣтомъ 1004, называетъ сего витязя усмошвецъ; а по онымъ лѣтописямъ назывался онъ до побѣды Янъ Усмовичь, и послѣ побѣды переимено-

вѣрнѣйшимъ свидѣтельствамъ кажется о созданіи града сего прибавленіе баснословнымъ, и назывался богатырь сей Яномъ Усмовичемъ; ибо градъ Переяславль еще при Олегѣ и Игорѣ въ ихъ со Греками договорахъ на Трубежѣ упоминается. Развѣ предположимъ, что Владиміръ новымъ укрѣпленіемъ его возобновилъ, и по сей знаменитой побѣдѣ возвратился со славою въ Кіевъ.

§ 50.

Болгары Заволгскіе и Камскіе подвигли на себя побѣдоноснаго Владиміра. Пошелъ онъ съ воинствомъ въ ихъ землю, и не столь много побѣдивъ, какъ разоривъ и опустошивъ ихъ селенія, возвратился принужденный, кажется, лѣта сего несноснымъ зноемъ и чрезмѣрною сушью, отъ которой какъ жита на поляхъ, такъ и травы на лугахъ во многихъ мѣстахъ выгорѣли. По возвращеніиже соверша Христолюбивый Государь каменную Пресвятыя Богородицы церковь, вшелъ въ нее торжественно и въ молитвенномъ сердца умиленіи рекъ (*): Господи Боже мой! призри

Походъ на Болгары. Лѣта 6502 / 994. Ник. лѣтоп.

ванъ Переяславомъ. О семъ пространно изъяснилъ Г. Болтинъ въ прим. на Леклерка части I. § XXVI и XXVII.

(*) Слѣдующей молитвѣ законъ сбереженъ намъ отъ духовныхъ Писателей, яко относящійся до обоихъ обогащенія, и находится и нынѣ въ Рос. Библіотекѣ, при Академіи тисненіемъ изданной въ 1778 году Ч. III. въ началѣ, подъ заглавіемъ: Уставъ Великаго Князя Владиміра, крестившаго Россійскую землю, о церковныхъ судѣхъ и о десятинахъ. А не понимаю, какія причины ради Любители отече-

съ высоты святыя Своея достоянїе Твое. Вииждь и посѣти виноградъ сей. Низпосли Духа Своего Святаго въ сердца обращенныхъ Тобою, и научи ихъ познати Тебя, истиннаго и всемогущаго Бога, Творца неба и земли. Благо-

ственной Исторїи, издавая Правду Русскую, или Законы Великихъ Князей, Ярослава Владимїровича и Владимїра Всеволодовича Мономаха въ 1792 мъ году, о семъ Уставѣ, яко первомъ по крещенїи законѣ, ничего не упомянули; и надлежало бы кажется для того упомянуть, что не льзя по образцу сему не заключить, чтобъ сей первый Христїанскїй Государь не издалъ, или не исправилъ и гражданскихъ законовъ, какъ они и сами въ предисловїи на стр. III й признаются, что Правда Руская, л. 1017 Новоградцамъ данная, не есть сочиненїе тогдашняго времени, но за нѣсколько вѣковъ существовавшее. И подлинно такъ, что Ярославъ оную исправилъ; но ошибкою въ предисловїи Любителей написано, якобы далъ ее Новоградцамъ въ 1017 году; ибо Ярославъ не по двухъ лѣтѣхъ по отцѣ на Кїевской взошелъ престолъ, но по 4 хъ въ 1019 году; а законъ сей далъ по прозьбѣ Новоградцевъ, будучи въ Новоградѣ для учрежденїя тамъ сына своего Владимїра на Княженїи въ 1035 году, какъ о семъ всѣ Лѣтописатели наши, и изъ нихъ Татищевъ, кн. II, стр. 105, подъ лѣтомъ $\frac{6453}{1035}$, утверждаютъ. Я самъ имѣлъ щастїе въ числѣ сихъ Любителей Руской Исторїи быть, и хотя при изданїи въ печать не участвовалъ; но первыя замѣчанїя и сношенїя лѣтописцевъ и словъ объясненїя при мнѣ между прочими произходили. Я тогда же и о Владимїровомъ I напоминалъ законѣ духовномъ, и вышереченный собранїю предлагалъ Уставъ; но послѣ то или отвергнуто, или забвенно: ибо при-

датїю Твоею храмъ сей созданъ мною недостойнымъ во имя рождшїя Тебя Матери, да съ вѣрою молящимся въ немъ ея ходатайствомъ отпустятся имъ прегрѣшенїя.„ Тако помолясь, вручилъ Митрополиту свитокъ, содержащїй непреложный законъ, что даетъ онъ церкви сей отъ доходовъ своихъ и отъ всѣхъ торговыхъ и прочихъ государственныхъ сборовъ десятую часть, присовокупя въ грамотѣ сїи слова: „Аще кто изъ преемниковъ моихъ сїе завѣщанїе мое преступитъ, да будетъ проклятъ (*).„ Тщетное проклятїе, никогда преемниками неуважаемое! Въ сей его грамотѣ ви-

ключившаяся болѣзнь сотруднику нашему, Г. Болтину, которой единъ, по отмѣнному знанїю Руской Исторїи, къ изданїю упрошенъ былъ и единъ трудился, воспрепятствовала намъ собраться, и естьлибъ кто хотѣлъ изъ насъ въ чести сей ему поспорить, погрѣшилъ бы противу чести.

(*) Dans les mémoires ſecretes ſur les Regnes de Louis XIV et de Louis XVI сїи достопамятныя Людовика XIV. слова приводятся, Ч. I. стр. 202. Людовикъ при концѣ своей жизни сочинилъ завѣщанїе въ отношенїи къ правительству по немъ, и бесѣдуя о томъ съ Королевою Аглинскою, сказалъ ей: „Я сочинилъ завѣщанїе; но можетъ быть и съ нимъ то же самое послѣдуетъ, что и съ завѣщанїемъ отца моего. Доколѣ мы въ мїрѣ семъ, дотолѣ можемъ все дѣлать, что хотимъ, а по смерти нашей завѣщанїя наши гораздо меньше исполняются, нежели людей частныхъ.„ Истинное предсказанїе; ибо его завѣщанїе было не дѣйствительно, равно какъ и отца Владимїрова, и его въ послѣдствїи тщетнымъ увидимъ.

дѣли мы законы, дающїе духовенству право судить дѣла, до него не принадлежащїя, но относящїяся къ судамъ и законамъ гражданскимъ. Изъ сего мы токмо то паки и достовѣрно сказать можемъ, что напрасно внѣшнїе повѣствователи затѣваютъ, аки бы Россїя въ древности не имѣла своихъ законовъ. Мы, говоря въ своемъ мѣстѣ о законахъ, предложимъ нѣчто изъ сея грамоты, да тѣмъ истинна повѣствованїя нашего утвердится. . . . Сей свой законъ положилъ Владимїръ въ олтарѣ церковномъ. Неоспоримо, что новость заведенїя училищь и содержанїе духовенства требовали тогда толь неумѣренныя щедроты; но не благоразумно кажется заклинать слѣдующихъ преемниковъ, которыхъ сущная политика таковыя временныя учрежденїя перемѣнять необходимо обязуетъ. Подаянїе такое въ началѣ своемъ могло и долженствовало обогатить и уважить бѣднаго духовенства состоянїе; но вредно оно стало въ послѣдствїи, когда не только ввело въ равенство, но едва ли и не превысило власть духовную противъ единодержавной Монаршей власти. Кто можетъ противъ сея истинны спорить, что надлежитъ почитать духовенство? Но и то такаяжъ непрекословная истинна, что при великомъ къ нему уваженїи и достаточномъ по степенямъ его содержанїи не надлежитъ отнюдь давать ему повода къ роскоши и невоздержанїю, о какихъ Царь Іоаннъ II. Московскїй къ тогдашнему Архїепископу Казанскому Гурїю въ письмѣ своемъ изъяснилъ. При томъ весьма противно политикѣ допускать, чтобъ духовенство, излишнее прїобрѣтши

богатство и силу, учинилось въ общемъ политическомъ дѣлѣ *тѣломъ* особеннымъ. Сему государственныхъ Членовъ состоянiю не великолѣпныя пышности потребно, но уваженiя и отличности довлѣетъ. Благонравiе есть его красота, цѣломудрiе достоинство, знаменитость сана богатство, а соразмѣрное сему содержанiе есть должное отъ общаго тѣла ихъ добродѣтелямъ воздаянiе. Какое злоупотребленiе произошло отъ сего десятиннаго закона, повѣствованiе всѣхъ народовъ намъ оставило свидѣтельство. Онъ, пришедъ отъ Iудейскiя Iерархiи ко Грекамъ, простерся отъ нихъ во все Христiанство, и повсюду на долгiе вѣки владычество духовенства возродивъ, и досёлѣ въ Западной церкви безпредѣльную Iерархiю содержитъ. А какой вредъ нашему отечеству толь неразсудный законъ причинялъ, съ присовокупленiемъ къ нему добровольнаго къ церквамъ и монастырямъ подаянiя недвижимыхъ имѣнiй, тому сами мы очевидные еще свидѣтели, и древнiе запретительные Государей нашихъ Указы и новыя благоучрежденiя намъ показуютъ. Церкви Божiя требуютъ конечно великолѣпнаго украшенiя, сосудовъ и утварей и одеждъ священныхъ драгоцѣнности; а сего никогда отцы наши въ такомъ преизобилiи не видали, какъ видимъ мы нынѣ по взятiи отъ власти духовной въ особливое управленiе духовныхъ имѣнiй. Въ первоначалiи подлинно употреблялась десятина на содержанiе училищъ и богадѣленъ; но потомъ богоугодное сiе намѣренiе обратилось въ тщету, и такъ наконецъ ученiе, особливо въ великой Россiи, пресѣклось было, что едва ли Herberstein и Olearius

въ описаніяхъ Россіи. въ цѣлой вѣкъ видѣнъ былъ единый пастырь, знающій Божественное Писаніе; а вмѣсто богадѣленъ земля бродягами наполнялась и единою богадѣльнею казалась.

§ 51.

Пиршество и торжество Владиміровы; нападеніе на Василевъ Печенѣговъ; опасность, въ которой находился Владиміръ. Лѣта 996. Великій Князь Владиміръ, препоручивъ сборъ десятины извѣстному Протопопу Анастасію Корсунянину, и предавъ знатный доходъ сей въ безотвѣтное Митрополиту расположеніе, далъ ему власть, чтобъ Епископы въ своихъ Епископствахъ подобный на церкви, или лучше сказать, на себя поборъ собирали. Потомъ изшедъ изъ церкви, сотворилъ въ той день великій пиръ для всѣхъ своихъ Бояръ и старшинъ градскихъ, и съ сего дня едва ли не во всѣ Святымъ угодникамъ праздники подобныя пиршества его упражняли. А потому во время сего спокойнаго въ Кіевѣ житія и въ пиршествахъ дней препровожденія услышалъ онъ, что Печенѣги пришли къ Василеву (*) граду, по крещеніи уже во имя его созданному. Внезапное супостатовъ нашествіе не дозволило Великому Князю достаточнаго собрать воинства; чего ради ухвативъ небольшее число дружины, при немъ находящейся, пошелъ на оборону града. Печенѣги, встрѣтивъ его во

(*) Градъ Василевъ не далеко отъ Кіева построенъ Владиміромъ I. по его крещеніи, и названъ по его въ крещеніи имени. Онъ и церковь Преображенія Господня въ немъ создалъ. Градъ сей есть нынѣшнее на Польскомъ рубежѣ и на рѣкѣ Стугнѣ мѣстечко Василевъ. Не надобно сего Василева смѣшивать съ Василевомъ Смоленскія области.

многолюдствѣ и не давъ ему устроиться къ бою, нечаянно напали; войско его разбили и разогнали, коня подъ нимъ убили; и едва могъ онъ, укрывшись подъ мостъ, случившійся чрезъ протокъ на мѣстѣ боя, спастись чудеснымъ образомъ отъ ищущихъ его супостатъ. Сокрывшись подъ мостъ, сказуютъ Дѣеписатели, обѣщался онъ построить въ Василевѣ церковь Преображенія Господня; ибо нещастіе его въ день Преображенія случилось — и спасшися, исполнилъ обѣщаніе. Одержанная Печенѣгами побѣда никакихъ болѣе слѣдствій не имѣла. Владимиръ, по созданіи церкви, учинилъ празднество, достойное важности грозившія напасти, тѣмъ паче, что при великолѣпныхъ чрезъ осмь дней пиршествахъ съ собранными отъ всѣхъ окрестныхъ градовъ Боярами, посадниками и старшинами, не забылъ онъ употчивать и народъ; а что всего болѣе, роздалъ въ милостыню убогимъ триста гривенъ сребра. Потомъ узаконивъ всягодно день сей праздновать, возвратился въ Кіевъ Августа къ 15 числу, и тутъ въ день Успенія Пресвятыя Богородицы подобное устроилъ торжество. Сіе въ подробности оставивъ намъ повѣствователи наши, не оставили токмо сихъ нужнѣйшихъ обстоятельствъ: вопервыхъ, что побѣдители предпріяли, и куда они дѣвались; вовторыхъ, что послѣдовало съ побѣжденными, и гдѣ разсѣянные Кіевляне по такомъ пораженіи нашли прибѣжище? Однакожъ какъ упоминаемыя при семъ случаѣ пиршества, такъ и въ послѣдующихъ безпрерывно потомъ употребляемое расточеніе казны называютъ они милосердіемъ и Еван-

тельскою въ сердцѣ Владимїровомъ добродѣтелїю по Писанїю: „блажени милостивїи, яко тїи помилованы будутъ.„ Но оставшїяся и до насъ дошедшїя во вкусѣ Греческаго стихотворства пѣсни какъ о богатыряхъ, такъ и о пиршествахъ и забавахъ Владимїровыхъ, свидѣтельствуютъ болѣе роскошь, хищенїе, невоздержанїе, иногда и басни любовныя, а всегда излишество хмѣльныхъ напитковъ (*). Въ удостовѣренїе чего скажемъ изъ Нестора и его переписчиковъ примѣчанїя достойное бытїе. Владимїръ, по отслушанїи въ Воскресные дни литургїи, давалъ въ домахъ своихъ пиры великолѣпные; и нѣкогда упившїеся пивомъ, виномъ и медомъ гости стали упрекать ему,

(*) Я не излишно почитаю для изображенїя тогдашнихъ нравовъ и искусства сочиненїя пѣсенъ, на подобїе Иродъ древнихъ, предложить здѣсь нѣчто изъ остатковъ и нынѣ существующихъ. Пѣсни сїи начиналися обыкновенно тако: „Во славномъ во градѣ было въ Кїевѣ, у славнаго Князя у Владимїрова, у солнышка было Святославича, какъ былъ у него великъ почестенъ пиръ на многїе Князи и на Бояры, и на всю поляницу удалую и на всѣ богатыри могучїе, и пр.„ Кто не видитъ въ порядочномъ ударенїи называемаго въ искусствѣ стихотворномъ каданса? Мы множество таковыхъ остатковъ имѣли, но нынѣ часъ отъ часу истребляться они стали: чего однакожъ весьма жаль, ибо сколько баснотворнаго, столько и истиннаго повѣствованїя содержали; да и прочїя наши пѣсни порядочное изъявляютъ стихотворство, какъ то въ предисловїи изданныхъ древнихъ народныхъ пѣсенъ не такимъ ученымъ человѣкомъ доказано. См. Ты. погр. Гор. Учил. изданїе 1790 году.

говоря: „раздаешь ты злато и сребро на церкви, а сосуды и ложки на столѣ своемъ имѣешь древянные. Прискорбно намъ сїе видѣть, и паче употреблять оные.„ Владимiръ, внявъ нареканiю, повелѣлъ дѣлать сосуды и ложки сребряные, и предлагать ихъ Вельможамъ, достопамятную сказавъ при томъ рѣчь: „Серебромъ и златомъ, туне въ сокровищахъ лежащимъ, не могу я прiобрѣсть ни войска, ни славы, ни друзей; а дружиною и злата и сребра съ избыткомъ достану, подобно отцу и дѣду моему, войскомъ все прiобрѣтшему.„ Тако и во всю жизнь свою поступалъ Владимiръ: любилъ всегда Вельможъ мудрыхъ и праводушныхъ; съ ними совѣтовалъ о благоустройствѣ государства; съ ними издавалъ Указы земскiе; съ ними изливалъ правосудiе на подданныхъ; съ ними разсуждалъ о предпрiятiи и продолженiи войны; съ ними и съ военачальниками устроевалъ порядокъ военный, и повиновенiе вводилъ въ ратниковъ, къ тому не привычныхъ; наконецъ съ ними по древнему обычаю заключилъ и миръ съ державами воевавщими. Симъ снискалъ онъ у всѣхъ сосѣдственныхъ Государей къ себѣ, яко къ старшему и могущему изъ Славянскихъ Монарховъ, почтительное уваженiе.

Несторъ. Никонъ. Ист. кн.

§ 52.

Но какъ излищество пищи и питiя вредитъ и здравiю человѣческому, такъ неумѣренное въ пирахъ, празднествахъ и забавахъ времени потерянiе производитъ лѣность, разслабляетъ чувства, и душу въ нѣкоемъ распутномъ содержитъ нерадѣнiи. Отъ сего произ-

ходитъ, что Государь и его Совѣтники небрегутъ правительства должностей, а судопроизводцы забываютъ законы и правосудіе. Отсюда произошло тогда въ Кіевѣ едва ли не крайнее пренебреженіе древнихъ Рускихъ законовъ; а вмѣсто ихъ внѣдрились привезенные духовенствомъ изъ Византіи законы, кои и донынѣ подъ именемъ Кормчія Книги въ расправѣ духовной употребляются. Сіи законы хотя и во многомъ благоразумны, но пустосвятствомъ препутанные, не могли и не могутъ гражданскому удовлетворять правосудію; а въ тогдашнія времена подборъ ихъ чрезъ хитрыхъ судей духовныхъ прощалъ не рѣдко и самыя важныя преступленія, и отъ казни злодѣевъ освобождалъ по прихоти духовенства, нравоученіе Евангельское по произволу своему и по мѣрѣ оттуда подсудимыхъ толкующаго. Отсюда произошли по лицу всея Россіи ужасные разоренія селеній. Можетъ быть послужило къ сему и право Князей и Бояръ, дозволяющее имъ безотвѣтно похищать имѣніе безсильнаго, право собственности, или феодальное, о которомъ частію уже объявлено, и впредь въ подробности въ своемъ мѣстѣ объявится. Нерадѣніе и безпечность о благѣ общемъ Правительства таковаго зла было причиною. Всѣ пути между областей заняты и пресѣчены были разбойниками; не было ни единаго вертепа, ни лѣса, гдѣбъ скопища таковыхъ злодѣевъ путешествующихъ не грабили и не убивали. Еще и нынѣ имѣемъ мы сказку о славномъ Соловьѣ разбойникѣ, имѣвшемъ станъ въ лѣсахъ между Чернигова и Мурома, котораго единый

богатырь, Ѳезею Аѳинскому подобный, именемъ Илья Муромецъ, победивъ, узниковъ привелъ въ Кіевъ (*). О сихъ разбояхъ всѣ наши Дѣеписатели вопіютъ съ прискорбіемъ, и кажется для того, чтобъ дать Митрополиту Леонтію славу истребленія оныхъ. Митрополитъ, говорятъ они, возлагая снизхожденіе Владимірово злу сему причину, посовѣтовалъ съ Епископами, послалъ къ Государю слабости его съ обличеніемъ, и повелѣлъ ему сказать, что мягкосердіе его противно Божественному Писанію и Царскимъ и церковнымъ уставамъ. Не относятъ они однакожь зла сего на ихъ Іерархическое правленіе, которое, кажется, вящшею виною своеволія сего было. Епископы, возбуждая въ Великомъ Князѣ жестокость, присовокупили къ возлагаемой на него винѣ сію истинну, говоря: „Княже! мечь данъ тебѣ отъ Бога не токмо противъ непріятелей, но и на казнь злодѣевъ; ты милосердіемъ къ преступникамъ учиняешься мучителемъ невинныхъ.„ Сіе правда, владыки святые! но вы не вспомнили при томъ, что вливается жестокость въ такого Государя, которой едва только отъ жестокости сердце свое отвратилъ. Онъ и такъ уже по волѣ идольскихъ жрецовъ довольно не щадилъ крови человѣческой, и хотите паки по волѣ вашей учинить его кровопийцемъ для того, что онъ неосторожно и не-

(*) Сей Соловей разбойникъ, какъ и выше я замѣтилъ, можетъ самый тотъ Новоградскій первосвященникъ Перуновъ, изъ Новограда убѣжавшій и къ кровопролитію пріобыкшій, кровопролитіемъ и тутъ питался.

праведно великую власть вамъ самимъ предалъ. Спросите у насъ, и узнайте истинную силу любомудраго ученія. Отцы наши и мы сами во слезахъ и ужасѣ видѣли всѣ пути казненными въ разныхъ мукахъ разбойниками преисполнены; но не прежде разбоевъ избавились, какъ возсѣли на престолѣ Кротость и Любомудріе, казнь смертную отмѣнившія. Но ни Владиміръ I. столь цѣломудръ не былъ, какъ Великая ЕКАТЕРИНА II., ни вы столько просвѣщенны, какъ велико XVII вѣка просвѣщеніе; а потому и не трудно вамъ было возбудить привычку, со млекомъ въ Великаго вашего Князя вліянную. Владиміръ ко стуженію духовенства своего преклонился, и кровь безплодно полилась повсюду: безплодно; ибо не вижу въ Писателяхъ, чтобъ разбои лютою казнію пресѣчены были; но напротивъ того обрѣтаю, что тогдажъ отъ одного жестокосердія вовлеченъ былъ Государь въ другое. Тотъ же Митрополитъ, по совѣту съ Епископы и нѣкоторыми кровожаждущими Вельможами, представилъ ему: „Рать имѣешь ты велику, а живешь не по устроенію дѣда и отца твоего. Почто въ праздности томишься, и ни самъ нейдешь на войну, ни дѣтей, ни воеводъ на брани не посылаешь? Всѣ ратники твои ослабѣли; кони и оружіе гибнутъ, а земля наша разореніе терпитъ.„ Успѣли совѣтники и въ семъ кровавомъ представленіи. Владиміръ, собравъ войско, часть послалъ на Печенѣгъ, а другую изъ Новаграда на Чудь. Много побіено людей невинныхъ; много разорено селеній и опустошено земель плодоносныхъ. Такъ истребляя малыхъ разбойниковъ,

Несторъ и паче Никонъ Ист. ки.

вооружало суевѣріе большихъ на истребленіе рода человѣческаго. Писатели вѣщаютъ, что съ побѣдою войска сіи возвратились; а любомудріе вопреки вопіетъ: „ Гнусны побѣды сіи предъ Богомъ; непріятны Ему и побѣдители, принесшіе обагренныя въ невинной крови человѣческой руки предъ новосозданные олтари Его.„

§ 53.

Неутомимый Владиміръ, уповая, что многажды пораженные Печенѣги оставятъ наконецъ предѣлы Кіевскіе въ покоѣ, вознамѣрился воевать паки Чудь, и собравъ великое воинство и верховныхъ, то есть Смольянъ, съ Сарматскаго языка такъ называемыхъ, пошелъ къ Новуграду. Обманулся однакожь въ чаяніи своемъ. Печенѣги, никогда изъ вида удобь возможныхъ хищеній не упуская, какъ скоро о отсутствіи съ войсками его узнали, такъ скоро, собравшись во многолюдствѣ, пришли, и любезный его Бѣлградъ такъ тихо облегли, что ни изъ града кому выйти, ниже въ него что привезти не возможно было. Столь незапное облежаніе естественное вскорѣ произвело дѣйствіе. Осажденные, не чая ни откуда освобожденія, въ унылость приведенные, терпѣли крайній въ съѣстныхъ припасахъ недостатокъ. Кіевъ, упраздненный войскъ, самъ былъ въ страхѣ, и малую помощь послать, множества непріятелей ради, опасался. Между тѣмъ свирѣпые Печенѣги, или щадя своихъ людей, или неискусные въ приступахъ, предпріяли гладомъ принудить осажденныхъ къ здачѣ града. И подлинно, томимые гладомъ

Война на Чудь, нашествіе Печенѣгъ и облежаніе Бѣлграда. Лѣта 6505/997.

Бѣлградцы, посовѣтовавъ въ общенародномъ между собою собранiи, едва ли не вознамѣрились уже лучше отворить врата непрiятелю, и на волю его отдаться, нежели гладною помереть смертiю, какъ нѣкто изъ мужей престарѣлыхъ отвратилъ бѣду сiю вымысломъ смѣха достойнымъ. Уговорилъ онъ отчаянныхъ гражданъ до трехъ дней не сдаваться, обѣщавъ въ сiе время сыскать способъ къ освобожденiю града. Въ исполненiе сего собралъ по всему граду остатки овсяной муки, отрубей, пшеницы и меда, и повелѣлъ уготовить кисельную цѣжу и медъ въ сыту растворить. Наполнилъ онъ двѣ кади, въ землю подобно кладезямъ опущенныя, въ кои подземными трубами удобь возможно было добавлять запасъ цѣжею и сытою. Когда все по вымыслу его готово было, тогда отправили они къ Печенѣгамъ съ прошенiемъ, чтобъ прислали знатныхъ мужей для переговоровъ во градъ, а напротивъ взялибъ въ залогъ знатнѣйшихъ изъ гражданъ. Присланнымъ отъ Печенѣговъ показали они хитро устроенные кладези полны цѣжи и сыты; и въ присутствiи ихъ повелѣно народу варить кисель и ѣсть его съ сытою, какъ и нынѣ еще обыкновенно во дни постные въ Россiи употребляется. Чудящимся сему Печенѣгамъ говорили старшины града: „Почто хотите вы тщетно изнурять людей своихъ? Ни силою, крѣпости стѣнъ ради, ни гладомъ, ради естественныя у насъ пищи, одолѣть вы насъ не можете. Простоявъ на погибель свою, дождетесь прибытiя съ войскомъ Великаго Князя, къ которому изъ Кiева давно уже съ извѣстiемъ послано. Вкусите и

увидите, какіе сытные и вкусные источники мы имѣемъ. Дозволяемъ вамъ взять нѣчто и съ собою въ засвидѣтельствованіе предъ Князи вашими истинны видѣнія и испытанія вашего." Печенѣги взяли нѣсколько наполненныхъ цѣжею и сытою корчагъ, и возвратились въ станъ свой. Князи и старѣйшины ихъ, удивясь естественному изобилію, возмнили, что тщетно будетъ долговременное облежаніе, и размѣнявъ залоги, отступили отъ града и во свояси удалились. Подобно сему, вѣщаетъ Иродотъ, что ухищреннымъ показаніемъ запасовъ освободилъ нѣкогда мудрый Ѳразибулъ градъ свой Милетъ отъ нападенія Алкаша, Царя Лидійскаго. Но какъ сказуемое имъ бытіе, такъ и наше, и сомнительно и баснословно кажется. Владиміръ покорилъ между тѣмъ Чудь, возвратился въ Кіевъ, а въ Новѣградѣ старшаго своего сына Вышеслава правителемъ оставилъ.

Herod. Liv. I. ʒ. XXII. pag. 15. Traduction. T. V.

§ 54.

Смерть Малфреды Чехини и Горисланы Полоцкой, женъ Владіміровыхъ, и война на Болгаръ Дунайскихъ; нашествіе Печенѣгъ, и славное Александра Поповича дѣяніе.

По семъ около трехъ лѣтъ, въ покоѣ минувшихъ, Владиміръ огорченъ былъ мнѣніемъ двухъ супружницъ своихъ, можетъ быть и особо уже жившихъ; ибо мѣста кончины ихъ Писатели не предали. Малфреда Чехиня, мать Святославова, преставилась прежде, и Рогнеда или Горислава, Полоцкая Княжна, мать Ярослава, скоро по ней скончалась. Владиміръ, или для прогнанія печали, или прежнія заблужденія въ забвеніе погружая — ибо иныя причины въ Писателяхъ не находится — собралъ паки воинство, и весною пошелъ на Болгаръ Дунайскихъ. Въ походъ сей взялъ

Лѣта 6508 1000. Несторъ. Ник. лѣт., самимъ иправленный.

Переяславецъ, дѣда его любезный градъ, и въ немъ пребылъ, доколѣ заключилъ миръ съ Болгары. Въ пребыванїе его на Дунаѣ, нѣкто Володарь, измѣнникъ, забывъ благодѣянїя къ нему Владимїровы, пришелъ къ Кїеву съ Печенѣги, по одному, а съ Половцы, по другому Писателю, и облегъ градъ (*). Кто сей Володарь, и какїя отъ Владимїра имѣлъ благодѣянїя, и какъ измѣнникомъ учинился, все сїи предано отвѣщающихъ молчанїю; а Несторъ о семъ приключенїи ни словомъ не упоминаетъ; однакожь правдѣ подобная догадка можетъ утвердить сказанїе первыхъ, естьли примемъ сего измѣнника за единаго изъ тѣхъ Вельможъ, кои отъ принужденнаго крещенїя удобь возможно разбѣжаться и къ Печенѣгамъ переселиться могли. Но мы, оставя не удобь рѣшимое ихъ промолчанїе, повѣдаемъ единое бытїе, ими сказуемое. Когда осажденные Кїе-

(*) Татищ. кн. II. стр. 87, говоритъ, что измѣнникъ Володарь забылъ благодѣянїе Господина своего, привелъ Печенѣгъ къ Кїеву, что и правильнѣе; ибо Половцы тогда еще не входили въ Рускїе предѣлы; а Никон. печ. лѣт. на стр. 110 й говоритъ: „Прїиде Володарь съ Половцы къ Кїеву, забывъ благодѣянїе Господина своего.„ Что не Половцы то были, сїе изъ Нестора, которой о семъ приключенїи ничего не упоминаетъ, видѣть можно, когда въ послѣдствїи объявляетъ, что Половцы въ первый разъ въ Россїи показались въ 1061 году подъ предводительствомъ Князя ихъ Сокола. Такъ къ нещастїю нашему во многихъ мѣстахъ запутано повѣствованїе наше или прекословїями самихъ Дѣеписателей, или небреженїемъ съ нихъ переписчиковъ.

вляне въ недоумѣніи размышляли, что имъ въ такомъ внезапномъ начать обстоятельствѣ, тогда нашелся у нихъ храбрый граду спаситель, Александръ, по природѣ Поповичь, по силѣ и ремеслу богатырь. Выступивъ нощію съ небольшимъ числомъ ратниковъ изъ Кіева, напалъ на станъ вражескій, убилъ самого Володаря съ его братомъ, разбилъ и прогналъ Печенѣговъ (*). Сія знаменитая отечеству услуга отличнымъ почтена награжденіемъ. Возвратившійся изъ похода Владиміръ учинилъ его Вельможею, принялъ въ сподвижники и въ число своей дружины, и возложилъ на выю его гривну златую. Таковый знакъ рыцарства впервые находимъ въ повѣствованіи нашемъ, хотя изображенія на знакѣ семъ не вѣдаемъ; но заключить можемъ, что уподоблялась сія гривна всѣмъ въ тогдашнее время начинавшимся въ Европѣ разнообразнымъ при разныхъ Орденахъ знакамъ, и равновѣсна была фунту злата; ибо фунтъ злата, какъ выше объявлено, гривною у насъ нарицался. Сему Поповичу похвалы многія въ оставшихся древнихъ пѣсняхъ и сказкахъ еще нынѣ мы находимъ.

(*) Несторъ, видно, меньше хотѣлъ таковыми приключеніями заниматься, или въ Кенигсбергскомъ спискѣ, съ котораго лѣтопись его тисненіемъ издана, пропущено сіе бытіе, и ни словомъ о немъ подъ лѣтомъ 1000, ниже прежде и послѣ, не упоминается. Тат. кн. II. стр. 87; и Никоновской списокъ какъ о сей Александра Поповича побѣдѣ подъ симъ годомъ повѣствуютъ, тамъ и пустоту послѣдующихъ лѣтъ до 1114 года въ Несторѣ пополняютъ; чему я и слѣдовалъ.

§ 55.

Смерть Изъяслава Полоцкаго; наслѣдитъ сынъ его Брячеславъ. Война Печенѣгъ. Лѣта 6509 — 1001. Несторъ и другіе.

Свидѣтельство неложное представляется намъ сего лѣта, что къ крайнему Монархіи вреду мѣстные удѣлы наслѣдственному подверглися праву. Владиміръ не токмо дѣленія государства былъ виновникомъ; но при немъ и съ дозволенія его, кажется, стали обращаться части сіи въ наслѣдственныя отчины и называться симъ несвойственнымъ политическому тѣлу, какъ то въ послѣдствіи ясно уже видимъ. Въ настоящемъ году преставился Изъяславъ, сынъ Владиміра и Рогнеды, Князь Полоцкій, и по немъ наслѣдствовалъ сынъ его Брячеславъ. Се первое зло, которое потомъ усиливаясь было причиною отдѣленія многихъ отъ Россіи Княженій, междоусобій, слабости государства и наконецъ сущаго разоренія и подверженія подъ иго иноплеменниковъ. Непосредственно за симъ объявляютъ Писатели, что Великій Князь Владиміръ послалъ на Печенѣги Александра Поповича и Яна Усмовича, которой при градѣ Переяславлѣ сильнаго убилъ Печенѣжскаго исполина. Богатыри, вшедъ съ небольшимъ числомъ войска въ кочевье непріятелей, великое множество ихъ побили и въ плѣнъ побрали; Князя ихъ Родомана съ тремя сынами узниками по возвращеніи Владиміру представили. Славны богатырямъ такія побѣды; но ни завоеванія земель, ниже какія пользы не приносили онѣ государству, кромѣ отогнанія скотовъ и рабовъ пріобрѣтенія. Владиміръ однакожь торжествовалъ сію, учинивъ великое празднество и пиръ великолѣпный въ Кіевѣ. Такъ часто пышность Государей, пролiянную напра-

сно человѣческую кровь забывая, составляетъ торжество вмѣсто сокрушенія о убіенныхъ человѣкахъ. Любомудріе напротивъ того, побѣды таковыя забывая, съ восхищеніемъ предаетъ потомству похвальное въ семъ году дѣяніе Владимірово. Сей Великій Государь, желая научиться прямаго въ правленіи искуства и столько въ ономъ превзойти другихъ, сколько въ дѣйствіяхъ военныхъ превосходилъ уже онъ извѣстныхъ ему владѣтелей, посылаетъ мужей смысленныхъ подъ именемъ торгующихъ гостей, иныхъ на Западъ въ Италію и Римъ, другихъ на Востокъ во Іерусалимъ, Вавилонъ и Египетъ, препоручивъ имъ, чтобъ они старались описать земли путешествія своего, и паче всего принесли бы къ нему извѣстія о правахъ и обычаяхъ народныхъ, о ихъ образѣ правленія, о ихъ законахъ, торговлѣ и велелѣпіи зданій градскихъ и училищь учрежденіи. Нужное политическимъ государствамъ и Государямъ знаніе! Оно услаждаетъ любопытный невѣдущихъ слухъ разностію сказаній, и раздражаетъ къ подражанію вкусъ великолѣпными дальнихъ странъ зданіями для украшенія градовъ въ отечествѣ; приноситъ законы, правосудіе и порядокъ правленія земель чуждыхъ, для введенія полезнаго въ свои собственныя; подаетъ знаніе нравственное, для укрощенія пороковъ и насажденія добродѣтелей; научаетъ устройству и искуству воинскому и городовъ украшенію; разширяетъ торговлю познаніемъ надобностей чужихъ и заготовленіемъ для нихъ своихъ товаровъ, и прибытками отъ того обогащаетъ все сіе испытующаго Государя и государство.

Таковыя познанія достойны Великаго Монарха; и блаженна та Монархія, гдѣ таковый рачитель сидитъ на престолѣ. Внесенная симъ образомъ въ отечество польза внесетъ его паче всѣхъ завоеваній во храмъ безсмертія, и поставя его въ ряду благодѣтелей народныхъ, прославитъ паче всѣхъ великихъ Героевъ и побѣдителей.

§ 56.

Кончина Всеславова, внука Владимірова; его добродѣтельный характеръ. Поповичь съ сыномъ прогоняютъ Печенѣгъ отъ Бѣлграда. Затмѣніе солнца и луны. Лѣта 6511/1003. 6512/1004.

О преставленіи каждаго изъ Князей рода Владимірова не почелъ бы я весьма нужнымъ сказаніемъ для потомства, естьли бы цѣль общаго повѣствованія, родословіемъ ихъ сплетаемая, того не требовала; а паче важный Повѣствователя долгъ, повелѣвающій обнажать и добродѣтели и пороки Владѣтелей, нудитъ неминуемо оставлять память однихъ къ подражанію, другихъ къ омерзенію. Изъ первыхъ есть преставльшійся сего 1003 года Князь Всеславъ, сынъ Изяслава Полоцкаго, внукъ Владиміровъ. Юный сей Князь достоинъ, чтобъ память его никогда не изчезла. Онъ былъ кротокъ, милостивъ, сострадателенъ, чуждъ властолюбія и сопряженныхъ со страстію сею пороковъ, миролюбивъ съ сосѣдями, и своимъ благонравіемъ и добродѣтелями подданнымъ подая примѣръ, разпространилъ въ нихъ благонравную Христіанскую вѣру, и Евангельскія насаждалъ добродѣтели. Страхъ удаленъ былъ отъ его престола, и насиліе въ домѣ его не вмѣщалось. А потому удобь возможно вѣрить, что истинная горесть и чистосердечныя слезы провождали его во гробъ и вѣчность; ибо сіе есть послѣднее воздаяніе тако-

вымъ человѣчеству благотворительнымъ Князьямъ. Обращаясь между тѣмъ къ Кіеву, видимъ паки неукротимыхъ Печенѣгъ на страны его набѣги; видимъ паки Бѣлградъ отъ нихъ въ облежаніи, и паки приближеніемъ Александра Поповича и соподвижника его Яна Усмовича устрашенныхъ и въ степи бѣгущихъ. При семъ сказуютъ Повѣствователи о нѣкоей черица Адріана ереси; но мы, предавъ то церковному повѣствованію, объявимъ о приключеніи естественномъ, въ суевѣрномъ невѣжествѣ часто страхъ и трепетъ производящемъ. Сего года было два затмѣнія: одно солнечное и другое лунное, по великости своей важныя. Непросвѣщенные народы обыкновенно производятъ изъ того ужасныя предсказанія и слѣдствія, и для того весьма благоразумно опредѣлило ученіе извѣщать объ нихъ за годъ до явленія въ Мѣсяцословахъ, да знаютъ невѣжды, что по извѣстному планетъ теченію затмѣніямъ быть необходимо подобаетъ, когда одно свѣтило въ опредѣленное уставомъ естества ему время проходитъ другое, творя предначертанный ему кругъ.

§ 57.

Много разъ упоминали мы о Болгарахъ Волжскихъ, яко о народѣ и трудолюбивомъ и благонравномъ и къ торговлѣ весьма привязанномъ, и се новое свидѣтельство тому предложимъ. Трудолюбивый сей народъ, древнимъ Ѳиникіянамъ въ разпространеніи торга не уступающій, простеръ уже оный чрезъ Персію на Югъ въ предѣлы жаркой Индіи чрезъ Черное

Послы отъ Болгаръ Волжскихъ торговли ради. Лѣта 6514 / 1006.

море на Востокъ до рѣки Нила, Египетъ орошающей, и чрезъ Россїю на Сѣверъ въ хладныя Швецїи и Данїи страны, и проникъ въ прилежащее Сѣверному Океяну пространство земель Сибирскихъ и Новоградскихъ при берегахъ Двины рубежей. Но однако хотя они и проходили невозбранно по Россїи, благоразумїе политики ихъ хотѣло оградиться законнымъ отъ Государя дозволенїемъ, а можетъ быть и преимуществъ нѣкоторыхъ предъ другими чужеземцами искало. Сего ради прислали они ко Владимїру знаменитыхъ Пословъ съ великими дарами и съ прошенїемъ дозволенїя торговать безъ опасности во градахъ, лежащихъ по рѣкамъ Окѣ и вверхъ по Волгѣ. Великїй Князь сколько съ радостїю, столько и съ проницательною политики осторожностїю принялъ ихъ предложенїе, дозволилъ имъ прїѣзжать съ торгомъ во всѣ державы его грады, и въ нихъ закупать и продавать товары на торжищахъ градскихъ, а отнюдь не въ селенїяхъ (*), дабы все обращенїе торго-

(*) Татищевъ, кн. II. стр. 89, говоритъ: „а по селамъ не ѣздить, Тїунамъ, Вирникамъ, Огневшинѣ и Смердинѣ не продавать, и отъ нихъ не покупать.„ Что сїи имена значатъ, онъ же въ примѣчанїи на Судебникъ Царя Іоанна Васильевича объяснилъ; но хотя они и часто въ послѣдствїи повѣствованїя нашего упоминаться будутъ, я не прикоснусь къ ихъ объясненїю; ибо оное въ точности и весьма справедливое находится въ изданной любителями отечественной исторїи Правдѣ Руской, л. 1792, на которую и ссылаюсь. См. стр. 7. 67. 17. 3. 23. 2. 24. Разность между Татищ.

или внѣшнее чрезъ его купцовъ въ градахъ произходило; ниже далъ имъ предъ Греческими купцами преимущество; ибо вѣдалъ премудрый Государь, что изключительныя права и преимущества въ торговлѣ, единому народу дающіяся, отвращаютъ другихъ, и своему собственному торгу во вредъ обращаются. Равномѣрное постановленіе удержалъ онъ и для своихъ подданныхъ торговцевъ, желающихъ ходить въ Болгары. Такъ установлена взаимная торговля и обезпечена при законномъ защищеніи равномѣрною свободою, которая есть душа и основаніе торга всенароднаго. Купцы и гости обѣихъ договорившихся сторонъ снабжались потомъ грамотами обоюдными съ приложеніемъ печатей отъ тѣхъ правительствъ, откуда они съ товарами отъѣзжали; а сіи грамоты были свидѣтельствомъ правды и охраненіемъ торговцевъ.

§ 58.

Тишина въ государствѣ; перемѣна въ удѣлахъ смерти Вышеславой ради кончина Цесаревны Анны; возстаніе Ярослава противъ отца. Лѣта 1010 1011 1014. Несторъ и прочіе.

Такимъ образомъ просвѣтившій Христіанскою вѣрою Россію, мужествомъ державу свою оградившій, и торговлею обогатившій отечество Владиміръ, нѣкоторыя лѣта взиралъ съ возхищеніемъ на блаженство общее, миромъ и тишиною повсюду содержимое; но господствующій въ тѣлесномъ естествѣ рокъ столько непостояненъ, сколько человѣческая слаба природа. Великій Князь хотя ощущалъ уже сего умозаключенія истинну; однако устрой-

и сего изданія въ названіи одного токмо состоянія людей. Татищевъ его называетъ Огневшины, а изданіе нарицаетъ Огнещаны.

ство государства еще изъ виду не выпускалъ, и лишенный смертїю сына Вышеслава Новградскаго, принужденъ былъ постановить новое удѣловъ распоряженїе. На мѣсто Вышеслава далъ онъ Новуграду Ярослава; а Ростовъ, удѣлъ его, Борису, Глѣбужъ Муромъ, удѣлъ Борисовъ. Буй (*), лютѣйшїй изъ сыновъ его, жилъ при немъ неотлучно и былъ при наступающей его старости утѣшенїемъ, и паче, когда онъ Цесаревны Анны, послѣднїя своея супруги, смерть оплакивать былъ долженъ. Въ сїе время отягченный и лѣтами и трудами, Государь ослабѣвалъ уже и тѣломъ и духомъ; но не могъ пресилить непослушанїе непокорнаго сына Ярослава Новоградскаго. Причина огорченїя отцова была столько справедлива, сколько дерзость неповиновенїя сыновня непростительна. Издревле узаконено и Владимїромъ утверждено было, чтобъ Новградъ съ областьми его платилъ всегодно въ казну Кїевскую по 2000 гривенъ, а третью тысячу сбора оставлялъ на содержанїе придворныхъ намѣстнаго Князя людей. Такъ давали посадники Новградскїе, такъ

Лѣта 1011. Никонъ единый; другїе писатели молчатъ.

Лѣт. 1014. Несторъ и прочїе лѣтописцы.

(*) Сїе оправдаетъ Іоакимово повѣствованїе, что Княжна Болгарская, мать Бориса и Глѣба, была виновницею крещенїя Владимїрова и любезнѣйшая изъ супружницъ его; ибо не видно иной причины, для чего бы Владимїру предпочтительно предъ старшими предопредѣлить его къ Кїевскому престолу. Любить могъ онъ его, сколько хотѣлъ; но неправосудїя противу старшихъ учинить не могъ инако, какъ развѣ въ разсужденїи, что онъ первенецъ его въ Христїанствѣ, принесшїй въ Кїевъ сокрушенїе идолопоклонства.

въ точности исполнялъ и Вышеславъ, и съ тѣмъ Ярославъ вступилъ въ правленіе. Но неблагодарный сей сынъ, презирая можетъ быть старость отцову, не исправлялъ повелѣннаго, удерживая у себя принадлежащую Кіеву дань. За сіе на гнѣвъ подвигнутый Владиміръ повелѣлъ собраться воинству, исправить путь и мосты къ Новуграду, и вознамѣрился итти войною на сына мятежнаго. Такъ еще при жизни своей увидѣлъ онъ сотворенное имъ зло въ неразсудномъ государства раздѣлѣ. Раскаялся, можетъ быть, но уже поздно: удѣльныхъ Княжествъ сила въ рукахъ Князей удѣльныхъ состояла, и не потерпѣлабъ установленнаго положенія перемѣны.

§ 59.

Готовясь ко мстительной за презорство сына войнѣ, занемогъ Владиміръ; а между тѣмъ пришли къ нему Послы отъ Болеслава Литовскаго, сопровождаемые Послами жъ Богемскимъ и Венгерскимъ, и каждый изъ сихъ послѣднихъ просилъ въ супружество за Государей своихъ его дщерей. Владиміръ обѣщалъ Болеславу, что дастъ онъ за Богемскаго старшую Перемиславу, а за Венгерскаго среднюю и любезнѣйшую дщерь свою Предславу, и что для заключенія сихъ браковъ пріѣдетъ весною на съѣздъ во градъ Владиміръ Волынскій. Тогда Ярославъ, услышавъ, что отецъ его хощетъ войною привесть его къ послушанію, дерзновеннѣйшее предпріялъ намѣреніе поставить силу противъ наказанія, и послалъ въ Варяги, нанялъ и приготовилъ въ помощь своимъ великое воинство; но судьба не попу-

Послы ко Владиміру; дѣянія Ярославовы; походъ Борисовъ на Печенѣговъ; кончина Владиміра. Лѣта 6522 / 1015.

стила еще оскверниться повѣствованію нашему крайнимъ сыновняго злодѣйства дѣяніемъ. Владиміръ среди грозныхъ пріуготовленій разболѣлся, и войско противъ идущихъ на него Печенѣговъ отпустилъ съ Борисомъ, сыномъ своимъ. Такъ промыслъ Божій отвращаетъ иногда человѣковъ отъ преступленій, человѣческаго воззрѣнія и солнечнаго освѣщенія недостойныхъ. Въ отсутствіе Борисово преселился Христіанскою кончиною Владиміръ въ пучину вѣчности, единому Творцу извѣстную. Блаженная кончина постигла его мѣсяца Іюля въ 15 й день лѣта отъ Рож. Христ. 1015 е, въ любимомъ его селѣ Берестовѣ, на 68 году отъ рожденія. Государствовалъ онъ въ идолослуженіи осмь, а въ Христіанствѣ двадесять и седмь лѣтъ. Нравы, обычаи и самый характеръ Единодержавца сего описаны. Премѣненъ былъ онъ по обстоятельствамъ, храбръ, мужественъ, предпріимчивъ, властолюбивъ по природѣ, веселъ, роскошенъ, небрежливъ, любострастенъ по сильности, набоженъ, строгъ, жестокъ и мстителенъ по суевѣрію. Таковъ въ идолопоклонствѣ былъ Владиміръ. Но освѣненный благодатію Божіею жестокость преодолѣлъ милосердіемъ, за братоубійство воздалъ раскаяніемъ, мщеніе наградилъ кротостію, и самое буйное младости стремленіе загладилъ можетъ быть нѣжностію страсти супружнія; былъ другъ совершенный, заслуги награждалъ, и отличалъ въ милости и обхожденіи своемъ мужей достойныхъ, добродѣтельныхъ и правдолюбцевъ. Таковъ онъ былъ въ Христіанствѣ; при томъ въ правленіи правосуденъ, законодателенъ, попечителенъ въ расширеніи ре-

месл, художеств, наук и торговли, проницателен и тверд в союзах с Державами внѣшними; словом, был бы и Политик совершенный, естьлиб не погрѣшил в излишнем десятиною обогащенiи тунеядцов, и чадолюбiем не ввергнулся в непростительный порок раздѣленiя государства; однакож, не взирая на сiи погрѣшности и нѣкоторыя сердечныя слабости, по дѣлам геройства прiобрѣл он от защищеннаго, прославленнаго и умноженнаго своего народа прозванiе *Великаго*, а от основанной, украшенной и снабдѣнной церкви имя *Святаго*. Самое строгое любомудрiе не может отнять у него безсмертныя славы и лавроваго во храмѣ вѣчности вѣнца.

§ 60.

С блаженною сего Великаго Государя кончиною окончаем мы первую Часть повѣствованiя нашего, да не займемся отвратительным начертанiем братоубiйственныя картины, кровавыми междоусобных браней красками изгаженной, и хотя на малое время да забудем, что блаженный Владимiр был сам отчасти причиною всего послѣдовавшаго по нем дѣтям и отечеству его злоключенiя, которое подает обширное к началу вторыя Части содержанiе. Заключенiе Части первой Книги III.

Конец.

Bayerische Staatsbibliothek MÜNCHEN

A
Pяг

P
D

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Elagin, Ivan P.,

Opyt pověstvovanija o Rossii

Moskva 1803

Russ. 282 g
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10784123-4